

3 РАФАЭЛЬ САБАТИНИ

РАФАЭЛЬ САБАТИНИ
ЛЮБОВЬ
И ОРУЖИЕ
Ⓢ
ВЕНЕЦИАНСКАЯ
МАСКА

3 РАФАЭЛЬ САБАТИНИ

РАФАЭЛЬ САБАТИНИ

РАФАЭЛЬ САБАТИНИ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

RAFAEL SABATINI

LOVE
AT ARMS

THE VENETIAN
MASQUE

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДЕСЯТИ ТОМАХ

ТОМ ТРЕТИЙ

РАФАЭЛЬ СЛАТИНИ

ЛЮБОВЬ
И ОРУЖИЕ

Роман

ВЕНЕЦИАНСКАЯ
МАСКА

Роман

Санкт-Петербург — Москва
Акционерное общество «Прибой»
Журнал «Вокруг света»
1993

ББК
84.4 ВЛ
С12

Рафаэль САБАТИНИ

ЛЮБОВЬ И ОРУЖИЕ
ВЕНЕЦИАНСКАЯ МАСКА

Перевод с английского

Редакционный совет:
Полещук А. А.
(председатель)
Костюкова Л. В.
Лебедев В. А.
Москвин А. Г.
Неволин В. И.
Непомнящий Н. Н.

4703010100-18
В38 (03)-92

Без объявл.

© Журнал «Вокруг света»,
АО «Прибой» — состав,
1992 г.

© Наталья Маникало —
художественное
оформление серии

ISBN-87260-003-8

ЛЮБОВЬ И ОРУЖИЕ

Роман

Глава 1

ГЛАС НАРОДА

Нз долины на крыльях ветерка поднимался вечерний колокольный звон, и шесть мужчин, обнажив головы, стояли в пастушьей хижине у вершины, вознося молитву пресвятой Богородице. С закопченного потолка свисала бронзовая масляная лампа с тремя рожками, дававшая больше дыма, чем света. Однако и в полумраке роскошные одежды мужчин никоим образом не гармонировали с убожеством хижины.

Колокола смолкли; дочитав до конца «Аве Мария»¹, мужчины истово перекрестились, надели кто шапочку, кто шляпу, вопросительно переглянулись. Но прежде, чем кто-либо подал голос, в сбитую из неструганых досок дверь постучали.

— Наконец-то! — воскликнул Фабрицио да Лоди с явным облегчением в голосе, а мужчина помоложе по его знаку подошел к двери и распахнул ее.

Вошедший был высок ростом, в широкополой шляпе, плаще, который он тут же распахнул, открыв самый скромный наряд: куртку из грубой кожи, перетянутую металлическим поясом с длинным мечом слева и рукоятью тяжелого кинжала справа. Красные чулки, уходящие в высокие сапоги, довершали облик наемника, отошедшего от дел. Тем не менее шестеро высокородных дворян, собрав-

шихся в столь необычном месте, глубоко поклонились гостю, готовые внимать каждому его слову.

Тот скинул плащ, который подхватил мужчина, открывший дверь, снял шляпу, обнажив копну черных волос, забранных золотой сеточкой — единственным атрибутом, указывающим на то, что незнакомец отнюдь не простолюдин, как могло показаться на первый взгляд.

Он подошел к грязному, в пятнах жира, столу, вокруг которого стояли мужчины, оглядел их.

— Господа, я немного задержался. Моя лошадь захромала в полумиле от Сан-Анджело, так что мне пришлось добираться сюда пешком.

— Вы, должно быть, устали, ваше сиятельство, — воскликнул Фабрицио. — Выпейте вина. Фанфулла! — обратился он все к тому же молодому человеку, что открывал дверь, но высокий гость остановил его повелительным жестом:

— С вином можно подождать. Время слишком дорого. Дело в том, господа, что мы скорее всего не увиделись бы, не останься я без лошади.

— Как так? — воскликнул один из шести. — Нас предали?

— Ваши опасения насчет предательства не напрасны. Когда я пересек мост через Метауро и свернул на тропу, ведущую в горы, взгляд мой поймал розовый блеск в придорожных кустах. Луч заходящего солнца упал на стальной шлем спрятавшегося там человека. Тропа подвела меня совсем близко, широкополая шляпа не позволяла разглядеть моего лица, но сам я смотрел во все глаза. И сквозь скрывавшую его листву различил злобную физиономию Мазуччо Торре. — Мужчины переглянулись, кое-кто из них побледнел. — Кого он там поджидал? Первым делом я задал этот вопрос самому себе, и по всему выходило, что меня. Если я не ошибся, он знал и о том, что еду я издалека, поэтому не ждал меня пешим, да еще в столь неприятном виде. Лишь потому он и не остановил меня.

— Святая Мария! — вскричал Фабрицио. — Заверяю вас, ваши выводы ложны. Кроме нас шестерых, нет в Италии человека, который знает о нашей встрече, и, положив руку на Библию, я готов поклясться, что ни один из нас никому не сказал ни слова.

Он оглядел стоящих рядом, как бы приглашая их подтвердить его слова, и те хором присоединились к заверениям Фабрицио. И лишь взмах руки гостя заставил их смолкнуть.

— Я тоже, следуя вашим указаниям, мессер * Фабрицио, ни с кем не делился этими сведениями. Но... почему Мазуччо, словно грабитель, прятался в придорожных кустах? Господа,— продолжил гость уже другим тоном.— Я не знаю, что заставило вас позвать меня, но, если среди вас есть предатель, должен предупредить — берегитесь! Герцог знает, по меньшей мере подозревает о нашей встрече. Если Мазуччо выслеживал не меня, то он видел вас всех и теперь может доложить своему господину, кто собирался в этой хижине.

Фабрицио пожал плечами, выражая пренебрежение, которое тут же высказал вслух стоявший рядом с ним Феррабраччо.

— Пусть докладывает.— Он мрачно улыбнулся.— Герцог узнает об этом слишком поздно.

Гость вскинул голову, в черных глазах мелькнуло удивление. Он глубоко вздохнул.

— Похоже, господа, я не ошибся! Вы действительно задумали предательство.

— Ваше сиятельство, граф Аквильский,— с достоинством ответил ему Фабрицио,— мы — предатели по отношению к человеку, но верные и преданные подданные государства.

— Какого государства? — полюбопытствовал граф.

— Герцогства Баббьяно ²,— последовал ответ.

— Как можно предавать герцога, но оставаться верным герцогству? — В голосе графа Аквильского звучало презрение.— Господа, такая загадка мне не по зубам.

В наступившей неловкой паузе шестеро мужчин обменялись недоуменными взглядами. Они рассчитывали на иную реакцию графа и теперь спрашивали друг друга: а стоит ли следовать намеченному плану? И вновь первым с тяжелым вздохом заговорил Фабрицио да Лоди:

— Господин граф, я — старик. Имя, которое я ношу, семья, из которой я вышел, ничем не запятнали себя на протяжении многих поколений. И не следует вам думать, что на склоне лет я брошу тень на наш славный род. Клеймо предателя несмываемо, но я убежден, что ни один из нас ни в коей мере не заслужил его. Окажите мне честь, ваше сиятельство, и выслушайте меня, а уж потом судите. Но не просто суждения ждем мы от вас, господин граф. Мы просим вас указать нам путь спасения страны

* Господин (итал., при обращении).

от грозящей ей гибели и обещаем, что не ступим ни шага без вашего одобрения.

По ходу речи старого дворянина взгляд Франческо дель Фалько, графа Аквильского, менялся, презрение уступило место любопытству, живому интересу. Но ограничился граф лишь одной фразой:

— Прошу вас, продолжайте!

Фабрицио открыл было рот, но вмешался Феррабраччо, потребовавший, чтобы граф дал слово дворянина не разглашать того, что ему сейчас скажут, если он отклонит их предложение. Франческо не заставил просить себя дважды, после чего все расселись по колченогим табуретам и Фабрицио объяснил, что привело их на «тайную вечерю».

Прежде всего он коснулся характера Джан Марии Сфорца, герцога Баббьяно, посаженного на трон своим могущественным дядей, Лодовико Сфорца, правителем Милана. Джан Мария оказался мотом, выше всего ставящим собственные удовольствия, запустил государственные дела, в общем, проявил полную неспособность выполнять возложенные на него обязанности. Рассказывая все это, Фабрицио старался найти выражения помягче, поскольку Франческо дель Фалько доводился Джан Марии кузеном.

— И вашему сиятельству, должно быть, известно о недовольстве, зреющем среди подданных герцога. Взять хотя бы заговор Баколино год назад, который, обернись он успехом, отдал бы нас в руки Флоренции. Тот заговор провалился, но ему на смену может прийти другой. Число молчаливых противников герцога растет, и их объединение может привести к тому, что Баббьяно перестанет существовать как независимое государство. Эта угроза более чем реальна. Нас могут погубить не только предатели, но и набирающие мощь соседи. Я говорю о Чезаре Борджа³. Его владения, как чума, расползаются по Италии, которую он намеревается проглотить как артишок, лист за листом. Его жадный взор уже оборотился на нас, а что мы можем противопоставить армии герцога Валентино? Его светлость Джан Мария в курсе всего этого, мы не раз предупреждали его, но ответом было полное безразличие. Время свое он проводит в оргиях, танцах, на охоте, а стоит нам заикнуться о государственных делах, разражается потоком проклятий.

Да Лоди смолк, поняв, что дал волю эмоциям. Но его компаньоны истолковали паузу иначе, заполнив ее одобрительными кивками и перешептыванием.

— Я полностью осознаю отмеченную вами опасность,—

заметил Франческо.— Но... чего вы ждете от меня? Почему со своей печалью вы пришли ко мне? Я не политик.

— Политик нам и не нужен. Баббьяно необходим воин, который возьмет на себя отражение скорого нападения. Господин граф, нам нужны вы. Есть ли хоть кто-то в Италии, кто не знал бы о подвигах графа Аквильского? Ваши победы в войнах на стороне Пизы и Флоренции⁴, ваши успехи на службе Венеции... Они достойны того, чтобы прославить вас в веках.

— Мессер Фабрицио! — хотел возразить было Франческо, пытаясь сдержать слишком уж разгорячившегося оратора, щеки которого разгорелись румянцем, но да Лоди ничего не хотел слушать.

— И неужели вы, господин граф, проявивший себя блестящим военачальником на службе у чужаков, откажетесь принести свои знания и опыт на алтарь борьбы с врагами вашей родной земли? Я не могу в это поверить, ваше сиятельство. Мы знаем, что Франческо дель Фалько — истинный патриот, и рассчитываем на вас.

— И вы правы,— без малейшего промедления ответил Франческо.— Когда настанет час борьбы, я встану рядом с вами. Но не раньше. А что касается необходимых приготовлений... почему бы вам не обратиться непосредственно к герцогу?

Грустная улыбка появилась на губах да Лоди. Феррабраччо пренебрежительно рассмеялся и со свойственной ему грубостью разразился гневной тирадой:

— Нам говорить с ним о мужестве, долге, чести? Да лучше я пойду в послушники к Родриго Борджа⁵. С той же пользой я могу окропить благовониями ослиный помет. Все, что мы могли сказать Джан Марии, уже сказано, и, не найдя в нем живого отклика, как не находим его и в вас, мы предложили ему еще один путь спасти Баббьяно и отразить натиск Чезаре.

— Какой же? — заинтересовался граф Аквильский, переведя взгляд на Фабрицио.

— Союз с Урбино⁶, — ответил да Лоди.— У Гвидобальдо две племянницы. Мы связались с ним и выяснили, что он с радостью отдаст одну из них за Джан Марию. А породнившись с домом Монтефельтро, мы обрели бы поддержку не только Гвидобальдо, но и правителей Болоньи, Перуджи, Камерино и некоторых других городов поменьше, уже связанных семейными узами с Урбино. То есть мы вступили бы в столь мощную коалицию, что Чезаре Борджа никогда не решился бы переступить наши границы.

— Ходили такие разговоры, — кивнул Франческо. — Действительно, решение предлагалось мудрое. Жаль только, что переговоры не дали результата.

— А почему не дали? Святой Боже, почему? — взревел неистовый Феррабраччо, и кулак его с силой обрушился на стол. — Да потому, что Джан Мария не захотел жениться. Девушка, которую мы предлагали ему, хороша, как ангел, но он не пожелал даже взглянуть на нее. В Баббьяно жила женщина, которая...

— Мой господин, — поспешно вмешался Фабрицио, резонно опасаясь, что Феррабраччо наговорит лишнее, — именно так все и было. Его светлость отказался. Женитьба не входила в его планы. Поэтому нам и не осталось ничего иного, как пригласить вас на эту встречу. Его светлость не ударит пальцем о палец, чтобы спасти герцогство, и мы обращаем наши взоры к вам. Народ на нашей стороне. На всех улицах Баббьяно открыто говорят о том, что не герцог, а только вы можете защитить их дома, а потому и должны править. Во имя народа, — старик поднялся, — и от его лица, ибо мы лишь его представители, предлагаем вам корону Баббьяно. Если вы согласны, мой господин, завтра мы привезем вас в город и провозгласим герцогом. Сопротивления можно не опасаться. Лишь один человек в Баббьяно, тот самый Мазуччо, которого вы видели у дороги, сохраняет верность Джан Марии. И лишь потому, что ему и его полусотне швейцарских наемников хорошо платят. Вперед, мой господин! Пусть здравый смысл подскажет вам, что не должно испытывать угрызений совести, свергая принца, трон которого защищен лишь горсткой иностранцев.

Страстная речь сменилась напряженной тишиной. Лоди так и остался стоять, остальные сидели, оборотясь к графу, затаив дыхание, с нетерпением ожидая ответа.

А Франческо дель Фалько глубоко задумался, наклонив голову так, что подбородок коснулся груди. Лицо его потемнело, брови сошлись у переносицы, ибо в душе его шла нешуточная битва. Власть, столь внезапно предложенная ему, готовая скатиться в его руки, как перезрелый плод, на мгновение ослепила графа. Он увидел себя правителем Баббьяно. Пред ним открылась череда славных деяний, которые прославят и его, и город на всю Италию. Его патриотизм и военный талант превратят захолустное герцогство в могучую державу, говорящую на равных с Флоренцией, Венецией, Миланом. Границы герцогства заметно расширятся. Нынешние соседи станут вассалами.

Пред его мысленным взором простерлась Романья, которую шаг за шагом он отвоевывал бы у презренного Борджа. И вот уже поверженный враг бежит в болота Комакьо или находит приют у своего отца в Ватикане, последнем клочке земли, оставшемся под его властью. А в Баббьяно съезжаются послы великих республик искать союза против французов или испанцев.

Видения эти вихрем пронеслись в его голове, и искушение железной хваткой сжало душу. Но тут же перед ним возникла иная картина. А что будет он делать в мирные времена? Он не приучен к дворцам, он рожден для армейских лагерей, и ему ли менять утреннюю росу на траве на спертый воздух покоев? Что должен отдать он в обмен на власть? Драгоценную свободу. Став в одном господином, в другом он превратится в раба. Номинально он будет править, но в действительности понукать будут им, а ежели он подведет своих хозяев, то в одну темную ночь они вновь соберутся в такой же хижине и найдут ему замену точно так же, как ему предлагают сменить Джан Марию. Наконец, он вспомнил, на чей трон его просят взойти. Джан Мария — его кузен, сын сестры отца, и в его жилах бежит та же кровь, что и у него.

Франческо поднял голову и встретил озабоченные взгляды. Губы его чуть искривила улыбка.

— Я благодарю вас, господа! Вы оказали мне великую честь, но, к сожалению, я ее недостойн.

И добавил, отвечая на хор возражений:

— Во всяком случае, не могу ее принять.

— Но почему, мой господин? — в наступившей тишине возвысил голос Фабрицио, простирая к графу руки. — *Santissima Vergine!** Почему?

— Я назову вам только одну причину из многих: человек, которого по вашей просьбе я должен свергнуть с престола, одной крови со мной.

— А я-то думал,— серьезным тоном заметил весельчак Фанфулла,— что в таком человеке, как вы, ваша светлость, патриотизм и любовь к Баббьяно должны перевесить кровные узы.

— Думали вы правильно, Фанфулла. Разве я не сказал, что эта причина — одна из многих? Ответьте мне, господа, с чего вы решили, что из меня выйдет мудрый правитель? Да, в нынешние суровые времена Баббьяно нужен полководец. Но военная гроза не может длиться вечно. Си-

* Пресвятая Дева! (*итал.*)

туация изменится, государство наше войдет в удачную полосу, и тогда военный в роли правителя окажется столь же неуместен, как сейчас Джан Мария. Что тогда? Солдат — отвратительный придворный и никудышный политик — окажется неуместен на троне. И последнее, друзья мои, раз уж разговор у нас пошел начистоту. Пусть немного, но я люблю и себя, ценю свою свободу и не хочу менять ее на дворцовые покои. Призвание мое — скитаться по миру, вдыхать полной грудью ветер свободы. Пусть герцогская корона и пурпурный плащ...— Франческо смолк на полуслове, рассмеялся.— Наверное, я привел достаточно причин. Еще раз благодарю вас, друзья, и прошу принимать меня таким, как я есть. Ибо не стать мне тем, кем вы хотите меня видеть.

Граф откинулся на спинку стула. Да Лоди принялся было вновь убеждать его одуматься, приводя все новые доводы. Но Франческо быстро оборвал его:

— Решение принято, мессер Фабрицио, и ничто не изменит его. Вам, господа, я готов пообещать одно: я поеду с вами в Баббьяно и попытаюсь убедить кузена внять голосу разума. Более того, я попрошу его назначить меня главнокомандующим армии Баббьяно и, если он согласится, реорганизирую наши войска и заключу союз с нашими соседями, хоть в какой-то степени гарантируя тем самым безопасность герцогства.

Они, однако, не оставили попыток переубедить графа, но Франческо твердо стоял на своем. В конце концов, смирившись, да Лоди поблагодарил его за обещание употребить свое влияние на Джан Марию.

— Мы рады, что наша встреча не закончилась полным провалом, и со своей стороны сделаем все возможное (а наше слово еще что-то значит в Баббьяно), чтобы вы стали нашим главнокомандующим. Конечно, мы предпочли бы вас на троне герцога, и если в дальнейшем вы пересмотрите...

— Оставьте эти мысли,— отрезал граф.

Но прежде чем он продолжил, юный Фанфулла дельи Арчипрети вскочил на ноги, на его миловидном лице отразилась тревога. На секунду он застыл, затем кошачьим шагом направился к двери, распахнул ее, прислушался, сопровождаемый встревоженными взглядами оставшихся за столом. Однако ему не пришлось объяснять своего странного поведения. Ибо в сгустившейся тишине все услышали далекий топот поднимающихся к хижине людей.

НА ГОРНОЙ ТРОПЕ

— Солдаты! — крикнул Фанфулла. — Нас предали Мужчины переглянулись, на лицах их проступила решимость дорого отдать собственную жизнь. Граф Аквильский поднялся, остальные последовали его примеру.

— Мазуччо Торре, — выдохнул граф.

— Он самый, — эхом отозвался да Лоди. — Следовало нам внять вашему предостережению! А с ним пятьдесят наемников.

— Судя по топоту, никак не меньше, клянусь дьяволом, — согласился с ним Феррабраччо. — А нас шестеро, и все без доспехов.

— Семеро, — лаконично поправил граф, надевая шляпу.

— Нет, нет, мой господин, — рука да Лоди легла на его плечо. — Вам нельзя оставаться с нами. Вы — наша последняя надежда, единственная надежда Баббьяно. Если нас действительно предали, хотя я не представляю себе, как такое могло случиться, и они узнали, что шестеро заговорщиков этой ночью встречаются здесь, чтобы строить козни Джан Марии, то о вашем приезде, клянусь вам, не известно никому. У его светлости могут зародиться подозрения, но конкретных улик у него нет. И если вы сейчас исчезнете, у всех жителей Баббьяно, исключая, разумеется, нас шестерых, еще останется шанс на спасение. Уходите, мой господин. Помните данное вами обещание испросить у вашего кузена должность главнокомандующего, и да убережет вас Господь Бог и все его святые.

Старик склонился над рукой графа и поцеловал ее. Но Франческо дель Фалько не внял его словам.

— Где ваши лошади? — спросил он.

— Привязаны за хижиной. Но кто решится скакать ночью по такой крутизне?

— Я, к примеру, да и вы тоже. Сломанная шея — самое худшее, что может ожидать нас. Но я предпочту сломать свою шею на скалах Сан-Анджело, чем позволить сделать то же самое палачу Баббьяно.

— Верно сказано, клянусь Богородицей! — поддержал графа Феррабраччо. — По коням, господа!

— Но тропа только одна, и по ней поднимаются наемники, — охладил его пыл Фанфулла. — Более нигде не пройти.

— А почему бы нам не атаковать их? — отвечал Феррабраччо. — Они пешие, и мы снесем их с тропы, как горный поток. Поспешим, господа! Они уже близко.

— Лошадей шесть, а нас семеро, — возразил кто-то еще.

— У меня лошади нет, — подтвердил Франческо. — Я последую за вами.

— Что? — взревел Феррабраччо, похоже, взявший командование на себя. — Пусть наш тыл прикрывает святой Михаил! Нет, нет. Вы, да Лоди, слишком стары для таких дел. Лучше вам остаться здесь, а свою лошадь отдать господину графу.

— Слишком стар? — вспыхнул да Лоди, выпрямился в полный рост, глаза его гневно сверкнули. — Будь мы в другом месте, Феррабраччо, я бы доказал вам, что силы мне еще хватает. Но... — Он смолк, посмотрел на графа, ждущего у двери, тон его переменялся. — Вы правы, Феррабраччо, я действительно старею, можно сказать, выжил из ума. Берите мою лошадь и вперед!

— А как же вы? — спросил граф Аквильский.

— Я останусь. Если прорыв вам удастся, обо мне можете не беспокоиться. Наемникам и в голову не придет, что кто-то остался в хижине. Они бросятся следом за вами. Поторопитесь, а не то будет поздно.

Они виновались с поспешностью, которую посторонний мог бы воспринять как панику. Фанфулла отвязал поводья, и мгновения спустя они уже сидели на лошадях. Ночь, к сожалению, выдалась недостаточно темной. На безоблачном небе густо сияли звезды, добавляя света и тонкий серп полумесяца. Но горная тропа на большем своем протяжении оставалась в густой тени, увеличивая шансы на успех отчаянного предприятия.

Феррабраччо возглавил отряд, заявив, что лучше других знает местность. Граф Аквильский пристроился рядом, остальные, по двое, им в затылок. Проехав чуть вперед, они остановились под большой скалой. Топот становился все громче, слышался уже лязг оружия. Впереди лежал прямой участок длиной ярдов в сто, затем тропа резко поворачивала. Вот там-то, у самого поворота, в отраженном лунном свете блеснула сталь. Феррабраччо подал было сигнал к атаке, но граф Аквильский остановил его:

— Если мы поскачем сейчас, то столкнемся с ними у самого поворота, где нам придется сбавить ход, чтобы не слететь в пропасть. Кроме того, в критический момент нас могут подвести лошади. И нападение наше будет не

столь неожиданным, так как они заметят нас загодя. Давайте лучше подождем, пока они все не выйдут на прямой участок. Мы сейчас в тени, увидеть нас они не смогут.

— Вы правы, господин граф. Мы подождем,— с готовностью согласился Феррабраччо, сжимая рукоять меча. И недовольно пробурчал: — Попастся в такую ловушку! Как мы могли собраться в хижине, к которой ведет лишь одна тропа!

— Стоило попробовать спуститься по склону,— заметил Франческо.

— Спуститься там можно одним способом — обратившись в ласточек или горных козлов. Но мы люди, и приходится искать другие пути.

— Внимание, друзья мои! — прошептал граф Аквильский. — Они уже близко!

И действительно, из-за поворота вытянулась колонна закованных в сталь швейцарцев с пиками на плечах. Тут же колонна остановилась, в немалой степени обеспокоив маленький отряд: они подумали, что их обнаружили. Но тут же поняли причину задержки: Мазуччо хотел убедиться, что все его люди в сборе. Он ожидал яростного сопротивления и резонно полагал, что нападать следует превосходящими силами.

— Пора,— коротко выдохнул граф и надвинул шляпу на лоб, не желая быть узнанным. Поднялся на стременах, обнажил меч. И скомандовал во весь голос, так, что это разнеслось по окрестностям: — Вперед! Святой Михаил и Дева Мария!

Крик этот и сопровождающий его грохот копыт ошеломили наемников. Тщетно Мазуччо требовал, чтобы они сомкнули ряды, выставив вперед пики, убеждая, что противников у них всего шестеро. Звуки в горах обманчивы, и швейцарцам показалось, что на них несется многочисленный отряд. Не слушая Мазуччо, первые ряды повернулись и бросились назад, тут на них налетели всадники, закрыв пехотинцев, как горный поток.

Дюжину швейцарцев раздавили копытами, еще дюжину смели с обрыва, и теперь всадники находились на полпути в долину. Но оставшиеся попытались обороняться, так как теперь убедились наяву, что нападавших действительно всего лишь шестеро. В ход пошли алебарды, и на узкой тропе разгорелась жаркая сеча. Звенела сталь, хрипели лошади, кричали раненные и покалеченные.

Граф Аквильский оказался в авангарде, расчищая себе путь не только мечом, но и лошадью. Вздвигнув ее, он

заставлял лошадь поворачиваться из стороны в сторону и опускаться, когда надо было поразить очередного латника. Напрасно пытались швейцарцы остановить его пиками. Меч графа разил молниеносно и без промаха.

Неистовством своим очищал он путь, удача в этот час сопутствовала ему, оружие врагов обходило стороной. Наконец он пробился сквозь основную массу швейцарцев, и между ним и поворотом остались лишь трое наемников. Граф вновь вздыбил коня, взмахнул мечом, двоих из трех сдуло, как ветром, но оставшийся, оказавшийся посмелее, опустился на колено, упер пику в землю, направив острие в живот лошади. Франческо предпринял отчаянную попытку спасти коня, послужившего ему на совесть, но опоздал. С жалобным ржанием лошадь опустилась на пику и, заваливаясь на бок, придавила своего убийцу, а седока сбросила на землю. Мгновение спустя Франческо уже вскочил, полуоглушенный от падения, ослабевший от потери крови: в пылу боя он и не заметил раны в левом плече. Двое наемников надвигались на него, те самые, что разбежались в стороны перед тем, как его лошадь в последний раз встала на дыбы. Но он не успел скрестить с ними меч, потому что налетевший Франфулла дельи Арчипрети, пробившийся следом, смел их с тропы. Он натянул поводья и протянул руку графу.

— Садитесь позади меня, ваше сиятельство!

— Нет времени, — ответил Франческо, видя приближающихся к ним с полдюжины оставшихся на ногах швейцарцев. — Я побегу, держась за ваше стремя. Ходу!

Франфулла повиновался, ударив лошадь плоской стороной меча, и та рванула с места. Так они и спускались — Франфулла в седле, граф — где бегом, где повиснув, ухватившись за стремя. Полмили спустя, когда спуск стал более пологим, они остановились. Граф взобрался на лошадь позади Франфуллы, теперь уже неспешно они двинулись дальше. Франческо уже понял, что спаслись только они двое. Храбрый Феррабраччо, герой многих битв, из этой не смог выйти живым. На краю пропасти лошадь подвела его, не подчинившись велению седока, оступилась и вместе с Феррабраччо свалилась вниз. Франфулла видел, что Америкини убили, а двух оставшихся спешили, так что они, без сомнения, попали в плен.

В трех милях от Сан-Анджело уставшая лошадь Франфуллы перешла вброд Метауро, во втором часу ночи они ступили на территорию Урбино, где уже могли не опасаться преследования.

ВЛАСЯНИЦА И ШУТОВСКОЙ КОЛПАК

Шут и монах поспорили, и предметом разногласий, к стыду монаха и славе шута, была женщина. И монах, толстый и бесформенный, проиграв шуту в словесном споре, стащил с ноги сандалию, чтобы огреть ею шута. А тот, худой, костлявый, да еще и трусишка, постыдно бежал с поля боя, петляя между деревьев.

На бегу он оглядывался назад, дабы убедиться, что святой отец не настигает его. Поэтому и не увидел лежащего на земле человека и пробежал бы мимо, если бы не споткнулся о него и не грохнулся оземь, зазвенев пришитыми к капюшону колокольцами.

Шут со стоном сел, а ему уже вторило ругательство того, в чей бок уткнулись его бегущие ноги. Мужчины изумленно уставились друг на друга. Одного переполняла злость, второго — испуг.

— С добрым пробуждением вас, благородный господин! — первым подал голос шут, полагая, что в данной ситуации вежливость — лучший союзник.

Злость благородного господина тем временем угасла, и он уже с интересом разглядывал сидящую перед ним довольно-таки странную личность.

Это был человек маленького роста, горбатый, в камзоле, рейтузах, наполовину черных, наполовину алых, с уродливой физиономией, обтянутой капюшоном, с которого на плечи ниспадала цветастая пелерина, также унизанная серебряными колокольчиками, сверкающими в лучах солнца и дребезжащими при малейшем движении. Из-под выступающих надбровий смотрели, как у совы, два блестящих круглых глаза, а широкий рот постоянно кривился в усмешке.

— Будьте прокляты и ты сам, и те, кто тебя послал, — услышал шут в ответ, но в голосе говорившего уже не слышалось злобы, и он рассмеялся, увидев, как лицо уродца исказилось в неподдельном страхе.

— Смирненно приношу свои извинения, ваше сиятельство, — залебезил шут, еще опасаясь получить пару оплеух. — За мной гнались!

— Гнались? — сразу забеспокоился его собеседник. — И кто же?

— Сам дьявол в образе и подобии доминиканского монаха.

— Да ты смеешься надо мной? — вскипел незнакомец.

— Смеюсь? Если б вы получили сандалией меж лопаток, как я, то у вас сразу бы отпала всякая охота смеяться.

— Тогда ответь на простой вопрос, надеюсь, для этого у тебя достанет ума. Монах где-то поблизости?

— Да, шныряет меж кустов! Он слишком толст, чтобы бегать, а иначе мчался бы за мной следом, как за исчадием ада.

— Так приведи его сюда, — последовал короткий приказ.

— О Боже! — в ужасе вскричал шут. — Я не посмею приблизиться к нему, пока он не остынет. Если, конечно, вы не излечите меня от горба и не подкупите наследством святого Петра.

Незнакомец отвернулся от него и возвысил голос:

— Фанфулла! Эй, Фанфулла!

— Я здесь, мой господин, — донеслось из-за кустов, и тут же спавший там юноша поднялся на ноги, удивленно уставившись на шута, ответившего таким же взглядом. Конечно, наряд Фанфуллы в немалой степени пострадал как в бою, так и от проведенной в лесу ночи, но шут отметил и отменный бархат камзола, и украшенную драгоценной цепочкой шапочку. Не ускользнуло от его внимания и почтение, с которым этот разодетый дворянин обращался к разбуженному им мужчине. Тот все еще сидел на земле, бережно поддерживая левую руку. Шут заметил, что волосы его забраны золотой сеточкой. Простой люд таких не носил. Маленькие глазки всмотрелись в лицо сидящего и широко раскрылись, ибо шут таки его узнал.

— Господин мой, граф Аквильский! — пробормотал он.

Но не успел вымолвить последнее слово, как сильная рука ухватила его за плечо, а над головой сверкнул кинжал Фанфуллы.

— Клянись на кресте, что никому не скажешь о пребывании здесь его сиятельства, а не то этот кинжал пронзит твое сердце!

— Клянусь! Клянусь! — торопливо выкрикнул бедолага.

— А теперь приведи монаха, добрый шут, — вновь попросил граф и улыбнулся. — Нас тебе бояться нечего.

А когда шут оставил их, повернулся к дельи Арчипрети:

— Фанфулла, ты слишком осторожничаешь. Что произойдет, если меня и признают?

— Я бы не хотел, чтобы это произошло в столь опасной близости от Сан-Анджело. Мы шестеро, собравшиеся прошлой ночью, обречены, во всяком случае, те, кто еще жив. Для меня и да Лоди, если он не попал в лапы Мазуччо, спасение лишь в бегстве. Я не смогу ступить ногой на территорию Баббьяно, пока у власти Джан Мария, если только мне не надоела жизнь. Что же касается вас... седьмого... Вы слышали, да Лоди клялся, что все останется в тайне. Однако если его высочество узнает о вашем присутствии в здешних краях и в моей компании, у него могут зародиться подозрения, которые выведут его на дорогу к истине.

— Ага! И что тогда?

— Тогда? — В глазах Фанфуллы отразилось изумление. Ему-то казалось, что ответ предельно ясен. — Тогда обратятся в прах наши надежды... надежды всех достойных людей Баббьяно. Но вот идет наш приятель-шут и ведет за собой почтенного монаха.

Фра Доминико, которого нарекли в честь святого покровителя его ордена, с важным видом подошел к Фанфулле и поклонился, выставив на обозрение желтую тонзуру.

— Вы умеете врачевать? — осведомился Фанфулла.

— Имею некоторый опыт, ваше сиятельство!

— Тогда осмотрите раны этого господина.

— О, Бог мой! Вы, значит, ранены?

Он повернулся к графу, который, предупреждая новые вопросы, обнажил левое плечо.

— Рана одна, святой отец.

Толстый монах начал было опускаться на колени, чтобы получше осмотреть рану, но Франческо, поняв, каких усилий потребует это телодвижение, поднялся сам.

— Она не так уж тяжела, чтобы я не мог стоять.

После осмотра монах заявил, что опасности для жизни нет, но рана будет довольно долго досаждать болью доброму господину. На просьбу перевязать его фра Доминико развел руками, не имея под рукой ни целебной мази, ни белой материи. Но Фанфулла заявил, что все необходимое они могут получить в монастыре в Аскаспарте, и предложил сопроводить его туда и обратно.

На том и порешили. Монах и Фанфулла отправились в путь, оставив графа в компании шута, усевшегося на землю по-турецки.

* Фра (итал.) — усеченное от «фрате» (брат); употребляется перед именами монахов, начинающих с согласных.

— Кто твой господин, шут? — поинтересовался граф.

— Есть, конечно, человек, который кормит и одевает меня, но истинный мой господин — дурость.

— А зачем же этот человек дает тебе еду и одежду?

— Потому что я притворяюсь большим дураком, чем он сам, и по сравнению со мной он кажется себе мудрым, что льстит его самолюбию. Опять же я куда уродливее, чем он, а посему он мнит себя за эталон красоты.

— Глупо, не правда ли? — улыбнулся граф.

— Да уж не глупее того, что граф Аквильский лежит на земле, раненный в плечо, и беседует с дураком.

Улыбка Франческо стала шире.

— Благодарю Бога, что Фанфулла ушел, а не то слова эти стали бы для тебя последними. Ибо при приятной наружности душой Фанфулла — кровожадное чудовище. Со мной же все иначе. По натуре я человек очень мягкий, как ты, должно быть, слышал, добрый шут. Но постарайся поскорей забыть мое имя и нынешнее состояние, если не хочешь прямиком отправиться в ад, ибо в раю шуты не требуются.

— Мой господин, простите меня! Я буду повиноваться вам во всем.

Но тут из-за кустов до них донесся женский голос, звонкий и мелодичный.

— Пеппино! Пеппино!

Шут вскочил.

— Меня зовет госпожа!

— Значит, госпожа у тебя все-таки есть, хотя господин твой — дурость, — рассмеялся граф. — Хотел бы я лицезреть ту даму, которой ты имеешь честь принадлежать, мессер Пеппино.

— Для того чтобы лицезреть ее, вам достаточно повернуть голову, — прошептал Пеппино.

Неторопливо, с презрительной усмешкой граф Аквильский повернулся в направлении, указанном шутком. И в тот же миг выражение его лица изменилось. Усмешка сменилась изумлением, уступившим место благоговейному трепету.

На краю полянки, где он лежал, замерла женщина: стройная, изящная, в белом платье с зеленым бархатным лифом, с золотистыми волосами. Но особенно поразили графа ее чудесные глаза, в которых также отразилось удивление от неожиданной встречи.

Приподнявшись на локте, Франческо дель Фалько, словно зачарованный, всматривался и всматривался в эти

глаза, которые могли принадлежать лишь святой, спустившейся из рая.

Но чары разрушил голос Пеппино, обратившегося к своей госпоже, склонившись в глубоком поклоне. Тут же вскочил и Франческо и, забыв о ране, тоже поклонился. А в следующее мгновение, охнув от боли, рухнул в высокую траву.

Глава 4

МОННА ВАЛЕНТИНА

В последствии граф Аквильский оставался в убеждении, что именно ослепительная красота девушки сразила его, отчего он и рухнул у ее ног. Нам же представляется более убедительным мнение Фанфуллы и монаха, хотя граф и полагал его оскорбительным: от резкого движения рана на плече открылась, и боль в сочетании со слабостью, вызванной большой потерей крови, послужили причиной обморока.

— Кто это, Пеппе? — спросила она шута, а тот, памятуя о данной им клятве, ответил, что понятия не имеет, добавив, хотя она видела это и сама, что несчастный ранен.

— Ранен? — повторила девушка, и глаза ее наполнились жалостью. — И одинок?

— Его сопровождал дворянин, мадонна⁷, но вместе с фра Доминико он ушел в монастырь Аскуаспарте за целебной мазью и бинтом, чтобы перевязать плечо.

— Бедняжка, — прошептала она, глядя на лежащего без чувств Франческо. — Кто же его ранил?

— Об этом, мадонна, я не ведаю.

— И мы ничем не можем помочь до возвращения его друзей? — Она склонилась над графом. — Не стой столбом, Пеппино. Принеси мне воды из ручья, бездельник.

Шут огляделся в поисках подходящего сосуда, взгляда его упал на широкополую шляпу графа, которую он и подхватил по пути. Когда он вернулся, девушка сидела на траве, а голова еще не пришедшего в сознание Франческо покоилась у нее на коленях. Она смочила платок принесенной Пеппе водой и протерла лоб Франческо.

— Смотри, он истекает кровью, Пеппе. Камзол весь промок, а кровь все идет и идет. Святая дева! — Она

увидела рану в плече и побледнела от ужаса.— Скорее всего он умрет от нее, а он так молод, Пеппино.

Франческо шевельнулся, легкий стон сорвался с его губ. Поднял отяжелевшие веки, и взгляды их встретились. А рука девушки продолжала обтирать влажным платком его лоб.

— Ангел красоты! — прошептал граф, еще не понимая, на земле ли он или уже на небесах. Затем, уже придя в себя и осознав, что она делает, торопливо добавил: — Ангел доброты!

Девушка не нашлась с ответом, хотя графу хватило и румянца, затеплившегося на ее щечках, ибо она только-только покинула стены монастыря и еще не привыкла к любезностям кавалеров.

— Вы страдаете? — наконец спросила она.

— Страдаю? — В голосе слышалось недоумение.— Страдаю? Когда моя голова на такой чудесной подушке, а ухаживает за мной небесный ангел? Нет, мадонна, боли я не испытываю. Наоборот, счастлив, как никогда.

— О, Господи! Как же проворен он на язык,— подал голос Пеппино.

— А ты еще здесь, мессер шут? — чуть повернул голову Франческо.— А где Фанфулла? Его нет? Да, да, вспоминаю: он пошел в Аскуаспарте с монахом.— Он приподнялся на локте.

— Вам нельзя двигаться,— забеспокоилась девушка, думая, что он хочет подняться.

Заглянув ей в глаза, Франческо спросил, как ее зовут. Ответила она с готовностью:

— Я Валентина делла Ровере, племянница Гвидобальдо из Урбино.

Брови Франческо взлетели вверх.

— Наяву ли происходит все это со мной или я попал в сказку, где принцессы ухаживают за странствующими рыцарями? По крайней мере, я ваш рыцарь, мадонна, и на веки веков ваш покорный слуга, если вы одарите меня такой честью.

От таких слов и открытого взгляда Валентина зарделась и отвела глаза. Но ни в коей мере не возмущилась. В речи Франческо она не нашла нескромности, говорил он лишь то, что, по ее разумению, и мог сказать поверженный рыцарь даме, облегчающей его страдания. Пеппино же, знающий, с кем имеет дело Валентина, не вмешивался.

— А как ваше имя, мессер? — после паузы спросила девушка.

В глазах графа мелькнула тревога, он сверкнул взглядом в сторону шута, который лишь улыбался.

— Меня зовут... Франческо, — он тут же сменил тему, чтобы остановить дальнейшие расспросы. — Но скажите мне, мадонна, как вышло, что вы, знатная дама, оказались в лесу, сопровождаемая лишь этим жалким подобием мужчины? — и он кивнул головой в сторону все еще улыбающегося Пеппе.

— Мои люди неподалеку. Мы остановились здесь на ночь. Я держу путь ко двору моего дяди из монастыря святой Софии, и охраняют меня мессер Ромео Гонзага и двадцать всадников. Как видите, защита у меня надежная и без Пеппе и фра Доминико, моего духовника.

— Так вы младшая племянница правителя Урбино? — вновь задал вопрос граф.

— Нет, нет, мессер Франческо. Старшая, — поправила она его.

Тут лицо графа потемнело.

— Так, значит, вас прочили в жены Джан Марии? — воскликнул он.

Шут тут же наострил уши, а глаза девушки изумленно раскрылись, ибо она понятия не имела, о чем идет речь.

— Что вы сказали? — переспросила она.

— Да так, ничего. — Он тяжело вздохнул, и тут же среди деревьев послышался мужской голос:

— Мадонна! Мадонна Валентина!

Франческо и девушка оборотились на крик и увидели выходящего на поляну роскошно одетого мужчину. Граф отметил серый, украшенный золотыми пластинками камзол, под ним расшитую золотом безрукавку, берет в тон камзолу, с пером, крепящимся пряжкой, сверкающей драгоценными камнями, золотую рукоять меча, ножны серого бархата, на которых также нашлось место драгоценностям. Женственное лицо, голубые глаза, золотистые волосы.

— Смотрите! — важно воскликнул Пеппино. — И да увидите вы последнюю итальянскую вариацию «Золотого осла» Апулея⁸.

Увидев племянницу Гвидобальдо сидящей на земле, с головой Франческо, покоящейся на ее коленях, вновь пришедший в отчаянии всплеснул руками.

— Святые небеса! — воскликнул он, поспешив к ней. — Что за занятие вы себе нашли? Кто это?

— Что за занятие? А вы не видите? — Монна Валентина чуть не задохнулась от негодования.

— Кто он? — настаивал расфуфыренный красавец. —

И что он тут делает, рядом с вами? Боже ты мой! Да что скажет теперь его сиятельство? Он же сотрет меня в порошок, узнав об этом. Кто этот человек, мадонна?

— Разве вам неясно, мессер Гонзага? — пылко воскликнула Валентина. — Раненый рыцарь.

— Рыцарь! — фыркнул Гонзага. — Скорее бандит, грабитель с большой дороги. Как тебя зовут? — грубо спросил он графа.

Тот чуть отодвинулся от Валентины, перенеся всю тяжесть тела на локоть.

— Умоляю вас, мадонна, не позволяйте вашему симпатичному пажу подходить ближе. Он так сильно надушился, что я боюсь вновь лишиться чувств.

Насмешка не осталась незамеченной, Гонзага еще более распалился.

— Я не паж, болван! — и тут же обернулся. — Бельтраме, ко мне!

— Что вы собираетесь делать? — в тревоге воскликнула девушка.

— Мой долг — связать этого бродягу и доставить в Урбино.

— Мессер, вы можете поранить ваши благородные ручки, коснувшись меня, — ледяным тоном отчеканил граф Аквилский.

— Ага! Так ты еще угрожаешь мне, негодяй! — На всякий случай Гонзага отступил на несколько шагов, прежде чем выкрикнул эти слова. — Бельтраме! Где ты запропастился?

В ответ на его призыв на поляну вывалились шестеро солдат, в латах и при оружии.

— Какие будут приказания, мессер? — спросил их командир, бросив короткий взгляд на лежащего на траве графа.

— Связать его!

Но прежде чем Бельтраме успел шагнуть к графу, Валентина преградила ему путь.

— Не надо его связывать! — На глазах Франческо из юной девушки она обратилась в знатную даму, привыкшую повелевать. — Именем моего дяди приказываю вам оставить этого господина в покое. Он — раненый рыцарь, за которым я ухаживаю... потому-то, похоже, и рассердился мессер Гонзага.

Бельтраме в нерешительности переводил взгляд с Валентины на Гонзагу.

— Мадонна, — заискивающе заговорил Гонзага, — ваше

слово для нас — закон. Но вы должны понять, что я действую в интересах его сиятельства, земли которого наводнены грабителями и мародерами. В уединении монастыря вы и не могли научиться отличать бродяг от добропорядочных людей. Бельтраме, выполняй приказ!

Валентина с силой топнула ножкой, а глаза вспыхнули огнем, отчего она сразу стала похожа на своего царственного дядю. Но заговорила не она, а Пеппе:

— Раз этим делом занимается уже достаточно дураков, позвольте мне присоединиться к их числу, мессер Ромео, и прислушайтесь к моему совету.

— Поди прочь, шут, — Гонзага замахнулся на него плетью. — Нам не до твоих дурачеств.

— Но вам необходимо почерпнуть из моего кладеза мудрости. — Шут отскочил в сторону, не желая попадать под горячую руку. — Послушай меня, Бельтраме! Несмотря на то, что мессер Гонзага, вне всякого сомнения, способен отличить бродягу от добропорядочного гражданина, обещаю тебе, и считай, что с тобой говорит твоя судьба, что тебя свяжут куда как крепче, если ты посмеешь прикоснуться к этому господину, как требует того мессер Гонзага.

Бельтраме подался назад, заколебался и Гонзага. А Валентина взглядом поблагодарила шута. Франческо же, уже поднявшись, смотрел на все это с улыбкой, словно происходящее ни в коей мере не касалось его. А тут, когда чаша весов все еще колебалась, подоспели Фанфулла и фра Доминико.

— Вовремя вы вернулись, Фанфулла, — обратился к нему граф. — Вот этот симпатяга распорядился связать меня.

— Связать? — негодуя проревел Фанфулла. — На каком, интересно, основании? — Он повернулся к Гонзаге.

При появлении Фанфуллы Гонзага сразу сник, а уж от этого вопроса просто попятился.

— Сожалею, что я ошибся в своем суждении об этом господине, — залепетал он.

— Каком это суждении? — продолжал бушевать Фанфулла. — Кого это вы вознамерились связать? Иди да утри молоко с губ, мальчишка, и не лезь в мужские дела, пока сам не станешь мужчиной.

Валентина улыбнулась, Пеппе громко расхохотался, Бельтраме и его солдаты ухмылялись, Гонзага злился. Но ему достало ума проявить выдержку.

— Лишь присутствие мадонны сдерживает меня, —

с достоинством ответил он. — Но если мы встретимся снова, я покажу вам, как ведут себя настоящие мужчины.

— Вот тогда и поговорим, — и Фанфулла повернулся к графу, раной которого уже занимался фра Доминико.

Валентина, чтобы разрядить обстановку, предложила Гонзаге отвести людей к лошадям и приготовить ее паланкин⁹, чтобы они могли продолжить путь, как только фра Доминико закончит перевязку.

Гонзага поклонился, напоследок одарил незнакомцев злобным взглядом и отбыл, сердито крикнув Бельтраме и солдатам: «За мной!» Те незамедлительно последовали за ним.

Валентина осталась с Фанфуллой и Пеппе. Фра Доминико промыл рану, смазал целебным бальзамом, наложил повязку и удалился. Граф начал было благодарить девушку, но она остановила его, прижав белоснежные пальчики к его губам.

Франческо мог бы сказать ей еще многое, но присутствие посторонних удержало его. Впрочем, практически все Валентина прочитала в глазах графа, ибо по пути в Урбино в основном молчала с загадочной улыбкой на устах. Однако выговорила Гонзаге за допущенную бестактность.

— Как вы могли допустить столь прискорбную ошибку, мессер Ромео? Да как вам в голову пришло назвать этого рыцаря бродягой? Разве вам не бросились в глаза его благородство, красота? — И, не слушая сбивчивых объяснений Гонзаги, девушка погрузилась в раздумья.

Глава 5

ДЖАН МАРИЯ

Через неделю после встречи с племянницей Гвидобальдо граф Аквильский, рана которого к тому времени почти зажила, ранним утром въехал через главные ворота в город Баббьяно. Начальник стражи отдал ему честь и позволил себе отметить бледность его светлости. Впрочем, доискиваться до причины перемены в лице графа не приходилось. На четырех шестах, выставленных над воротами, которые назывались Сан-Бакколо, в окружении вороньей стаи красовались человеческие головы.

Вид этих мертвых лиц, перекошенных ужасными гри-

масами, в обрамлении длинных косм, которые не оставлял в покое апрельский ветерок, еще издалека привлек внимание Франческо. Но лишь вблизи, приглядевшись внимательнее, он понял, что головы эти совсем недавно сидели на плечах храброго Феррабраччо, Америго Американи и двух других дворян, которых захватили в плен в ту ночь на горной тропе.

Прошедшую неделю Джан Мария не сидел сложа руки, а допрашивал заговорщиков, а затем, решив, что докопался до самых корней, приказал отрубить им головы и выставить на всеобщее обозрение, чтобы устроить всех других, у кого могли зародиться мысли о заговоре.

На мгновение у графа возникло желание повернуть назад. Но врожденное бесстрашие не позволило натянуть поводья, и он продолжил путь, отогнав прочь дурные предчувствия. Что известно Джан Марии о его участии в том совещании в пастушьей хижине? Знает ли, что ему предложили сменить кузена на троне Баббьяно?

И действительно, страхи его оказались напрасными. Джан Мария принял его с распростертыми объятиями, так как всегда прислушивался к мнению Франческо, а сейчас особенно нуждался в его помощи.

Франческо нашел кузена за столом, накрытым в библиотеке дворца, среди сокровищ искусства и знания. Джану здесь нравилось, но использовал он библиотеку для удовлетворения своих плотских желаний, а не по прямому назначению, ибо питал отвращение к грамоте, а невежеством мог потягаться с деревенским пахарем.

Джан Мария уютно устроился в большом кресле, обитом алой кожей, а перед ним искрились бесценные хрустальные чаши и кувшины с вином, сверкали золотые и серебряные блюда, полные всевозможных яств. И пахло в библиотеке не пылью толстых фолиантов, а пряными ароматами.

Несмотря на молодость, Джан Мария уже изрядно располнел и при его небольшом росте обещал в скором времени превратиться в бочонок. На круглом, бледном, обрюзгшем лице блестели синие, чуть выпученные глаза, губы своей формой свидетельствовали как о чувственности, так и о жестокости. Лиловый камзол с разрезами на рукавах по испанской моде, сквозь которые виднелось дорогое реймское сукно рубашки, был оторочен рысьим мехом. На груди висела цепь с ладанкой, в которой хранился кусочек креста Господнего: Джан Мария был ревностным христианином.

Для Франческо тут же поставили второй прибор, но от еды граф отказался, сославшись на то, что недавно откушал. Герцог, однако, уговорил его выпить мальвазии¹⁰. А когда слуга наполнил чашу из золотого кувшина, Джан Мария приказал ему и второму слуге оставить их.

О пустяках им поговорить не пришлось, ибо Франческо довольно быстро затронул интересующую его тему:

— Ходят странные слухи о заговоре в твоём герцогстве, а на стене над Сан-Баколо сегодня утром я увидел четыре головы, ранее принадлежащие людям, которых я знал и уважал.

— Они обесчестили себя, а посему их головы и стали пищей для ворон. Ну что ты, Франческо! — по телу герцога пробежала дрожь, он перекрестился. — Не пристало говорить за столом о мертвых.

— Тогда давай поговорим лишь об их преступлении, — сказал граф Аквильский. — Что же они натворили?

— Что? — переспросил Джан Мария. — Мне, к сожалению, известно далеко не все. Мазуччо мог бы удовлетворить твоё любопытство. Он знал о заговоре с самого начала, но не посвящал меня в подробности, даже не называл имена заговорщиков, давая измене вызреть. А потом вознамерился их арестовать. Причём не ожидал встретить серьёзного сопротивления. Мне он лишь сказал, что предателей шестеро и они намерены встретиться с седьмым. Те, кто остался в живых после ночной стычки, подтвердили, что нападавших было то ли шестеро, то ли семеро, но они изрядно потрепали швейцарцев. Девять убили, с полдюжины изувечили. Швейцарцы уложили двоих, а ещё двух пленили. Отсюда и четыре головы над воротами Сан-Баколо.

— А Мазуччо? — полюбопытствовал Франческо. — Неужели он не назвал тебе тех, кому удалось бежать?

Герцог неторопливо выбрал с блюда оливу.

— В этом-то и беда. Мазуччо мертв. Его убили в ту же ночь, так что тайну заговора и имена предателей он унес с собой в могилу. Пусть Господь упокоит грешную душу Мазуччо.

Граф опустил на стул, надеясь, что испытанное им облегчение внешне никак не проявилось.

— Но какие-то сведения Мазуччо оставил?

— Практически ничего. Он никогда не раскрывал карт. Черт бы его побрал. Он прямо заявлял мне, что я не из тех, кто может хранить тайну. Можешь ты представить себе такую наглость? С принцами так говорить не принято.

И он сообщил мне лишь о существовании заговора, цель которого — свергнуть меня с трона, и пообещал захватить и заговорщиков, и человека, которого они приглашали занять мое место. Подумай только, Франческо! Какие чудовищные планы роятся в головах моих подданных! Они хотят свергнуть меня, едва ли не самого доброго правителя во всей Италии! Святой Боже! Стоит ли удивляться, что я вышел из себя и приказал отрубить им головы и водрузить их над воротами?

— Но, если я тебя правильно понял, двух заговорщиков взяли живыми?

Герцог кивнул, ибо не мог ответить, набив рот едой.

— И что выяснилось на суде?

— Суде? — Джан Мария отхлебнул из кубка вина. — Никакого суда не было. Говорю тебе, их неблагодарность до такой степени разъярила меня, что я даже забыл о существовании пыток. Они ни в чем не признались, и я повелел отрубить им головы.

— Ты отправил этих людей на смерть? — Франческо встал, не сводя глаз с кузена. В его взгляде смешались удивление и злость. — Без суда отдал в руки палачу столь знатных дворян? Джан Мария, ты, должно быть, обезумел, если смог так легко пролить благородную кровь.

Герцог, похоже, тоже начал закипать.

— Да с кем ты говоришь?

— С тираном, полагающим себя самым мягкосердечным правителем Италии, которому недостает мудрости осознать, что он собственными руками раскачивает свой трон. Ты не подумал, что можешь спровоцировать восстание? Ты совершил убийство! В Италии герцоги частенько прибегают к этому средству, но не столь откровенно, как это сделал ты!

— Бунта я не боюсь, — ответил Джан Мария уверенно. — Командование охраной я передал Мартину Армштадту, и он нанял мне отряд из пятисот швейцарских ландскнехтов, ранее служивших Бальони в Перудже.

— И на этом зиждется твоя безопасность? — Франческо пренебрежительно улыбнулся. — Доверить охрану трона иностранным наемникам, которыми командует иностранец!

— Меня охраняют не только они, но и милосердие Божье, — последовал благочестивый ответ.

— Ха! — Франческо терпеть не мог лицемерия. — Завоюй доверие своих подданных. Постарайся, чтобы они стали твоей защитой.

— Ш-ш-ш! — прошептал герцог. — Ты богохульствуешь. Да разве не этому посвящаю я свою жизнь? Я живу ради моих людей. Но, клянусь душой, они требуют от меня слишком многого, когда просят умереть за них. И если я воздам по заслугам тем, кто покушался на мою жизнь, как воздал предателям, о которых ты говоришь, кто осудит меня? Уверяю тебя, Франческо, попади мне в руки двое сбежавших, я поступлю с ними точно так же. Клянусь Богом, так и будет! Что же касается человека, которого они прочили мне на замену... — Он смолк, но жестокая улыбка, искривившая его губы, была красноречивее слов. — Интересно, кто бы это мог быть? Я дал обет, если небеса помогут мне разыскать его, целый год каждую субботу ставить свечу в Санта-Фоске и поститься перед всеми праздниками. Кто... кто он, Франческо?

— Откуда мне знать? — ответил граф.

— Тебе известно многое, дорогой Чекко. У тебя быстрый ум. В подобных делах ты как рыба в воде. Скажи, могли они обратиться к герцогу Валентино?

Франческо покачал головой.

— Если Цезаре Борджа пожелает захватить твое герцогство, заговоры ему не понадобятся. Он придет с армией, и ты потчешь за благо передать ему корону.

— Боже и все святые, защитите меня! — воскликнул Джан Мария. — У тебя такой тон, будто его армия уже идет на Баббьяно.

— Вот об этом давай и поговорим. Поверь мне, это очень даже возможно. И прислушайся к моим словам, Джан Мария! Я приехал из Аквилы не для того, чтобы позавтракать с тобой. Эту неделю Фабрицио да Лоди и Фанфулла дельи Арчипрети провели у меня.

— У тебя? — И без того маленькие глазки герцога превратились в щелочки. — Значит... у тебя? — Он пожал плечами, развел руки. — Фу! Видишь, в какую ошибку может впасть такой неискушенный человек, как я. Видишь ли, Франческо, обратив внимание на их отсутствие после той ночи, я было решил, что и они участвовали в заговоре. — И Джан Мария потянулся к медовым сотам.

— Во всем герцогстве нет более верных тебе сердец, — ответил граф. — И ко мне их привел страх за судьбу Баббьяно.

— Так-так! — На бледном лице Джан Марии отразился интерес.

И тогда граф Аквильский пересказал герцогу Баббьяно все то, что говорил ему в пастушьей хижине Фабрицио

да Лоди. Об угрозе, исходящей от Борджа, о полной неготовности к сопротивлению, о пренебрежительном отношении Джан Марии к дельным советам. Отсюда, подвел он итог, и брожение в умах подданных, и острое желание исправить положение. Когда он закончил, герцог долго смотрел в тарелку, забыв о еде.

— Как это просто, — сказал он наконец, — не правда ли, Франческо, заявить человеку: «Это не так. И это не так». Но кто, скажи на милость, поможет мне все наладить?

— Если будет на то твое согласие, я мог бы попытаться.

— Ты? — воскликнул Джан Мария. И не радость от того, что кто-то готов освободить его от всех забот, а негодование и даже презрение отразились на его обрюзгшем лице. — И как же, дорогой кузен, ты намерен все наладить? — В тоне герцога слышалась усмешка.

— Я бы поручил сбор налогов мессеру Деспальо, ограничил расходы на содержание двора, а вырученные деньги направил бы на создание собственной армии. У меня есть некоторый боевой опыт, это могут подтвердить многие правители. Я возглавлю твою армию, заключу договоры с сопредельными государствами, так как они, видя, что мы вооружаемся, увидят в нас силу, с которой надобно считаться. Как человек строит дамбу, чтобы остановить ревущий поток, так и я попытаюсь организовать оборону, способную противостоять армии Борджа. Назначь меня своим гонфалоньером¹¹, и через месяц я скажу тебе, смогу я спасти твое герцогство или нет.

С каждым словом Франческо подозрительность герцога возрастала, а когда он закончил, лицо Джан Марии перекосила злобная гримаса.

— Назначить тебя моим гонфалоньером? — пробормотал он. — С каких это пор Баббьяно стал республикой? Или твоя цель — обратить нас в нее, а самому утвердиться на самом верху?

— Ты превратно истолковал... — начал было Франческо, но кузен не дал ему договорить.

— Превратно? Нет, нет, мессер Франческино. Я все понял. — Он поднялся из-за стола. — До меня уже доходили слухи о растущей любви моих подданных к графу Аквильскому, но я позволил себе не придавать им особого значения. Этот негодяй Мазуччо перед самой смертью говорил мне о том же, но в ответ я огрел его хлыстом по физиономии. Тогда я полагал, что поступаю правильно. Но позаваншлой ночью мне приснился сон... Ну да Бог

с ним. Такое может случиться в любом государстве. Если объявляется кто-то, кого население предпочитает тому, кто сидит на троне, да еще человек этот благородной крови и высокого происхождения, как ты, он становится реальной угрозой правителю. Мне нет нужды напоминать тебе,— вновь сверкнула злобная улыбка,— как поступают Борджа с такими людьми. Да и Сфорца в подобных случаях принимают необходимые меры предосторожности. Дураков в нашем роду пока не было, и я не хочу быть первым, вручая всю принадлежащую мне власть в другие руки. Как видишь, дорогой кузен, цель твоя мне предельно ясна. У меня острое зрение, Франческино, очень острое! — И Джан Мария захохотал, довольный собой.

Франческо сидел с окаменевшим лицом. Он мог бы ответить, что немедленно получит трон герцогства Баббьяно, будь на то его воля. Но предпочел избрать другой путь, надеясь уговорить представителя рода, еще не рождавшего дураков.

— Как же плохо ты знаешь меня, Джан Мария,— в голосе слышалась горечь,— если думаешь, что я охочусь за твоим троном. Уверяю тебя: собственную свободу я ценю куда выше герцогских привилегий. И советую прислушаться к моим словам, иначе наступит день, когда ты останешься и без трона, и без герцогства, которое подберет под себя Борджа. Тогда уже будет поздно вспоминать о моем предложении спасти тебя, которое ты готов отвергнуть, как отвергал предложения своих умудренных жизнью советников.

Джан Мария пожал плечами.

— Если под другим предложением ты подразумеваешь совет жениться на племяннице Гвидобальдо, то я могу обрадовать твою патристическую душу. Я согласился на этот союз,— герцог усмехнулся,— и теперь, как видишь, мне не страшен сын Александра VI. Объединившись с Урбино и его союзниками, я многое противопоставлю Чезаре Борджа. И я смогу мирно спать рядом с моей очаровательной женой под надежной защитой армии ее дядюшки. И не понадобится мне назначать моего кузена гонфалоньером Баббьяно.

Граф Аквильский изменился в лице. Джан Мария это заметил, но истолковал неверно. И дал себе зарок повнимательнее приглядывать за кузеном, набивающимся ему в гонфалоньеры.

— По крайней мере, поздравляю тебя с этим мудрым решением,— отвечал Франческо без тени улыбки на

лице.— Если б я узнал об этом раньше, то не стал бы докучать тебе своими предложениями по защите государства. Но позволь спросить, Джан Мария, что заставило тебя согласиться на брак, которому ты так упорно противился?

Герцог пожал плечами.

— Они буквально затравили меня, и в конце концов я сдался. Я еще мог противостоять Лоди и остальным, но когда к ним присоединилась моя мать с ее молитвами и ее причитаниями, пришлось признать свое поражение. В конце концов мужчина должен жениться. Тем более что в данном случае мое бракосочетание гарантирует и безопасность государства.

Вроде бы графу Аквильскому следовало одобрить решение кузена и порадоваться за герцогство Баббьяно, приобретшее могучих союзников. Но, покинув дворец, Франческо ощутил лишь горькую обиду на судьбу, которая любит преподносить подобные сюрпризы, да жалость к девушке, суженой Джан Марии, и растущую неприязнь к кузену, из-за которого ему пришлось жалеть Валентину.

Глава 6

ВЛЮБЛЕННЫЙ ГЕРЦОГ

Из окна дворца Баббьяно граф Аквильский наблюдал за суетой во дворе. Рядом с ним стоял Фанфулла дельи Арчипрети, вызванный графом из Перуджи. Со смертью Мазуччо всякая опасность для Фанфуллы миновала.

Прошла неделя после памятного разговора с герцогом, когда Джан Мария известил кузена о своих намерениях, и нынче его высочество собирался в Урбино, дабы посвятаться к монне Валентине. Потому-то по двору носились пажы и слуги, вышагивали солдаты, ржали лошади. На губах Франческо то появлялась, то исчезала горькая улыбка, а его спутник, наоборот, не скрывал радости.

— Слава Богу, его светлость наконец-то вспомнил о своем долге,— молвил Фанфулла, наблюдая происходящее внизу.

— Мне часто приходилось сетовать на судьбу,— Франческо словно и не услышал его, думая о своем,— за то, что она произвела меня на свет графом. Но отныне я буду лишь благодарен ей, ибо вижу, сколь худо было бы мне,

родись я принцем, призванным править герцогством. И пришлось бы мне жить, как моему бедняге кузену, когда за внешним блеском скрывается пустота, а в веселье нет радости.

— Но есть же в такой жизни и свои плюсы! — воскликнул изумленный Фанфулла.

— Вы же видите весь этот переполох. И знаете, что он означает. Какие уж тут плюсы?

— Вот от вас я такого вопроса не ожидал, мой господин. Вы видели племянницу Гвидобальдо и тем не менее спрашиваете, что выгадает Джан Мария, женившись на ней.

— Вы, значит, не понимаете? — печальная улыбка промелькнула на лице графа Аквильского. — И не осознаете всей трагедии? Два государства пришли к выводу, что их союз взаимовыгоден, а посему и договорились о свадьбе. Это означает, что главные действующие лица, вернее назвать их жертвами, не имеют права выбора. Джан Мария смирился. Он скажет вам, что это бракосочетание для него не сюрприз, ибо он всегда знал, что придет пора жениться и подарить подданным наследника престола. Держался он долго, но обстоятельства оказались сильнее его, и теперь женитьбу он воспринимает как любое другое государственное дело: коронацию, пиры, охоты. И вы, надеюсь, уже не удивляетесь моему отказу занять трон Баббьяно. Говорю вам, Фанфулла, окажись я на месте кузена, не стал бы держаться за корону и пурпурную мантию ради того, чтобы позволять кому-то ломать мою жизнь и выставлять напоказ жалкой марионеткой. Чем терпеть насмешки судьбы, лучше быть простым крестьянином или вассалом. Я бы обрабатывал землю, жил скромно, но во всем поступал бы, как желала моя душа, и благодарил Бога за дарованную мне свободу. Право выбирать друзей, жить где и как хочется, любить, кого пожелаю. И умереть, когда призовет Господь, в полной уверенности, что жизнь прожита не зря. А эта несчастная девушка, Фанфулла! Подумайте о ней. Ей придется вступить в союз без любви с таким грубым, бесчувственным человеком, как Джан Мария. Разве вам не жалко ее?

Фанфулла вздохнул. Взгляд его затуманился.

— Мне достаёт ума, чтобы понять, почему вы сегодня так мрачны. Эти мысли посетили вас, потому что вы познакомились с ней.

Франческо глубоко вздохнул.

— Кто знает? Те несколько фраз, которыми мы успели переброситься, те короткие минуты, что провели вместе,

возможно, нанесли мне куда более глубокую рану, чем та, которую она помогла залечить.

Размышления графа Аквильского о намечаемом союзе в целом были верны. Он ошибся лишь в одном, утверждая, что главные действующие лица лишены возможности выбора. Такую возможность им предоставили на балу, устроенном Гвидобальдо в честь будущего родственника через три дня после прибытия последнего в Урбино. Там Джан Мария впервые увидел Валентину. Ослепительная красота девушки приятно поразила герцога, и его охватило нетерпение поскорее обрести на нее законные права. Валентине же Джан Мария крайне не понравился. Надо отметить, что она противилась замужеству с того момента, как об этом зашел разговор. А уж внешность герцога вызвала у нее такое отвращение, что она поклялась вернуться в монастырь святой Софии и постричься в монахини, если не останется иного пути избежать свадьбы.

На праздничном обеде Джан Мария сидел рядом с Валентиной и в перерывах между едой (а поесть, как мы помним, он любил) одаривал девушку комплиментами, от которых ее передергивало. И чем больше старался он расположить ее к себе с присущей ему грубоватостью манер, тем сильнее отталкивал. И в конце концов, несмотря на собственную толстокожесть, отметил для себя ее холодность, на каковую и пожаловался радушному хозяину, дяде Валентины. Жалобы его, однако, не встретили понимания.

— Неужели вы принимаете мою племянницу за простую крестьянку? — сурово спросил Гвидобальдо. — С чего ей хихикать или улыбаться на каждый ваш комплимент? Раз она выходит за вас замуж, ваша светлость, имеет ли все остальное хоть какое-то значение?

— Но я хотел бы, чтобы она хоть немного любила меня, — промямлил Джан Мария.

Гвидобальдо оценивающе посмотрел на него, подумав, что этот бледный, расплывшийся толстяк слишком высокого о себе мнения.

— Я не сомневаюсь, что так оно и будет, — уверенно заявил он. — Ухаживайте с пылкостью, но не забывая о такте, и кто сможет устоять перед вами? И пусть вас не отпугивает скромность, приличествующая девушке.

Напутствие Гвидобальдо вдохновило Джан Марию на новые подвиги. Он уже полагал, что холодность Валентины всего лишь завеса, атрибут ее девичества, предназначен-

ный для сокрытия сердечных устремлений. И получилось у Джан Марии, а его умственные способности оставляли желать лучшего, что любовь ее тем жарче, чем активнее пытается она избежать общения с ним, чем сильнее выражает свое отвращение при виде его. В конце концов девицы причуды Валентины вызывали у него лишь восхищение.

Всю неделю в Урбино чередой шли псовые и соколиные охоты, спектакли, новые балы, обеды. А затем внезапно, словно пушечным выстрелом, веселье оборвалось. Из Баббьяно пришло известие о прибытии посла Чезаре Борджа с письмом для Джан Марии. Об этом сообщил ему Фабрицио да Лоди, присовокупив настоятельную просьбу незамедлительно вернуться для переговоров с представителем герцога Валентино.

Теперь Джан Мария не мог оставить без внимания опасность, исходящую от Борджа, с каждым месяцем расширяющего свои владения, не мог отмахиваться от рекомендаций ближайших советников. Неожиданный приезд посла герцога Валентино, хотя, возможно, и не такой неожиданный, так как прибыл он как раз перед заключением союза Баббьяно и Урбино, явно желая помешать достижению соглашения, изрядно напугал Джан Марию.

И вот в отведенных ему во дворце роскошных апартаментах Джан Мария обсудил известие с двумя дворянами, сопровождавшими его в поездке в Урбино, Альваро де Альвари и Джизмондо Санти. Оба они убеждали Джан Марию последовать совету да Лоди и вернуться в Баббьяно, предварительно договорившись о дате свадьбы.

— Тогда, ваша светлость, — заметил Санти, — вам будет что сказать представителю Валентино.

Спорить Джан Мария не стал, поспешил к Гвидобальдо, сообщил о полученных новостях и предложил незамедлительно определить день бракосочетания. Гвидобальдо внимательно его выслушал. Как и многие в Италии, он боялся Чезаре Борджа, а потому стремился к скорейшему созданию союза его противников.

— Все будет, как вы того желаете, — ответил Джан Марии правитель Урбино. — О свадьбе объявим сегодня же, чтобы представитель Борджа понял, что это дело решенное. Выслушав послание герцога Валентино, постарайтесь дать ответ поуклончивее. И не позднее чем через десять дней возвращайтесь в Урбино. А мы пока будем готовиться к торжествам. Но прежде всего пойдите к монне Валентине и расскажите ей обо всем.

Уверенный в успехе, Джан Мария поспешил в покои племянницы Гвидобальдо, нашел слоняющегося без дела пажа и послал его к монне Валентине испросить аудиенции.

Когда паж открыл дверь, до Джан Марии донесся сочный мужской голос, выводящий любовную песенку под аккомпанемент лютни.

Пару мгновений спустя пение прекратилось, смолкла и лютня. Вновь появился паж и, отдернув сине-золотистую портьеру, пригласил Джан Марию войти.

Он оказался в комнате, красноречиво свидетельствующей о богатстве и тонком вкусе семейства Монтефельтро: фрески на потолке, бесценные гобелены на стенах, над затянутым в алое аналоем ¹² — серебряное распятие работы знаменитого Аникини из Феррары ¹³; картина кисти Мантеньи ¹⁴, дорогие камни ¹⁵, хрупкий фарфор, множество книг, цимбалы ¹⁶, которые с интересом разглядывал светловолосый паж, у окна — арфа, которую Гвидобальдо привез племяннице из Венеции.

Там-то и нашел Джан Мария монну Валентину в окружении ее дам, шута Пеппе и полудюжины дворян придворных мессера Гвидобальдо. Один из них, тот самый Гонзага, что привез монну Валентину из монастыря святой Софьи, в белом, расшитом золотом камзоле, сидел на низком стуле с лютней в руках, из чего Джан Мария заключил, что именно его голос он слышал, стоя за дверью.

При появлении герцога все встали, за исключением монны Валентины, но своим видом не проявили радости. Чем в немалой степени охладили пыл Джан Марии. Он приблизился и, запинаясь чуть ли не на каждом слове, попросил оставить их с монной Валентиной наедине. Скорчив страдальческую гримаску, она отпустила дам и кавалеров, и Джан Марии пришлось долго ждать, пока последний из них не скроется за стеклянными дверьми, ведущими на просторную террасу, где в солнечных лучах сверкали струи мраморного фонтана.

— Мадонна, — начал Джан Мария, когда они остались вдвоем, — новости, полученные из Баббьяно, требуют моего немедленного отъезда, — и он подошел еще на шаг.

То ли скудоумие, то ли ослепившая его любовь мешали Джан Марии увидеть, как блеснули глаза монны Валентины, а на лице отразилось безмерное облегчение.

— Мой господин, — ровным, сдержанным голосом ответила девушка, — мы будем сожалеть о вашем отъезде.

Вот тут-то герцог показал себя во всем блеске. Он

даже не сумел понять, что эти слова лишь обычная вежливость, ничего не значащие слова, обычная учтивость, принятая между придворными. Но он был ослеплен собственными чувствами, а потому, едва Валентина закрыла рот, Джан Мария упал на колени, чтобы схватить ее божественные пальчики своими грубыми руками.

— Правда? — Взгляд его лучился любовью. — Вы действительно будете сожалеть?

— Ваша светлость, прошу вас, встаньте, — холодность в ее голосе сменилась тревогой, ибо робкая попытка освободить руки кончилась неудачей.

Она потянула руку сильнее, но Джан Мария держал ее мертвой хваткой, полагая, что продолжается игра в скромность.

— Господин мой, умоляю вас! — воскликнула Валентина. — Вспомните, где вы находитесь!

— Я останусь здесь до судного дня, — отвечал сжигаемый любовью герцог, — если только вы не соблаговолите выслушать меня.

— Я вся внимание, мой господин, — Валентина и не пыталась скрыть отвращение, которое вызывал в ней Джан Мария, но тот ничего не замечал. — Но при этом совсем не обязательно держать мои руки и стоять на коленях.

— Не обязательно?! — воскликнул Джан Мария. — Ну что вы, мадонна! Наоборот, всем нам, и принцам, и васалам, иной раз полезно преклонить колени.

— В молитвах, мой господин, да.

— А разве человек не молится, когда ухаживает за девушкой? И может ли он найти лучший храм, чем ноги своей дамы?

— Отпустите меня! Ваша светлость утомляет меня и ведет себя нелепо.

— Нелепо? — Его рот открылся, краска залила щеки, маленькие синие глазки злобно сверкнули. На мгновение он застыл, затем поднялся. Но отпустив руки Валентины, герцог тут же заключил ее в объятия.

— Валентина, — голос Джан Марии дрожал. — Почему вы столь жестоки ко мне?

— Ну что вы, — слабо запротестовала она, отпрянув назад, подальше от этой толстой, мерзкой физиономии. — Мне не хотелось бы, чтобы ваша светлость выглядели глупо, и вы представить себе не...

— А вы представляете себе, сколь страстно я вас люблю? — прервал ее герцог, сжимая объятия.

— Мой господин, вы причиняете мне боль!

— А разве вы поступаете иначе? — отпарировал Джан Мария. — И как можно сравнивать синяк на руке с теми ранами, что наносят мне ваши глаза? Вы...

Но Валентина вырвалась и молнией бросилась к двери на террасу, вслед за вышедшими из ее покоев придворными.

— Валентина! — то был рык зверя, а не возглас кавалера. Джан Мария перехватил ее и без особых церемоний затащил обратно в комнату.

Терпение Валентины лопнуло. Ранее ей не доводилось слышать, чтобы с женщиной, занимающей столь высокое положение, как она, обращались подобным образом. Она не намеревалась высказывать свое презрение герцогу, полагая, что отстоит свободу с помощью дяди. Но Джан Мария, видно, принимал ее за прислугу, давая волю рукам. А раз он не понимал, что ей следует выказывать должное уважение, не знал, что благородной крови и хорошему воспитанию обычно соответствует и утонченность души, то и она не желала больше выносить его грубые ухаживания. И, освободившись от его рук, влепила Джан Марии звонкую оплеуху. Да с такой силой, что герцог распластался на полу.

— Мадонна, — выдохнул он. — За что вы так обижаете меня?

— А чего вы ждете за оскорбления, которым подвергли меня? — выкрикнула Валентина, и он сжался под ее яростным взглядом.

Она стояла над ним, преисполненная праведного гнева, и Джан Мария не столько боялся ее в эту минуту, как любил ее такой, и его желание жениться и приручить Валентину только усилилось.

— Разве я — переметная сума, чтобы так обращаться со мной? — гневно говорила Валентина. — Не забывайте, что я — племянница Гвидобальдо, из рода Ровере, и с самой колыбели не видела от мужчин ничего, кроме уважения. Ото всех мужчин, независимо от их происхождения. К сожалению, сейчас мне приходится говорить, что у вас, рожденного править людьми, манеры конюха. И потому зарубите себе на носу, раз уж вы не понимали этого ранее, что ни один мужчина, кроме того, кому я разрешу это сама, не имеет права касаться меня, как это сделали вы!

Ее глаза сверкали, голос звенел все яростнее, Джан Марии не оставалось ничего иного, как просить пощады.

— Пусть я и герцог, но я полюбил вас,— заговорил он униженно.— Герцог тоже человек и, как самый ничтожный из его подданных, должен выразить свою любовь поступком. И что для любви благородство крови?

Валентина вновь двинулась к двери, и на этот раз Джан Мария не решился остановить ее силой.

— Мадонна,— воскликнул он,— умоляю, выслушайте меня. Через час я буду в седле, на пути в Баббьяно.

— Мессер, это самая лучшая новость, которую я услышала после вашего приезда,— и Валентина скрылась на террасе.

На секунду-другую Джан Мария оцепенел, его охватила злость от испытанного унижения, и он последовал за Валентиной.

Но в дверях наткнулся на горбуна Пеппе, неожиданно появившегося перед ним в звяканье колокольцев, с насмешливой ухмылкой на лице.

— Прочь с дороги, шут! — прорычал герцог.

Но Пеппе не сдвинулся с места.

— Если вы ищете мадонну Валентину, то напрасно.

И Джан Мария, проследив взглядом за пальцем шута, увидел, что ее уже окружили дамы и возможность поговорить наедине безвозвратно упущена. Он повернулся к шуту спиной и двинулся к двери, через которую вошел в покои Валентины. Пожалуй, было бы лучше, если б мессер Пеппе позволил ему спокойно уйти. Но шут, искренне любящий свою госпожу и инстинктами во многом схожий с верным псом, тонко чувствующим отношение хозяина к окружающим, не смог устоять перед искушением пустить еще одну стрелу в поверженного, добавить соли на открытую душевную рану герцога.

— Вижу, трудная дорога к сердцу мадонны оказалась вам не по плечу, ваша светлость,— крикнул шут вслед.— Там, где слепа мудрость, могут прийти очень кстати острые глаза глупости.

Герцог остановился. Человек с более развитым чувством собственного достоинства оставил бы реплику шута без внимания, но Джан Мария обернулся и смотрел на приближающегося к нему горбуна.

— У тебя есть что мне сказать, при условии, что я заплачу,— догадался он о намерениях Пеппе.

— Сказать я вам могу многое, а платить мне не надо, господин герцог,— отвечал тот.— Умоляю лишь, попросите меня об этом и улыбнитесь, ибо ничто не порадует меня больше, чем ваша улыбка.

— Говори, — милостиво разрешил герцог, но лицо его осталось суровым.

Пеппе поклонился.

— Ваше высочество, завоевать любовь мадонны совсем просто, если... — тут он многозначительно замолчал.

— Да, да, — не выдержал герцог. — Продолжай. Если...

— Если обладать благородной внешностью, высоким ростом, стройной фигурой, обходительной речью и светскими манерами, свойственными тому, о ком я веду речь.

— Ты издеваешься надо мной? — разозлился Джан Мария.

— О, нет, ваша светлость. Лишь поясняю, что нужно вам для того, чтобы моя госпожа полюбила вас. Если бы вам были присущи достоинства того, о ком я говорю, кого она видит во сне, у вас не возникло бы никаких проблем. Но раз Бог сотворил вас таким, как вы есть, незавидной наружности, толстым, низкорослым, несносным...

С диким ревом герцог бросился на шута, но ноги у того оказались столь же проворными, как и язык. Он ускользнул от Джан Марии, пулей вылетел на террасу и нашел убежище за юбками своей госпожи.

Глава 7

КОВАРСТВО ГОНЗАГИ

Пожалуй, не следовало мессеру Пеппе распускать язык перед Джан Марией, ибо речь его только подхлестнула герцога. Обидевшись, он всегда старался отомстить, а тут шут прямо подсказал ему, как это сделать.

И то, что он без обиняков указал — сердце Валентины занято другим мужчиной, — оскорбило Джан Марию. И влюбленного, но отвергнутого герцога обуяла ревность. Кто-то, неизвестный ему, загоразивал тропу, ведущую к девушке, и Джан Мария видел лишь один выход — уничтожить препятствие. Но первоначально требовалось установить личность этого человека, и в этом, с мрачной улыбкой подумал Джан Мария, шут мог оказать ему немалую услугу.

Поэтому, вернувшись в свои апартаменты, где вовсю готовились к отъезду, герцог вызвал Мартина Армштадта, командира своей гвардии, и отдал ему короткий приказ.

— Возьми четырех человек и останься в Урбино. Вы-

ясни, где живет шут Пеппе. Схвати его и доставь тайно в Баббьяно. Соблюдай осторожность, чтобы не возникло ни малейших подозрений, что это твоих рук дело.

Наемник поклонился и с сильным акцентом ответил, что воля герцога будет исполнена.

Перед самым отъездом Джан Мария заглянул к Гвидобальдо, пообещал вернуться через несколько дней, дабы обвенчаться с Валентиной. У него хватило хитрости не сообщать об их размолвке, и у правителя Урбино создалось впечатление, что молодые люди пришли к взаимному согласию.

И лишь от самой Валентины, когда Джан Мария уже покинул Урбино, Гвидобальдо выяснил подробности визита последнего к его племяннице. Она нашла дядю в маленьком кабинете, где тот уединялся, если его мучила подагра или он просто хотел отдохнуть от дворцовой суеты. Он лежал на диване с книгой Пиччинино¹⁷ в руке — красивый, одетый с иголки, тридцати с небольшим лет от роду. По побледневшему лицу, темным кругам вокруг глаз Валентина поняла, что у дяди очередной приступ и ему сейчас не до нее, но не смогла сдержаться.

Отложив книгу, Гвидобальдо выслушал ее жалобы.

Поначалу он рассердился на мужлана из Баббьяно, сам-то Монтефельтро отличался безукоризненными манерами, но затем заулыбался.

— Откровенно говоря, выслушав тебя, я не вижу особого повода для негодования. Разумеется, любой мужчина, пусть и герцог, должен соблюдать определенные приличия в общении с такой знатной дамой, как ты. Но, раз вы в самом ближайшем будущем поженитесь, мне кажется, можно закрыть глаза на некоторые вольности Джан Марии.

— Похоже, я говорила впустую, — вздохнула Валентина. — Во всяком случае, вы меня не поняли. Я не намерена выходить замуж за этого увальня-герцога, которого вы выбрали мне в мужья.

Брови Гвидобальдо взметнулись вверх, в красивых глазах отразилось удивление. Затем он пожал плечами. С младых лет в нем воспитывали правителя, поэтому иногда Гвидобальдо забывал, что он еще и человек.

— Мы многое прощаем запальчивой юности, — ледяным тоном отвечал он. — Но у каждого из нас есть предел терпению. Как твой дядя и правитель государства, в котором ты живешь, я имею над тобой двойную власть, а ты — дважды моя подданная. И данной мне властью я повелеваю тебе выйти замуж за Джан Марию.

Ответила же ему не принцесса, но женщина:

— Ваша светлость, я не люблю его!

Гвидобальдо не замедлил с ответом:

— Я тоже не любил твою тетю. Но мы поженились, а со временем научились любить друг друга и обрели счастье.

— Нет ничего удивительного, что монна Элизабетта полюбила вас,— нашлась и Валентина.— Вы же не Джан Мария. Он толстый, уродливый, глупый и жестокий, не то, что вы.

Польстить тщеславию мужчины — испытанный путь к его сердцу, но с Гвидобальдо у Валентины ничего не вышло. Он лишь покачал головой.

— Спорить тут не о чем. Мы оба не лишены недостатков. Принцы, дитя мое, не простой люд, и отношение к ним иное.

— Но в чем же их отличие? — наступала на дядю Валентина.— Разве они не должны есть и пить? Или не болеют теми же болезнями и не ведомы им радости обычной жизни? Ведь и рождаются они и умирают точно так же, как все. Так в чем заключается то нечто особенное, свойственное лишь принцам, запрещающее им выбирать себе пару по душе?

Гвидобальдо, ужаснувшись, всплеснул руками. Теперь он ясно видел, что Валентина совершенно не понимает, какая роль уготована ей в жизни. И ахнул от боли, вызванной резким движением. Заговорил он, лишь когда боль утихла.

— Особенность в том, что они не вольны распоряжаться собой в той степени, как им хотелось бы. Жизнь их принадлежит государству, которым они рождены править, и наиболее зримо это проявляется в выборе супруга. Они могут вступить лишь в тот брачный союз, который принесет наибольшую выгоду их подданным.— Валентина дернула золотоволосой головкой, не соглашаясь с дядей, но тот продолжал сурово и холодно, словно обращаясь не к юной девушке, а к своим капитанам: — В настоящий момент нам, Урбино и Баббяно, угрожает общий враг. Порознь мы не сможем противостоять ему, объединившись, получим шанс на победу. Таким образом, союз этот настоятельно необходим.

— Я не отрицаю его необходимости. Но, если обойтись без него нельзя, почему не ограничиться чисто политическим договором, вроде тех, что связывают вас с Перуджей и Камерино? Зачем нужна еще и я?

— Ответ несложно найти, перелистав страницы истории. Подобные договоры быстро заключаются, но и рвутся с той же легкостью, если кто-то предлагает более выгодные условия. Но, сцементированная браком, эта связь, оставаясь политической, становится и кровной. Говоря же об Урбино и Баббьяно, следует принять во внимание, что у меня нет наследника. И может статься, что твой сын, Валентина, еще крепче свяжет наши герцогства. А со временем оба они объединятся под его началом в силу, с которой в Италии придется считаться кому бы то ни было. А теперь оставь меня, дитя. Как ты видишь сама, я страдаю и предпочитаю оставаться один в те минуты, когда болезнь, этот злобный тиран, цепко держит меня в своих когтях.

В наступившей паузе Гвидобальдо пытался встретиться с ней взглядом, но Валентина упорно смотрела в пол. Она хмурилась, пальцы сжались в кулаки, губы побелели. Жалость к страдающему от подагры дяде боролась в ней с жалостью к самой себе. Наконец Валентина гордо вскинула голову, жестом давая понять, что смирения от нее не дожидаться.

— Я сожалею, что приходится докучать вашей светлости в такой час, но умоляю простить меня. Должно быть, все сказанное вами справедливо. Планы ваши — самые благородные, тем более что их свершение обусловлено жертвой вашей плоти и крови, то есть меня, вашей племянницы. Но я не буду принимать в них никакого участия. Возможно, мне не хватает величия души, может, я недостойна высокого положения, на которое обречена рождением, безо всякой на то вины. Поэтому, мой господин, — в голосе ее зазвучала непреклонная решимость, — я не выйду замуж за герцога Баббьяно, не выйду, даже если этот брак скрепил бы союз сотни герцогств.

— Валентина! — воскликнул Гвидобальдо. — Не забывай, что ты моя племянница.

— Похоже, вы первым забыли об этом.

— Эти женские причуды... — Он не договорил, ибо девушка прервала его.

— Возможно, они напомнят вам, что я — женщина, а вспомнив об этом, вы скорее всего поймете, что нет ничего более естественного для женщины, как отказаться выходить замуж из... из политических мотивов.

— Отправляйся к себе! — вскричал Гвидобальдо, не на шутку рассерженный. — И на коленях проси Господа на-

шего помочь тебе осознать собственный долг, раз мои слова тут бессильны.

— О, скорее бы герцогиня возвращалась из Мантуи,— вздохнула Валентина.— Добрая монна Элизабетта, возможно, выжмет из вас хоть каплю жалости.

— Монна Элизабетта достаточно благоразумна и лишь постаралась бы убедить тебя в необходимости этого союза. Дитя, воинственность тебе не к лицу, не надо упорствовать в неповиновении. Мы устроим такую пышную свадьбу, какой еще не знала Италия. Все принцессы позеленеют от зависти. Приданое тебе определено в пятьдесят тысяч дукатов¹⁸, и обвенчает вас кардинал Джулиано делла Ровере¹⁹. Я уже послал гонца в Феррару, чтобы лучшие мастера изготовили для вас свадебный экипаж. Из Венеции привезут...

— Разве вы не поняли, что под венец я не пойду? — побледнев как мел, твердым голосом прервала его Валентина.

Гвидобальдо встал, тяжело оперся на трость с золотым набалдашником, всмотрелся в племянницу, хмуря брови.

— О твоей свадьбе с Джан Марией уже объявлено,— заговорил он, словно судья, выносящий окончательный, не подлежащий обжалованию приговор.— Я дал слово герцогу, что вы поженитесь, как только он вернется в Урбино. А теперь иди. Такие скандалы крайне утомительны для больного человека, да и не свойственны нашей семье.

— Но, ваша светлость...— Теперь в голосе Валентины зазвучала мольба.

— Уходи! — закричал Гвидобальдо, топнув ногой, а затем, опасаясь столкнуться с прямым неповиновением, повернулся и вышел первым.

Валентина еще постояла, тяжело вздохнув, стряхнула с глаз сердитую слезу и последовала за дядей.

Она прошла длинной галереей, сверкающей новыми фресками Мантеньи, миновав анфиладу комнат, пересекла ту, где несколько часов назад посмел прикоснуться к ней Джан Мария, оказалась на террасе, с которой открывался прекрасный вид на райские сады дворца. Здесь Валентина села на скамью белого мрамора у фонтана, на которую одна из ее дам набросила алое бархатное покрывало.

Теплый воздух наполняли ароматы садовых цветов. Но мерное журчание воды в фонтане не успокоило ее. Глаза ее устали от сверкающих в солнечных лучах, словно бриллианты, капелек, и она перевела взор на мраморную

балюстраду, по которой разгуливал преисполненный достоинства павлин, а затем на цветущий сад, окаймленный строем кипарисов, тянущихся к синему небу.

Тишина и покой царили на террасе, нарушаемые лишь журчанием воды да редкими криками павлина, и лишь в душе Валентины продолжала свирепствовать буря. А затем новый звук донесся до ее ушей: поскрипывание гравия под мягкими шагами. Она повернулась. К террасе приближался улыбающийся Гонзага, как обычно, в роскошном наряде.

— Мадонна, вы одна? — В голосе его слышалось удивление, пальцы легонько перебирали струны лютни, с которой он редко расставался.

— Как видите, — ответила она тоном человека, занятого своими мыслями.

Взгляд ее вновь вернулся к кипарисам, а про Гонзагу она словно забыла, думая о своем.

Но придворного не смутило такое пренебрежение. Он подошел к скамье, облокотился на спинку, чуть наклонился над Валентиной.

— Вы печальны, мадонна, — ласково проворковал он.

— Да что вам до моих мыслей?

— Похоже, они грустны, мадонна, и я был бы плохим другом, если б не попытался отвлечь вас от них.

— Правда, Гонзага? — не поворачиваясь к нему, спросила Валентина. — Вы — мой друг?

Он склонился еще ниже.

— Ваш друг? Больше, чем друг, мадонна. Считайте меня своим рабом.

Теперь она посмотрела на него и в выражении лица отметила ту же страстность, что звучала в голосе. Отодвинулась, и он уже подумал, что его ждет суровый выговор за проявленную дерзость. Но Валентина указала на скамью рядом с собой.

— Присядьте, Гонзага!

Он повиновался, еще не веря свалившемуся на него счастье, опустился на скамью, засмеялся, возможно, чтобы скрыть робость, скинул украшенную драгоценной пряжкой шляпу, положил ногу на ногу, поставил лютню на колено, и пальцы его вновь прошли по струнам.

— Я сложил новую песню, — объявил он с явно наигранной веселостью, — в подражание бессмертному Никколо Корреджо²⁰, сочиненную в честь той, чью красоту невозможно описать словами.

— Однако вы поете о ней?

— Песня моя лишь признание бессилия человеческого языка.

Сочным баритоном он пропел несколько слов, но Валентина остановила его, коснувшись рукой:

— Не сейчас, Гонзага! Я не в настроении и не смогу по достоинству оценить вашу песню, хотя не сомневаюсь, что она очень хороша.

Тень разочарования и уязвленного тщеславия пробежала по его лицу. Обычно женщины жадно вслушивались в слагаемые им песни, наслаждаясь как изяществом слов, так и сладкозвучностью голоса.

— О, ну что вы так огорчились.— Валентина даже улыбнулась.— Сегодня мне не до песен, но все еще переменится. Простите меня, милый Гонзага.— Разумеется, перед нежностью ее голоса не мог устоять ни один мужчина.

А потом вздох сорвался с ее губ, Валентина всхлипнула, сжала пальцами руку Гонзага.

— Друг мой, у меня разрывается сердце. Лучше бы вы оставили меня в монастыре святой Софьи.

Гонзага повернулся к ней, взгляд его лучился состраданием, он спросил, кто же обидел ее.

— Меня заставляют выйти замуж за этого грубияна из Баббьяно. Я сказала Гвидобальдо, что не пойду за герцога. Но с тем же успехом я могла убеждать судьбу, что никогда не умру.

Гонзага глубоко вздохнул, изображая сочувствие, но промолчал. В горе этом помочь он не мог, его вмешательство ничего бы не изменило. Валентина резко отвернулась от него, скрывая слезы.

— Вы вздыхаете, сожалея о той жестокой участи, что уготована мне. Но сделать ничего не можете. Слова, одни слова, более вы ничем не порадуете меня, Гонзага. Вы можете называть себя моим другом, даже рабом. А вот когда мне действительно нужна помощь, что вы можете предложить? Вздохи, и только!

— Мадонна, вы несправедливы! — с жаром воскликнул Гонзага. — Я и не мечтал... даже помыслить не мог, что вам понадобится моя помощь. Сочувствие, полагал я, вот и все, что вы ждете от меня. Но если вы нуждаетесь в моей помощи, если ищете способ избежать этого союза, я в полном вашем распоряжении и сделаю все, от меня зависящее.

Он говорил твердо, уверенно, хотя и не имел четкого плана избавления Валентины. Впрочем, если бы таковой

план существовал, уверенности у Гонзаги поубавилось бы, так как по натуре он не был человеком действия и никогда не рвался в герои. Но актерским талантом несомненно обладал, потому что, играя, мог обмануть даже самого себя. Вот и теперь в воображении он уже видел себя могучим рыцарем, готовым сокрушить любую преграду. К тому же говорила в нем и страсть, пробужденная красотой Валентины, страсть, которую мать-природа закладывает в каждого мужчину.

И готовность, с которой девушка обратилась к нему в час беды, Гонзага истолковал как знак того, что Валентина не глуха к его любви, хотя он не решался выдать себя и вздохом. Ревность, которую испытывал он с тех пор, как увидел Валентину с раненым воином неподалеку от Аскуаспарте, покинула его. Судя по всему, девушка забыла о том эпизоде.

Что до Валентины, то жаркая речь Гонзаги произвела на нее впечатление. Если б не он, костер ее недовольства тут же и затух. В худшем случае она ушла бы в монастырь. Других возможностей порушить дядины планы она не видела. А тут, когда Гонзага столь смело вызвался сделать все, что в его силах, дабы она могла ускользнуть от ненавистного ей жениха, в душе ее зародилась мысль о сопротивлении.

Надежда, робкая надежда блеснула в прекрасных карих глазах, когда Валентина вновь повернулась к своему собеседнику.

— А есть ли путь к спасению, Гонзага? — спросила она после паузы.

Пауза эта пришлась очень кстати. Гонзага лихорадочно искал выхода. Поэт, он обладал быстрым умом и ярким воображением. И его осенило. Дельная мысль вызвала вторую, третью, и нескольких мгновений хватило ему, чтобы придумать план, исполнение которого ставило крест на намеченном союзе Баббьяно и Урбино.

— Думаю, — говорил он, уставившись в землю, — я знаю, что нам делать.

У Валентины загорелись глаза, дрогнули губы, она придвинулась к Гонзаге.

— Скажите мне, — голос ее дрожал от нетерпения.

Гонзага положил лютню на скамью рядом с собой, подозрительно огляделся.

— Не здесь. Во дворце Урбино слишком много ушей. Не соблаговолите ли прогуляться со мной в саду? Там я вам все и скажу.

Они спустились с террасы в сад по мраморным ступеням и долго шли молча среди удлинившихся теней: день уже клонился к закату. Гонзага подбирал нужные слова, Валентина ждала. Но не выдержала и первой нарушила молчание, вновь спросив, что же он придумал.

— Мадонна, — ответил Гонзага, — я предлагаю открытое сопротивление.

— Я сразу выбрала этот путь. Но куда он меня приведет?

— Я говорю не о словах. Одними протестами, топаньем ножкой, заявлениями, что замуж за Джан Марию вы не пойдете, тут не обойтись. Слушайте, мадонна! Вам принадлежит замок Роккалеоне. Едва ли в Италии найдется более неприступная крепость. Если в достатке запастись провизией, то небольшой гарнизон выдержит там и годичную осаду.

Валентина повернулась к Гонзаге, глаза ее светились изумлением. Идея ей приглянулась. От нее так и веяло романтикой, не зря же зародилась она в мозгу поэта. Идея опасная, но очень уж привлекательная.

— Это осуществимо?

— Конечно, — судя по тону, Гонзага не знал сомнений. — Укройтесь в Роккалеоне и оттуда объявите о своей независимости от Баббьяно и Урбино. Обороняйтесь до тех пор, пока они не примут ваши условия — разрешат вам самой выбрать себе мужа.

— И вы мне в этом поможете? — эта безумная затея все более привлекала ее.

— Я весь в вашем распоряжении, — галантно ответил Гонзага. — Я позабочусь о доставке съестных припасов, чтобы их хватило на год, если замок подвергнут осаде, и найму солдат. Двух десятков нам хватит за глаза, ибо главное наше оружие — местоположение Роккалеоне.

— Но солдатам нужен капитан.

Гонзага низко поклонился.

— Если вы удостоите меня такой чести, мадонна, я буду верно служить вам до гроба.

Легкая улыбка на секунду-другую скривила ее губы, но тотчас же исчезла, когда придворный выпрямился после поклона. Валентине не хотелось ранить его сердце, но не прельщала ее и перспектива иметь в капитанах этого надушенного, расфуфыренного красавца, так как едва ли он умел командовать грубыми наемниками и разумно организовать защиту замка. Однако ответ она в тот момент отказом, Гонзага скорее всего оскорбился бы

и отказался от дальнейшей реализации их замысла. Подумала она и о том, что, подведи он ее в решающий миг, ей хватит мужества взять командование на себя. Поэтому Валентина ответила согласием, и Гонзага отблагодарил ее еще одним поклоном. Но тут же возникло новое осложнение.

— Послушайте, Гонзага, но для закупки провианта и оплаты наемников нужны деньги.

— Если вы позволите доказать свою верность еще и в этом...

Но Валентина прервала его, найдя более удачное решение.

— Нет, нет! — Лицо его вытянулось. Он рассчитывал как можно сильнее обязать себе Валентину.

А Валентина тем временем торопливо снимала с головы золотую сетку для волос, столь густо усыпанную жемчугом, что стоила она целое состояние.

— Вот, возьмите! — она протянула сеточку Гонзаге. — Продайте ее, мой друг, и я думаю, что вырученных дукатов хватит на все.

Потом, правда, Валентина засомневалась, что сможет находиться в замке лишь в компании солдат, но Гонзага нашелся и тут:

— Зачем же только солдат? Когда придет час отъезда, возьмите с собой трех-четырёх дам, которым вы доверяете, а также священника, пажу, может, даже двоих, нескольких слуг.

Вот так среди садовых теней и родился план бегства Валентины от ненавистных ей объятий герцога Баббьяно. Но план этот преследовал и другую цель, о которой девушка даже и не догадывалась. В случае удачи Ромео Гонзага надеялся стать ее мужем.

Он происходил из знатного мантуанского рода, давшего Италии много мерзавцев и одного святого. Из Мантуи его изгнали, но заботливая мать в избытке ссудила его деньгами, так что он неплохо устроился в Урбино, при дворе Гвидобальдо, доводясь родственником монне Элизабетте. А когда деньги начали иссякать, ему пришлось изыскивать средства их добывания. Гонзага никогда не слыл храбрецом, не слишком ловко обращался с оружием, не отличался воинственностью, поэтому не искал карьеры, избираемой многими авантюристами его возраста. Но сердцем он принадлежал к их числу, а так как служение Марсу²¹ было ему не по нутру, Гонзага нашел себе другого покровителя — Купидона. Гвидобальдо из уважения к монне

Элизабетте весьма благоволил к мессеру Гонзаге, и последний лелеял надежду породниться с герцогом Урбино, у которого подрастали две племянницы. И очень обрадовался, когда Гвидобальдо поручил ему привезти очаровательную Валентину делла Ровере из монастыря святой Софьи. Но надежды эти обратились в прах, когда Гонзага узнал, кому прочат Валентину в жены. Теперь же благодаря собственной предприимчивости он мог смотреть в будущее с оптимизмом.

«Опасно, конечно, идти наперекор Гвидобальдо,— думал Гонзага.— За это можно поплатиться и жизнью, если покинуть Урбино не удастся. Гвидобальдо не пощадит, несмотря на всю свою мягкость. Но если нам удастся укрыться в Роккалеоне, если любовью или силой я смогу убедить Валентину стать моей женой, тогда нет нужды опасаться Гвидобальдо. Дело зайдет слишком далеко, Джан Мария не захочет жениться на вдове Гонзаги, так что дядя скорее всего простит племянницу и ее мужа».

Гвидобальдо, правда, мог осадить их в Роккалеоне и попытаться штурмом захватить замок, хотя такой исход казался Гонзаге маловероятным. Но он резонно рассудил, что и в этом случае может не опасаться гнева правителя Урбино, если успеет заранее жениться на Валентине. В конце концов, происхождением и знатностью рода Гонзага ни в чем не уступал его светлости герцогу Монтефельтро. У него, кстати, была и вторая племянница, замужеством которой он мог сцементировать желанный ему союз с Баббьяно.

Долго еще вышагивал в одиночестве Гонзага по дорожкам сада. Стемнело, небо засверкало звездами, а с губ Гонзаги все не сходила улыбка. Как кстати он предложил взять в Роккалеоне священника. Похоже, ему найдется там дело до того, как замок сдастся или его захватят войска Гвидобальдо.

Глава 8

НАХОДКА В ТАВЕРНЕ

По распоряжению Гвидобальдо подготовка к церемонии бракосочетания шла полным ходом. Художники, граверы, золотых и серебряных дел мастера трудились, не покладая рук. Курьеры мчались в Венецию за золотыми листьями и ультрамарином для подвенечного

платья. Из Гима везли кровать для молодых, из Феррары — свадебный экипаж. Собиралось приданое, дорогие подарки. А параллельно Ромео Гонзага методично исполнял порученное ему дело.

Вечером третьего дня он сидел у окна в комнате, отведенной ему во дворце Урбино, размышляя над тем, что еще предстояло сделать. Продвинулся он уже довольно далеко, поэтому с губ его не сходила довольная улыбка. Взгляд его прошелся по горным склонам, спустился к реке Метауро, катящей свои воды к морю, задержался на тучных полях. Разумеется, от улыбки этой не осталось бы и следа, скажи ему кто-нибудь, что предложенный им и одобренный Валентиной план непременно приведет к боевым действиям. Гонзаге не доставало хитрости, не был он и знатоком человеческой души, посему и искренне верил, что монне Валентине достаточно укрыться в замке Роккалеоне, а потом известить дядю, что она не выйдет замуж за Джан Марию и не вернется в Урбино, пока тот не пообещает расторгнуть предполагаемый союз. После чего Гвидобальдо не останется ничего иного, как признать собственное поражение.

Он понимал, что произойдет это не сразу, наоборот, даже радовался неминуемой затяжке времени. Оно ушло бы на обмен посланниками, на уговоры Гвидобальдо. Валентина, естественно, будет стоять на своем до тех пор, пока правитель Урбино, оценив нелепость создавшейся ситуации, не согласится на ее условия. Что до осады Роккалеоне войсками Гвидобальдо — поверить в это Гонзага не мог. В крайнем случае войска подойдут к Роккалеоне, но уж наверняка дело не дойдет ни до штурма, ни до артиллерийских обстрелов. Не будет же Гвидобальдо выставлять себя на посмешище перед сопредельными государствами. А пассивной осады Гонзага не боялся, позаботившись о том, чтобы еды и питья защитникам замка хватило надолго.

Так рассуждал сам с собой Гонзага, и улыбка, кривившая его рот, становилась все шире. В грезах своих поднимался он на недостижимую высоту, неограниченная власть плыла ему в руки, и все благодаря столь умело скроенному плану.

Но грезы грезами, а замысел требовал и конкретных действий. Надо было продумать, подготовить и осуществить побег в Роккалеоне, подсчитать необходимое количество и закупить съестные припасы и оружие, нанять солдат. О провизии он уже позаботился, об оружии мог

не беспокоиться — в Роккалеоне его наверняка хватало с лихвой. Но вот наемники... Наемники его тревожили. Он решил нанять двадцать человек, с меньшим числом не удалось бы показать осаждающим, что он настроен решительно. Но где ему найти тех, кто рискнул бы головой, пусть и за щедрую плату, приняв участие в этой аванюре, тем самым вызывая на себя гнев Гвидобальдо?

В тот вечер он оделся с несвойственной ему скромностью и под покровом ночи зашагал к таверне на грязной улочке неподалеку от кафедрального собора, где и надеялся найти тех, кто ему требовался.

По чистой случайности он сразу же наткнулся на бывалого вояку, в свое время дослужившегося до кондотьера²². Потом, однако, вино и превратности судьбы сбросили его на самое дно жизни.

В мрачную, полутемную таверну, где собиралось всяческое отребье, Гонзага входил не без дрожи, прося защиты у всех святых и перекрестившись. У дальней стены горел очаг, на котором жарилась козлятина. Но дым вместо того, чтобы уходить в трубу, распространялся по залу, освещенному свисающей с потолка лампой с масляными рожками. Эта лампа — единственное яркое пятно во мраке — напоминала луну, пробивающуюся сквозь дымку облаков. А вонь стояла такая, что Гонзага едва не задохнулся. С трудом подавил он желание развернуться и уйти. Остановило его лишь одно: нигде более — и Гонзага прекрасно это понимал — не найти тех, кто ему нужен. Поэтому он направился к очагу, где хлопотал Лучано, хозяин харчевни, но, не пройдя и двух шагов, поскользнулся на залитом жиром полу и едва не растянулся во весь рост, вызвав громкий смех одетого в лохмотья гиганта, с интересом наблюдающего за новым клиентом Лучано.

Весь в поту, с напряженными, словно струны, нервами, Гонзага добрался до столика у стены и опустился на грубо сколоченную деревянную скамью, моля Бога, чтобы никто к нему не подсел.

На стене напротив висело потемневшее распятие и чаша для святой воды, последние капли которой, должно быть, испарились не одно десятилетие тому назад. А под распятием в компании двух головорезов пировал тот самый гигант, что смеялся над неуклюжестью придворного. Со своего места Гонзага слышал его громкий недовольный голос:

— Где же вино, Лучано? Святая мадонна! Принесешь

ты его или нет, свинья? Да тебя только за смертью посылать!

По телу Гонзага пробежала дрожь, вновь он перекрестился, надеясь найти у святых защиту от этого дьявола в образе человеческого, но налитые кровью глаза убийцы (именно таким представлялось Гонзаге основное занятие гиганта) уже сверлили его взглядом.

— Иду, кавалер, иду! — И Лучано, забыв о подгорающей на углях козлятине, поспешил к бочке вина.

При упоминании дворянского титула Гонзага встрепенулся, исподтишка принялся изучать лицо гиганта. Это было грубое, жестокое, раскрасневшееся от выпитого лицо старого вояки под шапкой нечесаных волос. Длинный нос и горящие глаза довершали картину. Да, благородством крови тут и не пахло. Он был при оружии. Над поясом торчали рукояти меча и кинжала, на столе лежал заржавленный металлический шлем. Но эти боевые атрибуты указывали лишь на принадлежность к клану наводнивших Италию наемников, готовых за деньги воевать за кого угодно. А гиганту тем временем надоело рассматривать Гонзагу, посему он и повернулся к своим собутыльникам и начал громко рассказывать о сражениях в Сицилии десятилетней давности.

Гонзага наострил уши. Выходило, что он наткнулся-таки на нужное ему человека. И, притворяясь, что пьет принесенное Лучано вино, он жадно вслушивался в красочное описание событий, в которых рассказчик играл не последнюю роль. Думал же Гонзага о том, сможет ли этот гигант вновь собрать людей, которых когда-то вел в бой.

Полчаса спустя собутыльники встали и откланялись, оставив гиганта в одиночестве. Уходя, они искоса глянули на Гонзагу.

Тот все еще колебался. А головорез то ли грезил наяву, уставившись в одну точку, то ли заснул с открытыми глазами. Наконец, собравшись с духом, Гонзага встал. Очень неуютно чувствовал он себя в этой таверне, ибо привык к просторным залам и дворцовым покоем.

— Господин мой,— робко начал он,— не окажете ли вы мне честь выпить со мной кувшин вина?

Глаза гиганта, до того пустые и безжизненные, сверкнули огнем. Он устремил взгляд на Гонзагу, гордо вскинул голову, и Гонзага подумал, что получит отказ.

— Выпить с вами кувшин вина? — Должно быть, тем же тоном грешник спрашивал бы ангела, предложившего ему податься в рай: «Я попаду на небеса? Неужели

попаду?» В глазах гиганта появился хитрый блеск. Неспроста, видать, этот красавчик предлагает ему выпить. Он уже хотел спросить, а что от него потребуется взамен, но здравый смысл подсказал, что делать этого не следует. Ибо, выслушав предложение и отказавшись, он мог лишиться выпивки. Тем более что о деле можно поговорить и после того, как кувшин поставлен на стол.

Он попытался изобразить улыбку.

— Уважаемый, с таким благородным господином я готов выпить целый бочонок.

— Так вы согласны? — на всякий случай переспросил Гонзага.

— Конечно, клянусь Бахусом²³! Мы будем пить, пока в вашем кошельке останется хоть одна монетка или в таверне не кончится вино.

Гонзага кликнул Лучано и попросил кувшин лучшего вина. И пока хозяин таверны бегал за ним, уселся напротив гиганта. Пауза затягивалась, и первым заговорил Гонзага:

— Холодная сегодня ночь.

— Юноша, у вас, должно быть, помутилось в голове, — отвечивал гигант. — Ночь, наоборот, очень теплая.

— Я же сказал — холодная. — Гонзага не привык, чтобы ему противоречили те, кто занимал более низкие ступени социальной лестницы. К тому же хотелось ему вернуться и уверенность в себя.

— Значит, ошиблись, — с ухмылкой возразил гигант, — ибо я уже поправил вас, указав, что ночь сегодня теплая. Святые и ангелы! Я не привык к тому, что со мной спорят, милый красавчик, и если говорю, что ночь теплая, значит, так оно и есть, даже если склоны Везувия²⁴ белы от снега.

Лицо Гонзаги стало пунцовым, и лишь появление у стола Лучано с кувшином вина спасло его от резкой реплики, которая могла привести к нешуточной ссоре. Но от одного вида вина гигант разом успокоился.

— За долгую жизнь, ненасытную жажду, большой кошелек и короткую память! — провозгласил он тост, толковать значение которого Гонзага не решился. Выпил чашу до дна, поставил ее на стол, утерся рукавом. — Кажется, я еще не узнал, чьим обществом наслаждаюсь я в сей час?

— Вы слышали о Ромео Гонзаге?

— Гонзага — фамилия известная, но вот о Ромео Гонзаге слышать не доводилось. Так это вы?

Гонзага кивнул.

— Благородная семья.— Тонем своим гигант подчеркивал, что и он не простолюдин.— Позвольте представиться и мне. Эрколе Фортемани.— И столько гордости было в его голосе, словно представлялся император.

— Грозная фамилия²⁵,— не без нотки удивления отметил Гонзага.— И как благородно звучит.

Гигант внезапно разозлился.

— А чему вы изумляетесь? — взревел он.— Говорю вам, фамилия моя грозная и благородная, как и я сам. Дьявол! Разве этого не видно с первого взгляда?

— Но я же и не ставил под сомнение ваши слова,— робко отвечивал Гонзага.

— Естественно, иначе вы бы уже покинули этот свет, мессер Гонзага. Но вы подумали об этом, и я склоняюсь к тому, чтобы доказать вам, что даже такие мысли не остаются без последствий.

И уязвленная гордость подвигла гиганта на длинный монолог.

— Так знайте же, мессер, что перед вами капитан Эрколе Фортемани. В этом звании я служил в армии папы. Я сражался за Пизу и под началом Бальони из Перуджи. Я командовал сотней кавалеристов в знаменитой наемной армии Джаннони. Я воевал с французами против испанцев и с испанцами против французов. Капитаном был я и в войсках Чезаре Борджа, и короля Неаполя. Теперь, юноша, вам, должно быть, понятно, с кем вы имеете дело, и если имя мое не сияет огненными буквами над всей Италией, то причина тому одна — славу моих побед присваивали те, кто нанимал меня.

— Да вы просто герой,— всю эту похвальбу Гонзага воспринимал за чистую монету — Сколь же велики ваши боевые заслуги!

— Заслуги, конечно, есть. Достаточные для того, чтобы вновь получить место наемника. Но великими их назвать нельзя. То удел полководцев.

— Думаю, что нам не стоит спорить об этом,— примирительно ответил Гонзага, опасаясь очередного взрыва ярости.

Но не тут-то было.

— Кто говорит, что не будем спорить? — взорвался гигант — Кто помешает мне, ежели я хочу спорить? Отвечайте! — И он приподнялся из-за стола, распираемый яростью.— Но полно! — и успокоился, словно по мановению волшебной палочки.— Как я понимаю, вас привлек

сюда не блеск моих прекрасных глаз и не великолепие моего наряда.— Он приподнял полу изодранного плаща.— И вино вы заказали не потому, что вам не с кем выпить. Наверное, вы хотите меня о чем-то попросить.

— Вы абсолютно правы.

— Для этого не нужно большого ума, клянусь Господом! — усмехнулся Эрколе, но тут же лицо его посуровело, он понизил голос до шепота.— О чем пойдет речь, мессер Гонзага? Если вы желаете, чтобы я перерезал кому-то глотку, или намерены предложить мне не менее грязное дело, советую поостеречься и не упоминать о нем в моем присутствии, если вам дорога собственная шкура, и скоренько убраться отсюда.

Руки Гонзага взметнулись вверх, протестуя против столь чудовищного предположения.

— Мессер, мессер, да как такое могло прийти мне в голову? — пылко воскликнул он, обрадовавшись тому, что выбранный им головорез не растерял последние остатки совести. И действительно, как можно поручать охрану замка отъявленному бандиту, ни в грош не ставящему человеческую жизнь? — У меня есть для вас дело, но уж, конечно, я не собирался просить вас подстеречь в темном углу кого-то из моих недругов. Нет, задумка у меня посерьезнее, и я чувствую, что вы — именно тот человек, который мне нужен.

— Тогда хотелось бы мне знать побольше, — пробурчал Эрколе.

— Сначала я хочу, чтобы вы дали слово сохранить мое предложение в тайне, если не сочтете его унижительным для себя или оскорбляющим ваше достоинство.

— Ад и Сатана! Да любой труп будет более болтливым, чем я!

— Отлично. Можете вы нанять двадцать крепких парней для охраны крепости? Полное довольствие и жалование, в четыре раза превышающее обычные суммы, выплачиваемые наемникам, гарантируется. По времени наше предприятие займет несколько недель. При этом вполне возможно, что им придется вступить в бой с войсками герцога.

Щеки Эрколе так раздулись, что Гонзага испугался, а не лопнут ли они. Но тот шумно выдохнул.

— Так вы все-таки намерены нарушить закон! Да или нет?

— Пожалуй, что да, — признал Гонзага. — В некотором смысле. Но риск невелик.

— И больше вы сказать мне ничего не можете?

— Боюсь, что нет.

Эрколе осушил вторую чашу, поставил ее на стол, склонил голову, глубоко задумавшись. Гонзага начал терять терпение.

— Вы мне поможете? Найдете этих людей?

— Если бы вы рассказали подробнее, что за служба потребуется от меня, я бы нашел вам и сотню.

— Как я уже упоминал, мне требуется двадцать человек.

Эрколе почесал длинный нос.

— Пожалуй, что найду. Но парни нужны отчаянные, уже нарушившие закон, которые не боятся добавить малую толику к своим прегрешениям, ибо за семь бед — один ответ. Когда они вам нужны?

— Завтра вечером.

— Дайте подумать... — Эрколе начал загибать пальцы, погрузившись в расчеты. — Десять или двенадцать человек я соберу за два часа. Что же касается двух десятков... — Вновь он задумался, затем вскинул голову. — Сначала я хочу услышать, сколько вы заплатите мне за то, что я, не задавая лишних вопросов, соглашусь участвовать в вашем предприятии, возглавляя нанятый вами отряд. Лицо Гонзаги вытянулось.

— Но я намеревался взять командование на себя.

— Святой Боже! — Похоже, Эрколе представил этого дворцового щеголя во главе его головорезов. — У меня нет возражений, но тогда и ищите их сами. Спокойной ночи! — Он помахал рукой, словно прощаясь.

Для Гонзаги жест этот означал катастрофу. Где он мог найти двадцать человек? Задача непосильная, в чем он честно и признался.

— Тогда послушайте, — последовал ответ. — Дело обстоит так: если я предложу моим друзьям участвовать в некоем деле, безо всяких подробностей, при условии, что командовать ими буду я, деля с ними возможный риск, то к завтрашнему утру я, несомненно, наберу двадцать человек. Они согласятся, потому что доверяют интуиции и опыту Эрколе Фортемани. Но, предложи я им заняться неизвестно чем, под началом неизвестно кого... Едва ли такое вообще возможно.

С весомостью последнего довода Гонзага не мог не согласиться. Недолго думая, он предложил Эрколе пятьдесят золотых флоринов²⁶ сразу плюс по двадцать за каждый месяц службы. И Эрколе, который, служа наем-

ником, не получал и десятой доли таких денег, едва сдержался, чтобы не броситься на шею сидящего перед ним Гонзаги и не расцеловать его.

А тот достал тяжелый мешочек, в котором позвякивали монеты, и положил его на стол.

— Здесь и сотня флоринов для вашего отряда. Я не хочу, чтобы меня сопровождали оборванцы.— Тут взгляд его пробежался и по наряду Эрколе.— Оденьте их соответственно.

— Будет исполнено, ваша светлость,— такого уважения в его голосе Гонзага еще не слышал.— А как насчет оружия?

— Достаточно пик и аркебуз²⁷. Все остальное мы найдем на месте. Возможно, оружие нам и не потребуется.

— Не потребуется? — еще более изумился Эрколе.

Оплата королевская, обувают, одевают, кормят, да еще и не надо воевать? Конечно, ему еще не доводилось наниматься на столь выгодную службу. В ту ночь во сне Эрколе видел себя дворецким властелина, сопровождаемым толпой лакеев в роскошных ливреях, готовых выполнить любое его указание. И поутру проснулся в глубоком убеждении, что будущее его обеспечено и больше не придется ему с оружием в руках кочевать по стране.

Поднявшись, он принялся за порученное ему дело, так как человеком он был добросовестным, хоть и любил прихвастнуть и вспыхивал, как сухой порох. Эрколе не испытывал особого уважения к чужой собственности, мог смошенничать, играя в кости, умыкнуть плохо лежащий кошелек, если того требовала суровая жизненная необходимость, но в жилах его текла благородная кровь, и он гордился своим занятием. Пьяница, драчун, Эрколе Фортемани до последнего хранил верность тому, кто решил воспользоваться его услугами.

Глава 9

ДОПРОС

Пока в Урбино готовились к свадьбе, Джан Мария намеревался быстренько покончить с навалившимися на него делами и поскорее вернуться к невесте. Но все оказалось не так просто, как ему хотелось бы.

В первый день, покинув Урбино, он добрался до Кальи, где остановился на ночлег в доме мессера Вальдикампо

и отужинал в компании хозяина, его жены и двух дочерей, де Альвари, Джизмондо Санти и трех уважаемых жителей города, друзей мессера Вальдикампо, приглашенных засвидетельствовать честь, оказанную последнему герцогом Баббьяно. Стол накрыли поздно и только приступили к еде, как в зал твердым шагом вошел Армштадт, капитан швейцарцев. Он остановился у стула герцога, ожидая, пока его светлость соблаговолит оторваться от еды.

— Ну, что? — недовольно пробурчал герцог с набитым ртом, поворачиваясь к Армштадту.

Тот приблизился вплотную и прошептал:

— Они привезли его.

— Что я, колдун, чтобы читать твои мысли? — взорвался Джан Мария.— Кто кого привез?

Армштадт оглядел сидящих за столом, склонился к уху герцога.

— Люди, оставленные мною в Урбино. Они привезли шута Пеппе.

Радостно блеснувшие глаза герцога показали Армштадту, что его светлость все понял и доволен. И, не обращая внимания на хозяина дома и гостей, Джан Мария повернулся к своему капитану и так же шепотом распоряжился, чтобы шута отвели в его спальню.

— Пусть с ним побудет пара твоих людей, да и сам приходи туда, Мартино.

Мартин Армштадт поклонился и удалился, а Джан Марии наконец-то достало такта извиниться и сообщить хозяину дома, что этот человек прибыл с известием о выполнении порученного ему дела. Вальдикампо, гордясь тем, что герцог остановился именно у него, не стал обращать внимания на нарушение этикета, и гости и хозяева вновь принялись за еду. Утолив голод, Джан Мария поднялся, известил хозяина, что назавтра его ждет дальняя дорога, а посему ему надобно хорошо отдохнуть, и откланялся.

Вальдикампо лично взял со стола один из канделябров и проводил герцога в отведенные ему комнаты. Он бы занес канделябр и в спальню, но Джан Мария, остановившись у двери, пожелал мессеру Вальдикампо спокойной ночи.

Когда он ушел, Джан Мария, убедившись, что остался один, хлопнул в ладоши, и в ответ Мартин Армштадт распахнул дверь спальни.

— Он здесь? — осведомился герцог.

— Ожидает вашу светлость,— швейцарец отступил в сторону, давая пройти Джан Марии.

В доме Вальдикампо герцогу отвели лучшую спальню — просторную комнату, в центре которой стояла задернутая вышитым пологом большая кровать.

Спальню освещали два канделябра на каминной доске, с пятью свечами каждый. Однако Джан Мария решил, что света недостаточно, и приказал Армштадту принести третий, из соседней комнаты. И лишь потом обратил свое внимание на маленькую группу у окна.

Она состояла из трех человек: двух наемников Армштадта в панцирях и морионах²⁸ и несчастного горбуна Пеппе, зажатого между ними. Лицо шута побледнело, глаза больше не смеялись, губы не кривились в улыбке, на его лице читался лишь страх.

Удостоверившись, что оружия у Пеппе нет, а руки его надежно связаны за спиной, Джан Мария отослал обоих швейцарцев и Армштадта в соседнюю комнату, приказав им быть наготове. А потом, хмурясь, повернулся к Пеппе.

— Вижу, ты не так весел, как сегодня утром, шут!

Пеппе еще более побледнел, но смиренного ответа не получилось — сказалась многолетняя привычка к остротам.

— Обстоятельства не позволяют, ваша светлость! А вот вы, наоборот, в прекрасном расположении духа.

Герцог сердито посмотрел на него. Соображал он тут, ни в кой мере не относясь к тем, кто не лезет за словом в карман, и потому не жаловал скорых на язык. Неторопливо прошествовал он к камину и облокотился на каминную доску.

— Шутки твои не доведут тебя до добра. И тебе придется благодарить меня, если я распоряжусь лишь всыпать тебе плетей.

— По вашей логике, вы окажете мне еще большее благодеяние, повесив меня, — отпарировал шут, чуть улыбнувшись.

— А, так ты это понимаешь? — иронии Джан Мария не уловил. — Но я по натуре милосердный правитель.

— Ваше милосердие общеизвестно, — ввернул шут, но не сумел изгнать из голоса сарказм.

Джан Мария взбеленился.

— Да ты смеешься надо мной, животное! Не распускай свой мерзкий язык, а не то я прикажу вырвать его.

Лицо Пеппино посерело. Угроза достигла цели — как жить на свете шуту без языка? А герцог продолжил, весьма довольный полученным результатом:

— За твою наглость тебя надобно повесить, но я готов

отпустить тебя целым и невредимым, если ты правдиво ответишь на вопросы, которые я хочу тебе задать.

Горбун склонился в поклоне.

— Почтительнейше жду ваших вопросов, господин мой.

— Ты говорил...— герцог запнулся, вспоминая слова шута.— Утром ты говорил о мужчине, которого встретила монна Валентина.

Лицо Пеппе перекосило от страха.

— Да,— выдохнул он.

— Где она встретила мужчину, которого ты так расхваливал?

— В лесах у Аскуаспарте, где река Метауро более напоминает ручеек. В двух лигах ²⁹ от Сан-Анджело.

— Сан-Анджело! — эхом отозвался Джан Мария, вздрогнув при упоминании места, где собирались заговорщики. — И когда это случилось?

— В среду перед Пасхой, когда монна Валентина возвращалась в Урбино из монастыря святой Софии.

Джан Мария призадумался, вспоминая обстоятельства заговора против него. Стычка, в которой погиб Мазуччо, случилась в ночь со вторника на среду, и он все более склонялся к мысли, что мужчина, случайно встретившийся с Валентиной,— один из заговорщиков.

— Почему монна Валентина заговорила с ним? Они были знакомы?

— Нет, ваше высочество. Но он лежал раненый, и в ней проснулось сострадание. Она попыталась облегчить его боль.

— Раненый? — вскричал Джан Мария.— Клянусь Богом, все так, как я и думал! Его ранили ночью на склоне Сан-Анджело. Как его имя, шут? Скажи и можешь идти на все четыре стороны.

Замаялся шут не более чем на секунду. С одной стороны, он боялся Джан Марию, о жестокости которого ходили легенды. С другой — еще более пугало его вечное проклятие, на которое обрекал он себя, нарушая клятву, данную рыцарю, обещание не выдавать его имени.

— Увы! — Пеппе всплеснул руками.— Сколь сладостно завоевать свободу за столь ничтожную цену. Но собственное невежество мешает мне заплатить ее. Имени его я не знаю.

Но герцог продолжал сверлить его взглядом. Подозрительность обострила его чутье. В иной ситуации он бы ничего не заметил, но тут мгновенная заминка шута не осталась без внимания.

— А как он выглядел? Опиши его мне. В чем был одет? Какое у него лицо?

— И тут, господин мой, мне нечего ответить. Видел я его лишь мельком.

В злобной улыбке скривился рот герцога, обнажив крепкие белые зубы.

— Значит, видел мельком, и память твоя не запечатлела его образа?

— Истинно так, ваша светлость.

— Ты лжешь, мерзавец! — распаяясь, взревел Джан Мария. — Только утром ты говорил, что он и высок ростом, и благороден внешнеюстью, с манерами принца и речью придворного! А сейчас говоришь о том, что видел его лишь мельком и не помнишь, как он выглядел. Тебе известно, кто он, и ты назовешь мне его имя, а иначе...

• — Ну что вы так разгневались, наиболее благороднейший господин? — начал было испуганно шут, но герцог перебил его:

— Разгневался? — Глаза Джан Марии округлились, словно предположение шута повергло его в ужас. — Да как ты смеешь обвинять меня в этом смертном грехе? — Он перекрестился, как бы отгоняя искушающего его дьявола, смиренно склонил голову. — *Libera me a malo, Domine**, — пробормотал едва слышно, а затем прорычал с еще большей яростью: — Ну, говори, как его зовут?

— Если бы я мог...

Узнать возможности шута Джан Мария не пожелал. Хлопнул в ладоши, крикнул:

— Эй! Мартино! — Мгновенно дверь открылась, на пороге возник капитан швейцарцев. — Веди сюда своих людей, да пусть не забудут веревку.

Капитан повернулся, и в то же мгновение шут рухнул на колени.

— Пощадите, ваша светлость! Не вешайте меня. Я...

— Мы и не собираемся тебя вешать, — ледяным тоном отвечивал герцог. — Какой толк от тебя мертвого? Ты нам нужен живым, мессер Пеппино, живым и разговорчивым. Для шута ты чересчур сдержан на язык. Но мы надеемся исправить этот недостаток.

Стоя на коленях, Пеппе зашептал молитву:

— Матерь Божья, помоги и защити.

Джан Мария пренебрежительно рассмеялся.

— Да будет ли Матерь Божья возиться с такой

* Освободи меня от дурного, Господи (лат.).

швавью, как ты. Обращайся лучше ко мне. Потому что от меня зависит твоя участь. Скажи мне имя мужчины, которого ты встретил в лесу, и я отпущу тебя с миром.

Пеппино молчал, пот выступил на его лбу, страх сжимал сердце и глотку. Но еще более боялся он нарушить данную им клятву, тем самым обрекая на вечные муки свою бессмертную душу. А Джан Мария тем временем повернулся к швейцарцам, которые, судя по их суровым лицам, понимали, какая им предстоит работа. Мартин залез на кровать, повис на перекладине, по которой скользил полóg.

— Выдержит, ваша светлость,— объявил он.

Джан Мария отослал одного из швейцарцев плотно закрыть и запереть все двери в его покоях, чтобы ни один крик не проник в прочие комнаты дома Вальдикампо.

Через несколько секунд швейцарец вернулся: Пеппе грубо подняли с колен, оторвав от молитвы Деве Марии, которой в этот страшный час вверял он свою судьбу.

— Спрашиваю последний раз, шут. Назовешь ты его имя?

— Ваша светлость, я не могу,— прошептал объятый ужасом Пеппе.

Глаза Джан Марии сверкнули.

— Так оно тебе известно! Ты уже не отпираешься, будто знать ничего не знаешь. Просто не можешь назвать мне его. Ну, это дело поправимое. Вздернуть его, Мартино.

Отчаянным усилием Пеппе удалось вырваться из рук швейцарцев. Он метнулся к двери, но свобода длилась лишь миг, ибо крепкие пальцы ухватили шута за шею да сжали так, что он вскрикнул от боли. Джан Мария смотрел на него, мрачно улыбаясь, а Мартин связывал руки веревкой. Дрожащего, как лист на ветру, шута подвели к кровати. Свободный конец веревки перекинули через перекладину. Оба швейцарца взялись за него. Мартин встал рядом с Пеппе. Джан Мария уселся в кресло.

— Ты знаешь, что тебя ждет? — В голосе звучало равнодушие.— Может, теперь ты заговоришь?

— Мой господин! Вы же добрый христианин, верный сын святой церкви, и можете представить себе, как-во обречать свою душу на вечные муки в адском огне.

Джан Мария нахмурился. Уж не намекает ли шут, что такое уготовано его душе?

— И потому вы, возможно, смилуетесь надо мной, когда я объясню, чем вызвано мое молчание. Спасением души поклялся я мужчине, которого встретил у Аскуас-

парте в тот злосчастный день, что никому не назову его имени. Так что же мне делать? Если я сдержу клятву, вы замучаете меня до смерти. Если нарушу ее, душу мою ждут вечные муки. Пожалейте меня, мой господин, ибо теперь вы видите, как мне трудно.

На губах герцога заиграла улыбка. Пеппе, сам того не подозревая, сказал ему многое. Значит, мужчина, имя которого он старался узнать, всячески старался скрыть свое пребывание в окрестностях Аскуаспарте. Потому-то и заставил шута поклясться в молчании. То есть подозрения его имеют под собой прочное основание. Мужчина этот — один из заговорщиков, возможно, даже главарь. И Джан Мария дал себе слово, что лишь смерть шута помешает ему узнать имя человека, который дважды смертельно оскорбил его, не только намереваясь свергнуть с престола, но и, если верить шуту, завоевав сердце Валентины.

— Вечные муки твоей души меня не волнуют, — отчеканил Джан Мария. — Спасти бы собственную, ибо искушений много, а плоть человеческая слаба. Но я должен знать имя этого человека, и, клянусь пятью ранами Люции из Витербо³⁰, я его узнаю. Будешь говорить?

Глухое рыдание сорвалось с губ шута. Но ничего более. Поникнув головой, он молчал. Герцог дал знак швейцарцам. Те потянули за веревку, и мгновение спустя Пеппе болтался в воздухе, подвешенный за кисти рук. Швейцарцы застыли, оборотив взгляды на Джан Марию, ожидая дальнейших распоряжений. Тот вновь предложил Пеппе отвечать на вопросы. Но горбун, извиваясь, перебирая ногами, молчал.

— Отпустите его, — потеряв терпение, крикнул Джан Мария.

Швейцарцы разжали пальцы, три фута веревки скользнули меж ладоней, а затем они вновь схватились за веревку. Падение Пеппе оборвалось рывком, от которого руки его едва не вырвало из плеч. Вопль боли исторгся из его груди, и вновь шута подтянули под самую перекладину.

— Будешь теперь говорить? — холодно полубопытствовал Джан Мария.

Но шут молчал, впившись зубами в нижнюю губу так, что из нее на подбородок сочилась кровь. Вновь герцог дал сигнал. На этот раз шут пролетел на фут больше и рывок был куда сильнее.

Пеппе почувствовал, как кости выходят из суставов, плечи, локти, запястья словно жгло раскаленным железом.

— Милосердный Боже! — вскричал он. — О, пожалейте, пожалейте меня, благородный господин!

Но благородный господин приказал вновь подтянуть его под перекладину. Едва живой от боли, Пеппе разразился потоком проклятий, призывая небеса и ад покарать его мучителей.

Но герцог лишь улыбался. По выражению его лица чувствовалось, что события развиваются в полном соответствии с его замыслами. И по его знаку шута третий раз бросили вниз и удержали в воздухе на расстоянии лишь трех футов от пола.

Теперь он уже не кричал. Лишь болтался на конце веревки с окровавленным подбородком, посеревшим, покрытым потом лицом да жалобно стонал, а глаза задавали немой вопрос: когда же все это кончится? Но Джан Мария не собирался щадить его.

— Не хватит ли с тебя? — спросил он шута. — Может, теперь ты заговоришь?

Ответом ему был лишь долгий стон, и по неумолимому сигналу герцога Пеппе четвертый раз вздернули на дыбу. Вот тут до него, пожалуй, дошел весь ужас происходящего. Он понял, что мучения будут продолжаться, пока он не умрет или не лишится чувств. Но сознание не покидало его, смерть не открывала своих объятий, далее же терпеть страдания он не мог. И уже не имело значения, куда попадет его душа, отлетев от тела, в рай или ад. Пытка сделала свое дело: шут не выдержал.

— Я скажу! — выкрикнул он. — Опустите меня на пол, и я назову его имя, господин герцог.

— Называй немедленно, а не то спускаться ты будешь, как и прежде.

Пеппе облизал окровавленные губы.

— То был ваш кузен, Франческо дель Фалько, граф Аквильский.

Глаза герцога вылезли из орбит, рот открылся от изумления.

— Ты говоришь правду, животное? Ты наткнулся в лесу на графа Аквильского, и за ним ухаживала монна Валентина?

— Я клянусь в этом, — выдохнул шут. — А теперь, во имя Бога и всех святых, опустите меня.

Но еще мгновение он висел меж небом и землей. Герцог лишь смотрел на него, переваривая сногшибательную новость, пока, наконец, не понял, что шут сказал правду. Граф Аквильский давно уже стал кумиром баб-

бьянцев. И вполне естественно, что заговорщики обратились именно к нему, предлагая герцогский трон, с которого намеревались сбросить Джан Марию. Просто удивительно, что он не додумался до этого раньше.

— Опустите его на пол,— приказал он швейцарцам.— А затем выведите из дворца, и пусть идет с Богом. Он сыграл свою роль.

Осторожно шута спустили вниз, но ноги, коснувшись пола, не удержали его. Он лежал, словно жалкая тряпичная кукла.

По знаку Армштадта швейцарцы подняли шута и вынесли из спальни.

Джан Мария подошел к аналою, преклонил колени перед распятием из слоновой кости и возблагодарил Господа, в милосердии своем указавшего ему на его врага. И, помолившись, отошел ко сну.

Глава 10

КРИК ОСЛА

Назавтра, прибыв к десяти вечера в Баббьяно, герцог Джан Мария Сфорца нашел город в большом волнении, вызванном, как он правильно догадывался, присутствием посла Чезаре Борджа.

Молчаливая, мрачная толпа встретила герцога у Римских ворот, когда он въехал в город в сопровождении Альвари, Санти и двадцати вооруженных до зубов швейцарцев. Зловещее молчание горожан напугало Джан Марию. Он побледнел и проследовал дальше, изредка бросая по сторонам взгляды, полные бессильной злобы. Но худшее ждало его впереди. В квартале Борго-дель-Аннунциата толпа стала гуще, а молчание сменилось открытым выражением недовольства. По приказу Армштадта швейцарцы опустили пики, чтобы при необходимости проложить путь в толпе. То ли один, то ли два горожанина, подошедших слишком близко, угодили под копыта.

Герцогу задавали саркастические вопросы о его женьтибе и где наемники нового родственника, которые должны защитить Баббьяно от посягательств Борджа. Некоторые особо смелые горожане интересовались, куда подевался взятый с населения военный налог, предназначенный для создания собственной армии. Другие горо-

жане отвечали за Джан Марию, громогласно утверждая, что деньги эти герцог проел и пропил.

Внезапно кто-то крикнул: «Убийца!» — после чего у герцога потребовали ответа за смерть храброго Феррабраччо, Американи, народного заступника, и других, погибших от руки палача. Тут же упомянули и графа Аквилеского, вызвав восторженный рев: «Слава! Слава! Да здравствует Франческо дель Фалько!» А один из горожан, особенно крикливый, в избытке чувств восславил герцога Франческо. Вот тут кровь бросилась в лицо Джан Марии и ярость пересилила поселившийся в его сердце страх. Он приподнялся на стременах, гневно оглядел окружившую их толпу.

— Мессер Мартино! — обратился он к своему капитану. — Пики к бою! И вперед галопом!

Здоровяк-швейцарец, мужчина далеко не из трусливых, заколебался. Альваро де Альвари и Джизмондо Санти тревожно переглянулись, и последний, убежденный сединами советник, сердце которого не дрогнуло при виде возбужденной толпы, изменился в лице, услышав отданный приказ.

— Ваше высочество, — обратился он к Джан Марии. — Не в этом же ваши истинные намерения?

— Не в этом?! — Взгляд герцога сместился с Санти на капитана. — Болван! — взревел он. — Глупое животное! Чего ты ждешь? Или не слышал, что я сказал?

Тут уж Армштадту не осталось ничего другого, как поднять меч и хриплым, гортанным голосом приказать швейцарцам взять пики на изготовку. Услышали капитана и в толпе. Стоявшие поблизости поняли грозящую им опасность и попятились, но задние ряды, напирая, не позволяли им освободить дорогу маленькой, ринувшейся вперед кавалькаде.

К звону оружия и лошадиному ржанию прибавились крики задавленных. Но не все бесстрастно смотрели на хладнокровное избивание безоружных горожан. И на всадников градом посыпались булыжники мостовой. Многим помяло стальные шлемы, два камня попали в герцога, Санти разбила голову, и его седые волосы обагрились кровью.

Таким вот образом, пробиваясь во враждебной толпе, добрались они до герцогского дворца, отмечая свой путь мертвыми и изувеченными.

Ослепленный яростью, Джан Мария затворился в своих апартаментах и появился лишь двумя часами позже, когда

ему доложили, что посол Чезаре Борджа, герцога Валентино, испрашивает аудиенции.

Все еще вне себя от столь недоброжелательного приема, устроенного ему подданными, Джан Мария без всякой радости (беседа с любым послом, а тем более с послом Борджа, требовала холодного рассудка) принял мрачного, важного вида испанца в тронном зале дворца. В переговорах участвовали Альвари, Санти и Фабрицио да Лоди. Тут же, на обитом алым бархатом кресле, украшенном золоченым львом Сфорца, сидела и монна Катерина Колонна, мать Джан Марии.

Встреча окончилась быстро, а резкость речей, которыми обменялись высокие стороны, еще более оттенялась церемонностью начальной фазы переговоров. Едва ли не с первых слов стало ясно, что цель его визита — затеять ссору с Баббьяно, дабы дать Борджа веский повод для вторжения в герцогство. Посол потребовал, сперва спокойно и вежливо, а встретив отказ — с явным вызовом, чтобы Джан Мария передал Борджа сотню кавалеристов, которых тот намеревался использовать против французов.

Джан Мария, похоже, и не услышал тех советов, что нашептывал ему на ухо да Лоди, предлагая потянуть время, не говоря ни да, ни нет, пока не будет заключен союз с Урбано и их позиция достаточно укреплится, чтобы противостоять напору Чезаре Борджа. Но герцог не вял ни шепоту Лоди, ни грозным взглядам матери. Повиновался он лишь своему настроению, не задумываясь о последствиях скоропалительных и потому опрометчивых слов.

— Герцогу Валентино передайте следующее, — заявил Джан Мария. — Кавалеристов этих я оставляю при себе, чтобы при необходимости защитить Баббьяно от его посягательств. Мессер да Лоди, — продолжил он, не дожидаясь ответа посла, — проводите этого господина и проследите, чтобы он покинул наше герцогство целым и невредимым.

Когда посол, багровый, как вареный рак, удалился в сопровождении Фабрицио да Лоди, монна Катерина поднялась с кресла. Терпение ее лопнуло, и она обрушилась на сына:

— Болван! Ты своими руками отдал свое герцогство! — Она горько рассмеялась. — А может, оно и к лучшему, что все так вышло, ибо, видит Бог, ты не способен им управлять.

— Дорогая мама, — с неожиданным для него достоинством отвечивал Джан Мария, — я бы попросил вас

заниматься делами, присущими женщинам, и не лезть туда, где мужчины справятся сами.

— Мужчины! — фыркнула монна Катерина. — Да ты вел себя, как обидевшийся ребенок или капризная женщина!

— Я избрал путь, который полагаю наилучшим, мадонна, и позвольте напомнить вам, что пока я — герцог Баббьяно. Я не боюсь Чезаре Борджа. Союз с Урбино — дело решенное. А после свадьбы, если отпрыск папы оскалит зубы, мы покажем ему свои.

— Покажете, это точно, только у него зубы волка, а у вас — барашка. Кроме того, союз с Урбино еще не заключен. А посему тебе следовало отослать посла с неопределенным обещанием рассмотреть просьбу Борджа, тем самым выгадывая время. А теперь дни твои сочтены. Получив такой ответ, Борджа незамедлительно навалится на Баббьяно всеми силами. Лично я не желаю попадать в его когти и поэтому намерена покинуть герцогство и искать убежище в Неаполе. И мой последний тебе совет — составь мне компанию. Для тебя это наилучший выход.

Джан Мария встал, гневно уставился на мать. Затем перевел взгляд на Альвари, Санти, наконец, да Лоди, уже вернувшегося, пока говорила монна Катерина, ожидая поддержки. Но ни один из них не разомкнул губ, они только мрачно смотрели на герцога.

— Вижу, все вы трусоваты. — Лицо Джан Марии потемнело. — А вот я — нет, хотя иной раз и давал поводы усомниться в этом. Но я изменился, господа. Сегодня я услышал голос улиц Баббьяно, и то, что я увидел, разожгло мою кровь. Добродушного, покорного судьбе герцога, которого вы все знали, более нет. Лев наконец-то проснулся, и вскорости вашим глазам откроется то, о чем вы не могли и мечтать.

Теперь в их взглядах появилась тревога. Уж не тронулся ли он умом от свалившихся на него передраг? Ибо чем, как не безумием, объяснялась эта безудержная похвальба?

— Ну, что вы все словно воды в рот набрали? — воскликнул Джан Мария. — Или вам кажется, что я обещаю невыполнимое? Что ж, скоро вы все увидите сами. Завтра, дорогая мама, когда вы отправитесь на юг, я поеду на север, в Урбино. Не хочу терять ни дня. Не пройдет и недели, господа, как я женюсь. Тем самым нашим союзником станет Урбино, а вместе с ним — Перуджа и Камерино. Но это еще не все. Монна Валентина при-

несет нам царское приданое. И как, по-вашему, я намерен потратить его? Все до единого флорина уйдет на армию. Все наемники Италии соберутся под моими знаменами. У меня будет армия, какой еще не видывали, и с ней я сам пойду войной на герцога Валентино. Я не буду сидеть дома, ожидая, когда он вторгнется в Баббьяно. Нет, армия моя обрушится на его земли. Подожди немного, дорогая мама,— Джан Мария рассмеялся.— Барашек еще поохотится на волка, да так, что у того пропадет всякое желание задирать других барашков. Все это будет, друзья мои, и Баббьяно прославится на весь мир!

Монолог Джан Марии еще более убедил и придворных, и монну Катерину, что герцог не в себе. Иначе откуда могла взяться такая воинственность в человеке ранее смирном, не склонном к воинственности? Но им не пришлось бы искать причину, если бы они могли проследить за ходом мыслей Джан Марии. А начало положил голос в толпе, назвавший Франческо герцогом. Ревность к кузену распалила Джан Марию. Граф Аквильский украл у него не только любовь подданных, но и Валентины, и в сердце Джан Марии поселилось неодолимое желание превзойти кузена, доказать и народу и Валентине, что они сделали неправильный выбор. Сейчас он более всего напоминал игрока, поставившего на карту все. Ставкой его было приданое Валентины. Игрой — сражение с войсками Борджа. Победа покрывала его славой, он становился спасителем своих подданных, имя его прогремело бы на всю Италию, во всяком случае, на ту ее часть, что познала железную руку правления Чезаре Борджа. И тогда все забудут его мятежного кузена, которого он сейчас собирался призвать к ответу.

Но тут заговорила монна Катерина, призвав сына к осторожности и указав, что столь великие планы требуют тщательной подготовки и всестороннего обсуждения на городском совете. В тронный зал вошел слуга, направился к герцогу, и Джан Мария прервал монну Катерину на полуслове:

— Решение уже принято. А теперь я попрошу вас сесть и присутствовать при первом акте великой драмы, которую я буду ставить на подмостках жизни.— И он повернулся к ожидающему слуге: — Чего тебе?

— Вернулся капитан Армштадт, ваша светлость, вместе с его сиятельством.

— Пусть принесут свечей, а потом пригласи их. Садитесь, господа, и вы, мама! Я буду вершить суд.

Изумленные, не представляющие себе, чего ждать дальше, они заняли места у трона, на который опустился Джан Мария. Слуги принесли большие золотые канделябры, поставили на стол и каминную доску. Когда слуги удалились, из-за дверей послышалось бряцание оружия, еще более всех удивившее.

А мгновение спустя и советники, и монна Катерина просто лишились дара речи, когда вооруженные солдаты ввели в тронный зал графа Аквильского. Они приблизились к трону, остановились. Франческо и бровью не повел, увидев рядом с герцогом Фабрицио да Лоди, и спокойно стоял, ожидая слов кузена.

Элегантно, хоть и без роскоши одетый, внешностью и благородством куда как превосходя Джан Марию, граф был без оружия, с непокрытой головой, если не считать золотой сеточки для волос, с которой он никогда не расставался, еще более подчеркивающей их черноту. Лицо оставалось бесстрастным, во взгляде читалась разве что скука.

В молчании Джан Мария взирал на кузена, в глазах появился странный блеск, и наконец он заговорил:

— Можешь ли ты назвать мне причину, исходя из которой твоя голова не должна болтаться на копье среди прочих над воротами Сан-Баколо?

Брови Франческо изумленно взлетели вверх.

— Могу, и не одну, — с улыбкой ответил он.

— Так давай послушаем, что ты нам скажешь.

— Нет, дорогой кузен, сначала хотелось бы услышать, чем моя бедная голова заслужила столь сурового наказания. Если человека ни с того ни с сего арестовывают, как произошло со мной, он, по меньшей мере, имеет право узнать, в чем его прегрешение.

— Ты — предатель, хотя и сладка твоя речь, — спокойствие графа все более злило Джан Марию. — Желаете, значит, узнать, почему тебя взяли под стражу? Скажи мне, что ты делал неподалеку от Аскуаспарте утром в Великую среду?

Выражение лица Франческо не изменилось. Лишь пальцы, сжавшиеся в кулак, показывали, что удар герцога достиг цели. Но никто не обращал внимания на руки графа. Фабрицио да Лоди, стоявший за спиной Джан Марии, побледнел как мел.

— Не припоминаю ничего особенного. Наверное, дышал воздухом весеннего леса.

— И более ничего?

— Ну почему же? Я встретил там, совершенно случайно, благородную даму, с которой говорил несколько минут. Шута, монаха, разряженного, как попугай, придворного, солдат. Но...— тон графа разом стал жестким,— что бы я там ни делал, мне все еще непонятно, почему граф Аквильский должен кому-то отчитываться, где он бывает и чем там занимается. Вы еще не сказали мне, кузен, почему я задержан.

— И ты не видишь никакой связи между твоим арестом и пребыванием вблизи Сан-Анджело в тот день?

— Неужели меня привели сюда лишь для того, чтобы искать ответы на ваши загадки? Если это так, вы обратились не по адресу. Я — не придворный шут.

— Слова, одни слова,— бросил герцог.— Не думай, что тебе удастся запутать меня в них.— С коротким смешком он повернулся к советникам и матери: — Вы, должно быть, гадаете, на каком основании я схватил этого предателя. Сейчас вы все узнаете. В ночь со вторника на среду перед Пасхой семеро предателей встретились на Сан-Анджело, чтобы составить заговор и свергнуть меня с трона. Головы четверых из них уже украшают ворота Сан-Баколо. Остальные трое удрали, но один стоит перед вами, тот самый, кто взошел бы на трон, окажись заговор успешным.

Взгляды всех скрестились на молодом графе. Тот же смотрел на Лоди. Ужас, написанный на лице старика, выдал бы его с головой, взгляни Джан Мария в его сторону. Пауза затягивалась. Герцог, похоже, ждал ответа Франческо, тот спокойно стоял.

— Итак? — не выдержал Джан Мария.— Тебе нечего ответить?

— Начнем с того, что вы еще не задали вопроса,— ответил Франческо.— Я услышал пока лишь ничем не обоснованное утверждение, обвинение безумца, не подкрепленное никакими доказательствами, иначе вы не стали бы держать их при себе. Я спрашиваю вас, господа, и вас, мадонна, содержался ли в словах его высочества вопрос, требующий ответа?

— Тебе недостает доказательств? — вскричал Джан Мария, но уже не так яростно. Сомнение зародилось в его душе. Очень уж спокойно вел себя Франческо, а спокойствие, по разумению герцога, едва ли свидетельствовало о виновности. Держаться так мог лишь тот, кто не чувствовал за собой греха.— Недостает, значит? А как ты объяснишь рану, с которой лежал в тот день в лесу?

Легкая улыбка, играющая на губах Франческо, исчезла.

— Я жду доказательств, а не вопросов. Что докажет даже сотня моих ран?

— Докажет? — эхом отозвался Джан Мария, уже совсем неуверенно. Он начал опасаться, что подозрительность завела его слишком далеко. — Для меня твоя рана, вкупе с твоим местонахождением в то утро, свидетельствует об одном — ты участвовал в ночной стычке на Сан-Анджело.

Франческо вздохнул и улыбнулся одновременно. А затем командовал:

— Прикажете этим людям уйти. — Он мотнул головой в сторону швейцарцев. — А потом вы услышите, как я не оставляю камня на камне от ваших подозрений.

Джан Мария вытаращился на него, словно пораженный громом. Графа не покинули всесокрушающая уверенность, благородство манер, столь выигрышные на фоне его собственной суеты. Как же здесь не засомневаться в своей правоте? Взмахом руки герцог отпустил солдат, повинувшись приказу кузена.

— А теперь, ваша светлость, прежде чем опровергнуть выдвинутое против меня обвинение, давайте разберемся, правильно ли я вас понял. Из ваших слов я вынес следующее: некоторое время тому назад на горе Сан-Анджело собрались заговорщики, имевшие намерение сместить вас с трона Баббьяно и посадить меня на ваше место. Вы обвиняете меня в том, что я также участвовал в этом заговоре? Я не ошибся?

Джан Мария кивнул головой.

— Ты все понял правильно. Если сможешь, докажи свою невиновность, и я признаю, что погорячился.

— Предположим, что наличие заговора доказано, хотя сами доказательства едва ли покажутся убедительными гражданам Баббьяно. Человек, уже отошедший в мир иной, сообщил вашему высочеству о существовании такого заговора. Едва ли его слова являются веским основанием для того, чтобы выставить над городскими воротами голы четырех верных сынов Баббьяно, но, несомненно, в распоряжении вашего высочества имеются более серьезные доказательства их вины, еще не известные нам.

От этих слов по телу Джан Марии пробежала дрожь. Он вспомнил, что говорил Франческо при их последней встрече по тому же поводу, вспомнил, как встретили его сегодня на улицах Баббьяно.

— Но мы удовлетворимся тем, что знаем, — продолжил Франческо. — Мы примем на веру, что такой заговор су-

ществовал, но вот мое участие в нем, стремление занять ваше место... нужно ли мне доказывать беспочвенность такого обвинения?

— Необходимо, клянусь Богом! Доказывай, если хочешь спасти свою голову!

Граф стоял, заложив руки за спину, улыбаясь хмурой физиономии Джан Марии.

— Воистину загадочно вершите вы суд, кузен,— говорил он.— Странная же у вас справедливость. Вы силой привели меня сюда, а теперь сидите передо мной, говоря: «Докажи, что не участвовал в заговоре против меня, а не то палач отрубит тебе голову!» Клянусь небом, Соломон по сравнению с вами жалкий дилетант.

— Докажи! — словно капризный ребенок воскликнул Джан Мария.— Докажи, докажи, докажи!

— Разве мои слова — не достаточное доказательство? — В голосе Франческо слышалось удивление.

Герцог нетерпеливо взмахнул руками.

— Мессер Альвари,— прорывал он,— пора вам призвать стражу.

— Подождите! — остановил его граф. Он уже не улыбался, наоборот, гневно смотрел на Джан Марию.— Я повторю вам мои слова. Вы привели меня в этот зал силой и сидите на троне Баббьяно, говоря: «Докажи, что не участвовал в заговоре против меня, если хочешь спасти свою голову».— На мгновение он запнулся, отметив удивленные взгляды слушавших его.— Похоже, вы чего-то не понимаете. Разве наше близкое родство не показывает вам полную абсурдность вашего обвинения? — Франческо рассмеялся, глаза его наполнились презрением к герцогу.— Если вам еще нужны разъяснения, Джан Мария, я вам скажу, что, будь у меня хоть малейшее желание заполучить ваш трон, я бы не стоял сейчас здесь, защищая себя от дурацких обвинений. Неужели вы в этом еще сомневаетесь? Или урок, полученный вами сегодня на улицах Баббьяно, не пошел впровк? Вы не слышали, как народ прославлял меня и клял вас? Однако,— с печалью продолжал он,— вы говорите мне, что я плел против вас заговор. Да чтобы получить трон Баббьяно, мне достаточно развернуть знамя с моим гербом на улице вашей столицы, и через час Джан Мария уже не будет герцогом. Так я доказал вам свою невиновность, ваше высочество! — закончил он.— Вы убедились, что мне нет нужды участвовать в заговорах?

Герцог не нашелся с ответом. Безмолвно сидел он,

а советники и монна Катерина не отрывали глаз от молодого графа, дрожа за его судьбу, ибо никто еще не решался сказать такое в глаза Джан Марии. Внезапно тот закрыл лицо руками, а когда убрал их, оно разительно изменилось, словно за те несколько секунд раздумий герцог постарел на добрый десяток лет.

— Стражу,— прохрипел он, обращаясь к Санти, стоявшему ближе всех, и тот направился к двери.

Никто не решался нарушить тишину, и все по-прежнему молчали, когда к возвышению подошел капитан с двумя швейцарцами.

Джан Мария указал на пленника.

— Уведите его,— перекошенное его лицо посерело.— Уведите его и ожидайте в приемной моего приказа.

— Если мы прощаемся навсегда, кузен, могу я надеяться, что вы пришлете ко мне священника? — только и спросил Франческо.— Все-таки всю жизнь я прожил добрым христианином.

Ответом Джан Марии послужил злобный взгляд, брошенный на Мартина Армштадта. Тот коснулся руки Франческо. Еще мгновение граф стоял, переводя взгляд с герцога на солдат, затем пожал плечами, повернулся и с высоко поднятой головой направился к двери.

Долго молчали все после его ухода, а затем тишину разорвал презрительный смех Катерины Колонны.

— Как храбро обещал ты нам, что станешь львом. На деле же мы услышали не львиный рык, но крик осла.

Глава 11

СТРАНСТВУЮЩИЕ РЫЦАРИ

Ядовитая насмешка матери подняла Джан Марию с трона. Он спустился с возвышения, подошел к ней, дрожа от гнева.

— Крик осла? — пробормотал он, остановившись перед монной Катериной.— Это еще как посмотреть, мадонна! Потерпите немного, и мы узнаем, кто из нас прав.— Он повернулся к придворным: — Вы слышали его, господа. Как, по-вашему, я должен поступить с этим предателем? — Ответа он ожидал напрасно, и молчание еще больше разозлило его.— Значит, вам нечего мне посоветовать?

— Мне кажется,— с готовностью ответил да Лоди,—

что в данном случае совета вашему высочеству и не требуется. Вы склонялись к выводу, что граф Аквильский — предатель, но, отталкиваясь от того, что мы слышали, можно утверждать лишь обратное.

— Неужели? — Герцог уставился на Лоди, словно удав на кролика. — Да Лоди, ваша верность в последнее время вызывает у меня большие сомнения. И если до сих пор я, принц волею Божьей, правил вами, ставя во главу угла милосердие, не стоит вам испытывать мое терпение. В конце концов, я тоже человек.

Он отвернулся от старика и обратился к остальным советникам:

— Ваше молчание, господа, указывает, что в этом вопросе разногласий у нас нет. Мудрость ваша подсказывает вам, что выход здесь может быть один. Мой кузен наговорил сегодня слишком много, и ни один человек еще не остался живым после таких речей. И мы не будем создавать исключения из этого правила. Граф Аквильский заплатит головой за свою дерзость.

— Сын мой! — ужаснулась монна Катерина.

Джан Мария злобно посмотрел на нее.

— Я все сказал. И не усну, пока он не умрет!

— Тогда ты уже не проснешься, — отрезала монна Катерина и с гневом накинулась на него, доказывая, что едва ли можно представить себе более недалекое решение. А может, предположила она, ему надоело править Баббьяно? Если так, то лучше дождаться прихода войск Цезаре Борджа. Но уж никак не стоит провоцировать людей на бунт, а народ обязательно поднимется, чтобы отомстить за своего героя.

— Ваши доводы убеждают меня в собственной правоте, — ответил Джан Мария. — В моем герцогстве нет места человеку, чья смерть, если я приговорю его к ней, может вылиться в восстание моих подданных.

— Так вышли его из своих владений! — вскричала монна Катерина. — Выгони прочь, и, может, все образуется! Ежели ты убьешь его, то не дожить тебе до следующего заката.

С трудом они убедили Джан Марию последовать дельному совету матери. Но для этого им пришлось затратить немало времени и усилий. Наконец с огромной неохотой Джан Мария согласился с изгнанием графа Аквильского. Его ревность никак не желала примириться с тем, что Франческо покинет Баббьяно живым, и лишь страх перед последствиями, которые монна Катерина описала в яр-

чайших подробностях, заставил герцога смириться с таким решением.

Джан Мария послал за Мартино и приказал ему вернуть графу меч. Фабрицио да Лоди надлежало сообщить ему, что не позже чем через двадцать четыре часа он должен покинуть владения Джан Марии Сфорца.

На том все и кончилось. Франческо отправился собираться в дорогу, советники разошлись.

Разумеется, не все смирились с подобным исходом. Город недовольно гудел, а Фанфулла дельи Арчипрети просто примчался к графу Аквильскому, чтобы призвать того к открытому неповиновению, обещая, что баббьянцы поддержат его.

Франческо без малейших раздумий отказался, но Фанфулла продолжал настаивать. Граф же лишь покачал головой.

— Видишь, Фанфулла, как просто изменить человеку жизнь, превратить его из свободного гражданина в изгнанника, и ты ни в коей мере не любишь меня, если продолжаешь спорить со мной. Или ты думаешь, что перспектива изгнания печалит меня? Нет, юноша, после оглашения приговора кровь еще быстрее бежит по моим жилам. Он освобождает меня от обязательств перед Баббьяно в час, когда мой долг — остаться с его жителями, ответив тем самым на их любовь. Приговор дает мне свободу, мой добрый Фанфулла. Теперь я волен делать то, что мне вздумается, — Франческо раскинул руки и весело рассмеялся.

Фанфулла не отводил от него глаз, зараженный отличным настроением графа.

— Пожалуй, вы правы, мой господин. Вы слишком красивая птица, чтобы петь в клетке. Но подаваться в странствующие рыцари... — Он развел руками. — Драконов, держащих принцесс в заточении, больше нет.

— К сожалению, ты прав. Но есть венецианцы, стоящие на пороге войны. Для меня у них найдется работа.

Фанфулла вздохнул.

— То есть мы потеряем вас. Лучший воин Баббьяно уходит от нас в час беды, гонимый безмозглым герцогом. Клянусь душой, мессер Франческо, я хотел бы уехать с вами. Тут мне делать нечего.

Франческо, натягивавший сапог, оторвался от своего занятия, поднял глаза на юношу.

— Если ты того желаешь, Фанфулла, я буду рад твоей компании.

Фанфулла сразу оживился. Да и кто на его месте отказался бы от подобного приглашения?

И в третьем часу теплой майской ночи кавалькада из четырех всадников и двух тяжело нагруженных мулов покинула Баббьяно и двинулась по дороге на Винамаре и далее, к Урбино. За графом Аквильским и Фанфуллой дельи Арчипрети следовали слуги, Ланчотто и Дзаккарья, ведущие на поводу мулов, одного — с оружием, второго — с пожитками странствующих рыцарей.

Всю ночь скакали они под звездами, а через три часа после рассвета остановились на отдых в небольшой ложбинке меж холмами неподалеку от Фабриано. Расседлали и стреножили лошадей, расстелили на траве плащи. Дзаккарья достал съестные припасы и предложил рыцарям хлеб, жареное мясо и вино. Дорогой они изрядно проголодались, так что простая эта еда показалась им вкуснее изысканных яств. А поев, они улеглись на берегу Эзино, напоминавшей в этих краях скорее ручеек, поболтали о пустяках и заснули. Проснувшись в три часа пополудни, граф направился к небольшой запруде в дюжине шагов от них вниз по течению реки, спокойная поверхность которой синела небесной голубизной, разделся и бросился в воду, а несколько минут спустя вышел на берег, бодрый и веселый.

Пружинистой походкой, стройный, гибкий, с каплями воды на лице и волосах, блестящими в солнечных лучах, словно бриллианты, Франческо вернулся в маленький лагерь.

— А теперь скажи мне, Фанфулла,— обратился он к уже проснувшемуся юноше,— есть на свете такой безмозглый человек, который предпочтет всю эту красоту герцогской короне?

И Фанфулла, видя, как Франческо буквально лучится счастьем, наконец-то осознал, сколь мерзко честолюбие, лишаящее человека данной Богом свободы и всех сопряженных с ней радостей. Граф тем временем оделся в красивые рейтузы, сапоги, стеганую кольчугу, обшитую грубой тканью, и застегнул стальной пояс, на котором в кожаных ножнах висел тяжелый кинжал. Другого оружия при нем не было.

По команде графа слуги оседлали лошадей, нагрузили мулов. Ланчотто держал его стремя, Дзаккарья — Фанфуллы, и вскоре они покинули гостеприимную ложбинку и двинулись дальше среди зеленеющих полей. Пересекли реку, вода едва доходила лошадям до колен, повернули

на восток, оставив холмы позади, а затем уже выехали на дорогу на север, к Кальи.

И когда колокольный звон возвестил о том, что подошло время вечерней молитвы, они подъехали к дому Вальдикампо, где двумя днями раньше принимали Джан Марию. И на этот раз ворота дома гостеприимно распахнулись перед знаменитым графом Аквильским, которого мессер Вальдикампо почитал никак не меньше, чем его кузена — герцога. Гостям отвели просторные комнаты, слуги так и роились вокруг них, готовые выполнить любое их желание. Вальдикампо устроил в честь Франческо торжественный ужин, и отношение его к графу нисколько не изменилось и после того, как он узнал, что Франческо изгнан из владений Джан Марии. Выразив сожаление в связи со случившимся, Вальдикампо до ужина не касался этой темы.

Лишь после еды и хорошего вина он позволил себе высказаться о Джан Марии.

— Здесь, в моем доме, он измывался над несчастным калекой, но вина за это может пасть на меня, ибо происходило все под моей крышей, хотя я ничего и не знал.

Настойчивыми расспросами Франческо удалось выяснить, что калека этот — придворный шут Пеппе из Урбино. Тут же перед мысленным взором графа возникла девушка в лесу и ее шут, с которым судьба столкнула его месяц тому назад, и он догадался, как попали к его кузену сведения, послужившие причиной его ареста и изгнания.

— А что сделал с ним Джан Мария?

— По словам Пеппе выходит, что герцог задавал ему некие вопросы, ответить на которые он не мог, связанный клятвой. Джан Мария распорядился схватить его и тайно вывезти из Урбино. Швейцарцы выполнили приказ и притащили шута сюда. Чтобы заставить его говорить, герцог соорудил в своей спальне дыбу и пыткой добился желаемого.

Лицо графа потемнело от гнева.

— Трус! — пробормотал он. — Жалкая тварь!

— Но вы не учитываете, господин граф, — с жаром воскликнул Вальдикампо, — что Пеппе — немощный калека и нельзя требовать с него молчания там, где заговорил бы и крепкий мужчина. Так что не судите его поспешно.

— Я не о шуте, а о моем кузене, этом трусливом тиране, Джан Марии Сфорца, — пояснил Франческо. — Но скажите мне, мессер Вальдикампо, что стало с Пеппе?

— Он все еще здесь. Окружен заботой, и самочувствие его заметно улучшилось. Можно сказать, что он совсем поправился, если бы не руки, которыми он не сможет пользоваться еще несколько дней. Их только что не оторвали от тела. Но суставы уже вправили, и есть полная уверенность, что все будет хорошо.

Граф уговорил Вальдикампо отвести его в комнату Пеппе, что тот и сделал, оставив Фанфуллу в компании дам.

— К вам гость, мессер Пеппе,— возвестил седовласый дворянин, открыв дверь.

Шут повернул голову, глянул на спутника Вальдикампо, и лицо его перекосило от ужаса.

— Мой господин,— Пеппе попытался сесть,— мой благородный господин, смилуйтесь надо мной. Я бы с радостью вырвал мой проклятый язык. Но вы можете представить себе, какие муки я перенес, каким пыткам подвергали меня, чтобы заставить говорить, и потому найдете в душе хоть каплю жалости к бедному шуту.

— Об этом можешь не беспокоиться,— мягко ответил Франческо.— Более того, если б я знал, к каким последствиям приведет эта клятва, я никогда не связал бы тебя ею.

Страх на лице Пеппе уступил место удивлению.

— Так вы прощаете меня, господин мой? — воскликнул он.— Я-то думал, что вы пришли сюда, чтобы наказать за тот урон, что я нанес вам, заговорив. А раз вы простили меня, возможно, простят меня и Небеса, и душа моя избегнет вечных мук, ибо кому охота попадать в ад.

— Я бы отправился туда, чтобы посмотреть, как будет мучиться там Джан Мария,— рассмеялся Франческо.

— Да, ради этого, наверное, стоит гореть в адском огне.— Шут глянул на свои руки, раздувшиеся в запястьях.

Франческо торопливо справился о его здоровье.

— Сейчас получше, и лишь благодаря заботе мессера Вальдикампо, не позволяющего мне подниматься с постели. Пока я едва могу шевелить руками, но дело идет на поправку. Завтра я собираюсь встать и надеюсь добраться до Урбино, где моя дорогая госпожа наверняка беспокоится из-за моего отсутствия, ибо у нее добрая душа и нежное сердце.

Упоминание о Валентине и побудило графа предложить Пеппе отвезти его в Урбино, благо он сам едет туда же. Тот согласился мгновенно и еще долго благодарил Франческо.

ЛЮБОПЫТСТВО ШУТА

Поутру Франческо тронулся в путь, сопровождаемый Фанфуллой, слугами и шутом. Последний уже мог сидеть на муле, но, чтобы тряска не утомила его, ехали они чуть ли не шагом. И к ночи от Урбино их отделяли еще две лиги. Половину этого расстояния они преодолели под звездами. Шут, чтобы скоротать время, веселил их забавными историями, почерпнутыми со страниц книги мессера Боккаччо³¹, когда его острый слух уловил необычные звуки, заставившие замолчать на полуслове.

— Уж не дурно ли тебе? — обеспокоенно спросил Франческо, обернувшись к шуту, памятуя о его болезненном состоянии.

— Нет, нет, — успокоил его Пеппе. — Но мне кажется, что я слышу, как шагают солдаты.

— То ветер шелестит листвою, Пеппино, — объяснил Фанфулла.

— Не думаю... — Шут остановил лошадь, прислушался. Остальные последовали его примеру.

— Ты прав, — согласился с шутлом Франческо. — То идут солдаты. Но что из этого, Пеппе? В Италии это не редкость. Давай лучше дослушаем твою историю.

— Но почему они ходят рядом с Урбино, да еще ночью?

— Откуда мне знать, да и какое мне до этого дело? — отвечал граф. — Продолжай.

Шут повиновался, но говорил уже безо всякого вдохновения. Мысли его занимал гул многочисленных ног, доносившийся все громче и громче. Наконец Пеппе не выдержал.

— Мой господин, — воскликнул он, вновь прервав рассказ. — Они уже совсем рядом.

— Да, да, — безразлично покивал Франческо. — Скорее всего за следующим поворотом.

— Тогда я умоляю вас, господин граф, сойти с дороги. Я боюсь. Считайте меня трусом, но не нравятся мне люди, которые не спят по ночам. Может, это банда мародеров.

— И что же? — Граф не останавливался. — Нам ли бояться каких-то бандитов?

Но Фанфулла и слуги поддержали шута и уговорили-таки Франческо. Они свернули направо и затаились на опушке леса. Тень деревьев полностью скрывала их, до-

рога же, освещенная лунным светом, лежала как на ладони. К удивлению Франческо, увидели они не мародеров, а боевой отряд из двадцати пехотинцев, в панцирях и морионах, с мечом у бедра и пикой на плече. Во главе отряда на крепком коне ехал крупный мужчина, вглядевшись в лицо которого шут чуть слышно выругался. Мулы, тащившие четыре паланкина, делили колонну пехотинцев надвое. Рядом с одними носилками гарцевал стройный, элегантно одетый всадник, заставивший Пеппе выругаться вторично. Но еще более изумил его толстый монах в черной сутане доминиканца³², сердито бранящий солдата, который охаживал древком пики мула, не желавшего тащить толстяка с должной скоростью.

— Пусть тебя поджарят на железной решетке, как святого Лоренцо³³. Из-за тебя я сломаю себе шею. Подожди, пока мы доберемся до Роккалеоне. Там я заставлю вашего командира повесить тебя за такие проделки.

Но его мучитель лишь рассмеялся в ответ да наподдал мулу, на этот раз чуть сильнее, чем следовало, ибо животное взбрыкнуло задними ногами, едва не сбросив доминиканца на землю. Тот испуганно вскрикнул, а затем вновь обрушил поток угроз на голову солдата. С тем они и проследовали мимо.

— Могу поклясться, что этого монаха я уже видел, — подал голос Фанфулла.

— Вы совершенно правы. Это же фра Доминико, толстое исчадие ада, он ходил с вами в монастырь Аскуаспарте за мазью и бинтом для его светлости.

— Куда направилась эта компания и кто они? — спросил Франческо, повернувшись к шуту, когда они вновь выехали на дорогу.

— Спросите меня, где держит дьявол свои приманки, и я найду что ответить. Но даже представить себе не могу, каким ветром занесло сюда фра Доминико. Кстати, он не единственный мой знакомец. Впереди ехал Эрколе Фортемани, известный хвастун, которого я никогда не видел кроме как в лохмотьях. А рядом с паланкином — Ромео Гонзага. Ночью он и носа не высунет за дверь, если только у него не назначено свидание. Что-то странное творится в Урбино.

— А паланкины? — не унимался Франческо. — Что ты можешь сказать о них?

— Только одно: если б не они, не было бы и Гонзаги. В паланкинах женщины.

— Похоже, шут, даже твоя мудрость не может нам

помочь. Но ты слышал слова монаха о том, что направляются они в Роккалеоне.

— Да,— кивнул шут.— И это означает, что, прибыв в Урбино, мы все узнаем.

Пеппе, любопытный по натуре, приступил к расспросам, едва рано утром они въехали в ворота Урбино: ночью их в город не пустили, поэтому пришлось ночевать на одном из постоялых дворов у реки. Шут обратился к капитану стражи:

— Господин капитан, что за отряд проследовал вчера вечером в Роккалеоне?

Капитан устался на него.

— Понятия не имею. Наверное, шли они не из Урбино.

— Так-то вы несете службу,— поджал губы Пеппе.— Говорю вам, прошлой ночью по дороге из Урбино прошли двадцать солдат, направляясь в Роккалеоне.

— В Роккалеоне? — Капитан оживился.— Да это же замок монны Валентины.

— Истинно так, господин капитан. Так кто эти люди и почему они путешествуют по ночам?

— Откуда вам известно, что шли они из Урбино? — в свою очередь, полюбопытствовал капитан.

— Потому что возглавлял их Эрколе Фортемани, посередине ехал Ромео Гонзага, а замыкал колонну фра Доминико, исповедник мадонны. Все они из Урбино.

Кровь бросилась в лицо офицера.

— А были ли среди них женщины?

— Я не видел ни одной.— Явный интерес капитана заставил шута вспомнить об осторожности.

— Мы видели четыре паланкина,— вмешался Франческо, куда более простодушный и доверчивый, чем Пеппе.

Слишком поздно шут бросил на него сердитый взгляд, как бы предупреждая, что лучше бы ему помолчать. Капитан громко выругался.

— Это она! И шли они в Роккалеоне? Откуда вам это известно?

— Со слов монаха, которые мы услышали,— с готовностью ответил Франческо.

— Тогда, клянусь Девой Марией, мы их догоним. Эй, вы! — С этим криком он метнулся в караулку, чтобы мгновение спустя вернуться с дюжиной стражников.

— Во дворец,— скомандовал он, едва его люди окружили маленький отряд Франческо.— Мессер, вы должны

проследовать с нами и рассказать герцогу о том, что видели.

— Вам нет нужды прибегать к силе, — холодно ответил Франческо. — В любом случае, я не уехал бы из Урбино, не повидавшись с герцогом Гвидобальдо. Я — граф Аквильский.

Капитан тут же рассыпался в извинениях и загнал стражников обратно в караулку. Сам же он вскочил на коня и поехал рядом с Франческо. По пути во дворец он рассказал графу то, о чем шут уже догадался сам: ночью монна Валентина бежала из Урбино в сопровождении трех своих дам и фра Доминико и Ромео Гонзаги, поскольку их нигде не могли разыскать.

Услышанное удивило Франческо, и он набросился на капитана с вопросами. Но тот едва ли мог ответить и высказал лишь предположение, что бегство девушки обусловлено страстным желанием избежать свадьбы с герцогом Баббьяно. Гвидобальдо, добавил он, удручен случившимся и намерен вернуть Валентину в Урбино до того, как весть о ее неразумном поведении достигнет ушей Джан Марии. А потому капитан и спешил передать герцогу новости, услышанные от Франческо и шута.

Пешке ехал ко дворцу мрачный, печальный. Если б не его проклятое любопытство, если б граф правильно истолковал предупреждающий взгляд и не раскрывал рта, для госпожи все обошлось бы. А так он, готовый ради нее пойти на смерть, выдал ее убежище. А тут еще он услышал смех Франческо и еще более разозлился. Но Франческо думал лишь о том, сколь смела эта совсем еще юная девушка.

— Но все эти вооруженные люди, — воскликнул он. — Зачем ей понадобилось столько телохранителей?

Капитан пристально посмотрел на графа.

— Вы не догадываетесь? Может, вы ничего не знаете о замке Роккалеоне?

— Естественно, мне известно, что замок этот едва ли не самый неприступный во всей Италии.

— Так чего вы тогда спрашиваете? Эти люди — гарнизон замка, то есть она намерена оказать вооруженное сопротивление его высочеству.

Граф в восхищении покачал головой и громко расхохотался.

— Клянусь создателем, ну и характер у этой девушки! Ты слышал, что сказал капитан, Фанфулла? Она готова воевать с Гвидобальдо, лишь бы не выходить замуж! Если

он будет настаивать на этом браке, значит, у него нет сердца. Когда в роду Гвидобальдо такие женщины, можно представить себе, каковы же мужчины. Стоит ли теперь удивляться, что в Урбино не боятся Чезаре Борджа.— Он вновь рассмеялся.

Капитан окинул его сердитым взглядом. Пеппе продолжал хмуриться.

— Шельма она, эта монна Валентина,— неодобрительно пробурчал капитан.

— Полегче с выражениями,— осадил его Франческо, все еще смеясь.— Я мог бы вызвать вас за такие слова на поединок, так что предлагаю вам воздержаться от критики, господин капитан. Все-таки она делла Ровере, близкая родственница Монтефельтро.

Офицер последовал совету графа, и остаток пути они молчали.

Пока Франческо, Фанфулла и Пеппе ожидали в приемной аудиенции у герцога, шут более не мог сдерживать переполняющее его раздражение и высказал все, что он думал о себе и Франческо. В приемной толпились многочисленные придворные. Хватало там прелатов и военных. А Пеппе не выбирал слов и не выказывал должного уважения к графскому титулу Франческо. Тот, однако, не обиделся, понимая, что шут во многом прав, ибо именно их усилиями тайное стало явным. Однако по здравом размышлении пришел к выводу, что вина их не так уж и велика.

— Во-первых, говори тише, Пеппе. А во-вторых, ты преувеличиваешь нанесенный нами урон. Мы лишь чуть раньше выболтали то, о чем герцог узнал бы из других источников.

— Но эта малость, часы или дни, сыграет роковую роль,— ответил шут.— Джан Мария вернется через пару дней. Если б по приезде ему сообщили, что Валентина убежала с Ромео Гонзагой, а говорить про нее будут именно так, стал бы он задерживаться в Урбино, выказывая намерение жениться? Едва ли. Союз этот политический, где нет места чувствам. От девушки требуется лишь одно — незапятнанная честь. А такой скандал заставил бы его высочество уехать в Баббьяно, то есть мадонна избавилась бы от домоганий Джан Марии.

— Но какой ценой, Пеппе,— покачал головой Франческо.— Я согласен, своим молчанием мы помогли бы ей куда больше. Но сомневаюсь, что случившееся ок-

ладит пыл моего кузена. Ты ошибаешься, полагая, что в этот союз не вовлечены сердца. Во всяком случае, если верить тому, что я слышал, в отношении Джан Марии ты не прав. Но в остальном... в чем состоит причиненный нами урон?

— Время покажет,— ответил горбун.

— Наверняка покажет, что мы ничем не усугубили ее положение. Сейчас она уже в Роккалеоне, в полной безопасности. Что с ней может случиться? Гвидобальдо, несомненно, поедет туда, попытается уговорить ее подчиниться и вернуться с ним в Урбино. Она ответит, что готова на это при одном условии: он более не будет принуждать ее к свадьбе с Джан Марией. Что за этим последует?

— Что? — хмыкнул шут.— Кто знает? Возможно, герцог прикажет захватить замок силой.

— Силой? — рассмеялся Франческо.— Куда подевалась твоя мудрость, шут? Неужели ты думаешь, что Гвидобальдо очень хочется стать посмешищем для всей Италии? Где это видано, чтобы герцог осаждал замок своей племянницы лишь потому, что той не нравится выбранный им жених?

— Гвидобальдо да Монтефельтро иной раз бывает очень горяч...— начал было шут, но тут появился пришедший с ними во дворец капитан и возвестил, что его высочество их ждет.

Гвидобальдо они нашли в мрачном расположении духа. Довольно-таки холодно приветствовав Франческо, герцог расспросил его о ночной встрече, не выказывая, однако, особого интереса, словно речь шла об улетевшем соколе. Поблагодарил за полученные сведения и отдал распоряжение сенешалю³⁴ отвести апартаменты и графу, и Фанфулле на то время, что они сочтут возможным пробыть при его дворе. С тем Гвидобальдо и отпустил их, приказав капитану задержаться.

— И, по-твоему, этот человек будет осаждать замок своей племянницы? — обратился к Пеппе граф, когда они вышли в приемную.— Похоже, господин шут, на этот раз твоя мудрость тебя подвела.

— Вы не знаете герцога, ваша светлость,— ответил Пеппе.— За ледяной наружностью скрывается бушующий пожар, так что он может пойти на все.

Но Франческо лишь рассмеялся и под руку с Фанфуллой зашагал по галерее к отведенным им комнатам.

ДЖАН МАРИЯ ДАЕТ ОБЕТ

Дальнейшее развитие событий показало, что прав был шут. Потому что, хотя и не Гвидобальдо пришла идея осадить замок с тем, чтобы принудить Валентину к повиновению, он тем не менее благосклонно выслушал это предложение, высказанное два дня спустя герцогом Баббьяно.

Узнав о победе Валентины, Джан Мария пришел в неописуемую ярость. Придворные — от высших сановников до последнего слуги — тряслись от страха, боясь даже попадаться ему на глаза. Конечно, Джан Марию печалила безответность его страсти, но, кроме того, укрывшись в своем замке, Валентина рушила смелые замыслы, о которых он громогласно заявил советникам и матери. Именно уверенность в их воплощении в жизнь побудила Джан Марию послать столь резкий ответ Чезаре Борджа. И теперь лишь скорой женитьбой, а соответственно, и получением приданого он мог выполнить обещание защитить корону и герцогство от посягательств Борджа.

И Джан Мария не мог перенести, что какой-то девчонкой вершилась судьба государства.

— Ее нужно вернуть! — твердо заявил он. — Вернуть немедленно.

— Совершенно верно, — кивнул Гвидобальдо. — Ее надобно вернуть. Тут у нас нет расхождений. Вопрос в другом: как это сделать? — В голосе его слышался едва заметный сарказм.

— А в чем, собственно, сложность? — осведомился Джан Мария.

— К сожалению, сложности есть. — Гвидобальдо чуть улыбнулся. — Она затворилась в самом неприступном замке Италии и заявляет, что не выйдет оттуда, пока я не пообещаю ей свободу в выборе мужа. А в остальном — никаких проблем.

Джан Мария зловеще улыбнулся.

— Дозволяете ли вы мне найти более приемлемое решение?

— Не только позволяю, но и окажу всяческое содействие, если вы найдете способ выманить ее из Роккалеоне.

— Тогда не будем терять времени. Ваша племянница, господин герцог, мятежница, а с мятежниками и поступают соответственно. Она ввела в замок гарнизон, отказалась

повиноваться главе государства. Это объявление войны, ваше высочество, то есть с ней надо воевать.

— Обратиться к силе? — Гвидобальдо пришлось не по душе предложение Джан Марии.

— К силе оружия,— с жаром подтвердил герцог Баббьяно.— Я бы осадил замок и разобрал его по камушкам. О, я ухаживал бы за ней по-другому, если б она этого захотела, с нежными словами и подарками, какие нравятся девушкам. Но раз от этого она отказалась, предложим ей аркебузы и пушки да призовем в союзники голод, дабы убедить ее согласиться на этот брак. И клянусь, что не буду бриться до тех пор, пока не войду в Роккалеоне.

Гвидобальдо посуровел.

— Я бы обошелся более мягкими средствами. Осаждайте замок, если желаете, но не делайте ставки лишь на насилие. Отрежьте их от внешнего мира, и голод скорее всего окажется сильнее пушек. Но, боюсь, над вами будут смеяться по всей Италии,— резко добавил он.

— Дуракам закон не писан! Пусть смеются, раз уж им того хочется. Какими силами располагает она в Роккалеоне?

Вопрос этот заставил Гвидобальдо помрачнеть. Он словно вспомнил о мелкой, но неприятной подробности, упущенной из виду ранее.

— Примерно двадцать солдат во главе с известным головорезом по имени Эрколе Фортемани. А нанял их, как мне сообщили, мой придворный, родственник герцогини, мессер Ромео Гонзага.

— Он тоже с ней? — ахнул Джан Мария.

— Похоже, что так.

— Святая Дева! — Лицо герцога Баббьяно перекосила гримаса отвращения.— Означает ли это, что они убежали вместе?

— Господин мой! — с угрозой воскликнул Гвидобальдо.— Не забывайте, что говорите о моей племяннице. Она пригласила с собой этого придворного так же, как трех дам и одного или двух пажей, то есть свиту, приличествующую ее высокому происхождению.

Джан Мария нахмурился, губы его плотно сжались. Гордый ответ Гвидобальдо убедил его, что не амурные увлечения Валентины послужили причиной побега. Но еще более жгучим стало желание наказать девушку, решившуюся противостоять его воле, заставить ее склонить гордую голову.

— Возможно, Италия и будет смеяться надо мной,—

пробормотал Джан Мария, — но от своего я не отступлюсь, а войдя в Роккалеоне, первым делом распоряжусь повесить этого Гонзагу на самой высокой башне.

В тот же день Джан Мария начал готовиться к походу на Роккалеоне, и весть об этом принес Франческо Фанфулла, так как он покинул дворец, узнав о приезде Джан Марии, и поселился в гостинице «Солнце».

Франческо, естественно, обозвал кузена порождением дьявола и пожелал ему побыстрее отправиться к своему создателю.

— Ты думаешь, этот Гонзага — ее любовник? — спросил он Фанфулле, немного успокоившись.

— Об этом мне ничего не известно. — Юноша покачал головой. — Но убежала она с ним. Я, правда, задал этот вопрос Пеппе. Он сначала рассмеялся, потом помрачнел. «Она-то не любит этого павлина, да вот он любит ее, а по натуре он негодяй», — так он мне ответил.

Франческо стоял, глубоко задумавшись.

— Клянусь Богом, это ужасно. Бедняжку окружают одни мерзавцы, один отъявленное другое. Фанфулла, пришли мне Пеппе. Мы должны отправить к ней шута с предупреждением о замыслах Джан Марии. Заодно он раскроет ей глаза и на этого прохвоста из Мантуи, в компанию к которому она попала.

— Мы опоздали, — ответил Фанфулла. — Шут еще утром отбыл в Роккалеоне, чтобы присоединиться к своей госпоже.

Франческо даже всплеснул руками.

— Они ее погубят! Бедняжка оказалась между молотом и наковальней. С одной стороны Джан Мария, с другой — Ромео Гонзага. Мой Бог, они ее погубят. А она такая решительная, такая отважная!

Он шагнул к окну, посмотрел на улицу, которую заходящее солнце окрасило в рубиновые тона. Но видел не дома и горожан, а полянку неподалеку от Аскуаспарте, где он лежал с раной в плече, и склонившуюся над ним очаровательную девушку, во взгляде которой читались жалость и сочувствие. Частенько с той поры вспоминал он о ней с улыбкой, а иной раз и со вздохом.

Франческо резко обернулся.

— Я поеду туда сам!

— Вы? — изумился Фанфулла. — А как же венецианцы?

Но жест графа показал, сколь мало значат для него венецианцы по сравнению с благополучием Валентины.

— Я еду в Роккалеоне,— повторил он.— И немедленно.— Он пересек комнату, открыл дверь, кликнул Ланчотто.

— Ты говорил, Фанфулла, что минули те времена, когда странствующие рыцари спешили на помощь томлящимся в заточении девам. И ошибался, ибо монна Валентина — та самая дева, мой кузен — дракон, этот Гонзага — его собрат, а во мне она найдет странствующего рыцаря, которому суждено, я надеюсь на это, ее спасти.

— Вы спасете ее от Джан Марии? — Фанфулла отказывался верить своим ушам.

— По крайней мере, попытаюсь.— Граф повернулся к вошедшему слуге.— Мы уезжаем через четверть часа, Ланчотто. Оседлай лошадей для меня и себя. Дзаккарья останется с мессером дельи Арчипрети. Позаботься о нем, Фанфулла, и он будет верно служить тебе.

— Но почему? — воскликнул юноша.— Разве вы не можете взять меня с собой?

— Если есть на то твое желание, пожалуйста. Но ты можешь сослужить мне лучшую службу, если вернешься в Баббьяно и будешь держать меня в курсе происходящего, так как вскорости грянут великие перемены, если мой кузен не вернется домой, а Борджа перейдет в наступление. На этом, собственно, и основаны мои надежды на успех.

— Но... где мне вас искать? В Роккалеоне?

Франческо задумался.

— Если я не дам о себе знать, значит, я в Роккалеоне. Замок будет в осаде, поэтому я скорее всего и не смогу послать тебе весточку. Но если (а такая возможность существует) я переберусь в Аквилу³⁵, ты сразу же узнаешь об этом.

— В Аквилу?

— Да, вполне вероятно, что я окажусь там до конца недели. Но пусть это останется тайной, ибо я намерен одурачить обоих герцогов.

Полчаса спустя граф аквильский на крепком калабрийском жеребце и его слуга, не привлекая к себе внимания, выехали из Урбино.

По пути они встретили купца, слуга которого вел на поводу тяжело нагруженного мула. Затем им повстречалась конная компания дам и кавалеров, возвращавшихся с соколиной охоты, и их веселый смех долго еще отдавался в ушах Франческо.

Над рекой поднимался вечерний туман; они держали

путь на запад, к Апеннинам. Давно уже спустилась ночь, и лишь в четвертом часу утра Франческо слез с лошади у придорожной таверны и разбудил хозяина. Их устроили на ночлег, но спали они лишь пару часов, поднявшись с рассветом, а когда из-за серых холмов выглянуло солнце, они уже подъезжали к могучему утесу, на котором высился над ревущим внизу горным потоком замок Роккалеоне.

Суровый, могучий замок застыл, словно гигантский часовой Апеннин. Солнечные лучи освещали громадные, позеленевшие от мха и времени камни стен, окна-бойницы, контрфорсы, подпирающие башни, и крутой, поросший зеленой травой склон, сбегаящий к горному потоку, окружавшему замок естественным рвом.

В сопровождении Ланчотто граф направился к западной стороне замка, к стоячему водоему, единственной части рва, к которой прикасалась рука человека, чтобы полностью превратить Роккалеоне в остров, но там его встретила глухая, еще более толстая стена. Въездные ворота и башню над ними они нашли с северной стороны, когда перебрались через реку по узкому мостику. Здесь тоже во рву грозно редела вода.

Франческо попросил слугу разбудить обитателей замка, и громкий, сочный голос Ланчотто эхом отразился от стен и окружающих холмов, но в ответ из замка не донеслось ни звука.

— Хорошая же у них стража! — рассмеялся граф. — Попробуй еще раз, Ланчотто.

Слуга повиновался, и вновь его зычный голос прорезал утреннюю тишину. Однако лишь после пятой или шестой попытки меж зубцов появилось бесформенное личико Пеппе, хрипло поинтересовавшегося, какого черта они так расшумелись.

— Доброе утро, шут, — приветствовал его Франческо.

— Это вы, господин мой? — изумился шут.

— Крепко, вижу, спят в Роккалеоне. Растолкай-ка стражу да вели этим лентяям опустить мост. У меня есть новости для мадонны.

— Сию минуту, ваше сиятельство! — Шут убежал бы, но Франческо остановил его:

— Скажи ей, что приехал рыцарь, которого она встретила в Аскуаспарте. Но имя мое не упоминай.

Пеппе помчался выполнять поручение, и вскоре на парашете над воротами появился сонный Гонзага и два наемника Фортемани, пожелавшие узнать, что привело графа Аквильского в Роккалеоне.

— У меня дело к монне Валентине.— Граф поднял голову, и Гонзага тут же признал в нем того раненого рыцаря, а посему нахмурился.

— Я — капитан монны Валентины,— самодовольно заявил он,— и вы можете изложить мне суть вашего дела.

Потом они долго препирались, поскольку Франческо желал разговаривать только с монной Валентиной, а Гонзага отказывался будить даму в столь ранний час и не хотел опускать мост. Слова летали взад-вперед над ревущим во рву горным потоком, с каждой минутой раскаясь все сильнее, пока их перепалку не прервало появление монны Валентины со следовавшим за ней по пятам Пеппино.

— Что тут такое, Гонзага? — взволнованно спросила она, ибо едва лишь тот упомянул о прибытии Франческо, у нее гулко забилося сердце.— Почему ты не пускаешь в замок этого рыцаря, если он приехал ко мне с важным известием? — Взгляд ее не отрывался от графа Аквильского, странствующего рыцаря ее грез.

Увидев девушку, Франческо обнажил голову и склонился до холки лошади. Монна Валентина резко повернулась к Гонзаге и обоим наемникам.

— Чего вы ждете? Или вам не ясны мои желания? Немедленно опустите мост!

— Поостерегитесь, мадонна,— взмолился Гонзага.— Вы не знаете этого человека. Возможно, он — шпион Джан Марии, которому заплачено, чтобы предать вас.

— Дурак! — резко ответила монна Валентина.— Разве вы не видите, что это тот самый раненый рыцарь, которого мы встретили по пути в Урбино?

— И что из того? — стоял на своем Гонзага.— Разве это доказывает его честность или верность вам? Примите мой совет, мадонна, пусть он все скажет, не входя в замок. Так оно безопаснее.

Валентина смерила его суровым взглядом.

— Мессер Гонзага, прикажите опустить мост.

— Но, мадонна, подумайте об угрозе...

— Угрозе? — рассмеялась монна Валентина.— Да какую опасность представляют собой два человека, если противостоят им целых двадцать? Только трус может в такой ситуации заикаться об угрозах. Немедленно опустите мост.

— Но...

— Будут мне повиноваться или нет? Может, я сама должна браться за цепи?

Всем своим видом выражая неудовольствие, Гонзага пожал плечами и отдал короткий приказ. Тут же заскрипели цепи, мост пошел вниз, и с грохотом свободный конец его рухнул на землю. Граф, не теряя ни секунды, прищпорил лошадь. Копыта прогремели по дубовым доскам, слуга последовал за хозяином под арку башни и в первый внутренний двор.

Но едва Франческо натянул поводья, из двери в дальнем конце вывалился Фортемани, полуодетый, но с мечом в руке. При виде Франческо гигант аж подпрыгнул и двинулся к нему, изрыгая проклятия.

— Ко мне! — вопил он голосом, который разбудил бы и мертвого. — Живее! Живее! Дьявол и все его слуги! Что тут происходит? Как вы сюда попали? Кто приказал опустить мост?

— Мост опустили по приказу капитана монны Валентины, — ответил Франческо, гадая, кто это такой.

— Капитана? — Фортемани остановился, лицо его побагровело. — Сатана и падшие ангелы! Какого еще капитана? Я тут капитан!

Граф бросил на него удивленный взгляд.

— Так вас-то я и ищу. Неплохо вы охраняете замок, мессер капитан! Будь на то мое желание, я бы вскарабкался по стене и вошел бы безо всяких ворот, не потревожив ни одного из ваших бдительных часовых.

Фортемани с пренебрежением глянул на незнакомца. Четыре последних дня, когда он ел и пил в три горла, добавили ему дерзости, хотя он и так никогда не страдал от ее недостатка.

— А какое вам до этого дело? — с угрозой прорычал он. — Слишком уж вы вольничаете, господин незнакомец, указывая мне, что должно капитану замка, а что — нет. Придется вас за это наказать!

— Наказать... меня?

— Да, наказать. Меня зовут Эрколе Фортемани.

— Я слышал о вас, — с презрением ответил граф, — и мне говорили, что второго такого пьяницы и труса не сыскать по всей Италии и даже во владениях папы. И будь поосторожнее, когда собираешься наказывать тех, кто посильнее тебя. Ров неподалеку и может сослужить добрую службу, так как я могу поклясться, что ты не мылся с той поры, как тебя крестили, если ты вообще христианин.

— Христос милосердный! — Фортемани озверел от ярости. — Да как ты смеешь говорить такое обо мне? Слезай с лошади!

Он ухватился за ногу Франческо и потащил того вниз, но граф тут же вырвал ногу, царапнув шпорой руку капитана. Одновременно он взмахнул хлыстом и огрел бы Фортемани по спине, так как тот крепко разозлил его, но строгий женский голос заставил их прекратить ссору.

Фортемани отпрянул назад, бормоча проклятия. Франческо повернулся на голос. Монна Валентина стояла на ступенях каменной лестницы, спускающейся во двор. Спокойная, величественная, в платье из серого бархата с черными рукавами, подчеркивающим достоинство ее фигуры. Тут же были Пеппе, Гонзага и два наемника.

Гонзага наклонился к уху госпожи, но слова, произнесенные намеренно громко, долетели и до графа Аквильского.

— Не зря, мадонна, я советовал вам не впускать его. Сами видите, что это за человек.

Кровь бросилась в лицо Франческо, да и взгляд, которым одарила его Валентина, не обрадовал его.

Однако, не отвечая, он спрыгнул с лошади, бросил поводья Ланчотто и направился к лестнице, высокий, стройный, широкоплечий.

Монна Валентина двинулась ему навстречу.

— Что же такое, мессер? — сердито спросила она. — Достойно ли вас затевать ссоры, едва ступив в мой замок?

Франческо с трудом сдержался. Голос его звучал ровно и спокойно.

— Мадонна, этот наемник вел себя слишком дерзко.

— Но вы, несомненно, спровоцировали его на дерзость, — молвил Гонзага.

Еще суровее ответила ему Валентина.

— Наемник? — На щеках ее вспыхнул румянец. — Если вы не хотите, чтобы я пожалела о решении допустить вас в замок, мессер Франческо, не бросайтесь такими словами. Этот человек — капитан моих солдат.

Франческо поклонился, показывая, что ради нее он готов снести любые упреки.

— Его капитанство и стало предметом спора. Со слов этого господина, — он коротко глянул на Гонзагу, — я понял, что капитан — он.

— Мессер Гонзага — капитан моего замка, — пояснила Валентина.

— Как видите, мессер Франческо, — заговорил Пеппе, — мы не страдаем от нехватки капитанов. Есть у нас еще фра Доминико — капитан наших душ и кухни, я сам — капитан...

— Дьявол тебя побери! — оборвал шута Гонзага и вернулся к графу Аквильскому. — Вы говорили, что у вас важное известие?

Франческо оставил без внимания тон придворного и вновь поклонился Валентине.

— Я предпочел бы изложить его в более спокойной обстановке, — и взгляд его прошелся по двору, где уже собрались все наемники Фортемани.

Гонзага пренебрежительно фыркнул, теребя свои золотистые локоны, но Валентине последнее требование графа представилось логичным, и, предложив Ромео и Франческо следовать за ней, девушка пересекла двор и поднялась по ступеням, по которым чуть раньше скатился Фортемани, дабы встретить графа.

Дверь вывела их в зал приемов, окна противоположной стены которого смотрели во внутренний двор. Франческо, шагая за Валентиной, оценивающе оглядел наемников, не обращая внимания на их ухмылки или сердитые взгляды. Не раз доводилось ему нанимать солдат, так что и первого впечатления хватило, чтобы понять, с кем он имеет дело. А потому, едва переступив порог, он остановился и повернулся к Гонзаге.

— Мне бы не хотелось оставлять своего слугу на милость этих бандитов. Покорнейше прошу вас предостеречь их, дабы они не пытались причинить ему вреда.

— Бандитов? — негодуяюще воскликнула Валентина, прежде чем Гонзага успел открыть рот. — Они — мои солдаты.

Вновь Франческо поклонился ей, но ответил с холодной вежливостью в голосе:

— Примите мои извинения, и более я не скажу ни слова, но, к моему огромному сожалению, я не могу одобрить ваш выбор.

Теперь уже пришел черед сердиться Гонзаге, ибо выбирал-то он.

— Только важность вашего известия, мессер, может оправдать столь неслыханную дерзость.

Франческо глянул в эти синие глаза, безуспешно пытающиеся яростно сверкнуть, и презрительно повел плечами.

— У меня складывается впечатление, что приезжать мне не следовало, ибо в этом замке все словно сговорились и нет ни у кого других забот, кроме как поругаться со мной. Сначала ваш капитан Фортемани встретил меня с дерзостью, которая не должна остаться безнаказанной.

Потом вы, мадонна, возмутились из-за того, что я попросил защиты для моего слуги от тех головорезов, что собрались во дворе. Вы рассердились, потому что я назвал их бандитами, но не для того я воюю уже десять лет, чтобы не понимать, что за солдат стоит передо мной. И наконец, в довершение всего, этот *cicisbeo**... — он пренебрежительно указал на Гонзагу, — толкует что-то о моей дерзости.

— Мадонна, — воскликнул Гонзага, — позвольте мне вмешаться!

Сам того не желая, последней фразой Гонзага разрядил обстановку. Злость, поднявшаяся было в Валентине, растаяла, как дым, от угрозы ее капитана, так как в сравнении с Франческо он являл разительный контраст. Валентине удалось сдержать смех, дабы не обидеть Гонзагу, но она отметила, как удивленно взлетели вверх брови Франческо в ответ на угрозу Гонзаги. А уж при здравом размышлении, без лишних эмоций Валентина поняла, что для приезда Франческо наверняка есть важная причина, а встретили его без подобающей вежливости. И потому с присущим ей тактом она несколькими словами успокоила уязвленное тщеславие Гонзаги и обратилась к Франческо с подчеркнутым дружелюбием:

— Мессер Франческо, забудем прошлое и займемся делом. Расскажите нам, с чем вы приехали? Но сначала давайте присядем.

Стены зала приемов украшали фрески со сценами охоты и крестьянской жизни, одна или две из которых принадлежали кисти Пизанелло³⁶. Тут же красовались охотничьи трофеи и рыцарские доспехи, сверкающие в солнечных лучах, падающих сквозь высокие, узкие окна. Валентина села в кожаное кресло с высокой спинкой, Гонзага встал рядом, Франческо перед ней.

— Новости мои, мадонна, не слишком приятные, хотя мне бы хотелось порадовать вас. Ваш суженый Джан Мария вернулся ко двору Гвидобальдо в нетерпении жениться на вас, узнал о вашем побеге в Роккалеоне и теперь готовит армию, дабы напасть и захватить ваш замок.

Гонзага при этих словах побледнел, как полотно его белоснежной рубашки, так как случилось именно то, во что он не мог заставить себя поверить. Страх закрался в его и без того не шибко смелую душу. Какая судьба уготована теперь ему, инициатору побега Валентины?

* Ч и ч и с б е о — кавалер, постоянный спутник дамы (*итал.*).

В один миг рухнули его блистательные планы. Где он найдет теперь время объяснить ей в любви, уговорить стать его женой? От одной мысли о войне и кровопролитии по коже его побежали мурашки. Как жестоки удары судьбы! А он-то уверял себя, что ни Гвидобальдо, ни Джан Мария не решатся на военные действия, чтобы не стать посмешищем для всей Италии.

На мгновение взгляд Франческо задержался на лице придворного и прочитал написанный на нем страх. Граф чуть улыбнулся и посмотрел на монну Валентину. Ее глаза сияли.

— Что ж, пускай приходят! — воскликнула она. Этот болван герцог увидит, что у меня есть чем его встретить. Мы вооружены до зубов. И провизии нам хватит по меньшей мере на три месяца. Джан Мария узнает, что не так-то легко захватить Валентину делла Ровере. А вам, мессер, я более чем признательна за столь рыцарский поступок. Предупреждение ваше весьма кстати.

Франческо вздохнул. На лице его отразилось сожаление.

— Увы! Направляясь к вам, мадонна, я надеялся, что помощь моя будет более весомой. Я рассчитывал предложить вам совет и содействие, если будет на то ваше согласие. Но вид ваших наемников вызывает опасения в дельности моего совета. Первым условием намеченного мною плана является верность ваших солдат, которая на поверку весьма и весьма сомнительна.

— Тем не менее, — с жаром воскликнул Гонзага, готовый ухватиться за любую соломинку, — мы готовы вас выслушать.

— Пожалуйста, продолжайте, — попросила его и Валентина.

Франческо, однако, выдержал паузу.

— Вам известна политическая ситуация в Баббьяно?

В определенной степени да.

— Тогда я попробую внести полную ясность. — И он рассказал о готовящемся нападении на герцогство армии Чезаре Борджа, а также о минимальном запасе времени, оставшемся в распоряжении ее жениха, из-за чего лишний час под стенами Роккалеоне будет приближать его к неминуемому поражению. — Но от отчаяния он может пойти напролом, — добавил Франческо, — а потому я подумал, что вам не следует оставаться в замке, мадонна.

— Не следует? — в голосе Валентины слышалось недоумение.

— Не следует? — с вновь вспыхнувшей надеждой переспросил Гонзага.

— Именно так, мадонна. То есть Джан Марии достанется пустое гнездо, даже если ему и удастся взять замок штурмом.

— Так вы советуете мне бежать?

— Я приехал, чтобы дать вам такой совет, но, увидев ваших людей, засомневался. Доверять им нельзя, потому что ради спасения своих шкур они откроют ворота. Ваш побег тут же обнаружится, а времени мы не выиграем.

С ответом ее опередил Гонзага, начавший убеждать Валентину, что нанятые им солдаты будут стоять до конца, а ей следует внять мудрому совету и найти безопасное убежище подальше от замка, от которого Джан Мария не оставит камня на камне. И столь жалко выглядел он, что Валентина не выдержала и напрямую спросила:

— Вы испугались, Гонзага?

— Только за вас, мадонна, — незамедлительно ответил придворный.

— Тогда можете забыть о своих страхах. Останусь я в замке или покину его, в одном я уверена: Джан Марии живой я не дам. — Она повернулась к Франческо: — Ваш совет покинуть замок не лишен достоинства, хотя есть они и у прямо противоположного решения. Темперамент мой требует, чтобы я осталась и сразилась с этим тираном. Но следует прислушаться и к голосу рассудка, а потому я обдумаю ваше предложение. — Затем она поблагодарила Франческо за приезд и спросила, что побудило его прийти к ней на помощь.

— Долг рыцаря — служить деве, попавшей в беду, — ответил граф Аквильский. — И потом, как иначе я мог отблагодарить вас за заботу, с которой ухаживали вы за моими ранами в тот день неподалеку от Аскуаспарте.

На мгновение их взгляды встретились, у обоих перехватило дыхание; чего, впрочем, не заметил Гонзага, занятый своими мыслями. Неловкое молчание затягивалось, и Валентина спросила, каким образом в Урбино столь быстро прознали о том, что она бежала в Роккалеоне.

— Разве вы не знаете? — удивился Франческо. — Пеппе не сказал вам?

— Я еще не говорила с ним. В замок он прибыл поздним вечером, и я впервые увидела его только утром, когда он прибежал, чтобы сообщить о вашем приезде.

Но прежде чем Франческо успел ответить на вопрос

Валентины, со двора донеслась какая-то возня, дверь распахнулась и в зал влетел Пеппе.

— Ваш слуга, мессер Франческо. — Лицо шута побелело от волнения. — Идите скорее, а не то его убьют.

Глава 14

ФОРТЕМАНИ ПЬЕТ ВОДУ

Все началось с мрачных взглядов, которые заметил Франческо, переросших после его ухода в насмешки и оскорбления. Но Ланчотто, вымуштрованный графом, сохранял полную невозмутимость. Молчание его наемники расценили как трусость и разошлись еще больше. Терпение Ланчотто иссякало, но сдерживала его лишь боязнь вызвать неудовольствие своего господина. Наконец, один из наемников, здоровенный детина, только что требовавший, чтобы Ланчотто снял железный шлем, потому что в компании джентльменов следует обнажать голову, двинулся на него и схватил за ногу. Ланчотто дернул ногой, чтобы освободить ее, и угодил наемнику по физиономии. Тот отпрянул, оглушенный, залитый кровью.

Товарищи его угрожающе загудели, и Ланчотто понял, что за этим последует. Наемники кинулись на него и, прежде чем он успел вытащить меч Франческо, притороченный к седлу, стащили на землю и зажали ему рот, заглушив крик о помощи.

На западной стороне двора был устроен фонтан: струя воды из пасти льва падала в бассейн, выложенный серым гранитом, поросшим мхом. Фонтан давно уже не работал, из львиной пасти торчала сухая труба. Но в бассейне была еще вода — застоявшаяся, затхлая и вонючая. Предложение утопить в ней Ланчотто исходило от самого Фортемани. Наемники тут же поддержали его и приступили к осуществлению идеи. Избитого, но отчаянно сопротивляющегося Ланчотто поволокли через двор, чтобы перекинуть через край бассейна и удерживать под водой, словно крысу, пока он не захлебнется.

До бассейна добраться им не удалось: на наемников словно налетел ураган, и грубый смех сменился воплями боли, так как хлыст Франческо не знал пощады, опускаясь на спины, плечи, головы.

— Прочь с дороги, животные! Прочь! громовым

голосом ревел он, и наемники разбегались, словно трусливые шавки.

Наконец перед Франческо, спешащим к слуге, осталось лишь одно препятствие — широкая спина Эрколе Фортемани, который думал лишь о том, как бы побыстрее искупать Ланчотто, и не обращал внимания на происходящее позади.

Франческо отбросил хлыст, одной рукой ухватился за пояс капитана, другой за его грязную шею, с невероятной силой оторвал гиганта от земли и швырнул в вонючую воду. А сам склонился над простертым на земле Ланчотто.

— Тебе не сильно досталось? — спросил он озабоченно.

Прежде чем слуга ответил, один из наемников метнулся к графу и ударил его кинжалом между лопаток.

Валентина вскрикнула, предупреждая Франческо об опасности: она уже вышла из зала в сопровождении Гонзаги. Увернуться Франческо не успел, но кольчуга отразила удар, кинжал разве что порвал верхний слой материи. А секундой позже негодяй почувствовал, что попал в стальные тиски. Кинжал выпал из его руки, а острие уперлось ему в грудь. Граф заставил нападавшего опуститься на колени. Заняло все это не более мгновения, но бедолага увидел себя на пороге вечности. Он не успел даже взмолиться о спасении своей бессмертной души, так как граф ударил его не кинжалом в сердце, а кулаком в лицо. Наемник рухнул, потеряв сознание от удара, а Франческо подобрал хлыст и повернулся к остальным.

А тем временем в бассейне, стоя по грудь в воде, с лицом и волосами, облепленными ряской и водорослями, ревел Эрколе Фортемани, призывая все мыслимые и немыслимые беды на голову обидчика, но не пытаясь вылезти из воды, чтобы схватиться с ним. И не стоит обвинять капитана в трусости. Просто на него, как и на остальных наемников, произвела должное впечатление сила Франческо. И теперь наемники тоже не спешили, как того требовал Фортемани, изрубить на куски человека, который забросил его самого на середину бассейна. Тем более что многие из них уже вкусили хлыста Франческо. Сбившись в кучу, напоминая больше стадо овец, чем бывалых солдат, стояли они у башни над подъемным мостом, осыпаемые насмешками Пеппе, удобно устроившегося на галерее. Оттуда же наблюдали за подвигами графа дамы и пажи Валентины.

Наконец наемники пришли в движение, но по настоянию Валентины. Поначалу она сказала что-то Гонзаге.

Тот все время держался рядом, вроде бы для того, чтобы защитить девушку. Вот и теперь, получив ее распоряжение, он с явной неохотой спустился на пару ступеней короткой лестницы, и Валентина, потеряв терпение, проскользнула мимо него, решив, что сама лучше справится с порученным ему делом. Проходя мимо Франческо, она похвалила его за доблесть и одарила восхищенным взглядом, от которого румянцем вспыхнули его щеки. Наилось у нее ласковое слово и для уже поднявшегося Ланчотто. Сердито глянула она на Эрколе, все еще бушевавшего в бассейне, коротко приказав ему замолчать. А затем, остановившись в десяти шагах от наемников, указала на капитана и повелела им арестовать его.

Неожиданно этот приказ, словно кляп, заткнул рот Фортемани. Похоже, он даже потерял дар речи, вытаращившись на своих солдат. Те же в нерешительности переглядывались, вызвав грозную тираду Валентины:

— Или вы арестуете капитана и отведете его в подземелье, или я вышвырну и вас, и его из моего замка.— И столь уверенно звучал голос девушки, словно за ее спиной стояла сотня отборных воинов.

В действительности же в шаге от нее дрожал от страха Гонзага да чуть дальше высилась грозная фигура Франческо дель Фалько, рядом с которым стоял Ланчотто, уже полностью пришедший в себя.

Вот какими силами располагала девушка, грозящая вышвырнуть из замка наемников, прояви те неповиновение. Они все еще колебались, когда граф приблизился и встал рядом с Валентиной.

— Вам ясен выбор, который предлагает ваша госпожа? — Голос графа был суровым, а лицо нахмуренным.— Так дайте мне знать, повинуетесь вы или нет? Пока вы можете выбирать сами. Если вы не намерены выполнять приказ мадонны, ворота за вашими спинами, мост все еще опущен. Так что можете выметаться!

Из-под опущенных век Гонзага злобно глянул на графа. Как бы ни повернулось дело, этому человеку не место в Роккалеоне. Слишком он сильный, слишком уверен в себе, везде-то он утверждает себя господином и имеет все те достоинства, от которых не отказался бы сам Гонзага. А сколь важно обладать силой и уверенностью, Франческо показал более чем наглядно. Эти наемники, злые, избитые графом, могли бы в мгновение ока разделаться с ним, набросившись на него, как стая шакалов. Но остановили их сила да привычка подчиняться начальственному слову.

Наемники пошептались между собой, после чего один решился на ответ:

— Благородный господин, нам же приказывают арестовать нашего капитана.

— Совершенно верно! Но вашему капитану, как и вам, платит эта дама, и она, ваш главнокомандующий, приказывает арестовать его.— Тут быстрый ум графа нашел, пожалуй, самое сильнодействующее средство, чтобы устранить их последние колебания.— Сегодня он показал, что неспособен выполнять обязанности капитана, и вполне возможно, что теперь одному из вас будет предложено занять освобожденную должность. Но сначала его надо допросить.

Негодяи, они и есть негодяи — отбросы общества, собранные Эрколе по самым захудалым постоянным дворам Урбино. От нерешительности наемников не осталось и следа. Какая уж тут верность Фортемани, если каждый из них мог занять его место и получать соответствующее жалованье.

Облепив бассейн, стараясь перекричать друг друга, требовали они, чтобы Фортемани вылез из воды. Но тот застыл, потрясенный таким поворотом судьбы. Затем пробурчал, что не сдвинется с места, и Франческо приказал принести аркебузу и пристрелить бывшего капитана. Тогда Фортемани взмолился о пощаде и выбрался на край бассейна, кляня вонючую воду.

На том и закончилась эта малоприятная сцена, впрочем, наглядно показавшая Валентине, кого нанял ей Гонзага. Возможно, он и сам понял, сколь неопытен в подобных делах. А Валентина тем временем повелела Гонзаге проводить Франческо в комнату, отведенную ему на то время, что он пробудет в Роккалеоне, ожидая, пока она решит, как ей поступить, и определила одного из пажей в его оруженосцы.

В южном крыле замка, за вторым двором, загудел колокол, призывающий в часовню, где фра Доминико каждое утро служил мессу. Валентина рассталась с Франческо, пообещав в молитве попросить небеса указать ей единственно верный путь и то ли покинуть Роккалеоне, то ли остаться и отражать натиск Джан Марии.

А Франческо, сопровождаемый Гонзагой и пажом, проследовал в комнату под Львиной башней, защищающей замок с юго-востока. Окна ее выходили во второй, или внутренний, двор, через который спешили в часовню Валентина и ее дамы.

Гонзага изо всех сил старался скрыть неприязнь, испытываемую им к этому человеку, которого он полагал незванным гостем. Он даже вознамерился обсудить с Франческо ситуацию, чтобы понять, в чем истинная причина того интереса, что проявлял граф к делам Валентины. Но Франческо, пусть и вежливо, ускользнул от разговора, попросив прислать к нему Ланчотто. Видя тщетность своих попыток сблизиться с графом, Гонзага удалился, затаив в душе зло, но со сладкой улыбкой на устах и рассыпавшись в комплиментах.

Вернувшись во двор, он распорядился поднять мост, сразу отметив, сколь быстро исполняют приказы наемники, получившие от Франческо хороший урок, и обстоятельство это отнюдь не улучшило его настроение. А потом он удалился в свои апартаменты и сел у окна, выходящего в сад, предавшись своим невеселым мыслям.

Но постепенно морщины озабоченности на лбу Гонзаги разгладились, на губах заиграла улыбка. Оно и к лучшему, думал он, если Валентина покинет Роккалеоне. И он должен настоять, чтобы она приняла именно такое решение. Естественно, он поедет с ней, а ухаживать за девушкой можно не только в замке, но и в любом другом месте. С другой стороны, если она останется и он, соответственно, тоже, так ли страшно появление под стенами Роккалеоне войска Джан Марии? Франческо уже подчеркивал, что осада не может продлиться долго, спасибо Цезаре Борджа, нацелившемуся на Баббьяно. Так что Джан Марии вскорости придется убраться прочь, чтобы защищать свое герцогство. А уж короткий-то срок они продержатся. И нет оснований впадать в отчаяние.

Гонзага встал, потянулся, распахнул оконную створку и полной грудью вдохнул свежий утренний воздух. Он тихонько рассмеялся. Надо же быть таким дураком, чтобы пугать себя приходом Джан Марии! Наоборот, осада замка скорее благо, чем зло, и Джан Мария окажет ему немалую услугу, останутся они в Роккалеоне или нет. Разделенная опасность более всего стимулирует любовь, и неделя осады стоит месяца ухаживаний в мире и покое. Тут, правда, ему вспомнился Франческо, и брови Гонзаги сошлись у переносицы. Он не забыл первой встречи девушки с этим типом в лесу у Аскуаспарте, после которой, по пути в Урбино, она не видела ничего, кроме черных глаз рыцаря Франческо.

— Рыцарь Франческо... — повторил Гонзага вслух. — Кто он? Откуда? Авантюрист без рода, без племени?

Солдат, пропахший кровью, способный разве что командовать бандитами Фортемани. Но разве может такой человек найти путь к сердцу дамы? Да еще рассчитывая на взаимность! — презрительный смех сорвался с его губ, чело разгладилось, будущее уже представлялось ему в розовом свете.

— Да, клянусь Создателем! — воскликнул Гонзага, воскрешая в памяти удивительную храбрость, проявленную Франческо в стычке с наемниками. — Силы у него, как у Геракла, оттого его боятся и ему подчиняются. — Тут Гонзага снял со стены лютню. — Небось отпрыск какого-нибудь кондотьера, соединивший в себе наглость отца с крестьянской душой матери. А я-то боялся, что такой человек может тронуть сердце моей бесценной Валентины. Фи! Даже мысль об этом унижает ее.

И, выбросив Франческо из головы, перебирая струны пальцами, Гонзага вернулся к растворенному окну и нежным, мелодичным голосом затянул любовную песню.

Глава 15

МИЛОСЕРДИЕ ФРАНЧЕСКО

Монна Валентина и ее дамы обедали в полдень в небольшой комнатке, примыкающей к залу приемов. К столу пригласили Франческо и Гонзагу. Обслуживали их два пажа, а фра Доминико в белом фартуке, обтягивающем его обширную талию, носил из кухни дымящиеся блюда. В монастырях, как известно, не только любят поесть, но и знают толк в приготовлении еды, и фра Доминико мог бы потягаться с лучшими поварами. Кухню он боготворил, и, если бы четки и бреввиарий³⁷ получали от него хотя бы половину внимания, уделяемого кастрюлям, сковородкам и горшкам, не осталось бы ни малейших сомнений в будущей канонизации фра Доминико.

В тот день монах угостил их обедом, каким едва ли мог похвастать любой из правителей Италии, за исключением, возможно, папы. На первое подали садовых овсянок, подстреленных в долине и нашпигованных трюфелями. Отведав их, Гонзага даже закатил глаза от восторга. За птичками последовал тушеный в красном вине заяц, попавший в силки на склоне холма, — не заяц, а объеденье, и Гонзага даже пожалел, что навалился на овсянок. А фра

Доминико уже ставил на стол форель, выловленную из горного потока, и маленькие пирожные, которые буквально таяли во рту. Не было недостатка и в вине — апулийском, что покрепче, и более тонкой мальвазии, так как Гонзага позаботился, чтобы ни при каких обстоятельствах в замке не страдали от жажды.

— Для гарнизона, ожидающего осады, питаетесь вы отменно, — прокомментировал качество обеда Франческо.

Ответил ему шут. Он сидел на полу, привалившись спиной к ножке стула одной из дам Валентины, которая бросала ему со своей тарелки кусочки еды, словно кормила любимую собаку.

— За обед благодарите нашего монаха, — невнятно пробубнил он, ибо только что засунул в рот пирожное. — Будь я проклят после смерти, если не попрошу его стать моим исповедником. Человек, способный так ублажить тело, наверняка знает, как обращаться с душами. Отец Доменико, вы исповедуете меня после захода солнца?

— Я тебе не нужен, — презрительно ответил монах. — Ибо про тебя сказано в Писании: «Благословенны нищие духом».

— А не припасено ли там проклятия для таких, как ты? — огрызнулся шут. — Да прокляты будут толстые телом, обжоры, не знающие другого Бога, кроме собственного желудка!

Монах отвесил шуту увесистый пинок.

— Молчи, гадюка мерзопакостная, мешок с ядом.

Опасаясь худшего, шут вскочил.

— Остерегись! — крикнул он. — Или ты не помнишь, монах, что гнев — смертный грех. Остерегись, говорю я тебе!

Фра Доминико глянул на свою занесенную для удара руку и забормотал молитву, опустив очи долу. Пеппе же попятился к двери.

— Скажи, монах, что мы ели, зайца или твою изношенную сандалию?

— Но теперь-то Бог меня простит, — взревел монах, бросаясь за шутком.

— За твою еду? На колени, монах, вымаливай прощение. — Пеппе увернулся от удара. — И ты еще полагаешь себя поваром? Фи! Да тебя близко нельзя подпускать к плите. Овсянки у тебя подгорели, форель плавает в жиру, а так называемые пирожные...

Чем не понравились шуту пирожные, и осталось тайной, ибо побагровевший Доминико едва не добрался до

Пеппе, но тот успел нырнуть под стол и нашел убежище в юбках Валентины.

— Прошу вас, сдержите свой гнев, святой отец — смеясь, как и все остальные, обратилась она к фра Доминико. — Он всего лишь пошутил. Относитесь к нему, как сказано в строке Писания, которой вы поделились с ним.

Чуть поостынув, монах вернулся к своим кулинарным обязанностям, но долго еще бормотал что-то себе под нос, похоже, грозился как следует вздуть Пеппе, как только представится удобный случай. А когда все поднялись из-за стола, Валентина по предложению Гонзаги распорядилась привести в зал приемов Эрколе Фортемани. Тут надобно отметить, что по приезду в Роккалеоне Фортемани присвоил себе некие привилегии, которые Гонзага полагал за свои, и теперь намеревался посчитаться с обидчиком.

Валентина попросила остаться и Франческо, чтобы своими опытом и знанием жизни помочь ей разобраться в этом, пусть и не слишком запутанном деле. От последних слов Валентины, вернее, от тона, которым она их произнесла, у Гонзаги неприятно защемило сердце. И, возможно, ревность вкупе с неприязнью к Фортемани побудили Гонзагу после того, как он послал солдата за пленником, предложить незамедлительно повесить Эрколе.

— К чему устраивать суд? — спросил он. — Мы все свидетели его неповиновения, и наказание за это только одно. Повесить его!

— Но вы и предложили судить его, — удивилась Валентина.

— Нет, мадонна. Я говорил о допросе. Но раз вы предложили мессеру Франческо помочь нам, я понял, что вы намерены судить этого негодяя.

— Ну разве можно представить себе, что наш дорогой Гонзага столь кровожаден? — обратилась Валентина к Франческо. — А вы, мессер, разделяете его мнение, что капитана следует повесить, не дав ему сказать и слова в собственную защиту? Подозреваю, что вы поддержите его, потому что, если судить по вашим деяниям, к мягкости вы не склонны.

Гонзага заулыбался, получив наглядное подтверждение того, что Валентина раскусила грубую натуру незваного гостя. Но Франческо удивил их ответом.

— Нет, я полагаю, что мессер Гонзага дает вам плохой совет. Проявите милосердие к Фортемани сейчас, когда он не ждет его от вас, и он станет вашим верным слугой. Такие люди мне встречались.

— Мессер Франческо не знает всего того, что известно нам, мадонна,— вмешался Гонзага.— Мы должны преподнести наемникам наглядный урок, если хотим, чтобы они уважали нас и беспрекословно выполняли все наши приказы.

— Вот и преподнесите им урок милосердия,— вставил Франческо.

— Мы подумаем,— подвела итог спору Валентина.— Мне нравится совет, мессер Франческо, но и предложение Гонзаги не лишено смысла. Хотя в данной ситуации я более склоняюсь к тому, чтобы корить себя за допущенную ошибку, чем отягощать совесть человеческой жизнью. А вот и Фортемани, так что по меньшей мере мы накажем его по суду. А может, он уже и раскаялся в содеянном.

Гонзага хмыкнул и занял место справа от стула Валентины. Франческо стоял слева.

Два вооруженных наемника подвели Эрколе Фортемани со связанными за спиной руками. Шагал он тяжело, опасаясь грядущего и не отрывая глаз от Франческо, источника всех его бед. Валентина подала знак Гонзаге.

— Преступление твое нам известно,— начал тот.— Можешь ли ты сказать что-либо в свое оправдание, чтобы удержат нас от необходимости повесить тебя?

Брови Фортемани взметнулись вверх: не ожидал он такой ярости от Гонзаги, которого держал более за женщину, чем за мужчину. А затем капитан рассмеялся столь презрительно, что щеки Гонзаги запылали огнем.

— Уведите...— начал он, но Валентина остановила его:

— Нет-нет, Гонзага, так нельзя. Скажите ему... Нет, я буду вести допрос сама. Мессер Фортемани, вы обвиняетесь в очень серьезном преступлении. Мессер Гонзага нанял вас и ваших людей по моей просьбе, вам доверили должность капитана, чтобы вы обеспечили порядок, послушание и дисциплину. А вместо этого вы стали зачинщиком утренней свары, едва не приведшей к смерти ни в чем не повинного человека, к тому же моего гостя. Что вы можете ответить на это?

— Зачинщиком я не был,— пробурчал Фортемани.

— Пусть так, но делалось все с вашего одобрения и вы сами приняли участие в этой жестокой забаве вместо того, чтобы остановить ее, как того требовал ваш долг. Ответственность падает на вас, моего капитана.

— Люди они горячие, необузданные, но преданные,— возразил Фортемани.

— Насчет их необузданности вы правы,— неодобрительно кивнула Валентина.— Вы, надеюсь, помните, что уже дважды мессеру Гонзага предоставлялся случай предостеречь вас. Обе проведенные в стенах замка ночи ваши люди пьянствовали, играли в кости, а раз или два поднимался такой ужасный шум, что мне уже казалось, что они режут друг другу глотки. Мессер Гонзага указывал вам, что с ними надобно быть построже, но вы ему не вняли. И полагаю, выпитое накануне вино в немалой степени способствовало их безобразному поведению сегодня утром.

В последовавшей паузе Эрколе Фортемани стоял с поникшей головой, вроде бы задумавшись, а Франческо оборотил полный восхищения взор на юную девушку с нежными карими глазами, восторгаясь величием ее души.

Гонзага же впился глазами в Фортемани, ожидая ответа.

— Мадонна,— заговорил фигант,— а что еще вы могли ожидать от этого люда? И мессер Гонзага понимал, что просит меня нанять отнюдь не ангелов, ибо и ваши действия не ограничены рамками закона. Что до их пьянства да горячности, покажите мне солдат, лишенных этих недостатков. Если они трезвенники и послушны, как телки, не будет от них толку и на поле боя. А откуда, кстати, взялось вино? Его привез с собой мессер Гонзага.

— Ты лжешь, собака! — взвился тот.— Вино предназначается для стола мадонны, а не для солдат.

— Однако они добрались до него, да оно, может, и к лучшему. Вода в животе не придает мужчине храбрости. Да и не велик этот грех, мадонна,— вновь обратился Фортемани к Валентине.— А мои люди докажут вам свою преданность, когда дело дойдет до схватки. Да, называя их собаками, вы недалеки от истины, но они — мастифы³⁸, каждый из них, и готовы отдать за вас сто жизней, если бы им даровал столько наш Создатель.

— Жизнь-то у них одна,— возразил Гонзага,— и непохоже, чтобы кто-то из них жаждал расстаться с ней ради мадонны.

— Вы ошибаетесь! — с жаром воскликнул Фортемани.— Дайте им командира, способного держать их в узде, поощрять и направлять, и они выполнят любое ваше пожелание.

— Вот сейчас вы коснулись главного,— вставил Гонзага.— Вы доказали нам, что капитан вы никудышный. Вы не справились с возложенными на вас обязанностями.

Проявили неповиновение там, где от вас требовалось подчинение не только собственное, но и ваших людей. И за это, по моему разумению, вас надлежит повесить. Не тратьте на него времени, мадонна,— он повернулся к Валентине.— Покажем им, как наказывается своеволие.

— Но, мадонна...— Фортемани заметно побледнел.

Гонзага не дал ему закончить:

— Словами тут не помочь. Вы проявили неповиновение, а потому вас ждет заслуженная кара.

Гигант вновь поник головой, смирившись с неизбежным, не зная, как оправдаться, но неожиданно на помощь ему пришел Франческо:

— Мадонна, вот тут ваш советник не прав. Обвинение это ложное. Неповиновения не было.

— Как это не было? — Она повернулась к графу.

— Видать, у нас появился новый Соломон,— вмешался Гонзага.— О чем тут говорить, мадонна. Огласите приговор!

— Но подождите, мой добрый Гонзага. Возможно, следует прислушаться к его мнению.

— У вас слишком доброе сердце,— Гонзага нетерпеливо махнул рукой, но Валентина уже обратилась к графу и попросила пояснить его слова.

— Если бы он поднял руку на вас, мадонна, или Гонзагу, или не подчинился отданному одним из вас приказанию, только тогда вы могли обвинить его в неповиновении. Но ничего такого он не сделал. В том, что избили моего слугу, вина его несомненна, но неповиновения здесь нет, так как он не давал слова подчиняться Ланчотто.

Валентина кивала, признавая логику аргументов графа. Но спор на том не закончился. Гонзага, кипя злобой, продолжал нападать и на Франческо, и на Фортемани. Но Франческо твердо стоял на своем, так что в конце концов Валентина приняла его сторону и попросила Франческо вынести окончательное решение.

— Вы оказываете мне такую честь, мадонна? — переспросил граф, в то время как Гонзага почернел от гнева.

— Ну, разумеется! Судите его по справедливости, и мы поступим с ним в полном соответствии с вашим приговором.

— Мне кажется, что вы сошли с ума,— пробормотал Гонзага, взбешенный тем, что Валентина прислушалась к мнению этого безродного выскочки, игнорируя его собственное.— Мадонна, вам самой по силам принять решение.

— Пусть будет как я сказала, дорогой Гонзага,— примирительно молвила Валентина, и тому не оставалось ничего иного, как подчиниться.

— Развяжите ему руки, а затем оставьте его здесь и выйдите,— приказал Франческо солдатам, и те удалились, а Фортемани изумленно переводил взор с графа на Валентину.

— А теперь слушайте меня внимательно, мессер Фортемани.— Голос Франческо звучал сурово.— Вы поступили трусливо, недостойно солдата, каковым вы себя считаете. И за это, полагаю, я уже наказал вас, унизив в глазах ваших подчиненных. А теперь возвращайтесь к ним и постарайтесь вернуть то уважение, которым должен пользоваться капитан в глазах солдат. И в будущем уже не теряйте его. Пусть это будет вам уроком, мессер Фортемани. Вы сами едва избежали петли да еще получили подтверждение того, что в трудную минуту ваши солдаты готовы предать вас. Почему это произошло? Да потому, что они не видят в вас своего командира. Скорее, вы для них собутыльник и партнер по игре в кости. Нет между вами необходимой дистанции.

— Господин мой, этот урок я запомню на всю жизнь,— проговорил преисполненный благодарности гигант.

— Вот и действуйте соответственно. Принимайте командование и призовите ваших солдат к порядку. А мадонна и мессер Гонзага обо всем забудут. Не так ли, мадонна? Мессер Гонзага?

Здравый смысл и интуиция подсказали Валентине, что действия Франческо куда как разумны и направлены лишь ей во благо, а потому она заверила Фортемани, что более не будет вспоминать о прошлом. Так что Гонзаге пришлось, пусть и с неохотой, присоединиться к ней.

Фортемани низко поклонился, лицо его было бледным как мел, тело била дрожь. Он приблизился к Валентине, опустился на колено, смиренно поцеловал подол ее платья.

— Мадонна, вам не придется рассказывать в вашем милосердии. Я буду служить вам до гроба. И вам тоже, мой господин.— С последними словами он поднял глаза на спокойное лицо Франческо. А затем, не удостоив Гонзагу даже взглядом, встал, вновь поклонился и вышел из комнаты.

Едва за ним закрылась дверь, град упреков обрушился на Франческо. Но Валентина остановила Гонзагу, не дав тому выговориться.

— Как можно, Гонзага! — воскликнула она.— Я пол-

ностью одобряю вынесенное решение. И у меня нет сомнений: оно более всего отвечает нашим интересам.

— Нет сомнений? И напрасно. Этот человек не успокоится, пока не отомстит нам!

— Мессер Гонзага,— вежливо, но твердо обратился к нему Франческо.— Я старше вас возрастом и, возможно, провел больше времени на войне среди таких вот людей. При всей его крикливости и склонности к хвастовству Фортемани знает, что такое честь, и не лишен чувства справедливости. Сегодня его помиловали, и прощение он получил от имени мадонны. Так заверяю вас, что отныне не будет у нее более надежного слуги, чем Эрколе Фортемани.

— Я верю вам, мессер Франческо,— улыбнулась графья Монна Валентина.— И убеждена, что вы рассудили мудро.

Гонзага кусал губы.

— Возможно, я ошибся, но дай-то Бог, чтоб так оно и было.

Глава 16

ГОНЗАГА СБРАСЫВАЕТ МАСКУ

Четыре мощных стены Роккалеоне образовывали квадрат, из которого сам замок занимал лишь половину. Вторая же, протянувшаяся с севера на юг, приходилась на сад, разбитый на три террасы. На верхней полоске земли у южной стены росли виноградные лозы, привязанные к потемневшим от времени перекладинам, покоящимся на гранитных столбиках.

Гранитная лестница с двумя охраняющими ее каменными львами вела на вторую террасу, называемую верхним садом. Она делилась пополам самшитовой аллеей. Высота, объем ствола деревьев давал представление о почтенном возрасте как сада, так и всего замка. В глубь аллеи проникали лишь редкие солнечные лучи, и прохлада сохранялась там даже в самый жаркий день. Разбитые по обе стороны аллеи розарии пребывали в запустении и заросли сорняками.

Третья, нижняя терраса, размерами побольше обеих верхних, представляла собой зеленую лужайку, обсаженную акациями и платанами.

На этой лужайке и коротали время, играя в шары, дамы Валентины и паж, а Пеппе добродушно посмеивался

над ними, не оставляя без внимания ни одно неловкое движение.

Там же грелся на солнышке и Фортемани, пытаясь забыть выпавшие на его долю утренние переживания. А потому ел глазами женщин, охорашиваясь, словно павлин.

Однако полученный им урок, похоже, принес свои плоды. Наемники, во всяком случае, вели себя куда как скромнее, а четверо из них с алебардами на плечах несли охрану на стенах замка. Возвращение Фортемани они встретили шуточками и пренебрежительными ухмылками, но пара-тройка увесистых затрещин утихомирили самых активных и привели в чувство остальных. И заговорил Фортемани резко, отрывистыми фразами, отдавая приказы, которые надлежало выполнять, ибо неподчинение несло с собой крепкую зуботычину.

Действительно, разительные перемены произошли с Фортемани, потому что вечером, когда наемники выпили, по его разумению, достаточно много, он приказал им укладываться спать. А когда они никоим образом не отреагировали на его слова, пошел с жалобой к монне Валентине. Она беседовала с Франческо и Гонзагой в крытой галерее столовой. Отужинав, они обсуждали, что же делать дальше: покинуть замок или остаться в нем, бежать или отражать нападение войск Джан Марии? Жалоба Эрколе прервала дискуссию. Валентина послала Гонзагу к наемникам, чтобы их успокоить, вызвав усмешку Фортемани. Гонзага же с радостью кинулся исполнять поручение, видя в словах Валентины свидетельство того, что она ставит его выше Франческо. Но гордость его ожидал жестокий удар.

При его появлении никто и бровью не повел, а когда он попытался копировать Франческо, обозвав их швалью и свиньями, наемники сразу смекнули, что слова его не подкреплены силой, и ответили ему градом оскорблений, копируя его тенорок, который на крике переходил в фальцет, да посоветовали наигрывать на лютне дамам и не вмешиваться в мужские дела.

Гонзага, однако, продолжал орать на них, и наемники начали сердиться. Ухмылка на лице многих из них уступила место злобному оскалу. И вот тут мужество изменило Гонзаге. Протиснувшись мимо Фортемани, который бесстрастно наблюдал за происходящим, привалившись спиной к дверному косяку, не сомневаясь, что миссия придворного окончится провалом, Гонзага с горящими щеками вернулся к Валентине.

Ей не понравился его рассказ, так как он постарался замаскировать свой позор и заявил, что наемники скопом бросились на него, желая разорвать на части. Франческо же стоял у окна, барабанив пальцами по подоконнику, устремив взор на залитый лунным светом сад, ни словом, ни жестом не показывая, что угомонил бы наемников, если б пошел к ним вместо Гонзаги. Наконец Валентина повернулась к нему.

— Не могли бы вы... — Она замолчала, вновь взглянула на Гонзагу, не желая более ранить его и так сильно уязвленное тщеславие.

Франческо выпрямился.

— Я могу попробовать, хотя неудача мессера Гонзаги подсказывает мне, что шансов на успех немного. Остается лишь надеяться, что мессер неправильно истолковал намерения наемников и мне удастся убедить их разойтись по-хорошему. Я попробую, мадонна. — И с этими словами Франческо сошел с галереи.

— У него все получится, — заверила Гонзагу Валентина. — На войне он не новичок и знает, с какими словами обратиться к этим людям.

— Я желаю ему успеха, — мрачно ответил Гонзага, — но готов с вами поспорить, что итог будет плачевный.

Спорить Валентина не стала, а десять минут спустя Франческо вернулся такой же невозмутимый.

— Они утихомирились, мадонна.

Валентина удивленно глянула на него.

— Как вам это удалось?

— Без особого труда, хотя и возникли некоторые осложнения. — Он бросил короткий взгляд на Гонзагу и улыбнулся. — Мессер Гонзага обошелся с ними излишне мягко. Да и невозможно требовать от придворного той суровости, к которой привыкли эти головорезы. С ними нет нужды цацкаться, и лишний подзатыльник будет только во благо, — говорил он вроде бы на полном серьезе, без тени иронии. Во всяком случае, Гонзага последней не уловил.

— Чтобы я пачкал руки об эту мразь? — ужаснулся он. — Да я скорее умру.

На галерее незаметно появился Пеппе.

— Госпожа моя, видели бы вы нашего паладина³⁹. Наверное, Марс никогда так не гневался, как он, появившись перед этими наемниками. С какой яростью приказал он укладываться всем спать, в противном случае пообещав загнать их в казарму палкой.

— И они пошли? — спросила Валентина.

— Не сразу. Выпили они достаточно много, чтобы казаться себе храбрецами, и один из них попытался напасть на мессера Франческо. Но тот скрутил наглеца в бараний рог и повелел Фортемани бросить его в подземелье, пока он не протрезвеет. А затем вышел, не дожидаясь исполнения своих приказов, полагая, что более его присутствия не требуется. И не ошибся. Они поднялись, кто-то выругался, но не слишком громко, дабы не услышал Фортемани, и отправились на боковую.

Валентина одарила Франческо восхищенным взглядом и самыми теплыми словами отозвалась о его доблести. Граф сразу же расцвел.

— На войне вам часто доводилось попадать в подобные передряги.— Фраза эта скорее напоминала утверждение, чем вопрос.

— Да, разумеется,— кивнул Франческо.

И тут Гонзага решил воспользоваться удобным случаем, чтобы побольше узнать о личности этого наглеца.

— Но мы еще не удостоились чести услышать ваше имя.

Франческо обернулся к нему, мысли с быстротой молнии проносились в его голове, хотя лицо оставалось спокойным. Открываться еще не время, решил он, ибо близкое родство со Сфорца могло вызвать недоверие со стороны Валентины. Все знали, что Джан Мария всегда высоко ценил графа Аквильского, а новости о его внезапном падении и изгнании не могли достичь ушей племянницы герцога Гвидобальдо, ибо она укрылась в Роккалеоне до того, как об этом стало известно в Урбино. Имя его разбудило бы подозрение, а разрыв с Джан Марией был бы истолкован мнимым, направленным лишь на прикрытие истинных целей. Уж Гонзага постарался бы убедить в этом Валентину, благо она прислушивалась к мнению придворного.

— Меня зовут Франческо, как я и говорил вам.

— Но есть же у вас и фамилия,— заинтересовавшись, добавила Валентина.

— Да, но она столь похожа на имя, что не заслуживает упоминания. Я — Франческо Франчески, странствующий рыцарь.

— И рыцарь истинный.— И так нежно улыбнулась ему Валентина, что Гонзага закипел от злобы.

— Что-то не слышал я такой фамилии... Ваш отец...

— Тосканский дворянин,— тут Франческо не погрешил против истины.

— Но не придворный? — предположил Ромео.

— Нет,— подтвердил Франческо его догадку.

— Понятно,— воскликнул Гонзага, а затем добавил с легким пренебрежением, оставшимся незамеченным простосердечной Валентиной: — Но тогда ваша мать...

Щеки Франческо полыхнули румянцем.

— Моя мать познатней вашей,— последовал резкий ответ, сопровождаемый пронзительным смехом шута.

Гонзага поднялся, тяжело дыша, взгляды мужчин скрестились, словно мечи, а Валентина в недоумении смотрела на них.

— Господа, господа, что вы такое сказали? — поспешила она вмешаться.— Что за взгляды кидаете вы друг на друга?

— Для честного человека он слишком чувствителен к оскорблениям, мадонна,— ответил Гонзага.— Как змея, затаившаяся в траве, он готов пустить в ход ядовитые зубы, чувствуя, что мы пытаемся раскусить его.

— Стыдитесь, Гонзага! — воскликнула Валентина.— Что вы такое говорите? Или Бог лишил вас разума? Господа, вы оба мои друзья, а потому негоже вам враждовать друг с другом.

— Справедливые слова,— молвил шут.

— А вы, мессер Франческо, забудьте его слова. Он не хотел вас обидеть. У него очень богатое воображение, но доброе сердце.

В то же мгновение чело Франческо разгладилось.

— Раз вы меня просите, а он подтвердит, что не имел в виду ничего плохого, я не буду держать на него зла.

Гонзага, поостынув, понял, что зашел слишком далеко, и с охотой пошел на мировую. Но не преминул нанести еще один удар при расставании с Валентиной, после того, как Франческо уже ушел.

— Мадонна, и все-таки я не доверяю этому человеку.

— Не доверяете? Почему? — нахмурилась Валентина.

— Объяснить не могу, но сердцем чувствую, что-то не так,— и коснулся рукою груди.— Если вы скажете, что он не шпион, можете называть меня дураком.

— Пожалуй, справедливо и первое, и второе.— Она рассмеялась, а затем добавила уже строже: — Идите спать, Гонзага. Сегодня у вас не все в порядке с головой. Пеппино, позови моих дам.

Но едва они остались одни, Гонзага подошел к Ва-

лентине вплотную. Муки ревности толкнули его на отчаянный шаг. Лицо побледнело, глаза горели мрачным огнем.

— Пусть будет по-вашему, мадонна, но завтра, уедем ли мы отсюда или останемся, его с нами не будет.

Валентина величественно выпрямилась, гордо вскинула голову.

— Решать это будем я и он.

Гонзага глубоко вздохнул, а голос его стал тверд, как алмаз.

— Предупреждаю вас, мадонна, если этот безымянный *sbirro** попытается встать между нами, клянусь Богом и всеми святыми, я его убью!

Открывающаяся дверь прервала монолог Гонзаги, он отступил и мимо вошедших дам Валентины выскользнул из комнаты. Но, едва переступил порог, как его дернули за рукав. Посмотрев вниз, он увидел Пеппино. Наклонился, повинаясь знаку шута.

— Только для ваших ушей, ваше сиятельство,— прошептал тот.— Один тут пошел за шерстью, а вернулся стриженным.

Сердито оттолкнув шута, Гонзага зашагал к себе.

А Валентина присела у окна, злость и изумление боролись в ней. Щеки побелели, грудь учащенно вздымалась. Впервые Гонзага показал, в чем состоит истинная его цель, да сделал это столь неуклюже, что лишил себя надежды на успех, вызвав лишь негодование, поскольку обратился к ней в недопустимом тоне. Но более всего ее изумляло, что он вообще посмел признаться ей в своих чувствах. Ибо означало это только одно: Гонзага не понимал, что в ее глазах он был, есть и будет только слугой, которому прежде всего надлежит сохранять дистанцию со своими господами.

Гонзага в те же минуты, меряя комнату шагами и улыбаясь самому себе, думал совсем о другом, и мысли его дышали оптимизмом. Конечно, он поспешил. До сбора урожая еще далеко, плод не созрел, но и нет ничего плохого в том, что он легонько потрянул дерево. Пусть и преждевременно, но тогда с большей легкостью свалится плод, когда придет срок. Он вспоминал мягкость Валентины, неизменно доброе отношение к себе, не подозревая, что чувства эти естественны для нее и ореол доброты окружает ее точно так же, как розу — нежный аромат. Она источает этот аромат, ибо так распорядилась мать-

* Полицейский, шпион (итал.).

природа, а вовсе не потому, что запах нравится мессеру Гонзаге. И заснул он в полной уверенности, что все идет как нельзя лучше, с легкой улыбкой на устах.

А граф Аквильский прохаживался по своей комнате в Львиной башне, когда взгляд его упал в угол, вызвав улыбку. Там, среди вооружения, сложенного Ланчотто, тускло блестел щит с гербом, на котором лев Сфорцы мирно соседствовал с орлом Аквилы.

— Если бы мой дорогой Гонзага увидел этот щит, он бы более не любопытствовал насчет моих родителей.— Осторожно вытащив щит, Франческо растворил окно и бросил его в ров, после чего лег и вскоре заснул с улыбкой на лице и образом Валентины в душе.

Спал он крепко, а пробудил его громкий стук в дверь и тревожный голос Ланчотто:

— Просыпайтесь, господин мой! Скорее! Мы в осаде!

Глава 17

ВРАГ

Граф выпрыгнул из кровати, поспешил к двери, чтобы впустить слугу, и тот возбужденно сообщил ему, что Джан Мария ночью прибыл под стены Роккалеоне и расположился лагерем на равнине перед замком.

Ланчотто все еще говорил, когда вошедший паж передал Франческо просьбу монны Валентины незамедлительно прийти в зал приемов. Он торопливо оделся и вместе со следующим по пятам Ланчотто спустился вниз.

Пересекая второй внутренний двор, Франческо увидел дам Валентины, обсуждающих случившееся с фра Доминико. Последний в торжественном облачении намеревался служить утреннюю молитву. Франческо вежливо поздоровался с ними и прошел в зал, оставив Ланчотто за порогом.

Валентина совещалась с Фортемани. Говоря, она ходила по залу, более ничем не выдавая своего волнения. А страх, если он и закрался в ее душу в час испытаний, вообще не проявлялся никоим образом. При виде Франческо радостная улыбка осветила ее лицо. Она приветствовала его как самого близкого друга, а затем печально вздохнула.

— Я искренне сожалею, мессер Франческо, что мои неудачи коснулись и вас. Мне сказали, что замок осажден,

так что ваша судьба слилась с нашей. Не будет вам дороги, пока Джан Мария не снимет осады. И у меня больше нет выбора — уезжать или оставаться. Нас принудили к последнему, так что будем принимать бой.

— Госпожа моя, я не могу разделить ваши сожаления на мой счет,— с готовностью, даже весело ответил Франческо.— Поступок ваш, мадонна, кто-то может расценить безумием, но это безумство храбрых, и я буду гордиться, если вы позволите мне привнести в него и свою лепту.

— Но, мессер Франческо, вы же ничем мне не обязаны.

— Долг истинного рыцаря помогать попавшей в беду деве. И я не могу найти лучшего применения своим рукам, как защитить вас от герцога Баббьяно. Я у вас на службе, монна Валентина, располагайте мною как сочтете нужным. Война для меня не в диковинку, так что я смогу принести хоть какую-то пользу.

— Назначьте его губернатором Роккалеоне,— предложил Фортемани, помня о том, кто спас ему жизнь. Кроме того, гигант понимал, что едва ли он сам (Гонзага, естественно, в расчет не брался) сможет организовать оборону замка лучше Франческо.

— Вы слышали, что сказал Эрколе? — Тон Валентины показывал, что предложение Фортемани ей по душе.

— Мадонна, для меня это слишком большая честь,— с достоинством ответил Франческо.— Но, если вы доверите мне замок, я буду защищать его до последнего вздоха.

Не успела она сказать хоть слово, через боковую дверь влетел Гонзага, побледневший, с полой плаща, перекинутой через правую руку вместо обычно левой, да и вообще по его наряду чувствовалось, что одевался он в спешке, без свойственной ему педантичности. Франческо он сухо кивнул, Фортемани словно и не заметил, затем низко склонился перед Валентиной.

— Я очень огорчен, мадонна...— Но Валентина превала его:

— Для того нет особой причины. Разве вы ожидали иного?

— Пожалуй, что нет. Но я надеялся, что Джан Мария не посмеет зйти столь далеко.

— Надеялся? Даже после того известия, что принес нам мессер Франческо? — Только сейчас, похоже, у Валентины открылись глаза.— Что-то я не слышала от вас подобных речей, когда вы советовали мне бежать в Роккалеоне. Тогда вас не смущало, что предстоит схватиться

с Джан Марией. Наоборот, вас распирает боевой пыл. С чего же такая перемена? Уж не надвинувшаяся ли опасность тому причиной?

Презрение в голосе Валентины больно ранило тщеславие Гонзаги, к чему, собственно, она и стремилась. Вчерашнее его поведение подсказало девушке, что нет нужды создавать у него ложное впечатление, будто она сверх меры благоволит к нему, да и сегодняшнее поведение Гонзаги, пусть не в критический, но достаточно сложный момент, выставило его в новом свете, и Валентине никак не нравилось то, что она видела.

Гонзага поник головой, щеки его полыхнули румянцем стыда, ибо упреки эти высказывались в присутствии Фортемани и Франческо, этого выскочки.

— Мадонна,— заговорил он с достоинством, словно последние слова Валентины относились не к нему,— я пришел сообщить вам, что герольд Джан Марии просит его выслушать. Вы позволите мне принять его?

— Вы очень заботливы, Гонзага,— ответила она.— Но я не сочту за труд выслушать его сама.

Гонзага поклонился, затем искоса глянул на Франческо.

— И мы можем договориться, чтобы этого господина беспрепятственно выпустили из замка.

— Едва ли они разрешат ему уехать,— последовал ответ.— Да и нет нужды просить их об этом, поскольку мессер Франческо согласился принять пост губернатора Роккалеоне. Но мы заставляем герольда ждать. Господа, не подыаться ли нам на стену?

Они поклонились и последовали за ней, Гонзага первый, с перекошенным от ярости лицом, потому что в этом назначении он увидел ответ на жаркие слова, которые прошлым вечером прошептал на ухо Валентине.

Пересекая двор, Франческо отдал первый приказ, и шестеро наемников присоединились к ним, дабы герольд увидел, что осаждавшим придется иметь дело с вооруженным гарнизоном, а не с беззащитной девушкой.

У рта их ожидал высокий мужчина на сером жеребце. Шлем его ярко блестел на утреннем солнце, алый плащ украшал лев с герба Сфорцы. Он низко поклонился, увидев Валентину и ее свиту. Граф Аквильский заблаговременно надвинул шляпу на лоб, чтобы лицо его оставалось в тени.

— От имени моего господина, высокородного и могущественного Джан Марии Сфорца, герцога Баббьяно, я предлагаю вам сложить оружие и открыть ворота.

Последовала короткая пауза, после чего Валентина спросила герольда, все ли он сказал или что-то упустил. Герольд, вновь склонившись к холке жеребца, ответил, что послание герцога Баббьяно передано **ей** полностью.

Валентина повернулась к сопровождавшим ее мужчинам. На лице ее отразилось смущение. Она понимала, что должна дать достойный ответ, но не знала, как это сделать, ибо ее монастырские наставницы и представить себе не могли, что их подопечная окажется в столь щекотливой ситуации, а потому и не научили ее, что надобно предпринять в подобном случае. Обратилась она к Франческо.

— Ответьте ему, господин губернатор,— улыбнулась Валентина, и Франческо, выступив вперед, наклонился над зубцом крепостной стены.

— Господин герольд,— голос его звучал хрипло, не так, как **всегда**,—если вас это не затруднит, **скажите** мне, с **каких** это пор герцог Баббьяно находится в состоянии войны с Урбино, ибо я не вижу другой причины, объясняющей появление его войск у этого замка и требование о сдаче.

— Обращаясь с этим посланием к Валентине делла Ровере,— прокричал герольд,—его светлость заручился согласием герцога Урбино.

Тут Валентина оказалась рядом с Франческо и, более не церемонясь, высказала все, что накопилось у нее на душе.

— Это послание, мессер, равно как и присутствие здесь вашего господина, лишь новое звено в череде оскорблений, которым я подверглась с его стороны. **Скажите** ему об этом. А еще я попрошу моих советников разобрат^{ься}, есть ли у него право посылать вас ко мне **С**таким поручением, после чего, возможно, он получит ответ на свой вызов.

— Может быть, мадонна, вы хотите, чтобы его светлость подъехал сюда, чтобы переговорить с вами лично?

— Вот этого мне совершенно не хочется. Мне уже представлялся случай сказать Джан Марии все, что я о нем думаю.— И гордо повернувшись, показывая тем самым, что аудиенция окончена, она отошла от крепостных зубцов.

Потом она провела короткий совет с Франческо, который высказал несколько предложений, способствующих укреплению обороны замка. Валентина одобрила их все без исключения. Настроение у нее заметно улучшилось, так как теперь рядом с ней появился человек, действи-

тельно знающий толк в военном деле. Ей нравилось даже просто смотреть на его стройную, подтянутую фигуру, пальцы, привычно охватывающие рукоять меча, не ведающее страха лицо. И даже когда он говорил о грозящих им опасностях, они казались не такими уж страшными, столь уверенно звучал его голос.

Вместе с Фортемани Франческо незамедлительно перешел к реализации предложенных им мер. Теперь гигант следовал за ним, как верный пес за хозяином, понимая, что видит перед собой истинного солдата удачи, наемника-профессионала, в сравнении с которым сам он ненамного отличается от набранного им отребья. Передалась Эрколе и уверенность Франческо, так как тот вроде бы относился к происходящему как к остроумному розыгрышу, комедии, разыгрываемой герцогом Баббьяно. Вдохновив Валентину и Фортемани, Франческо через последнего поднял и боевой дух его солдат. Энергия графа Аквильского передалась и им, а из восхищения своим новым командующим родились и окрепли уважение к порученному им делу и гордость за сопричастность к тому, что вершилось на их глазах. Еще через час до того тихий и спокойный Роккалеоне воинственно гудел, словно растревоженный улей, а Валентина, видя все это, изумлялась могуществу волшебника, которому она вверила свою крепость, так как только чудо могло сотворить столь разительные перемены с ее гарнизоном.

Только единожды хладнокровие изменило Франческо. Случилось это после того, как, спустившись в пороховой погреб, он обнаружил там лишь одну бочку с порохом. Он повернулся к Фортемани и спросил, где Гонзага распорядился сгрузить остальное. Фортемани знать ничего не знал, а потому Франческо отправился на розыски Гонзаги и нашел его в самшитовой аллее, где придворный что-то жарко втолковывал Валентине. При появлении Франческо Гонзага разом смолк, нахмурился.

— Мессер Гонзага, где вы спрятали порох? — осведомился Франческо.

— Порох? — Гонзагу охватило предчувствие беды. — А разве его нет в погребе?

— Есть... маленькая бочка, достаточная для того, чтобы раз или два выстрелить из орудия, не оставив ничего для наших аркебуз. Где порох, который вы привезли с собой?

— Весь порох в погребе. Другого нет.

Франческо застыл, на мгновение потеряв дар речи, не сводя глаз с придворного. А затем не смог сдержать гнева.

Так-то вы намеревались защищать Роккалеоне? — Голос его звенел, словно меч. — Запасли в достатке вина, не забыли про стадо овец да всяческие деликатесы. Вы намеревались забросать врага костями или полагали, что никакой осады не будет?

Вопрос этот угодил в самое яблочко, а потому Гонзага вспыхнул, словно порох, запастись который он не удосужился. И столь велика была ярость Гонзаги, что ответил он, как должно мужчине.

С презрением в голосе отмел он обвинения Франческо, завершив тираду предложением решить спор поединком, пешими или конными, мечом или копьем.

Но тут вмешалась Валентина, осадив их обоих. Но с Франческо она говорила вежливо, выразив надежду, что он наилучшим образом использует все то, чем располагает Роккалеоне. С Гонзагой же — с крайним пренебрежением, потому что вопрос Франческо, так и оставшийся без ответа, окончательно открыл ей глаза. Она и так уже достаточно отчетливо представляла те цели, что преследовал Гонзага, побуждая ее к побегу из Урбино, но теперь отпали последние сомнения. Она вспомнила его реакцию на известие о том, что Джан Мария полон решимости осадить и взять штурмом Роккалеоне, его совет покинуть замок, — ведь в Урбино он убеждал ее, что на силу надобно отвечать силой.

За этой словесной перепалкой и застал их звук трубы. — Герольд! — воскликнула Валентина. — Пойдемте, мессер Франческо, узнаем, что он привез нам на этот раз.

И она увела Франческо, оставив Гонзагу в тени самшита, разве что не плачущего от унижения.

Герольд вернулся, чтобы сообщить, что ответ Валентины не оставляет Джан Марии иного выхода, как дожидаться прибытия герцога Гвидобальдо, который уже в пути. Присутствие правителя Урбино, полагал Джан Мария, будет достаточным основанием для того, чтобы Валентина дала ясный ответ на его требование открыть ворота и сдаться на милость победителя.

Таким образом остаток дня прошел в Роккалеоне мирно, если не считать бури, ревущей в сердце Ромео Гонзаги. За ужином в тот вечер он сидел, никем не замечаемый, за исключением дам Валентины да шута, несколько раз проехавшегося насчет его мрачности. Сама же Валентина все свое внимание уделяла графу, и пока Гонзага — поэт, певец, признанный остро слов, словом, образцовый придворный — молчал, надув губы, этот выскочка, неотесан-

ный мужлан развлекал сидящих за столом веселыми историями, завоевав приязнь всех, за исключением, разумеется, мессера Гонзаги.

Об осаде он говорил столь легко и непринужденно, что на душе у его слушателей заметно полегчало. Нашлось у него, что сказать и о Джан Марии, чтобы Валентина и дамы вдоволь насмеялись, и он ясно дал понять, что, хотя повоевать ему пришлось достаточно много, ни одна кампания так не увлекала его, как оборона Роккалеоне. А в победном исходе он не сомневался.

Дамы таяли от восторга. Еще бы! Ранее жизнь сталкивала их лишь с мужчинами-марионетками, населявшими парадные залы и приемные дворцов, умеющих лишь кланяться да витиевато излагать свои далеко не глубокие мысли, то есть с теми, кто волею судеб всегда окружает правителей. А тут перед ними предстал человек совершенно иного склада, несомненно высокого происхождения, пропитанный духом военного лагеря, а не затхлостью дворца, начисто лишенный позерства, столь ценимого при дворе герцога Урбино.

Был он молод, но уже не зелен, красив, и именно мужской красотой, а не женственностью. Мелодичный его голос, как им уже доводилось слышать, мог становиться суровым, требующим беспрекословного выполнения отданного приказа. А уж если он смеялся, то от души, без всяких задних мыслей.

И Гонзаге не оставалось ничего иного, как молча злиться, про себя кляня на все лады человека, которого он бы и на пушечный выстрел не подпустил ко дворцу.

Вечер этот не доставил ему радости, но следующий день принес еще большие разочарования.

Утром к Роккалеоне прибыл герцог Урбино и сам, в сопровождении одного трубача, подошел ко рву. В третий раз под стенами замка прозвучала труба.

Как и днем ранее, Валентина поднялась на стену в сопровождении Франческо, Фортемани и Гонзаги. Последнего не приглашали, но и не стали гнать прочь, а потому он плелся в хвосте, вроде бы по-прежнему считаясь одним из ее офицеров.

Франческо для столь торжественного случая облачился в боевой наряд и появился, с головы до ног закованный в сверкающую сталь. На шлеме развевался плюмаж, забрало он поднял, но издали разглядеть черты его лица не представлялось возможным. Так что сохранялась надежда, что Гвидобальдо его не узнает.

Встреча с герцогом не вызвала в Валентине прилива теплых чувств. Подданные его любили, но с племянницей он держался отстраненно, не допуская сближения. Вот и теперь он и не пытался воззвать к голосу крови. Пришел Гвидобальдо с войной — правитель, желающий вразумить взбунтовавшегося вассала, — потому и обратился к Валентине в соответствующем тоне:

— Монна Валентина, хотя ваше непослушание глубоко огорчает меня, не рассчитывайте и не надейтесь на какие-либо привилегии или милосердие, обусловленные тем, что вы — женщина. Мы отнесемся к вам точно так же, как к любому мятежнику, пошедшему против воли властелина.

— Ваше высочество, я не ищу для себя никаких привилегий, кроме тех, что дарованы мне, как женщине, матерью-природой. Привилегии эти никоим образом не имеют отношения к войне и оружию и состоят лишь в том, что я имею право отдать руку и сердце только моему избраннику. И пока вы не осознаете того, что я — женщина, а осознав, не примиритесь с этим и не дадите мне ваше честное слово, что Джан Мария мне более не жених, до тех пор я останусь здесь, несмотря на вас, ваших солдат и вашего союзника, полагающего, что лучше всего прокладывать путь к сердцу женщины пушечными ядрами.

— Я думаю, у нас найдутся средства заставить вас вспомнить о чувстве долга, — последовал мрачный ответ.

— Долга перед кем?

— Перед государством, принцессой которого вы удостоились чести родиться.

— А как же мой долг перед собой, моим сердцем, женским естеством? Или это в расчет не берется?

— Это не те вопросы, по которым принято спорить через крепостную стену. И приехал я сюда не для дискуссии, но чтобы предложить вам сдаться. Если же вы ответите отказом, пеняйте на себя.

— И буду пенять на себя, но не подчинюсь вам. Сдаваться я не собираюсь. Делайте, что хотите, покрывайте позором ваше мужское достоинство и честь рыцарства насильем, но я обещаю вам, что Валентина делла Ровере никогда не станет женой герцога Баббьяно.

— Так вы отказываетесь открыть ворота? — Голос Гвидобальдо уже дрожал от ярости.

— Окончательно и бесповоротно.

— И долго вы намерены упорствовать?

— До моего последнего вздоха.

Гвидобальдо саркастически рассмеялся.

— Тогда я умываю руки и более не отвечаю за последствия вашего решения. Оставляю вас заботам будущего мужа, Джан Марии Сфорца. Он, похоже, очень торопится со свадьбой, так что может излишне жестоко обойтись с замком, но вина за это будет лежать только на вас. Но я заранее предупреждаю о моем полном одобрении любых его действий. И прошу задержаться еще на несколько минут, чтобы выслушать те слова, которые, возможно, хочет сказать вам его светлость. Надеюсь, что его красноречие окажется более убедительным.

И, отсалютовав Валентине, Гвидобальдо развернул лошадей и ускорил. Девушка, наверное, ушла бы, но Франческо убедил ее остаться и подождать герцога Баббьяно. Время это Валентина и Франческо провели в оживленной беседе, прохаживаясь по стене. Гонзага и Фортемани ходили следом.

С высоты крепостных стен они обозревали полураздетых солдат, торопливо ставящих зеленые, коричневые, белые палатки. Маленькая армия насчитывала не более сотни человек, ибо Джан Мария полагал, что большего числа для взятия Роккалеоне не потребуется. Тем более что основную ставку он делал не на живую силу, а на десять тяжелых, запряженных быками повозок, выкатившихся из леса под их взглядами. На каждой покоилась пушка. А уж за ними появились телеги с амуницией и съестными припасами.

Гвидобальдо тем временем достиг лагеря и спешился у шатра, высившегося в самой его середине. Из шатра вышел низкорослый толстяк, в котором острые глаза Франческо без труда признали Джан Марию.

Слуга подвел жеребца, помог ему сесть в седло, а затем в сопровождении того же трубача Джан Мария двинулся к замку. У самого рва натянул поводья, увидев Валентину, снял шляпу и склонил рыжеватую голову.

— Монна Валентина, — позвал он, устремив вверх взгляд маленьких, жестоких глаз, а когда она подошла к крепостным зубцам, продолжил: — Я искренне сожалею, что его высочество, ваш дядя, не смог добиться своего. И, раз он потерпел неудачу, боюсь, и у меня немного шансов на успех, во всяком случае, если рассчитывать только на слова. И все-таки я прошу дозволения переговорить с вашим капитаном, кто бы он ни был.

— Мои капитаны перед вами, — ровным голосом ответила Валентина.

— О! И их так много? Сколько же у вас солдат?

— Достаточно,— вмешался Франческо, из глубины шлема голос его звучал глухо,— чтобы разнести и вас, и всю собранную вами шваль на мелкие клочки.

Джан Мария устремил на него злобный взгляд, но увидел лишь стальные латы да темный зев под поднятым забралом.

— Кто ты такой, негодяй? — спросил Джан Мария.

— Сам ты негодяй, пусть хоть и двадцать раз герцог,— последовал ответ, сопровождаемый смехом Валентины.

Никогда еще, с тех пор, как он издал первый крик, появившись из чрева матери, ни один человек не одергивал так грубо Джан Марию. Стоит ли удивляться, что его бледное лицо побагровело.

— Слушай меня внимательно! — проревел он.— Какая бы судьба ни ждала остальных защитников замка после того, как я захвачу его, тебе лично я обещаю веревку и крепкий сук, на котором тебя и вздернут.

— Полно! — отмахнулся рыцарь.— Поначалу птичку нужно поймать. И не надейся, что Роккалеоне достанется вам, словно перезревший плод, сам упавший на землю. Пока я жив, вашей ноги тут не будет, ваша светлость, а жизнь мне очень дорога и просто так я с ней не расстанусь.

Тут Валентина повернулась к Франческо, глаза ее уже не смеялись.

— Довольно, мессер! — прошептала она.— Не стоит еще более раздражать его.

— Да-да,— заверещал Гонзага.— Более ничего не говорите, а не то вы нанесете нам непоправимый урон.

— Мадонна,— герцог Баббьяно более не желал общаться с Франческо,— я даю вам двадцать четыре часа на раздумья. Вы видите прибывшие в лагерь орудия. Завтра, когда вы проснетесь, они будут нацелены на ваши стены. Более сказать вам мне нечего. Могу я просить вашего дозволения перед отъездом переговорить с мессером Гонзагой?

— Раз вы уезжаете, можете говорить с кем угодно,— презрительно бросила Валентина и, повернувшись, знаком предложила Гонзаге подойти к краю стены.

— Я могу поклясться, что этот шут уже дрожит от страха перед неизбежным,— прокричал герцог,— и, возможно, страх заставит его руководствоваться здравым смыслом. Мессер Гонзага, как я понимаю, вы нанимали на службу гарнизон Роккалеоне, а потому предлагаю

вам отдать приказ опустить мост. Именем Гвидобальдо, равно как и своим, обещаю всем прощение, за исключением того мерзавца, что стоит рядом с вами. Но если ваши солдаты окажут сопротивление, будьте уверены, что я не оставлю в Роккалеоне камня на камне и не пощажу никого.

Гонзагу трясло, как лист на ветру, лицо его посерело, от ужаса перехватило дыхание, а потому ответил за него Франческо.

— Мы слышали ваши условия. Нам они не подходят. Так что не сотрясайте воздух пустыми угрозами.

— Мессер, мои условия не для тебя. Я не знаю, кто ты такой. Не собираюсь обращаться к тебе и не желаю, чтобы ты говорил со мной.

— Задержитесь здесь еще на минуту, и к вам обратятся аркебузы.— И Франческо скомандовал воображаемому воину слева от себя: — Аркебузы на изготовку! Запалить фитили! Ну, господин герцог, вы уезжаете или прикажете разнести вас в клочья?

Ответом послужил поток проклятий, перемежающихся обещаниями того, что ждет Франческо после падения замка.

— Приготовиться к стрельбе! — прокричал он, и герцог, прервавшись на полуслове, поскакал прочь вместе с трубачом, а вслед им неся хохот Франческо.

Глава 18

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

— Мессер, вы добьетесь того, что нас всех повесят,— пробормотал Гонзага, когда они спустились со стены.— Разве так говорят с принцами?

Валентина нахмурилась, недовольная тем, что Гонзага посмел упрекать ее рыцаря. Но Франческо вновь рассмехался.

— Клянусь святым Павлом, как, по-вашему, мне следовало с ним говорить? Лстить? Молить о пощаде, убеждать, что строптивую даму можно уломать и без помощи артиллерии? Нет, мессер Гонзага, мне это не подходит.

— Похоже, храбрость мессера Гонзаги убывает, именно когда ей надобно возрасть,— заметила Валентина.

— Мадонна, вы путаете храбрость с безрассудством,—

возразил Гонзага.— И думаю, что пользы от этого не будет.

Вскоре оказалось, что не только Гонзага придерживается того же мнения. Во дворе к ним приблизился коренастый, заросший черным волосом наемник. Звали его Каппоччо.

— Мессер Гонзага, мессер Эрколе, можно вас на пару слов? — От такого обращения веяло такой дерзостью, что все остановились, а Франческо и Валентина, шедшие впереди, обернулись, чтобы послушать, что же он скажет.— Когда я поступал к вам на службу, вы дали мне понять, что рисковать шкурой не придется. Мне сказали, что ни о какой войне не может быть и речи. В крайнем случае возможна случайная стычка с солдатами герцога. В этом вы убеждали и моих товарищей.

— Это правда? — Валентина посмотрела на Фортемани, к которому, собственно, и обращался Каппоччо.

— Да, мадонна,— кивнул тот.— Но я повторял лишь услышанное от мессера Гонзаги.

— Стыдись, Каппоччо! Как ты мог заговорить об этом в присутствии нашей госпожи, трус ты этакий.

— Я не трус,— Каппоччо покраснел.— На поле боя я готов сражаться за того, кто мне платит. Но сидеть в крепости и ждать, когда тебя придушат, словно крысу,— это не по моей части.

Франческо встретился с ним взглядом, затем посмотрел на других шестерых или семерых наемников, столпившихся за спиной Каппоччо и жадно вслушивающихся в каждое слово. Выражение их лиц не оставляло сомнений в том, что все они разделяют его мнение.

— Солдат ли ты, Каппоччо? — с издевкой спросил Франческо.— Или я должен сказать, в чем ошибся Фортемани, беря тебя на службу? Ему, похоже, следовало сразу определить тебя на кухню в помощь повару.

— Господин рыцарь!

— Да ты никак повышаешь на меня голос? Или ты думаешь, что я такой же, как ты, и пугаюсь шума?

— Шум меня не пугает.

— Неужели? Тогда чего же ты испугался пустых угроз герцога Баббьяно? Будь ты действительно солдатом, ты не стал бы говорить: «Я готов умереть так, а не иначе». И твое утверждение, что ты готов умереть в чистом поле — ложь.

— Нет! Не ложь!

— Тогда почему ты готов умереть там, но не здесь? Или ты забыл, что не человек, а судьба определяет место и время смерти? Но успокойся.— Франческо рассмеялся и возвысил голос, чтобы его хорошо слышали остальные наемники.— Умирать тебе не придется ни там, ни здесь.

— Когда Роккалеоне сдастся...

— Роккалеоне не сдастся,— прогремел Франческо.

— Хорошо, когда его возьмут штурмом.

— Его не возьмут штурмом,— голос губернатора звенел уверенностью.— Будь у Джан Марии в союзниках время, он бы уморил нас голодом. Но времени-то у него и нет. Враг стоит на границе его герцогства, и через несколько дней, максимум через неделю ему придется возвращаться в Баббьяно и защищать собственную корону.

— Тем больше у него оснований подвергнуть замок бомбардировке.— По тону Каппоччо чувствовалось, что этот аргумент он считает неотразимым.

Но Франческо незамедлительно оспорил это утверждение:

— Не верьте этому. Говорю вам, Джан Мария на такое не пойдет. А если и отдаст приказ открыть огонь, разве эти стены рухнут от нескольких ядер? На штурм он может решиться, но не мне объяснять солдату, что двадцать храбрых парней, а я считаю вас таковыми, несмотря на твои, Каппоччо, трусливые речи, без труда справятся здесь и с тысячью человек, не говоря уже о сотне, что привел с собой герцог. И учти, я говорю тебе только то, во что верю сам, ибо Джан Мария, как ты, должно быть, помнишь, обещал повесить и меня. Я солдат, как и ты, а потому и рискуем мы одинаково. И разве я колеблюсь, сомневаюсь в победе только потому, что мне пригрозили виселицей? Стыдно, Каппоччо! Менее милосердный губернатор сам вздернул бы тебя за такие слова, подстрекающие к бунту. Я же вот стою и спорю с тобой, потому что у меня на счету каждый храбрец, а я уверен, что и ты из их числа. Давай забудем о твоих сомнениях. Они недостойны солдата. Будь смел, решителен, и после того, как побежденный герцог снимет осаду, тебя и твоих товарищей будет ждать щедрое вознаграждение.

Франческо повернулся, не дожидаясь ответа Каппоччо, застывшего с поникшей головой и горящими от стыда щеками, и повел Валентину через двор к лестнице, ведущей в зал приемов.

Шел он размеренным шагом, ни разу не оглянувшись, словно и не сомневался в том, что приказы его будут выполнены, но, едва за ними закрылась дверь, резко повернулся к Эрколе:

— Вооружитесь аркебузой и возьмите с собой моего слугу Ланчотто. Если эти твари все еще намерены бунтовать, застрелите того, кто попытается открыть ворота. Стреляйте наверняка, а потом дайте мне знать. Но, главное, Эрколе, позаботьтесь о том, чтобы они вас не видели, даже не подозревали о вашем присутствии, чтобы не преуменьшать воздействие на них моих слов.

Валентина одарила Франческо восхищенным взглядом, отчего Гонзага позеленел от злости.

— Небеса смилостивились надо мной и в час беды послали мне на помощь настоящего мужчину. Вы думаете...— Глаза ее не отрывались от лица Франческо, ища хоть малейшие признаки неуверенности.— Вы думаете, они успокоятся?

— Это я вам гарантирую, мадонна! Но что это, почему я вижу слезы у вас на глазах? Плакать вам совершенно незачем.

— Я все-таки женщина,— она улыбнулась,— со всеми свойственными ей слабостями. Мне казалось, что все рухнуло. И рухнуло бы, не будь вас. Если они взбунтуются...

— Пока я здесь, этого не будет,— заверил ее Франческо, и Валентина в восторге от своего рыцаря поспешила к дамам, чтобы успокоить их и пообещать, что при такой надежной защите ничего дурного им не грозит.

Франческо направился к себе, чтобы снять доспехи, а Гонзага решил прогуляться по крепостному валу, сжигаемый ненавистью теперь уже не к безродному выскочке, а к Валентине, которая посмела предпочесть этого мужлана, грубияна, головореза ему, ослепительному Гонзаге. Выныгивая под синим полуденным небом, он уже мечтал о том, чтобы наемники, несмотря на уверения Франческо, взбунтовались хотя бы для того, чтобы Валентина поняла, что напрасно она доверилась этому проходимцу и что его обещания — всего лишь слова. И тут же вернулись к нему мысли о его собственных смелых замыслах, о любви к Валентине, о благосклонности, которую она выказывала ему до появления этого болтуна. Он горько рассмеялся, вновь осознав, что теперь она отдает предпочтение не ему, а Франческо.

С другой стороны, дни настали грозные, война на-

двинулась вплотную, а именно в такой ситуации Франческо мог подать себя во всем блеске. На что годился этот *sbirro* в мирное время? Разве мог он соперничать с ним, Гонзагой, в остроумии, элегантности, манерах? Обстоятельства, так сложились обстоятельства, а потому они во всем виноваты. В другой ситуации Валентина, в этом у Гонзаги не было ни малейших сомнений, даже не глянула бы на Франческо, пока рядом с ней находился он, Гонзага. А если вспомнить их первую встречу у Аскуаспарте? Вновь проклятые обстоятельства сложились в пользу Франческо, так как женщины более чем расположены к раненым и больным.

Он уже убеждал себя в том, что мог бы обвенчаться с Валентиной, не появившись в Роккалеоне Франческо, а обвенчавшись, опустить мост и спокойно выехать из замка, так как едва ли Джан Мария пожелал бы жениться на его вдове. Да и Гвидобальдо, по натуре добрый и милосердный, не стал бы держать на него зла и скорее простил, чем повесил, ибо ничего бы не выиграл, оставив свою племянницу вдовой. Да, если бы не Франческо, риск его полностью бы оправдался и он покинул бы Роккалеоне с высоко поднятой головой.

Он смотрел вниз, на равнину, уставленную палатками, и черная ненависть вперемишку с таким же черным отчаянием застила ему глаза. Вот тут и подумалось ему: а не отказаться ли от прежних планов, раз они рухнули в одночасье, и не обратиться ли к новым, призванным по меньшей мере спасти его от виселицы? Теперь он понимал, что обречен вне зависимости от того, падет ли Роккалеоне или выстоит. Ему припомнили бы организацию побега из Урбино, и не мог он ожидать пощады ни от Джан Марии, ни от Гвидобальдо.

И неожиданно его озарило: он увидел путь к спасению. Гонзага замер, затем воровато оглянулся, словно опасаясь, что кто-то прочитал его черные мысли. Он успокоился, никого не увидев, вернулся в свою комнату, нашел перо, чернила, лист бумаги и одним махом написал:

«В моих силах призвать гарнизон к неповиновению и открыть ворота Роккалеоне. Тем самым замок окажется у вас в руках, а я докажу вам, что не желаю участвовать в мятеже монны Валентины. Что вы можете предложить мне, если я выполняю обещанное? Ответьте немедленно, воспользовавшись тем же средством доставки, что и я, но не отправляйте послание, если увидите меня на крепостной стене».

Гонзага сложил лист, сверху написал: «Его высочеству герцогу Баббьяно», прошел в арсенал, открыл дверцы большого шкафа у стены и достал арбалет, натянул тетиву, привязал письмо к стреле, установил ее на ложе, плотно затворил дверь, приблизился к узкой бойнице, поднял арбалет. Направил его на тент герцогского шатра и выстрелил. И, к полному своему удовольствию, попал в цель: стрела порвала брезент и исчезла внутри.

Сразу же в лагере поднялась суета. Забегали солдаты, несколько человек выбежали из-под тента. Гонзага узнал Джан Марию и Гвидобальдо.

Стрелу передали герцогу Баббьяно. Тот мельком глянул на замок, отбросил полог шатра и скрылся за ним.

Гонзага широко распахнул дверь в арсенал, чтобы видеть, есть ли кто на крепостном валу, вернулся к окну, в нетерпении дожидаясь ответа. Не прошло и десяти минут, как вновь появился Джан Мария, кликнул арбалетчика, что-то ему передал, указав рукой на Роккалеоне. Гонзага двинулся к двери, сердце его отчаянно билось. Если бы на стене появился кто посторонний, он успел бы показаться меж зубцов, тем самым остановив арбалетчика. Но повода для тревоги не нашлось, и вскоре стрела запрыгала по камням крепостного вала. А еще через мгновение Гонзага держал в руках ответ Джан Марии.

Он развязал бечевку, отбросил стрелу в угол, развернул письмо и прочитал его, привалившись плечом к стене.

«Если с вашей помощью Роккалеоне станет моим, вы вправе рассчитывать на мою благодарность. Я гарантирую вам полное прощение и награду в тысячу золотых флоринов».

Радостная улыбка осветила лицо Гонзаги. Он и не рассчитывал на такую щедрость. Естественно, он примет условия Джан Марии, а Валентина пусть поздно, но поймет, что не следовало ей целиком полагаться на мессера Франческо. Пусть он теперь попробует спасти ее, как обещал. И еще вопрос, взбунтуются наемники или нет? Злобный смешок сорвался с губ Гонзаги. Она получит хороший урок и, став женой Джан Марии, расскается в том, что столь пренебрежительно отнеслась к Ромео Гонзаге.

Он вновь рассмеялся и тут же похолодел от ужаса, услышав за спиной чьи-то мягкие шаги.

Сжав письмо герцога в комок, он в испуге бросил его

через стену. А затем, тщетно стараясь изгнать с лица страх, повернулся.

И увидел Пеппе, сверлящего его взглядом.

— Ты что, выслеживаешь меня? — Голос его дрожал, а посему звучал не так грубо, как ему хотелось бы.

Шут насмешливо поклонился.

— Монна Валентина желает видеть вас в саду, ваша светлость.

Глава 19

ЗАГОВОР И КОНТРЗАГОВОР

Быстрые глаза Пеппе видели, как Гонзага смял и бросил через стену лист бумаги, не ускользнул от него и испуг, отразившийся на лице придворного. По натуре очень любопытный, Пеппе по собственному опыту знал: интереснее всего именно то, что люди пытаются скрыть. И как только Гонзага поспешил к Валентине, шут высунулся из-за зубцов.

Поначалу он ничего не увидел и уже огорченно подумал, что листок упал в воду и унесен бурным потоком. Но затем, устроившись на выступе, присмотрелся повнимательнее и заметил-таки бумажный комок, лежащий футом в десяти ниже потайной дверцы над подъемным мостом.

Тайком, ибо Пеппе не имел привычки посвящать кого-либо в свои планы без крайней на то надобности, он раздобыл бухту крепкой веревки. Открыв металлическую дверцу, шут накрепко привязал один конец, а второй осторожно опустил вниз, стараясь случайно не сбросить в воду бумажный комок.

Еще раз убедившись, что за ним никто не наблюдает, Пеппе начал спуск, перебирая руками по веревке, а ногами упираясь в гранитные блоки стены. Он добрался до бумажного комка, молнией выбросил вперед руку, схватил комок, тут же сунул его в рот, зажал зубами и быстро-быстро, словно обезьянка, вскарабкался наверх.

Здесь Пеппе опять удостоверился, что подвиги его остались не замеченными как защитниками замка, так и осаждавшими их войсками, свернул веревку, закрыл дверцу, запер замок, задвинул засовы и прошел в караулку, где не было ни души, чтобы положить ключ

на место, а потом с таинственным письмом в руке поспешил к фра Доминико, который на кухне жарил барашка, освежеванного тем же утром, так как осада замка лишила его защитников свежей рыбы, зайцев и лесных птиц.

Увидев шута, монах привычно обругал его — при всей своей святости он не чурался бранных слов, но Пеппе на этот раз не ответил тем же, побудив тем самым доброго монаха справиться, а не заболел ли он.

Не отвечая на вопрос, шут разгладил смятый листок, прочитал написанное, присвистнул и засунул за пазуху.

— Что это у тебя? — любопытствовал фра Доминико.

— Рецепт жаркого из мозгов монаха. Редкий деликатес, знаешь ли. — С тем Пеппе и отбыл, сопровождаемый злобным взглядом и новыми проклятиями.

А Пеппе отнес письмо графу Аквильскому. Тот внимательно прочитал его, спросил Пеппе, каким образом оно попало к Гонзаге. К удивлению шута, письмо это не вселило тревогу, но, наоборот, успокоило Франческо.

— Он предлагает Гонзаге тысячу флоринов и свободу. Ну что ж, значит, я не обманул моих людей, убеждая их, что угрозы Джан Марии не будут подкреплены делом и ни одно ядро не упадет на Роккалеоне. Сохраним это в секрете, Пеппе!

— Но вы будете присматривать за мессером Гонзагой? — спросил шут.

— Присматривать? Зачем? Неужели ты полагаешь, что он может принять подобное предложение?

Пеппе поднял голову, хитренько улыбнулся.

— А не думаете ли вы, господин мой, что он сам на него напросился?

— Стыдись, Пеппе, — покачал головой Франческо. — Пусть мессер Гонзага трусоват и годится лишь на то, чтобы играть на лютне, но предать монну Валентину... Нет, нет!

Шут, однако, придерживался иного мнения. С Гонзагой ему доводилось общаться чаще, так что он хорошо представлял себе, с кем имеет дело. Пусть Франческо не верит в его предательство. Он, Пеппе, будет держать его под постоянным наблюдением. Что он и делал остаток дня, не теряя Гонзаги из виду, но не заметил ничего подозрительного, разве что постоянную задумчивость придворного.

Вечером, едва они поужинали, Гонзага пожаловался

на зубную боль и с дозволения Валентины вышел из-за стола. Шут поднялся, чтобы последовать за ним, но у порога извечный враг Пеппе, фра Доминико, схватил его за шкирку.

— У тебя тоже болят зубы, бездельник? Оставайся здесь да помоги мне!

— Отпусти меня, добрый отец Доминико,— прошептал Пеппе, и монах, вероятно почувствовав, что дело серьезное, разжал руку.

Но Валентина уже позвала его обратно к столу, так что улизнуть он не успел.

Печально слонялся он по комнате, думая лишь о Гонзаге и его предательстве. И лишь вера во Франческо и нежелание попусту волновать Валентину удерживали Пеппе от того, чтобы поделиться своей тревогой с остальными. Если бы он знал, сколь она обоснованна, то наверняка дал бы волю языку.

В то самое время, когда он помогал фра Доминико уносить грязную посуду, Гонзага беседовал с Каппоччо, охранявшим северную стену.

Без обиняков придворный сказал наемнику, что напрасно он сам и его товарищи поддались утром уговорам Франческо, потому что доводы рыцаря ничем не подкреплены.

— Говорю тебе, Каппоччо,— подвел итог Гонзага,— оставаясь здесь и продолжая бессмысленное сопротивление, вы лишь ту же затягиваете веревку на своих шеях. Как видишь, я с тобой откровенен.

Однако подобную откровенность Каппоччо воспринял довольно скептически. И заподозрил, что Гонзага руководствуется другими целями, помимо заботы о благополучии наемников.

Он остановился, уперев алебарду в гранит крепостного вала, всмотрелся в лицо придворного, едва различимое в пробивающемся сквозь облака лунном свете.

— Вы полагаете, что мы сглупили, послушав мессера Франческо, и нам следовало еще днем покинуть Роккалеоне?

— Да, именно об этом я и толкую.

— Но почему именно вы даете нам такой совет? — В голосе Каппоччо слышалось удивление.

— Потому что, Каппоччо,— последовал уклончивый ответ,— меня, как и вас, затянули в эту историю ложными обещаниями. И Фортемани я давал те гарантии, что получил сам. И не готовился к смерти,

что поджидает здесь нас всех. Честно тебе скажу, мне просто страшно.

— Кажется, я начинаю понимать,— пробормотал Каппоччо.— Если мы уйдем из Роккалеоне, вы присоединитесь к нам?

Гонзага кивнул.

— Но почему вы не обговорите все это с Фортемани? — Каппоччо еще мучили сомнения.

— Фортемани! — Гонзага всплеснул руками.— Клянусь Богом, только не с ним. Он околдован этим Франческо. Вместо того чтобы возненавидеть этого подонка, благо у Фортемани есть на то причины, он бежит за ним, как собачонка, и повинуется каждому его слову.

Вновь Каппоччо всмотрелся в лицо Гонзаги. Но луна совсем скрылась в тучах.

— А откровенны ли вы со мной? Или скрываете за вашими намерениями что-то еще?

— Друг мой,— ответил Гонзага,— дождитесь, пока поутру к стенам не придет за ответом герольд Джан Мариин. Тогда вы вновь услышите условия, на которых вам сохранят жизнь. А до того ничего не предпринимайте. Но вот когда вам пообещают пытку и виселицу, полагаю, вы сами без труда определите, где искать спасения. Вы спрашиваете, чем я руководствуюсь, обращаясь к вам? Я уже все сказал, и душа моя — открытая книга. Цель у меня простая — сохранить свою жизнь. По-моему, повод достаточно веский.

Ему ответил презрительный смех, ибо трусов не любили нигде.

— Куда как веский. Тогда завтра я и мои товарищи уйдем из Роккалеоне. Можете на нас рассчитывать.

— Дождитесь герольда. И действуйте, лишь услышав его условия.

— Будьте покойны.

— И нет нужды говорить твоим друзьям, что предложение это исходит от меня.

— Хорошо, я сохраню наш разговор в тайне,— вновь рассмеялся наемник, вскинул алебарду на плечо и заходил по крепостному валу.

Гонзага же отправился спать. Неистовая радость сжигала его при мысли о том, что он сумел отомстить Валентине, и не было у него никакого желания видаться с ней в этот вечер.

Однако наутро, когда к стенам замка подскочил герольд, Гонзага стоял рядом с ней. А Франческо тем временем руководил шестеркой наемников. Повинуясь его приказам, с шумом и грохотом, они выкатывали пушки, четыре маленькие, еще три калибром побольше, и расставляли их меж зубцов в расчете произвести должное впечатление на герольда.

Командуя наемниками, Франческо прислушивался и к тому, что говорил герольд. Тот вновь повторил условия сдачи, присовокупив, что в случае сопротивления после взятия замка все оставшиеся в живых защитники будут повешены. А закончил тем, что в безграничном своем милосердии Джан Мария дает им полчаса на раздумья, дабы принять решение. По истечении этого срока, если ворота не откроются, он начнет бомбардировку. В послании своем Джан Мария слово в слово повторил то, что предложил ему Гонзага во втором письме, poslanном, как и первое, арбалетной стрелой.

Ответил ему Франческо. Он как раз присел у одного из орудий, чтобы убедиться, что оно наведено на цель, громко похвалил наемников, после чего подошел к Валентине и обратился к герольду, не заметив, что его люди быстро спустились со стены во двор.

— Передайте его высочеству герцогу Баббьяно, что он напоминает мальчика из сказки, который слишком часто кричал: «Волк! Волк!» Скажите ему, мессер, что гарнизон не боится его угроз, равно как не интересуется и его обещаниями. Если он действительно намерен подвергнуть замок бомбардировке, в добрый час! Мы готовы ответить на огонь огнем. Может, он не знал, что у нас есть пушки, но вот они перед вами. Они наведены на лагерь и после первого выстрела в нашу сторону сметут его с лица земли. Предупредите его, что рука у нас не дрогнет. Мы не сторонники кровопролития, но, если он первым применит артиллерию, пусть пеняет только на себя. Передайте ему наш ответ и попросите более не беспокоить нас пустыми угрозами.

Герольд поклонился и отбыл в изумлении. Поразила его не только решимость защитников Роккалеоне, но и наличие у них пушек. Естественно, он и предположить не мог, что пушки не заряжены, ибо пороха в замке нет. Не догадался об этом и Джан Мария, у которого послание Франческо вызвало ярость, смешанную с разочарованием, ибо он очень надеялся на бунт наемников, обещанный ему Гонзагой.

После того как герольд ускакал под громкий смех Фортемани, стоявшего за спиной графа, Валентина с сияющими глазами повернулась к Франческо.

— О, что бы я без вас делала, мессер Франческо! — Голос ее переполняло восхищение. — Я прямо дрожу при мысли о том, как бы все повернулось, не будь вас рядом. — Она не заметила злобной улыбки, мелькнувшей на лице Гонзаги. — А где вы раздобыли порох? — Вопрос задавался искренне, ибо она так и не поняла, что пушки — всего лишь бутафория.

Фортемани рассмеялся, Франческо улыбнулся.

— Пороха я не нашел. Мои угрозы, — он обвел рукой грозную батарею, — ничем не подкреплены, как и угрозы Джан Марии. Однако, полагаю, на него они произведут должное впечатление. И уж заверяю вас, мадонна, сейчас он не решится на бомбардировку, если у него и вообще были такие намерения. Так что мы можем спуститься вниз и отпраздновать нашу первую победу.

— Пушки не заряжены? — ахнула Валентина. — Но вы говорили так смело, держались столь уверенно!

И лицо девушки расплылось в улыбке, а нахлынувшая при появлении герольда тревога растаяла, как утренняя дымка.

— Ну наконец-то! — воскликнул Франческо. — Вы опять улыбаетесь, мадонна. И правильно, нет никаких поводов для грусти. Не пойти ли нам подкрепиться? После утренних трудов я голоден как волк.

Она повернулась, чтобы вместе с ним сойти со стены, но тут к ним подбежал запыхавшийся Пеппе.

— Мадонна! — выдохнул он. — Мессер Франческо! Наемники... Каппоччо... он подбивает их к мятежу.

И пока он рассказывал о том, что происходило внизу, лицо Валентины стало мертвенно-бледным. Сильная, смелая, она оказалась не готовой к столь резкой перемене от победы к возможному поражению.

— Вам дурно, мадонна. Обопритесь о меня.

Валентина увидела протянутую руку Гонзаги, ухватилась за нее. А рядом громко выругался Франческо.

— Пеппе, живо в арсенал. Притащи мне двуручный меч. Выбери самый большой. Эрколе, вы пойдете со мной. Гонзага... нет, вы лучше останьтесь здесь. Приглядите за монной Валентиной.

Лишь после этого он подошел к краю крепостного вала, чтобы взглянуть во двор, где Каппоччо все еще что-то втолковывал наемникам. При виде Франческо

крики их взлетели к небу. Более всего они напоминали стаю собак, заметивших добычу.

— К воротам! — вопили они. — Опускаем мост! Мы принимаем условия Джан Марии. Не желаем умирать, словно крысы.

— Клянусь Богом, так вы и подохнете! — взревел Франческо. Нетерпеливо повернул голову. — Пеппе! Принесешь ты меч или нет?

Но шут уже спешил к нему, сгибаясь под тяжестью огромного двуручного меча длиной в добрых шесть футов. Франческо выхватил у него меч, а затем наклонился и прошептал Пеппе на ухо короткий приказ. Гонзага удалось расслышать лишь последние слова.

— ...в шкатулке на столе в моей комнате. Принеси его мне во двор.

Горбун кивнул и умчался, а Франческо, словно перышко, забросил тяжеленный меч на плечо и двинулся к лестнице. Но его остановила рука Валентины.

— Что вы намерены предпринять? — прошептала она, глаза ее переполняла тревога.

— Подавлю бунт этого отребья, — твердо ответил Франческо. — Мы с Фортемани успокоим их или перебьем. — Голос графа звучал сурово, и Гонзага не усомнился, что такое ему вполне по силам.

— Вы сошли с ума! — Валентина еще более испугалась. — Их же двадцать!

— Но на нашей стороне Господь Бог, — улыбнулся Франческо.

— Вас убьют! Нет, не ходите к ним! Не уходите! Пусть убираются на все четыре стороны, мессер Франческо. Пусть Джан Мария занимает замок. Мне все равно, лишь бы вы не ходили к ним.

Взгляды их встретились. И от голоса Валентины, от осознания того, что тревога за его жизнь перевесила все остальное — даже ужас перед Джан Марией, у Франческо учащенно забилось сердце. С трудом подавил он страстное желание прижать девушку к груди, всегда такую храбрую, а тут вдруг испугавшуюся за него. Он бы поцеловал эти нежные глаза, прошептал ей на ухо ободряющие слова, убедил ее, что ничем не рискует. Но он подавил в себе эти чувства и лишь улыбнулся.

— Крепитесь, мадонна, и доверьтесь мне еще раз. Пока я вас не подводил. Так стоит ли опасаться, что на этот раз меня ждет неудача?

Валентина, похоже, приободрилась. Слова Франческо укрепили в ней веру в его непобедимость.

— Мы еще посмеемся над этим в свое время,— добавил граф Аквильский.— Вперед, Эрколе! — И, не теряя ни секунды, легко, не замечая ни лат, ни тяжелого меча, сбежал по ступенькам.

Он успел вовремя. Собравшиеся во дворе наемники потянулись к воротам, преисполненные уверенности, что их не остановит и сам дьявол. Но неожиданно перед ними возникла высокая, закованная в сталь фигура с мечом на левом плече.

Но они и не подумали остановиться, подбадриваемые криками Каппоччо. И приблизились чуть ли не вплотную, когда Франческо схватился обеими руками за меч и очертил полукруг.

— Вот что вас ждет, если будете упорствовать,— сказал Франческо спокойным голосом.— Годитесь вы лишь на то, чтобы получать жалованье да пьянствовать. На большее вас уже не хватает.

Слова его, словно удары кнута, обрушились на наемников. Он повторил все вчерашние доводы, каковыми успокоил Каппоччо. Вновь заверил, что за угрозами Джан Марии ничего не стоит. И что они поступают глупо, отдавая себя в его руки, так как только за стенами замка они в полной безопасности. Осада не затянется надолго. У них могучий союзник в лице Чезаре Борджа, и его армия уже идет на Баббьяно, так что Джан Марии поневоле придется возвращаться домой. Платят им хорошо, напомнил Франческо, а после снятия осады их ждет еще более щедрое вознаграждение.

— Джан Мария грозитя повесить нас всех, если возьмет штурмом Роккалеоне. Но даже если ему это удастся, неужели вы думаете, что ему позволят воплотить эту безумную угрозу? В конце концов все вы — наемники, вам платит монна Валентина, так что вся вина должна пасть на нее и ее капитанов. Мы в Урбино, а не в Баббьяно, и правит здесь не Джан Мария. Неужели вы думаете, что честный, благородный Гвидобальдо позволит вас повесить? Плохого же вы мнения о вашем герцоге. Болваны, вам грозит не большая опасность, чем дамам монны Валентины. Гвидобальдо и в голову не придет наказывать вас за прегрешения его племянницы. Если кого и повесят, так это меня и, возможно, Гонзагу, за то, что нанял вас. Но разве я веду разговоры о сдаче? Что, по-вашему, держит меня здесь? Конечно, у меня

есть свой интерес, так же, как и у вас, и если я думаю, что на такой риск стоит идти, почему у вас должно сложиться иное мнение? Неужто вы такие боязливые, что от одних угроз душа у вас уходит в пятки? Или вы стремитесь таким образом войти в историю? Чтобы вся Италия, когда речь будет заходить о трусости, говорила: «Пугливый, как гарнизон Роккалеоне»?

Так вот говорил с ними Франческо, то разя презрением, то вселяя уверенность своими посулами. И в конце концов добился того, о чем впоследствии слагали легенды от Калабрии до Пьемонта ⁴⁰, передавая из уст в уста, как доблестный рыцарь одними лишь словами, силой воли да собственным примером подавил бунт многочисленного отряда наемников.

Со стены за ним наблюдала Валентина, и на глазах ее блеснули слезы, но не страха, а гордости за Франческо, ибо теперь она не сомневалась, что победа будет за ним.

Но ранее, когда он только сошел к наемникам, страх вжал сердце девушки, и она, повернувшись к Гонзаге, попросила его прийти на помощь рыцарю. Гонзага лишь холодно улыбнулся, и не трусость удерживала его рядом с Валентиной. Обладая он силой Геркулеса, мужеством Ахилла ⁴¹, Гонзага все равно не сдвинулся бы с места. И он прямо сказал об этом.

— Чего ради, мадонна? Почему я должен поднимать руку в защиту человека, которого вы предпочли мне?

Валентина не сразу поняла, о чем тот толкует.

— Что вы такое говорите, мой добрый Гонзага?

— Да... ваш добрый Гонзага,— с горечью повторил он ее слова.— Ваш домашний пес, ваш музыкант, но не мужчина, достойный стать вашим капитаном, не мужчина, заслуживающий иного отношения, чем Пеппе или гончие. Я рисковал собственной шеей, чтобы спасти вас, укрыть в безопасном месте, недоступном Джан Марии, а меня отодвинули в сторону, предпочли мне того, кто более сведущ в военном деле. Вы вправе отодвигать меня в сторону, мадонна, но уж потом не просите меня служить вам. Пусть мессер Франческо...

— Замолчите, Гонзага! — прервала его Валентина.— Дайте послушать, что он говорит...

По ее тону придворный понял, что напрасно сотрясал утренний воздух смелой тирадой: поглощенная происходящим внизу, Валентина пропустила все мимо ушей, потому что Франческо вдруг повел себя весьма странно.

Он подозвал к себе вернувшегося Пеппе, взял у него принесенный листок бумаги. Валентина наклонилась вперед, ловя каждое слово.

— У меня есть доказательство моей правоты. Доказательство того, что Джан Мария и не собирался обстреливать замок. Это Каппоччо сбил вас с толку своей болтовней, а вы, как глупые овцы, дали себя уговорить. Теперь послушайте, какую взятку предлагает Джан Мария тому, кто откроет ему ворота Роккалеоне.— И к полному изумлению Гонзаги, зачитал письмо, ответ Джан Марии на его предложение сдать крепость.

Гонзага побледнел от страха, его начала бить дрожь. А снизу доносился решительный голос Франческо:

— Я спрашиваю вас, друзья мои, предлагал бы его высочество герцог Баббьяно заплатить тысячу флоринов, если бы действительно намеревался обстрелять Роккалеоне, а затем брать его штурмом? Письмо написано вчера. Сегодня мы показали ему свои пушки. И если он не решился открыть огонь раньше, неужели он пойдет на это теперь? Возьмите письмо, удостоверьтесь сами, что я вас не обманываю. Надеюсь, есть среди вас кто-нибудь грамотный?

Он протянул письмо, которое взял из его рук Каппоччо, чтобы передать некоему Авентано, юноше, в свое время учившемуся в семинарии⁴², откуда его изгнали за недостаток веры и прилежания. Громким голосом тот зачитал письмо.

— Кому оно адресовано? — пожелал знать Каппоччо.

— Нет, нет! — воскликнул Франческо. — Так ли это важно?

— Для нас да! — жестко ответил наемник. — Если вы хотите, чтобы мы остались в Роккалеоне, давайте назовем его имя. Читай, Авентано.

— Мессеру Ромео Гонзаге, — повиновался юноша, глянув на обратную сторону листа.

И так яростно блеснули глаза Каппоччо, что Франческо крепче ухватился за меч. Но наемник лишь взглянул на Гонзагу да злобно улыбнулся. Он уже смекнул, что Иуда⁴³ пытался его руками продать замок, положив при этом себе в карман тысячу флоринов. Более глубоко Каппоччо заглянуть не мог, но и этого хватило за глаза: он не желал быть пешкой в чужой игре. Остальные наемники, естественно, понятия не имели о том, что происходило в голове Каппоччо, а потому действия его оказались неожиданными для всех: только что подбивав-

ший к бунту, он решительно встал на сторону Франческо. Каппоччо согласился со всеми доводами рыцаря и заявил, что первым схватится с теми, кто попытается открыть ворота Роккалеоне Джан Марии Сфорца.

Уход его из стана бунтовщиков, по существу, положил конец и всему бунту. Еще одно обстоятельство сыграло на руку Франческо: полчаса уже миновали, а пушки Джан Марии по-прежнему безмолвствовали. Франческо не замедлил со смехом указать на это наемникам, призвал разойтись с миром и добавил, что, по его разумению, пушки не заговорят ни сегодня, ни завтра, ни через неделю, если осада и продлится так долго.

И наемники, поддавшись красноречию Франческо, а еще более под влиянием внезапной перемены в Каппоччо, направились в столовую вкушать пищи, приготовленной фра Доминико, да запить ее добрым вином.

Глава 20

ВЛЮБЛЕННЫЕ

— Как попало письмо в ваши руки? — спросила Валентина Гонзагу, когда они спустились во двор, покинутый наемниками.

— Привязанным к арбалетной стреле, упавшей на крепостной вал, когда я прогуливался там в одиночестве, — отвечал Гонзага.

Самообладание уже полностью вернулось к нему. Он понимал, что ему грозит смертельная опасность, и охвативший его страх, как это ни покажется странным, придал ему смелости.

Валентина смотрела на него с подозрением, но лицо Франческо оставалось бесстрастным.

— Почему вы не отнесли письмо монне Валентине? — спросил он с легкой улыбкой.

Щеки придворного порозовели. Он нервно передернул плечами и заговорил звенящим от злости голосом:

— Вы, мессер, большую часть жизни провели в лагерьях да казармах, а оттого не понять вам всей глубины оскорбления, нанесенного мне Джан Марией. Вы, должно быть, даже представить себе не можете, сколь стыдно мне за то, что руки мои прикоснулись к этому мерзкому листку. Я потрясен до глубины души тем, что именно меня выбрал герцог для такой сделки. И уж наверное,

до вас не дойдет, что более всего мучила меня невозможность отплатить ему сполна. А потому я сделал то, что считал единственно правильным. Смял это письмо и выбросил за стену, вычеркнув из памяти его содержание. Но ваши шпионы, мессер Франческо, оказались весьма проворны, а потому вы выставили меня на посмешище перед этой братией. Но цель вы преследовали благородную — спасти монну Валентину, а потому я молчал, когда письмо читали вслух.

Говорил он с такой искренностью, что убедил в своей невинности и Валентину, и Франческо. Глаза девушки даже потеплели, и она уже корила себя за то, что в мыслях обозвала бедного Гонзагу предателем. А Франческо оказался еще более великодушным.

— Мессер Гонзага, я понимаю, чем были вызваны ваши колебания.

Он уже собирался добавить, что в следующий раз, если Джан Мария захочет возобновить переписку, письмо надобно прежде всего показать монне Валентине, но передумал и со смехом предложил позавтракать, как только он снимет латы.

С тем он и откланялся, а Валентина в сопровождении Гонзаги направилась к столовой. Пытаясь загладить недавнюю подозрительность, Валентина проявляла к мессеру Ромео особое благоволение.

Лишь на одного человека не произвела впечатление пылкая оправдательная речь Гонзаги. Пеппе, самый мудрый из шутов, последовал за Франческо и, пока тот переодевался, выложил свои сомнения в искренности придворного. Но Франческо отмел их с порога, так что Пеппе не оставалось ничего другого, как сожалеть о том, что иной умник зачастую может потягаться глупостью с дураком.

Весь день Гонзага крутился вокруг Валентины. Утром беседовал с ней о поэзии, проявляя недюжинную эрудицию, дабы показать, насколько он образованнее этого солдафона Франческо. Ближе к вечеру, когда жара спала, а Франческо готовил замок к обороне, поиграл с Валентиной и ее дамами в шары и уже окончательно пришел в себя, убедившись, что худшее для него — подозрение в измене — миновало.

Утром Гонзага пребывал в отчаянии, видя, как рушатся его планы. Вечером, после целого дня, проведенного в компании Валентины, находившей для него одни лишь добрые слова, он совсем расцвел, убедив себя, что

все идет так, как и задумывалось с самого начала. И теперь, если не наделать ошибок, он сможет пройти оставшийся путь к сердцу красавицы, с которого он едва не сбил. А шансы Франческо, полагал он, существенно уменьшились, ибо военные действия отодвигались на неопределенный срок. Последнее подтверждалось посланием Джан Марии, прибывшим с арбалетной стрелой. Удостоверившись, что заговор Гонзаги провалился, герцог сообщил, что не желает способствовать кровопролитию, замысленному безумцем, называющим себя губернатором Роккалеоне, а потому не будет спешить с бомбардировкой, полагая, что голод заставит мятежный гарнизон открыть ворота.

Послание герцога, которое Франческо зачитал наемникам, вызвало в ответ радостный рев. А уважение их к губернатору возросло в сто крат, ибо они на деле убедились в точности его предвидения. Веселье царило и за столом Валентины, а более всех радовался мессер Гонзага, надевший по такому случаю один из самых роскошных камзолов — из лилового бархата.

Франческо первым поднялся из-за стола, сославшись на неотложные дела, требующие его присутствия на крепостной стене. Валентина отпустила его, а потом сидела в задумчивости, не участвуя в светской беседе, которой не давал угаснуть Гонзага, не реагируя на спетый им сонет Петрарки⁴⁴. Едва ли словом обменялась она с Франческо с того сладостного мига, когда на крепостной стене заглянули они друг другу в душу, открыв тайну, недоступную остальным. Почему он более не подошел к ней, спрашивала себя Валентина. Но вспомнила, что Гонзага целый день вился рядом, и поняла, что получилось так, будто она сама избегала общения с Франческо. И от этой мысли девушка еще более погрузнела.

И все нарастало в ней желание быть рядом с Франческо, слышать его голос, видеть его взгляды, подобные тем, что одарил он ее утром, когда в страхе за его жизнь она пыталась отговорить Франческо встать на пути наемников. Женщина более зрелая, более опытная продолжала бы выжидать, пока Франческо сам не сделает первого шага. Но Валентина даже не подумала об этом. Она тихонько встала, едва Гонзага допел последний куплет, и молча вышла из столовой.

Стояла чудесная ночь. Ароматы весенних цветов наполняли воздух, безоблачное небо сияло мириадами звезд,

а меж них величественно плыл полумесяц. Такая же луна, вспомнилось Валентине, была и в ночь после их короткой встречи у Аскуаспарте. Она направилась к северной стене, на которую ушел Франческо, и вскоре увидела его, единственную живую душу на крепостном валу. Он стоял, облокотившись на один из гранитных зубцов, и всматривался в огни лагеря Джан Марии. Золотая сеточка на голове Франческо тускло блесла в лунном свете. Неслышно Валентина подошла вплотную.

— Предаетесь мечтам, мессер Франческо? — Голосок ее звенел, словно серебряный колокольчик.

— Эта ночь словно создана для того, чтобы помечтать, — ответил он. — Но вы прогнали мои мечты прочь.

— Вы сердитесь на меня, — опечалилась Валентина. — Мечты эти, похоже, доставляли вам несказанное удовольствие, если ради них вы оставили... нас.

— Да, вы, конечно, правы. Мечтать всегда приятно. Но на этот раз сожалеть мне не о чем. Уж вы-то имели полное право прогнать их прочь, поскольку мечтал я о вас.

— Обо мне? — Сердце ее учащенно забилось, на щеках выступил румянец, и она возблагодарила ночь, скрывающую его своим крылом.

— Да, мадонна, о вас и нашей первой встрече в лесах у Аскуаспарте. Вы помните ее?

— Да, да, — пылко ответила Валентина.

— И вы не забыли, как я поклялся быть вашим рыцарем и при необходимости защищать вас до последнего вздоха? Тогда мы и представить себе не могли, что мне выпадет такая честь.

Валентина не ответила, ибо мысли ее вернулись к их первой встрече, которую она так часто вспоминала.

— Думал я и о Джан Марии, решившемся на эту постыдную осаду.

— Вы... У вас нет дурных предчувствий? — Последние слова Франческо вызвали у нее легкое разочарование.

— Дурных предчувствий?

— Оттого, что вы здесь. Встали, можно сказать, на сторону мятежницы.

Франческо весело рассмеялся, разглядывая серебрившуюся во рву воду.

— Мои дурные предчувствия относятся к тому времени, когда осада будет снята и вы и я отправимся каждый своим путем. А насчет того, чтобы организовать оборону

и по мере сил помогать вам... Нет, тут мне опасаться нечего. Наоборот это самое чудесное приключение, дарованное мне судьбой. Я пришел в Роккалеоне, чтобы сообщить о грозящей вам опасности, но глубоко в душе надеялся, что послужу вам не только посыльным, а останусь с вами и обеспечу вашу защиту.

— Не будь вас, мне уже пришлось бы сдаться.

— Возможно. Но пока я здесь, верх они не возьмут. Я с нетерпением жду вестей из Баббьяно. Если б я знал, что там происходит, то мог бы гарантировать, что осада продлится лишь несколько дней. Если Джан Мария не вернется домой, он потеряет свой трон. А после этого у вашего дяди пропадет желание отдавать вас ему в жены. Для вас, мадонна, это будет радостное событие. Для меня... увы! Так что мне нет нужды приближать его.

Франческо смотрел в ночь, но голос его вибрировал от бушующих в душе страстей. Валентина молчала, и, возможно, ободренный ее молчанием и воспоминанием увиденного утром в глазах девушки, он продолжил:

— Мадонна, будь моя воля, я бы мечом прорубил дорогу и увез бы вас туда, где нет ни принцев, ни придворных. Но так как это невозможно, дорогая мадонна, я бы хотел, чтобы осада длилась вечно.

И тут легким ветерком донесся до него ее шепот:

— А может, и я хочу того же?

Франческо повернулся к девушке, его загорелая рука легла на белоснежные пальчики Валентины, покоящиеся на холодном граните стены.

— Валентина! — Он попытался встретиться с ней взглядом, но девушка не поднимала глаз. Франческо тяжело вздохнул, убрал руку, вновь уставился на лагерь Джан Марии. Простите, мадонна, и забудьте о той бестактности, что я позволил себе в своем безумии.

Долго они стояли в молчании, потом Валентина придвинулась, и голосок ее прошептал:

— А если прощать мне не за что?

Франческо резко повернулся к ней, взгляды их встретились и уже не желали разлучаться. Лишь малое расстояние разделяло их лица. Потом Франческо покачал головой.

— Мне остается только сожалеть об этом. — Голос его переполняла печаль.

— Но почему? — изумилась Валентина.

— Потому что я не герцог, мадонна.

— И что из этого? — воскликнула она и простерла

руку в сторону лагеря.— Вон где герцог. И какую бестактность, мессер, могла я обнаружить в ваших словах? Что мне до вашего титула? Для меня вы верный рыцарь, благородный дворянин, надежный друг, пришедший на помощь в час беды. Или вы забыли, почему я воспротивилась решению дяди? Да потому, что я — женщина и прошу от жизни не более того, что принадлежит мне по праву, но ни на йоту меньше.

Тут она замолчала, и вновь румянцем полыхнули ее щеки, потому что Валентина поняла, что сказала слишком много. Чуть отвернувшись, она вглядывалась в темноту. И услышала у своего уха страстный шепот:

— Валентина, клянусь душой, я люблю вас.

От этих сладких слов у девушки чуть не подогнулись колени, а рука Франческо вновь легла на ее руку.

— Но зачем мучить себя несбыточными надеждами? — уже более рассудительно продолжил Франческо.— Скоро Джан Мария снимет осаду и отбудет в Баббьяно. Вы обретете желанную свободу. Куда вы поедете?

Валентина посмотрела на него, словно не понимая вопроса, в глазах ее отразилась тревога.

— Куда вы позовете меня. Куда же еще мне ехать?

Франческо даже вздрогнул. Такого ответа он не ожидал.

— Но ваш дядя...

— Разве я ему что-то должна? О, я думала над этим, и до... до сегодняшнего утра мне казалось, что выход у меня один — монастырь. Большую часть моей жизни я провела в монастыре святой Софьи, а то, что увидела при дворе моего дяди, не влечет меня в Урбино. Мать-настоятельница любит меня. И возьмет меня к себе, если только...— Тут Валентина посмотрела на Франческо, и взгляд ее не оставлял сомнений в том, что она отдает себя в его власть.

Голова у Франческо пошла кругом. Он уже не помнил о том, что она — племянница герцога Урбино, а он — граф Аквильский, пусть и дворянин, но далеко не столь высокого происхождения и уж, конечно, ей не пара.

Франческо повернулся к ней, руки его, помимо воли, возможно, подчиняясь взгляду Валентины, легли ей на плечи. Он прижал девушку к груди. Она на мгновение застыла в его объятиях, потом подняла голову, а он, чуть наклонившись, поцеловал ее в губы. Она не сопротивлялась, но и не затянула поцелуй, мягко отстранив его рукой. И Франческо, несмотря на охватившую его страсть, мгновенно повиновался.

— Милая! — воскликнул он. — Теперь ты моя, и я тебя не отдам ни Джан Марии, ни всем герцогам мира.

Она приложила руку к его губам, заставляя его замолчать, Франческо поцеловал ладошку, и Валентина со смехом опустила руку. А затем, все еще смеясь, указала на лагерь Джан Марии.

— Когда мы окажемся далеко-далеко отсюда, там, где нас не достанет ни могущество Гвидобальдо, ни месть Джан Марии, я буду твоей. Но пока заботы у нас другие. Только на тебя моя надежда, дорогой Франческо, верный мой рыцарь.

Он уже хотел ответить ей. Сказать, кто он и откуда. Но Валентина указала на подножие лестницы, где в лунном свете стоял мужчина.

— Сюда идет часовой. Оставь меня, дорогой Франческо. Иди. Уже поздно.

Он низко поклонился, покорный, как истинный рыцарь, и ушел с душой, горящей любовью.

Валентина смотрела ему вслед, пока Франческо не скрылся за выступом стены, а затем с глубоким вздохом, благодаря небеса за то счастье, что они даровали ей, облокотившись на гранит, всмотрелась в темноту, с горящими щеками, гулко бьющимся сердцем. И рассмеялась от переполняющей ее радости. Лагерь Джан Марии уже не пугал ее, а вызывал разве что презрение. Да и чего ей бояться, когда могучий рыцарь готов уберечь ее от любой напасти.

Не без иронии оценивала она ситуацию, в которой оказалась. Джан Мария явился к Роккалеоне с войском, чтобы принудить ее стать его женой, но добился лишь того, что она попала в объятия другого мужчины, чьи достоинства смогла оценить лишь благодаря осаде. Ночные ароматы, легкий ветерок, овевающий разгоряченные щеки, — не в осажденном замке находилась она, а в самом раю. Монна Валентина запела, но, увы, какой же рай может обойтись без змея, неслышно подкравшегося и зашипевшего под ухом. И змей заговорил голосом Ромео Гонзаги:

— Меня радует, мадонна, что хоть у одного человека в Роккалеоне достает мужества петь.

Валентина вздрогнула от неожиданности, повернулась. Взглянула в его злобное лицо и даже встревожилась. Посмотрела туда, где лишь недавно стоял часовой. Но ни на крепостном валу, ни у лестницы не было ни души.

Напряженную тишину нарушал лишь рокот горного

потока во рву да окрики охранников в лагере Джан Марии: «Chi va la?». А Валентина думала о том, много ли подслушал Гонзага из ее разговора с Франческо и много ли увидел.

— Однако, Гонзага, и вы пели, когда я ушла из столовой.

— Ушли, чтобы обниматься под луной с этим ничтожеством, бандитом, головорезом!

— Гонзага! Как вы смеете?

— Смею? — передразнил он Валентину, вне себя от гнева. — А как же вы, племянница Гвидобальдо ди Монтефельтро, благородная дама из рода Ровере, посмели прийти в объятия безродного мужлана, солдафона? Однако вы еще в чем-то упрекаете меня, вместо того чтобы сгорать от стыда.

— Гонзага, — теперь и ее голос дрожал от ярости, — покиньте меня немедленно, а не то я прикажу всыпать вам плетей.

Мгновение, словно зачарованный, он смотрел на Валентину. Затем воздел руки к небесам и позволил им бессильно упасть. Пожал плечами, недобро рассмеялся.

— Зовите ваших людей. Пусть они выполнят ваш приказ. Забьют меня плетями до смерти. Хорошая мне будет награда за все то, что я сделал для вас, за то, что рисковал жизнью. Наверное, мне не следовало ждать от вас ничего иного.

Валентина тщетно пыталась встретиться с ним взглядом.

— Мессер Гонзага, я не отрицаю, что вы верно служили мне, когда готовили побег из Урбино...

— К чему об этом говорить? — фыркнул он. — Вы использовали меня, пока другой не предложил вам свои услуги, завоевал ваше расположение и получил под свою команду весь замок. К чему вспоминать былое?

— К тому, что за вашу службу я теперь расплатилась с вами, — резко ответила Валентина. — Вы взяли плату, упрекая меня, а оскорблениями испытываете мое терпение.

— Удобная же у вас логика. Меня отбросили, как старую одежду. А расплатились с одежкой тем, что долго носили ее, пока она не изорвалась.

Тут ей подумалось, что в словах Гонзаги есть доля правды. Возможно, она обошлась с ним излишне сурово.

— Вы полагаете, Гонзага, — тон ее чуть смягчился, —

* Кто идет? (итал.)

что ваша служба дает вам право оскорблять меня и рыцаря, который служил мне не хуже вашего, и...

— Что же он такого сделал по сравнению со мной? В чем он превзошел меня?

— Но, когда наемники взбунтовались...

— Тело Господне! Да это его профессия — держать в страхе этих свиней. Он сам — один из них. А разве можно сравнить риск, которому подвергается он, взяв вашу сторону, с тем, что могу потерять я?

— В случае нашего поражения он может расстаться с жизнью, — сухо ответила Валентина. — Можете ли вы лишиться большего?

— В случае поражения, да, — отмахнулся Гонзага. — Это ему дорого обойдется. Но, если дела наши пойдут хорошо и герцог снимет осаду, ему больше нечего бояться. Я же — другое дело. Как бы ни закончилась осада, мне никуда не скрыться от мести Джан Марии и Гвидобальдо. Они знают о моей роли в этом предприятии. Знают, что я помогал вам и, не будь меня, не удалось бы вам организовать оборону замка. И чем бы ни обернулось будущее для вас или этого мессера Франческо, мне рассчитывать не на что.

Валентина глубоко вздохнула, прежде чем задать очевидный вопрос.

— Но... разве вы не задумывались над этим, прежде чем решиться принять участие в этом деле, прежде чем уговаривать меня согласиться на такой шаг?

— Да, задумывался, — мрачно признал Гонзага.

— Так что же теперь жаловаться?

Он ответил со всей откровенностью — прямо сказал, что любовь к ней толкнула его, да и она сама давала понять, что любовь эта не останется безответной.

— Я давала понять, что люблю вас? — воскликнула Валентина. — Матерь Божья! Да чем же, скажите на милость?

— Я видел от вас только добро. Вы столько раз говорили, что вам нравится моя компания. А как вы хвалили песни, которые я слагал в вашу честь? И разве не ко мне обратились вы в час беды?

— Какой же вы странный, Гонзага! — покачала головой Валентина. — Неужели доброго слова, улыбки, похвалы песне достаточно для того, чтобы посчитать женщину влюбленной в вас? Да, я действительно обратилась к вам в час беды, как вы справедливо напомнили мне. Но разве истинный кавалер расценивает просьбу беспомощной жен-

щины как знак любви? Но ведь и сказанное вами ничуть не преуменьшает того, что грозит вам. Даже если бы я благосклонно приняла ваши ухаживания, вы не избежали бы мести моего дяди и Джан Марии. Наоборот, они еще более рассердились бы на вас.

И вновь он не стал хитрить, ответив, что ему бы ничего не грозило, стань он ее мужем.

Тут Валентина громко рассмеялась.

Да как вам такое могло прийти в голову?

Гонзага оскорбился. Он шагнул к Валентине.

— Скажите, мадонна, а чем Ромео Гонзага хуже безродного авантюриста?

Подумайте сами.

О чем тут думать? Ответьте мне, монна Валентина. Отчего я, сжигаемый любовью к вам, недостоин вас, а вот поцелуи этого затянутого в железо и кожу бандита вы принимаете с охотой? Странно мне все это.

— Трус! — воскликнула выведенная из себя Валентина. — Негодяй! — Под ее мечущим молнии взглядом мужество Гонзаги растаяло, словно льдинка на ярком солнце. Девушка же взяла себя в руки и уже ровным голосом добавила, что к утру он должен покинуть Роккалеоне. — Воспользуйтесь ночной тьмой и перехитрите патрули Джан Марии. Оставаться здесь я вам не позволю.

Вот тут-то Гонзагу обуял страх. Но, надо отдать ему должное, не за свое будущее. Он понял, что, только оставшись в замке, сможет отомстить Валентине за такое отношение к нему. Да, один заговор провалился. Но воображение у него было богатое, и он сможет придумать, как открыть Джан Марии ворота Роккалеоне. А уж тогда за него отомстят. Валентина тем временем отвернулась от Гонзаги, считая разговор оконченным. Но придворный упал на колени, умоляя выслушать его в последний раз.

И девушка, уже сожалея о суровом приговоре и думая, что причина его запальчивости лишь ревность, согласилась.

— Не делайте этого, мадонна! — По тону чувствовалось, что он вот-вот разрыдается. — Не отсылайте меня прочь! Если мне суждено умереть, пусть это случится в Роккалеоне, который я буду защищать до последней капли крови. Но только не отдавайте меня в лапы Джан Марии. Он повесит меня за мои преступления. Пусть немного, но я помогал вам, а если и обезумел, столь неподобающе говоря с вами, то лишь от любви, любви к вам и подозрительности к этому человеку которого не

знаем ни вы, ни я. Мадонна, пожалуйста меня. Позвольте остаться в Роккалеоне.

Валентина смотрела на него сверху вниз, раздираемая жалостью и презрением. Жалость победила, и девушка велела Гонзаге подняться.

— Идите, Гонзага! Отправляйтесь к себе, и будем надеяться, что сон прояснит ваш разум. Мы забудем все сказанное здесь при условии, что более вы об этом не заикнетесь.

Гонзага склонился до земли, схватил подол ее платья, поднес к губам.

— Пусть Господь Бог навсегда сохранит вам чистое и доброе сердце. Я знаю, что не заслужил вашей милости. Но я отблагодарю вас, мадонна.— Последняя его фраза дышала искренностью, хотя вкладывал он в нее совсем иной смысл.

Глава 21

КАЮЩИЙСЯ ГРЕШНИК

Неделя прошла мирно, столь мирно, что лагерь Джан Марии с сотней солдат и десятком орудий казался скорее миражем, чем реальностью.

Бездействие раздражало графа Аквильского, как и отсутствие известий от Фанфуллы. Очень ему хотелось знать, что же происходит в Баббьяно, если Джан Мария может позволить себе целую неделю торчать у замка, словно в его распоряжении еще не один месяц. Загадка разрешилась бы просто, если бы он знал, что терпением герцога он обязан Гонзаге. Придворный изыскал возможность послать еще одну весточку в лагерь Джан Марии, подробно изложив, как и почему провалился его заговор. Далее он настойчиво убеждал герцога не спешить, так как надеялся предложить новый план, реализация которого позволила бы тому занять замок без единого выстрела. Похоже, написал он достаточно убедительно: солдаты Джан Марии не готовились к штурму, не намеревались бомбардировать Роккалеоне. Но, несмотря на смелое обещание, придумать ничего путного за эту неделю Гонзага так и не смог.

Одновременно он всеми силами пытался вновь завоевать доверие Валентины. Наутро после бурного объяснения с девушкой он исповедовался у фра Доминико и при-

нял причастие. И потом каждое утро являлся к мессе, так что монах начал ставить его набожность в пример остальным. Перемена эта не осталась без внимания Валентины, которая воспитывалась в монастыре, а потому почитала утреннюю молитву неотъемлемой частью каждого дня. И внезапно проснувшись в Гонзаге любовь к Богу безошибочно указывала на то, что и он сам после той ночи стал другим человеком. А исповедь и причастие прямо свидетельствовали о его раскаянии из-за того, что он причинил боль Валентине. Причем раскаялся он искренне, так полагала Валентина, потому что только этим и ничем иным могла она объяснить его ежедневное присутствие на утренней молитве.

А потом девушка начала задаваться вопросом: столь ли уж велик грех его, и пришла к выводу, что немалая вина лежит и на ней. Смирение Гонзаги убедило ее и в том, что более он не перейдет границ приличия, а потому она вновь дарила ему свою благосклонность, и мало-помалу их дружеские отношения полностью восстановились. Валентина полагала, что теперь ее доброта не будет истолкована превратно.

В этом она не ошиблась, но Гонзага не позволял тщеславию убаюкать себя ложными надеждами. Теперь-то он точно оценивал каждое ее действие, все более укрепляясь в решении отомстить, однако внешне держался куда как пристойно и с лица его ни на миг не сходила улыбка.

Не ограничившись сближением с Валентиной, Гонзага попытался подобрать ключик и к Франческо. И скоро уже никто в Роккалеоне, не исключая и здоровяка Фортемани, не славил рыцаря так часто и с таким восторгом, как мессер Гонзага. Валентина, видя все это, решила, что Гонзага и тут искупает свой грех, и прониклась к нему еще большим расположением. Проницательный, достаточно хорошо знающий женское сердце, наш Ромео отлично сознавал, что похвалу своему возлюбленному Валентина предпочтет любой другой.

Короче, за неделю Гонзага вновь завоевал всеобщее доверие и любовь. Он вроде бы родился заново, и лишь Пеппе со все возрастающим подозрением задумывался, а чем, собственно, вызвана столь разительная перемена. Он не мог заставить себя поверить, что причина тому — объяснение с Валентиной. Человек — не кокон, способный в одночасье превратиться из мерзкой гусеницы в очаровательную бабочку. А потому он постоянно ждал подвоха от веселого, ежесекундно улыбающегося, готового всем

услужить Гонзага и теперь уже неусыпно следил за ним. Но слежка эта не осталась незамеченной, а потому однажды Гонзаге удалось обмануть бдительность горбуна и отправить Джан Марии письмо с подробным описанием нового плана захвата Роккалеоне.

Идея пришла ему в голову внезапно, во время воскресной мессы. По святым дням монна Валентина настаивала, чтобы в часовне на службу собирался весь гарнизон, за исключением единственного часового. Вот Гонзага и решил, что за эти полчаса вполне возможно открыть ворота и впустить в замок осаждающих. Как раз на следующую среду приходился праздник тела Христова⁴⁵. О лучшем не приходилось и мечтать.

Стоя на коленях и вроде бы истово молясь, Гонзага обдумывал дьявольский замысел. Единственного часового он мог подкупить, а потерпев неудачу — заколоть. Однако он быстро понял, что одному мост ему не опустить, да и скрип цепей вызвал бы тревогу. Но оставалась железная дверца в башне над мостом. Джан Марии достаточно было соорудить легкий подвесной мост, перекинуть его через ров, и путь в замок открыт.

После мессы Гонзага удалился в свою комнату и изложил все это на бумаге, не упуская малейших подробностей. Письмо он привязал к арбалетной стреле и, уловив удобный момент, отправил его с крепостной стены, а затем дождался ответного сигнала Джан Марии, свидетельствовавшего о том, что его план принят. И, напевая себе под нос, уверенный в том, что час отмщения скоро пробьет, Гонзага спустился в сад, где и присоединился к дамам, играющим в жмурки.

Но еще жарче возблагодарил Джан Мария Господа Бога за ниспосланного ему союзника, предложившего так безупречный план взятия Роккалеоне, на следующий день, получив пренеприятные известия из Баббьяно. Подданные его, взволнованные слухами о Чезаре Борджа, собирающем войска для нападения на герцогство, и отсутствием Джан Марии, могли восстать с минуты на минуту. В городе образовалась сильная партия, лидеры которой вывесили на воротах дворца прокламацию, предупреждая, что свергнут Джан Марию, если тот не вернется в течение трех дней для организации обороны герцогства, и обратятся к Франческо дель Фалько, графу Аквильскому, известному своим патриотизмом и боевыми заслугами, с просьбой принять герцогскую корону и защитить их от могущественного врага.

Прочитав прокламацию, которую привез Альвари, Джан Мария поначалу обезумел от ярости. Но потом он успокоился. Гонзага обещал сдать Роккалеоне в среду. У герцога было время сначала обвенчаться с Валентиной, пусть и против ее воли, а потом галопом мчаться в Баббьяно, чтобы успеть в срок, отведенный ему его подданными.

Он рассказал обо всем Гвидобальдо и попросил прислать к замку священника, который скрепил бы его союз с Валентиной прямо у замка. Гвидобальдо идея эта не понравилась. Он полагал, что церемонии бракосочетания необходимо провести в Урбино, а венчать их должен кардинал. Джан Марии на этот раз хватило ума сдержать резкий ответ, уже готовый сорваться с его губ, иначе от единства герцогов в вопросе о женитьбе не осталось бы и следа. Во-первых, Гвидобальдо никому не позволял помыкать собой, во-вторых, он понимал, что Джан Мария куда больше нуждался в союзе с Урбино, чем он — с Баббьяно. Обо всем этом успел подумать Джан Мария, а потому обратился к Гвидобальдо не с требованием, но с просьбой, особо подчеркнув, что счет идет на часы и задержка с бракосочетанием может привести к нежелательным осложнениям. И смирением он склонил на свою сторону Гвидобальдо, признавшего, что в силу сложившихся обстоятельств придется отказаться от пышной церемонии.

Договорившись с Гвидобальдо, Джан Мария еще раз благословил изобретательность Гонзаги, так как, не будь его, герцогу пришлось бы штурмовать замок, что привело бы к многочисленным жертвам и не гарантировало бы успеха.

А Гонзагу тревожило лишь одно — решительность Франческо и его изобретательный ум, способный найти выход из самого сложного положения. Но звезды, похоже, из всех сил старались помочь придворному, а потому неожиданно для него самого вложили ему в руки мощное оружие.

Так уж получилось, что не только Альвари прибыл из Баббьяно под стены Роккалеоне. На закате дня к замку прискакал Дзаккарья, второй слуга Франческо дель Фалько. Ему пришлось затаиться в лесу, дожидаясь темноты, но и потом пробраться к крепостным стенам оказалось совсем непросто.

Лишь во втором часу ночи, когда тяжелые облака скрыли луну и собиралась гроза, часовой на восточной

стене услышал плеск воды во рву и, приглядевшись, увидел плывущего к замку человека. Оклик его остался без ответа, а потому часовой повернулся, чтобы поднять тревогу, и нос к носу столкнулся с Гонзагой, вышедшим на стену прогуляться перед сном.

— Ваша светлость! — воскликнул часовой. — Кто-то переплывает ров.

— Правда? — Гонзага сразу вообразил, что Джан Мария решился на ночной штурм. — Измена?

— Об этом я и подумал!

Вдвоем они склонились над парапетом, и из чернильной тьмы до них донеслось: «Эй, наверху!»

— Кто ты? — выдохнул в ответ Гонзага.

— Друг, гонец из Баббьяно с письмом к графу Аквильскому. Сбрось мне веревку, приятель, а не то я утону.

— Что ты несешь, болван! — отвечал Гонзага. — Нет в Роккалеоне никакого графа.

— Есть, есть, — возразил голос. — Мой господин, Франческо дель Фалько, здесь в замке. Бросай веревку!

— Фран... — Гонзага замолчал, словно железные пальцы сжали ему горло, потом повернулся к часовому: — Найди веревку. Во дворе, болван!

Через минуту после возвращения часового Дзаккарья стоял на крепостном валу Роккалеоне, а с его одежды потоками стекала вода, собираясь лужицей у ног.

— Сюда, — и Гонзага повел слугу к арсеналу, где горел фонарь. При его свете придворный оглядел пришельца, а затем велел часовому выйти за дверь, но держаться поблизости.

Приказ этот удивил Дзаккарья. Он-то рассчитывал на более теплый прием, ибо рисковал жизнью, пробираясь в замок.

— Где мой господин? — осведомился он, гадая, какой пост занимает в Роккалеоне этот разодетый щеголь.

— Так твой господин — Франческо дель Фалько? — спросил Ромео Гонзага.

— Да, мессер. Я служу ему уже десять лет. Я привез ему письма от мессера Фанфуллы дельи Арчипрети. Их нужно срочно передать ему. Вы отведете меня к мессеру Франческо?

— Вы промокли до нитки, — участливо заговорил Гонзага. — И можете умереть от простуды, заставив нас искренне сожалеть, так как только настоящий храбрец может прорваться сквозь кордоны Джан Марии. — Он открыл дверь, кликнул часового. — Отведи его наверх и найди

ему сухую одежду.— Гонзага указал на верхний этаж башни, где действительно хранилась амуниция.

— А письма! — воскликнул Дзаккарья.— Они срочные, а я и так потратил немало времени, дожидаясь темноты.

— Ну уж несколько минут ничего не решат, так что сначала тебе надобно переодеться. Пусть письма подождут еще немного, но зато ты останешься жив и здоров.

— Мессер Арчипрети приказал мне не терять ни секунды!

— Понятно, понятно,— закивал Гонзага.— Тогда давай письма сюда, и я отнесу их господину графу, пока ты будешь переодеваться.

Дзаккарья замаялся, но посчитал, что можно не ждать подвоха от столь заботливого господина, да еще с таким честным лицом и невинным взглядом, а потому снял шапку и достал из нее запечатанный конверт. Передав конверт Гонзаге, он в сопровождении часового направился к двери. Гонзага вышел следом, а затем вновь подозвал к себе часового.

— Вот тебе дукат. Сделай, что я тебе скажу, и получишь вдвое больше. Задержи его в башне до моего возвращения. И никто не должен ни слышать, ни видеть его.

— Хорошо, ваша светлость, но может прийти капитан и поднять шум, не обнаружив меня на посту.

— Об этом я позабочусь. Скажу мессеру Фортемани, что послал тебя с важным заданием, и попрошу заменить тебя. На эту ночь ты освобожден от караульной службы.

Часовой поклонился и двинулся к пленнику — именно так относился он теперь к Дзаккарье.

Гонзага нашел Фортемани в караулке и сказал все то, что и обещал часовому.

Эрколе аж взвился от негодования:

— По какому праву вы это сделали? Кто разрешил вам посылать часового с поста? Святой Боже! А если на замок нападут, пока часовой будет искать для вас конфетницу или книгу стихов?

— Вы забываете, с кем...— с достоинством начал Гонзага.

— Дьявол вас побери! — взревел Фортемани.— Погодите, пока об этом узнает губернатор.

— Ну зачем же так,— от злости Гонзаги не осталось ни следа, ибо он не на шутку встревожился.— Мессер Эрколе, ну будьте благоразумны, умоляю вас. Стоит ли поднимать тревогу и беспокоить монну Валентину из-за такого пустяка. Да над вами будучи смеяться.

— Да? — Вот этого Фортемани никак не хотелось. Он на мгновение задумался и пришел к выводу, что действительно раздувает из мухи слона.— Эй, Авентано. Бери алебарду и отправляйся на восточную стену. Как видите, мессер Гонзага, я выполняю ваше пожелание. Но мессер Франческо обо всем узнает, когда будет обходить посты.

Гонзага ушел. До обхода оставался еще час. Достаточно большой срок, чтобы найти оправдание своим поступкам.

Из караулки придворный прямиком направился в свою комнату. Закрыв дверь, зажег свечу, положил конверт на стол и долго смотрел на большую красную печать.

Вот оно, значит, как! Странствующий рыцарь, низкого, как он полагал происхождения, на деле оказался знаменитым графом Аквильским, любимцем Баббьяно, чья слава гремела от Сицилии до Альп. А он даже не подозревал об этом. Похоже, у него не все в порядке с головой. Ведь он слышал достаточно историй о подвигах этого кондотьера, идеала итальянского дворянства, и мог бы догадаться, с кем столкнула его судьба в Роккалеоне. Но какова цель его пребывания в замке? Любовь к Валентине или... Задумавшись, Гонзага попытался припомнить, что же ему известно о политической ситуации в Баббьяно. И внезапно его глаза зажглись победным огнем. А не придумана ли эта осада для того, чтобы захватить трон Баббьяно, на который — до него доходили такие слухи — посягал Франческо дель Фалько? Если так, то самое время изобличить его! Для Валентины это будет жестокий удар! Письмо лежало перед ним. Похоже, в нем содержались ответы на все мучившие его вопросы. Что же писал Фанфулла, приятель графа?

Гонзага взял письмо в руки и тщательно осмотрел печать. Затем вытащил кинжал. Он нагрел лезвие свечой, осторожно подsunул кинжал под печать и вскрыл конверт. Развернув письмо, Гонзага начал читать, и глаза его округлились от изумления, а руки задрожали. Он уселся поудобнее, пододвинул свечу и перечитал письмо еще раз:

«Господин мой, дорогой граф!

Я не писал вам до тех пор, пока ситуация в Баббьяно не прояснилась окончательно. За несколько часов до отъезда Дзаккарьи гонец повез Джан Марии ультиматум. Или тот возвращается в Баббьяно в течение трех дней, или остается без короны, которую его подданные намерены предложить вам, для чего отправят послов в Аквилу, где вы, по их убеждению, обретаетесь. Поэтому, господин мой,

тиран теперь полностью в вашей власти, зажатый между Сциллой и Харибдой⁴⁶. Как действовать, решать вам. А я могу лишь порадоваться, что оборона Роккалеоне принесла свои плоды, и, надеюсь, вы получите давно заслуженную вами награду. Народ в Баббьяно возбужден до крайности и не видит иного выхода, кроме как короновать вас на герцогство.

Нам стало известно, что Чезаре Борджа собирает войска для вторжения в Баббьяно, и продолжающееся отсутствие Джан Марии в такой грозный час еще более усугубляет ситуацию. Горожане не видят дальше своего носа и не понимают, сколь выгоден для Баббьяно союз с Урбино. Да храни Господь вашу светлость.

Ваш верный слуга,
Фанфулла дельи Арчипрети».

Глава 22

РАЗОБЛАЧЕНИЕ

— **Ф**ранческо,— имя это Валентина произносила с видимым удовольствием,— отчего ты так хмуришься?

В столовой они остались вдвоем (остальных Валентина отпустила) и по-прежнему сидели за столом, за которым и ужинали.

Франческо поднял голову, черные его глаза переполнились нежностью.

— Меня тревожит отсутствие новостей из Баббьяно,— произнес он.— Я-то думал, что Чезаре Борджа подвигнет подданных Джан Марии на решительные действия. И хотелось бы знать, что там творится.

Валентина встала, подошла к нему, положила руку на плечо, улыбнулась.

— А чего тревожиться из-за такого пустяка? Не ты ли неделю назад мечтал о том, чтобы осада длилась целую вечность?

— Не думай, что я переменялся в этом, любимая.— Он поцеловал белоснежные пальчики, покоящиеся у него на плече.— Благодаря тебе жизнь моя стала совсем иной. Но все же хочется получить весточку из Баббьяно.

— Но зачем желать невозможного? — воскликнула Валентина.— Каким образом можем мы узнать о происходящем в мире?

Франческо задумался над ответом. Несколько раз он за прошедшую неделю порывался открыться Валентине, но сдерживался, дожидаясь более удобного случая. И вот решил, что миг этот настал. Валентина полностью доверяла ему, и теперь не было смысла дальше хранить молчание. Возможно, он и так слишком долго тянул с признанием, Франческо уже открыл рот, чтобы заговорить, но Валентина метнулась к окну, услышав чьи-то торопливые шаги. Секундой позже распахнулась дверь и на пороге возник Гонзага.

Он взглянул на Валентину, потом на Франческо, и тот отметил, что щеки придворного побледнели, а глаза блестят, как при лихорадке.

— Монна Валентина,— не закрыв за собой дверь, заговорил Гонзага. Голос его вздрагивал.— Мне надобно вам кое-что сообщить. Мессер... Франческо, вас не затруднит оставить нас наедине? — Он красноречиво глянул на открытую дверь.

Франческо в недоумении поднялся, вопросительно посмотрел на Валентину, желая знать, подчиняться ему или нет.

Девушка нахмурилась.

— Что именно вы хотите мне сообщить, мессер?

— Дело сугубо личное и очень важное, мадонна.

Валентина повернулась к Франческо, и по выражению ее лица он понял, что она извиняется за своего придворного, но просит оставить их вдвоем. Граф тут же кивнул.

— Я буду у себя, мадонна, пока не придет время обойти посты.

Гонзага плотно затворил за ним дверь, а затем приблизился к столу и встал напротив Валентины. Печально вздохнул.

— Мадонна, я молил Бога, чтобы слова, которые я сейчас произнесу, сорвались бы с губ другого человека. Ибо теперь, в свете того, что произошло в Роккалеоне, вы можете подумать, что мною движет жажда мести.

Валентина никак не могла понять, куда он клонит.

— Вы наполнили мое сердце тревогой, мой добрый Гонзага.— Но на губах ее продолжала играть улыбка.

— Увы! Вышло так, что говорить придется мне. Я раскрыл измену, гнездящуюся в вашем замке.

Валентина более не улыбалась. По тону Гонзаги она поняла, что дело серьезное.

— Измену? — эхом отозвалась она.— И кто же намерен нас предать?

Помявшись, Гонзага сказал:

— Не присесть ли вам, мадонна?

Она послушно опустилаcь на стул, не отрывая глаз от лица Гонзага.

— Вы тоже сядьте и расскажите мне обо всем.

Гонзага пододвинул стул, расположился напротив Валентины, глубоко вздохнул.

— Доводилось ли вам слышать о графе Аквильском?

— Иначе и быть не могло. Самый знаменитый рыцарь Италии, слава его гремит повсюду.

— Знаете ли вы, как относятся к нему жители Баббьяно?

— Насколько мне известно, они готовы носить его на руках.

И вы, разумеется, знаете, что он — претендент на трон Баббьяно, ибо доводится кузеном Джан Марии.

— Их близкое родство ни для кого не составляет тайны. А вот о том, что он претендует на трон Баббьяно, я слышу впервые. Но не отклонились ли мы в сторону?

— Отнюдь, мадонна. Мы идем к цели напрямик, кратчайшим путем. Поверите ли вы мне, если я скажу, что здесь, в Роккалеоне, находится агент графа Аквильского, который, в его интересах, старается затянуть осаду как можно дольше?

— Гонзага... — Валентина уже догадалась, что за этим последует, но Гонзага впервые в жизни позволил себе прервать ее.

— Подождите, мадонна. Пожалуйста, выслушайте меня до конца, ибо это не просто слова. У меня есть чем их доказать. Этот агент среди нас, и истинная его цель — затягивать и затягивать осаду, для чего он и организовал надежную защиту замка. Терпение жителей Баббьяно на исходе, и перед лицом угрозы, исходящей от Чезаре Борджа, они вот-вот предложат трон графу Аквильскому.

— Где вы подхватили эту историю? — Валентина покраснела от негодования, глаза ее полыхнули огнем.

— Мадонна, — Гонзага сочувственно покачал головой, — то, что вы назвали историей, доказанный факт. Я не стал бы обращаться к вам с плодами досужих измышлений. У меня есть доказательства того, что цель графа Аквильского почти достигнута. Джан Мария получил ультиматум от своих подданных: если в течение трех дней он не прибудет в столицу, они направляют делегацию в Аквилу, чтобы просить графа короноваться на трон Баббьяно.

Валентина поднялась, уже совладав с гневом. Голос ее зазвучал ровно, спокойно.

— Где это доказательство? А впрочем, не надо. Каким бы оно ни было, что оно мне докажет. То, что вы сказали о Баббьяно, скорее всего, правда. И наше сопротивление Джан Марии может привести к тому, что он потеряет герцогство, а граф Аквильский его приобретет. Но чем вы докажете вашу ложь, утверждая, что мессер Франческо служит графу? Это ложь, Гонзага, и вы понесете за нее должное наказание.

Она замолчала, ожидая ответа, но Гонзага не дрогнул, не запросил пощады.

— Мадонна, ваши жестокие слова не ранили меня, поскольку других я и не ожидал. Но когда вам станет известно то, что уже знаю я, вы поймете, что поторопились с вынесением приговора. Сейчас вы думаете, что я пришел сюда, затаив в душе зло на мессера Франческо. Нет, мадонна, я не держу на него зла, но мне приходится сожалеть, что я разочарую вас, открою вам глаза на то, как он использовал вас ради достижения собственных целей. Подождите, мадонна. Тем более что я действительно отклонился от истины, назвав мессера Франческо агентом графа Аквильского.

— Ага! Так вы уже отказываетесь от своих слов?

— Только в этом, не более того. Он — не агент, потому что...— Гонзага глянул в потолок, опять тяжело вздохнул и закончил:— Потому, что он сам Франческо дель Фалько, граф Аквильский.

Кровь отхлынула от лица Валентины, щеки ее побледнели, она наклонилась вперед, на мгновение задумалась, а затем буквально пронзила Гонзагу огненным взглядом.

— Это ложь! Ложь, за которую вас следует выпороть.

Гонзага пожал плечами и положил на стол письмо Фанфуллы.

— Вот, мадонна. Надеюсь, здесь вы найдете доказательства моей правоты.

Валентина холодно глянула на письмо. Сначала она хотела кликнуть Фортемани и распорядиться всыпать плетей Гонзаге, но женское любопытство взяло верх.

— Что это? — бесстрастно спросила она.

— Письмо, которое доставил человек, этой ночью переплывший ров. Я приказал запереть его в арсенальной башне. Написано оно Фанфуллой дельи Арчипрети, адресовано графу Аквильскому. Если память вернет вас

в некий день под Аскуаспарте, вы, возможно, вспомните, что Фанфулла — тот самый дворянин, что ходил в монастырь с фра Доминико и обращался к мессеру Франческо как к своему господину.

Валентина вспомнила и тот день, и сегодняшние слова Франческо о том, что он с нетерпением ждет вестей из Баббьяно. Вспомнила она и свой последний вопрос, каким образом он рассчитывает получить весточку из Баббьяно, сидя в осажденном замке, ответить на который помешал приход Гонзаги. Кстати, Франческо чуть замешкался с ответом. Валентину словно обдало холодом. О, это невозможно! И тем не менее она взяла письмо и начала читать, сдвинув брови, под пристальным взглядом Гонзаги.

Читала она медленно, закончив, долго молчала, глядя на подпись, сравнивая содержимое письма с тем, что сказал ей Гонзага, и не находя даже намека на несоответствие.

У Валентины защемило сердце. Мужчина, которому она доверилась, герой, грудью вставший на ее защиту, на проверку оказался интриганом, преследующим собственные цели, использующим ее, как пешку в своей игре. Но она вспомнила, как он держал ее в объятиях, как целовал, и не смогла заставить себя поверить в его предательство.

— Это заговор, направленный против невинного. Ваша дьявольская выдумка, мессер Гонзага. Ложь!

— Мадонна, человек, который привез письмо, все еще под стражей. Вызовите к себе его и мессера Франческо. Или допросите одного и узнаете, кто его господин. Если же письмо не кажется вам убедительным доказательством, давайте обратимся к другим фактам. Почему он лгал вам? Почему назвался Франческо Франчески? Почему убеждал вас, вопреки логике, остаться здесь, когда привез известие о решении Джан Марии осадить Роккалеоне? Если бы он действительно хотел послужить вам, то предоставил бы в ваше распоряжение собственный замок в Аквиле, оставив Джан Марии пустое гнездо, как, собственно, я и советовал.

Валентина не знала, что ответить, а Гонзага продолжал:

— Говорю вам, мадонна, никакой ошибки тут нет. Мои слова — истинная правда. И если вы отдадите ему это письмо, он не будет сидеть здесь еще три дня, а завтра утром тихонько ускользнет, чтобы к исходу треть-

его дня прибыть в Баббьяно и заполучить корону, столь легко утерянную его кузеном. Святой Боже! Да не было еще на земле человека, составившего столь изощренный план и хладнокровно доведшего дело до логического конца.

— Но... — Валентина запнулась. — В ваших выводах вы исходите из того, что мессер Франческо — граф Аквильский. Может... может, письмо направлено другому человеку?

— Так прикажите привести сюда и посыльного, и графа.

— Графа? — повторила она. — Вы имеете в виду мессера Франческо? — По телу ее пробежала дрожь. — Нет, я не хочу более видеть его лицо.

Ярко сверкнули глаза Гонзаги, но усилием воли он подавил рвущуюся наружу радость.

— Но сначала необходимо развеять последние сомнения. — Гонзага встал. — Я попросил Фортемани привести Ланчотто. Он уже ждет. Могу я позвать его?

Валентина молча кивнула, Гонзага открыл дверь и кликнул Фортемани.

— Я здесь, — донеслось из зала приемов.

— Приведите Ланчотто, — скомандовал придворный.

Вошел слуга Франческо, в немалой степени удивленный происходящим. Валентина повела допрос ледяным, внушающим страх голосом.

— Скажи мне, и не вздумай лгать, если тебе дорога жизнь, как зовут твоего господина.

Ланчотто глянул на ядовито улыбающегося Гонзагу.

— Отвечай мадонне. Назови имя и титул твоего господина.

— Но, госпожа...

— Отвечай, отвечай! — И маленькие кулачки Валентины забарабанили по столу.

— Мессер Франческо дель Фалько, граф Аквильский.

Не рыдание, а смех вырвался из груди Валентины. Глаза Эрколе Фортемани широко раскрылись от изумления, и он, наверное, сам кое о чем бы спросил Ланчотто, но Гонзага приказал ему привести из арсенальной башни часового и человека, оставленного под его охраной.

— Я хочу внести полную ясность, мадонна, — добавил он.

Они ожидали в молчании, присутствие Ланчотто ме-

шало разговору, пока Эрколе не привел часового и Дзаккарию. Не успела Валентина задать вопроса, как слуги Франческо поздоровались друг с другом.

Гонзага повернулся к Валентине. Та сидела, склонив голову, а в глазах ее застыла невыносимая тоска. И тут же послышались быстрые шаги. Дверь распахнулась, в столовую вошел Франческо, за ним по следам следовал Пеппе. Гонзага отступил на шаг, на лице его отразилась тревога.

Дзаккария же, наоборот, выступил вперед и склонился в глубоком поклоне.

— Мой господин! — приветствовал он Франческо.

Франческо удивленно оглядел собравшихся. Его вызвал сюда Пеппе, первый почувствовавший, что беседа Гонзаги с Валентиной добром не кончится. Не отвечая на приветствие слуги, Франческо вопросительно посмотрел на девушку.

Она встала, щеки ее горели злым румянцем. Взгляд Франческо, похоже, оказался последней каплей, добившей ее. Рука ее поднялась, указала на графа.

— Фортемани, посадите графа Аквильского под арест, — скомандовала она, — и, если не хотите поплатиться головой, позаботьтесь о том, чтобы он не сбежал.

Гигант не спешил выполнять приказ, помня о невероятной силе Франческо.

— Мадонна! — ахнул тот.

— Вы слышали меня, Фортемани? Уведите его.

— Моего господина? — воскликнул Ланчотто. Рука его потянулась к мечу. Он посмотрел на графа, готовый обнажить меч по его знаку.

— Пусть будет так, — холодно ответил Франческо. — Возьмите, мессер Фортемани. — И он протянул ему кинжал, свое единственное оружие.

Валентина, повелев Гонзаге следовать за ней, направилась к двери. Но Франческо преградил ей путь.

— Подождите, мадонна. Вы должны выслушать меня. Я отдал оружие в полной уверенности, что как только вы меня...

— Капитан Фортемани! — со злостью воскликнула Валентина. — Где положено быть арестованному? Я желаю пройти.

Эрколе с видимой неохотой положил руку на плечо Франческо. Но нужды в этом не было. От ее слов граф отпрянул, словно от удара. Валентина двинулась к двери,

Гонзага — за ней. На мгновение взгляды придворного и Франческо встретились, отчего улыбка, доселе игравшая на губах Гонзаги, исчезла, а колени задрожали и он ускорил шаг.

Глава 23

АРСЕНАЛЬНАЯ БАШНЯ

Булыжники внутреннего двора, еще мокрые после ночного ливня, блестели в утренних солнечных лучах.

Шут сидел на грубо сколоченной табуретке в крытой галерее, хмуро глядя на быстро высыхающие камни. Он злился, а такое случалось, не считая, разумеется, стычек с фра Доминико, крайне редко. Пеппе пытался убедить Валентину, что та погорячилась, приказав арестовать Франческо, но его госпожа грубо, чего никогда не случалось прежде, велела ему развлекать ее шутками, но не совать носа в важные дела. Шут, однако, не подчинился и ошеломил Валентину, прямо заявив, что еще со дня встречи у Аскуаспарте знал, кто такой мессер Франческо. Он уже собирался рассказать об изгнании Франческо из Баббьяно и его активном неприятии многочисленных предложений стать правителем герцогства, чтобы убедить девушку, что Франческо не было нужды избирать столь извилистый путь к трону, будь у него хоть малейшее желание занять его, но Валентина резко осадил Пеппе и выгнала вон.

Теперь она отправилась к мессе, а шут уселся в крытой галерее, чтобы в уединении поразмыслить о женском упрямстве и коварстве Гонзаги, ибо он ни на секунду не сомневался, что придворный приложил руку к происходящему.

Так он сидел, уродливый горбун, трясясь от бессильной ярости. Что теперь с ними будет? Не будь графа Аквильского, гарнизон сдался бы еще неделю назад. Будут ли они защищать замок, лишившись такого командира?

— Она еще поймет, что поступила глупо, но будет поздно. Таковы женщины, — философски заключил Пеппе. И печально вздохнул, ибо любил свою госпожу. Поэтому он решил, что после мессы добьется, чтобы Валентина выслушала его, и на этот раз ей не удастся прогнать его прочь, словно пугливого щенка. Пеппе уже начал обду-

мывать, с чего начать, какими словами сразу захватить ее внимание, когда на ступенях, ведущих в часовню, появился Ромео Гонзага.

Интуитивно Пеппе подался назад, в самую тень, следя глазами за каждым движением придворного. А Ромео огляделся и на цыпочках спустился во двор, похоже, опасаясь, как бы его шаги не услышали в часовне. Затем, не подозревая о присутствии Пеппе, пересек двор и нырнул в арку. Шут последовал за ним, резонно полагая, что Гонзаге есть что скрывать.

* * *

В своей комнате в Львиной башне граф Аквильский провел бессонную ночь, как и шут, встревоженный судьбой замка. Правда, в отличие от Пеппе он не возлагал всю вину на Гонзагу. Присутствие Дзаккарьи ясно указывало, что Фанфулла все-таки написал ему, отсюда Франческо и предположил, что письмо попало в руки Валентины и по каким-то строчкам она решила, что граф — изменник.

Франческо горько упрекал себя за то, что с самого начала не признался, кто он такой. Упрекал и ее за то, что она отказалась выслушать человека, которому признавалась в любви. Скажи Валентина, на чем основаны ее подозрения, он мгновенно доказал бы их беспочвенность, ибо, защищая Роккалеоне, он не преследовал никаких личных целей. Беспокоило графа и само появление Дзаккарьи. Ждал он его давно, так что приезд Дзаккарьи, скорее всего, указывал, что привез он важное известие. Речь, вероятно, шла о том, что времени у Джан Марии осталось совсем немного и, загнанный в угол, он может решиться на отчаянную авантюру.

Наемники Фортемани глухо зароптали, узнав об аресте Франческо. Его крепкая рука держала их в узде, здравый смысл, в чем им уже довелось убедиться на деле, придавал духа, подбадривал. Франческо доказал свое право на лидерство, и, доверяя ему, они выполнили бы любой приказ. А с кем они остались теперь? Фортемани — один из них, поставленный над ними лишь волею обстоятельств. Гонзагу они презирали. Валентина при всей ее храбрости — всего лишь женщина, неискушенная в премудростях воинского искусства, приказы которой могли привести к катастрофе.

Те же мысли мучили и Фортемани. С превеликой неохотой арестовал он Франческо и, пожалуй, лучше остальных представлял себе, чем это грозит. Он уже проникся уважением, более того, по-своему полюбил губернатора Роккалеоне, и его восхищение только возросло, когда Фортемани узнал его истинное имя, потому что не было в Италии более знаменитого кондотьера, и имя его почиталось военными никак не меньше любого из имен святых покровителей.

Обеспечивая охрану арестованного, как приказал Гонзага, ставший командиром гарнизона Роккалеоне, Фортемани провел ночь у дверей комнаты Франческо, а если говорить точнее, то большую часть ночи — в самой комнате.

— Стоит вам сказать хоть слово, и замок будет вашим,— не стал скрывать гигант своих мыслей.— Пронесите его, и все мои люди перейдут на вашу сторону.

— Да вы предатель,— рассмеялся Франческо.— Или вы забыли, кому служите? Не будем спешить, Эрколе. Но, если вы хотите оказать мне услугу, вызовите сюда Дзаккарья. Это он пробрался сегодня ночью в Роккалеоне.

Фортемани, естественно, не отказал. Дзаккарья знал содержимое письма наизусть, на случай если оно потеряется или придется его уничтожить. Теперь слуга уже корил себя, что не порвал его на мелкие клочки вместо того, чтобы отдать Гонзаге. Слова Дзаккарьи подтвердили самые худшие опасения графа. Джан Марии его подданные дали только три дня, а поэтому он вынужден будет предпринять попытку захватить замок.

Ближе к утру Франческо успокоился, попросил Эрколе принести масляную лампу и сел писать письмо Валентине, в котором надеялся убедить ее в своей честности. Так как она не желала слушать его, другого пути для общения Франческо не находил. Письмо он закончил час спустя, уже после восхода солнца, вновь вызвал Эрколе, чтобы тот незамедлительно отнес письмо Валентине.

— Я буду ждать ее у часовни,— пообещал Фортемани.

Он взял письмо и вышел, но едва спустился во двор, как увидел бегущего к нему Пеппе. Глаза шута возбужденно горели, он тяжело дышал.

— Скорее, Эрколе. Пойдем со мной.

— Дьявол тебя раздери, сатанинское отродье... куда еще? — проворчал гигант.

— Я все скажу по пути. Нельзя терять ни секунды. Гонзага... готовит измену. Пойдете вы или нет?

Теперь уж Фортемани не заставил просить себя дважды. Застать мессера Гонзагу на месте преступления — да ради этого он пошел бы и на край света.

Фортемани последовал за шутом, который по пути рассказал то небольшое, что знал. Вслед за Гонзагой Пеппе поднялся в арсенальную башню и увидел через бойницу, как тот снял со стены арбалет, сел за стол и начал что-то писать.

— И это все? — осведомился Эрколе.

— Все, — кивнул шут.

— Ад и небеса! — проревел гигант, остановившись. — И только из-за этого ты заставил меня бежать?

— По-моему, я сказал более чем достаточно, — возразил Пеппе. — Чего вы встали?

— Встал и не сдвинулся с места. — Эрколе побагровел от ярости. — Это что, шутка? Какая тут измена?

— Письмо и арбалет! — нетерпеливо воскликнул Пеппе, вне себя из-за задержки. — О Господи, ну разве можно быть таким дураком! Или вы забыли, каким путем попало в Роккалеоне обещание Джан Марии заплатить тысячу флоринов тому, кто откроет ворота замка? С арбалетной стрелой, глупец! Пошли скорей, а потом я отдам вам свой наряд, ибо любой другой вам не к лицу.

Поняв наконец смысл сказанного Пеппе, Эрколе даже пропустил шпильку шута мимо ушей и поспешил за ним через двор и по лестнице, ведущей на крепостной вал.

— Ты думаешь... — начал он.

— Я думаю, что шагать вам надо потише, — отрезал шут. — И не дышите так громко, если хотите застать мессера Ромео врасплох.

Эрколе безропотно подчинился и сразу отстал от Пеппе, осторожно переставляя ноги со ступеньки на ступеньку. Они подошли к арсенальной башне. Гонзага, на их счастье, повернулся к ним спиной, и Фортемани убедился, что успел как раз вовремя.

Придворный стоял, наклонившись, и по характерному скрипу Эрколе догадался, чем тот занимается: Гонзага натягивал арбалетную тетиву. А на столе лежала стрела с привязанным к ней письмом.

Фортемани метнулся к двери, распахнул ее и ворвался в башню.

Он услышал крик ужаса и увидел перекошенное гри-

масой страха лицо Гонзаги. Когда же придворный узнал вошедшего, он заметно успокоился, хотя и был бледен больше обычного.

— Святой Боже! — выдохнул он. — Ну и напугали вы меня, Эрколе. Я не слышал, как вы подошли.

Но выражение лица Фортемани испугало Гонзагу еще более. Усилием воли он, однако, справился с нервами и загородил собой стол с лежащей на нем арбалетной стрелой. Неуверенным голосом Гонзага спросил, что привело Эрколе в арсенальную башню.

— Мне нужно письмо, которое вы написали Джан Марии, — последовал прямой ответ, поскольку Фортемани не был силен в дипломатии.

У Гонзаги дрогнули губы.

— Что... что...

— Давайте письмо, — Фортемани протянул тяжелую руку, и Гонзага, словно загнанный в угол зверь, решился на отчаянный шаг. Он схватил тяжелый арбалет.

— Отойдите, а не то, клянусь Богом и всеми святыми, я разобью вам голову!

Гигант глухо рассмеялся, руки его, как пушинку, подняли Гонзагу в воздух. А в следующее мгновение он уже летел к стене, о которую крепко стукнулся и сполз на пол.

В бессильной ярости Гонзага попытался встать и броситься на обидчика, но Фортемани оказался проворнее. Капитан прижал придворного к полу, лицом вниз, завернул руки за спину и связал веревкой.

— Лежи смирно, скорпион! — прохрипел Фортемани, тяжело дыша.

Он встал, шагнул к столу, взял со стола письмо, прочитал адрес: «Его высочеству Джан Марии Сфорца», — хмыкнул и ушел, заперев за собой дверь.

А Гонзага так и лежал, холодея от страха перед неминуемой карой. Даже Валентина при всей ее доброте никогда не помиловала бы автора такого письма. Оно полностью доказывало его вину. В письме Гонзага прямо просил герцога держать людей наготове к часу утренней молитвы. А по его знаку — взмаху платка с крепостной стены — двинуться к замку. Он же, Гонзага, тем временем откроет железную дверцу над мостом, а далее уже не возникнет никаких трудностей, поскольку весь гарнизон будет в часовне и без оружия.

Когда Франческо прочитал письмо, глаза его мрачно сверкнули, а с губ сорвалось ругательство. Но не нена-

висть к Гонзаге, как подумалось Фортемани, была тому причиной. Просто в его голове мгновенно созрел блестящий план, столь многообещающий, так легко выполнимый, да еще и забавный, выворачивающий ситуацию наизнанку, что он поневоле расхохотался.

— Возблагодарим же Господа нашего, что он послал нам такого изменника! — воскликнул он, донельзя изумив и Фортемани, и Пеппе. — Эрколе, друг мой, сам я никогда не додумался бы до такой приманки. А уж с ее-то помощью мы загоним в ловушку моего милого кузена!

— Но каким...

— Отнесите письмо назад, — прервал его граф, дрожа от снедающего его возбуждения. — Отнесите его и примите все меры, чтобы оно попало по назначению. Если он откажется посылать письмо, сделайте это сами. Но оно должно оказаться у Джан Марии.

— Но хоть скажите мне, что вы задумали? — воскликнул Эрколе.

— Всеу свое время, друг мой. Сейчас главное — отправить письмо! Послушайте! Надо сказать Гонзаге, что, прочитав письмо, вы решили присоединиться к нему, помочь сдать Роккалеоне герцогу, поскольку боитесь за свою жизнь, ибо так или иначе, рано или поздно замок все равно будет взят. Устройте так, чтобы Гонзага пообещал вам деньги и гарантировал неприкосновенность после падения замка. Убедите его в вашей искренности, а потом пусть стреляет. И поторопитесь, потому что месса скоро закончится, а другого случая уже не представится. Потом возвращайтесь сюда, и мы обсудим все остальное. Сегодня ночью нам будет чем заняться, Эрколе, и вам придется освободить меня после того, как все лягут спать. А теперь идите!

Эрколе ушел, а Пеппе остался, осыпая графа градом вопросов. Франческо отвечал до тех пор, пока Пеппе не ухватил суть, а затем выругался и заявил, что большего шутника, чем его сиятельство, еще не рождала земля. Тут вернулся и Фортемани.

— Все в порядке? Письмо отправлено? — спросил Франческо.

Фортемани кивнул.

— Мы поклялись, что вдвоем доведем дело до конца, он и я. Он приписал еще строчку, указав, что добился моего согласия помогать ему, а потому герцог должен сохранить мне жизнь после взятия Роккалеоне.

— Отлично, Эрколе! — Граф даже захлопал в ладоши. — А теперь верните мне письмо, которое я просил передать монне Валентине. Нужда в нем отпала. Но ночью, когда все улягутся, приходите сюда и приведите с собой моих слуг Ланчотто и Дзаккарью.

Глава 24

ПРЕРВАННАЯ МЕССА

Утро праздника тела Христова утонуло в сером тумане. С моря дул холодный ветер, когда, подчиняясь колокольному звону, гарнизон Роккалеоне потянулся в часовню.

Появилась и монна Валентина в сопровождении дам, пажей и Пеппе, едва сдерживающего нетерпение. Бледное лицо Валентины, черные круги у глаз свидетельствовали о бессоннице, а когда она склонила голову в молитве, дамы ее заметили слезы, капающие на раскрытый молитвенник. Из ризницы вышел фра Доминико, весь в белом, как требовали церковные каноны, за ним паж, наоборот, в черной сутане, и месса началась.

Отсутствовали лишь Гонзага, Фортемани, часовой на стене да арестанты — Франческо и двое его слуг.

Гонзага испросил разрешения Валентины покинуть службу, пустившись в пространные рассуждения о том, что герцог в любой момент может предпринять отчаянную попытку захватить замок, а один часовой, патрулирующий стены, мог не уследить за коварным врагом. Валентина, занятая мыслями своими, уже не видела особой разницы, падет замок или устоит, а потому просто кивнула, не вслушиваясь в доводы Гонзаги.

После того, как все собрались в часовне, Гонзага в нетерпении поспешил на стены, горя желанием выполнить задуманное. На карауле в то утро стоял молодой Авентано, тот самый, что читал вслух письмо, посланное Джан Марией Гонзаге. Придворный воспринял это как добрый знак. Если он и мог поладить с кем-то из наемников, так только с Авентано.

Туман быстро поднимался, видимость заметно улучшилась. В лагере Джан Марии люди сновали взад-вперед, хотя обычно в столь ранний час там царили тишина и покой. Все говорило о том, что Джан Мария ждал только сигнала Гонзаги.

Он приблизился к часовому, нервничая все больше и больше. Мысленно Гонзага выругал Фортемани, отказавшегося принять более активное участие в заговоре. Придворный пытался убедить Эрколе, что тот лучше справится с этим делом. Но капитан лишь усмехнулся и резонно заявил, что раз Гонзаге полагается большая награда, он и должен взять на себя основную работу. А сам пообещал проследить, чтобы никто не вышел из часовни, пока Гонзага будет вести переговоры с часовым.

Поздоровавшись с Авентано, Гонзага с удовлетворением отметил, что тот без панциря или кольчуги. Поначалу он собирался уговорить или подкупить часового, но, когда пришла пора действовать, не смог найти нужных слов, опасаясь, что Авентано не прислушается к нему, а вместо этого набросится на него с алебардой. Гонзага, разумеется, понятия не имел, что Фортемани загодя попросил Авентано не отказываться от взятки, если она будет предложена. И выбрал он юношу из-за его ума, со своей стороны, пообещав щедрое вознаграждение, если все пройдет так, как надо. Гонзага же, ничего об этом не зная, в последний момент отказался от намерения подкупить часового, хотя и пообещал Эрколе, что начнет с этого.

— Вы, похоже, замерзли, ваша светлость,— юноша заметил дрожь, бьющую Гонзагу.

— Промозглое утро, Авентано,— ответил придворный.

— Это верно. Но скоро пробьется солнце и сразу потеплеет.

— Да, конечно,— рассеянно пробормотал придворный, переминаясь с ноги на ногу рядом с Авентано. Пальцы его под синим плащом нервно тискали рукоять кинжала, который он не решался вытащить. С одной стороны, Гонзага понимал, что время уходит, с другой — опасался, что ему не поздоровится, если удар кинжалом не будет смертельным, потому что Авентано был парнем крепким и жилистым. Гонзага отступил на шаг и тут же нашел простое и изящное решение.

— Что там такое? — воскликнул он, уставившись вниз. Мгновение спустя Авентано оказался рядом.

— Где, ваша светлость?

— Там, внизу. Смотри туда, между плитами? — Он указал на неширокую щель.

— Ничего не вижу, ваша светлость.

— Блеснуло что-то желтое. Какое под нами помеще-

ние? Клянусь, тут пахнет изменой. Опустись-ка на колени да присмотришься повнимательнее.

Мельком глянув на бледное, перекошенное от напряжения лицо придворного, бедняга выполнил приказ. Фортемани явно переоценил умственные способности юноши.

— Ничего не вижу, ваша светлость. Щель не сквозная. Просто вымыло раствор.

Гонзага торопливо выхватил кинжал и всадил его в широкоую спину Авентано. Руки юноши подломились, и с протяжным стоном он растянулся на холодном граните.

В то же мгновение солнце прорвалось сквозь облака, залил стены жаркими лучами, а в вышине запел жаворонок.

Убийца застыл над своей жертвой, с посеревшим лицом, выбивая зубами дрожь, втянув голову в плечи, словно ожидая ответного удара. Впервые он лишил человека жизни, и деяние это наполнило душу ужасом. Ни за что на свете, даже если бы ему посулили спасение бессмертной души, которую он обрек на вечные муки, не согласился бы Гонзага наклониться и вытащить кинжал. Вскрикнув, он повернулся и отбежал на несколько шагов. Затем сдернул с шеи платок, взмахнул им и помчался открывать железную дверцу.

Дрожащими пальцами Гонзага повернул ключ в замке, распахнул дверцу и глянул вниз. Солдаты Джан Марии уже тащили сбитую из сосновых стволов лестницу. Сначала ее вертикально поставили на противоположной стороне рва, а затем перекинули через него, так что свободный конец лег на стену под самой дверцей. Один из солдат перебрался по ней, Гонзага помог ему закрепить конец, и несколько минут спустя сотня солдат во главе с Джан Марией и Гвидобальдо уже стояли в первом дворе замка. Именно на это и рассчитывал Франческо, зная, что у его кузена нет привычки подвергать себя ненужному риску.

Герцог Бабьяно с рыжей щетиной на лице (следуя данному им обету, он не брился уже с полмесяца) повернулся к Гонзаге.

— Все в порядке? — дружелюбно спросил он, тогда как Гвидобальдо одарил придворного презрительным взглядом.

Гонзага заверил их, что гарнизон по-прежнему находится в часовне, ни о чем не подозревая. Теперь, чувствуя,

что защита ему обеспечена, он вновь обрел былую уверенность и непринужденность.

— Вы можете поздравить себя, ваше высочество,— с улыбкой обратился он к Гвидобальдо,— ваша племянница воспитана в любви к Господу нашему.

— Никак, вы обращаетесь ко мне? — холодно ответил Гвидобальдо.— Я бы желал, чтобы более этого не повторялось.

Под взглядом герцога Урбино Гонзага сжался. Не успокоил его и смех Джан Марии.

— Разве я не служил вам верой и правдой? — пролепетал придворный.

— Точно так же служит мне и последний поваренок на кухне, и самый младший из конюхов, да с их стороны я вижу больше честности.— Гвидобальдо гордо вскинул голову.— Но никто из них никогда не посмеет обратиться ко мне как к равному.

Столь ясно звучала угроза в голосе, что душа Гонзаги ушла в пятки. Но Джан Мария одобрительно похлопал его по плечу.

— Не беспокойся, Иуда.— Он вновь рассмеялся.— В Баббьяно для тебя найдутся и пища, и кров. Но не будем более терять времени. Веди нас, пока они все еще молятся. Не будем их беспокоить.— Лицо его посуровело.— Я не хочу, чтобы меня обвинили в недостатке веры. Мы подождем конца мессы у дверей часовни.

И в прекрасном расположении духа вместе с Гвидобальдо он вслед за Гонзагой двинулся к арке. Они пересекли двор, где в несколько рядов встали его вооруженные до зубов наемники, остановились у тяжелой двери, закрывающей вход в арку, которую пытался распахнуть Гонзага.

Потерпев неудачу, придворный обернулся. Колени его заметно дрожали.

— Она заперта.

— Мы слишком шумели, когда ставили лестницу и перебирались по ней в замок,— предположил Гвидобальдо,— и они подняли тревогу.

Объяснение показалось Джан Марии убедительным. Выругавшись, он повернулся к наемникам:

— Высадите двери! Клянусь Богом, неужели они рассчитывают, что меня остановит такое жалкое препятствие?

Дверь упала на землю, но они добрались лишь до конца темной галереи, выход из которой перегораживала

вторая дверь. Новая задержка разъярила Джан Марию. Однако когда сломали и вторую дверь, он не пожелал первым выйти во двор, где, скорее всего, поджидали нападавших солдаты Валентины.

Поэтому он пропустил вперед своих наемников, оставшись с Гвидобальдо в галерее, и вышел во двор тогда, когда ему сказали, что противника нет.

Наконец сотня наемников сгрудилась у часовни, и Гвидобальдо неторопливо направился к ее дверям.

* * *

В часовне служили мессу. Густому басу фра Доминико, застывшего у подножия алтаря, вторил тенор пажа. Но едва отзвучали первые строки молитвы, как у дверей часовни раздались тяжелые шаги, сопровождаемые клацаньем стали. Мужчины обернулись, предчувствуя измену, и проклятия огласили храм, потому что на мессу они пришли без оружия.

Открылась дверь, фра Доминико смолк на полуслове, а затем вздох облегчения вырвался у наемников, за которым последовал сердитый вскрик Валентины, так как первым в часовню вошел граф Аквилский, закованный в латы, с мечом у бедра и кинжалом за поясом. За ним горой высился Фортемани, лицо которого покраснелось от волнения — в кожаном, с металлическими пластинами панцире, с мечом, кинжалом, шлемом на голове. Замыкали маленькую колонну Ланчотто и Дзаккарья так же при полном вооружении.

— Как вы посмели войти в храм Божий в таком виде и прервать святую мессу? — негодуя спросил монах.

— Терпение, святой отец, — спокойно ответил Франческо. — На то у нас есть веские основания.

— Что все это означает, Фортемани? — Валентина зло глянула на своего капитана, словно и не замечая Франческо. — Или вы тоже меня предали?

— Это означает, мадонна, — прямо ответил гигант, — что в эту самую минуту ваша комнатная собачка Гонзага открывает железную дверь над мостом, чтобы впустить в Роккалеоне Джан Марию и его войско.

Гневные вопли наемников мгновенно смолкли, повинаясь взмаху руки Франческо.

Валентина же помимо своей воли перевела взгляд

на графа. Он выступил вперед, склонил перед ней голову.

— Мадонна, сейчас не время для объяснений. Я допустил ошибку, скрыв от вас свое имя, и этим в полной мере воспользовался единственный изменник, проникший в Роккалеоне, Ромео Гонзага, который в настоящий момент, как и сказал Фортемани, впускает в замок моего кузена и вашего дядю. Я же не ставил перед собой иной цели, кроме служения вам, и не искал для себя какой-либо другой выгоды. Умоляю вас, мадонна, поверьте мне в этом.

Валентина упала на колени, губы ее начали шептать молитву, так как она поверила графу и решила, что все потеряно, раз Джан Мария уже в замке.

— Мадонна,— рука Франческо легонько коснулась ее плеча,— повремените с молитвой до той поры, когда придет время возблагодарить Господа нашего за избавление от опасности. Послушайте! Благодаря осмотрительности Пеппе, который, дай Бог ему здоровья, не терял веры в меня, еще прошлой ночью я и Фортемани прознали о замысле Гонзаги. И потому приняли все необходимые меры предосторожности. Когда Джан Мария и его солдаты войдут в первый двор, они обнаружат, что арка перегожена дверьми, и им потребуется время, чтобы высадить их. Мои люди, как вы видите сами, запирают двери в часовне, чтобы задержать их и здесь. Мы же должны в полной мере воспользоваться имеющимся в нашем распоряжении временем. И, если вы мне доверяете, прошу следовать моим указаниям, ибо мы провели ночь, чтобы подготовить путь к отступлению.

Пелена слез застилала глаза Валентины. Она всплеснула руками, признавая собственную беспомощность.

— Но они последуют за нами!

— Мы позаботимся о том, чтобы этого не случилось. Командуйте, мадонна, время не ждет.

Валентина ответила долгим взглядом, смахнула слезы, поднялась и положила руки ему на плечи.

— Как мне узнать, что вы говорите правду, что я могу довериться вам? — сказала она, но в голосе уже чувствовалось, что в доказательствах она не нуждается.

— Клянусь рыцарской честью перед алтарем, что нет, не было и не будет у меня другой цели, как служить вам, монна Валентина!

— Я вам верю.— Голос ее прервался рыданием.— Про-

стите меня, Франческо, и, может, Бог простит меня за то, что я потеряла веру в вас.

— Валентина! — произнес он с такой нежностью, что карие глаза девушки вновь засияли. А Франческо уже отвернулся от нее. — Фра Доминико, снимайте вашу ризу и надевайте обычную сутану. Нам предстоит долгий путь. Вы, — обратился он к стоявшим рядом наемникам, — отвалите вот эту алтарную ступень. Мои люди еще ночью смазали ржавые петли.

Наемники выполнили приказ, и перед ними открылась лестница, уходящая в подвалы Роккалеоне.

Один за другим, быстро, но без суеты все спустились вниз, а затем с помощью веревки установили алтарную ступень на место, чтобы скрыть путь, которым ушли.

Фортемани с шестью наемниками, шедшие впереди, открыли потайную дверь, вытащили лежащую в подземной галерее длинную штурмовую лестницу, перекинули ее через ров, в котором ревел бурный поток.

Фортемани первым ступил на эти хлипкие мостки и перебрался на другую сторону рва. За ним последовала дюжина солдат, вооруженных пиками, припасенными ночью в галерее. Получив короткий приказ, они двинулись к лагерю Джан Марии. Затем на лестницу ступили женщины, лажи, Пеппе и оставшиеся наемники.

Никто их не видел. Джан Мария не позаботился о том, чтобы оставить на стене дозорного, полагая, что в возможной схватке каждый солдат будет на счету. На луг у южной стены защитники Роккалеоне переправились без помех. Фортемани и его люди уже скрылись за башней замка, когда Франческо закрыл за собой потайную дверь и быстро последовал за остальными. Дюжина крепких рук подхватила лестницу и перетащила ее на зеленую траву, подальше от края рва. Покончив с этим, Франческо довольно рассмеялся и подошел к Валентине.

— Им придется поломать голову, чтобы понять, как нам удалось скрыться, и скорее всего, они придут к мысли, что мы стали ангелами, отрастив крылышки под броней. В Роккалеоне мы не оставили им ни лестницы, ни ярда веревки. Так что им не удастся последовать за нами, даже если они и догадаются, каким путем мы ушли. Но, милая Валентина, комедия еще не закончена. Фортемани уже снимает лестницу, по которой они попали в замок, и разоружает тех немногих часовых, что остались охранять лагерь. Джан Мария оказался в западне, выскочить из которой без нашего дозволения практически невозможно.

КАПИТУЛЯЦИЯ РОККАЛЕОНЕ

В ярких лучах майского солнца солдаты Франческо обустроивались в лагере герцога. Первым делом вооружились те, кто вышел из замка безоружным, благо в лагере хватало и панцирей, и аркебуз.

Трое часовых, оставленных Джан Марией охранять лагерь, уже сидели связанными в одной из палаток. Лестница, по которой оба герцога попали в Роккалеоне, лежала на земле, а под распахнутой железной дверцей, у подъемного моста, ревел во рву поток, переплыть который не решился бы и самый отчаянный смельчак.

Наконец в дверном проеме возник Джан Мария. Лицо его побагровело от гнева. Позади него теснились наемники, разъяренные не меньше своего господина. Теперь они видели, как ловко обвели их вокруг пальца.

Валентина и дамы сидели среди палаток, ожидая исхода возможной стычки или переговоров. А солдаты под руководством Франческо наводили орудия на подъемный мост.

Тем временем Джан Мария и наемники исчезли, чтобы вновь появиться на крепостном валу. Франческо громко рассмеялся, предчувствуя, что за этим последует. И действительно, до лагеря донеслись крики разочарования. Джан Мария полагал, что он сможет воспользоваться артиллерией замка, но не тут-то было. Без пороха пушки эти ничем не отличались от чучел, отпугивающих птиц. После короткой паузы с крепостного вала донесся звук трубы.

В ответ на сигнал к началу переговоров, отдав Фортемани последние инструкции, Франческо вскочил на одного из жеребцов Джан Марии и не спеша, в сопровождении Ланчотто и Дзаккарьи, вооруженных аркебузами, затрусил к стенам Роккалеоне.

Под стенами замка Франческо натянул поводья и рассмеялся, подумав о столь резкой перемене декораций. В тот самый момент со стены в ров сбросили тело убитого Авентано, ибо Джан Марии пришлось не по нутру соседство с покойником.

— Я желаю говорить с Валентиной делла Ровере! — выкрикнул разъяренный герцог.

— Вы можете говорить со мной, Джан Мария.— Шлем

Франческо не снял, но поднял забрало. Голос его звучал ясно и твердо.— Я представитель, до недавнего времени губернатор Роккалеоне.

— Кто же ты такой? — Голос показался герцогу удивительно знакомым.

— Франческо дель Фалько, граф Аквильский.

— Клянусь Богом! Ты?

— Чудеса, не правда ли? — рассмеялся Франческо.— Так что вы отдадите, кузен, жену или герцогство?

От негодования Джан Мария на мгновение лишился дара речи. Он повернулся к Гвидобальдо и что-то прошептал ему. Но герцог Урбино лишь безразлично пожал плечами.

— Ничего я не отдам, мессер Франческо,— проревел Джан Мария.— Ничего, да будут моими свидетелями небеса... Ничего, слышите меня?

— Вас не услышал разве что глухой,— последовал ответ.— Да только желание ваше не совпадает с возможностями. Вам придется отказаться от первого или второго, хотя выбор остается за вами. Вы проиграли, Джан Мария, а потому должны платить.

— Но речь, кажется, идет о моей племяннице,— вмешался Гвидобальдо.— И потому не вам, господин граф, решать, женится на ней ваш кузен или нет.

— Разумеется, не мне. Он может жениться на ней, если пожелает, но тогда он уже будет не герцогом, а изгнанником без роду и племени, если баббьянцы оставят ему голову на плечах. Я же пусть и не герцог, но граф, земли у меня хоть и мало, но она моя, и стану герцогом, если Джан Мария откажется уступить мне вашу племянницу. Так что, если он все еще намерен жениться на Валентине, согласны ли вы на ее бракосочетание с бездомным бродягой или обезглавленным трупом?

Гвидобальдо пристально всмотрелся в лицо Франческо.

— Так вы еще один претендент на руку моей племянницы, господин граф? — ледяным голосом осведомился он.

— Да, ваше высочество,— кивнул Франческо.— И вопрос поставлен ребром. Если Джан Мария не возвращается в Баббьяно к утру, он теряет корону, которая переходит ко мне волею народа. Но если он отказывается от своих прав на монну Валентину в мою пользу, я уезжаю в Аквилу и больше не появлюсь в Баббьяно. Он может и настаивать на женитьбе, но тогда мои люди продержат его за этими стенами достаточно долго, чтобы он не успел

в Баббьяно к назначенному сроку. Я же поеду туда и пусть и с неохотой, но соглашусь стать правителем подданных Джан Марии, а он тем временем может попытаться убедить вас, что лучшего мужа для Валентины, чем он, вам не найти.

И наверное, впервые в жизни Гвидобальдо забыл о присущей ему учтивости. Он весело рассмеялся, и смех этот, словно нож, пронзил сердце Джан Марии.

— Что ж, господин граф, признаюсь, вы поставили нас в такие условия, что можете вить из нас веревки. Да и ваша военная слава столь велика, что Урбино лишь во благо иметь вас на своей стороне. Так что вы скажете, ваше высочество? — Гвидобальдо повернулся к безмолвствующему Джан Марии. — У меня есть еще одна племянница, бракосочетание с которой может стать основой союза двух герцогств. Надеюсь, она окажется не столь строптива. Так не кажется ли вам, что монна Валентина и ваш отважный кузен составят прек...

— Не слушайте его! — завопил Джан Мария. — Этот сладкоречивый негодяй выманит из ада самого дьявола. Ни о чем не договаривайтесь с ним! У меня сто человек, и я... — Он резко обернулся. — Опускайте мост, трусы! И выгоните этих подонков из моего лагеря!

— Джан Мария, я вас предупредил! — прогремел голос Франческо. — Ваши же орудия нацелены на мост, и при первой же попытке опустить его мост разнесут в щепки. Вы сможете покинуть Роккалеоне лишь на моих условиях, и если потеряете герцогство из-за упрямства, то лишь по собственной вине. Так отвечайте: какой вы выбираете путь?

Гвидобальдо тоже попытался остановить Джан Марию, отменив приказ последнего опустить мост. А с другой стороны к нему приблизился Гонзага и прошептал, что с мостом лучше подождать до наступления темноты.

— До наступления темноты, говоришь? — взвился Джан Мария, радуясь, что нашелся-таки человек, на котором он может отыгаться за испытанное унижение. — Если я буду ждать до ночи, то останусь без трона. И поделом мне, нечего было связываться с предателями. Это твоя вина, Иуда! — Лицо его перекошило. — Но, по крайней мере, ты заплатишь за все!

Гонзага увидел, как сталь блеснула у него перед глазами, а затем предсмертный крик вырвался из его груди, потому что кинжал Джан Марии вонзился в сердце

придворного. Слишком поздно Гвидобальдо вытянул руку, чтобы предотвратить убийство.

Гонзага рухнул на то самое место, где совсем недавно лежал трусливо убитый им Авентано.

— Сбросьте эту падаль в ров, — прохрипел Джан Мария, все еще дрожа от ярости.

Приказ его исполнили мгновенно, так что убитый и убийца оказались в одной могиле.

И лишь когда тело Гонзаги полетело вниз, Джан Мария, казалось, осознал, что же он сделал. Ярость его улетучилась, он склонил голову, набожно перекрестился и повернулся к своему оруженосцу.

— Проследи, чтобы завтра отслужили мессу за упокой его души.

Пусть это и покажется странным, но это убийство успокоило Джан Марию. Он вновь посмотрел на Франческо и попросил повторить условия, на которых он может вернуться в Баббьяво до окончания срока, отпущенного ему подданными.

— Вам достаточно отказаться от притязаний на монну Валентину и утешиться, как и предложил мессер Гвидобальдо, второй его племянницей.

Герцог Урбино, со своей стороны, посоветовал Джан Марию незамедлительно соглашаться.

— Тем более что иного выхода у вас нет, — закончил Гвидобальдо.

— Ну, если ваша вторая племянница станет... — заколебался Джан Мария.

— Считайте, что я дал вам слово, — заверил его Гвидобальдо.

— А монна Валентина? — взвизгнул Джан Мария.

— Скорее всего, выйдет замуж за своего кондотьера. Я не встану у них на пути. Как видите, я ваш друг. Даже жертвую Валентиной ради ваших интересов. Если же вы будете настаивать на своих правах на Валентину, он вас погубит. Эту партию он выиграл. Признайте свое поражение, как признаю его я.

— Но разве может ваше поражение сравниться с моим? — воскликнул Джан Мария, отлично понимая, что в столь смутное время Гвидобальдо не прочь приобрести родственника, сведущего в военном деле.

— Каждый проигрывает по-своему, — уклончиво ответил Гвидобальдо, давая понять Джан Марии, что более он ему не союзник, даже, наоборот, берет сторону графа Аквилеского.

И Джан Марии не осталось ничего иного, как спросить, когда ему позволят покинуть замок.

— Как только я услышу, что вы готовы уехать в Баббяно,— ответил Франческо.

Глаза Джан Марии злобно блеснули, он подумал, что у него будет повод немного задержаться, но следующие слова Франческо не оставили камня на камне от его темных замыслов.

— А чтобы не возникло стычки между моими и вашими людьми, вы прикажите своим солдатам оставить оружие в замке, да и сами выйдите без меча и кинжала. Лишь герцога Гвидобальдо я готов выпустить из Роккалеоне при оружии. И вы горько пожалеете, если нарушите это условие. Если я замечу, что хоть один солдат вооружен, то огонь ваших же пушек уничтожит вас.

Так и закончилась, едва начавшаяся, вторая осада Роккалеоне, ибо Джан Мария согласился на все. Он и его люди вышли из ворот и колонной проследовали в сторону Баббяно. Ни словом, ни даже взглядом не обменялся Джан Мария с женщиной, послужившей причиной свалившихся на него бед, а монна Валентина просияла, окончательно убедившись, что ей не грозит ненавистный брак.

Гвидобальдо и несколько его сопровождающих покинули замок последними. Герцог попросил Франческо отвести его к племяннице. Франческо тут же повиновался.

Герцог холодно, но обнял-таки Валентину, что, учитывая недалекое прошлое, следовало воспринимать как знак доброй воли.

— Вы поедете со мной в Урбино, господин граф? — неожиданно спросил он Франческо. — Церемонию бракосочетания лучше всего совершить там. Тем более что все готово, хотя поначалу речь шла о другом жене.

Большой радостью сверкнули глаза Валентины, а щеки ее зарделись румянцем. Франческо устоял на герцога, не веря своему счастью.

— Ваша светлость не желает мне зла? — решился спросить он.

Гвидобальдо чуть нахмурился: все-таки Франческо обратился к нему с неподобающей дерзостью.

— Даю вам слово!

И Франческо, опустившись на колени, поцеловал руку герцога.

А потом они отбыли в Урбино на лошадях, оставленных в лагере Джан Марией. Первым ехал герцог, за ним — Франческо и Валентина, последними — Пеппе и фра Доминико, которые на фоне всеобщей любви, наверное, в первый раз не ссорились.

Так уж получилось, что Гвидобальдо в какой-то момент отстал, а Франческо и Валентина оказались чуть впереди остальных. Она повернулась к графу, смущенно потупилась, уголки ее алых губ задрожали.

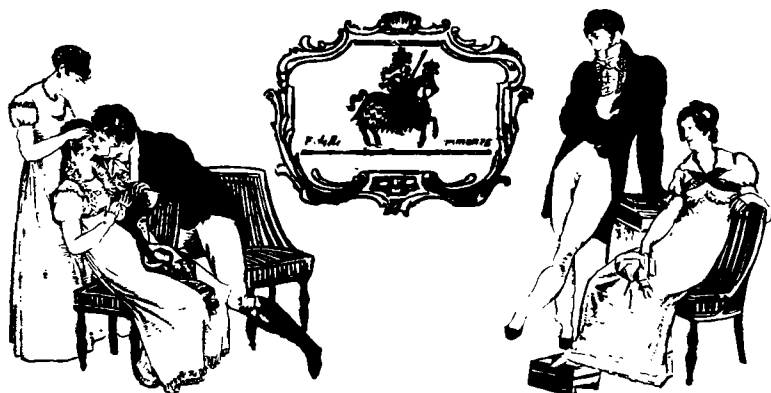
— Ты еще не сказал, что прощаешь меня, Франческо,— прошептала она.— Я хотела бы знать, так ли это? Ведь мы скоро поженимся.

ВЕНЕЦИАНСКАЯ МАСКА

Роман

Глава I

«БЕЛЫЙ КРЕСТ»

И утешественник в сером рединготе¹, назвавшийся Мелвиллом, упрекал богов за несправедливость. Казалось, они провели его невинным через сотню рискованных переделок лишь в насмешку, чтобы столкнуть в бездну в тот самый час, когда он наконец посчитал себя спасенным.

В уверенности, что, добравшись до Турина, он оставил все опасности позади, Мелвилл благодушно расслабился, поддавшись обманчивому спокойствию страны, где еще царил мир.

В сумерках майского вечера, покинув дорожную карету, путник угодил в ловушку.

В едва освещенном коридоре хозяин постоялого двора поторопился узнать о его пожеланиях. Приезжий отдавал распоряжения на безупречном итальянском:

— Лучшая комната, лучший ужин и лучшее вино, какое можно достать!

В интонациях его ровно и приятно звучащего голоса угадывались сила и энергия.

Роста он был выше среднего и ладно сложен. Его правильных черт лицо, которое хозяин едва различал в тени серой шляпы с конусообразной тульей и в обрамлении ниспадавших на воротник прядей черных волос, казалось худым, с прямым носом и слегка выступающим подбородком. Ему было не более тридцати лет.

Удобно расположившись в лучшей комнате наверху

в ожидании ужина, он отдыхал при свете свечей, а беда была уже рядом. О ней возвестил шум в коридоре — кто-то грубо отчитывал хозяина постоянного двора. Дверь комнаты Мелвила оставалась слегка приоткрытой, и до него отчетливо доносилась французская речь прибывшего. Не только содержание разговора, но и сам голос, показавшийся знакомым ему и пробудивший тревожные воспоминания, заставили англичанина нахмуриться.

— У почтмейстера нет лошадей! Мой Бог! Такое может случиться только в Италии! Но очень скоро мы наведем здесь порядок. Так или иначе, а я получу все, что мне необходимо! Я спешу! От моей быстроты зависят судьбы целых государств.

Ответом было лишь виноватое бормотание хозяина. И вновь зазвучал грубый, не допускающий возражения голос:

— Что?! Лошади будут только к утру? Что же, тогда своих лошадей мне уступит этот англичанин, а утром он возьмет наших. Я сам предупрежу его. В штабе Бонапарта я должен быть уже сегодня.

По лестнице гулко прогремели шаги, и голос ворвался в комнату Мелвила раньше, чем его обладатель:

— Сэр, настоятельная потребность оправдывает мое вторжение! Я еду по делу величайшей важности. Судьбы государств зависят от моей скорости! На этой станции до утра не будет лошадей. Однако ваши вполне годятся, а вы все равно остаетесь здесь на ночь. Поэтому...

Тут незванный гость осекся. Свои первые слова он произнес, не глядя на Мелвила, потому что закрывал за собой дверь. Теперь, при виде поднявшегося навстречу хозяина комнаты, он умолк на полуслове и побледнел. Темные глаза расширились в изумлении, которое постепенно сменялось ужасом.

Человек этот неподвижно стоял с четверть минуты. Он был приблизительно того же, что и Мелвил, роста и телосложения, с такими же черными волосами вокруг желтоватого, чисто выбритого лица. Как и Мелвил, одет он был в длинный старый редингот — обычная для путника одежда, — талию его опоясывал трехцветный пояс, а голову покрывала широкополая черная шляпа, загнутая спереди а-ля Генрих IV² и увенчанная трехцветным плюмажем и трехцветной же кокардой.

Гость постепенно пришел в себя. Его первый безотчетный ужас, словно от встречи с призраком, отступил перед более разумным выводом, что он столкнулся с одной

из шуток природы, породившей столь пугающее сходство хозяина комнаты с каким-то другим человеком.

Он и далее пребывал бы в этом заблуждении, если бы Мелвил не разуверил его.

— Какая встреча, Лебель! — воскликнул он, глядя на вошедшего холодными как лед глазами. — Поистине поразительная встреча!

Гражданин депутат Лебель тяжело задышал. Теперь не оставалось места иллюзиям о случайном сходстве.

— Так это вы, месье виконт³?! И во плоти! Клянусь честью, это даже забавно!

Он положил курьерскую сумку на мраморную крышку тумбочки рядом с конусообразной шляпой Мелвила, снял свою и водрузил ее поверх сумки. Пот бисером блестел на его лбу.

— Очень забавно, — повторил он. — Не каждый день выпадает честь беседовать с человеком, который уже был некогда гильотинирован⁴. Ведь вас гильотинировали — не так ли? — в Туре в девяносто третьем году.

— Согласно отчетам — да.

— О, эти отчеты я знаю.

— Естественно! Приложив столько усилий, чтобы осудить меня, вы не могли пренебречь проверкой исполнения приговора о моей казни. Только моя смерть обеспечила вам владение моими землями. Только такой приговор мог гарантировать, что вас не вышвырнут обратно в невозможную кучу, едва Франция вернется к здравому смыслу и справедливости.

Лебель безучастно слушал. Его лицо оставалось невозмутимым.

— По-видимому, я недостаточно хорошо проверил. Следовало самому довести столь важное дело до конца. Не так уж трудно подложить в корзину чужую голову вместо своей собственной. Интересно будет узнать, как вам удалось раздвоиться.

Мелвил усмехнулся:

— Кто же лучше вас может знать, сколь действенным средством оказались взятки среди руководителей вашей разложившейся республики, вашего царствования мерзавцев? Для вас, кто столько раз подкупал других и давал взятки, кто столько раз брал взятки сам, в моем спасении не может быть ничего удивительного.

Нахмурившись, Лебель принял важный вид.

— Меня удивляет, что человек в вашем положении разговаривает со мной таким дерзким тоном.

— Ничего удивительного, Лебель! Мы уже не во Франции. Французская Республика не в силах разделаться со мной во владениях короля Сардинии.

— Не в силах? — злобно усмехнулся Лебель. — Ваши надежды призрачны. Власть Французской Республики простирается дальше, чем вы полагаете. Пусть мы и не во Франции, но республика — хозяйка и здесь, как и во многих других местах. У нас достаточный гарнизон в Турине, чтобы следить за тем, как король Виктор соблюдает условия мирного соглашения, подписанного в Кераско⁵, и делать все, что нам будет угодно. Вы убедитесь, что комендант полностью подчиняется мне. Вы почувствуете силу Франции и здесь, ибо вас отправят обратно в Тур. Не сомневайтесь, мы исправим ту маленькую оплошность трехлетней давности.

Именно в эту минуту Мелвил и почувствовал жесткую насмешку богов. Этот человек, некогда служивший у его отца, был единственным членом французского правительства, лично знакомым ему и, несомненно, единственным, кому нужна была его смерть. Из миллионов живущих на свете французов именно Лебеля судьба направила в этот час на постоянный двор «Белый крест».

На мгновение Мелвила охватило отчаяние. Он полностью осознал неизбежность не только собственной гибели, но и провала той важной миссии, с которой мистер Питт⁶ направил его в Венецию, — миссии, затрагивающей судьбу всей европейской цивилизации, оказавшейся у края пропасти из-за быстро растущего влияния якобинцев за пределами Франции.

— Минуточку, Лебель!

Этот возглас остановил француза, едва он двинулся к двери. Он резко обернулся, но не на просьбу, а на быстрые шаги сзади. Правая рука депутата скользнула в карман редингота.

— Что еще? — прорычал он. — Говорить больше не о чем!

— Нам нужно еще кое-что обсудить.

Голос Мелвила сохранял удивительно ровный тон. Охватившая его тревога никак не проявилась внешне. Он быстро занял позицию между Лебелем и дверью.

— Вы не покинете этой комнаты, Лебель! Благодарю вас за предупреждение о ваших намерениях.

Лебель пренебрежительно усмехнулся.

— Я — адвокат и предпочитаю все свои дела вести в соответствии с законом и в надлежащей форме. Однако

если в этом мне препятствуют силой, я волен действовать по обстоятельствам. Итак, отойдите от двери и позвольте мне выйти.

Его рука медленно вылезла из кармана, сжимая рукоятку пистолета. Он действовал не спеша, его забавляла возможность насладиться зрелищем беспомощности врага перед дулом пистолета.

У Мелвила не было оружия. Но англичанином он был не только по имени. Прежде чем дуло медленно появляющегося пистолета задело край кармана, сжатый кулак с треском обрушился в челюсть противника. Опрокинутый сокрушительным ударом, Лебель растянулся во весь рост.

Мелвил медленно и осторожно двинулся вперед и подобрал пистолет, выпавший из руки гражданина депутата.

— Думаю, теперь ты не скоро вызовешь коменданта,— пробормотал он.— По крайней мере, до тех пор, пока я не выберусь из Турина.

Он презрительно коснулся носком лежавшего.

— Вставай, каналья!

В то же мгновение он обратил внимание на полную неподвижность тела. Приглядевшись внимательнее, заметил на полу расплывшуюся лужицу крови. Его взгляд упал на острие опрокинувшейся железной подставки для дров. Оно было темно-красным. Очевидно, при падении Лебель ударился о него головой и пробил себе череп.

Затаив дыхание, Мелвил опустился на колено и засунул руку под одежду на груди поверженного, надеясь уловить биение сердца. Противник был мертв.

Мелвил поднялся, дрожа и чувствуя подкатывающую к горлу тошноту. На минуту шок от сознания этого непреднамеренного убийства оглушил его. Затем физическая слабость сменилась полной растерянностью. В любую минуту мог войти хозяин или кто-нибудь еще и застать его возле тела человека, обладавшего неоспоримым авторитетом для французов, которые пусть неофициально, но хозяйничали в Турине. После случившегося он, конечно, предстанет перед французским комендантом в положении ничуть не лучшем, чем если бы был арестован им по приказу Лебеля. Не существовало оправдания, которое могло бы спасти ему жизнь. Следствие по установлению его личности, если французы вообще будут себя этим утруждать, лишь предоставит доказательства преднамеренного убийства.

Оставалось одно — немедленно бежать, но даже в этом случае шансов было слишком мало. Он мог сказать хо-

зяину, что решил продолжить свою поездку этой же ночью, и потребовать дорожную карету. Но пока будет готов форейтор⁷, пока будут запрягать лошадей, неизбежно кто-нибудь войдет к нему в комнату. Да и само решение о внезапном отъезде обязательно вызовет подозрения. Но иного выбора не было.

Мелвил бросился к двери. С порога, протянув руку за шляпой, он с ужасом напоследок окинул взглядом неподвижное тело у камина.

Он вышел, закрыв за собой дверь до щелчка задвижки, прогремел по ступенькам вниз, на ходу вызывая хозяина голосом, резкость которого удивила его самого. К тому же, в смятении Мелвил продолжал говорить по-французски.

Хозяин появился, когда Мелвил был уже у подножия лестницы.

— Да, гражданин депутат,— произнес хозяин, подойдя на пару шагов и кланяясь с величайшим почтением.— Надеюсь, английский джентльмен согласился уступить вам лошадей?

Мелвил был ошеломлен.

— Э-э... уступить мне?

Хозяин кивнул головой. Мелвил вдруг увидел свое отражение в зеркале на стене и сразу все понял. На нем была широкополая шляпа Лебеля, вздернутая а-ля Генрих IV и украшенная пышным трехцветным плюмажем и трехцветной кокардой. Угадав в этой ошибке возможный путь к спасению, Мелвил приободрился и ответил:

— Ах, да! Да!

Глава II

ПОЛНОМОЧИЯ ДЕПУТАТА

Мелвил мгновенно все оценил. Он был того же роста и телосложения, что и Лебель. На нем был такой же серый редингот, а хозяин, по-видимому, не заметил отсутствия депутатского пояса. Оба — он и Лебель — приехали поздно ночью, их видели очень мало, причем в плохо освещенном коридоре. Самым характерным и весьма заметным отличием между ними была увенчанная плюмажем шляпа депутата. Но теперь она красовалась на Мелвиле. Кроме того, если по приезде Мелвил говорил по-итальянски, то теперь он перешел на

французский. Поэтому, даже не видя зовущего, хозяин не сомневался, что его требует депутат

Мелвил тотчас сообразил, как наилучшим образом можно использовать ошибку хозяина. Но оставалась опасность, что кто-нибудь войдет в его комнату, пока он ожидает карету.

Ему необходимо было помешать этому и выиграть время, чтобы рассчитать следующий шаг. Поэтому прежде всего он приказал:

— Распорядитесь запрягать лошадей и приготовиться форейтору. Я скоро спущусь. Но сначала мы с английским путешественником займемся важным делом. Нас нельзя беспокоить ни в коем случае. Вы поняли? — спросил он, возвращаясь к лестнице.

— О, вполне!

— Хорошо.

Мелвил уже поднялся по лестнице, когда появился официант и сообщил хозяину, что ужин для постояльца из комнаты наверху готов. При этих словах Мелвил остановился.

— Ужин подождет! — безапелляционно объявил он, подражая Лебелю. — Ужин подождет, пока мы сами не позовем.

Оказавшись у себя и заперев дверь, Мелвил стал хладнокровно рассматривать распростертое у его ног тело. Теперь он знал, что ему делать. А как это осуществить, подскажут, по-видимому, бумаги из курьерской сумки депутата.

Он начал с переодевания. Снял депутатский пояс с талии Лебеля и надел на себя. Затем надвинул большую шляпу с плюмажем на лоб — так, чтобы лицо было скрыто полями. Изучив свое отражение в зеркале, он решил, что этого достаточно. Мелвил действовал быстро и с удивительным спокойствием. Недрогнувшей рукой он исследовал карманы Лебеля. Там оказалась пачка свежотпечатанных ассигнаций и горсть серебра, карманный нож, носовой платок, связка из четырех ключей на шелковом шнурке и паспорт на листе разлинованной бумаги.

Затем он вывернул свои карманы и из их содержимого выбрал паспорт, тетрадь, помятые ассигнации и мелочь, карманный нож и серебряную табакерку с выгравированной монограммой М.А.В.М., которая соответствовала имени в паспорте. Эти предметы он переложил в карманы Лебеля.

Себе же Мелвил оставил все, что забрал у Лебеля,

и, положив связку ключей на стол, развернул разлинованный лист паспорта. Взор его вспыхнул новой надеждой, едва он прочитал первые строки документа.

Паспорт был утвержден Баррасом⁸ и скреплен подписью Карно⁹. Документ извещал о том, что гражданин Камиль Лебель, член Совета пятисот¹⁰, едет в качестве уполномоченного представителя Директории¹¹ Французской Республики, единой и неделимой, с государственной миссией. Он предписывал всем подданным Французской Республики оказывать представителю помощь, когда это требуется. Документ предупреждал всякого, кто вздумает препятствовать депутату, что такие действия ставят под угрозу его собственную жизнь. Он требовал от всех должностных лиц, независимо от ранга или звания, гражданских и военных, предоставлять в распоряжение Лебеля любые средства, имеющиеся в их ведении.

Это был не просто паспорт. Это был мандат, и, по видимому, столь же грозный, как и все, что исходило от Директории. Он продемонстрировал Мелвилу, каких вершин сумел достичь негодяй. Человек, которому вверялись такие полномочия, вскоре должен был стать Директором.

Прилагалось описание предъявителя: рост 1,75 метра (что отличалось от роста Мелвила всего на пару сантиметров), телосложение стройное, осанка прямая, лицо худое, черты правильные, цвет лица бледный, рот широкий, зубы крепкие и белые, брови черные, волосы черные и густые, глаза черные, особых примет нет.

Из перечисленных признаков внешности у Мелвила не соответствовал лишь цвет глаз — серьезное препятствие, и он не мог придумать, как слово «*noirs*»^{*} изменить на «*gris*»^{**}, не оставив при этом явных следов подделки. И все-таки решение удалось найти. Письменные принадлежности лежали на столе. Чернила были подсохшие и более темного оттенка, чем чернила на документе. Мелвил разбавлял их водой из графина, добавляя каплю за каплей, пока не добился своего. Затем он выбрал перо, проверил его, заточил, проверил вновь и попробовал на отдельном листе бумаги. Окончательно удовлетворенный, он уверенно взялся за паспорт. Было просто удлинить первую черточку в «*n*» — так получилось «*r*». Потом он присоединил крючок к «*o*» — так получилась «*a*». Прибавив над ней «птичку»,

* *Noirs* — черные (фр.).

** *Gris* — серые (фр.).

он двинулся дальше и соединил точку с самой буквой, превратив «i» в «l». Затем маленький завиток в букве «г» сделал ее похожей на «е». И наконец, буква «s» оставалась без исправлений. Он дал чернилам высохнуть и проверил. Подделку можно было обнаружить лишь с помощью увеличительного стекла, но для невооруженного глаза «poirs» безупречно трансформировалась в «pales»^{*} — изящный компромисс, придуманный Мелвиллом.

Он действовал без излишней суеты и потому потратил не много времени. Закончив с паспортом, Мелвил открыл курьерскую сумку Лебеля. Один из первых же просмотренных им документов свидетельствовал о том, что Лебель был ставленником Барраса, направленным для осуществления надзора за Бонапартом, — чтобы воспрепятствовать склонности молодого генерала идти наперекор Директории и постоянно напоминать ему, что именно правительству в Париже он должен подчиняться и перед ним, в конечном счете, нести ответственность.

Мелвил сложил бумаги обратно и запер сумку.

Он в последний раз медленно обвел взглядом комнату. Удовлетворенный, пододвинул к себе лист бумаги, взял перо, обмакнул его и быстро написал:

«Гражданин! Я требую, чтобы вы явились ко мне на постоянный двор «Белый крест» без малейшего промедления — дело государственного значения».

Он быстро подписал письмо именем Лебеля и прибавил ниже: «Уполномоченный депутат».

Затем сложил бумагу и надписал адрес: «Коменданту французского гарнизона в Турине».

Выйдя на лестничную площадку, Мелвил, подражая французам, грубым и властным тоном вызвал хозяина. Приказав отправить письмо сию же минуту, он вернулся и вновь закрылся в комнате, но на сей раз не позаботился запереть дверь.

Прошло целых полчаса, прежде чем голоса, тяжелая поступь на лестнице и звон сабли известили о прибытии коменданта.

Офицер — высокий, сухопарый, мускулистый мужчина лет сорока — с присущей ему надменностью и самоуверенностью, раздраженный требовательным тоном полученного письма, широко распахнул дверь и вошел без доклада. С порога он увидел тело у камина. Затем его взгляд

^{*} Pales — бледные, бесцветные (фр.).

обратился к человеку, который сидел за столом с пером в руке, равнодушно углубившись в какие-то документы, словно мертвецы каждый день составляли ему компанию.

Гневно сверкающие глаза военного встретили холодный отпор в глазах человека с пером. В качестве приветствия прозвучал раздраженный урек:

— Вы заставляете себя ждать!

Офицер ответил с чувством собственного достоинства:

— Я не собираюсь бежать по первому свистку! —

И с солдатской прямоотой, режущей слух политика, он добавил: — Даже если речь идет о депутате.

— Вот как! — Мелвил взмахнул пером. — Будьте любезны, ваше имя?

Вопрос прозвучал столь резко, что комендант, тоже имевший немало вопросов, ответил почти непроизвольно:

— Полковник Лескюр, комендант гарнизона в Турине.

Мелвил записал и посмотрел, словно ожидая чего-то еще. Поскольку продолжения не последовало, он заговорил сам:

— Надеюсь, вы всецело в моем распоряжении?

— В вашем распоряжении? Позвольте! Положим, сначала вы расскажете мне, что все это значит. Этот человек мертв?

— У вас есть глаза? Тогда смотрите внимательнее. А означает это лишь одно: произошел несчастный случай.

— О! Несчастный случай! Как просто, не так ли? Всего лишь случай.

В голосе прозвучала издевка. Позади него промелькнуло белое от страха лицо хозяина.

— Ладно, возможно, не совсем случай, — согласился Мелвил.

Полковник прошел вперед и наклонился над телом. Усмехнувшись, он оглянулся:

— Не совсем?

Комендант резко выпрямился и повернулся.

— Полагаю, этим делом должна заняться полиция: этого человека убили. Предлагаю вам рассказать правду о происшедшем.

— Зачем я тогда послал за вами, как вы полагаете? И не повышайте на меня голос. Я этого не люблю. С этим человеком я встретился здесь случайно. Мне показались подозрительными его вид и поведение. Во-первых, он — англичанин, а нынче сам Бог не найдет француза, который придерживался бы хорошего мнения о ком-нибудь из этой вероломной расы. Англичанин в Турине или еще где-либо

в Италии неизбежно вызывает подозрения. Я безрассудно изъявил намерение послать за вами, чтобы он лично вам представил надлежащий отчет. В ответ он направил на меня пистолет. Вот он, на полу. Я ударил его. Он упал и по воле Провидения ударился головой о подставку для дров, на которой вы видите кровь. Вот что я могу рассказать вам, полковник. Теперь вы знаете всё об этом происшествии.

— О, я знаю? — иронично усмехнулся комендант. — А кто подтвердит вашу занимательную басню?

— Если бы вы не были глупцом, то все доказательства обнаружили бы сами. Кровь на каминной подставке, характерные раны, поза, в которой он лежит, — тело не трогали после падения. У него должны быть бумаги, которые скажут, что он — англичанин по имени Марк Мелвил. Я знаю об этом, ибо он показывал их по моему требованию. Вы найдете их у него в кармане, и вам следует внимательно ознакомиться с ними. К тому же советую вам взглянуть и на мои, — и он протянул разливанный лист.

Комендант выхватил паспорт из рук Мелвила, и, едва он прочитал грозные строки о полномочиях, которые могли предоставить все средства государства в распоряжение депутата, его поведение изменилось. Глаза полковника округлились, румянец сполз с его щек.

— Но... Но, гражданин депутат, почему... почему вы не сказали мне сразу?

— Вы не спрашивали. Вы, кажется, пренебрегаете должной формой. Знаете ли, полковник Лескюр, вы не вызываете у меня расположения. У меня будет возможность упомянуть об этом при генерале Бонапарте.

Полковник испугался.

— Но ради всего святого! Не зная, кто вы такой... В деле с чужеземцем... естественно...

— Довольно!

Мелвил взял свой паспорт и встал.

— Вы уже отняли у меня слишком много времени. Я не забуду, что мне пришлось полчаса ждать вашего приезда.

Полковник покрылся испариной.

— Я не представлял себе безотлагательности дела.

— Это было указано в моей записке к вам. Я даже упомянул, что речь идет о деле государственной важности. Для усердного офицера этого достаточно. Более чем достаточно!

Он начал укладывать документы в курьерскую сумку и продолжил холодным, непреклонным тоном:

— Теперь вам известны факты об этом происшествии. Срочность и важность дел не позволяют мне задерживаться ради оказания помощи местным властям в расследовании гибели этого человека. Я спешу в штаб генерала Бонапарта. Надеюсь, вы сами разберетесь.

— Конечно! Конечно, гражданин депутат! Зачем вам беспокоиться?

— В самом деле, зачем?

По-прежнему неумолимый, он запер курьерскую сумку и обратился к трепещущему хозяину:

— Карета готова?

— Она ждет уже полчаса, господин.

— Тогда укажите дорогу Доброй ночи, гражданин полковник!

Но на пороге комендант остановил его.

— Гражданин депутат! Надеюсь, вы не будете суровы к храброму солдату. Если... Если генерал Бонапарт...

Светлые и строгие глаза сверкнули в ответ. Затем холодная, снисходительная усмешка слегка тронула черты гражданина депутата. Он пожал плечами.

— Конечно!

Глава III

КУРЬЕРСКАЯ СУМКА

Настоящее имя человека, покинувшего ночью Турин в трясущейся карете, было Марк Антуан Вильерс де Меллевиль, виконт де Сол.

По манерам и внешности он в равной степени являл собой француза и англичанина, что полностью соответствовало его имени и происхождению. Кроме того, Марк Антуан был владельцем крупных поместий как в Англии, так и во Франции.

Английские владения в Эйвонфорде перешли к нему от бабушки леди Констанции Вильерс, в свое время считавшейся украшением двора королевы Анны¹². Она вышла замуж за блестящего кавалера Грегуара де Меллевиля, виконта де Сола, французского посла при Сент-Джеймском дворе. Их старший сын, Гастон де Меллевиль, еще больше разбавил французскую кровь своего дома браком с англичанкой. Будучи наполовину англичанином, а на-

половину французом, он делил свое время между отцовскими владениями в Соле и наследством от матери в Эйвонфорде. Именно в Эйвонфорде родился Марк Антуан — англичанин еще в большей степени, чем его отец. Когда беспорядки во Франции стали угрожающими, отъезд Гастона де Меллевиля в Англию определенно расценивался как эмиграция.

Он передал дела в руки своего управляющего Камиля Лебеля — молодого адвоката, получившего образование под его личным попечением. Со спокойной душой Гастон де Меллеville оставил его распоряжаться своими владениями в Соле.

Но после смерти отца Марк Антуан опять пересек Ла-Манш, чтобы привести в порядок дела в Соле.

Его владения, как и все владения большинства эмигрировавших дворян, были конфискованы государством и переданы народу. Однако их за бесценку приобрел Камиль Лебель на деньги де Меллевиля, которые ему доверили как управляющему имением. Сомнения не посетили душу Марка Антуана даже после того, как он узнал, что Лебель стал в Туре весьма влиятельным республиканцем — председателем Революционного Трибунала. Он счел это прикрытием, к которому пришлось прибегнуть верному слуге ради наилучшего исполнения обязанностей управляющего. Прозрение пришло, лишь когда, обвиненный и арестованный именно Лебелем, он был приговорен к смертной казни.

Однако перед другими осужденными Франции Марк Антуан имел большое преимущество: у него оставалось огромное состояние в Англии. Поняв, насколько продажными были все эти временщики нового режима, каких масштабов достигло здесь взяточничество, он нанял адвоката и уговорил его вовлечь в сделку местного прокурора¹³. Лебель после вынесения приговора посчитал дело законченным и уехал заниматься «своим» хозяйством в Соле. Марк Антуан дал сообщникам расписку на несколько тысяч фунтов золотом, и его имя было внесено в список казенных. Сам же он тайно исчез из тюрьмы и получил паспорт, позволивший ему благополучно пересечь Ла-Манш.

До той случайной встречи ночью на постоялом дворе «Белый крест» в Турине Лебель был уверен, что наследного владельца поместий в Соле больше не существует и что никто не потребует их возврата в случае реставрации монархии.

А Марк Антуан также не предполагал, что эта встреча,

которую он сначала считал катастрофой, так повлияет на его дальнейшую судьбу. Бежав из Турина, к полуночи он приехал в Кресцентино и, поскольку форейтор сказал, что лошадям необходимо дать отдых, нашел приют в запущенном доме, принадлежавшем почтмейстеру. Несмотря на позднее время и усталость, Марк Антуан при свете двух сальных свечей занялся обстоятельным изучением бумаг депутата. Теперь ему стала ясна главная цель миссии Лебеля: он ехал в Венецию.

После поездки во Францию Марк Антуан оценил создавшееся там положение и мог сообщить предусмотрительному правительству короля Георга сведения из первых рук. Авторитет его общественного положения, обстоятельность и точность высказываний и проницательность ума привлекли к нему внимание мистера Питта. Министр не раз посылал за ним, когда известия с другого берега Ла-Манша тревожили его больше обычного и требовали совета человека, хорошо разбиравшегося в делах Франции.

Весной 1796 года, когда личные дела виконта призвали его в Венецию, мистер Питт оказал ему доверие, предложив выполнить поручение, которому британское правительство придавало огромное значение.

Успехи итальянской кампании Бонапарта внушали министру серьезные опасения не только своей неожиданностью, но и поистине сокрушительными поражениями союзников. Кто бы мог предположить, что какой-то юнец, не имеющий опыта руководства армией, сопровождаемый оборванной, изнуренной толпой, явно уступающей противнику в количестве и в вооружении, сможет успешно противостоять Пьемонтской коалиции с закаленной армией Австрийской империи под командованием опытных генералов? Это были события столь же тревожные, сколь и фантастические. Если молодой корсиканец продолжит кампанию в том же духе, то результатом может стать избавление Французской Республики от банкротства, на грани которого, к удовольствию мистера Питта, она сейчас оказалась. После этих побед не только истощенная французская казна вновь пополнилась за счет военных трофеев, но, что не менее важно, и восстанавливалось пошатнувшееся было доверие народа к своим правителям, и крепла решимость продолжить борьбу.

Республиканское движение разворачивалось с новой силой и теперь представляло серьезную угрозу всей Европе и всему тому, что европейская цивилизация считала

неприкосновенным, неотъемлемым и необходимым для своего процветания.

С самого начала Уильям Питт кропотливо трудился над созданием коалиции европейских государств, которая встала бы прочной преградой на пути удачливого полководца. Выход Испании из этого альянса был для него первой серьезной неудачей¹⁴, а быстрые победы Итальянской¹⁵ армий под командованием Бонапарта, закончившиеся перемирием в Кераско, вызвали сильнейшую тревогу у Англии. Не имело смысла уповать на то, что успехи молодого корсиканца, поставленного во главе Итальянской армии в результате закулисных операций партии Барраса, объясняются лишь любезностью фортуны. Налицо был военный гений, и, если Европа хотела избежать смертельной чумы якобизма, необходимо было бросить на чашу весов все имеющиеся силы.

Невооруженный нейтралитет, провозглашенный Венецией, следовало отменить. Свежие войска, которые она могла собрать — пусть даже более грозные, чем те, что Бонапарт уже разгромил, — могли показаться недостаточными. Венеция, хотя и утратила былую силу и славу, еще была способна выставить армию в шестьдесят тысяч человек. Поэтому Венецию необходимо было убедить отказаться от нейтралитета. До сей поры она встречала все предложения выступить против поработителей Италии с презрением: силы, уже выставленные против французов, вполне достаточны. Теперь, когда события доказали ошибочность такого довода, Венеции не следовало больше медлить, она должна была объединиться — хотя бы из чувства самосохранения — с теми, кто с оружием в руках противостоял общей опасности.

В этом и заключалась миссия Марка Антуана Вильерса де Меллевиля, виконта де Сола. Существовавшие в Венеции законы запрещали любые частные контакты между официальным послом и дожем или кем-нибудь из членов сената¹⁶. В сущности, виконт ехал как тайный чрезвычайный посланник, располагающий возможностями, каких не было у официально аккредитованного посла. А в дальнейшем, когда Бонапарт нанес сокрушительное поражение войскам Австрии под Лоди¹⁷, неофициальные контакты с руководителями Венеции стали просто необходимыми.

У Лебеля, как было видно из бумаг, изучаемых с большим интересом Марком Антуаном, была та же конечная цель, и ехал он в Венецию прежде всего в качестве представителя французских интересов.

Подробные инструкции, составленные лично Баррасом, подтверждали полное доверие к Лебелю, о полномочиях которого было уже сказано.

Первое поручение, данное Лебелю, касалось Бонапарта, которому следовало прекратить сумасбродничать. Баррас понимал, что своими успехами Бонапарт обязан таланту. И если Бонапарт проявил бы излишнюю самонадеянность, Лебелю следовало напомнить ему, что рука, поднявшая его, может с такой же легкостью и отбросить.

Подробнейшие инструкции были посвящены планам дальнейших действий в ходе итальянской кампании, но они почти не затрагивали Венецию. Баррас лишь указывал, что Венеция колеблется даже не в выборе между вооруженным и невооруженным нейтралитетом, но между нейтралитетом и враждебностью. Следовало оказать на нее давление. По утверждению Директора, в этом повинен Питт — воплощение вероломства и лицемерия. Политический просчет мог бы теперь толкнуть Венецию в объятия Австрии, а последствия такого шага будут весьма печальными для Итальянской армии Бонапарта.

Задача Лебеля состояла в том, чтобы убедить Бонапарта постоянно заверять венецианцев в любви и дружбе Франции, пока австрийское сопротивление не будет сломлено настолько, что альянс Австрии и Венеции не поможет уже ни одной из них. Тогда-то и настанет время расправиться с Венецией...

Далее Баррас предписывал Лебелю направиться из штаба Бонапарта в Милане в Венецию, где главной его задачей была тщательная организация революционной пропаганды.

«Короче говоря,— заканчивал Баррас это пространное наставление,— вы устройте так, чтобы Венецию можно было задушить во сне. Ваша первейшая задача в том, чтобы усыпить Светлейшую и следить, чтобы никто не потревожил ее сна до поры до времени».

Из незапечатанного письма Барраса послу Лальману, которое представляло подателя и подтверждало его полномочия, данные Директорией, следовало, что Лальман и Лебель не были знакомы лично. Это было на руку Марку Антуану...

Уже занимался день и догорали свечи, когда Марк Антуан с лихорадочным румянцем и блеском в глазах вскочил с постели. Теперь не до сна — надо было обдумать открывшиеся перед ним перспективы.

ПОСОЛ ФРАНЦИИ

Марк Антуан впервые увидел удивительнейший из городов мира в сияющем великолепии майского утра. Он приехал на лодке из Местре¹⁸, где провел ночь, и издалека, едва они приблизились к Каннаредджо¹⁹, ему показалось, что перед глазами предстал не город, а коллекция сокровищ из золота и мрамора, коралла, порфира и слоновой кости. Черная гондола Марка Антуана направилась от Каннаредджо к Большому каналу и плавно заскользила среди великолепных дворцов, где в пышной красоте, так поразившей северянина, соединилось искусство Востока и Запада. Да и как было не залюбоваться изумительным романским чудом Ка д'Оро²⁰ и величественной аркой моста Риальто²¹ со множеством лавок и всем многообразием красок и жизни.

Гондола, скользившая, словно лебедь, по водной глади, прокладывала себе путь по каналу мимо Эберии — Зеленого рынка, где было шумно и где люди толпились у прилавков, заваленных плодами и цветами. Затем лодка плавно свернула в тихий, узкий канал Беккарие, приведший наконец к омываемым водой ступеням гостиницы «Шпаги», о чем извещала вывеска с изображенными на ней скрещенными шпагами.

Марк Антуан вышел на мостовую и предоставил себя и багаж заботам маленького румяного хозяина Баттисты, с жаром приглашавшего его в свою гостиницу на венецианском диалекте. Для Марка Антуана эта речь звучала смесью плохого французского с плохим итальянским.

Гостя разместили в просторном прохладном салоне бельэтажа, предоставляемом избранным гостям, с каменным полом и безвкусно украшенным фресками потолком, где невероятно толстые купидоны буйствовали в невероятно цветистом растительном царстве. Спальня с широкой кроватью под пологом довершала интерьер его нового жилища.

Переезд из Турина Марк Антуан проделал за два дня. Ему очень повезло, ибо его могли задержать передвижения разгромленных западнее Минчо австрийских войск. Однако он избежал встречи с ними и достиг Местре, не подвергаясь досмотрам. Теперь же при виде праздности, мира и спокойствия Венеции ему трудно было поверить, что ужасы войны происходят ближе, чем в тысяче миль

отсюда. Пока парикмахер приводил в порядок его пышные волосы, веселые голоса с канала не раз врывались в его окна. Под аккомпанемент скрипа весел и плеска воды слышались обрывки песен, словно подчеркивая беспечность обитателей лагун.

Согласно взятой им на себя роли убитого Лебеля, Марку Антуану следовало немедленно отправиться в Милан, куда Бонапарт совершил триумфальный въезд и где он разместил свой штаб. Но Марк Антуан решил уклониться от рискованной поездки и ограничился письмом французскому главнокомандующему. Таким образом он рассчитывал создать у Барраса иллюзию того, что задание, связанное с Бонапартом, исполнено.

Прошло около трех часов с его приезда, когда, позаботившись о туалете и о своих блестящих черных волосах, аккуратно уложенных и причесанных, но не напудренных, он спустился на набережную и окликнул гондолу, чтобы добраться до французской дипломатической миссии.

Удобно расположившись под навесом фелцы²², Марк Антуан поплыл на запад по Большому каналу, где с приближением полудня движение оживилось, а затем по сети мелких каналов, утонувших в тени высоких дворцов, — на север, к подножию церкви Мадонны дель Орто. Сойдя на набережную, он прошел узкой аллеей к небольшой площади, в центре которой застыла в бронзе четверка лошадей. Здесь, в довольно скромном для Венеции здании, располагалась резиденция посла Франции.

Гражданин посол Лальман работал в большой комнате на первом этаже, где он устроил свою канцелярию. Его отвлек Жакоб — средних лет, не по моде одетый проворный секретарь — еврей, который никак не мог забыть, что во время междувластия три года назад он сам был поверенным в делах Франции.

Жакоб протянул послу сложенную записку, которую он получил от швейцара Филиппа.

Лальман оторвал взгляд от бумаг. Это был цветущий мужчина с полным и благодушным лицом, словно груша, расширяющимся книзу. Вялость его двойного подбородка не вязалась с тонкой проницательностью умных, совершенно черных глаз, ярко выделявшихся на его бледном лице.

Он развернул записку и прочитал вслух:

— «Камиль Лебель, уполномоченный депутат, испрашивает аудиенции».

Посол с минутой размышлял. Затем пожал плечами:

— Пригласите его!

Когда депутат предстал перед ним, Лальман увидел мужчину среднего роста, с приятным лицом, худощавого, но широкоплечего, одетого в элегантный длинный черный фрак. Посетитель вошел с видом значительным и властным.

— Добро пожаловать, гражданин Лебель! Мы ждали вашего приезда со времени последней почты от гражданина Директора Барраса.

Вошедший нахмурился.

— Мы? — отозвался он. — Вы сказали «мы»? Можно узнать, кого вы под этим местоимением подразумеваете?

Лальман был ошеломлен жестким тоном и холодным, тяжелым взглядом этих светлых глаз, в котором он читал недовольство. Это на мгновение повергло его в замешательство.

— Мы? О! Я использовал это местоимение как форму выражения. Пока никто не посвящен мною в тайну вашего приезда.

— Вы обязаны строжайшим образом следить, чтобы никто этого и не узнал, — последовал сухой приказ. — В мои намерения не входит оказаться в одном из живописных каналов Венеции со стилетом в спине.

— Я уверен, что вам не придется опасаться этого.

— Я ничего не боюсь, гражданин посол. Просто это не входит в мои планы.

Мелвил-Лебель оглядел комнату, взял стул, придвинул его к письменному столу посла и сел.

— Не хотел бы заставлять вас стоять, — сказал он, ясно показывая тоном и всем своим видом, что считает себя здесь хозяином. — Если вы ознакомитесь с этим, вам станут понятны наши взаимоотношения.

С этими словами он положил на стол письмо Барраса, которое удостоверяло его огромные полномочия. Но это не уменьшило раздражения, вызванного у Лальмана бестактным поведением гостя.

— Честно говоря, я не совсем понимаю, что вы собираетесь сделать здесь такого, чего не смог бы сделать я. Если вы...

Его прервал стук внезапно распахнувшейся двери. В комнату стремительно ворвался румяный молодой человек, на ходу говоря:

— Господин посол, позвольте узнать, могу ли я... — он запнулся при виде гостя своего патрона. — Я... извините... О, я зайду позже...

Однако он продолжал топтаться в нерешительности, внимательно изучая посетителя.

— Раз уж вы здесь, говорите, Доменико.

— Я бы не вошел, не спросив разрешения, если бы знал...

— Да, да. Вы это уже говорили. Итак?

— Я хотел узнать, не позволите вы мне взять Жана с собой в церковь Сан-Джованни. Я собираюсь...

Лальман оборвал его:

— Конечно, вы можете взять его! Нет необходимости вламываться ко мне из-за этого.

— Но, видите ли, мадам Лальман нет дома, и...

— О, да, да. Я сказал, что вы можете взять его. К черту ваши объяснения! Вы же видите, что я занят. Ступайте!

Бормоча извинения, молодой человек попятился, но его глаза по-прежнему тщательно изучали посетителя.

Когда наконец дверь за ним закрылась, губы Лальмана сложились в легкую насмешливую улыбку. Он кивнул через плечо на открытую дверь, за которой виднелась маленькая комната.

— Перед этим вторжением я как раз хотел предложить вам пройти со мной туда. Вы напрасно поспешили устроиться здесь, друг мой.

Он вышел из-за стола и с мнимой почтительностью указал рукой в направлении открытой двери.

— Как вам угодно,— уступил озадаченный гость.

Лальман так и оставил дверь открытой, чтобы из внутренней комнаты видеть, что происходит в большой. Он предложил стул и объяснил:

— Здесь мы укроемся от возможных подслушивателей. Не в моих правилах беседовать на важные темы в той комнате. Этот приятный молодой человек, столь невинно заботившийся о том, чтобы взять на прогулку моего сына,— шпион, подсланный в мой дом Советом десяти²³. Сегодня же ночью сообщение о вашем визите и описание вашей внешности будут представлены государственным инквизиторам²⁴.

— И вы предоставили свободу действий в своем доме?

— Я использую его в своих интересах. Он выполняет мои поручения, занимает сына. Он любезен с моей женой и часто сопровождает ее, когда она куда-нибудь отправляется. Кроме того, узнав о его истинных целях, я взял

его себе в поверенные и теперь под видом политических секретов сообщая ему то, о чем хотел бы поставить в известность государственных инквизиторов.

— Ясно,— сказал Марк Антуан, изменив свое первое впечатление об этом флегматичном на вид человеке.— Ясно!

— Думаю, вы все поняли. Поверьте, он не узнал здесь ничего полезного для своих хозяев.— Лальман сел.— А теперь, гражданин депутат, я к вашим услугам.

Лже-Лебель приступил к разъяснению своей миссии. Начал он с поздравлений всем французам и себе самому по поводу славных побед, которые сопутствовали французской доблести и французской армии,— побед, которые сами по себе упрощали выполнение возложенной на него задачи. Но есть еще немало трудностей.

— Австрия располагает значительными силами и, несомненно, не преминет использовать их, чтобы вновь укрепиться в Ломбардии. Против Франции уже выставлены превосходящие численностью войска, нельзя допустить их усиления и за счет Венеции. Чего бы это ни стоило, Венеция должна строго придерживаться своего невооруженного нейтралитета.

— Конечно, если она не вступит в союз с нами против Австрии,— перебил Лальман.

Холодные глаза приезжего впились в посла.

— Это нелепо!

— Не для генерала Бонапарта.

— Генерал Бонапарт? При чем здесь генерал Бонапарт?

Лицо Лальмана вновь озарила слабая улыбка.

— Именно такое заявление он поручил мне сделать перед Коллегией.

— С каких пор военные вмешиваются в дела политиков? — надменно проговорил депутат.— Мне казалось, что генерал Бонапарт командует войсками на поле боя. Позвольте мне спросить вас, гражданин посол, как вы поступите с этим предложением?

— Что же... Честно говоря, это вполне совпадает с нашими интересами.

Депутат вскочил на ноги. Тон его стал резким.

— Понятно. Итак, гражданин Лальман, официальный представитель французского правительства, предпочитает подчиняться приказам боевого генерала! Поистине, я приехал очень вовремя.

Лальман ничем не выдал своего раздражения.

— Почему бы не исполнить приказ, который, как я полагаю, выражает интересы Франции?

— Повторяю, я приехал очень своевременно. Союз накладывает обязательства, которые из чести или из уважения к праву не могут быть нарушены. Франция имеет совершенно определенное представление о будущем Венеции. Венеция должна быть избавлена от своего правительства. Наша святая цель — осветить всю Европу факелом свободы и разума. Нам ли создавать союз с правительством, которое мы собираемся свергнуть? Наше дело — главное дело, ради которого я здесь, — проследить, чтобы Венеция твердо придерживалась своего невооруженного нейтралитета, пока не настанет время повергнуть ее в пыль. Вы должны помнить об этом, гражданин посол.

Лальман взглянул на него с неприязнью и недовольно пожал плечами.

— Раз уж Директория для этого прислала вас, то вам и решать. Что прикажете ответить Бонапарту?

— Скажите, что передали это дело на мое усмотрение. Я обойдусь без его инициатив!

— Обойдетесь?! Ха! Интересно, знаете ли вы этого человека?

— Я знаю, какой позиции он придерживается. Если он рискнет переступить черту, я знаю, как одернуть его.

— Похоже, вы — оптимист. Человека, который выиграл за последние два месяца с истрепанной армией выиграть сражения против хорошо обученных и отлично экипированных войск, имеющих двойное численное превосходство, — такого человека нелегко сдержать.

— Я вовсе не хочу умалять его заслуги как полководца. Но надо сохранять чувство меры, когда говорят о гениальности этого молодого человека.

Лальман расплылся в широкой улыбке.

— Рассказать вам кое-что о нем? Я знаю это лично от Бертье. Когда маленький корсиканец приехал в Ниццу принимать командование армией, чего добился для него Баррас, генералы пришли в ярость от того, что командовать ими будет мальчишка двадцати семи лет. В Париже его презрительно называли «уличным генералом» из-за единственной проведенной им баталии, состоявшей в разгоне толпы крупной картечью. Говорили, что тогда — я только повторяю слова других — в качестве награды он получил в жены одну из любовниц Барраса. Так вот, эти генералы решили преподать ему урок, чтобы он понимал свое место в Итальянской армии. Генерал Ожеро²⁵ — са-

моуверенный, властный и несдержанный — грозился просто высечь этого выскочку. Но, когда приехал Бонапарт... Вы знаете, как он выглядел: заношенная до дыр одежда, сам — хилый и бледный, словно чахоточный. Он вошел к генералам и, пока поправлял ремни, кратко и резко, без лишних слов отдал необходимые распоряжения. Затем вышел, оставив их просто ошеломленными исходящей от него силой, которой никто не посмел противиться.

Таков Бонапарт! С тех пор он выиграл дюжину сражений и сокрушил австрийскую мощь в Лоди. Не думаю, чтобы он оказался простаком... Если вы сможете властвовать над таким человеком, вас ждет великое будущее.

Но депутат остался безучастен к рассказу посла.

— Это не я стремлюсь властвовать над ним. Это власть, которой я служу. Что же касается его замыслов, то вам следует понять, что дело это отныне в моих руках и не имеет к вам никакого отношения.

— Довольно, гражданин депутат! С этим грузом ответственности я расстаюсь.

В тоне Лальмана сквозил сарказм, который, однако, был встречен ответным сарказмом:

— Итак, вы наконец-то поняли смысл моего присутствия в Венеции?

Марк Антуан закинул ногу на ногу и заговорил о делах, которые Лальман посчитал гораздо более пугающими, чем все предыдущее. Депутат заявил, что для достижения своих целей и получения достоверных сведений о замыслах Венеции он намерен проникнуть во вражеский лагерь, выдав себя за тайного агента Британии. Лже-Лебель заверил посла в отменной подготовленности к исполнению этой роли перед любой, даже — если понадобится — английской публикой.

Но беспокойство Лальмана от этого не уменьшилось.

— Вы знаете, что произойдет, если они вас разоблачат?

— Я рассчитываю провести дело таким образом, что этого не произойдет.

— Боже! Вы, должно быть, очень храбрый человек.

— Я могу быть храбрым, я могу и не быть таковым. Но я, поверьте, не глуп. Для начала я сообщу вам, что связан с вами...

— Что?!

— ...и что я обманул вас, представившись французским агентом. Я продемонстрирую свою благонадежность, построив дела с ними подобно тому, как это сделали вы с их шпионом, подосланным в ваш дом. Дам им обрывки

сведений о планах Французской Республики, которые могут показаться ценными и достоверными, но, по сути, бесполезными или, возможно, ложными.

— Вы надеетесь на этом их провести? — насмешливо спросил посол.

— Почему бы нет? Очевидно, для шпиона нет ничего нового в работе на две стороны. В самом деле, нет такого тайного агента, который неизменно преуспевал бы на службе своей стороне и обеспечил свою безопасность, не принимая при этом платы с обеих сторон. Правительство, искусное в шпионаже, признает это без доказательств. Есть лишь одна серьезная опасность. Молва о том, что я Камиль Лебель, тайный агент Директории, приведет к стилету и каналу, о которых я уже упоминал, и воспрепятствует достижению наших целей.

Прервавшись, чтобы через открытую дверь окинуть взором пустую соседнюю комнату, он продолжал с особым значением:

— Из этого следует, что в тайну моей личности, которая отныне остается между мною и вами, Лальман, больше никто посвящен быть не должен. Вы поняли? Даже ваша супруга не должна догадываться, что я — Лебель.

— Хорошо. Как вам будет угодно, — нетерпеливо отозвался Лальман.

— Я и говорю о том, что мне угодно. Речь идет о жизни и смерти. Прошу заметить, о моей жизни и моей смерти. Так что в этом деле вы должны признать, что я имею право настаивать.

— Дорогой мой гражданин Лебель...

— Забудьте мое имя! — вскричал депутат. — Никогда больше его не произносите. Даже наедине со мной. Если мы вообще можем быть наедине в доме, где шпионов Совета десяти предостаточно. Итак, в Венеции я — мистер Мелвил, английский бездельник. Мистер Мелвил. Ясно?

— Конечно, мистер Мелвил! Но если вы столкнетесь с трудностями...

— Если я столкнусь с трудностями, мне не понадобится помощь. Поэтому вам не стоит предпринимать ради меня никаких рискованных шагов...

Его ясные глаза строго смотрели на испуганного посла, покорно склонившего голову. Затем Лальман встал и предложил:

— Останьтесь пообедать. В доме только свои: мадам Лальман, мой сын и секретарь Жакоб.

Мелвил покачал безупречно причесанной головой.

— Благодарю за гостеприимство! Но я не хочу вас стеснять. Как-нибудь в другой раз.

Сожаление, выраженное Лальманом по поводу отказа, прозвучало так неискренне, что не могло скрыть облегчения, с которым он избавлялся от общества столь могущественного соратника.

Мелвил задержался еще на минутку, чтобы навести справки о достижении французских агентов, занимающихся якобинской агитацией.

— Мне нечего добавить к моему последнему рапорту гражданину Баррасу. Мы исправно служим, особенно виконтесса. Она весьма усердна и постоянно расширяет сферу своей деятельности. Последней ее победой стал барнаботто²⁶ — аристократ Вендрамин.

— А! — отозвался Мелвил. — Влиятельная фигура, не так ли?

Посол удивленно посмотрел на него.

— Это вы у меня спрашиваете?

Подумав, что допустил оплошность, Мелвил тотчас исправился:

— Все-таки я сомневаюсь в его влиятельности.

— После того, что я о нем написал?

— Непогрешим только папа римский.

— Мне не нужен папа, чтобы узнать степень влиятельности Вендрамина. А у виконтессы есть все необходимое, чтобы прибрать его к рукам. Это лишь вопрос времени, — Лальман цинично засмеялся. — Гражданин Баррас обладает великим талантом использовать брошенных им любовниц в государственных интересах столь же успешно, сколь и в собственных.

Мелвил взял со стола свою шляпу.

— Не собираюсь выслушивать сальности. О своих успехах я извещу. Если понадобится, вы найдете меня в гостинице «Шапи».

Он откланялся и ушел, погруженный в раздумье о виконтессе и барнаботто Вендрамине.

Глава V

ПОСОЛ БРИТАНИИ

Поведение Мелвила вызвало негодование не только посла Французской Республики, единой и неделимой, но и посла Его Британского Величества, в приемной

которого Марк Антуан томился в ожидании вечером того же дня. Однако причины тому были иные. Если повелительный тон по отношению к Лальману был исключительно наигранным, что соответствовало характеру исполняемой роли, то по отношению к сэру Ричарду Уортингтону вызывающее поведение стало закономерным ответом на оказанный Марку Антуану прием.

Сэр Ричард — коренастый, рыжеватый, самодовольный мужчина, отличался бесспорными признаками скудного ума: самоуверенностью и подозрительностью. Склонный предполагать худшее, он был из тех, кто возводит подозрение в уверенность, не утруждая себя анализом выводов. Это довольно распространенный и легко узнаваемый тип людей. Марк Антуан разобрался в характере этого человека в течение пяти минут.

Он передал послу письмо мистера Питта, которое вез из Англии в подкладке своего ботинка. Усевшись за письменный стол, сэр Ричард оставил гостя стоять, а сам с помощью лупы медленно читал письмо.

Наконец он оторвался от послания, и его зеленоватые глаза пристально прищурились, разглядывая изящную стройную фигуру стоявшего перед ним человека.

— Вы тот, о ком тут говорится? — спросил он высоким визгливым голосом, вполне подходящим человеку с таким подбородком и жидкими бровями.

— Это кажется логичным, не так ли?

От такого ответа глаза сэра Ричарда широко открылись.

— Я не спрашиваю вас, что кажется логичным. Я люблю прямые ответы. Однако... Мистер Питт говорит здесь, что вы сами изложите свое дело.

— И он, я полагаю, просит вас оказать мне всяческую поддержку при его выполнении.

Сэр Ричард выпучил свои зеленоватые глаза, швырнул письмо на стол и откинулся в высоком кресле.

— В чем состоит ваше дело, сэр?

Мелвил кратко и спокойно изложил суть своей миссии. Рыжие брови Уортингтона взлетели, и красные пятна выступили на щеках.

— Его Величество представлен в Венеции в достаточной мере. Я затрудняюсь признать эту миссию необходимой.

Теперь наступил черед Мелвила прийти в ярость. Этот посол поистине был напыщенным глупцом.

— Данное замечание относится не ко мне, а к мистеру

Питту. Заодно вы можете обратиться к нему еще и с другим вопросом.

— Каким?

— Вам стоит попросить более подробных разъяснений о ведении политических дел. Доводы, имеющие целью принудить к действию руководителей Венеции, не должны стать общеизвестными.

— Естественно,— резко и холодно ответил посол.— Но не стоило ехать из Англии лишь затем, чтобы объяснить очевидное.

— Кажется, стоило! С тех пор как законы Венеции строго запрещают личное общение между любым членом правительства и послом другой державы, вы не можете делать подобные представления приватно. Такие действия может осуществить лишь частное лицо под предлогом личной компетенции.

Сэр Ричард сделал нетерпеливый жест.

— Бросьте! У меня есть некоторые возможности для достижения этих целей.

— Если даже они есть, этот путь не устраивает мистера Питта.

Мелвил решил, что простоял уже достаточно долго. Он придвинул стул и сел напротив посла, удобно расположившись возле стола в стиле Людовика XV, изящная инкрустация которого прекрасно гармонировала с изысканной обстановкой, позолотой и парчой этого пышного кабинета.

Сэр Ричард кинул на посетителя свирепый взгляд, но продолжил разговор.

— Эти пути настолько очевидны, что я решительно отказываюсь признать необходимым вмешательство... тайного агента,— при этом тон его стал пренебрежительно-насмешливым.— Вот и все, что я могу вам ответить.

— Впрочем, вы предпочли бы назвать меня просто шпионом,— смиренно заметил Мелвил.

Усмотрев в этой фразе сарказм, посол взорвался:

— Не думаю, что ваше предприятие может принести пользу Британии! А вот ущерб, который за этим последует, для меня очевиден. Огромный ущерб!

— А я, учитывая события под Лоди, прихожу к выводу, что выполнение порученной мне миссии становится делом крайне срочным.

— Я не признаю вас в качестве лица, способного принимать такие решения. Мне еще необходимо разобратся в вас, сэр,— упрямство посла усиливалось ос-

корбленным тщеславием.— Значение же случившегося под Лоди преувеличено чиновниками, которым неизвестно о силах Австрийской империи то, что знаю я. У меня есть достоверные сведения о том, что в течение трех месяцев Австрия соберет сто тысяч человек против Итальянской армии Франции. Этого более чем достаточно, чтобы вымести толпу французов из страны. Таков мой ответ паникерам, испугавшимся случайных успехов Бонапарта.

Мелвил потерял терпение.

— А если за это время Венеция заключит союз с Францией?

Сэр Ричард неприятно засмеялся.

— Пустые фантазии.

— Даже если Франция сама будет искушать Венецию предложениями об альянсе?

— Это немыслимо.

— Вы в этом увéрены?

— Так же, как в том, что сию сейчас в этом кабинете, сэр.

Мелвил со скучающим лицом извлек свою табакерку, вновь рая напыщенное самодовольство посла.

— Я хотел проверить вашу точку зрения по этому вопросу. Теперь мне не стоит доверяться вашему мнению и следовать вашим советам.

— Какая дерзость!

Мелвил щелкнул табакеркой. Зажав между большим и указательным пальцами щепотку табака, он постучал безмянным пальцем по столу и промолвил:

— Предложение об альянсе, которое вы столь самоуверенно объявили немыслимым, уже в пути.

На лице посла мгновенно отразился и испуг, и изумление.

— Но... Но...

— Французский посол уже получил предписание Бонапарта предложить Венеции союз.

Приходя в себя, сэр Ричард презрительно рассмеялся.

— Только полным незнанием протокольной процедуры можно объяснить подобное заблуждение. Дорогой мой, не Бонапарту делать такие предложения. У него нет на то полномочий. Это дела правительств, а не полководцев.

— Я не меньше вашего осведомлен о нарушении дипломатической нормы, сэр Ричард. Но факт остается фактом. И дело в том, что у Бонапарта есть право на доверие

правительства. К тому же генералы, достигающие подобных вершин, не желают уступать давлению своих правительств.

После этих слов Мелвила ирония сэра Ричарда сменилась угрюмостью.

— Вы говорите, что это точные сведения. Но как вам удалось их раздобыть?

— Только что, сэр Ричард, вы назвали меня тайным агентом. Вам не стоило бояться слова «шпион». Оно не обидело бы меня. Я — шпион по воле случая, и, как оказалось, хороший шпион.

Лицо сэра Ричарда скривилось. Ему нечего было возражать. Сообщение Мелвила и его аргументы создавали у посла ощущение поражения. Но, будучи до глупости упрямым человеком, он не внял разумным доводам.

— Даже если это и так, я по-прежнему не разделяю вашей надежды на успех.

— Не впустую ли мы тратим время? Вы подчиняетесь мистеру Питту, как и я. Остается только, чтобы вы помогли мне в меру ваших возможностей.

Мягкость тона не могла скрыть упрека. Глубоко задетый, сэр Ричард покраснел от бровей до подбородка. — Ей-богу, сэр, вы ведете себя дерзко.

Мелвил улыбнулся в свирепые зеленоватые глаза посла.

Рассерженный сэр Ричард на некоторое время задумался. Наконец он раздраженно сказал, постукивая пальцем по лежащему перед ним письму:

— Меня просят предоставить вам поддержку и содействие. Эта просьба изложена в письме, доставленном неизвестным мне человеком. У вас должны быть бумаги — паспорт и тому подобное.

— У меня их нет, сэр Ричард!

Марк Антуан не пытался объяснить причину отсутствия документов, поскольку посол оскорбил его, отказываясь поверить словам.

— Это письмо — достаточная замена паспорту. Мистер Питт, как вы заметили, предусмотрительно присовокупил в конце страницы описание моей внешности. Если и этого недостаточно, я могу представить влиятельных благородных людей, пользующихся хорошей репутацией в Венеции и лично знающих меня.

Мелвил прочитал злорадство во взгляде посла.

— Пока вы не представите мне их и пока я не буду убежден, что эти люди соответствуют вашему отзыву

о них, не удивляйтесь, что я отказываюсь выступать в роли вашего попечителя.

Он коснулся звонка на столе и сказал:

— Уверен, что именно этого ожидает от меня мистер Питт. Я должен быть полностью уверен в вас, сэр, прежде чем возьму на себя ответственность отвечать за ваши действия перед его светлостью дожем.

В дверях появился швейцар. Приглашения на обед от британского посла не последовало.

Мелвил поразился, что в такое сложное время английское представительство в Венеции доверено подобному человеку. Когда он сравнивал пронизательную уравновешенность Лальмана, оказавшегося на этом посту благодаря лишь своим способностям, с тупым упрямством Ричарда Уортингтона, который своим назначением был обязан знатному происхождению, то не мог не спросить себя: не являются ли закономерными победы республиканских доктрин во Франции и стремительный рост армии их сторонников во всех уголках Европы? А также не стали ли аристократы анахронизмом, который мешает способным и умным людям?

Эти вопросы, однако, не поколебали Марка Антуана всерьез. В конце концов он сам принадлежал к аристократам, и возвращение имений в Соле могло осуществиться лишь после реставрации монархии во Франции. Но, кроме личной выгоды, затрагивалось и дело чести, верность которому он был обязан хранить по своему происхождению. От своей матери, строгой английской леди, он унаследовал возвышенное, строгое чувство долга и готов был следовать долгу чести, даже если возникали сомнения в правоте своей страны.

В Венецию Марка Антуана торопили прежде всего личные интересы. Несмотря на то, что после встречи с Уортингтоном дела государственные предстали в весьма мрачном свете и занимали все его мысли, он не забывал о личном и желанном.

К тому времени, когда Марк Антуан отправился в рискованную, едва не ставшую для него роковой поездку во Францию, граф Пиццамано уже два года был послом Венеции в Лондоне. Его сын Доменико, офицер Светлейшей республики, занимал пост атташе дипломатической миссии, и между ним и Марком Антуаном завязались дружеские отношения, которые сблизили вскоре и их семьи. Решающим для Марка Антуана стало и влечение к сестре Доменико Изотте Пиццамано, чья красота и грация, вдохновившие

кисть Ромнея²⁷, ежедневно сживали в его воспоминаниях. События — сначала его поездка во Францию, а затем и отъезд графа Пиццамано из Лондона — прервали эти отношения. Страстным желанием Марка Антуана было возобновить их теперь, и он отправился в Венецию.

Тысячу раз за последний месяц в своем воображении он обнимал Доменико, пожимал руку графа, припадал губами к руке графини и — более восторженно — к пальчикам Изотты. Всегда она была последней в этом повторяющемся сне-мечте, бесконечно более ярком, чем другие. Он ясно видел ее, высокую и стройную, в ореоле царственности и святости, которым горящие любовью сердца всегда наделяют возлюбленных. И всегда в нежном видении губы ее улыбались в приветствии не только доброжелательном, но и радостном.

Эту мечту Марк Антуан, измученный ожиданием, спешил теперь осуществить, оставив на время все переживания о делах государственных.

Глава VI

ДОМ ПИЦЦАМАНО

Гондола доставила его к мраморным ступеням дома Пиццамано на улице Сан-Даниэле, что возле Арсенала, когда солнечный диск уже скатился с небосвода.

Марк Антуан вошел под своды дворца — в мерцании черного атласа с серебристыми кружевами, с посеребренной шпагой, продетой через карман; драгоценный камень сверкал среди прекрасных валенсийских кружев на его шее.

Он прошел в великолепную залу с выложенными мрамором стенами, залитую светом лампы, установленной в огромный позолоченный фонарь, который некогда венчал корму венецианской галеры. Здесь его встретил облаченный в красную ливрею швейцар. Когда лакей, которому он назвался мистером Мелвилом, ушел доложить капитану Доменико Пиццамано о госте, Марк Антуан поднялся по широкой мраморной лестнице в приемную.

Несколько мгновений он ждал с учащенным сердцебиением. Затем отворилась дверь, пропуская молодого человека, который стройностью, величавостью и смуглым красивым лицом так напоминал свою сестру, что Мелвил на мгновение замер при виде милых черт.

Молодой капитан пристально посмотрел на гостя, и на лице его появился испуг, а рука задрожала на граненом стекле дверной ручки.

Марк Антуан, улыбаясь, двинулся навстречу.

— Доменико!

Губы, алеющие на побледневшем лице венецианца, разомкнулись, и осипшим от волнения голосом он воскликнул:

— Марк! Неужели это ты? Марк!

Марк Антуан широко раскрыл объятия.

— Всем сердцем здесь, Доменико, убедись сам, что это я — из костей, плоти и крови.

Доменико бросился обнять его. Затем отстранился, не выпуская друга из объятий, и вгляделся в лицо.

— Так ты не гильотинирован?

— Моя шея — верный свидетель, — ответил Марк Антуан и вдруг помрачнел. — Но вы верили этому все это время?

— Последние известия о тебе мы получили перед отъездом из Лондона от твоей несчастной матери, которая горько корила себя за то, что послала тебя во Францию. Мы утешили ее как смогли.

— О, да! Я знаю, как вы добры к нам. Но как же мои письма? Я писал дважды. Ах, но в эти дни письма — словно пули, канувшие в темноту. Благоразумнее было бы сообщить об этом лично.

— Ты для этого и приехал? Ты проделал долгий путь в Венецию, чтобы навестить нас?

— Конечно! Если мне поручены еще и другие дела, то это не более чем следствие.

Взгляд молодого венецианца посерьезнел, изучая раскрасневшееся от волнения, улыбающееся лицо друга. Немного запинаясь, он ответил:

— Ты... оказал нам большую честь.

Затем Доменико бросился обрадовать родителей известием о чудесном воскресении Марка Антуана, но на пороге его остановил вопрос:

— А Изотта? Я полагаю, она здесь?

— О, да. Она тоже рада будет увидеть тебя.

Марк Антуан уловил смутное замешательство. Подо-зревал ли друг, к кому из семьи Пиццамано неудержимо влекло его через всю Европу? При мысли об Изотте улыбка вновь озарила лицо гостя, и волнение и радостное нетерпение охватили его, когда он входил в гостиную, где собралась семья.

То была огромная зала во всю глубину дворца — от готических окон балкона над каналом Сан-Даниэле до рифленых колонн лоджии, выходящей в сад. Ее убранство изобиловало сокровищами, которые Пиццамано собирали веками, ибо сей патрицианский дом восходил к далеким временам, предшествовавшим закрытию Большого совета, к правящей элите четырнадцатого века.

Один из Пиццамано участвовал в штурме Константинополя²⁸, и кое-что из привезенной им добычи хранилось здесь в числе прочих реликвий. Другой воевал при Лепанто²⁹, и его портрет на фоне галер, написанный Веронезе³⁰, висел при входе. Рядом — принадлежавший кисти Джованни Беллини³¹ портрет Екатерины Пиццамано, которая властвовала в свое время, будучи догарессой³²; и другой — кисти Тициана³³ — портрет Пиццамано, бывшего губернатора Кипра. Далее — замечательный (кисти неизвестного художника) портрет Джакомо Пиццамано, возведенного в титул графа габсбургской империи двести лет назад.

Потолок, украшенный фресками Тьеполо³⁴ в рамках, мастерски вырезанных и позолоченных; наборный пол из ценных пород дерева; повсюду — яркие ковры, навевающие воспоминания о левантийской торговле Венеции...

Но красоты зала лишь смутно открылись Марку Антуану в мягком свете горящих свечей, установленных в огромном светильнике в виде золоченых ветвей причудливой формы, переливающихся бликами драгоценных камней. Он был подарен папой одному из Пиццамано, и считалось, что это — работа Челлини³⁵.

Но не к этим сокровищам устремил Марк Антуан свои полные страстного нетерпения глаза. Он искал обитателей дома.

Они сидели в лоджии: граф — высокий, худощавый старик, немного старомодный в одежде — от туфель с красными каблуками до напудренного парика, — с орлиным профилем лица, полного энергии и силы; графиня — еще сравнительно молодая, грациозная и величественная, прекрасная и утонченная, как венецианское кружево ее платка; и Изотта, чью стройность подчеркивало облегающее домашнее платье из материала столь темного, что в наступающих сумерках оно казалось почти черным. Губы ее, когда он вошел, побелели, а темные глаза расширились.

Взор Марка Антуана так и застыл на Изотте, неземную красоту которой подчеркивал мягкий бирюзовый фон уга-

сающего вечернего неба. Тонкие черты ее лица, вдруг покрывшегося мраморной бледностью, являли верх благородства и очарования.

Он увидел, как расцвела она за три с лишним года, минувших после их последней встречи в Лондоне накануне его отъезда во Францию. Тогда, восхищаясь красотой девятнадцатилетней девушки, Марк Антуан не допускал мысли, что возможно большее совершенство. Еще более желанной нашел он ее теперь — женщину, созданную для того, чтобы ее нежно любили, поклонялись ей и служили; женщину, любовь которой дарит мужчине силу и вдохновение.

Он пришел в такой восторг от той, чей образ так часто возникал перед его мысленным взором в томительные годы разлуки, что едва ли слышал возгласы — сначала удивления, а затем и радости, которыми граф и графиня встретили его. Лишь сердечные объятия графа вернули его к действительности и пробудили припасть к дрожащим рукам, которые графиня с готовностью протянула ему.

Наконец, Марк Антуан оказался перед Изоттой. Она подала ему свою руку, губы ее дрогнули в улыбке, но глаза оставались задумчивыми. Он взял ее руку, и пока она, холодная как лед, лежала в его руке, повисла пауза. Он ждал от Изотты каких-то слов. Все в том же молчании Марк Антуан склонил голову и почтительно поцеловал ее пальцы. Коснувшись их губами, ощутил ее дрожь и услышал, наконец, ее голос. Этот мягкий голос, запомнившийся ему мелодичным и смеющимся, теперь был тихим и напряженным:

— Вы говорили, что однажды приедете в Венецию, Марк.

Он затрепетал, радуясь, что она помнит его последние слова.

— Я говорил, что приеду, если буду жив. И вот я здесь.

— Да, вы здесь,— откликнулась она безжизненным тоном, вновь охладившим его, и еще более бесстрастно произнесла: — Вы задержались с визитом.

Он понял, что она как бы сказала ему: «Вы приехали слишком поздно, глупец. Так стоило ли приезжать?».

Он неловко сделал полуоборот и уловил участие и даже смятение в глазах ее родителей. Доменико стоял поодаль: взгляд опущен, брови нахмурены.

Затем мягко, непринужденным тоном заговорила графиня:

— Вы находите, что Изотта изменилась? Конечно, она повзрослела.

И, прежде чем он успел воздать должное неотразимой красоте Изотты, прозвучали слова, которые все разъяснили:

— Она скоро выйдет замуж.

Наступила мучительная тишина. Он испытал то же чувство, что и три года назад, когда Камиль Лебель, председательствовавший в Революционном Трибунале Тура, приговорил его к смерти. И теперь, как и тогда, отчаяние было подавлено сознанием того, что он — Марк Антуан Вильерс де Меллевиль, виконт де Сол и пэр Франции, что происхождение обязывает его стерпеть муку, устоять, не издав стоны и не потеряв твердости во взгляде.

Он поклонился Изотте.

— Я поздравляю этого счастливейшего из мужчин. Дорогая Изотта, молюсь лишь об одном: пусть он будет достоин выпавшего ему блаженства.

«Хорошо сказано», — подумал он. Его поведение было корректно, слова хорошо подобраны. Почему же тогда она выглядит так, будто вот-вот разрыдается?

Он обернулся к графу.

— Изотта сказала, что я задержался с приездом. Не я, а события задержали его.

Вкратце он рассказал, как ему удалось бежать из тюрьмы в Туре; как он вернулся после этого в Англию, где занимался делами эмигрантов; как участвовал в безуспешной попытке при Киброне³⁶ и, позднее, — в битве при Савене, где он был ранен; как после этого он продолжал сражаться в Вандее, в армии Шаретта³⁷, до его последнего поражения от Гоша пару месяцев назад; как ему во второй раз посчастливилось ускользнуть из Франции. Он возвратился в Англию и, воспользовавшись затнувшимся затишьем в стане эмигрантов, решил отправиться в Венецию. Перед отъездом ему дали серьезное задание, и потому пришлось переделать свою фамилию на английский лад — Мелвил, — и теперь он просит их помнить, что для всех в Венеции является мистером Мелвиллом — английским джентльменом, от безделья изучающим мир.

Марк Антуан изложил свой рассказ сдержанно, бесстрастным тоном. Мысли его были далеко... Он приехал слишком поздно. С Изоттой было связано все, что для него имело значение в жизни. Несчастный глупец! Он потерял ее. Что теперь значила для него эта миссия, служение монархии и борьба против разрушительных сил

анархии? Чем был для него мир, все эти монархисты или анархисты? Что ему делать со всем этим, если свет для него померк?

Несмотря на внешнюю невыразительность повествования, рассказ вызвал у слушателей изумление и восторг. В порыве чувств граф вскочил на ноги, когда узнал о миссии Марка Антуана. Его продолговатое худое лицо озарилось надеждой.

— Да поможет вам Бог! — воскликнул он пылко. — Потребуется немало усилий, чтобы устоять в борьбе и возродить былую славу Венеции. На этом пути нас ждут серьезные препятствия: лень, малодушие, жадность и язва якобизма, которая разъедает фундамент государства. Мы истощены. Наше обнищание шло неуклонно последние двести лет, а сейчас ускорилося из-за неумелого правления. В свое время в противовес нашей мощи была создана Кембрийская лига³⁸, а теперь мы бессильны перед взявшимся за оружие миром. Но по-прежнему мы — Венеция, и, если не будем медлить, мы еще можем вновь стать сильной державой, с которой необходимо считаться. Сейчас мы на переломном моменте нашей судьбы. Постигнет ли нас крах, или мы сможем подняться вновь, — будет зависеть от нашей храбрости и от готовности пожертвовать всем, что требуется возложить на алтарь государства. Отважные сердца не перевелись и у нас. Это — люди, которые считают, что вооруженный нейтралитет заставит уважать наши границы. Но в Совете намного больше тех, кто в глубине души поддерживает французские доктрины, кто из лени предпочитает думать, что эта война — дело Австрийской империи, кто — Бог им судья, — опасаясь расходов, прилип к своим цехинам³⁹ подобно бездушным скрягам. Сам дож тоже из их числа по причине своего огромного богатства. Небеса простят мне нелестные слова о нем, но правда должна торжествовать. Людовико Манин в этот час не стал для нас дожем. Нам нужны Морозини, Дандоло, Альвиани⁴⁰, а не этот Фриулеу⁴¹, которому не хватает пламенного патриотизма, присущего честному венецианцу. Тем не менее ваша миссия и данные о французских замыслах, которыми небеса столь своевременно снабдили вас, помогут достичь цели.

Он сел в изнеможении, дрожа от охватившего его возбуждения, вызванного фанатичным патриотизмом.

Графиня встала и подошла утешить и успокоить его. Изотта наблюдала эту сцену с чрезвычайной серьезностью,

словно испугавшись, в то время как Марк Антуан, не спускавший с нее глаз, рассеянно слушал графа, произнесшего восторженную речь, но не сказавшего ничего стоящего.

Голос Доменико возвратил его к действительности.

— Марк, если вам понадобится какая-нибудь помощь,— знайте, что можете рассчитывать на нас.

— До последнего вздоха, до последнего цехина,— поддержал своего сына граф.

Марк Антуан вновь перешел к политике.

— В одной услуге я нуждаюсь уже сейчас. По-видимому, она не очень вас затруднит. Мне нужен поручитель, который смог бы дать мне необходимые рекомендации перед его светлостью дожем.

Он чувствовал, что следовало объяснить цель визита, но был слишком утомлен, чтобы углубляться в подробности; они же и не думали требовать объяснений.

— Завтра же я представлю вас дожу,— заверил его граф Пиццамано.— Я достаточно знаю вас. Приходите в полдень, и после обеда мы отправимся. Я извещу его светлость, чтобы он мог ожидать нас.

— Помните, что для него и для всех без исключения я — мистер Мелвил. Если из-за какой-нибудь неосторожности правда обо мне достигнет ушей Лальмана, это положит конец моей деятельности.

Марк Антуан тотчас же понял, что этого можно было не говорить.

После этого беседа коснулась и многих других вещей: матери Марка Антуана, общих друзей в Англии, но более всего Бонапарта — этого неизвестного еще три месяца назад явления, оказавшегося вдруг в центре внимания всего мира.

Изотта, сидевшая в отдалении со сложенными руками и рассеянным взором, играла лишь роль слушательницы, если, конечно, она слушала. Это продолжалось до тех пор, пока не объявили о приезде Леонардо Вендрамина.

Глава VII

ЛЕОНАРДО ВЕНДРАМИН

Марк Антуан увидел высокого красивого мужчину не первой молодости, но по-прежнему стройного и статного. Весьма общительный, жизнерадостный, всегда

готовый посмеяться, он, очевидно, принадлежал к числу тех, кто со всеми старается поддерживать добрые отношения. Действительно, Вендрамин хорошо ладил с графом, а с графиней, донной Леокадией,— и подавно. Но отношения с Доменико, казалось, были не столь безболезненны, а Изотта, принимая его привычное, почти родственное приветствие, все-таки не сдержалась и слегка поморщилась, когда он склонился к ее руке.

Представленный графом Мелвилу как будущий зять Леонардо засыпал англичанина пространными комплиментами по адресу его страны. Ему еще не посчастливилось побывать в этом удивительном государстве, которое по своему могуществу на морях занимало в мире место, некогда принадлежавшее Венеции; но он знал достаточно о его главных государственных институтах, о его замечательном народе, чтобы понимать, сколь прекрасна и завидна доля родиться англичанином.

Уверенный, что то же самое этот человек сказал бы французу или испанцу, Марк Антуан принял комплименты с холодной вежливостью, удивляясь тому, что имя Вендрамина кажется ему знакомым.

Но и после этого, и во время ужина Марк Антуан временами подвергался граду вопросов о том, когда и с какой целью он приехал, где устроился, сколько предполагает здесь пробыть. Ради чужеземца, который вряд ли свободно владел итальянским, Вендрамин разговаривал по-французски — тогда в Венеции это был общепринятый язык официального общения.

Он задавал вопросы с видом дружеского расположения. Марк Антуан пояснил, что цель его — развлечения и познание, а также возобновление отношений с добрыми друзьями — семьей Пиццамано.

— Ах! Так вы — старые друзья? Это же прелестно!

Вендрамин, кивая и улыбаясь, окинул англичанина дружжелюбным взглядом. Но Марк Антуан заметил в глубине этих голубых глаз необычную настороженность.

После ужина все собрались в комнате Изотты. Она вернулась к прерванному разговору:

— Мистер Мелвил очень дорог нам еще с наших лондонских дней, и он слишком старый друг, чтобы вы преследовали его своим назойливым любопытством.

— Назойливое любопытство! Небеса праведные! — Леонардо возвел глаза в притворной обиде. — Но я уверен, что мистер Мелвил не принял за любопытство тот глубокий интерес, который он у меня вызывает. И потом,

если он — ваш старый друг, разве это мешает нам относиться друг к другу с симпатией?

Мелвил сухо ответил ему:

— Вы очень добры. Я глубоко тронут.

— Однако, месье Мелвил, для англичанина вы очень уж безупречно изъясняетесь на французском! Это не в обиду вашим соотечественникам, — поспешно пояснил он. — Просто необычно слышать столь чистую и плавную речь от того, кто не родился французом.

— Мне очень повезло. Значительную часть своей молодости я провел во Франции.

— О, расскажите мне об этом. Это так интересно, так необычно... Встретить человека, который...

— Который задает так много вопросов, — завершил фразу Доменико.

Вендрамин, чья речь была прервана таким образом, нахмурился, но в следующее мгновение вновь обрел свою доброжелательность.

— Меня упрекнули, — засмеялся он беззаботно, взмахнув рукой, утопающей в облаке кружев. — Но это справедливый упрек. Я признаю, что мой интерес к этому обаятельному мистеру Мелвилу вышел за рамки приличия. Не держите на меня обиды, мой дорогой, и считайте, что я всегда к вашим услугам, пока вы в Венеции.

— Покажите мистеру Мелвилу красоты окрестностей Сан-Барнабо, — саркастически посоветовал ему Доменико. — Это будет занимательно и поучительно для него.

И тут наконец Марк Антуан вспомнил, где и в какой связи он слышал это имя. Лальман упоминал о Леонардо Вендрамине, как о барнаботто. Людям аристократического происхождения, им не пристало опускаться до тяжелого труда и голодать. Отчасти им помогало официальными подачками правительство, что-то они с гордым видом брали взаймы у богатых родственников, если таковые имелись. Таким образом, они были паразитами на теле государства, наделенными всеми недостатками и пороками, гнездящимися там, где соединяются бедность и тщеславие. Благодаря патрицианскому происхождению, они имели право голоса в Большом совете и могли повлиять на судьбу государства, в чем было отказано многим достойным гражданам, к которым случайность рождения была не столь благосклонна. Время от времени ловкий и красноречивый барнаботто мог, опираясь на голоса своих собратьев по благородному попрошайничеству, добиться избрания на один из

главных постов государства, обеспечивающих высокие доходы.

Марк Антуан вспомнил теперь, что именно говорил Лальман о Вендрамине, и был удивлен чрезмерной роскошью одежды обедневшего патриция. Он также не понимал, почему Изотту, дочь одного из древнейших и влиятельнейших родов сенаторского ранга, ее отец, известный как щепетильный аристократ, отдает этому барнаботто.

Тем временем Вендрамин, решив представить шуткой выпад своего будущего шурина, ответил анекдотом по поводу жадности своих собратьев-барнаботто. Затем поспешно и искусно он перевел беседу на надежную почву политики и последних слухов из Милана о французах и о ходе кампании, выказав присущий ему оптимизм. Леонардо не сомневался, что коротышка-корсиканец на сей раз потерпит сокрушительное поражение от австрийского императора.

— Молю Бога, чтобы вы оказались правы,— страстно произнес граф.— Но поскольку предрекаемые вами события еще не произошли, нам следует быть готовыми к худшему.

Леонардо стал серьезен:

— Вы правы, господин граф. Ради этого я не жалею себя и добился определенных успехов. У меня нет никаких сомнений в том, что теперь уже скоро я соберу достаточно сторонников. Впрочем, об этом мы еще побеседуем.

Когда наконец Марк Антуан поднялся, чтобы откланяться, он полагал, что сумел хорошо скрыть свою боль.

Однако это было не совсем так. Печально-мягкий взгляд Изотты внимательно изучал его лицо, когда он прощался с ней. Его бледность, а также уныние и грусть, которые она прочла в его глазах, сказали ей то, что утаили уста.

Неугомонный Вендрамин вызвался довести Марка Антуана до гостиницы на своей гондоле.

После их отъезда Доменико, погруженный в мрачные размышления, сразу же ушел, а за ним последовала и графиня.

Изотта задержалась на лоджии, любуясь садом, над которым уже поднималась луна. К ней молча приблизился старый граф и положил руку на ее плечо. Голос его прозвучал заботливо и мягко:

— Изотта, дитя мое, ночь становится прохладной.

Этим словами он предлагал ей вернуться в дом. Но она предпочла понять их буквально.

— Действительно прохладно, отец.

Она ощутила пожатие его руки на своем плече в знак понимания и сочувствия. Затем наступило недолгое молчание, которое первым нарушил граф:

— Лучше бы он не приходил.

— Если он спасся, его приход был неизбежен. Он дал мне клятву в Лондоне в ночь перед отъездом в Тур. Это было нечто большее, чем просто обещание приехать. Я поняла и была счастлива. И он сдержал свое слово.

— Я понимаю,— медленно и печально произнес граф.— Жизнь бывает так жестока.

— Должна ли она быть жестокой к нему и ко мне? Должна, отец?

— Милое дитя! — вновь сжал он ее плечо.

— Мне двадцать два. Возможно, передо мной еще долгая жизнь. Зная о смерти Марка Антуана, легко было подчинить себя. Но теперь...

Изотта стиснула руки и замолкла.

— Я понимаю...

Сочувствие и сожаление, звучавшие в его голосе, придали ей храбрости, и она воскликнула:

— Должно это случиться? Должно ли?

— Твой брак с Леонардо? — понял он, и лицо его окаменело.— У нас есть долг чести.

— Только чести?

— Нет,— повысил голос,— есть еще Венеция.

— Что сделала Венеция для меня, что сделает Венеция ради меня, чтобы я принесла себя в жертву Венеции?

Он вновь смягчился:

— Всем своим состоянием мы обязаны той стране, где живем. Это мое убеждение, и оно должно стать убеждением моих детей. Ты спрашиваешь, что Венеция сделала для тебя? Слава имени, которое ты носишь, честь нашего дома, богатство, которым мы наделены,— великие дары, полученные нами от Венеции. Мы в долгу перед ней, а в трудный для страны час кто отступится от долга чести? Все, чем я обладаю, служит отечеству. Пойми, что так и должно быть.

— Но я, отец? Я?

— Твоя роль понятна и делает тебе честь. Она столь значительна, что личные сердечные привязанности должны отойти на второй план, сколь бы искренними и глубокими они ни были. Ты слышала, что Марк Антуан узнал о замыслах французов относительно Венеции. Даже если завтра он расшевелит дождя, чего ждать от

Совета, состоящего из людей, которые считаются только с собственными интересами и недопустимо медлят в надежде сохранить свое золото? Они упрямо отказываются признать существование опасности, ибо подготовка к обороне обойдется недешево, а они ошибочно полагают, что угроза государству не означает угрозы их личному богатству.

Но есть еще барнаботти, насчитывающие около трехсот голосов в Совете. Этого достаточно, чтобы решить судьбу Светлейшей. Они не несут бремени расходов на оборону, но наши противники могут убедить их в том, что уже поздно голосовать за дорогостоящую политику спасения Венеции и получить превосходство. С другой стороны, так как им нечего терять, барнаботти понимают, что в случае переворота возможны выгодные для них перемены. Это свойственно нуждающимся и пустым людишкам. Их лидеры заражены идеями якобизма; поэтому даже без вторжения французских войск Светлейшая может пасть жертвой французских анархистских идей. Леонардо из барнаботти. Человек талантливый, влиятельный и красноречивый. Его влияние общеизвестно, и оно растет. Скоро он полностью приберет их к рукам и будет контролировать их голоса; а это, собственно, означает, что судьба Венеции будет зависеть от его воли.

Граф на мгновение умолк и добавил:

— Ты — награда, которую мы платим за его патриотизм.

— Вы можете полагаться на патриотизм человека, который торгует им?

— Торгует им? Это несправедливо. Когда он попросил твоей руки, я увидел возможность бесповоротно привлечь его на нашу сторону. Но он и прежде держался нашей линии. Его патриотизм всегда был решительным и безупречным, иначе он никогда не переступил бы порог моего дома. Вендрамин искал наставника и поделился своими сомнениями со мной, и я разрешил их. Остальное произошло его любовью к тебе. Вот почему он полностью на стороне тех, кто ставит государство превыше любых собственных выгод. В конце концов, я убежден, он пришел бы к этому и без нас. Но если мы отклоним его предложение сейчас, то желание отомстить может привести его вместе со следующими за ним барнаботти в лагерь якобинцев. А этого мы не смеем допускать.

У нее не нашлось ответа. Почувствовав себя в западне, Изотта уронила голову. Граф привлек ее к себе.

— Дитя мое! Ради этого я готов пожертвовать всем. Я прошу тебя и Доменико лишь о той же готовности.

— О чем же вы просите меня?! — воскликнула она. — Выйти замуж, отдаться мужчине, которого не люблю, рожать ему детей... О, боже! Вы говорите о готовности жертвовать. Разве есть жертва, сравнимая с этой? Если бы вы отдали последний цехин своего состояния и последнюю каплю своей крови, даже это трудно было бы сравнить с той ценой, которую вы требуете от меня.

— Возможно, все так, как ты говоришь. Но мне уже не двадцать два, и я не сомневаюсь в своем решении. Будь откровенна, Изотта. Если бы у тебя был выбор между браком с Леонардо и смертью, что бы ты выбрала?

— Без колебаний смерти! — воскликнула она.

— Я просил, чтобы ты была откровенна, — мягко упрекнул граф, поворачивая ее лицом к себе. — Я сказал, если бы тебе предоставился выбор. Но этот выбор всегда перед тобой, а ты еще не сделала того, о чем сказала. А ведь это — самый легкий путь. Видишь, дорогая моя, как чувства могут обмануть нас. Но скоро твои мысли придут в порядок. Во всяком случае Леонардо не так уж невыносим для тебя — иначе ты отказалась бы от предложенного замужества раньше. У него есть замечательные качества, за которые ты будешь уважать его. А поддержкой тебе будет гордость, чувство исполненного долга.

Он нежно поцеловал ее.

— Конечно же, будут слезы. Но верь мне, дитя мое, они не будут и наполовину такими жгучими, как мои слезы на развалинах наших надежд. Мужайся, моя Изотта. Необходимо мужество, чтобы жить достойно.

— Порой необходимо мужество, чтобы жить, — промолвила она сдавленным голосом.

Глава VIII

МАСКА

На следующее утро Марк Антуан, облаченный в голубую с золотом ночную сорочку, потягивал шоколад в своем уютном номере в гостинице «Шпаги». Он сидел перед широкими окнами, обращенными к солнечному свету майского утра. С улицы доносился мерный плеск воды под лебединым корпусом проходящей гондолы, невнятные выкрики гондольера, предупреждающего о сво-

ем появлении из-за угла, и плывущий над городом звон колоколов церкви Санта-Мария-делла-Салуте.

Ласковое утро всем несло радость, но Марк Антуан не мог отогнать мрачные мысли. Маяк, который три года сиял ему ровным светом в пути, внезапно погас, оставив его в крошечной тьме.

Вскоре у дверей гостиницы с гондолы раздался хриплый окрик гондольера:

— Эй! В доме!

Через несколько мгновений хозяин, просунув в дверь плешивую голову, объявил, что Мелвила спрашивает дама.

— Дама в маске,— добавил он, пряча хитроватую улыбку.

Марк Антуан сразу же оказался на ногах. Использование масок было в Венеции широко распространенным среди знати обычаем — одна из причин романтической репутации единственного в своем роде города, полного таинственности и интриг. Но было удивительно, что дама разыскивала именно его. Казалось невозможным, чтобы гостьей оказалась та единственная женщина, мысль о которой немедленно пришла ему на ум. И все-таки догадка его подтвердилась, когда хозяин оставил их наедине.

Дама скрывалась под маской, искусно выполненной в духе венецианских традиций. С маленькой треугольной шапочки, расшитой золотом, свисала черная шелковая вуаль. Мелкая сеточка, окаймленная шнурком, покрывала голову и ниспадала на плечи, покрытые черным атласом просторного плаща, который скрывал все линии фигуры.

Она сняла белый шелк маски, и Марк Антуан бросился к ней с восклицанием, которое скорее свидетельствовало о тревоге, чем о радости,— столь бледным было представшее его взору лицо. Она прижала к вздымающейся в учащенном взволнованном дыхании груди левую руку, сжимающую сложенный веер, золотая оправа которого была усыпана драгоценными камнями.

— Мой визит удивил вас, Марк. О, я совершила опрометчивый поступок! Но я не знала бы покоя, если бы не сделала этого. Хотя, возможно, и потом не будет полного мира в моей душе.

Вспомнив улыбку хозяина, Марк Антуан понял отношение венецианцев к подобным визитам, но он даже не подозревал, на сколь рискованный шаг решилась Изотта. Обычай носить маски, приобретенный, должно быть, еще во времена тесных связей с Востоком, когда в общественных местах свободно могли показываться лишь куртизан-

ки, позволял женщинам Венеции избегать монастырского уединения. Несмотря на то, что прогресс нес новые идеи, господствующая мораль по-прежнему предъявляла к женщинам из аристократических семей жесткие требования и уж никак не допускала свиданий наедине. Такой поступок неизбежно погубил бы репутацию патрицианки.

— Я должна поговорить с вами,— произнесла она, подчеркивая значимость предстоящего разговора.— И не могу ждать удобного случая, который может неопределенно долго откладываться.

Он припал губами к ее руке в изящной перчатке и приложил все силы, чтобы сохранить ровный голос:

— Я живу, чтобы служить вам.

— К чему такая официальность? — ее губы изогнулись в задумчивой улыбке.— Видит Бог, в моем поступке нет ничего официального.

— Иногда официальные фразы очень точно выражают смысл глубокий и чистосердечный.

Марк Антуан проводил Изотту к креслу, со свойственной ему предупредительностью усадил ее спиной к свету — он подумал, что так ей будет удобнее,— и встал перед ней в ожидании.

— Не знаю, с чего начать...— глаза ее были опущены на лежавшие на коленях руки.— Зачем вы приехали в Венецию?

— Зачем? Но разве я не объяснил предыдущей ночью? Я здесь с государственной миссией.

— И больше ничего? Ничего, кроме этого? — она нервно теребила веер.— Будьте искренни со мной хотя бы из жалости и не делайте преждевременных выводов. Я хочу знать всю правду.

Марк Антуан колебался. Разлившаяся по лицу бледность выдавала его волнение, но Изотта по-прежнему не поднимала взора.

— Принесет ли вам пользу такая правда?

Она ухватилась за это.

— Ах! Это нечто большее, чем просто каприз! Вы можете мне этим.

— Я не понимаю, чем это поможет, но вы узнаете правду, если требуете ее, Изотта. Государственная необходимость привела меня с особой миссией в Венецию. Но истинной причиной моего приезда... Ваше сердце должно подсказать вам, что было этой причиной.

— Я хочу услышать это от вас.

— Это моя любовь к вам, Изотта. Бог знает, зачем

в нынешних обстоятельствах вы заставили меня говорить о том, что я намерен был скрыть.

Она наконец подняла на него глаза.

— Я должна была сначала услышать это от вас ради чувства собственного достоинства: чтобы не презирать себя за то, что доверяла словам больше, чем они того стоят. Теперь могу сказать, как я поняла слова, произнесенные вами в ночь перед отъездом из Лондона в Тур. Я сочла их вашим обетом, и потому мое немое одобрение этих слов наложило обет и на меня. Если вы останетесь в живых, сказали вы, то вы последуете за мной в Венецию. Вы помните?

— Мог ли я забыть?

— Я любила вас, Марк. Вы это знали, не так ли?

— Я надеялся на это. Как все мы надеемся на спасение.

— Ах, но я хочу это знать. Быть уверенной в этом! Мне было девятнадцать, но не тщеславие заставило меня принять в качестве трофея обет любви от мужчины. И я хочу, чтобы вы знали: я неизменна в своей любви. Я люблю вас, Марк, и сердце мое разбито.

Он оказался перед ней на коленях.

— Милая! Вы не должны так говорить.

Она провела рукой по его голове. Другой рукой в это время она, казалось, пыталась сломать свой веер.

— Выслушай, дорогой. Мое сердце разбилось, когда пришло известие, что ты погиб. Отец с матерью знали, да и Доменико тоже. Они, все любившие тебя, были очень нежны со мной, сочувствовали мне и помогли вернуться к миру и покою. К смиренному покою... Но, сохраняя внешнее спокойствие, я постоянно возвращалась к воспоминаниям, живущим в кровоточащем сердце. Вы погибли! Вы забрали с собой радость, которую жизнь могла доставить мне. О, я осмеливаюсь быть столь откровенной с вами. Но это помогает мне... Вы погибли. Но моя жизнь продолжалась; и с помощью близких я собрала все мужество, какое могла.

Она на мгновенье замолкла, а затем продолжила повествование ровным, почти безжизненным голосом.

— Потом появился Леонардо Вендрамин. Он полюбил меня. В другое время его положение было бы непреодолимым барьером между нами. Но, хитрый и расчетливый, он понял, что в качестве свадебного подарка мог бы предложить свое влияние в среде барнаботти; знал, как к этому отнесется мой отец, пламенный патриот, и увлек

его своим красноречием... Меня убедили, что я могу оказать услугу гибнущему государству, что мой брак с таким влиятельным человеком поможет привлечь на нашу сторону много голосов в Большом Совете, и это определит исход борьбы между партиями в нашу пользу. Сначала я противилась, испытывала понятное отвращение... Отказала... Я принадлежала вам. Я поддерживала себя мыслью, что земная жизнь — лишь послушничество ради последующей жизни; и в той другой жизни я нашла бы вас и сказала: «Дорогой мой, вы не смогли прийти ко мне на земле, но я сохранила себя вашей невестой и пришла к вам сейчас». Понимаете ли вы, дорогой, какую силу придавала мне эта мечта?

Не давая ему ответить, она продолжала:

— Но даже тогда они не оставили своих уговоров. Я не выдержала и, наконец, сломилась под их настойчивыми мольбами, отступила перед мыслью, что отдам себя достойному и священному делу, и жизнь моя не окажется бессмысленной. Благовидный предлог, не так ли? И потому, дорогой, я уступила. Не с легким сердцем, поверь мне. Со слезами, пожалуй, более обильными, чем от известия о вашей гибели. Душа моя была убита...

Она умолкла, Марк Антуан тоже молчал. С одной стороны, он не мог подобрать слов, чтобы выразить душившие его чувства, с другой — понимал, что она еще не сказала главного. Вскоре Изотта продолжила:

— Прошлой ночью после вашего ухода я говорила с отцом. Спросила, обязана ли я выйти замуж за Вендрамина. Он был очень нежен со мной, потому что любит меня, Марк. Но Венецию он любит больше. Я не могу обижаться на это. Если он любит Венецию больше, чем себя, разве может он любить свою дочь больше, чем Венецию? Отец объяснил, что отказ приведет к непоправимому бедствию. Если я откажусь сейчас, это может побудить Леонардо из мести перейти со своими силами в лагерь противников. Представляете себе, как я мучаюсь и как я беспомощна? Возможно, если бы я была действительно смелой, Марк, небрежной в отношении обязательств, чести, я бы сказала вам: «Дорогой, берите меня и владейте мной, и пусть случится то, что случится». Но у меня нет смелости разбить сердце отца, нарушить данный мною обет, который так его заботит. Совесть не даст мне потом покоя, и позор отравит нам жизнь, Марк. Вы понимаете?

По-прежнему коленопреклоненный, держа ее руку

в своей, он привлек Изотту к себе. Она опустила голову ему на плечо.

— Скажите мне, что вы понимаете,— заклинала она.

— Очень хорошо понимаю, дорогая,— ответил он печально.— Так хорошо понимаю, что едва ли вам нужно было причинять себе страдания этим приездом сюда, чтобы рассказать мне это.

— Нет, нет. Мне стало легче от того, что я все вам рассказала. Если вы не видите этого, значит, вы еще не поняли. Пусть я не могу отдать вам себя, дорогой, но я предлагаю свою душу. Вы узнали, кем стали для меня после нашего тайного обета. Мое утешение в том, что теперь вы знаете обо всем, что между нами все выяснено, что теперь не может быть ни колебаний, ни душевных мук. Это оживляет мои надежды на будущее в той другой жизни. Отныне вы тоже знаете, что душа моя всегда будет принадлежать вам. Мое вечное Я, которое на время облачилось в эту плоть, как в одежду, и некоторое время обязано носить эту одежду.

Она уронила веер, который прежде сгибала и скручивала, на колени, и подалась вперед, взяв его голову в руки.

— Дорогой мой Марк, верите ли вы вместе со мной, что жизнь на земле — это еще не все для нас? Если я причинила вам боль, Бог — свидетель, что я причиняю боль и себе, следуя уготованным мне путем. Найдете ли вы утешение в том же, в чем нашла его я?

— Если не будет иного выхода, Изотта,— ответил он.— Но еще не все сделано. Мы еще не прошли этот путь до конца.

Ее глаза наполнились слезами, она покачала головой.

— Не пытайте ни себя, ни меня такими надеждами.

— Надежда — не пытка,— ответил он ей.— Это болеутоляющее средство в нашей жизни.

— А когда она рассыплется? Какие страдания будут потом? Агония?

— Рассыплется ли? Пока этого не случилось, я буду хранить надежду в своем сердце. Она необходима мне. И вы дали ее мне, Изотта, с великодушием, какого нет ни у кого, кроме вас.

— Я хотела бы дать вам надежду и получить ее от вас, но не ту надежду, которая ведет к мучительнейшему разочарованию. Успокойтесь, дорогой мой. Умоляю вас.

— Да, я успокоюсь. Я успокоюсь в ожидании дальнейших событий. Заказывать реквием ⁴², когда пациент еще жив, это не в моих правилах.

Он поднялся и привлек ее к себе так, что ее грудь прижалась к его груди, его руки овладели ее руками. С ее колен упали на пол веер и маска...

Легкий стук в дверь — и, прежде чем Марк Антуан успел ответить, она открылась.

Находясь прямо перед дверью, Марк Антуан, стоявший, как стоял, с Изоттой в объятиях, увидел хозяина, возникшего в проеме двери, и его испуганное лицо. За его плечом промелькнуло другое лицо, коленое и самодовольное. Через мгновение, поспешно ретировавшись, хозяин захлопнул дверь столь же резко, как и открыл. Но густой глубокий смех в коридоре усилил растерянность Изотты.

Они отстранились друг от друга, и Марк Антуан наклонился, чтобы поднять веер и маску. В панике Изотта едва не порвала белую маску и поспешно, непослушными пальцами привела ее в порядок.

— Там кто-то есть, — прошептала она. — Ждет за дверью. Как мне уйти?

— Кто бы это ни был, он не посмеет помешать вам, — сказал он и, направившись к двери, распахнул ее настежь.

На пороге ждал хозяин, за ним — Вендрамин.

— Этот господин, — оправдывался Баттиста, — сказал, что он — ваш друг и что вы ожидаете его.

Вендрамин широко и неприятно улыбался с выражением безграничного понимания.

— Ах! Но, черт возьми, этот дурень не сказал, что у вас дама. Да простит меня Бог за то, что я помешал.

Марк Антуан оставался невозмутимым, превосходно скрывая свое глубокое возмущение.

— Ничего! Мадам уже собирается уходить.

Изотта, подчиняясь его взгляду, уже направлялась к двери. Но Вендрамин не отодвинулся, чтобы дать ей пройти. Он по-прежнему стоял в дверном проеме, наблюдая за ее приближением лукавым взором.

— Не дайте мне явиться причиной расставания, умоляю вас, — произнес он с вкрадчивой галантностью. — Я не из тех, кто не ценит красоту, мадам! Не снимете ли вы маску вновь, чтобы позволить мне извинениями искупить свое вторжение.

— Лучшее, что вы можете сделать, это позволить даме выйти.

— О, это поистине приказ, — молвил Леонардо и отступил.

Изотта пронеслась мимо него и исчезла, предоставив

венецианцу лишь вдохнуть тонкий слабый аромат изысканных духов.

Когда хозяин удалился вслед за ней, Вендрамин закрыл дверь, с веселым лицом подошел к Марку Антуану и хлопал его по плечу.

— О, мой дорогой англичанин! Клянусь, вы не теряете времени даром. Какие-то двадцать четыре часа в Венеции, и вы уже разобрались в наших способах заводить знакомства, а на это обычно уходят недели. Черт возьми, во Франции вы научились не только языку!

И Марк Антуан, чтобы избежать каких-либо подозрений об истине, вынужден был поддержать пошлый тон этого повесы и подтвердить приписанное ему легкомыслие:

— Это — единственное, что остается для мужчины из другой страны. Следует использовать то, что умеешь.

Вендрамин игриво ткнул его в бок.

— Образец скромности, клянусь! А выглядит она изящно. Мои глаза, мой друг, могут обнажить даже монахиню. Так что ради собственного удовольствия не позволяйте ей так закутываться.

Марк Антуан решил, что пора изменить тему.

— Вы сказали хозяину, что я жду вас?

— Вы ведь не станете прикидываться, что забыли меня? Поздно вечером, когда я довез вас до гостиницы, то предупредил, что заеду нынче утром, чтобы взять вас к Флориану. Но вы еще не одеты. Это неглиже... Ах да, конечно, эта дама...

Марк Антуан отвернулся, скрывая отвращение.

— Мне надо надеть костюм и туфли. Я скоро вернусь к вам.

Он уступил настояниям Вендрамина без спора, чтобы хоть на минуту уединиться в спальне и справиться с переживаниями, вызванными приходом Изотты и этим несвоевременным вторжением.

Мессер Вендрамин не спеша направился к балкону, улыбаясь пикантности приключения. Что-то скрипнуло у него под ногой. Он нагнулся и поднял вещь, размером и формой напоминающую половинку крупной горошины. Когда она оказалась у него на ладони, солнечный свет высек из нее неясный отблеск. Вендрамин оглянулся — дверь в спальню была закрыта. Он продолжил свой путь к балкону. И там остановился, разглядывая маленький камешек. Неприятная усмешка тронула его полные губы, когда он понял, что заполучил улику. Было бы забавно, если бы ему однажды выпал случай

обнаружить неосторожную обладательницу. Усмешка стала еще шире, едва он опустил кабашон⁴³ сапфира в карман своего жилета.

Глава IX

ЕГО СВЕТОСТЬ

Гондола Вендрамина проплыла мимо величественного портала Санта-Мария-делла-Салуте, через бассейн Св. Марка. Снаружи гондола имела довольно мрачный вид. Но изнутри фелца с широкими мягкими сиденьями, покрытыми кожей с вышитыми на ней золотыми, красными и ультрамариновыми узорами, была украшена искусной резьбой по дереву и маленькими разноцветными щитами гербов. Нарочитая роскошь убранства явно не соответствовала средствам обедневшего патриция и казалась Марку Антуану чрезмерной.

Впрочем, как он убедился этим утром, подобная экстравагантность отличала не только Леонардо — так делала вся Венеция. Жизнь бурлила повсюду в этом залитом ярким солнечным светом городе. Толпы людей, гуляющих по набережной канала Скъявони, праздно шатающихся на Пьяццетте или фланирующих по главной площади, были охвачены беззаботным весельем. Настроение венецианцев — простого люда, бюргеров и патрициев — казалось безоблачным, как голубой небосвод над головой, и не омрачалось мыслями об отдаленных раскатах бури, которая вскоре могла погубить их.

Пестрый людской поток катился вдоль Скъявони мимо угрюмого здания тюрьмы, за внушительными решетками которой гримасничали и тянули руки за милостыней арестанты, чем вызывали сочувствие у некоторых и насмешки у большинства. Следуя дальше на запад и миновав изящную готику отделанного мрамором Дворца дожей⁴⁴, соединенного с тюрьмой⁴⁵ мраморным украшением — мостом Вздохов⁴⁶, — этот поток растекался по простору Пьяццетты, завихряясь вокруг гранитных колонн, одну из которых венчали Святой Теодор⁴⁷ и дракон, другую — эмблема Святого Марка⁴⁸ — лев, прижавший лапой раскрытую книгу.

Марк Антуан ступил на тротуар из трахита⁴⁹ и мрамора, выложенный в виде ковра. У него захватило дух при виде просторной площади с аркадами собора Святого Мар-

ка и чуда изящества — колокольни, вонзившейся, подобно гигантской стреле, своим острием в голубизну неба⁵⁰.

Здесь, в сердце великого города, пульс его жизни бился с особой силой.

Возле бронзовых пьедесталов высоких флагштоков расположился знахарь в фантастической шляпе с плюмажем из радужного петушиного оперения, хрипло нахваливавший свои мази, благовония и косметику. На другой стороне площади странствующий кукольный театр развлекал толпу, и взрывы хохота пугали кружащих над головой голубей.

Марк Антуан и Леонардо подошли к столикам в тенистой части площади Святого Марка.

Здесь царила веселая праздная атмосфера. Меж светских бездельников, и мужчин, и женщин, крутились странствующие торговцы, предлагавшие картины, восточные ковры, безделушки из золота и серебра, стеклянные украшения с Мурано⁵¹ и прочие товары. Одежды людей, расположившихся за маленькими столиками, переходили все границы расточительности — тщетная попытка скрыть за внешней роскошью трагедию обнищания.

«Если Светлейшая,— подумал Марк Антуан,— и находится на смертном одре, то умирает она так же, как жила: среди наслаждений и смеха. Впрочем, таким был конец и Греческой Республики».

Он маленькими глотками пил кофе и равнодушно внимал болтовне Леонардо, увлеченный калейдоскопом красок и фасонов экстравагантных одежд фланирующих бездельников. Там — шелка и атлас аристократов; здесь — более скромное платье торговца или грубые коричневые одеяния монаха, торопливо опускающего взгляд к своим сандалиям. Изредка мимо проплывала алая тога сенатора, важно следующего в Прегади⁵², или белый мундир и шляпа с кокардой щеголеватого офицера; мелькали стайки юбок в складку албанцев и куртки черногорцев, подпоясанных кушаками красного и зеленого цвета,— солдат из далматских провинций Светлейшей.

Время от времени Леонардо указывал на кого-нибудь из известных в Венеции людей. Но, пожалуй, лишь один человек вызвал некоторое удивление Марка Антуана: крепкий, смуглый, маленького роста мужчина средних лет в черном парике и поношенном одеянии, с насмешкой на плотно сжатых губах и с цепким взглядом беспокойных наблюдательных глаз. Он не просто сидел один, но как-то даже выделялся своим одиночеством: все столики вблизи

него оставались свободными, словно он распространял вокруг себя некую болезнь, которой окружающие старались не заразиться. Как оказалось, это был Кристофери Кристофори — известный, можно сказать, конфиденциальный агент Совета десяти, и Марк Антуан поразился, что можно служить шпионом, будучи разоблаченным.

Прошла парочка, бесцеремонно проталкивающаяся через толпу, которая, тем не менее, с готовностью уступала им дорогу. Мужчина, важничающий коротышка, смуглый и безобразный, был в изрядно потертом костюме из камлота⁵³, надеть который в праздничный день и ремесленник счел бы ниже своего достоинства. Рядом с ним, пошатываясь, шла толстая, неопрятная женщина лет пятидесяти и откровенно висла у него на руке. За ними следовали двое мужчин в черном, у каждого из которых на груди висел золотой ключ — знак камергера. Замыкал эту маленькую процессию гондольер в потрепанной ливрее.

— Это что за пугало? — спросил Марк Антуан.

Всегда готовый пошутить, Леонардо не замедлил рассмеяться.

— Очень точно! Именно пугало, и не только внешне. Его участь — пример того, как мало может значить сейчас имперская защита. Серьезное предупреждение всей Италии, а более всего — Венеции. Поистине пугало! Это — кузен австрийского императора Эрколе Ринальди д'Эсте, герцог Моденский, недавно изгнанный из своих владений якобинцами, образовавшими Циспаданскую Республику⁵⁴, объединив Модену и Реджо⁵⁵. Женщина — Кьяра Марини, говорят, это его вторая жена.

Марк Антуан кивнул, как всегда подчеркнуто сдержанно, тем самым пресекая все попытки Вендрамина вызвать его на откровенный разговор.

Так ничего и не добившись, при расставании Леонардо с присущей ему экспансивностью обещал вскоре еще раз навестить своего нового знакомого.

Марк Антуан окликнул гондолу со ступенек Пьяццетты и отправился на Сан-Даниэле к графу Пиццамано.

Он отобедал с графом, графиней и Доменико. Изотта осталась в своей комнате под предлогом недомогания. Уже к вечеру граф повез его в дом Пезаро, где находилась резиденция дожа.

Людовико Манин принял их в богато убранной комнате, которая служила ему кабинетом.

Марк Антуан поклонился тучному человеку лет семи-десяти, чья просторная алая мантия не могла скрыть

огромного живота, охваченного поясом, усыпанным драгоценными камнями. На голове вместо парика красовалась черная вельветовая шапочка. У дожа было бледное лицо с обвисшими щеками, массивным орлиным носом и очень темными, тусклыми глазами под тяжелыми черными бровями. Верхняя губа выдавалась вперед, придавая почти глупое выражение его невыразительному лицу.

Он принял посетителей с подчеркнутой учтивостью, проявляя к графу Пиццамано искреннее уважение.

Марк Антуан был представлен как мистер Мелвил, прибывший с поручением от его британского величества. Граф заявил, что познакомился с ним еще в Лондоне и готов поручиться за него.

Очевидно, для Людовико Манина это было лучшей рекомендацией, и он, обратив к Мелвилу внимательный взгляд черных глаз, изъявил готовность выслушать его.

— Конечно, установленные нормы не позволяют принимать заявления правительства от чрезвычайного посланника, приехавшего как частное лицо. Но трудности и тревоги нынешнего времени, а также настоятельная просьба моего друга графа Пиццамано, надеюсь, оправдывают меня. В наши дни многое ставит нас в тупик. Однако, сэр, садитесь, и давайте побеседуем.

Излагая точку зрения мистера Питта о нависшей над Европой угрозе французского нашествия, Марк Антуан подчеркнул, что ради спасения цивилизации следует объединиться в борьбе против общего врага. Он выразил сожаление по поводу неучастия в коалиции тех, чьи интересы полностью совпадают с интересами Англии, Австрии и прочих. Важнейшее значение британский премьер-министр, по словам Мелвила, придавал позиции Светлейшей, у границ которой теперь находятся французские армии. До настоящего времени Венеция оставалась в стороне от событий, поскольку пьемонтской и австрийской армий, казалось, было вполне достаточно для защиты Италии. Но пьемонтская армия уже разгромлена, и Савойя⁵⁶ сдана французам. Кроме того, при поддержке Франции якобинское восстание охватило Модену и Реджо, которые объединились в Циспаданскую Республику и приняли анархистские принципы свободы, равенства и братства. Это может произойти и в Венеции.

Его светлость поднял руку, останавливая его.

— Не сравнивайте Модену с Венецией — здесь совсем иная ситуация. То государство возмущено правлением чужеземного деспота и потому созрело для восстания.

Венецией управляют ее же патриции, и народ доволен их правлением.

Марк Антуан дерзко спросил:

— Есть ли у Венеции другие гарантии, что ее границы не будут нарушены?

— Безусловно. Наша гарантия — дружеское соглашение французской Директории и Венеции. Франция ведет войну против Австрии, а не против Италии. Только на прошлой неделе месье Лальман, выступая от имени генерала Бонапарта, потребовал от Совета десяти точно определить линию нашей границы на суше, чтобы в ходе военных действий не нарушить ее. Следует ли нам разделять опасения мистера Питта, который оказывает нам честь заботой о наших интересах?

В тоне Манина звучало торжество победителя, но Марк Антуан осадил его:

— Франция лишь заботится о приличиях, и, пока их планы не созреют, они будут лицемерно вводить вас в заблуждение.

Такое заявление обидело дожа.

— Пустые домыслы!

— Ваше высочество, это — факт, и, по величайшей милости фортуны, я заполучил тому исчерпывающее доказательство.

Он достал письмо Барраса Лебелю, развернул и вручил его дожу.

Изредка раздавалось лишь тяжелое дыхание Манина и шелест страниц документа в его холеных белых руках. Наконец, ошеломленный и сильно встревоженный, он вернул письмо.

— Это подлинник? — спросил дож охрипшим голосом.

Вопрос был риторическим и едва ли требовал ответа, но Марк Антуан представил соответствующие заверения

— Но тогда... — Тусклые глаза смотрели обескураженно.

Марк Антуан был откровенен:

— То, что три месяца назад было бы любезным и великодушным жестом со стороны Светлейшей республики, сегодня стало настоятельной необходимостью, если Венеция намерена избежать уничтожения.

Вздвигнув, дож вскочил на ноги.

— Боже! О, Боже! Не говорите таких слов!

В разговор вмешался граф:

— В данном случае слова правильны. Здесь не должно быть недоразумений. Мы понимаем, в каком положении

находимся. Нам осталось только вооружиться и объединиться с Австрией против общего врага.

— Оружие?! — Дождь посмотрел на него в ужасе. — Оружие? А военные расходы? Вы подумали об этом? — Дождь, богатейший человек республики, обязанный своим избранием огромному богатству, был печально известным скрягой.

— Военные расходы! — бушевал он. — Пресвятая Дева! Как их оплатить?

Марк Антуан заметил:

— Тем не менее необходимые расходы окажутся меньшими, чем дань победоносному Бонапарту.

— Бонапарт! Бонапарт! Вы говорите так, будто Бонапарт уже здесь.

— Он почти у ворот, ваша светлость.

— И, поскольку вам теперь известны истинные намерения французов, — проворчал граф, — вы не можете надеяться, что он появится на пороге, обнажив голову.

Дождь рассвирепел.

— Разве нет империи? Даже если армия Болье⁵⁷ разбита наголову, возможности императора отнюдь не исчерпаны. Австрия уже оставила Бельгию. Вы полагаете, она позволит, чтобы и итальянские провинции постигла та же участь?

— Однако, несмотря на свои возможности, она оставила Бельгию, — ответил Марк Антуан со сдержанным раздражением.

Граф, в порыве пламенного патриотизма, вновь вступил в спор:

— В любом случае, мы не можем оставаться в стороне и безучастно наблюдать, как другие ведут за нас сражения. Это удел женщин, а не мужчин.

— Это вовсе не наши сражения. Это — дело Австрии.

То было явное упрямство, и в ответе графа промелькнуло нетерпение:

— Но мы извлекаем выгоду из потерь Австрии и не платим ничего сами. Согласится ли с этим Совет?

Дождь отвернулся. Сгорбившись, он поплелся к окну.

Марк Антуан промолвил ему вдогонку:

— С позволения вашей светлости, осмелюсь заметить, что, ожидая мер со стороны империи, Венеция может оказаться под пятой завоевателя. Но, ничего не сделав для Австрии, ничего не сделав даже для себя, сможет ли она в этом случае рассчитывать на ее помощь?

Прошло много времени, прежде чем Манин вернулся

от окна к собеседникам. Теперь он вновь овладел собой и заговорил:

— Господа, я благодарен вам. Мы пока ничего не сможем сделать. Это — дело Совета. Я созову его, не теряя времени. А теперь, если вы позволите...— он провел рукой по влажному лбу.— Как вы понимаете, я потрясен, глубоко потрясен всем этим.

На обратном пути граф был очень мрачен.

— Я уже говорил вам, что день избрания фриулийца дожем был гибельным для Венеции. Вы сами видели. Он будет просить, будет долго говорить, пережжет все свечи, прежде чем соберет людей и вооружит их. Он всегда будет надеяться на чью-то помощь — Австрии или небес. У нас в Венеции есть решительные люди, которые с самого начала требовали, чтобы мы вооружились. И барнаботти поддержат их. Это — дело Вендрамина. Время действий пришло.

Теперь Марк Антуан мог считать свою миссию выполненной. Но он решил пока не оставлять дела и потому на следующий день вновь отправился к Лальману.

Лже-Лебель рассказал Лальману о своих действиях. Под именем мистера Мелвила он уже повидал посла Британии, у которого не смог вызвать доверия. Лальман сказал о сэре Ричарде:

— Этот человек готов подозревать даже собственную мать.

Они посмеялись, и Марк Антуан продолжил:

— Сенатор, граф Пиццамано, член Совета десяти,— единственный, кто знает меня достаточно хорошо, чтобы представить дожу. Мы встречались с Манином. Этот человек не доставит нам беспокойства.

Посол, пораженный смелостью так называемого Лебеля, согласился. Он с пренебрежением относился к венецианскому правительству и венецианским патрициям. Они жили иллюзиями утраченного величия и отказывались видеть настоящее. Венецианское ремесло слабело, а ее торговля, сдавленная тисками налогов, задыхалась. Как следствие, финансы ее были безнадежны.

— Подобно всем нациям на последней стадии упадка, Венеция плодит общественные службы и берет на себя все более и более тяжелое бремя поддержания своих обедневших слоев. Словно человек, который, осознав неизбежность разорения, в последнюю минуту старается помочь своим нуждающимся родственникам.

Естественно, это высказывание относилось к барнабот-

ти и Вендрамину, которого посол охарактеризовал как человека огромного влияния в среде этих обедневших патрициев.

— Тем не менее он единственный из барнаботти, кто не проявляет признаков бедности, — заметил Марк Антуан.

Широкое лицо Лальмана расплылось в улыбке.

— Как же иначе? Мы следим за этим.

Дыхание Марка Антуана участилось.

— Он на нашем содержании?

— Пока нет. Но это лишь вопрос времени. — Умные глаза искрились весельем. — Он нам нужен. Если дело дойдет до борьбы в Совете между нашими сторонниками и австрофилами, я знаю, что результат определит человек, контролирующий выбор барнаботти. Этот человек — Вендрамин. Впоследствии я куплю его.

— Это хорошо задумано. Но если он не продается?

— Есть пути принуждения таких людей, и, клянусь, я не испытываю к нему жалости. — Его губы искривила презрительная усмешка. — Эти порочные распутники полезны лишь тем, что в случае необходимости их можно использовать для поддержки достойных сторонников. За это дело отвечает виконтесса.

— Какая виконтесса? — спросил Марк Антуан.

Лальман от подобного непонимания потерял терпение:

— Ваша виконтесса, естественно. Или если не ваша, то Барраса. Из его гарема, я полагаю. Но то, что она стала виконтессой — ваше собственное изобретение. Вы умно направили ее сюда под видом эмигрантки. Маленькая ловкая плутовка!

— А-а, эта! — произнес Марк Антуан, удивляясь, что же это за дьявольская женщина, но поостерегся задавать вопросы. — О да, достаточно ловкая.

Он вспомнил, что посол и прежде уже упоминал об этой женщине.

Глава X ⁵⁸

ФАРАОН

Чerez несколько дней Леонардо Вендрамин пришел к Марку Антуану, чтобы выполнить свое обещание — показать мистеру Мелвилу кое-что из жизни венецианского общества. Он повез его в казино дель-Леоне, находящееся возле Прокураций ⁵⁹. То было нечто вроде

клуба — одно из маленьких заведений, возникших на смену фешенебельному салону Ридотто, закрытому Советом десяти около двадцати лет назад из-за напумевших скандалов, связанных с азартными играми. Эти же игры стали главной причиной возникновения множества маленьких казино.

Марк Антуан очутился в изысканной передней с затянутыми парчой панелями, изящной мебелью, хрустальными канделябрами и зеркалами из венецианского стекла. Атмосфера в помещении была душноватой, насыщенной смесью ароматов духов, мягко плывущей разноголосицей светской болтовни и сдержанным смехом.

Лакеи в белых чулках, с густо напудренными волосами, кружили с подносами прохладительных напитков и мороженого; откуда-то доносились плавные звуки мелодии.

Мелвил чувствовал что-то неуловимо нездоровое и отталкивающее в этом храме легкомыслия и беспечности, воздвигнутом, как он полагал, на вулкане, который в любой момент мог взорваться.

Леонардо Вендрамин — несомненно, известная здесь личность — был знаком со всеми. Он представлял своего спутника то одному, то другому, и Мелвил отметил, что здесь встречаются патрицианские фамилии, известные даже ему. Одна дама украдкой рассматривала его поверх веера, другая была более откровенна и приглашала его, освобождая место возле себя.

От заигрываний донны Леоноры Долфин Мелвила извлек Вендрамин, и они скрылись в комнате для игры в фараон, которую Леонардо окрестил святая святых этого заведения. Там им встретился темноволосый молодой человек крепкого телосложения, но с бледным лицом и темными бегающими глазами, экстравагантностью и роскошью костюма превосходивший даже самого Вендрамина. Он уже уходил, явно разочарованный.

Леонардо представил его как «самого настойчивого и дерзкого кавалера фортуны», на что молодой человек, которого звали Рокко Терци, отозвался горьким смехом:

— Лучше представьте ему фортуна как самую прямую и неподатливую особу из всех, кого я домогался.

— Чего же вам еще надо, Рокко? Вы знаете поговорку: «Если везет в любви...»? — он взял Терци под руку. — Вернемся, друг мой. Говорят, неудачники приносят удачу другим. Постойте возле меня минут пять, пока я буду понтировать⁶⁰. Вы позволите, мистер Мелвил?

Пять минут превратились в десять, в чем Леонардо

явно не отдавал себе отчета; затем они выросли до двадцати, а он, по-видимому, даже не думал о том, что заставляет гостя ждать. Гость, время и весь мир были забыты в баталиях, которые он вел, неизменно терпя поражение.

Рокко Терци утомленно зевнул. Он устроился рядом с Марком Антуаном на обтянутой красной парчой банкетке, откуда они хорошо видели сидевшего за карточным столом Вендрамина, побагровевшего от возбуждения.

— Видите, какую я принес ему удачу? — проворчал Терци. — У него тоже ничего не получается. Богиня ненавидит не только меня, она ненавидит и моих друзей.

Он встал, слегка растягивая губы в улыбке.

— Единственной компенсацией за разорение, которую я получил сегодня вечером, стало удовольствие познакомиться с вами, мистер Мелвил!

Марк Антуан поднялся, и они обменялись рукопожатием. Венецианец добавил:

— Надеюсь, мы еще увидимся. Обычно я провожу время здесь. Если вы спросите меня, то окажете мне честь. Рокко Терци, ваш покорный слуга, сэръ!

Он откланялся. Марк Антуан вновь сел в ожидании.

Дюжина игроков, половину из которых составляли женщины, сидели вокруг овального зеленого стола. Многочисленные зрители стояли и ходили около играющих. Банк держал дородный мужчина, сидевший спиной к Марку Антуану, неподвижный, как истукан.

Игра у Вендрамина не шла, и чем больше он проигрывал, тем более рискованными становились его ходы.

Марк Антуан ни разу не видел, чтобы он взял со стола банк, когда выигрывал. Каждый раз голосом, который становился все более хриплым и возбужденным, он повышал ставки, и, если вновь выигрывал, следующее повышение звучало новым вызовом фортуны, но обычно вело к проигрышу. Выиграв в очередной раз, Леонардо пошел ва-банк и проклял судьбу, вновь упустив весь выигрыш.

Когда ставки стали уменьшаться, что говорило о приближении ресурсов Вендрамина к концу, Марк Антуан оценивал его убытки в две-три сотни дукатов⁶¹.

Наконец Леонардо отодвинул стул и тяжело поднялся. Через мгновение глаза его наткнулись на Марка Антуана, и он, казалось, только теперь вспомнил о его присутствии. Вендрамин направился к нему неровной походкой. Обычное веселье покинуло барнаботто.

— Худшее заключается в том, что я вынужден встать из-за стола в тот момент, когда, по всем законам случайности, ход игры должен измениться!

— У случайности нет законов,— сказал Марк Антуан, чтобы поддержать разговор.

Но венецианец усмотрел в этих словах вызов.

— Ересь! Одолжите мне сотню дукатов, если у вас есть при себе, и я докажу вам это!

У Марка Антуана были при себе деньги. Он был хорошо обеспечен. Его лондонские банкиры открыли ему в Венеции кредит у Виванти, а граф Пиццамано поручился за него перед этим знаменитым евреем-финансистом.

Вендрамин взял сверток с монетами, коротко поблагодарил и в мгновение ока вновь оказался за игорным столом.

Уже через десять минут, бледный, с лихорадочным блеском в глазах, он поставил последние десять цехинов. И еще раз проиграл, так что и деньги, взятые в долг, были потеряны.

Но прежде, чем была перевернута последняя карта, к Вендрамину подошла и встала за его спиной женщина в бледно-фиолетовом платье, легкая и гибкая, как тростинка, с золотистыми, высоко подобранными и почти незаметно припудренными волосами, яркий натуральный цвет которых вызывал восхищение. Марк Антуан не заметил, как она вошла, но обратил на нее внимание теперь, ибо эта женщина привлекла к себе взгляды всех мужчин — изысканно утонченная, словно из дрезденского фарфора⁶², и столь же хрупкая на вид.

Она посмотрела последнюю карту, слегка вытянув тонкую шею; ее веер плавно двигался, а лицо было совершенно спокойным. Она даже слегка улыбнулась бурным восклицаниям, которыми Вендрамин сопровождал свой последний проигрыш. Затем маленькая ручка легла ему на плечо, удерживая за столом.

Он поднял на нее глаза и встретил улыбку. Из маленькой парчовой сумочки женщина извлекла сверток и положила на зеленый стол.

— Какой смысл? — спросил Вендрамин. — Удача отвернулась от меня!

— Да вы трусливы! — засмеялась она. — Вы готовы признать свое поражение? А нынче побеждает стойкость!

Он продолжил игру, увеличивая ставки по-крупному и неизменно проигрывая, пока опять все деньги не вышли. Но и тогда эта дама не позволила ему встать.

— У меня при себе чек на две сотни в банке Виванти. Подпишите чек и возьмите деньги. Вернете мне их из своего выигрыша.

— Мой ангел! Мой ангел-хранитель! — воскликнул Вендрамин.

Сначала он проигрывал. Но, наконец, фортуна стала снисходительнее. Гора денег перед ним была похожа на крепостной вал, когда тучный банкир объявил об окончании игры. Тогда Вендрамин сгреб свои деньги и собирался встать из-за стола, но искусительница вновь остановила его.

— Вы оскорбляете фортуна, когда она улыбается вам так благосклонно? Друг мой, стыдно! Поставьте на банк все, что у вас есть!

Банкомет колебался лишь мгновение. Поставленный банк неуклонно шел в пользу понтирующих. Аккуратно сложенные столбики быстро убавились, и Вендрамин, побледневший от возбуждения, играл резко и грубо; учтивость вовсе покинула его.

Что касается дамы, подстрекавшей Леонардо к этой глупости, то Марк Антуан почти не сомневался, что перед ним — таинственная виконтесса. По словам Лальмана, Лебель добился для нее титула, чтобы ей было легче выполнять обязанности тайного агента. Марк Антуан наблюдал за ней. То ли она заметила его интерес к себе, то ли сама почувствовала к нему интерес, но обворожительный взгляд ее голубых, как незабудки, и ясных, как летнее утро глаз доказал ему, что ей нетрудно было покорить воображение любого мужчины.

Если бы Мелвил не боялся опоздать к Пиццамано, где его ждали, он бы задержался только ради того, чтобы познакомиться с ней. Но игра, похоже, затягивалась. Марк Антуан тихо встал и так же тихо удалился; его уход остался незамеченным.

Глава XI⁶³

БОЛЬШОЙ СОВЕТ

Лальман вручил Марку Антуану запечатанное письмо от Барраса. Оно подтверждало прежние инструкции сохранять дружественные отношения с Венецией, но указывало также о желательности и своевременности намека венецианцам, что под бархатной перчаткой скрыта

железная рука. Для этого Варрас предлагал потребовать изгнания с венецианской территории бывшего графа де Прованс, который нынче именовал себя Людовиком XVIII⁶⁴. Гостеприимство, проявленное по отношению к нему Светлейшей, могло истолковываться как враждебное к Франции с тех пор, как в Вероне так называемый король Людовик XVIII стал активно плести интриги против Французской республики. Было понятно, что Баррас только и выжидает, когда его планы будут поддержаны правительством, которое по-прежнему пока не решается возмутить гладь своих отношений с Венецией.

Марк Антуан забеспокоился. Верноподданный короля Франции, он сочувствовал этому несчастному правителю, который колесил из одного государства Европы в другое, пока не был принят здесь, и понимал, что Людовика XVIII вновь обрекают на бесконечные скитания.

Он молча сложил и спрятал в конверт письмо и только тут заметил угрюмый вид Лальмана, который наблюдал за ним, облокотившись на стол.

— Здесь ничего нет для вас, Лальман,—сказал он, отвечая на пытливый взгляд.

— А-а! — откликнулся посол.— Тогда у меня, пожалуй, найдется кое-что для вас.

Лальман сразу стал строгим и официальным.

— Мне доложили, что посол Британии извещен о намерениях Бонапарта по поводу союза с Венецией.

Марка Антуана в этом заявлении больше всего поразила быстрота, с которой действовала шпионская организация Лальмана.

— Вы говорили, что он глуп.

— Речь идет не о его уме, а о его информированности. Как вы знаете, то, что он сказал,— правда. Можете ли вы объяснить, как он узнал об этом?

Тон Лальмана стал жестким. Он бросил вызов. Марк Антуан улыбнулся в ответ, чтобы скрыть свое секундное замешательство. Чтобы не затягивать паузу, он ответил:

— Очень просто. Я рассказал ему.

Лальман ожидал любого ответа, но только не этого. Он был обескуражен подтверждением своих невольных подозрений. От изумления его широкое крестьянское лицо побелело.

— Вы ему рассказали?

— Это было поводом моего визита к нему. Разве я вам не говорил?

— Конечно, нет!

Лальман вспылел, но тотчас овладел собой.

— И зачем вы это сделали?

— Разве не ясно? Чтобы он мог повторить эти слова и тем самым успокоить венецианцев, что оставит их бездеятельными.

Прищурившись, Лальман некоторое время рассматривал его. Потом привел неотразимый, как он полагал, аргумент:

— Тогда почему вы приказали мне не давать хода предложению Бонапарта? Что скажете, Лебель?

— Вы, кажется, задаете мне вопросы? — Глаза Марка Антуана посуровели. — Ладно, лучше уж я объясню и развею глупые причуды вашего ума. Но ведь смысл очевиден даже для тупиц.

Он оперся руками на стол и наклонился к послу.

— Неужели вы действительно неспособны постичь разницу между жесткими рамками официального предложения — а вдруг оно будет принято? — и выгодой от распространения ни к чему не обязывающего слуха, обеспечивающего тот же результат? Вижу, вы начинаете понимать. Что ж, это успокаивает. Я уж было разочаровался в вас, Лальман!

С посла слетела вся его самоуверенность. Он опустил глаза и заговорил нерешительно:

— Да, по-видимому, я должен был бы понять это. Приношу вам свои извинения, Лебель!

— За что? — Марк Антуан требовал признания, которого Лальман до сих пор не сделал.

— За... За то, что приставал к вам с ненужными вопросами.

Единственным письмом, написанным в ту же ночь Марком Антуаном, было длинное зашифрованное послание мистеру Питту, в котором он не щадил сэра Ричарда Уортингтона. На следующее утро он отправил это письмо с нарочным капитану английского корабля, отплывающего из порта Лидо.

Вообще же ведение переписки составляло значительную часть его деятельности. Поддержание постоянной связи с Баррасом представляло собой самую трудную и искусную из всех операций, которые он выполнял в Венеции. Марк Антуан писал депеши исключительно собственной рукой, скрепляя их подписью убитого Лебеля, которую он натренировался воспроизводить в совершенстве.

Дни пролетали в напряженном ожидании Большого

совета, который дож обещал скоро созвать. Наконец этот день настал. В тот же вечер Марк Антуан в особняке графа Пиццамано узнал, что произошло на этом собрании.

Он встретил у графа Вендрамина, который чувствовал себя триумфатором. Как выяснилось, с трибуны огромного зала Большого совета он резко осудил бездеятельность сената. Ведь перед лицом опасности уже был увеличен штат чиновников, выделены немалые деньги, а теперь выяснилось, что реально ничего на случай военной угрозы сделано не было.

Вендрамин детально обосновал свои требования: собрать войска в провинциях и срочно переправить их в гарнизоны городов метрополии; обеспечить войска провиантом и обмундированием; должным образом вооружить и укомплектовать людьми порт Лидо; снарядить корабли. Короче, немедленно осуществить все меры, необходимые для подготовки государства к войне, в которую Светлейшая республика в любой момент может оказаться втянутой, вопреки своему благородному и похвальному стремлению к миру.

Когда Вендрамин спустился с трибуны, патрициев, собравшихся под сводами легендарного дворца, охватил страх. С портретов на стенах глаза дожей, управлявших Венецией на протяжении веков, пристально глядели на потомков, в чьих ослабевших руках находились теперь судьбы нации, которая некогда была в числе самых могущественных и богатых на земле.

Не имело смысла проводить голосование, ибо было ясно, что рукоплещущие барнаботти, составляющие три сотни человек из числа присутствовавших на Большом совете, настроены поддержать Вендрамина.

Дрожащий, посеревший лицом Людовико Манин, облаченный в герцогскую мантию и увенчанный корно — усыпанным драгоценными камнями колпаком, свидетельствующим о его царственном положении, — объявил кротким и безжизненным голосом, который терялся в этом огромном зале, что сенат немедленно предпримет шаги во исполнение желания Большого совета, и, в заключение, обратился с просьбой к Богу и Пресвятой Деве, умоляя их взять Венецию под свое покровительство.

С этой ночи Мелвил подметил особенно ласковое отношение графа к Вендрамину и необычайную любезность к нему со стороны Доменико, который приехал из форта Сан-Андреа в Лидо, чтобы присутствовать на совете. А также заметил он и возросшую тоску в глазах Изотты.

После ужина, когда все отправились на лоджию, к прохладе летней ночи, Изотта задержалась и подошла к клавесину, стоявшему у окна в другом конце длинной комнаты. Выражая настроение девушки, из-под ее пальцев полилась очаровательная меланхолическая мелодия Чимарозы⁶⁵.

Марк Антуан, чувствуя ее смятение и желая поддержать возлюбленную, тихо встал и, пока другие были поглощены разговорами о событиях дня, направился к ней.

Она приветствовала его улыбкой, слабой и нежной.

С того самого утра, когда она решилась поехать в гостиницу «Шпаги», они не обменялись и дюжиной слов. Теперь ее шепот был как бы продолжением той тайной беседы.

— Вы можете заказывать реквием, мой Марк.

Глядя ей в глаза, он улыбнулся.

— Нет, пока пациент жив, я не теряю надежды.

— Надеяться больше не на что... Леонардо сделал то, что от него требовалось. Теперь, уже скоро, он потребует платы.

— Скоро он может оказаться не в состоянии требовать.

Руки, на мгновение застыв, уже продолжили игру, чтобы заминка осталась незамеченной. Заглушая мелодией слова, она спросила:

— Что вы имеете в виду?

Марк Антуан понял, что чуть-чуть не сказал больше, чем следовало бы. Интересы Англии не требовали сорвать планы Лальмана прибрать к рукам лидера барнаботти, но сам Мелвил не должен был способствовать этому. Ему оставалось ждать, когда настанет время собрать плоды после того, как дерево потряхнет кто-нибудь другой. Но благоразумие требовало держать это в тайне даже от Изотты. Поэтому Марк Антуан ушел от прямого ответа:

— Жизнь переменчива. Слишком часто мы забываем об этом и дрожим, бессильные перед злом, которое так и не наступает нас.

— И это все, Марк? — Он уловил разочарование в ее голосе. — Это, зло, этот... ужас уже на пороге.

Нередко мысль, высказанная вслух, нестерпимо усиливает страдания. Так сейчас произошло с Изоттой.

Клавиши под ее пальцами издали резкий звук, голова поникла, и Изотта, всегда гордая и сдержанная, склонилась над инструментом и зарыдала.

Это продолжалось не более нескольких секунд, но

этого было достаточно, чтобы сидевшие на лоджии, пораженные диссонансом музыки, почувствовали неладное.

Донна Леокадия поспешно пересекла комнату, охваченная материнским беспокойством. Остальные последовали за ней.

— Что вы сказали ей? — гневно потребовал Вендрамин.

— Сказал ей?

— Я требую!

Доменико встал между ними.

— Вы с ума сошли, Леонардо?

Изотта, взяв себя в руки, встала:

— Мне стыдно за вас. Просто мне немного нехорошо. Мама, я пойду к себе.

Вендрамин обратился к ней с участием:

— Дорогое дитя...

Но графиня мягко отстранила его.

— Не сейчас, — попросила она.

Мать и дочь удалились, а граф, убедившись, что вся суматоха вызвана недомоганием дочери, повел Вендрамина обратно в прохладу лоджии.

Доменико задержал Марка Антуана.

— Марк, друг мой, не проявляете ли вы неосторожность? Не поймите меня неправильно. Вы знаете, что, если бы я мог изменить ход событий, я бы не пожалел сил...

— Я постараюсь быть осмотнительнее, Доменико, — коротко ответил Марк Антуан.

— Надо подумать об Изотте, — продолжал венецианец. — Ее судьба достаточно тяжела.

— Вы действительно понимаете это?

— Не думаете ли вы, что я слепой? Что я не вижу, не понимаю вас обоих?

— Но если вы так сопереживаете Изотте, почему же ничего не предпринимаете?

— Что здесь предпринять? Вы видите, как мой отец заискивает сегодня перед Вендрамином, потому что тот доказал свое могущество. Ради Венеции граф готов пожертвовать всем, что имеет. С этим бесполезно бороться. Разве вы не видите? Мы должны смириться, Марк.

— О, я смирился. Но, смирившись, я жду.

— Чего?

— Подарка богов.

Доменико по-прежнему удерживал его.

— Мне говорили, что вы всегда появляетесь вместе — вы и Вендрамин.

— Благодаря его стараниям.

— Так я и предполагал,— усмехнулся Доменико.— Для Вендрамина все путешествующие англичане — богачи. Он уже одалживал у вас деньги?

— Вы очень хорошо его знаете,— заметил Марк Антуан.

Глава XII

ВИКОНТЕССА

Баттиста, хозяин гостиницы «Шпаги», подобрал слугу для мистера Мелвила — француза по имени Филибер, превосходного парикмахера.

Сей Филибер, толстенький человечек лет сорока, с мягким голосом и неслышной походкой, несколько лет служил у герцога де Линьера. Но герцог отдал голову гильотине, и Филибер оказался без работы. А когда и другие аристократические головы Франции пали под ножами гильотин, Филибер эмигрировал из республики, в которой парикмахеры остались без работы.

Марк Антуан, который очень заботился о своей великолепной черной шевелюре, с радостью принял француза на службу.

В тот день, в соответствии со своими обязанностями, Филибер брил Мелвила. Во время этой интимной процедуры ворвался мессер Вендрамин, очень нарядный, в костюме из сиреневой тафты⁶⁶, помахивающий тростью с золотым набалдашником, и бесцеремонно устроился на стуле у туалетного столика.

Он развлекал англичанина беседой, сыпал анекдотами, в основном скандальными, а иногда и непристойными, в которых сам неизменно выступал героем. Присутствие Филибера вовсе не стесняло его.

Марк Антуан, мысленно послав его к дьяволу, напустил на себя сонный вид.

— Я повезу вас сегодня,— заявил Вендрамин,— в одно из самых изысканных и недоступных казино в Венеции — в казино восхитительной Изабеллы Теотохи. Вы слышали о ней?

Мелвил ничего не знал о ней. Венецианец напустил на себя важный вид и продолжил:

— Я беру вас туда по просьбе одной очаровательной дамы, которая обратила на вас внимание и желает с вами

познакомиться. Это очень дорогой для меня друг — виконтесса де Сол.

Сжимая бритву в руке, Филибер отскочил с испуганным воплем:

— О Боже! За двадцать лет со мной такого не случилось. Я никогда не прошу себе этого, месье! Никогда!

Кровавое пятно, заливавшее пену на щеке Мелвила, красноречиво объясняло восклицания парикмахера.

Вендрамин разразился бранью в адрес несчастного француза:

— Неуклюжая деревенщина! За это ты будешь бит палкой! Что за черт! Ты парикмахер или мясник?

Марк Антуан оставался бесстрастным.

— Погодите, Леонардо! Погодите,— он взял угол полотенца и занялся порезом.— Вопрос не в том, сумеете ли вы простить себя, Филибер. Сможете ли вы простить меня, испортившего рекорд ваших двадцати лет. Промах был мой, дружище! Я задремал под вашей нежной рукой.

— О, месье! О, месье! — В тоне Филибера звучало нечто невыразимое.

Вендрамин усмехнулся.

— Клянусь небесами, вы, англичане, непостижимы.

Филибер лихорадочно засуетился, разыскивая свежее полотенце и смешивая что-то в тазу.

— У меня здесь снадобье, которое моментально остановит кровотечение, месье. Пока я уложу вам волосы, порез заживет,— и он приступил к оказанию помощи.

— Вы очень добры, сэр,— проговорил он с трогательной благодарностью в голосе.

Следующей фразой Марк Антуан дал понять, что эта тема исчерпана:

— Вы говорили, Леонардо, о даме... О даме, которой вы собираетесь представить меня. Вы назвали ее, не так ли?

— Ах, да! Виконтесса де Сол. Вы будете рады этой встрече.

— Не могу назвать никого, кто заинтересовал бы меня больше,— произнес Мелвил тоном, который вызвал острый взгляд Вендрамина.

— Вы слышали о ней?

— Это имя очень известно.

— Она в эмиграции. Вдова виконта де Сола, который был гильотинирован во времена террора.

Так вот оно что! Мелвил все понял. Вне всякого сомнения, это — та самая виконтесса, которую Лальман назвал творением Лебеля. Само по себе это объясняло

титул, раздобытый для нее Лебелем. Учитывая связь негодяя с Солом, можно понять, что это прежде всего и пришло ему на ум. Об опасности, которой грозит ему встреча с этой дамой, Марк Антуан мог только догадываться.

Но в любом случае теперь его долг — разоблачить ее как шпионку, и она недолго будет представлять для него угрозу.

Они пришли в казино Изабеллы Теотохи — прекрасной греческой жеманницы, которая после развода с первым мужем, Карло Марино, стала объектом ухаживаний патриция Албрици. Это частное казино, предоставленное ей французским Директором, не было похоже на казино дель-Леоне. Здесь не играли. Эти комнаты были предназначены для интеллектуальных бесед. Это был храм художников и писателей, где Теотохи была верховной жрицей, где лучшие современные творения составляли предмет обсуждения в увлекательных спорах, где передовым идеям, занесенным из Франции, был дозволен свободный полет. И столь серьезной была эта эпидемия, что британский и русский послы, видя в подобных сборищах рассадник якобизма, убеждали государственных инквизиторов уделить им должное внимание.

Восхитительная Теотохи рассеянно приветствовала Марка Антуана, не проявив к нему особого интереса. В эту минуту она была увлечена худым и бледным юношей, склонившимся над ней с красноречивой и пылкой тирадой.

Если он и сделал паузу, когда Вендрамин представлял своего англичанина, так только для того, чтобы бросить на него свирепый взгляд, разгневавшись на то, что его перебили. На горячее приветствие Вендрамина он ответил коротким пренебрежительным кивком.

— Невоспитанный задавака, — пробормотал Леонардо, когда они отошли.

Позже Марк Антуан узнал, что это был Уго Фосколо — студент из Зары, ставший уже в восемнадцать лет драматургом и удививший Италию своим рано раскрывшимся гением⁶⁷.

Однако в тот момент внимание Мелвила было занято совсем другим предметом. Марк Антуан нашел «фарфоровую» даму из казино дель-Леоне восседающей на диване и принимающей ухаживания небольшой группы оживленных кавалеров, среди которых он узнал Рокко Терци. Рассматривая ее, он подумал, что вряд ли кому-то еще

довелось наслаждаться созерцанием своей собственной вдовы.

Взгляд виконтессы сказал ему, что она заметила его появление. Когда он подошел и склонился перед ней, она игриво молвила, что он пришел как раз вовремя, чтобы обуздать нескромные речи окружавших ее кавалеров, у которых нет ничего святого.

Рокко Терци запротестовал:

— Вы слишком строги. Мы говорили о мадам Бонапарт. А она едва ли святая, даже если толпа и считает ее божеством.

Он заговорил о слухах, достигших Венецию, о восторженной встрече мадам Жозефины, когда она въезжала в Париж с захваченными австрийскими штандартами, которые Бонапарт отправил в столицу Франции, и о титуле «богини нашей победы», которым публика приветствовала ее при каждом появлении.

Но вскоре Марк Антуан выбрал момент и перевел разговор в другое русло:

— Я полагаю, что у нас есть общие знакомые, мадам! В Англии я знаю другую виконтессу де Сол.

Голубые глаза вспыхнули. Но движение медленно колеблющегося веера не задержалось и не сбилось.

— А-а...— протянула она.— Это — вдовствующая виконтесса, мать моего последнего мужа. Он гильотинирован в девяносто третьем году.

— Я слышал об этом. Но у нас есть и другие общие знакомые,— его скупающие глаза внимательно следили за ней.— Это Камиль Лебель, например.

— Лебель? — Она в раздумье нахмурила брови и медленно покачала головой.— Не помню такого имени среди своих друзей.

— Не выдумал же я его. Но вы должны были слышать о нем. Некоторое время Лебель был слугой виконта де Сол.

— Ах, да,— сказала она рассеянно.— Кажется, я что-то припоминаю. Но я никогда не была знакома с этим человеком.

— Странно. Помнится, он говорил о вас и рассказывал мне, что вы в Италии.

Он взглянул на нее и внезапно бросил:

— Бедняга! Он умер неделю или две назад.

Она задержалась с ответом лишь на мгновение:

— Тогда не будем и говорить о нем. Поговорим о живущих. Садитесь рядом со мной, мистер Мелвил, и расскажите о себе.

Полное отсутствие интереса к судьбе Лебеля успокоило Марка Антуана. Слуга из Сола, заключил он, не был знаком с ней лично. Его связь с ней ограничивалась всего лишь подказкой Баррасу — присвоить ей титул.

Интерес виконтессы к Марку Антуану рассеял толпу ее поклонников. Только Вендрамин и Терци задержались возле них. Леонардо сам увел его.

— Не будем мешать доверительной беседе, Рокко!

Оставшись наедине с дамой, утверждавшей, что она является его вдовой, Марк Антуан оказался под градом вопросов. Более всего она хотела узнать цель его приезда в Венецию и суть его отношений с Пиццамано.

Он рассказал, что узнал семью Пиццамано в Лондоне, когда граф был там венецианским послом, и они подружились.

— Один из них, кажется, на военной службе? — она внимательно наблюдала за ним поверх веера.

— О да, Доменико.

— Вы разочаровали меня. Леонардо напрасно беспокоится.

— Беспокоится? На мой счет?

— Вы, конечно, знаете, что он собирается жениться на Изотте Пиццамано? Он видит в вас соперника.

— И он оставил нас наедине, чтобы вы могли выяснить для него, есть ли основания считать меня таковым?

Она возмутилась.

— До чего же вы прямодушны! Боже мой! Правда, и в этом есть своя прелесть... А как строго вы смотрите на женщин! Под таким строгим взглядом я никогда не солгу. Впрочем, я и не хотела бы вам лгать. Вы умеете хранить секреты?

— Испытайте меня, если сомневаетесь в этом.

— Так вот, вы угадали! Кто хорошо знает Вендрамина, гот понимает, что без веских причин он не оставил бы с такой готовностью нас наедине.

— Позвольте мне надеяться, что у него часто будут возникать такие причины. Но не доставит ли ему беспокойство и мое знакомство с вами? Меня смущает количество объектов его ревности. Есть ли в Венеции дамы, с которыми я могу дружить, не опасаясь мести месть Вендрамина?

— Теперь вам угодно посмеяться, а я серьезна. О, очень серьезна. Он ревнив, как испанец, и опасен в своей ревности. Могу я успокоить его по поводу донны Изотты?

— Если вы не очень заинтересованы в моей смерти.
— Вовсе нет. Я хотела бы еще увидаться с вами.
— Несмотря на испанскую ревность этого Вендрамина?
— Если вы так храбры, как кажется, навестите меня как-нибудь. Я поселилась в доме Гаццолы, это возле Риальто. Всякий гондольер знает, где это. Придете?

— Мысленно я уже у вас.

Она улыбнулась. «Пленительная улыбка», — отметил он, не упустив из вида и морщинки возле ее живых глаз, выдающие возраст больший, чем могло показаться.

— Для англичанина, — сказала она, — у вас, пожалуй, нет недостатка в предпримчивости. Наверное, вы освоили это одновременно с вашим превосходным французским.

Вендрамин и Терци вернулись. Марк Антуан поднялся и склонился к руке виконтессы.

— Я буду ждать вас, — сказала она. — Помните!

— Такой приказ излишен! — запротестовал Марк Антуан.

Терци увел его, чтобы представить другим присутствующим и подкрепиться. Потягивая рюмку мальвазии⁶⁸ и прислушиваясь к возбужденному спору о каком-то сонете между двумя любителями поэзии, он увидел Вендрамина на том же самом месте возле маленькой лже-виконтессы, полностью поглощенного серьезной беседой.

Разобраться в отношениях между Вендрамином и этой женщиной было лишь частью проблем, стоявших перед Марком Антуаном. Зная, что она является активным французским тайным агентом, занимающимся в настоящее время подкупом такого ценного для антиякобинского движения в Венеции человека, как Вендрамин, он считал своим долгом немедленно разоблачить ее. Но она была женщиной красивой и хрупкой, и вид этой изящной белой шейки в петле палача был для него просто ужасным. Благородство заставило отказаться от требования долга. Тот довод, что подкуп Вендрамина погубит репутацию барнаботти в глазах графа Пиццамано и спасет Изотту, он сразу отбросил, как недостойный.

Находясь на распутье целей личных и политических, он отложил решение связанной с виконтессой проблемы, пока будущее не внесет здесь окончательной ясности. К тому же, он мог держать эту «вдову» под постоянным наблюдением и следить за шагами, предпринимаемыми для того, чтобы прибрать к рукам Вендрамина.

Несколько дней спустя Марк Антуан приехал во французскую миссию. Венеция была встревожена известием

о том, что, ссылаясь на военную необходимость, австрийцы заняли крепость Пескьера⁶⁹.

Лальман потирал руки от удовольствия.

— Думаю,— сказал французский посол,— что теперь у нас развязаны руки. Венеция стерпела нарушение своих границ австрийцами и вряд ли решится выразить недовольство, если и мы поступим так же. Невооруженные нейтралитеты, как я понимаю, бесправны.

Марк Антуан ответил:

— Вы бы лучше подумали о безрассудной растрате национальных средств.

Лальман оторвался от депеши.

— Какая муха вас укусила? В какой безрассудной растрате я повинен?

— Я говорю о Вендрамине, на подкуп которого вы тратите так много и так бесполезно.

— А, это! Почему бесполезно? Вы хорошо информированы.

— Достаточно хорошо! Я замечаю суету военных приготовлений там, где до сей поры царило мирное безразличие, и я знаю, где искать причину — в красноречии Вендрамина на последнем собрании Совета, когда он был поддержан всей массой барнаботти. Затрачивая столько золота и трудов, вы могли бы предотвратить такой поворот событий.

— Ба! — Лальман вытянул руку и сжал пальцы в кулак. — Он будет у меня здесь, как только я этого захочу.

— Тогда почему вы позволяете ему толковать об обороне и вооружении? Сколько еще вы будете позволять ему действовать во благо сторонников Австрии?

— Всею свое время, гражданин депутат! Чем дальше мы его заведем в трясину, тем труднее ему будет выбраться! — Лальман повернулся, чтобы взять два конверта со стола. — Письма для вас.

Одно из них было от Барраса. Директор касался разных проблем и особенно подчеркивал необходимость согласованного взаимодействия с Бонапартом, который обязан оказывать Лебелю любую помощь. Марк Антуан усмотрел в этом растущее влияние главнокомандующего Итальянской армией.

Другое письмо было от самого Бонапарта. Оно оказалось бесстрастным, кратким, безапелляционным и удивительно небрежным в смысле грамотности. Генерал Бонапарт требовал провести промеры каналов, по которым можно подступиться к Венеции. Он добавлял, что еще

раньше направил соответствующее указание Лальману и просил депутата объединиться с послом для скорейшего завершения этой работы.

Поскольку дело уже находилось в ведении Лальмана, Марк Антуан тут же обратился с ним к послу, как будто сообщал ему новость.

— Да, да,— перебил Лальман.— Я тоже получил письмо от генерала. Он порядочно опоздал. Эти солдаты думают, что им одним дано понимать очевидное. Мы работаем над этим уже несколько недель.

— Кто работает над этим? — поинтересовался Марк Антуан.

— Наша бесценная виконтесса.

— Вы не рассказывали мне, что она сама занимается промерами каналов.

— Ну, что вы! Она и без того загружена делами. Но она подкупила негодяя по имени Рокко Терци, еще одного барнаботто, а он сам нанял еще трех или четырех негодяев. Они работают по ночам и ежедневно предоставляют ему результаты промеров, на основании которых он готовит карты. Я хотел сам проинформировать генерала о проделанной работе.

Марк Антуан равнодушно пожал плечами.

— Вы избавите меня от хлопот.

Покинув французскую миссию, Марк Антуан отправился к Пиццамано и уединился с графом.

Граф возмущался апатией правительства и народа к происходящему. Особенное отвращение вызывал у него дождь.

— У меня есть новости,— сказал Марк Антуан.— Я узнал нечто такое, что должно заставить Людовико Манина почувствовать серьезность французской угрозы.

И он поделился сведениями о промерах каналов. Граф, встревоженный этим сообщением, немедленно отправился вместе с Марком Антуаном в дом Пезаро к дождю. Две баржи стояли у ступеней дворца, а гора ящиков и коробок заполняла вестибюль, предвещая скорый отъезд Манина в его поместье Пассериано.

Правитель принял их. Но приветствие его было нетерпеливым. Манин уже оделся для поездки, а этот непредвиденный визит задерживал и без того запоздалый отъезд: он хотел добраться до Местре до наступления ночи. Ему оставалось, молвил он, только надеяться, что важность сообщения оправдает задержку.

— Ваша светлость сами составите мнение,— мрачно произнес граф.— Рассказывайте, Марк.

Выслушав рассказ, дож нетерпеливо поморщился. Он был склонен не придавать известию особого значения. О, да. Он это вполне допускает и не видит в этом ничего удивительного. Раз уж Светлейшая начала вооружаться, Франции тоже следовало подготовиться к непредвиденному развитию событий. Основываясь на полученных заверениях, Манин пребывал в уверенности, что мир между Францией и Австрией теперь уже не за горами и это положит конец всем недоразумениям.

— Но до подписания мира,— отозвался Марк с настойчивостью,— мучительные вопросы останутся, и ответы на них должны быть найдены.

— Должны быть найдены?!

Дож уставился на него, глубоко оскорбленный тем, что чужеземец позволил себе такой тон с правителем Венеции.

— Ваша светлость помнит, что я говорил от имени британского правительства. Можете считать, что говорил сам мистер Питт. Вспомнив это, возможно, ваша светлость извинит откровенность, к которой меня обязывает долг.

Дож сделал вид, будто ему дурно.

— Какое трудное время...— прошептал он.— Как видите, Франческо, я совсем плох. Не переносу здешнюю жару... Вот, уезжаю в Пассериано: заболею, если останусь в Венеции.

— Венеция может заболеть, если уедете вы,— сказал граф.

— И вы туда же! Мне почему-то вменяют в обязанность все, что угодно, только не мои личные заботы. Боже мой! Похоже, граф, вы тоже считаете, что я — не человек, не из плоти и крови. Но, как и у других, у меня есть пределы выносливости. Говорю вам, мне нехорошо. Но вопреки этому я должен страдать от этой липкой жары, чтобы разбираться со всякими слухами, которые вы и вам подобные считаете необходимым доводить до моего сведения.

— Это не слух, ваша светлость,— сказал Марк Антуан.— Это факт, из которого следуют важнейшие выводы.

Дож перестал бесцельно расхаживать по комнате. Он остановился перед посетителями.

— Хорошо! Но где доказательства этих неправдопо-

добных сведений? Они неправдоподобны! Крайне неправдоподобны! Венеция не имеет отношения к этой войне. Война идет между Францией и Австрией. Военные действия французов на территории Италии преследуют единственную цель: отвести опасность от своих армий на Рейне. Если бы люди помнили об этом, не было бы паники и безумия вооружения. А это еще доставит нам немало хлопот, если Франция воспримет наши действия как провокацию. Мы навлекаем на себя бедствие, от которого трудно будет защититься.

Невозможно было переломить такое упрямство. Но Марк Антуан был последователен.

— Ваша светлость справедливо требует подтверждений. Подтверждения можно найти в доме Рокко Терци.

Этим он вызвал лишь глубочайшее раздражение.

— Вы выдвигаете обвинение! Поистине, Франческо, вам подобает лучше знать, с чем обращаться ко мне. Обвинение — для государственных инквизиторов. К ним и обращайтесь. Пройдет немало времени, прежде чем они найдут подтверждение этой неправдоподобной истории. Поэтому идите к инквизиторам, Франческо! Не теряйте зря времени!

Так дож отделался от тех, кто хотел ему помочь, и... отправился в Местре.

Граф, в душе негодуя на дожа, провел Марка Антуана через Пьяццетту к Дворцу дожей. Они застали секретаря государственных инквизиторов здесь же, в конторе.

Граф в установленной форме выдвинул обвинение против Рокко Терци.

Среди ночи мессер гранде ⁷⁰, по званию капитан юстиции, в сопровождении дюжины солдат нагрянул к Рокко Терци в дом на канале Святого Моисея, где тот жил в роскоши, которая выдавала его сама по себе. Кристофоли, доверенный агент тайного трибунала, произвел тщательный обыск и среди бумаг подозреваемого нашел аккуратно сложенные карты.

Родной брат Терци, узнав о его аресте, через два дня предстал перед государственными инквизиторами и заявил, что хотел бы обеспечить заключенного всем необходимым.

Он получил от секретаря спокойный ответ, что заключенному ничего не понадобится.

И это было правдой, ибо Рокко Терци, человека с беспокойными глазами, признали виновным в величайшей измене и тихо задушили в тюрьме Пьюмби ⁷¹.

УЛЬТИМАТУМ

Приехав в дом Гаццолы, Марк Антуан послал известить виконтессу де Сол о своем визите. Ему пришлось подождать. Виконтесса была в отчаянии, из-за чего сначала хотела даже отказать в приеме. Однако, поразмыслив, она решила принять гостя.

Тщательно и элегантно одетого в соответствии с этикетом визита вежливости гостя провели в изысканный будуар, стены которого украшали картины и расшитые золотом гобелены — роскошный фон для изящной мебели черного дерева с инкрустациями из слоновой кости.

Виконтесса даже не пыталась скрыть волнения:

— Мой друг, вы пришли в горькую минуту. Вы видите меня безутешной.

Он склонился к ее тонкой белой руке.

— Позвольте мне попытаться вас утешить.

— Вы слышали новости?

— Что австрийские войска пришли от Тироля на помощь Мантуе?

— Я имею в виду бедного Рокко, Рокко Терци. Он исчез, и ходят слухи, что он арестован. Что говорят на Пьяцце?

— А-а, Рокко Терци, друг Вендрамина. По слухам, его арестовали инквизиторы.

— Но почему? Вы не слышали?

— Говорят, он подозревается в связи с генералом Бонапартом.

— Абсурд! Мой бедный Рокко! Бабочка, радостное создание, занятое лишь веселыми сторонами жизни. И такой забавный! А известно, в чем заключались эти связи?

— Не думаю, чтобы это было известно. Инквизиторы действуют очень скрытно. — Она вздрогнула.

— Уже это пугает.

— Вас? Но что же?

— То несчастье, которое может постигнуть этого бедного, глупого Рокко.

— Столько участия! Ему можно позавидовать, этому Рокко.

Слуга объявил о приходе Вендрамина. Не ожидая разрешения, Леонардо вошел, едва прозвучало объявление, и пересек комнату пружинистой, небрежно-развязной

походкой, язвительно приветствуя Марка Антуана. Глаза его горели злобой.

Леонардо всем своим видом дал понять, что желает остаться наедине с дамой, и Марк Антуан откланялся. Едва он ушел, Вендрамин обратился к волнующей его теме:

— Вы слышали, что говорил этот проклятый англичанин, Анна? Что Рокко мог быть арестован из-за необъяснимой в его положении роскоши. Вы знаете, как он получил эти деньги?

— Откуда мне знать?

Он поднялся с кушетки, где сидел рядом с ней, и принялся расхаживать по комнате.

— Должно быть, сказанное — правда. Ему платило французское правительство. Скорее всего инквизиторы пытали его...

Он вздрогнул и посмотрел на нее.

— Предположим теперь, что я..

Он не отважился продолжить, да и она не дала ему говорить.

— Вы пугаетесь теней, Леонардо.

— Те же тени могут узнать, что я много играю и часто проитрываю. Подобно Рокко, у меня нищенские доходы, но так же, как Рокко, я живу в достатке и ни в чем не знаю нужды. Предположим, они подвергнут меня пытке, чтобы раскрыть источник средств. Предположим, я не выдержал и сознался, что вы... что вы...

— Что я давала вам денег взаймы? Ну и что? Я — не французское правительство. Они могут презирать вас за сожительство с женщиной. Но они не могут повесить вас за это.

Он покраснел и с досадой посмотрел на нее.

— Вы знаете, что деньги взяты лишь на время. Я не сожительствою с вами, Анна. Я рассчитаюсь с вами до последнего пенни⁷².

— Когда женитесь на приданом, по-видимому.

— Не ревнуете ли вы, Анна?

— Почему бы нет? Вы ведь ревнуете. Может быть, у вас исключительное право на ревность, или у других людей нет чувств?

— О, Анна! — Он взял ее за плечи. — Как вы можете такое говорить? Вы же знаете, что на этот брак я иду по необходимости. Что все мое будущее зависит от него.

— О да, я знаю. Я знаю, — сказала она устало.

Он поцеловал ее в щеку и по ее холодности понял, что вышел за рамки дозволенного.

— Вы сказали, что вы — не французское правительство. Но добрая часть денег на чеках Виванти выписана Лальманом...

— Ну и что, — нетерпеливо перебила она. — Сколько раз я говорила вам, что Лальман мой кузен и ведет мои дела. Он даст мне деньги, когда я захочу.

— Я знаю, любовь моя. Но если это раскроется? Вы же видите, что участь Рокко изрядно меня взволновала.

— Как это может раскрыться? И что значат деньги? Вы думаете, меня волнует, расплатитесь вы со мной или нет?

Он сел рядом и обнял ее.

— Как я люблю вас за вашу ласковую опеку!

Но виконтесса оставалась безучастной.

— Однако вы женитесь на Изотте.

— Зачем вы так говорите, мой ангел? Вы ведь однажды сказали мне, что больше никогда не выйдете замуж.

— За вас, Леонардо, нет.

Он нахмурился от досады.

— Почему?

Она нетерпеливо оттолкнула его.

— Боже! Есть ли более пустой бездельник, чем этот? Вы любите там, где вам угодно, и женитесь там, где вам угодно, а те, кому вам случалось дарить святую печать своего поцелуя, должны хранить вам вечную верность? И вас раздражает, что я не изъявляю готовности выйти за вас и отдать вам свою любовь, когда у вас нет возможности жениться на мне.

Она встала в порыве благородного гнева, легкая, как пушинка.

— Знаете ли вы, Леонардо, какую причиняете мне боль?

Он был в смятении, полон раскаяния. И смиренно ответил, что по воле судьбы он — бедный человек с благородным именем, поддержать и возвеличить которое можно только браком по расчету. Теперь, когда он признался ей в своих чувствах, с ее стороны было бессердечно бросать ему в лицо такое обвинение. Виконтесса даровала ему прощение. Обрадовавшись примирению, Леонардо забыл и судьбу Рокко Терци, и собственные страхи.

Но отнюдь не все в Венеции смогли преодолеть смятение, порожденное участью Рокко Терци. И среди них был Лальман.

Он встретил Марка Антуана, глубоко взволнованный и встревоженный.

— Я прямо от виконтессы,— заявил Мелвил.— Я застал ее в отчаянии от известия об аресте ее друга Рокко Терци. Он понизил голос.— Не так ли звали того человека, который составлял карту каналов?

— Так, необычайно сухо отозвался Лальман.

Он, ссутулившись, сидел за своим письменным столом, глядя на Марка Антуана глазами-буравчиками. И тон, и взгляд были для Марка Антуана достаточным предостережением. Над ним нависла опасность.

— Это очень серьезно,— произнес Мелвил.

Француз вновь был до неприличия лаконичен:

— Да, Лебель.

Марк Антуан вплотную подошел к столу и понизил голос до шепота, но шепота, свистящего яростью.

— Глупец! Разве я не предупреждал, чтобы вы не произносили этого имени? — Его взгляд метнулся на дверь и обратно на крупное лицо Лальмана.— Держа в доме шпиона, вы разговариваете без малейшей осмотрительности. Господи! Вы думаете, у меня есть желание закончить дни подобно Рокко Терци? Откуда вы знаете, не стоит ли Казотто в этот момент под дверью?

— Его нет дома,— сказал Лальман.

Марк Антуан с видимым облегчением вздохнул.

— Был ли он дома в тот день, когда вы рассказывали мне о Терци?

— Нет, насколько я знаю.

— О, вы даже не знаете, когда он приходит или уходит? — Марк Антуан сам повел атаку на противника.— В любом случае, дома он или нет, я предпочту разговаривать с вами во внутренней комнате. Не знаю почему, но в последнее время вы стали беззаботны.

— Я не беззаботен, друг мой! Я знаю, что делаю. Но поступайте, как сочтете необходимым,— с этими словами французский посол встал, и они направились в заднюю комнату.

Пауза дала Марку Антуану время подумать. А необходимость обдумать следующий шаг была поистине настоятельной. Он оказался на краю пропасти и неизбежно сорвется, если не опровергнет вполне обоснованные подозрения Лальмана. И достичь этого надо было любой ценой.

Еще до того, как они пересекли заднюю комнату, выход ему подсказало последнее письмо Барраса, о котором он вспомнил.

Каким бы отвратительным ни был предстоящий шаг, ему пришлось пойти на это, чтобы восстановить и укре-

пить свою пошатнувшуюся в глазах посла репутацию ярого якобинца.

— Видите ли,— откровенно начал Лальман,— я нахожу более чем странным, что после обсуждения между нами этого секретного дела следует почти немедленное разоблачение. И ваша версия кажется мне не очень удовлетворительной.

— Почему? — Марк Антуан надел на себя маску выскомерия.

— Сами подумайте! Четыре дня назад, пока я не рассказал вам, ни одна душа в Венеции не знала об этом, кроме Терци и меня. И вот той же ночью Рокко арестован, его бумаги захвачены, и сейчас, если я что-то понимаю в их обычаях, он наверняка уже мертв.

Но Марк Антуан стоял перед послом непоколебимый и хладнокровный.

— Ни одна душа, кроме Терци и вас? А виконтесса, которой вы поручили подкупить его? Она ни о чем не догадывалась?

— Как смело! И ловко! Вы ее обвиняете?

— Я — нет. Я только указываю вам на ваши возможные упущения.

— У меня нет упущений. Виконтесса не знала, для каких целей я использовал Терци. Вы думаете, я доверяю своим шпионам все свои замыслы?

— Вы даже не сомневаетесь? Вы — человек, который обязан контролировать ход дела! А откуда вы знаете, что Терци сам не рассказывал ей об этом?

— Это немислимо.

— Почему? Потому, что вы не хотите думать об этом? Поистине достаточная причина! А откуда вы знаете, что кто-то из тех, кого нанял Терци, не разболтал? Я полагаю, они-то знали, что делали?

Лальман начал проявлять раздражение.

— Им хорошо платили! Откажется ли кто-нибудь из них от предложенных денег, если их можно так легко заработать?

— Кто-то может испугаться и донести. В этом нет ничего удивительного.

— Есть кто-то еще, кого вы можете поставить под подозрение?

— Кого желаете поставить под подозрение вы сами, Лальман? — Голос Марка Антуана обрел твердость стали.

Лальман задохнулся. Глаза его сверкали яростью. Но он колебался.

— Ну? — спросил Марк Антуан. — Я жду!

Посол прошелся по комнате, прижав руки к щекам. Вид его был растерянным и испуганным.

— Ответите ли вы откровенно на мой вопрос? — спросил он наконец.

— Я всегда откровенен.

— Тогда ответьте, зачем вы ходили во Дворец дождей в понедельник вечером вместе с графом Пиццамано? С кем вы хотели там встретиться?

— Вы приставили ко мне шпионов, Лальман?

— Ответьте на вопрос. Потом я отвечу на ваш. Что вы делали во Дворце дождей за несколько часов до ареста Терци?

— Я ходил на встречу с государственными инквизиторами.

Откровенность признания ударила по послу, словно пощечина.

— С какой же целью? — неуверенно молвил сразу утративший половину своей уверенности Лальман.

— С целью, о которой я пришел сюда поговорить с вами. Садитесь, Лальман, — неожиданно голос Марка Антуана стал повелительным и резким, почти оскорбительным. — Садитесь! — повторил он строже, и Лальман почти машинально повиновался. — Вам следует прислушаться к голосу разума и подумать об истинных интересах Франции, а не разменивать по мелочам свою энергию. Тогда вы поймете, что я вынужден сейчас заниматься тем, что давно должно быть сделано. Вы уподобились законникам с куриными мозгами, которые с кудахтаньем бегают за мелкими деталями и упускают основные проблемы. Вы увлеклись мелочной паутиной интриг и плетете их с таким вдохновением, что вас не хватает для настоящего дела.

— Например? — проворчал Лальман. Его лицо становилось все более багровым.

— Пример? В Вероне есть жирный человек — слизень — бывший граф де Прованс, который именует себя нынче Людовиком XVIII, держит двор, что само по себе оскорбление Французской Республики, и ведет активную переписку со всеми деспотами Европы, участвующими в борьбе против наших идеалов разума и свободы. Вы действительно не замечаете того ущерба, что он нам наносит? А следовало бы. Хотя бы с тех пор, как я взял в свои руки работу, которую должны были делать вы.

Его спокойный пристальный взгляд был твердым, почти гипнотизирующим. Посол молчал.

— Нам выпал шанс послужить одновременно двум целям: положить конец недопустимому вмешательству в дела республики со стороны короля-самозванца и поднять шум по поводу нашего возмущения действиями Венеции. Мы сделаем из этого достаточный предлог для любых действий нашей армии. Тщательно сформулировать этот ультиматум не составит труда. Но сначала было необходимо, по крайней мере, я так считаю, проверить степень осведомленности инквизиторов о монархистской деятельности этого самозванца Людовика XVIII.

Лальман перебил его:

— Вы хотите сказать, что пошли как частное лицо? Как депутат Лебель?

— Я пошел под видом дружеского посредника, которого вы информировали о сути будущего ультиматума и попросили заранее встретиться с инквизиторами, чтобы смягчить удар. Вот почему я заручился поддержкой графа Пиццамано. Вы понимаете?

— Нет. То есть еще нет... Не совсем... Но продолжайте.

— Инквизиторы ответили мне, что дворянин, которому они дали приют в Вероне, известен им лишь как граф де Лилль. Со всей возможной любезностью я напомнил, что изменение имени не означает изменения личности. Выступая в качестве доброжелателя, обладающего определенными полномочиями от британского правительства, я отметил, что своими интригами этот изгнанник ставит Венецию в чрезвычайно щекотливое положение. Затем предупредил, что, по-видимому, в ближайшем будущем будет представлен ультиматум Франции по этому поводу. Я высказал мнение, что в их интересах умиротворить Францию и немедленно согласиться с требованиями ультиматума, когда он будет предъявлен.

Марк Антуан сделал паузу. На его губах играла презрительная усмешка, пока он сочинял ошеломившую Лальмана историю.

— Теперь вы знаете, зачем я ходил во Дворец дожей. Сами понимаете, вам следовало сделать это несколькими месяцами раньше.

Замешательство посла сменилось негодованием:

— Как я мог предпринять такой шаг без особого приказа из Парижа?

Марк Антуан взял нравоучительный тон:

— Полномочный аккредитованный посол не испрашивает специальных приказов для выполнения того, что столь очевидно соответствует интересам его правительства.

— Я не согласен, что это так уж очевидно соответствует нашим интересам. И пока не могу понять, как это вообще соответствует нашим интересам. Мы, несомненно, вызовем возмущение. Резкое возмущение. Венецианское правительство не может уступить нашим требованиям, не покрыв себя позором.

— Что же с этим поделаешь?

— Мы должны будем что-нибудь с этим сделать, если они воспротивятся. В каком положении мы тогда окажемся?

— Цель этого моего предварительного шага и состояла в том, чтобы выяснить вероятность активного сопротивления. У меня нет оснований полагать, что оно будет оказано. Ультиматум следует отправить немедленно. Сегодня же.

Лальман поднялся. Его широкое крестьянское лицо стало багровым. Он больше не думал о подозрениях, которые поначалу одолевали его. Этот Лебель проявил себя экстремистом, революционером с непримиримой республиканской выучкой, берущей начало от Робеспьера. Сомневаться в революционном рвении человека, способного предъявить такой ультиматум, было бы глупо. Посол, правда, все-таки не смог полностью понять объяснений Лебеля по поводу его визита к инквизиторам, но теперь он даже и не пытался понять, ибо ему уже были представлены результаты, а этого оказалось вполне достаточно.

— Вы просите меня подготовить этот ультиматум? — спросил он.

— Разве это непонятно?

Посол встал прямо перед Марком Антуаном.

— Извините, гражданин депутат! Я не могу выполнить вашего приказа.

Марк Антуан стал чрезвычайно холоден и высокомерен.

— Вы осведомлены о полномочиях, данных мне Директорией?

— Да, осведомлен. Но мое мнение хоть что-нибудь значит? Считаю этот ультиматум опрометчивым и провокационным, противоречащим имеющимся у меня инструкциям, которые требуют поддерживать мир с Венецией. Он требует от венецианского правительства излишнего унижения. Не имея особого приказа непосредственно от Директории, я не могу взять на себя ответственность и поставить свою подпись под этим документом.

— Отлично! Уважаю ваши чувства и поэтому беру на себя всю ответственность, от которой вы уклоняетесь. — Мелвил стал снимать перчатки. — Извольте звaть Жакоба!

Лальман вытаращил глаза. Он понял намерение Мелвила.

— Это, конечно, ваше личное дело,— наконец промолвил он.— Но, скажу откровенно, будь у меня право запретить вам, я бы им воспользовался.

— Директория будет довольна тем, что у вас его нет. Зовите Жакоба!

Смуглому маленькому секретарю, когда тот пришел, Марк Антуан отрывисто продиктовал свое заявление, в то время как негодующий Лальман мерил комнату шагами.

Заявление было адресовано дожу и сенату Светлейшей Республики Венеции и изложено следующим образом:

«Имею честь поставить вас в известность, что французская Директория сильно обеспокоена тем, что в Вероне так называемому графу де Лиллю, бывшему графу де Прованс, предоставлены убежище и условия для создания заговора и ведения интриг против Французской Республики, чем вышеупомянутое лицо не замедлило воспользоваться. Для подтверждения этого мы готовы представить на рассмотрение вашей светлости письма вышеупомянутого графа де Прованс императрице России, которые были перехвачены нами не далее как на прошлой неделе. В свете этой деятельности мы вынуждены рассматривать его пребывание в Вероне как нарушение дружеских отношений, существующих между двумя нашими республиками, и потребовать немедленного выдворения бывшего графа де Прованс с территории Светлейшей Республики Венеции».

Когда Жакоб закончил, Марк Антуан взял у него перо и подписал документ: «депутат Камиль Лебель, уполномоченный Директорией Франции».

— Отправьте это во Дворец дожей без малейшего промедления,— приказал он.— Вам понятно, Лальман?

— О, конечно,— последовал недовольный ответ.— Вся ответственность ложится на вас.

Глава XIV

ОПРАВДЫВАЮЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Марк Антуан вернулся к себе в полной уверенности, что развеял все подозрения Лальмана и показал себя непримиримым республиканцем, но на сердце у него была тяжесть.

Лальман не принял бы объяснения причины визита во

Дворец дожей, не подкрепи Марк Антуан свой рассказ тем жестоким ультиматумом, который неизбежно приведет к изгнанию несчастного короля Франции. Но ему надо было спастись от нависшего над ним разоблачения, и потому он решился на этот неприглядный шаг. Последнее письмо Барраса извещало, что приказ Директории о предъявлении ультиматума будет у Лальмана через несколько дней. Такой поворот событий был неизбежен, и Марк Антуан извлек из этого определенную выгоду для себя, хотя ему и не нравилось, что его цели потребовали таких жертв. Подобный ультиматум был крайне оскорбительным выпадом. Именно так расценило его и правительство Светлейшей, когда получило этот документ.

Возмущенный ультиматумом, граф Пиццамано испугал Марка Антуана сообщением, что государственным инквизиторам известно о пребывании Камиля Лебеля в Венеции. Ультиматум, на котором стояла его подпись, считалось, был вызван недавним арестом Рокко Терци. Поскольку с тех пор прошло недостаточно времени, чтобы связаться с Парижем, стало ясно, что Лебель находится в Венеции и действует по своей собственной инициативе. Его ультиматум был воспринят как злонамеренный жест представителя ярых якобинцев.

Марк Антуан понял, что совершил просчет, упомянув о перехваченном письме императрице России, но решил не придавать этому значения.

Светлейшая склонилась в рабской покорности свою некогда гордую голову. Она проглотила обиду, подчинившись французскому ультиматуму, и Людовик XVIII отправился из Вероны в бесконечные скитания.

Он уехал не без соответствующих гневных высказываний, которые были явно ниже достоинства принца. Вместо благодарности за оказанное гостеприимство он выразил лишь возмущение тем, что Венеция не желает ради него бросить вызов Бонапарту. Он потребовал, чтобы имя Бурбонов вычеркнули из Золотой книги Светлейшей и чтобы комплект вооружения, подаренный Венеции его дальним предшественником Генрихом IV, был возвращен ему. Все это увеличило муки позора в сенате.

Не прошло и недели, а Лальман уже получил депешу от Директории с приказом предъявить ультиматум. Мнение посла о безупречном якобизме Лебеля было теперь подкреплено возросшим уважением за его проницательность и предвидение.

Ход событий облегчил для Марка Антуана решение

проблемы, связанной с виконтессой. Во-первых, разоблачать ее сейчас было бы опрометчиво ввиду подозрения, которое уже пало на него в деле Терци. Во-вторых, предпочтительнее было оставить ее на свободе, потому что, подконтрольная ему в своей деятельности, она была ценным источником сведений о замыслах французов.

С началом лета равнодушие венецианцев к обеим воюющим сторонам стало более заметным. Манин все-таки обуздал раздраженное общественное мнение известием о том, что австрийская армия под командованием генерала Вурмзера⁷³ вот-вот обрушится на Италию. Она пришла в конце июля и, спустившись со склонов горы Монте-Балдо⁷⁴, нанесла французам серьезное поражение. Венеция предалась веселью. Вера в Австрийскую империю окрепла, и ее не подорвало даже пришедшее в середине августа известие о том, что Вурмзер, потерпев поражение, в беспорядке отступил к Тиролю. Противники вооружения Светлейшей продолжали трубить об австрийских победах на Рейне и о стойкой обороне Мантуи.

Жизнь в сладострастной Венеции текла обычным порядком, изредка нарушаемым кратковременными тревогами или торжествами. Марку Антуану в этом отводилась роль, немногим отличная от взятой им на себя роли английского бездельника.

За эти месяцы его единственным успехом стало еще одно разоблачение. Он выпытал у Лальмана, что удалось найти преемника в деле промера каналов, который уже работал над составлением карты. Когда Марк Антуан попытался узнать что-нибудь о личности этого преемника, Лальман покачал головой:

— Позвольте мне сохранить это в тайне. Если произойдет несчастье, я не смогу вновь заподозрить вас в неосторожности.

Несчастье не заставило себя ждать. Государственные инквизиторы, получив от графа Пиццамано предупреждение, сделанное со слов Марка Антуана, поручили хозяевам ночи (так называли ночную полицию Венеции) установить пристальное наблюдение за всеми лодками, которые рыбачили в непригодных для этого водах между Венецией и материком, выследить и поймать злоумышленников. После нескольких недель терпеливых поисков преступники были обнаружены. Человека, с которым общались промерявшие каналы лодочники, — благородного по происхождению, но с незavidным материальным положением, — звали Сартони.

По приказу государственных инквизиторов Сартони и два лодочника были арестованы и разделили участь Рокко Терци. Для Лальмана это печальное событие явилось доказательством опрометчивости его прежних подзрений в адрес Лебеля.

Глава XV

АЛЬТЕРНАТИВА

В период затишья Марк Антуан заполнил затянувшийся вынужденный отдых развлечениями, которыми так славилась Венеция. Его видели в театрах и казино, частенько в сопровождении Вендрамина, который по-прежнему брал у него займы крупные суммы денег.

Задержка Мелвила в Венеции определенно беспокоила Вендрамина, который чувствовал, что между Марком Антуаном и Изоттой существовало некое взаимопонимание. Марк Антуан слишком часто бывал в доме Пиццамано, чтобы на душе у Вендрамина царил покой. Ведь Леонардо ничего не знал о его политической деятельности. Марк Антуан неизменно участвовал в лодочных прогулках по Маламокко ⁷⁵ и в визитах к Доменико в форт Сан-Андреа. А как-то в сентябре, когда несколько английских военных кораблей стояли на рейде порта Лидо, Марк Антуан даже повез Изотту и ее мать навестить капитана, который, оказывается, был его другом.

Кроме того, он часто встречался Вендрамину в апартаментах виконтессы де Сол в доме Гаццолы. Это тоже становилось тревожным уже потому, что Марк Антуан, полностью осведомленный теперь о связи Вендрамина с этой дамой, мог рассказать все Изотте. Вендрамин опасался, что это сильно повлияет на намерения венецианской девушки из патрицианской семьи, которая вела столь уединенную жизнь и не знала о грязных сторонах этого мира.

Леонардо очень тщательно рассчитывал свои ходы в партии за Изотту. В доме Пиццамано он являл собой пример строгости и воздержанности, чтобы соответствовать представлениям девушки о чести и благородстве. Он старался, чтобы здесь не слышали даже имени виконтессы де Сол. Общество Изотты было весьма немногочисленным, и она не знала изнанки жизни. Впрочем, так же, как и ее родители и Доменико, который вот уже несколько месяцев отсутствовал по долгу службы.

Вендрамин решил ускорить завершение дела и в один из сентябрьских дней с этими намерениями направился в дом Пиццамано. Портье сообщил ему, что его превосходительство граф наверху, а мадонна Изотта — в саду. Разумеется, влюбленный выбрал сад.

Там он вновь застал Изотту в обществе Марка Антуана.

Небо было серым, осенний день пошел на убыль, и Вендрамину показалось неестественным и подозрительным желание этой парочки прогуляться на воздухе. Он увидел в этом желании стремление уединиться, избавиться от сковывающего надзора в стенах дома. Забыв о том, что Марк Антуан слыл старым знакомым семьи Пиццамано, Леонардо увидел в этом нарушение приличий.

В меньшей степени в этом свидании можно было винить Изотту. Она вышла срезать несколько роз, которые задержались с цветением, прикрытые тенью высоких подстриженных самшитов.

Марк Антуан, заметив ее сверху, ускользнул, оставив графа и графиню беседовать с Доменико, который в тот день был свободен.

Изотта приветствовала его взглядом робким, почти испуганным. Они сдержанно поговорили о розах, о саде, о благоухании вербены, распутившейся повсюду, об угасшем лете и о прочих вещах, далеких от того, что было на душе у каждого. Держа в руках букет белых и красных роз, она повернулась, готовая направиться в дом.

— Что за спешка, Изотта? — мягко упрекнул он.

Девушка встретила его взгляд с той безмятежностью, которую утратила в день его приезда, но теперь вновь обрела.

— Это благое намерение, Марк!

— Сторониться меня — благое намерение? Мне редко выпадает миг наедине с вами...

— Сколько же еще нам терпеть душевную муку? Видите! Вы вынуждаете меня произносить слова, которые я никогда не сказала бы. Нет сил продолжать.

— Если бы у вас было хоть немного надежды, — вздохнул он.

— Чтобы увеличить отчаяние, и без того достигшее предела? — улыбнулась она.

Он избрал иное направление беседы.

— Как вы полагаете, почему я задерживаюсь в Венеции? В том деле, ради которого я сюда приехал, я сделал все, что мог. Собственно говоря, я ничего не достиг, да и достигать было нечего. У меня нет иллюзий на этот

счет. Устоит Венеция или падет — сегодня уже зависит не от действий ее правительства, а от того, кто одолеет в борьбе — французы или австрийцы. Поэтому мне кажется, что Вендрамин вряд ли получит вознаграждение за службу, которую ему не суждено исполнить.

Она с грустью покачала головой.

— Пустое, Марк! Он по-прежнему будет требовать выполнения обещания, от которого нельзя отказаться — долг чести...

— Но обещание было сделкой. Доменико тоже понимает это. Если Вендрамину не представится возможность выполнить свои обязательства, сделка разрушится. Поэтому я остаюсь в Венеции и жду. Я не теряю надежды. В последние дни вы такая бледная и поникшая. — Его голос дрогнул от невыразимой нежности. — Еще не время отчаиваться, дорогая! Я искал случай сказать вам, что я не бездействую, жду и наблюдаю.

Намек на действия остро взволновал ее. Ее рука неожиданно сжала его руку.

— Что вы делаете? Что вы можете сделать? Скажите мне!

Его рука ответила на пожатие.

— Я не могу сказать вам больше того, что уже сказано, дорогая. Но я прошу вас не считать напрасной борьбу, которая еще не завершена.

В этот момент Вендрамин и наткнулся на них, такими их и застал: со сплетенными руками, неотрывно смотрящими в глаза друг другу. Он увидел холодную и величественную Изотту вспыхнувшей в таком волнении, какого ему никогда не удавалось пробудить в ней.

Леонардо сдержался. У него хватило здравого смысла понять, что здесь он не мог устроить скандал, как в салоне виконтессы. Изотта, перед которой он робел — и это придется терпеть, пока он не женится на ней, — была не той женщиной, в отношении которой позволителен какой бы то ни было сарказм или двусмысленный намек. Поэтому он подавил свой гнев и вновь стал воплощением доброжелательности.

— В саду хозяйничают осенние ветры! Разве это благоразумно? Нашему милому другу Марку это может не представлять опасности. Холодный климат Англии закалил его. Но для вас, моя дорогая Изотта!

Заботливыми упреками Вендрамин поторопил их в дом: очень веселый и добродушный внешне, но негодующий в глубине души. А если беда, которой он опасался, уже

случилась? А если этот подлый англичанин рассказал о его отношениях с француженкой? Его беспокойные глаза исподволь присматривались к Изотте и находили ее сверх обыкновения отчужденной и холодной.

Леонардо решил. Следует положить конец этой неопределенности.

Поэтому на сей раз он дождался ухода Марка Антуана и попросил графа побеседовать с ним наедине. Граф пригласил его в маленькую комнату, где хранил свои бумаги, и жестом позвал туда же Доменико. Вендрамин предпочел бы остаться совершенно наедине с графом и напомнил ему, что просил именно об этом.

Но граф засмеялся:

— Что? Вы хотите возложить на меня заботу повторять это потом для Доменико? Чепуха! У меня нет секретов от сына — ни семейных, ни политических. Пойдемте!

Закрыв дверь, отец и сын сели: старший Пиццамано — сухопарый, властный, дружески настроенный; младший — очень элегантный в своем отлично сшитом мундире с желтыми кантами и плотным военным шарфом. Доменико был насторожен, полон того холодного достоинства, которое Вендрамину так неприятно напомнило спокойствие и отчужденность его сестры.

Вендрамин уже обдумал свои слова, но поначалу чувствовал себя неловко.

Он сел на предложенный стул. Но, едва начав говорить, встал и продолжал свою речь, расхаживая по комнате и не отрывая взгляда от рисунка паркетного пола.

Леонардо напомнил о своем горячем патриотизме и об энергии, проявленной им в борьбе за голоса упорствующих барнаботти. Он поставил их под свой контроль и смог направить в консервативное русло, что замечательно проявилось на последнем собрании Большого совета, имевшем столь важное значение. Победу патриотов на том заседании он поставил в заслугу исключительно себе.

— Мой милый друг, — ответил граф, — разве есть необходимость доказывать с таким пылом то, о чем мы уже знаем? Несомненно и то, что мы никогда не скупились на похвалы вашим усилиям или на восхищение вашим патриотическим настроением и ораторским искусством.

— Нет, я жалею не на это, — сказал Вендрамин.

— Ах! У него жалоба!

Такое восклицание вырвалось у Доменико. Граф взглядом остановил сына.

— Позвольте нам выслушать ее, Леонардо.

— Похвала и восхищение, граф,— всего лишь слова. О, я не сомневаюсь в их искренности. Но слова остаются словами и не приносят пользы человеку. Вы хорошо знаете, что у меня есть определенные устремления, в которых вы меня поддерживаете... Определенные, очень дорогие мне надежды, на исполнение которых... словом, стоит ли говорить, что я испытываю естественное нетерпение.

Граф, откинувшись в кресле, нога на ногу, любезно улыбнулся. Возможно, остановившись на этом, Вендрамин уже достиг бы желаемого. Но ему хотелось выговориться. Недавние политические успехи внушили ему веру в свои риторические способности.

— Далее,— продолжил он,— следует признать, что брак есть род контракта, в котором каждая сторона должна нечто предъявить. Как вам известно, я беден и не могу предложить Изотте приличествующие дары. Но у меня достаточно влияния, чтобы на славу послужить своей стране. В этом заключается мое богатство, и я богат достаточно, чтобы быть достойным вашего расположения. Это вполне компенсирует то, чего недостает в другом отношении. Если бы не очевидность моего неявного богатства, упомянутого в нашем торжественном соглашении, у меня не возникло бы безрассудства... предстать перед вами с... с этой жалобой...— Здесь он замялся, но затем продолжил решительно: — Но это подкреплено моими действиями, плоды которых уже возложены на алтарь отечества.

Он принял величественную позу, откинув голову и прижав руку к сердцу.

Доменико кисло улыбнулся. Но граф был по-прежнему снисходителен:

— Да, да. Вы проповедуете уже обращенным. Дальше!

Эта легкая капитуляция, казалось, вырвала почву из-под ног Леонардо. Чтобы увериться в успехе, ему необходимо было какое-то противодействие, которое он смог бы преодолеть. Отсутствие сопротивления обескураживало его.

— Итак,— сказал он,— если это ясно и если вы великодушно соглашаетесь с тем, что моя часть контракта выполнена, вы не будете противиться моему требованию выполнить вашу часть.

Доменико напугал как отца, так и Леонардо, взорвав паузу вопросом:

— Вы произнесли «требование», мессер?

Горделивая поза Вендрамина утратила некую долю величественности. Но, обидевшись, он не отступил:

— Требование, да! Естественное, нетерпеливое требование. Слово, может быть, не самое удачное, не лучшим образом подобранное, чтобы выразить то, что у меня на сердце. Однако...

— О, слово подобрано превосходно,— сказал Доменико.— Самое подходящее.

Граф повернул голову, чтобы взглянуть на сына. Он был немного озадачен. Доменико объяснил:

— Вы очень искренне сказали, Леонардо, что ваша помолвка с моей сестрой явилась особым видом контракта. Следовательно, если одна сторона выполнила свои обязательства по контракту, она вправе требовать того же от другой. Так что не надо нам играть словами, когда можно точно выразить суть ситуации.

Вендрамин почувствовал что-то угрожающее за внешней безобидностью фразы. Так и случилось. Доменико обратился к графу:

— Что стоит принять во внимание, отец, так это сами факты; можно ли оценивать сделанное им так, как он утверждает?

По-прежнему благодушный, граф терпеливо улыбнулся сыну:

— Разве есть сомнения, Доменико?

— Я не уверен, что их нет. Но решать вам. Как видите, Леонардо весьма достойно расценил эту помолвку как выгодную сделку и...

Вендрамин с негодованием перебил его:

— Сделка?! Я не употреблял столь отвратительного слова. Я говорил о контракте. Вполне пристойный термин.

— Разве контракт не подразумевает сделку? Разве контракт не официальная сделка?

— Вы искажаете слова. Я имел в виду...

— Мне ясно, что вы имели в виду, когда требовали выполнения наших обязательств в ответ на выполнение ваших.

Вендрамин безо всякой любви посмотрел на своего будущего шурина. Яд своего ответа он постарался завуалировать смехом:

— Клянусь, Доменико, быть вам адвокатом.

В разговор снова вступил граф:

— Но стоит ли искать в одних и тех же словах разный смысл?

Доменико не отступил — в этом сражении он боролся за сестру.

— Как вы полагаете, если бы Леонардо не был заин-

тересован в помолвке и не добился усиления своего влияния на барнаботти, к чему бы это привело?

— Это слишком,— запротестовал Вендрамин.— Вы не имеете права оскорблять меня подобным предположением.

— Зачем это воспринимать как оскорбление? Мы говорим о заключенной сделке. Ваша часть обязательств в этой сделке не может считаться выполненной, пока борьба не закончена.

Вендрамин кисло улыбнулся.

— Слава Богу, отец ваш не разделяет ваших предвзятых и оскорбительных взглядов.

Такой поворот побудил графа вступить за сына.

— Они не оскорбительны, Леонардо! Вы должны согласиться, что интересы патриотизма, конечно, требуют полнейших гарантий. Если бы речь шла только о наших личных интересах, я бы мог быть снисходительным. Но затронуты интересы Венеции, а они требуют, чтобы борьба была доведена до конца, прежде чем мы вознаградим вас.

Гнев подтолкнул Вендрамина к полнейшему безрассудству.

— Вы хотите гарантий? Почему я не требую гарантий от вас? Гарантий того, что я не напрасно направляю барнаботти в консервативное русло?

Упершись локтями в колени, граф искоса взглянул на высокую внушительную фигуру Вендрамина.

— Вы полагаете, что могли бы поступить иначе? — спросил он.

Вне себя от гнева, Вендрамин ответил, не раздумывая:

— Мог ли? Я мог позволить им идти их собственным якобинским курсом. Почему бы нет, если у меня нет гарантий, что данное мне обещание будет выполнено?

Доменико поднялся, скривив в усмешке губы.

— И это ваш патриотизм?! Это все, что Венеция значит для вас, того, кто только что возмущался словом «сделка»? Что вы за человек, Вендрамин?

Вендрамин почувствовал, что попал в западню, и теперь, словно пойманный зверь, изворачивался в попытках выпутаться.

— Вы снова неверно трактуете мои слова. О, Боже! Разве можно так исказить мои слова, Доменико?

— Эти слова — не искаженные, а поистине разоблачительные.

— Но они не выражают моих убеждений.

— Молю Бога, чтобы не выражали,— сказал граф,

столь же холодный и непреклонный теперь, сколь миролюбивым был до сих пор.

— Не выражают, граф! Не выражают. Возможно ли это? Я был так взволнован, что говорил, не думая о том, как еще можно истолковать сказанное. Клянусь, что дал бы содрать с себя кожу ради Венеции, как это сделал Брагадин в Фамагосте⁷⁶. Меня упрекают за необдуманные слова, не выражающие моих истинных намерений. Я хотел лишь просить вас... просить вас обдумать, не достаточно ли говорит уже сделанное мною о моем усердии... не достаточно ли, чтобы дать мне право обладать величайшим счастьем, величайшим блаженством... вы знаете, к чему я стремлюсь.

Доменико собирался ответить, но отец остановил его. Граф говорил спокойно, вежливо, но с подчеркнутой сдержанностью.

— Если бы вы ограничились просьбой, Леонардо, я не стал бы препятствовать вам. Но употребленные вами выражения...

— Я уже сказал, что они не выражают моих намерений. Клянусь, что это так!

— Если бы я не доверял вам, с этого вечера вам было бы отказано в приеме. Но произнесенные слова поколебали мою веру в вас, и какой-то след от них все равно останется. Они убедили меня, что ваш брак с Изоттой необходимо отложить до окончательной победы в этой трудной борьбе. Я обязан сделать это как ради Венеции, так и ради себя.

У Вендрамина была причина злиться, ибо его собственная глупость и хитрость Доменико привели к поражению. Но, в конце концов, он был не в худшем положении, чем до этой попытки. Оставалось лишь подобающим образом удалиться. Он склонил голову.

— Конечно, я заслужил это и должен принять ваше решение, господин граф. Надеюсь, что снова завоюю ваше доверие.

Граф подошел и положил руку ему на плечо.

— Забудем все это, Леонардо! Пожалуй, я вас понимаю.

После ухода Вендрамина, вернувшись к своему креслу, граф Пиццамано сел, охваченный мрачными раздумьями. Некоторое время Доменико молча наблюдал за ним, затем сказал:

— Я надеюсь, что теперь вы понимаете, за какого мошенника вы выдаете свою дочь.

В тоне графа сквозила усталость.

— Я считал, что все недостатки, которые я за ним знаю, компенсируются ревностным патриотизмом. Но вы принудили его к выражениям, разоблачившим его при творство. Его патриотизм — лишь поза, ради выгоды принятая человеком без веры и без совести.

О да, Доменико, я все понял. Но я обязан забыть об этом. Его извинения ничего не значат. Если я расторгну его помолвку с Изоттой, он перейдет со своими негодьями-барнаботти к уже непомерно увеличившемуся отряду обструкционистов, франкофилов и якобинцев. С таким слабовольным человеком, как Людовико Манин, в должности дожа, судьба Светлейшей республики будет пред решена. Даже если Бонапарт будет разбит или пощадит нас, мы последуем путем Реджо и Модены. Наши традиции будут уничтожены, наша честь опорочена и все, что составляло славу Венеции, будет сметено. Появится демократическое правительство, и Дерево Свободы⁷⁷ будет установлено на площади Святого Марка. Такова альтернатива, которую этот негодяй предлагает нам. И мы не можем не страшиться этой альтернативы.

Глава XVI

ГЛАЗ ДРАКОНА

Посрамленный Вендрамин появлялся в доме Пиццамано все последующие дни — Вендрамин во власянице и пепле, выказывающий смирение, чтобы добиться прежней благосклонности. Доменико вновь уехал в форт Сан-Андреа. В поведении Франческо Пиццамано не было и намек на ту неприятную тягостную сцену. В то же время теперь в его отношениях с Вендрамином появился холод подчеркнутой учтивости. Это беспокоило Леонардо, но были у него и гораздо более серьезные причины для тревоги. Финансовые трудности, которые он надеялся преодолеть посредством скорой женитьбы, становились с каждым днем все более гнетущими. Висконтесса, до сей поры столь великодушная, проявила нежелание развязывать свой кошелек. Тревоги о собственном благосостоянии, растущие из-за отсрочки свадьбы, усиливались постоянным опасением соперничества со стороны Марка Антуана. А затем, совершенно неожиданно, Вендрамин убедился в реальности этого соперничества. Более того, Леонардо узнал, что отношения

между Изоттой и Марком Антуаном заходят так далеко, как он не мог и предположить.

Однажды вечером, когда Изотта по просьбе отца играла для них арию Паизиелло⁷⁸, Леонардо пересек комнату и подошел к клавесину, чтобы оказать ей маленькую, услугу: перевернуть нотный лист.

Встав сзади и склонившись над ней, Вендрамин глазом знатока оценил изящные линии ее шеи и восхитительные плечи. Леонардо осознал и все другие преимущества достоинства брака с Изоттой, кроме богатства и положения. По сравнению с красотой столь царственной, фарфоровая изящность виконтессы де Сол становилась обыденной, банальной.

Его грезы наяву были прерваны паузой в игре Изотты, которая ждала, чтобы он перевернул лист с нотами. Наклонившись вперед, чтобы сделать это, Вендрамин вдруг увидел веер, лежавший на крышке клавесина. Он много раз обращал на него внимание и прежде, но никогда у него не было случая увидеть его так близко. Нижняя половинка рукоятки веера была из золота, с тонко выгравированной, по-видимому, китайским мастером, фигуркой дракона. На хвосте у него были мелкие изумруды, а в ноздрях — мелкие рубины. Но глаз у дракона отсутствовал: широкое глазное углубление было пусто.

Из любопытства Леонардо взял веер и взглянул на другую его сторону: тот же рисунок и те же камни, но глаз дракона был на месте — нелепо выпуклый кабошон сапфира.

Он вновь перевернул веер, и ладони его увлажнились.

В его памяти мигом всплыла картина — застигнутая врасплох дама в объятиях Марка Антуана и ее стремительное бегство из комнаты мистера Мелвила под прикрытием маски. Видение было навеяно отсутствующим глазом дракона. У Вендрамина остался точно такой же кабошон сапфира, найденный им на месте свидания, и он мог бы уличить Изотту, вставив камень в это пустующее углубление.

Пока ее искусные изящные пальцы извлекали из клавесина мелодии Паизиелло, Леонардо стоял у нее за спиной с бушующим адом в душе. Глаза, что совсем недавно светились нежностью и любовью, теперь горели ненавистью. В этой утонченной светской даме, недавно столь желанной, непорочной и неприступной, он видел теперь законченную лицемерку. Несчастный глупец! Имея столь обширный опыт в отношениях с женщинами, он так легко дал себя обмануть напускным благочестием!

Он разъярился еще больше, когда понял, что не может призвать ее к ответу, не разрушив при этом окончательно все свои жизненные перспективы, которые и без того оказались под угрозой. Его чудовищно оскорбили и обманули. Она согласилась выйти за него замуж лишь потому, что его поддержка была необходима для осуществления планов семьи. Вероломная негодница, обманувшая его благородной внешностью и монашеской сдержанностью, уже имела любовника!

Просто чудо, что он почувствовал существование связи между Мелвиллом и этой распутницей, этой хладнокровной бестией, которую будущему ее мужу нельзя будет оставить ни на мгновение одну, если он желает сохранить свою честь и достоинство. Теперь Вендрамин знал все, но вынужден был притворяться, будто ничего не замечает — для столь темпераментного человека ситуация почти невыносимая.

Но, не смея громко заявить об обмане, он мог отомстить Мелвилу. Таким образом он не только положит конец бесчестью, но сможет избежать и разглашения обстоятельств своих отношений с виконтессой. Подумав об этом, Леонардо вновь овладел собой и ничем не выдал своих черных мыслей.

Удобный случай выпал ему двумя днями позже в казино дель-Леоне, где — еще один повод для недовольства — он застал Мелвила в обществе виконтессы.

Вендрамин пришел в сопровождении молодого человека по имени Нани, племянника провектора Лагуны⁷⁹, и без церемоний направился к маленькой группе, где был Марк Антуан. При его приближении один или два человека отошли в сторону: Вендрамин отнюдь не принадлежал к числу людей, общества которых горячо добивались бы все венецианские патриции. Юный Балби и майор Андреа Санфермо, у которых с Марком Антуаном за несколько месяцев возникла взаимная привязанность, если не настоящая дружба, остались, хотя и напустили на себя чопорный вид.

Вендрамин обратился ко всем с сердечным приветствием и склонился поцеловать руку виконтессе, восседавшей в центре этой компании.

Когда он выпрямился, его улыбающиеся глаза нашли Марка Антуана.

— А, месье англичанин! Вы тоже здесь. По-прежнему задерживаетесь в Венеции? Вы грозите стать ее постоянным жителем.

— Очарование Венеции — более чем достаточное тому оправдание. Но мне не нравится слово «грозить». Я не представляю угрозы, мессер Леонардо.

— Это же не всерьез, нет,— сказал Вендрамин тоном, который заставил присутствующих насторожиться.— Каждый понимает, какие чары навевает Венеция на человека, привыкшего к варварству северной страны.

То был вызов. Слегка озадаченный, Марк Антуан продолжал простодушно улыбаться.

— Увы, да! Мы там варвары. Поэтому мы приезжаем в Венецию совершенствовать наши манеры, учиться изяществу осанки, учтивости в речах...

Майор Санфермо откровенно рассмеялся этому ловкому выпадку. Его смех поддержали и другие, надеясь на этом закончить неприятный эпизод. Но Вендрамин продолжил:

— Следовательно, вы приехали, чтобы добиться невозможного: вырастить инжир на чертополохе.

Марк Антуан уже не сомневался в намерениях Вендрамина, но не мог понять причины этого. Внешне спокойный, он уклонился от встревоженного, предостерегающего взгляда Санфермо.

— Вы судите нас слишком строго, Леонардо. По-видимому, вы знали немногих англичан.

— Сколько угодно. Кроме того, я знаю и вас.

— Понятно. По-видимому, для вас *ex uno omnes**;— ни тон, ни вид не мог быть более дружелюбным.— Но нет оснований полагать, что недостатки, характерные для одного недостойного англичанина, свойственны всем его соотечественникам. Даже если бы вы были единственным известным мне венецианцем, я не решился бы утверждать, что все венецианцы грубы и невоспитанны, бестолковы и вульгарны.

Воцарилось абсолютное молчание. Вендрамин побелел, вид его стал угрожающим. Он небрежно отстранил руку виконтессы, в смятении вскочившей со скамьи.

— Думаю, этого достаточно. Я не собираюсь и дальше терпеть оскорбления. Мой друг, мессер Нани, навестит вас...

Марк Антуан стоял с видом наивного удивления.

— С какой же целью?

Вокруг уже стоял гул голосов, ибо теперь большинство присутствовавших в гостиной были привлечены их ссорой.

* *Ex uno omnes* — все как один (лат.).

Виконтесса просила Санфермо вмешаться, заклинала Нани не придавать значения словам его друга.

Вендрамин, оттесненный назад окружающими, ответил:

— Вы спрашиваете, с какой целью? Я полагаю, даже в Англии кое-что известно об удовлетворении чести между благородными людьми.

— Понимаю! Понимаю,— сказал Марк Антуан с видом человека, наконец-то проникшегося пониманием.— Простите мою несообразительность. Это происходит из-за различия в наших правилах. Но есть определенные обстоятельства, которые, как мне кажется, делают невозможной встречу между нами именно из соображений чести. Такая дуэль была бы совершенно невозможной в варварской Англии. И даже теперь мне трудно поверить, что в Венеции так платят свои долги.

— Платят долги? Что за чертовщина?

— Быть может, я неясно выразился?

Марк Антуан по-прежнему был образцом учтивости и абсолютного спокойствия. Небрежно он сбил щелчком пылинку с кружева. Но под покровом этой безмятежности klokотала ярость. Было слишком много причин, которые не позволяли ему самому спровоцировать ссору с Вендрамином. Но если глупец сам лезет на рожон, то получит сполна. Марк Антуан ни в чем его не пощадит. Он сотрет его в пыль, сорвет красивые одежды с этого мерзавца и разоблачит скрытое под ними зло.

— Тогда я должен объяснить. Последние три месяца, Вендрамин, вы занимали у меня различные суммы, составившие в итоге более тысячи дукатов. Я не желаю, чтобы вы освободились от долгов, убив меня. Меня также не устраивает, что я могу потерять эти деньги, если убью вас. Человек чести не принуждал бы меня излагать эти обстоятельства столь откровенно.

Лицо Вендрамина стало свинцово-серым. Он пытался освободиться от Нани и виконтессы, которые удерживали его, как вдруг услышал взволнованное восклицание майора Санфермо:

— Ей-богу, вы правы! Человек чести так не поступил бы.

— Сейчас у меня дело к этому англичанину, майор Санфермо. Он — трус, прикрывающийся своими дукатами.

Но и Марк Антуан уже добился своего. Теперь Вендрамина окружали лишь презрительные взгляды и враждебные возгласы.

— О! Если вы ставите под сомнение мою храбрость,—

сказал Мелвил,— то это уж совсем другое дело. Независимо от дукатов,— он поклонился Нани.— Я буду иметь честь ожидать вас, сэр.

Но даже единственный проблеск удовлетворения, вспыхнувший было в глазах Вендрамина, угас от неожиданного ответа Нани:

— Я не выполняю поручений мессера Вендрамина.

— Как и всякий венецианский дворянин,— добавил майор Санфермо.

Вендрамин огляделся, сбитый с толку и взбешенный, везде встречая осуждающие взоры. Теперь он полностью осознал, как обошелся с ним Мелвил. На минуту Леонардо застыл, потрясенный. Затем вновь обрел самообладание и находчивость.

— Вы слишком поспешили с выводами и приговором. Это не вам, а мистеру Мелвилу пришлось на ум, что человек чести должен ликвидировать долги до встречи с кредитором. Вы вынуждаете меня заявить, что ему будет выплачено все до последнего дуката, прежде чем мы встретимся.

— Вы откладываете встречу на неопределенный срок,— усмехнулся Балби.

Вендрамин резко обернулся к нему.

— Ваша ирония напрасна, Балби. Я рассчитываю встретиться с мистером Мелвилом завтра, самое позднее — послезавтра. И мне не нужен дворянин, который выполнил бы мое поручение. Не буду затруднять никого из вас.

Он повернулся на каблуках и вышел.

Марк Антуан мягко рассмеялся.

— И все-таки последнее слово осталось за ним.

Все обступили его, осуждая Вендрамина. Один из мужчин предложил мистеру Мелвилу свои услуги, если дело дойдет до дуэли.

Виконтесса, явно встревоженная, держалась несколько поодаль.

Сначала она сделала было шаг вслед за Вендрамином, но тут же остановилась, и в ее глазах Марк Антуан прочел страстное нетерпение, с которым она ждала возможности перемолвиться с ним.

Через некоторое время, когда он выходил, виконтесса выбрала момент и попросила проводить ее до гондолы, которая ожидала у ступеней Пьяццетты.

Когда они вышли под аркады площади, она с силой сжала его руку.

— Что вы наделали, месье! — молвила она взволнованно.— Что вы наделали!

— Я смог бы ответить и лучше, если бы знал, о ком из нас вы так заботитесь.

— Я забочусь об обоих.

— Ну, тогда успокойтесь. Мы не оба умрем.

— О, ради Бога, не смейтесь над этим! Вы не должны встретиться на дуэли.

— Вы заставите его извиниться?

— Если необходимо, я постараюсь.

— Есть более очевидный путь,— сказал Марк Антуан.

Они пересекали площадь уже в сумерках. Свет мерцал из лавок под Прокурациями. Цветные стекла мозаики на соборе Св. Марка сияли впереди, словно колоссальные драгоценные камни, а в воздухе плыл мерный звон колоколов — был канун дня Святого Теодора.

— Есть условие, задерживающее эту дуэль. Сначала он должен заплатить мне тысячу дукатов. Если он придет занимать деньги у вас, откажите ему, и это решит дело.

От удивления у нее перехватило дыхание.

— Почему... Почему вы полагаете, что он придет за деньгами ко мне?

— Ответ самый простой. Потому что ему больше некуда пойти. Больше никто, простите меня, не будет так глуп, чтобы давать ему взаймы.

Она задумалась.

— Вы сообразительны. Сообразительны и проницательны,— нервно засмеялась она, соглашаясь.— Обещайте мне, что, пока он не заплатит, вы не встретитесь с ним.

— Клянусь!

Казалось, ей стало легче дышать. Со своей стороны, она поклялась, что Вендрамин не получит от нее ни цехина.

Как она пообещала, так и поступила, когда, придя домой, застала поджидающего ее Вендрамина.

Отказ поразил его. Утверждение, что она не может достать даже половину этой суммы, вызвало у Леонардо вспышку ярости. Он указал на нитку жемчуга на ее шее, на бриллианты, сверкающие на ленте. Она считает, что эти безделушки дороже его чести?

Такое предложение вызвало ответное возмущение с ее стороны. Неужели она должна отдать последнее, чтобы он мог заплатить свои долги? Сколько денег Вендрамин взял у нее за последние шесть месяцев? Известно ли ему, что общая сумма составляет более пяти тысяч дукатов? Если он отрицает или сомневается в этом, она может принести ему чеки, отмеченные банком Виванти. На этих

чеках стоит его подпись — свидетельство того, что он действительно брал эти деньги.

Вендрамин уныло взглянул на нее.

— Если вы не поможете мне, Анна, то, ради Бога, скажите, что же мне делать?

В отчаянии он бросился на покрытую парчой кушетку. Виконтесса стояла побледневшая, в душе презирая его.

— Зачем вы дали выход своей злости? Почему вы не подумали об этом, безумец, прежде чем намеренно затеяли с ним эту ссору?

Но он не мог ей рассказать, чем был так глубоко задет. Не в его интересах было пригвоздить к позорному столбу даму, на которой собирался жениться. В конце концов, жалоба — не единственное средство добиться расположения виконтессы.

— Мог ли я предположить, мог ли благородный человек предположить, что Мелвил откажется от дуэли, пока не будет уплачен долг? Только англичанин мог поступить так низко. Боже мой, Анна, я убью этого человека! — Он поднялся, дрожа от ярости, пристально посмотрел на нее и резко привлек к себе. — У него с вами дела, из-за которых вы и боитесь? Из-за этого вы и не ссужаете мне денег, да? Потому что хотите спасти его?!

Она вырвалась из его рук.

— О, вы — сумасшедший! Бог знает, почему я терплю вас!

Он крепко обнял ее.

— Вы терпите меня, потому что я люблю вас, Анна! Как я люблю вас! Спасите меня еще раз. Если вы не придете мне на помощь, я разорен, опозорен! Вы не допустите, чтобы это произошло с человеком, который поклоняется вам, который живет ради вас. Я дал вам столько доказательств моей любви, Анна!

— Вы забрали почти все, чем я располагала, — призналась она. — Мои средства на исходе.

— Но есть ваш кузен — посол!

— Лальман! — рассмеялась она невесело. — Если бы вы знали, какие сцены он мне устраивал за мою расточительность! Расточительность! Знал бы он правду... Сейчас я не смогу выжать из Лальмана ни одного дуката.

Тогда Вендрамин стал умолять ее продать драгоценности. Скоро он женится, умолял он, и тогда сможет выкупить ее безделушки и возместить все, что брал в долг.

Но виконтессу не тронули мольбы, даже когда слезы брызнули из его глаз. В конце концов он выбежал из

комнаты, проклиная ее за жестокосердие Иезавели⁸⁰, которой не дано понять истинной любви.

Казалось, сама судьба была против этой дуэли. Едва это неодолимое препятствие встало перед Вендрамином, как другое, и не менее серьезное, выросло перед Марком Антуаном.

Это случилось на следующий вечер — вечер праздника святого Теодора, популярного праздника в Венеции, где этого святого почитали вторым после святого Марка. Марк Антуан сидел у себя в гостинице «Шпаги» и писал письма, когда, к его удивлению, перед ним неожиданно появился Доменико.

Происшествие в казино дель-Леоне, естественно, породило слухи, которые достигли и форта Сан-Андреа. Этим, по словам молодого капитана, и объяснялся его приезд.

— Приятное свидетельство дружбы,— сказал Марк Антуан.— Но у вас нет оснований выражать мне соболезнования.

— Вы говорите, Марк, будто исход не вызывает сомнений. Не следует недооценивать противника.

Марк Антуан пожал плечами.

— Когда мужчина связан обязательствами такого рода, какие на меня возложены в Венеции, и когда он знает, что его жизнь в любой момент может зависеть от его искусства владения оружием, он был бы безумцем, если бы не научился владеть им в совершенстве. Похож ли я на безумца, Доменико?

Доменико положил руку ему на плечо.

— Надеюсь, не вы затеяли ссору. Я полагаю, что вы так не поступили бы, но...

— Даю вам слово, что ее умышленно затеял Вендрамин. К моему изумлению, он публично оскорбил меня.

— Именно такую историю я и слышал. Что же вы собираетесь делать?

— Не могу и думать о том, что эта встреча в самом деле состоится. Я связал Вендрамина обязательством: дуэль не состоится, пока он не выплатит мне долг в тысячу дукатов. Полагаю, он не сможет найти такую сумму.

— Надеюсь, что вы окажетесь правы. Я искренне надеюсь на это. В душе, Марк, я могу только желать, чтобы вы убили его. Но если это случится, мой отец никогда не простит вас. Вы умрете для нас, Марк. Ведь вы убьете единственный шанс, последний шанс на успех нашего дела. Таково влияние этого негодяя в определен-

ных кругах. Не думаю, что мой отец питает излишние иллюзии в отношении Вендрамина. Тем не менее нет жертвы, на которую отец не пошел бы ради того, что Вендрамин может сделать для Венеции.

— Включая Изотту,— сказал Марк Антуан уныло.— Свою дочь и вашу сестру! Может ли дальше зайти патриотизм?

— Я пытался бороться с этим. Но тщетно. Отец свалил вину на меня. Он пристыдил меня за недостаток патриотизма.

— Доменико, послушайте меня! Очень возможно, что в конце концов Вендрамин попросту предаст вас. Поэтому, если вы любите Изотту, тяните время. Необходимо откладывать и откладывать окончательное решение, во что бы то ни стало.

Доменико взял его за плечо.

— Вам известно что-то нехорошее о нем?

— Мне неизвестно ничего, что говорило бы в его пользу. Большого вам сказать не могу.

— Нужно нечто большее, чтобы спасти Изотту.

— Для этого мне нужно время. Вот и все, что я могу сейчас сказать вам.

Доменико крепко пожал другу руку.

— Всегда рассчитывайте на меня, если я смогу быть чем-либо полезен. Ради Изотты.

— И ради себя самого,— сказал Марк Антуан со своей задумчивой улыбкой.

Глава XVII

ВСТРЕЧА

Уверенность Марка Антуана в том, что Вендрамин не сможет найти деньги, была развеяна на следующее же утро.

В ранний час его уже ожидал полковник Андрич — средних лет офицер словенского полка, расквартированного у монастыря Сан-Джорджо⁸¹. Полковник, невысокий подтянутый мужчина, крепкий телом и резкий в движениях, положил на стол два увесистых мешочка. Затем, щелкнув каблуками, с достоинством поклонился и заявил, что здесь золото в количестве девятисот пятидесяти дукатов, составляющих долг мессера Леонардо Вендрамина.

Представившись другом мессера Леонардо, он просил

сэра Мелвила указать, когда ему будет угодно удовлетворить мессера Леонардо по поводу происшедшей между ними ссоры.

Марку Антуану не оставалось ничего другого, как предположить, что дама, называющая себя виконтессой де Сол, в конце концов позволила Вендрамина уговорить себя и дала ему деньги.

Едва раздобыв необходимую сумму, Вендрамин нашел словенского офицера для выполнения того поручения, о котором майор Андреа Санфермо сказал, что ни один венецианский дворянин не возьмется за него.

У Мелвила не было пути к отступлению. Несмотря на все свое стремление избежать дуэли, он не смог найти предлога для отказа.

Оставалось только принять заверения полковника Андровича, что участок земли позади школы верховой езды в ранний час окажется подходящим местом для урегулирования возникшего недоразумения. Когда Марк Антуан дал согласие приехать туда в сопровождении друга на следующий день в семь часов утра, полковник откланялся.

— Честь имею,— сказал на прощание Андрович.— Ваш покорный слуга, мистер Мелвил.

На этом он вышел, поскрипывая высокими сапогами.

Позже, днем, встревоженный Марк Антуан отправился на поиски майора Санфермо и застал его в игорной комнате казино дель-Леоне. Он ответил майора в сторону.

— Вендрамин уплатил мне долг.

— Удивительно! Кого же он обчистил?

— Мы встречаемся завтра утром. Могу ли я рассчитывать на ваши услуги, Санфермо?

Санфермо церемонно поклонился:

— Глубоко тронут.

Его темные глаза посерьезнели.

— Этот Вендрамин, как многие авантюристы и подлецы, имеет репутацию искусного фехтовальщика.

— Не думаю, что исход нашей дуэли подтвердит эту репутацию,— ответил Марк Антуан.

Ночью он написал письмо Доменико Пиццамано:

«Я встречаюсь с Вендрамином завтра утром. Он уплатил долг, и у меня нет возможности отказаться. Сделаю все, что смогу, но если произойдет несчастье, спасите Изотту от этого негодяя».

Он также написал письма своей матери и Изотте, которые с соответствующими инструкциями вручил Филиберу.

...В том, что произошло утром, Вендрамин винил пасмурное небо и скользкую землю: утро было серое, ночью прошел небольшой дождь. Однако то была лишь попытка оправдаться, скрасить горечь поражения. Свет был не только достаточным, но и выгодным, потому что не было слепящих бликов. И дерн на этой полоске земли, с ее единственным наводящим уныние платаном, за длинным невысоким кирпичным зданием школы верховой езды, еще влажный, все-таки не был скользким.

Стиль Марка Антуана демонстрировал его величайшую подвижность, но ни Санфермо, ни Андрович, стоявшие рядом, оба обученные в традициях итальянской школы, не могли одобрить его манеру боя. Санфермо был встревожен, а Андрович не испытывал сомнений в благоприятном для своего подопечного исходе. Ни один из них не придерживался высокого мнения о французской школе. Это происходило от того, что ни один из них еще не видел первоклассного исполнителя этого стиля. Выпрямленная в итальянской манере рука, хотя и ограничивает возможность парирования ударов, зато создает постоянную угрозу противнику, и поэтому такой стиль казался им более предпочтительным. К тому же он требовал значительно меньших усилий, чем французский — изогнутая рука французского способа, позволявшая локтем защищать тело. Да и Марк Антуан, которому еще никогда не противостоял итальянский фехтовальщик, сначала, надо сказать, пришел в замешательство, наткнувшись на выставленное далеко вперед острие шпаги Леонардо. Но он достаточно успешно отражал всякую попытку преодолеть свою защиту. Некоторое время спустя, привыкнув к стилю противника и лучше используя свой собственный, он устроил поразившую присутствовавших демонстрацию преимуществ французской школы. Его виртуозность и молниеносные маневры были невозможны для итальянской школы фехтования, которая ограничивала подвижность фехтовальщика в активном обмене выпадами с противниками и парированиями. Непрерывно следующими атаками с использованием вращательных ложных финтов Марк Антуан через некоторое время уже настолько потеснил Вендрамина, что секунданты усомнились в своем первоначальном мнении.

Венецианец разъярился, ибо раньше считал французскую классическую школу шутовством. В его понимании это не было фехтованием. Распалившись, он поклялся

себе, что не будет более отступать перед атакующими выпадами противника. Он остановит следующий и одновременно нанесет свой удар, который положит конец комедии. Но когда Вендрамину предоставилась возможность для очередного выпада, англичанин ушел от удара легким наклоном, за которым последовал ответный укол, проведенный сбоку. Вендрамин стремительно изогнулся, чтобы отразить атаку. В невыгодном положении это движение было неуклюжим и неловким. Ему удалось увернуться от удара, но клинок прошел так близко, что от испуга на лбу у Леонардо проступил пот. Он вновь отскочил на недостижимое расстояние, несмотря на свое решение не уступать пространства. Только здесь он смог вновь изготoвиться к продолжению поединка.

Его изумление разделяли и секунданты. Но по-разному. Было мгновение, когда противник Марка Антуана оказался совершенно не прикрытым. Но в эту секунду англичанин, казалось, заколебался, и из-за этой нерешительности шанс был упущен.

Дело в том, что Марк Антуан, не встретив достойного сопротивления, поставил своей целью только ранить соперника. Система его маневров была совершенной, и в очередном обмене ударами его клинок пронзил бы на смерть его противника, прежде чем Вендрамин успел отскочить. Когда Марк Антуан приостановил свой завершающий выпад, он уже понял, как и когда выполнит свое намерение. Вот почему возникла непонятная заминка, которая спасла его противника.

Теперь Марк Антуан знал путь к цели. В его действиях появилась уверенность. Он фехтовал, как наставник с учеником. Что уже сделано однажды, можно повторить вновь. И не составляло труда еще раз создать такую же ситуацию. Вендрамин сам и создал ее, допустив в пылу борьбы опрометчивый ход.

Восстановив позицию, он рванулся вперед в яростной атаке, намереваясь поставить точку. На сей раз Марк Антуан легко и проворно отступил перед его яростным натиском, расчетливо уклоняясь от разящих выпадов, тем самым заставляя противника почувствовать, что выходит за пределы его досягаемости. Этим он вынуждал Вендрамина вновь вытягиваться в выпаде. Наконец предоставилась удобная возможность. Тем же неуловимым движением Марк Антуан отвел выпад и с быстротой молнии нанес ответный удар. Вендрамин выронил клинок: шпага Мелвила пронзила его руку, державшую оружие.

Вендрамин пошатнулся и, прикусив губу, направился в сторону Андровича, который уже бросился ему на помощь.

Не от одной лишь боли лицо Леонардо побледнело и исказилось гримасой страдания. То было разочарование, досада за свое поражение — поражение человека, слывшего мастером. К тому же он услышал слова Санфермо, обратившегося бодрым тоном к своему подопечному:

— Это самый великодушный поступок, которому я когда-либо был свидетелем, сэр. Я горжусь, что был с вами.

Только этого Вендрамину и не хватало — чтобы по Венеции расползлись слухи о том, что он обязан жизнью великодушию своего соперника. Он выпрямился. Санфермо, держащий в руке плащ своего подопечного, уже протягивал его Марку Антуану.

— Что они возомнили! — громко спросил Вендрамин Андровича. — Это еще не все. Это не поединок до первой крови. Я фехтую левой рукой так же, как и правой. Скажите им, что я намерен продолжить.

— Продолжить? Вы не способны продолжать! Вы истекаете кровью.

— Что из того? Разве вы не сможете на скорую руку перевязать меня? Разорвите мою сорочку и наложите повязку.

Но тут вмешался Санфермо:

— Мы не продолжаем дуэли, полковник Андрович. Мой друг вышел лишь доказать свою храбрость, которую поставили под сомнение. Если мессер Вендрамин еще жив, то лишь благодаря снисходительности мессера Мелвила, чему вы сами были свидетелем.

— Вы лжете, Санфермо! — вскричал Вендрамин. — И доказательством тому будет ваш труп, если у вас хватит наглости повторить сказанное.

Санфермо слегка поклонился Андровичу.

— Прошу вас успокоить своего друга. У него нет повода для возмущения, и я не расположен воспринимать эти слова всерьез. Но правила вежливости положено соблюдать. Так или иначе, мы уходим. Поединок окончен.

Вендрамин, уже почувствовавший головокружение, понял, что поединок и в самом деле окончен. Он ослабел от потери крови и нуждался в срочной помощи врача.

Восхищение майора Санфермо поведением своего подопечного привело к тому, что Марк Антуан уже в тот же

вечер стал знаменитостью в казино дель-Леоне, к чему вовсе не стремился.

На некоторое время он оказался в центре внимания и с трудом отбивался от нескончаемых расспросов. Затем, оставшись на минутку наедине с виконтессой, Марк Антуан встретил необычную твердость в ее взгляде.

— Итак, вы нарушили свое обещание, — сказала она. — А я-то думала, что вы — тот единственный человек, которому можно доверять.

— У меня к вам тот же упрек, — ответил он.

— Что?! — На лице виконтессы было написано неподдельное изумление. — Вы хотите сказать, что он заплатил вам? Тысячу дукатов?

— Иначе я бы с ним не дрался. Так вы хотите сказать, что отказали ему в деньгах?

— Конечно!

Они смотрели друг на друга со взаимным недоверием.

Глава XVIII

МОСТ СВЯТОГО МОИСЕЯ

На бурном заседании Большого совета в последний понедельник октября Леонардо Вендрамин еще раз доказал, что, несмотря ни на что, включая и презрительное отношение к нему почти всех влиятельных патрициев, по странной особенности олигархической системы он все-таки обладает властью, которая обеспечивает ему контроль над судьбами государства.

Обсуждение открыл Франческо Пезаро — один из тех членов сената, которые с самого начала боролись за вооруженный нейтралитет. Он сурово осудил пассивную политику, проводимую вопреки обещанию, данному дожем на последней ассамблее. К последствиям этого курса он причислил то пренебрежение к Венеции, с которым французские войска пересекли границы провинций, безнаказанно попирая все их права. В заключение он страстно призвал пусть и с запозданием, но вооружаться, чтобы заставить считаться с этим всех, кто осмелится нарушить объявленный Венецией нейтралитет.

В ответ ему прозвучали хорошо обоснованные финансовые аргументы: старое утверждение, будто эта война никоим образом не затрагивает Венецию, призывы со смирением перенести невзгоды, в результате которых их

провинции стали ареной боев, потому что это лучше, чем навлечь на себя величайшее бедствие в недалеком будущем, когда скажется безрассудное расточительство и без того истощенной казны государства.

Тем, кто из жадности и малодушия выдвигал эти аргументы, вышел ответить Вендрамин. Бледный от потери крови и из-за этой бледности приобретший аскетически утонченную внешность, с раненой рукой, он стоял на высокой трибуне, возвышаясь над своими собратьями-патрициями. Лидер барнаботти начал с красноречивого заявления, что было бы фатальной ошибкой полагать, будто независимость Венеции не находится под угрозой. Хорошо известно многим — безусловно, его светлость дож входит в их число, — что, если Франция выйдет победителем в противоборстве с Австрийской империей, дни Венеции будут сочтены. Подробно остановившись на непримиримости республиканца Бонапарта, он спросил собравшихся, верят ли они, что покоривший Италию завоеватель устоит перед соблазном сокровищ Светлейшей республики и не протянет свои разбойничьи руки к ее богатствам?

Далее, заявив, что в этом зале произнесено уже слишком много слов, он потребовал перейти к голосованию и призвал одобрить предложение, представленное сенатором Франческо Пезаро.

Барнаботти, явившиеся все до единого, поддержали требование своего лидера. По-видимому, выступление Вендрамина увлекло даже некоторых твердолобых патрициев из числа колеблющихся, потому что, как выяснилось после подсчета голосов, сторонники вооруженного нейтралитета получили значительное преимущество. Итак, сенату было приказано с величайшей поспешностью создать достаточно сильную армию, чтобы Светлейшая была в состоянии объявить, что злоупотребления, совершаемые на ее территориях и над ее подданными, вынуждают республику перейти от невооруженного нейтралитета к вооруженному, и потребовать вывода из ее провинций войск воюющих сторон.

Собрание разошлось с чувством, что теперь-то сенат не сможет пренебречь выполнением рекомендаций, которые были столь твердо поддержаны на Большом совете.

Вендрамин еще раз доказал свою способность, полностью управляя никчемными барнаботти, оказывать влияние на решения правительства.

После этого он обрел чувство высокой собственной

значимости, омрачаемое лишь воспоминанием о поражении, нанесенном ему рукой Мелвила. Но и здесь он не бездействовал. Вендрамин благодарил Бога, что у него не было недостатка в приятелях, даже несмотря на то, что знакомые по казино дель-Леоне и другим подобным значным местам встречали его в эти дни с явным неодобрением.

Во вторник той же недели Марк Антуан вместе с Санфермо, Балби и другими друзьями ожидал представления балета в театре Ла-Фенице. Театр был наполнен весельем, что царило в Венеции этой зимой, ибо падкие на удовольствия венецианцы не так уж тревожились из-за политической ситуации, чтобы отказать себе в развлечениях.

В ложе, заказанной виконтессой, Марк Антуан увидел ее в обществе Вендрамина, облаченного в сиреневое с серебром платье, с рукой на перевязи, и еще двух мужчин, в одном из которых Балби признал барнаботто по имени Оттолино. Последний был известным мастером фехтования, принадлежавшего к числу тех немногих занятий, которыми патриций мог заниматься, не унижая своего достоинства, и пользовался славой задиристого дуэлянта.

По окончании представления, хотя и холодной, но восхитительной ночью, четверо друзей, игнорируя призывы гондольеров, доносящиеся со стороны маленького бассейна перед главным входом, отправились из театра пешком. В вестибюле они прошли мимо виконтессы, приветливо улыбнувшейся им в отличие от ее нахмурившихся кавалеров. Когда Марк Антуан поклонился ей, то заметил, что Вендрамин повернул голову, чтобы сказать что-то Оттолино, лицо которого прикрывала треугольная шляпа.

Друзья перешли по мосту через канал и проследовали вместе до церкви Санта-Мария Зобениго. Здесь их встретили звуки музыки, доносившейся из казино Ла-Беата, где бал был в самом разгаре. Санфермо остановил их возле двери, украшенной цветными фонариками и гирляндами живых и искусственных цветов. Он настаивал, чтобы вся компания присоединилась к веселящимся на часок-другой. Два других венецианца энергично поддерживали его. Но Марк Антуан извинился. Он немного устал и предпочел бы отправиться к себе.

Таким образом, компания разделилась. И Марк Антуан один направился в сторону моста Святого Моисея. Еще когда Мелвил желал друзьям доброй ночи и приятного времяпрепровождения, он заметил, что по направлению к театру Ла-Фенице промелькнули темные фигуры. Он

видел, как они пересекли освещенную из открытой двери трактира полосу мостовой, и в одной из них узнал Оттолино. Он сразу вспомнил встречу в вестибюле театра и движение Вендрамина, что-то говорившего этому задире-фехтовальщику.

На мгновение Марк Антуан заколебался, не последовать ли ему за компаньонами в Ла-Беата. Затем, досадую на себя за проявление слабости, он быстро двинулся вперед. Однако, не пройдя и дюжины шагов, он понял, что те прохожие вовсе не прогуливаются. Они тоже ускорили шаги. Сомнений не оставалось: его преследуют и стычка неизбежна. Марк Антуан был возле моста Святого Моисея, и уже оставалось немного пройти до Пьяццы, где его спасло бы присутствие гуляющих людей. Но здесь он был один против двоих. Он развернул плащ, в который был плотно укутан этой холодной ночью, и позволил ему повиснуть на плечах совершенно свободно. Затем Марк Антуан ослабил перевязь шпаги, которую, к счастью, захватил. Все это он проделал, не замедляя быстрой поступи. Участившиеся шаги его преследователей быстро стучали сзади по тротуару узкой улочки. Они неумолимо приближались. Если его подозрения верны, почему они не атакуют его сразу? Чего они ждут? Он понял, в чем дело, когда достиг моста Святого Моисея. Они предпочли напасть там, где канал облегчал задачу уничтожить все следы преступления.

Марк Антуан очень точно рассчитал момент, чтобы повернуться и встретить их. Он решил сделать это, стоя на нижней ступеньке моста — в позиции, которая давала ему незначительное преимущество над нападавшими, если они бросятся в атаку. Повернувшись, Марк Антуан одной рукой выхватил шпагу, а другой сорвал плащ с плеч. Теперь он точно знал, что ему делать. Они увидят, что джентльмен, прошедший через сражения при Киброне и Савиньи, не станет легкой добычей для шпаги обидчика, будь он даже первоклассным фехтовальщиком.

На улице царила крошечная темнота. Но здесь, у моста, свет ущербной луны, усиленный бликами на воде, делал окружающее смутно различимым.

Когда он повернулся, чтобы встретить атаку, один из его противников, на целый ярд⁸² опередивший своего напарника, оказался слева от него в пределах досягаемости, и Марк Антуан уловил слабый блеск его шпаги, готовой к выпадку. Он швырнул свой плащ на поднятый клинок, чтобы отстранить его. На мгновение шпага опустилась под

тяжестью плаща, и нападавший оказался незащищенным. Марк Антуан заставил его согнуться ударом ноги в живот и в ту же секунду парировал выпад второго противника, которым оказался Оттолино. Прежде чем англичанин успел ответить, первый клинок освободился от плаща. Оттолино проворно отскочил вправо, чтобы напасть сбоку, надеясь в темноте скрыть свое передвижение.

Но Марк Антуан действовал своей шпагой так быстро, что успевал прикрыть себя со всех сторон. Он заметил выпад сбоку, отвел его дуговым движением и провел жесткий контрвыпад, пронзивший тело противника.

Не теряя ни секунды, он повернулся налево, чтобы встретить очередную атаку другого бандита, который к этому времени уже совсем оправился. В спешке Марк Антуан даже не посмотрел, что же случилось с Оттолино. Его клинок уже вновь ввязался в бой, когда раздался громкий всплеск. Это известило и другого его противника о несчастье товарища. И, должно быть, поэтому он резко отскочил за пределы досягаемости. Двинувшись вперед, Марк Антуан заставил его отступить в темноту на три-четыре ярда. Противник отступал, умело защищаясь. Наконец, отскочив на достаточное расстояние, он вдруг повернулся и побежал.

Марк Антуан позволил ему скрыться, вложил шпагу в ножны и накинул свой плащ. Он поднялся по ступенькам маленького мостика, где, опершись на перила, перевел дыхание и осмотрел канал. Лунные блики плясали на успокаивающейся ряби от падения мессера Оттолино. Они были единственным свидетельством его пребывания где-то под этой кажущейся маслянистой поверхностью.

Протяжный крик гондольера разорвал тишину, и неожиданно появившийся фонарь возвестил о гондоле, vyplывающей из-за угла. Марк Антуан не спеша спустился с моста и направился в гостиницу «Шпаги», куда добрался без дальнейших приключений.

Глава XIX

ЗАЩИТА

На следующий день, зайдя в кафе Бертази на Пьяцце, где он частенько бывал, Марк Антуан встретил оживленного майора Санфермо, который принялся развлекать его рассказом о веселых похождениях в Ла-Беата.

Они танцевали до рассвета, а на пути домой их поджидали и другие развлечения: у моста Святого Моисея они встретили хозяев ночи с телом человека, которое они выловили из канала под мостом.

— Как вы думаете, кто это был? — спросил его Санфермо.

— Этого задиристого фехтовальщика мы видели в ложе Ла-Фенице с Леонардо Вендрамином. Думаю, вы назовете имя Оттолино.

Рот Санфермо нелепо растянулся в удивлении.

— Черт возьми! Откуда вы это знаете?

— Ничего удивительного. Я сам отправил его туда.

Санфермо был ошеломлен таким сообщением, сделанным с самым невозмутимым видом. Гневный блеск догадки вспыхнул в его глазах.

— Силы небесные! Вы хотите сказать, что на вас напали?

Марк Антуан кратко рассказал о случившемся и добавил:

— Я пришел сюда, потому что искал вас, чтобы рассказать об этом и спросить, что же мне теперь делать?

— Что делать? Клянусь, вы сделали все, что требуется.

— Но хозяева ночи будут искать убийцу.

— Они скорее будут удивлены и обрадованы тем, что нашли лишь одного. Таков конец всех подлецов, подобных Оттолино. Человек, которого кормит шпага... Сами знаете.

— Не забывайте, что один из них ушел.

— Понимаю. И вы ожидаете, что он выступит свидетелем? — улыбнулся Санфермо.

— Но есть еще Вендрамин. Он-то знает, от чьей руки погиб Оттолино.

— И, конечно же, Вендрамин пойдет и все расскажет хозяевам ночи. А когда ему станут задавать вопросы, объяснит, что это он послал Оттолино и другого негодяя убить вас. Дорогой мой Мелвил! Вы напрасно волнуетесь. Для вас это дело закончено, притом удачно. Что на этом не завершилось, так это преступные намерения Вендрамина, — майор стал серьезен. — Этот безжалостный негодяй так просто дело не оставит. Дайте мне кое-что обдумать. А тем временем принимайте меры предосторожности, особенно по ночам.

— Будьте уверены, я позабочусь об этом, — ответил Марк Антуан.

С этими намерениями он направился во французское

представительство. Ворвавшись в кабинет посла, Марк Антуан отослал Жакоба из комнаты.

— Черт побери, в чем дело? — проворчал Лальман.

— Моя жизнь под угрозой!

Лальман вздрогнул.

— Тьфу ты, черт...

На его широком лице появилась усмешка.

— Нам приказано найти предлог для враждебности по отношению к Светлейшей. Было бы очень неплохо, если бы депутат Камиль Лебель был убит в Венеции.

— Премного вам обязан, Лальман. Если Бонапарту нужен такой предлог, я предпочту выжить, чтобы добыть другой. Мне же интересно узнать, когда все-таки Леонардо Вендрамин начнет служить нашему делу?

Лальман увидел в этом упрек.

— Вы полагаете, что настало время заставить его замолчать? Что он действует во вред нам своими бурными выступлениями за вооруженный нейтралитет? Как видите, я знаю о том, что происходит в Большом совете. Но вы ошибаетесь. Пройдет немало времени, прежде чем государство вооруженного нейтралитета сможет причинить нам неприятности. А нам уже очень скоро понадобится предлог для агрессии, и в государстве вооруженного нейтралитета его не составит труда найти.

Умные глаза посла смотрели на Марка Антуана, ожидая возражений. Поскольку возражений со стороны этого предупредительно-вежливого джентльмена не последовало, Лальман продолжал:

— Вот письма Бонапарта — вы их еще прочитаете. Мантуя не сможет продержаться долго. Стоит ей капитулировать, и мы будем в совершенно ином положении.

Марк Антуан бегло просмотрел письма. Они были короткими и точными, как и все депеши генерала Бонапарта.

— А новая австрийская армия под командованием Альвинци? — спросил он.

— Вы же ознакомились с мнением Бонапарта. В Венеции преувеличивают силы Альвинци. Он будет разбит так же легко, как и Уормсер до него или Волье до Вурмзера. Мы опасаемся лишь объединения вооружившейся Венеции с Австрией. Это мечта англичан. Но такое объединение нам не грозит пока дожем Венеции является безвольный Манин. Поэтому нам выгодно, чтобы Вендрамин отстаивал вооруженный нейтралитет. Я буду молиться, чтобы сенат послушался его.

Какая-то злая ирония заключалась в том, что усилия,

при помощи которых Вендрамин стал в глазах графа Пиццамано защитником и спасителем страны, теперь обобрачивались на пользу врагам Венеции, потому что делали ее уязвимой для их замыслов.

Лальман прервал ход его мыслей.

— Но что вы говорили об угрозе вашей жизни?

— Я рад, что это вызвало у вас интерес.

Он рассказал Лальману о дуэли с Вендрамином и о последовавшем ночном продолжении этой истории.

Посол побагровел от негодования. Ярость его не была показной. Со времени дела Терци его отношения с мнимым Лебелем становились все сердечнее.

— С чем же вы пришли ко мне? Чем я могу помочь вам? — спросил посол.

— Ничем, пока политика не позволит вам сделать того, о чем я попрошу. Я буду предупреждать вас и делать все сам.

Отвечая на немой вопрос посла, он добавил:

— Я предполагаю воспользоваться средствами, которыми вы располагаете, чтобы связать Вендрамина.

Лальман сразу понял.

— А, вот что! Но это может оказаться затруднительным.

— Для меня это не более затруднительно, чем оказаться жертвой убийства. Проявите немного гуманности, Лальман.

— Мой дорогой друг! О, мой друг! — Охваченный участием, Лальман вскочил на ноги. — Подумать, что я бессердечен!

И в самом деле, столь сильной и очевидной была его искренняя тревога за судьбу Лебеля, что он в конце концов вновь вернулся к вопросу о том, действительно ли гражданину депутату необходимо задерживаться в Венеции.

Марк Антуан возмутился. Неужели Лальман полагает, что он будет спасаться от опасностей бегством? А что касается его деятельности в Венеции, так она еще и не начиналась. Это произойдет, когда наступит кризис.

— В любом случае, как я могу уехать, пока меня не отозвали? — Он взял свою треугольную шляпу со стола. — Есть только один путь. И я воспользуюсь им.

Гондола несла его к дому в богатом районе Венеции, где квартировал Вендрамин. Леонардо не устраивали дома в Сан-Барнабо, построенные государством для обедневших патрициев. Здесь, на втором этаже прекрасного дворца,

он обитал в относительной роскоши, которая была необъяснима для тех, кто знал его истинные средства.

Пожилой слуга в незамысловатой ливрее открыл дверь на стук Марка Антуана и подозрительно осмотрел его.

— Мессер Леонардо Вендрамин? — спросил Мелвил.

— Да, он живет здесь, — откликнулся человек с заметным акцентом. — Чего вы от него хотите?

— Удовольствия небольшой дружеской беседы.

Следя за входом, слуга сделал пол-оборота и позвал:

— Мессер Леонардо, здесь вас спрашивает какой-то господин.

Дверь распахнулась. Появилась высокая фигура в парчовом халате малинового цвета, домашних туфлях, с закутанной шарфом головой. Пустой правый рукав халата был заткнут за пояс.

Вендрамин двинулся вперед, вытягивая шею, чтобы увидеть пришедшего. При виде Марка Антуана его лицо густо покраснело.

— Что вам угодно? Кто просил вас приходить сюда?

Марк Антуан протиснулся в узкий коридор. Чтобы помешать захлопнуть перед своим носом дверь, он предусмотрительно уперся в нее ногой.

— Мне надо поговорить с вами, Вендрамин. Это безотлагательно и очень важно для вас.

Он произнес это тоном джентльмена, разговаривающего с непослушным лакеем, и со строгим выражением лица.

— Вы можете поговорить со мной где-нибудь в другом месте. Я не принимаю...

— Нет. Я могу понять ваше нежелание, — твердый взгляд Марка Антуана метнулся на слугу, чья поза была почти угрожающей. — Но вы примите меня.

Минуту Вендрамин стоял, сверля его свирепым взглядом. Затем неожиданно уступил.

— Входите, если настаиваете. Дайте ему войти, Лука.

Марк Антуан прошел в дом. Вендрамин указал левой рукой на дверь.

— Сюда, если угодно, — сказал он. Они прошли в просторную залу, в обстановке которой не было излишней пышности, но и убожества тоже: развешенный во всю стену гобелен и позолота в отделке мебели говорили об определенных претензиях на изящество.

Вендрамин вошел последним и закрыл за собой дверь. Марк Антуан повернулся. Не снимая перчаток, он держал свою шляпу в левой руке, а другой опирался на трость с золотым набалдашником.

— Не думаю, чтобы вы были рады меня видеть,— сказал он с ироничной любезностью.

— Что вам угодно, месье англичанин?

— Я хочу сказать вам, что возможны были самые серьезные последствия для вас, если бы я не смог из-за тех мер, которые вы предпринимаете по отношению ко мне, нанести вам этот короткий визит. Вы, конечно, слышали, что ваш друг был выловлен из канала Святого Моисея нынче утром. Вы догадываетесь, как он попал туда. Надеюсь, вы испытываете чувство вины за безвременную кончину несчастного товарища.

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— О том, дорогой мой мессер Леонардо, что при следующем покушении на мою жизнь вам будет лучше послать четверых ваших забияк для этой работы. Двоих вряд ли хватит.

Вендрамин зловеще усмехнулся.

— Я так и сделаю, дорогой мой мессер Мелвил.

— Вижу, мы пойдем друг друга.

— Не последуете ли вы моему совету? Оставьте Венецию, пока еще вы можете это сделать. Здешний воздух не очень полезен для здоровья иностранцев, сующих нос не в свои дела.

— Ваше участие трогает меня. Но уверяю вас, здоровье у меня превосходное.

— Оно может ухудшиться.

— Я с удовольствием рискну. Но разве вас не беспокоит ваше собственное здоровье? Разве вы не подумали о том, что случится, если государственные инквизиторы обнаружат, что в течение шести месяцев вы получили пять или шесть тысяч дукатов от французской миссии?

Губы Вендрамина побелели. Он сделал шаг вперед.

— Что означает эта ложь? Это грязная ложь, слышите вы?

— Если это ложь, то, конечно же, она не доставит вам беспокойства.

— Я не брал ни фартинга — ни фартинга ⁸³! — из французской миссии!

— Строго говоря, вы, возможно, и не брали. Но есть чеки на эту сумму, выданные миссией, подписанные вами и оплаченные банком Виванти. Как вы убедите инквизиторов, что вы даром получили все эти французские деньги? Как вы убедите их, что не получили их за содействие тем намерениям, осуществления которых добиваются французы?

Вендрамин, онемевший и трясущийся от гнева и страха,

свирепо уставился на него. Марк Антуан продолжал любезным тоном:

— Вас ожидает судьба Рокко Терци, о котором вспоминают, что он был вашим близким другом, который был таким же бездельником, как и вы, который так же, как и вы, не смог объяснить, на какие средства он жил в обстановке, схожей с этой. Если вы не хотите, чтобы такое случилось и с вами, вы больше не будете вмешиваться в мои дела. Когда вы поймете, ради чего я сюда пришел, вы не будете сильно обижаться на меня за этот визит. Меня не устраивает немедленный отъезд из Венеции. Меня также не устраивает оставаться под постоянной угрозой убийства. И меня не устраивает необходимость расхаживать с телохранителем, чтобы защититься от ваших драчливых фехтовальщиков. Поэтому я принял свои меры предосторожности, и это такие меры, что я рекомендую вам сделать все, что в ваших силах, чтобы содействовать моему доброму здоровью и моему благополучию.— Он улыбнулся, но тон его теперь стал твердым.— Я устроил так, что, какая бы неприятность ни случилась со мной, пусть даже не смертельная, упомянутые сведения немедленно попадут к государственным инквизиторам и заставят их задать вам ряд затруднительных вопросов. Надеюсь, вы все понимаете?

Вендрамин обнажил свои крепкие зубы в зловещей улыбке.

— Вы думаете, что вам удастся так легко запугать меня? Где доказательства?

— Не надейтесь, что щеки были уничтожены. Они могут быть предоставлены в распоряжение государственных инквизиторов.

— Кем? Кем?

— Я предоставляю вам найти ответ на этот вопрос. Вы предупреждены, Вендрамин. Более я вас не задержу.

Вендрамин вытер капельки пота, выступившие над верхней губой.

— Вы — жалкий трус, если укрываетесь этой ложью! Так-то человек чести защищает себя в Англии? Перед Богом клянусь, что ни одного пенни из этих денег не получено за изменническую службу.

— Но поверят ли вам инквизиторы? Придется считаться и с их мнением. Его нетрудно предвидеть.

— Боже мой! Я уверен, что вы знаете правду. И все-таки вы, негодай, посмели угрожать мне этим! Боже мой, это невероятно!

— Конечно, я мог бы использовать ваши методы и на-

нять головорезов, чтобы прикончить вас. Но я предпочитаю поступить по-своему. А теперь, если вы позволите мне уйти, я пожелаю вам удачного дня.

Разъяренный Вендрамин пинком распахнул дверь.

— Ступайте, сэр! Ступайте!

Марк Антуан вышел.

Глава XX

УЯЗВЛЕННАЯ ВЕДЬМА

В тот же день мессер Вендрамин яростно обрушился на виконтессу де Сол. Он застал ее, когда она устраивала прием в салоне, выдержанном в изысканных черных и золотых тонах.

Лидер барнаботти встретил здесь тот же холодный прием, каким нынче его повсюду удостаивали. Он укрепился в своем презрении к гостям виконтессы, вполне искреннем. Лицемерно улыбающиеся, жеманные, но нахальные и самоуверенные, они образовывали шумное собрание всех возрастов и социальных положений.

Было великое множество речей о свободе, о торжестве разума и правах человека. И великое множество плохо усвоенных энциклопедических материй смешалось в этой среде псевдоинтеллектуалов — все под мороженое, кофе и мальвазию.

Вендрамин терзался в нетерпении, ожидая ухода последнего из гостей.

Когда они остались вдвоем, виконтесса упрекнула его за дурное настроение и поведение, проявленное им по отношению к ее друзьям.

— Друзья? — переспросил он с огорченным видом. — Клянусь, если вы нашли себе друзей среди этих людей, то я знаю о вас все. Меня уже ничто не удивляет. Даже то, что вы опустили до предательства.

Она расположилась на черно-золотом диване, раскинув в стороны полы своего платья.

— О, понимаю, ваше дурное настроение вновь вызвано ревностью, — вздохнула виконтесса. — Вы становитесь невыносимо скучным, Леонардо!

— Конечно, у меня нет повода! Ваша верность не дает пищи моей подозрительности, которая проистекает из несдержанности моих мыслей. Вы это хотели сказать, не так ли?

— Что-то в этом духе.

— Вам было бы уместнее оставить легкомыслие. Я не шучу сейчас. И вам было бы лучше не провоцировать меня. Но изящная маленькая дама лишь рассмеялась в ответ.

— Уж не угрожаете ли вы мне?

Он злобно посмотрел на нее сверху вниз.

— Боже! Да вы совершенно бесстыдны!

— Я следую вашему примеру, Леонардо, хотя и с меньшим основанием для стыда.

— Есть ли женщина, спрашиваю я, имеющая большие основания?

— Возможно, ваша мать, Леонардо.

Он наклонился и со злостью сжал ей запястье.

— Не попритерзайте ли вы свой дерзкий язык, пока я не причинил вам вреда? Я не потерплю имени моей матери у вас на устах! Вы, ведьма!

Она вскочила, внезапно побледневшая и ошеломленная,— поистине ведьма, уязвленная его оскорблениями, и выдернула свое запястье из его ладони.

— Думаю, вам лучше уйти! Вон из моего дома!

Поскольку он стоял не двигаясь, она топнула своей изящной ножкой.

— Вон из моего дома! Вы слышите?

Она повернулась к шнуру звонка, но он преградил ей путь.

— Сначала послушайте меня. Вы предоставите мне отчет о вашем предательстве.

— Глупец! Я не обязана перед вами отчитываться! Если уж мы говорим об отчетах, следует вспомнить о том, что вы мой должник.

— У меня есть основания полагать, что вы предали огласке это обстоятельство.

— Предала это огласке? — К ее озлобленному раздражению примешалось удивление.— Предала огласке, вы сказали?

— Да, предали это огласке, мадам. Проболтались вашему возлюбленному, этому проклятому англичанину, от которого у вас нет секретов. Я могу простить вашу неверность. В конце концов я могу вернуть деньги вашему распутному семейству. Но я не могу простить это предательство. Знаете, что вы сделали? Вы отдали меня в руки этому человеку. Хотя, пожалуй, именно этого вы и хотели.

Теперь ее чистые голубые глаза застыли на нем скорее в испуге, чем в гневе. Она провела тонкой белой рукой

по лбу, приведя в беспорядок золотистые кудряшки, что вились на висках.

— Боже мой! Это мне совершенно непонятно... Вы бредите, Леонардо! Все это ложь! Я никогда не говорила ни слова ни мистеру Мелвилу, ни кому-либо еще о деньгах, взятых вами у меня. Клянусь вам в этом! Что до остального...— Она скривила губки и пожала плечами.— Этот Мелвил не имеет никакого отношения к моим любовным делам.

— Даже если бы не было других причин, вы рассказали бы ему об этом, доказывая тем свою любовь. Значит, вы лжете мне. Почему он постоянно бывает здесь? Почему он всегда увивается возле вас, когда вы где-нибудь появляетесь?

— Оставьте это! — воскликнула она в нетерпении.— Придерживайтесь главного — того, что действительно важно. Это дело с деньгами. Я еще раз клянусь, что я никогда даже шепотом не говорила об этом.

— О да! Вы будете вновь и вновь давать клятвы. Клятвopепреступление никогда не затрудняло таких женщин, как вы! — И, неистово приправляя свое повествование ругательствами, он пересказал ей с некоторыми сокращениями свою беседу с Мелвиллом, состоявшуюся утром.

— Вы по-прежнему считаете,— спросил он в заключение,— что стоит тратить время, чтобы отрицать вашу низость?

Она была слишком напугана, чтобы выразить возмущение его оскорблениями. Ее гладкий белый лоб сморщился. Она оттолкнула его, и скорее под воздействием ее воли, чем руки, он отступил и выпустил ее. Она отошла и вновь села на диван, упершись локтями в колени и положив подбородок на ладони.

— Это гораздо серьезнее, чем вы полагаете, Леонардо. Я могу понять ваш гнев. Я полагаю, вы ничего не преувеличили в своем рассказе? В чем же ваши трудности? Вот что главное. Осведомленность Мелвила... Его невероятная осведомленность... Как ему стало известно, как он докопался до этого?

— Возможен иной способ, кроме предложенного мною? — спросил Вендрамин с прежней насмешкой в тоне.

— Я прошу вас быть серьезнее. Как мне кажется, перед нами стоит настоящая опасность. Я официально заверяю вас, Леонардо, что единственный другой человек, который что-либо знал про меня,— мой кузен Лальман, от которого шли ассигнования. Мелвил мог узнать об этом только от него.

— От Лальмана! Вы хотите сказать, что французский посол состоит в дружеских отношениях, в столь тесных отношениях с этим человеком, с этим англичанином? — И почти бездумно добавил: — Если он в действительности англичанин.

Вендрамин опустил голову на грудь и очень медленно, погруженный в раздумья, подошел к виконтессе. Если златовласая маленькая ведьма не обманывала, предположить можно было только одно.

— Анна, если все, что вы сказали, — правда и отношения этого человека с послом Французской Республики столь тесные, то напрашивается единственный вывод, что он — презренный шпион.

Этот вывод испугал его. Такое объяснение было единственно возможным, и виконтесса отлично это поняла. А поняв, тут же пожалела, что так опрометчиво дала ключ к этой догадке.

— О, это совершенно невозможно! — воскликнула виконтесса.

Он зловеще улыбнулся.

— В любом случае это дело расследования. Ныне у государственных инквизиторов Венеции есть быстрый и тихий способ обращения со шпионами... И он имел наглость пугать меня инквизиторами!

Она вскочила.

— Вам не следует объявлять об этом на основании пустякового предположения. Не рискуйте, Леонардо!

— Ах, это тревожит вас, да?

— Конечно, ведь я тревожусь за вас. Если вы ошибаетесь, то погубите себя, не причинив вреда ему. Не понимаете? В чем конкретно вы его обвините? В любом случае сведения относительно чеков от Виванти попадут к государственным инквизиторам. Сами знаете, к чему это приведет. К тому же, если бы он в самом деле был шпионом, неужели это была бы единственная принятая им предосторожность?

Ее доводы охладили Вендрамина. Он закрыл лицо руками.

— Боже! Как этот проклятый негодяй стреножил меня!

Она подошла к нему, совсем впадшему в уныние, и положила руку на плечо.

— Предоставьте действовать мне! Давайте я расспрошу Лальмана, посмотрим, что мы сможем выведать у него. Возможно, есть еще какое-нибудь объяснение, совершенно отличное от того, что предполагаете вы. Ваши

выводы могут оказаться неверными. Предоставьте это мне, Леонардо.

Он мрачно взглянул на нее и здоровой рукой грубо привлек виконтессу к себе.

— Надеюсь, мой прекрасный златовласый чертенок, вы не обманете меня? Не ваша ли хитрость сбивает мое чутье, скрывает ваши собственные запутанные следы?

Она высвободилась от его руки.

— Вы — грубое животное. Порой я удивляюсь, почему все еще терплю вас. Бог — свидетель, я никогда не водила вас за нос.

Такой тон заставил его повиноваться. Он рассыпался в извинениях за свою несдержанность, ссылаясь на проклятую ревность, которая изводит его, и страстно уверяя ее, что ревность — первейшее доказательство любви.

Они и раньше часто разыгрывали подобную сцену, которая под занавес обычно заканчивалась поцелуями. Но в этот вечер виконтесса оставалась холодной и надменной. Даже ради своих целей она не могла заставить себя быть благосклонной к мужчине, который нанес ей смертельное оскорбление.

Анна не любила его, ничего от него не требовала и в душе презирала этого никчемного человека, которого по долгу службы заманила в сети. А сегодня она испытывала к нему такое отвращение, что едва могла скрыть это.

— Я слишком часто прощала вам грубости, — ответила виконтесса. — Мне понадобится время, чтобы забыть оскорбительные слова. Вам следует подумать о своих манерах, или это ваш последний визит сюда. Теперь идите.

В его глазах вспыхнула ярость, но губы сложились в глупую ухмылку.

— Ведь не выгоняете же вы меня в самом деле?

Она одарила его взглядом, подобным пощечине. Затем резко повернулась, подошла к шнуру звонка и, дернув его, выпалила:

— Сомневаюсь, что вы способны понять правила приличия!

Он стоял, как громом пораженный, пока не вошел лакей-француз.

— Мессер Вендрамин уходит, Поль, — объявила она слуге.

ДИПЛОМАТЫ

Виконтесса де Сол нанесла визит гражданину Лальману, преследуя две вполне определенные цели.

Устроившись в позолоченном кресле, она распахнула роскошные меха, в которые куталась отчасти из кокетства, а отчасти для защиты от наступивших холодов. Ее тонко очерченное, искусно подкрашенное лицо, обрамленное маленькой меховой шапочкой, закрепленной под подбородком лентой светло-голубого атласа, было на диво обольстительно.

Лальман, сидя за столом и разглядывая ее с улыбкой знатока, поинтересовался, чем он может ей служить.

— Я хочу узнать,— сказала виконтесса,— до каких пор мне придется держать на цепи этого Вендрамина?

— Милая моя! До тех пор, пока он мне не понадобится.

— Будьте снисходительны ко мне, постарайтесь сделать так, чтобы это случилось поскорее. Я все больше устаю от него.

Лальман вздохнул.

— Да поможет мне Бог! Вы капризничаете — непостоянство свойственно страстным натурам. Вспомните, однако, что это не развлечение, а ваши обязанности.

— Мои обязанности оказались достаточно личными.

— Вы очень хорошо справляетесь с этим, и вам очень щедро платят. Помните об этом.

— О, я помню об этом. Но мы достигли точки, когда все золото в банке Франции, если там есть хоть какое-то золото, не компенсирует мне того, что я вынуждена терпеть. Этот глупец вызывает у меня омерзение. К тому же он не только до нелепого придиричив, но иногда становится опасным, просто бешеным.

— Итальянский темперамент, дорогая моя. Вы должны принимать это во внимание.

— Спасибо за напоминание, Лальман. Но мне тоже не занимать темперамента. Этот негодяй оскорбляет мои чувства. Он мне никогда не нравился. Тщеславный, глупый, самодовольный павлин! Теперь я уже и ненавижу, и боюсь его. Вот почему я хочу знать, сколько еще мне придется терпеть его. Когда вы собираетесь избавить меня от этого кошмара?

Лальман перестал улыбаться. Он думал.

— В данный момент меня вполне устраивает его роль. Сам того не подозревая, Вендрамин оказывает нам как раз ту услугу, которая нам и требуется. Поэтому вы должны проявить еще немного терпения, дорогая моя. Это ненадолго. Обещаю, это не затянется ни на одно мгновение сверх необходимого.

Эти заверения не успокоили виконтессу. Тогда Лальман встал и не спеша обошел стол. Он поглаживал ее по плечу, уговаривал, хвалил проделанную ею работу, чем постепенно и успокоил.

— Ладно,— наконец согласилась она.— Еще некоторое время я буду делать все от меня зависящее. Но вы постарайтесь не испытывать мое терпение слишком долго.

Поглаживая муфточку из прекраснейшего соболя, лежащую у нее на коленях, виконтесса перевела разговор на другую тему:

— Я хочу, чтобы вы были более искренни со мной, Лальман! Вы скрываете от меня ценнейшие сведения. Давно ли мистер Мелвил служит делу Франции? — Виконтесса пристально взглянула на посла.

Лальман удивленно поднял брови.

— Станный вопрос,— засмеялся он.— Это женский способ выяснять подозрения? Странное предположение для такого проницательного ума, как ваш. Мистер Мелвил — очень близкий мой друг. Вот и все, дитя мое. Остальное выбросьте из головы.

— Я должна поверить тому, что французский посол в Венеции поддерживает тесные дружеские отношения с англичанином в такое время, как сейчас? Столь тесные, что посвящает его в дипломатические тайны?

— Дипломатические тайны? Какие дипломатические тайны?

Лальман внезапно стал строг. А в душе посол немного встревожился. Как предусмотрительный человек, он никогда не допускал, чтобы один тайный агент знал о другом, пока такая осведомленность не была бы совершенно необходимой. В том, что касалось Лебея, были очень веские причины, чтобы его истинное лицо оставалось никому не известным.

Ответ отчасти развеял его опасения, когда виконтесса абсолютно искренне рассказала о том, что сообщил ей Вендрамин прошлой ночью.

Лальман с облегчением воскликнул:

— А-а, вот что! Но это вовсе не дипломатическая

тайна. В том, что я раскрыл Мелвилу, нет разоблачения наших намерений относительно этого барнаботто. Мелвил сообщил мне, что на его жизнь покушались и что он опасается повторного покушения со стороны этого негодяя Вендрамина.

— Что? — Голос ее звенел пронзительно, как струна, а милое маленькое личико вдруг исказилось и стало злым.— Вендрамин не говорил мне об этом. Он лишь сказал мне, что Мелвил действует с подозрительными намерениями. Но достоверно ли то, что вы сказали?

— Совершенно достоверно. Мелвил сам рассказал мне об этом происшествии. Недавно ночью Вендрамин послал пару драчливых фехтовальщиков за ним. От них Мелвил отделался довольно легко. Но он полагает, что появятся другие. В моей власти предоставить ему весьма действенную защиту. Вот и все. Но вы слишком уж взволнованы, дорогая моя!

— Почему вы решили использовать эту тайну в качестве защиты англичанина, который не имеет с вами официальных отношений?

— Кажется, мне приходится обороняться? Хорошо. Открыть вам тайну? Мистер Мелвил не имеет сейчас со мной официальных отношений, но я намерен использовать его в ближайшем будущем. Для этого все пути хороши.

Осведомленность виконтессы о методах Лальмана для вербовки делала такой ответ убедительным. Но виконтесса уже не могла справиться с нервами.

— Знаете ли вы, Лальман, что иногда становитесь мне противны — вы и ваша отвратительная служба? Вы сидите здесь, в этой канцелярии, сплетая паутину, как толстый грязный паук. Зачем вам впутывать такого порядочного человека, как мистер Мелвил, в вашу грязь?

Лальман рассмеялся без тени раздражения.

— Дорогая моя! Что за интерес к этому Мелвилу? Минуту назад казалось, что вы готовы убить Вендрамина. А теперь вы, кажется, намерены растерзать и меня. И вся эта ярость из-за того, что вы внушили себе, будто мы можем обидеть пайнюку-англичанина! Осторожнее, Анна! Поберегите свой темперамент!

— Не будьте скотиной, Лальман!

Он лишь вновь рассмеялся и не спеша вернулся за стол. Но этот смех оскорбил ее.

— Я сказала, не будьте скотиной и выбросьте из

головы мерзкое предположение, что мистер Мелвил — мой любовник. Я полагаю, что именно на это вы намекаете.

— Ну почему же мерзкое? Мистеру Мелвилу можно только позавидовать. Видит Бог, будь я лет на десять помоложе, дорогая моя...

— Все равно, будь вы хоть на двадцать лет моложе, — вы мне противны. Пусть эта новость примирит вас с вашим возрастом. Вы — толстый, грязный паук. И вы понапрасну тратите время, если думаете, что затянете мистера Мелвила в свои сети. Вы не знаете этого человека.

— Пожалуй, в этом вы определенно имеете преимущество передо мной — толстым грязным пауком.

Его насмешка привела ее в такую ярость, что она вскочила со стула.

— Да, это так. Я знаю его как человека чести: учтивого, любезного, деликатного и смелого. Я горжусь тем, что могу считать его своим другом. И видит Бог, их у меня немного. Он не такой, как другие, которые преследуют меня лишь потому, что я — женщина, которые вызывают у меня тошноту своими ухаживаниями и отвращение своей расчетливой лестью. Из-за того, что меня считают вдовой без покровительствующего мне мужчины, они смотрят на меня как на нечто такое, что можно преследовать, чтобы совратить. Мистер Мелвил — единственный человек в Венеции, кто ищет моего общества и в то же время достоин моего уважения, потому что он воздерживается от любовных притязаний.

— Тем самым, насколько я понимаю, еще больше возбуждая ваш интерес. Это искуснейший метод.

Она посмотрела на него с неприязнью.

— Ваш мозг — это помойная яма, Лальман. Я зря теряю с вами время. Я говорю о вещах, которые вам не понять.

— В конце концов, будьте благодарны мне за службу, которую я вам даю.

— Я буду благодарна, если вы освободите меня от нее и избавите от этой свиньи Вендрамина.

— Этого недолго ждать. Еще немного терпения. Вы будете хорошо вознаграждены, уж я-то знаю. Вы никак не сочтете нас скупыми.

Даже не попрощавшись, она вышла от посла, злая, как фурия.

АРКОЛЕ И РИВОЛИ

Предупрежденный Марком Антуаном о нынешнем отношении Франции к вооруженному нейтралитету Венеции и о поисках предлога для объявления войны, граф Пиццамано взялся за дело с энергией отчаяния. В результате, в том числе и стараниями Людовико Манина, через неделю состоялась ассамблея в доме Пезаро. Семеро влиятельных патрициев собрались, чтобы обсудить с дожем ситуацию, в которой оказалась Светлейшая республика. Здесь были Франческо Пезаро — лидер сторонников вооружения республики, Джованни Балбо и Марко Барбаро — члены Совета десяти, Катарин Корнер — государственный инквизитор, Джакомо Нани — проведитор Лагуны. В свою делегацию граф включил и Леонардо Вендрамина, как лидера барнаботти, поддержка которого означала безусловный перевес в любых дебатах, проходивших в Большом совете.

То были плохие дни для Вендрамина. Он ходил по краю пропасти. С одной стороны, его подстерегала опасность потерять Изотту и великую удачу вместе с ней, с другой — опасность потерять саму жизнь, если обвинение Мелвила получит подтверждение.

Ненавистный Мелвил занес над ним клинок, а он не мог защититься. Ярость, порожденная оскорбленным самолюбием, сдерживалась только страхом.

В то же время Леонардо делал все, чтобы доказать графу Пиццамано свое патриотическое рвение, и пришел на это собрание с твердым намерением поддержать графа и его сторонников, требовавших заключить военный союз с Австрией.

Дожд готовился услышать все, что угодно, но явно не рассчитывал на подобное требование. Бледный и взволнованный, он объявил это предложение совершенно безумным.

Но Франческо Пезаро, этот подчеркнуто учтивый патриций, ставший влиятельнейшим человеком в Венеции в эти бедственные дни, заставил нерешительного дожа посмотреть правде в глаза.

Австрийские войска сосредоточились в Тироле и на реке Пьяве.

Скоро Альвинци выставит армию приблизительно в соток тысяч человек против армии такой же численности

под командованием Бонапарта⁸⁴. Несмотря на то, что французы стояли уже под стенами гордой и стойкой Мантуи, чаша весов однозначно склонялась к победе австрийцев, на которую и возложена единственная надежда Венеции на спасение.

Здесь Манин попытался прервать его, но Пезаро невозмутимо продолжал.

Он неопровержимо доказал, что за существующее в Италии положение вещей ответственность следует возложить на венецианских правителей, проявивших слабость в решающую минуту. Если бы с самого начала, благородно отозвавшись на призыв о помощи, Венеция встала на сторону союза, выставив армию в сорок или пятьдесят тысяч человек, вторжение Бонапарта в Италию определено было бы сорвано, Савойя никогда не перешла бы в руки французов, а французский солдат не добрался бы до Ломбардии. Но из-за презренной скупости и эгоизма благоприятный момент был упущен.

После поражения Болье австрийский император направил вторую армию, под командованием Вурмзера. Союз с Австрией, который прежде был долгом чести, теперь становился делом целесообразности. Недавние события в провинциях Венеции, разоренных французскими солдатами, стали красноречивым свидетельством преступного равнодушия властей. Бесчинства французских войск множились с каждым днем. К Светлейшей республике теперь относились с презрением, которое она заслужила своей нерешительностью. Грабеж никем не сдерживался, поджоги, насилие и убийства опустошали континентальные провинции, а если местные власти отваживались протестовать, их оскорбляли и угрожали им расправой.

Согласны ли венецианцы и впредь безропотно терпеть такое развитие событий, неуклонно ведущее к захвату их законных земель французами, как была захвачена Савойя, как была захвачена Ломбардия?

Присутствующие знают, что граф Пиццамано созвал их из-за того, что французы уже ищут предлог для агрессии и теперь приветствовали бы вооруженный нейтралитет, который, будь он своевременно объявлен, воспрепятствовал бы их вторжению.

И вот, благодаря Божьей милости, Венеции в третий раз предоставляется шанс, несмотря на то, что уже дважды она его упускала. Может быть, это последний шанс, который Провидение, уставшее от малодушия Светлейшей, предлагает ей. Стратегически Венеция удобно расположена для

объединения с Альвинци. Пока он ведет свое фронтальное наступление, они могли бы напасть на французов с фланга. В успехе такого объединения не могло быть сомнений. Это освободило бы Италию от французов, честь Венеции была бы защищена, а ее престиж — восстановлен.

Прежде чем дож, потрясенный и подавленный, смог найти ответные слова, наступление Пезаро подхватил Вендрамин. Со времени последнего заседания Большого совета, заявил он, уже были набраны войска, корабли были переустроены и снабжены орудиями, в арсенале трудились день и ночь, так что теперь Венеция в состоянии выставить полностью оснащенную армию в тридцать тысяч человек в течение недели, и это количество может быть увеличено дополнительным набором рекрутов в далматских провинциях. Эта армия, предназначенная для защиты Венеции, может быть с равным успехом использована в наступательных действиях против врага в союзе с австрийскими войсками.

Когда дож потребовал привести основания для объявления войны Франции, граф Пиццамано колко ответил ему, что найти такие основания никогда не было трудным делом и они в изобилии имеются в разоренных венецианских провинциях. Он напомнил дожу, что его светлость — защитник венецианской чести и что потомки будут проклинать его, если он упустит этот, возможно, последний удобный случай защитить ее.

Этого Манин уже не выдержал. Рыдания сотрясали его, он проклинал тот день и час, когда ему были навязаны высокое звание и берет дожа.

— Согласитесь,— спокойно произнес Пиццамано,— что вы не можете уклониться от ответственности за это.

— Разве я пытаюсь уклониться от нее? Но я ведь не самодержец! Неужели нет Большого совета, сената, коллегии, Совета десяти, чтобы управлять судьбами этой Республики? Вы представители этих органов, и вы знаете, что на один голос, отстаивающий ваше мнение, приходится три голоса, которые отстаивают нейтралитет, как единственно верный путь. Вы обращаетесь ко мне, будто я один противостою вам. Это несправедливо!

Они напомнили ему, что в исполнительных органах много тех, кто колеблется в нерешительности, ожидая распоряжений непосредственно от дожа и не получая их.

— Я могу принять на себя ответственность лишь за руководство этими органами в соответствии с курсом, который я лично не считаю благоразумным.

Вендрамин вставил дерзкую фразу:

— Будучи добродетелью, благоразумие может стать преступлением в такой ситуации, в которой требуются сила и мужество.

— Разве не справедливо обратное? — воскликнул испуганный дож. — Взять хотя бы воинственный дух, с которым вы стараетесь внушить мне веру в слухи о том, что французы подыскивают предлог для объявления войны.

Манин вернулся к своим прежним аргументам. Зачем французам искать предлоги? Это не итальянская война. Это — широко развернувшееся движение в грандиозной кампании, главный театр действий которой находится на Рейне. Если французы совершают злоупотребления на венецианской территории, то это ведь не акты преднамеренной враждебности, а лишь жесткость, от которой армии никогда не были избавлены. Следует понимать, что если французы и вторглись на территорию Венеции, то лишь из-за продиктованной войной необходимости ответить на то, что австрийцы первыми вступили на эту территорию, заняв Пескьеру.

— Оккупации, — ответил Пезаро, — никогда бы не было, если бы мы своевременно стали государством вооруженного нейтралитета, который вы и те, кто разделял ваши пассивные взгляды, отказались признать необходимым.

— Но мы не предвидели такого развития событий! — воскликнул Дожд.

— Нужно было предвидеть, — ответил Пезаро. — К тому же, я предупреждал об этом.

Затем инквизитор Катарин Корнер выдвинул еще один аргумент. Он говорил со сдержанной язвительностью, его бледное аскетичное лицо оставалось таким же бесстрастным, как и тон. Корнер отметил фанатизм, с которым французы распространяют идеи якобизма. Он сослался на пример Циспаданской республики, учрежденной в Италии под покровительством французского якобизма и недавно расширившейся за счет присоединения Болоньи и Феррары. Он подробно остановился на подпольной работе по приобщению к своим идеям, которую якобинцы вели в Венеции, и на их угрожающие успехи, подрывающие фундамент правящей олигархии. Как один из инквизиторов, он по роду своей службы хорошо знал, что говорил. Его сыщики усердно трудились, выслеживая и преследуя вездесущих французских агентов, среди которых было немало граждан Венеции. Он сообщил спокойным, ровным голосом, что выявлено гораздо больше тайных агентов, чем

они могли предположить, и вслед за обвинением в связях с французами было произведено немало тайных казней. Вендрамин почувствовал, как холодок пробежал у него по спине, когда он услышал об этом.

Дискуссия длилась уже несколько часов, но они не смогли заставить слабовольного и нерешительного старого дожа отказаться от курса, которого он столь упорно придерживался.

Как все дела, к которым имел отношение Манин, обсуждение закончилось компромиссом: решили продолжить подготовительные действия и следовало немедленно возобновить вербовку новобранцев, чтобы Венеция была готова к любому развитию событий. Кроме того, дож обещал обдумать предложения, на которых настаивали депутаты, и руководствоваться ими в своих действиях.

Он все еще «обдумывал», когда в первых числах ноября армия Альвинци выступила в поход. А затем внезапно Венецию захлестнули слухи об успехах австрийцев. Мас-сена был разбит на Бренте, Ожеро, потерпев тяжелое поражение под Бассано, отступил к Вероне⁸⁵.

Вдохновленный этим, граф Пиццамано и его решительные союзники вновь ринулись в наступление. Пока французы растеряны, пусть Венеция нанесет удар, который наверняка положит конец угрозам Бонапарта. Они по-прежнему настаивали на этом, когда в конце месяца положение французов стало столь отчаянным, что каждый, кто старался раньше оттянуть время — от Людовико Манина до последнего нейтрально настроенного сенатора, — теперь считал свою политику полностью оправданной. Сохранив своим бездействием кровь и богатства, пока война продолжала грохотать у самых границ Венеции, они спасли все могущество Светлейшей республики.

Истинных патриотов, подобных Пиццамано и Пезаро, обвиняли в подстрекательстве, которое, если восторжествует, неизбежно разорит Венецию и вынудит льва Святого Марка долго зализывать раны.

С этим трудно было спорить. Люди, предупреждениями которых пренебрегали, могли только наблюдать в молчании за событиями и молиться, чтобы те, кто отверг их советы, оказались правы.

Безнадежное положение Бонапарта ясно подтверждалось его словами в своей депеше к Директории от тринадцатого ноября: «Итальянская армия сократилась до горсточка истощенных людей... Мы окружены во внутренних районах Италии. Считаю гибель неизбежной,

храбрецы стойко обороняются, хотя намного уступают в численности».

А потом, когда казалось, что все уже закончено, когда Венеция шумно ликовала, гений корсиканца блеснул с новой силой. Через четыре дня после письма в Париж он нанес тяжелое поражение армии Альвинци на залитом кровью поле Арколе и бросился преследовать ее остатки.

Но вскоре стало ясно, что французы вырвали победу слишком дорогой ценой. Они отвоевали глоток воздуха, не более. К Альвинци спешило сильное подкрепление. Мантуя, осажденная Сюррюрье, стойко держалась. Арколе, по мнению венецианцев, лишь отсрочило неотвратимый исход: французов ожидал разгром.

Напрасно сторонники военного союза с Австрией осуждали этот оптимизм, который вовсе не следовал из предыдущего опыта.

Им самодовольно отвечали, что Бог и австрийцы скоро уладят дело. Зачем же правительству Венеции брать на себя трудную и бесполезную ношу?

Сам Марк Антуан готов был согласиться с оптимистами, видя отчаяние, царившее во французской миссии. Директорию очень тревожило положение истощенной Итальянской армии. Армии Франции на Рейне тоже терпели неудачи, и казалось, что теперь-то Европа избавится от французского кошмара и вздохнет свободно.

Активно играя роль Лебеля, Марк Антуан написал Баррасу резкое письмо, настаивая на необходимости пополнения армии Бонапарта, чтобы не утратить того, что завоевано. Он знал, что его требования ничем не могут помочь генералу: если Директория не нашла возможности соответствующим образом отреагировать на подобные письма раньше, то теперь события на Рейне делали это еще менее возможным.

Его письма, однако, привели к непредвиденному результату, о котором ему сообщил Лальман.

— Неужели еще есть причины, делающие ваше пребывание здесь необходимым? — спросил посол. — У меня есть проверенные сведения, что в настоящее время полиция разыскивает вас по всей Венеции.

— Меня?

— Гражданина депутата Лебеля. Они узнали, что он находится в Венеции — из известного ультиматума по поводу бывшего графа де Прованс, и теперь получили еще одно подтверждение этому. Венецианцы нынче осмелели, ибо считают наши когти обрезанными. Мой последний

курьер был задержан генералом Салимбени в Падуе. Ему в конечном итоге позволили продолжить путь с моими депешами в Директорию. Но ваше письмо Баррасу было арестовано на том основании, что оно не официальное, а личное. Теперь оно в руках государственных инквизиторов, и мессер гранде получил приказ найти и арестовать вас.

Марка Антуана вновь поразило умение слышать и знать все, проявленное тайной службой Лальмана.

— Не думаю, что они смогут опознать во мне Лебеля,— сказал он.

— Я придерживаюсь того же мнения. Но если смогут, то очень тяжело придется человеку, которого считают виновником позора Светлейшей, ибо он заставил выслать так называемого Людовика XVIII из пределов Венеции. Полагаю, у вас не будет никаких шансов. Инквизиторы действуют очень скрытно и не оставляют следов. Только на этой неделе я потерял одного из моих самых полезных агентов, венецианца. Вроде бы без причин... Он просто исчез! Но я не сомневаюсь, что он был тихо удушен после тайного судебного разбирательства. Поскольку он не был французским подданным, я не могу даже обратиться к инквизиторам с запросом о его судьбе.

— Слава Богу, что я-то, в конце концов, французский подданный, и...

— Вы забываете,— перебил его Лальман,— что приехали под видом англичанина. Я не могу предъявить права на вас, не признав этого мошенничества. Впрочем, и это не улучшило бы ваших шансов.— Здесь он сделал паузу.— Я и в самом деле думаю, что вам благоразумнее уехать. Но Марк Антуан отклонил это предложение.

— Нет, пока служба народу Франции может потребовать моего присутствия здесь.

В тот же вечер он получил подтверждение этих новостей от графа Пиццамано. Граф признал перехват Лебеля свидетельством того, что в конце концов Светлейшей необходимо отстаивать свои права. Присутствие Лебеля в Венеции еще один признак зловещих намерений Франции, и очень плохо придется этому тайному агенту, когда его обнаружат.

Это вовсе не беспокоило Марка Антуана. Мессер гранде, венецианский капитан правосудия, тщетно охотился за Камилем Лебелем. Что его тревожило, так это перспектива поражения французов, которая не только не вдохновляла его, но и невероятно удручала из-за опасности, грозящей Изотте.

Между тем, хотя ненависть Вендрамина к Марку Ан-

туану ничуть не ослабла, Леонардо умело скрывал ее, когда им случалось встречаться в доме Пиццамано.

Так мирно прошло Рождество. Его праздновали в Венеции, как всегда, неумеренно развлекаясь. Единственной помехой были сильные холода — зима придала необычный вид южному городу: на крышах домов лежал снег, а в каналах Фузине и в порту Маргеры плавали льдины. Поэтому венецианцы предавались веселью, укрывшись от холода за стенами домов. Театры и кафе были полны, как никогда, в казино толпились все, кто был не прочь поиграть в азартные игры, потанцевать или просто пофлиртовать и посплетничать.

Под Новый год городские власти наметили провести карнавал, будто не было дел серьезнее.

Марк Антуан, как мог, убивал время. Вместе с друзьями он присутствовал на первом представлении «Фиесты» Уго Фосколо⁸⁶, и согласно карнавальному обычаю они ужинали в арендованной ими ложе. Марк Антуан позволил себе участвовать в балах-маскарадах, состоявшихся в филармонии и в зале Орфеи и представлявших собой сцены самого беззаботного праздника, подобного которому он еще никогда не видывал. На эти торжества из всех казарм стекались офицеры, на время совершенно позабывшие о тучах войны, которые по-прежнему носились над горизонтом.

В то время, как жизнь в Венеции протекала в бесконечных развлечениях, австрийцы выступили в поход, чтобы снять осаду с Мантуи и нанести решающий удар, который должен был завершить эту кампанию. Их поражение на заснеженных полях Риволи, с захватом в плен семи тысяч человек и тридцати пушек, лишь на мгновение прервало карнавальные безумства в Венеции⁸⁷. Чтобы предотвратить панику, правительство умышленно распространило заверения, что предпримет все необходимые меры. После этого карнавал возобновился с новой силой.

С наступлением февраля погода стала мягче, и праздные толпы бездельников и зевак фланировали повсюду от Скъявони до Пьяццы, собираясь то там, то тут в небольшие группы возле странствующих актеров, целыми днями веселивших прохожих. Кого только тут не было: марионетки, акробаты, знахари, исполнители баллад, астрологи, предсказывающие судьбу канарейки, танцоры, цирк на Пьяцце... Патриции и патрицианки в масках и вуалях свободно смешивались с шумной толпой простого люда, разделяя ее жажду развлечений и забыв о неумолимо надвигающейся на Венецию угрозе.

А она приближалась. За поражением Альвинци последовало падение Мантуи. Затем Бонапарт двинулся на Рим и принудил папу римского подписать договор в Толентино⁸⁸. Одним из результатов этого договора стали три больших каравана запряженных волами повозок, груженных бронзой, картинами и другими сокровищами искусства, награбленными в Ватикане, которые отправились во Францию.

Но Венеция, которая казалось, не способна была на уныние, через несколько дней после падения Мантуи вновь возликовала при известии, что эрцгерцог Чарльз приближается с подкреплениями с Рейна, чтобы принять командование остатками армии Альвинци.

Тот, кто обладал здравым смыслом, не видел оснований для надежды на успех этой четвертой австрийской попытки разбить французов. Бонапарт тоже получил наконец давно затребованные подкрепления. Во главе армии в шестьдесят тысяч человек, обеспеченной артиллерией, на которую он так рассчитывал, избавленный от кошмара Мантуи, он стал несравненно более опасен, чем когда бы то ни было в этой кампании.

Молодой генерал был столь грозен, что дож и его советники совершенно отказались от своих прежних аргументов. До настоящего времени Австрия служила им более чем достаточной защитой. Теперь дело обернулось так, что сила французов делала бесполезным все, что Венеция могла бы предпринять сама.

Набираемые войска заполнили и город, и прилегающие к нему острова. Четыре тысячи человек было расквартировано на острове Кьодджа; три далматских полка — в Маламокко, один — в Чертозе и батальон — на Джудекке. Славянский полк расположился на острове Сан-Джорджо Мадджоре, а итальянский батальон под командованием Доменико Пиццамано — в форте Сан-Андреа. Шестнадцать рот разместили на острове Мурано; хорватская рота с полковником Радничем во главе стояла на Фузине; остальные войска находились в Сан-Франческо делла Винья и Сан-Джорджо-ин-Алча. В общей сложности собрано было около шестидесяти тысяч человек, не считая приблизительно десяти тысяч в составе гарнизонов на материке. Кроме того, были еще семь военно-морских дивизионов, размещенных на Фузине, Бурано, на канале Марани и в других местах. Однако, даже по мнению неустрашимого графа Пиццамано, эти силы были недостаточны для наступательных действий.

Манин был вынужден — по крайней мере, приватно, конфиденциально, почти со слезами на глазах, — признать ошибкой упущение удобного для решительных действий момента, который предоставлялся еще совсем недавно. Предпринимать решительные шаги теперь было бы неоправданным риском, риском отчаявшегося игрока. Если кости выпадут неблагоприятно, то независимость Светлейшей будет потеряна.

Австрия покинула их, и Манин в последней надежде уповал лишь на милость небес. По его распоряжению были проведены специальные молебны, службы, процессии и торжественный вынос чудотворной иконы Святого Марка. Это привело лишь к нарастанию всеобщего смятения и шумному неодобрению правителей, которых теперь обвиняли во всех бедах.

Глава XXIII

ГРАЖДАНИН ВИЛЛЬТАР

В первое воскресенье великого поста срочный вызов Лальмана застал Марка Антуана еще в постели. Маски и маскарадные костюмы исчезли с улиц и каналов Венеции, и церковные колокола призывали угомонившихся граждан к молитвам. Солнце слепило ярким сиянием, в воздухе носился запах весны.

В кабинете Лальмана Марк Антуан застал мужчину средних лет, небольшого роста, чье бледное, худое, покрытое морщинами лицо, хитроватое и бесстрастное, казалось слишком старым для его гибкого, подвижного тела. Худые мускулистые ноги незнакомца обтягивали белые штаны из оленьей кожи и черные высокие сапоги с загнутым желтым верхом. На нем был длинный редингот из грубого коричневого сукна с серебристыми пуговицами и очень широкими лацканами. На конусообразной коричневой шляпе, которую он держал в руках, красовалась трехцветная кокарда. При нем не было оружия.

Лальман, бывший явно не в духе, представил его как гражданина Вилльтара, посланца генерала Бонапарта.

Пронизывающий взгляд маленьких, глубоко расположенных глаз этого человека тщательно ощупывал Марка Антуана. Его кивок был коротким, голос — резким и скрипучим.

— Я слышал о вас, гражданин Лебель. Вы уже не-

сколько месяцев в Венеции, но не добились заметных успехов.

На его агрессивность Марк Антуан ответил встречной агрессивностью:

— Я направляю свои отчеты Директории, приказам которой и подчиняюсь.

— Генерал Бонапарт находит необходимым дополнить их. Вот почему я здесь. Маленький капрал устал от ожидания. Наступил час действий.

— Когда его желания,— сказал Марк Антуан,— совпадут с желаниями Директории, мы выполним их наилучшим образом. Если уж он решил, что имеет смысл послать вас в Венецию, я жду от вас каких-то полезных предложений.

Вильтара ошеломило высокомерие Мелвила. Казалось, оно выбило у него почву из-под ног. Тень улыбки промелькнула на лице Лальмана, оскорбленного вызывающим поведением посланника.

Вильтар нахмурился.

— Вы не понимаете, кажется, что я послан сюда сотрудничать с вами. С вами и с гражданином послом.

— Это другое дело. Ваш тон заставил меня предположить, что вы приехали сюда распоряжаться. Следует понимать, что это неприемлемо, пока Директория не осудит меня от моих полномочий.

— Мой дорогой гражданин Лебель...— запротестовал тот, но был прерван не допускающим возражений движением поднятой руки Марка Антуана.

— Здесь, в Венеции, гражданин Вильтар, я известен как мистер Мелвил, английский бездельник.

— Ба! — с ироническим пренебрежением воскликнул Вильтар.— Сейчас, когда мы близки к тому, чтобы проткнуть этот мыльный пузырь, можно позволить себе сбросить маски.

— Я предпочитаю, чтобы мы сначала дождались, пока этот пузырь лопнет. Теперь перейдем к делу.

Выяснилось, что прежде всего Вильтар должен был получить и отправить непосредственно Бонапарту карты промеров каналов, ведущих от Венеции к матерiku. Лальман признался, что эти работы не завершены. После ареста и казни Терци и Сартони он отказался от этого дела, как слишком опасного.

Вильтар саркастически усмехнулся:

— Вы, наверное, думаете, что Бонапарт вторгнется в Венецию с армией уток?

Марк Антуан вновь хладнокровно отразил его выпад:

— Не будет ли обсуждение способов выполнения задания более полезным, чем пустые шутки? Побережем время. Вы сами сказали, гражданин Вилльтар, что сроки ограничены.

— Я лишь сказал, что слишком много времени упущено,— последовал резкий ответ.— Но нам, конечно, лучше обсудить предстоящие действия. Есть ли у вас на примете человек, способный взять на себя эту работу? В конце концов, это не требует значительного ума.

— Ума не требует,— согласился Лальман.— Но это дело связано со значительным риском, поскольку разоблачение такого исполнителя означает смерть для него.

— Следовательно, его надо искать среди таких людей, кто не может быть нам полезным в других отношениях,— цинично откликнулся Вилльтар.

— Конечно! Француза я на это дело не послал бы. Но так уж удачно получилось, что у меня под рукой есть венецианец, которого мы, пожалуй, сможем заставить.

И Лальман, как и ожидал Марк Антуан, рассказал о Вендрамине, для которого уже подготовил метод принуждения.

— Вендрамин? — переспросил Вилльтар.— О да, я слышал о нем. Один из проповедников франкофобии,— он проявил хорошую осведомленность.— Было бы забавно заставить его выполнить наше задание. Если вы действительно можете сделать это, пусть так и будет. Не будем медлить! Где можно найти этого барнаботто?

Они нашли его вечером того же дня в апартаментах виконтессы де Сол. Встречу устроил Лальман. Он распорядился, чтобы виконтесса пригласила Вендрамина на ужин. В сопровождении Вилльтара посол объявился в доме Гаццолы в девять часов, когда, по его расчетам, ужин уже должен был завершиться.

Так и было. Но Вендрамин и виконтесса еще сидели за столом. Вендрамин с радостью принял это приглашение, расценив его как знак примирения, как это бывало раньше. На свою беду, он очень нуждался в ее расположении. У него появилась надежда, что виконтесса проявит щедрость большую, чем прежде, и он почти добился сочувствия к своим просьбам, когда, к его досаде, доложили о приезде Лальмана.

Посол стал обезоруживающе учтив, когда виконтесса представила ему мессера Леонардо. Конечно, он слышал о месье Вендрамине от своей кузины Анны и давно мечтал

познакомиться с ним. Изъявление признательности за это представление со стороны Вилльтара могло быть принято лишь с натяжкой, поскольку сопровождалось презрительной ухмылкой, появившейся на его сером волчьем лице.

— Имя месье Вендрамина хорошо известно и мне, хотя я новичок в Венеции. Это имя патриция, обладающего выдающимся положением в Совете Светлейшей республики. Правда, вы отнюдь не франкофил. Но я из тех, кто может восхищаться силой, даже если это сила противника.

Вендрамин, покрасневший от досады и неловкости, пробормотал обычные любезности. Одетый в великолепно атласный костюм в полоску двух оттенков голубого цвета, он с презрением рассматривал обыденный редингот, штаны и свободно повязанный галстук, в которых посмел явиться в дом знатной дамы этот нахальный якобинец.

Лальман вел себя как дома. Он даже исполнил роль хозяина, предложив стул своему спутнику, подав ему бокал и поставив перед ним графин с мальвазией. Затем он пододвинул стул себе и сел к столу.

— Знаете, кузен Франсуа, вы пришли очень своевременно,— сказала виконтесса с милейшей улыбкой.

— Полагаю, вы хотите сказать,— заметил тучный Лальман,— вы в чем-то нуждаетесь. Давно прошел тот день, когда воспитательная дама еще могла счесть мой визит своевременным по другим причинам.

— Друг мой, вы несправедливы к себе!

— Возможно. Но в чем вы нуждаетесь?

— Не могли бы вы ссудить мне две или три сотни дукатов?

Вендрамин ощутил приятное тепло, разлившееся по телу. В конце концов, его досада за этот приход оказалась преждевременной.

Посол раздул свои красные щеки и поднял брови.

— Боже, Анна! Вы говорите о двух или трех сотнях, будто нет разницы между одним числом и другим.

— Какая, в конце концов, разница? — Она положила свою ослепительной белизны руку, тонкую и красивую, на черный атлас его рукава.— Ну, Франсуа! Будьте панинкой и дайте мне двести пятьдесят.

Лальман строго посмотрел на нее.

— Вы, кажется, не понимаете, сколь велика эта сумма. Для чего она вам нужна?

— Вам это необходимо знать?

— Конечно! Вы такой суммой не располагаете, и если я ссужаю ее вам, то имею право узнать, на что она будет

израсходована. В конце концов, я несу определенную ответственность за вас. Он взглянул на Вендрамина, и его глаза, обычно доброжелательные, немного похолодели.— Если, например, вы намерены добавить ее или какую-то ее часть к деньгам, которые этот джентльмен уже занял у вас...

— Месье! — воскликнул Вендрамин.

Его лицо вспыхнуло и стало пунцовым. Он сделал попытку встать, но вновь опустился на стул, когда виконтесса воскликнула:

— Франсуа! Как вы можете? Я вам доверилась, а вы предаете меня!

Вильтар спокойно прихлебывал вино, будто был единственным, кого происходящее совершенно не интересовало...

— Предать ваше доверие, дорогая! Что вы еще скажете? Но мог ли месье Вендрамин полагать, что в течение нескольких месяцев я ссужаю вам суммы, в итоге составившие около шести или семи тысяч дукатов, не осведомляясь о том, что станет с этими деньгами? Я был бы странным опекуном, если бы так поступил, не так ли, месье Вендрамин?

Из красного лицо Вендрамина стало бледным. Он тяжело дышал.

— Вот как! — воскликнул он. — Я понятия об этом не имел... Дело столь личного свойства... — Он в мрачной досаде кивнул виконтессе. — Вы никогда не говорили мне, Анна, что...

— Дорогой мой Леонардо, — перебила она его, и нежная улыбка смягчила ее обеспокоенное лицо, стоит ли расстраиваться? И в конце концов, так ли это важно?

Она вновь обратилась к послу:

— Вы поставили моего бедного Леонардо в неловкое положение, к тому же в присутствии месье Вильтара. Это некрасиво. Вы понесете наказание, дав мне те две с половиной сотни завтра же утром.

Совершенно раздосадованный, Вендрамин смотрел исподлобья на посла. Лальман медленно покачал своей крупной головой и перевел взгляд на венецианца.

— Вы понимаете, что взятая вами взаймы у виконтессы сумма очень велика. Я не дам ей в долг, если мне придется увеличить ее долг без каких-либо определенных гарантий в том, как и когда эти деньги будут выплачены.

Виконтесса вспыхнула, в голосе ее появилось раздражение:

— Почему вы надоедаете ему такими замечаниями? Я уже говорила вам, что месье Вендрамин собирается выгодно жениться.

Лальман сделал вид, что пытается вспомнить.

— Ах, да! Теперь припоминаю.— Он ухмыльнулся.— Но свадьбы порой расстраиваются. Что будет, например, если в конце концов месье Вендрамин не получит эту богатую невесту? Вы попросту потеряете свои деньги, Анна! Как ваш кузен и в некотором роде ваш опекун я не хочу, чтобы вы лишились столь значительной суммы. Это гораздо больше, чем вы можете позволить себе. Я хочу, чтобы и вы поняли это, месье Вендрамин.

Его тон стал непреклонным.

В дело вмешался угрюмый спутник Лальмана, увеличивая тем самым нестерпимые муки стыда, терзающие Вендрамина.

— Почему бы мессеру Вендрамину не расплатиться прямо сейчас?

— Что? — Леонардо повернулся и пристально посмотрел на говорящего.

— Перенесите его долг на Французскую республику, будто деньги выплачены этому венецианскому господину из фондов секретной службы в уплату за выполнение заданий, в которых заинтересована Франция.

— Это идея,— сказал Лальман, и в последовавшей мертвой тишине его глаза вопросительно остановились на Вендрамине.

Венецианец выглядел беспомощным, вконец растерявшимся.

— Кажется, я не все понимаю.

Вилльтар не вытерпел:

— Боже всевышний! Ведь это достаточно просто. Вы получаете из фондов французской секретной службы аванс в шесть тысяч дукатов или несколько большую сумму в качестве оплаты за выполнение заданий, которые будут перед вами поставлены. Придет время — и вы выполните их.

— Выполню их? — переспросил Вендрамин.— Какие задания?

Вилльтар подался вперед.

— Характер заданий совершенно не важен. Вы получите на этот счет полные разъяснения. Можем ли мы рассчитывать, что вы примете этот способ оплаты долгов?

— Ни на что подобное не рассчитывайте! — возмутился Вендрамин.

— В таком случае это будет очень скверная ночь для вас,— усмехнулся Вилльтар.— Садитесь.

Выпрямившийся во весь рост Вендрамин с пренебрежением посмотрел сверху вниз на француза, сидевшего по другую сторону стола.

— Что касается вас, у того, у кого хватило наглости таким предложением поставить под сомнение мою честь, я буду рад узнать, где мой друг сможет посетить вас.

Вилльтар откинулся, прищурившись, взглянул на него и усмехнулся, не разжимая губ.

— Это вы-то завели разговор о чести? — спросил он.— Вы занимаетесь вымогательством и занимаете уже огромные суммы, которые можете уплатить не иначе, как в результате предполагаемого брака. И вы еще хвастаетесь честью! Вы даже не замечаете, как смешны!

С отвратительными ругательствами Вендрамин схватил со стола графин. Но тут вмешалась виконтесса: вскочив, она вцепилась в его руку. Опрокинутый бокал разбился. Вслед за звоном раздался трескучий голос Вилльтара, никак не отреагировавшего на вспышку венецианца:

— Сядьте!

Однако, тяжело дыша и шатаясь, Вендрамин продолжал стоять. Виконтесса, по-прежнему прильнувшая к нему, шептала:

— Леонардо! Леонардо! — Голос ее срывался от волнения.

Она осторожно освободила графин из его руки и поставила обратно на стол. Вспышка гнева прошла. Откинувшись и беспечно раскачиваясь на стуле, Вилльтар, глядя на Вендрамина с тем же выражением презрения, заговорил вновь:

— Садитесь, глупец, и слушайте! И ради Бога, успокойтесь. Сгоряча ничего не добьешься. Тщательно обдумайте свое положение. Вы получили эти деньги из фондов французской секретной службы. Они выплачены вам чеками Виванти, помеченными французской миссией и скрепленными вашей подписью при получении денег. Вы полагаете, что вам позволят обмануть французское правительство нынешним отказом исполнить работу, за которую вам заплатили?

— Это бесчестно! — вскричал мертвенно-бледный венецианец.— Бесчестно! Но вы торгуетесь не с тем человеком, скажу я вам. Катитесь к черту со своими предательскими предложениями! Вы можете устроить мне лю-

бую подлость. И все равно мой вам ответ — нет! Нет, и будьте вы прокляты!

— Очень красиво и вполне по-геройски,— сказал Вилльтар.— Но я не тот человек, который безропотно приемлет «нет» в качестве ответа. Вы сказали, что мы можем устроить любую подлость... Вы уже знаете, какую именно? Даже обдумали, как отклонить естественные предположения государственных инквизиторов относительно целей, на которые вам были отпущены эти деньги французским посольством?

Вендрамин застыл, почувствовав, что его ранили в самое сердце. Дух непримиримости, минуту назад горевший в нем, быстро угасал. Мало-помалу полнейший ужас наполнил его душу.

— Боже мой! — Вендрамин сглотнул и с трудом взял себя в руки.— Вы хотите сказать, что так и поступите? Что вы пойдете на ложный донос?

— Так уж получилось, что вы необходимы нам,— сказал Лальман.— Так же как эти деньги были необходимы вам. Вы не постеснялись брать их у моей кухни. Вы не потрудились узнать, откуда они исходят или как она может раздобыть такие суммы. Почему мы должны быть менее беспринципными по отношению к вам?

— Вы стараетесь опорочить меня, чтобы оправдать совершаемую вами подлость. Вы — просто пара негодяев, низких якобинских негодяев, а эта женщина была вашей... приманкой. Пресвятая дева! Какое же знакомство я вел?!

— Весьма прибыльное знакомство,— произнес Вилльтар.— А теперь мы требуем расплаты.

— И оскорбления вам не помогут,— добавил Лальман.— В конце концов, Венеция пострадает от ваших действий не более того, что все равно неизбежно. Если вы будете упорствовать в отказе, найдется кто-нибудь еще, кто выполнит то, что нам необходимо.

Вилльтар встал и нетерпеливо прошелся по комнате.

— Не достаточно ли слов? Наше предложение месье Вендрамину сделано. Если он настолько глуп, что предпочтет тюрьму для особых преступников и гарроту⁸⁹, пусть он так и скажет, и кончим дело.

Вендрамин грузно оперся на спинку стула. В душе он проклинал день, когда впервые увидел виконтессу, проклинал каждый дукат, взятый у нее взаймы. Этот подлец Мелвил имел наглость шантажировать его, угрожая чеками Виванти в качестве мести, а теперь их же исполь-

зовали вновь, чтобы принудить его к предательству. Подозрения относительно Мелвила, которые эта маленькая Далила⁹⁰ некогда рассеяла, теперь стали сильнее, чем раньше. Слишком поразительное совпадение — и англичанин, и эти французские агенты избрали один и тот же метод навязывания ему своей воли.

У него вдруг родилась мысль, положившая конец колебаниям.

— Если я подчинюсь вам... Если я соглашусь сделать то, что вы хотите, какую я буду иметь гарантию того, что вы сдержите свое обещание?

— Гарантию? — спросил Вилльтар, подняв брови.

— Откуда я знаю, не выдадите ли вы меня?

— Мы даем вам слово, — сказал Лальман.

Вендрамин язвительно усмехнулся и покачал головой:

— Мне нужно нечто большее.

— Боюсь, это все, что мы можем вам дать.

— Вы можете дать мне чеки, которые хотите использовать как доказательство того, что называете моим долгом Франции?

Открыв было рот, Лальман вдруг остановился. Он сидел молчаливо и задумчиво, уставившись на бокал с вином, который вращал, придерживая за тонкую ножку. Наконец, нетерпеливо вмешался Вилльтар:

— Почему вы нет? У него будут определенные права на эти чеки, если он отработает свой долг

— Если долг будет отработан, то — да, — медленно согласился посол.

Затем, приняв какое-то решение, он сказал:

— Приходите ко мне в посольство завтра до полудня, и мы с вами уладим условия.

— Это означает, что вы согласны? — нетерпеливо спросил Вендрамин.

— Это означает, что я дам вам ответ завтра утром.

— Других условий я не выдвигаю, — бросил ему Вендрамин.

— Ладно, ладно. Мы поговорим об этом завтра.

После того как венецианец ушел, Вилльтар выказал недовольство промедлением с заключением сделки, чему он не находил серьезных причин. Но Лальман воздержался от объяснений, пока они не оказались вдвоем в своей гондоле на обратном пути к Мадонна-делль'Орто. Тогда-то он наконец ответил посланнику Бонапарта.

— Конечно, у меня есть свои причины. Естественно, я не могу изложить их в присутствии этого венецианца.

Так же естественно и то, что я предпочел не излагать этого и после его ухода.

— Но почему нет, ведь мадам виконтесса..

Лальман перебил его, перейдя на тон, каким знаток разговаривает с дилетантом.

— Дорогой мой Вилльтар, опыт, накопленный мной за годы ведения важных тайных дел, научил меня никогда, за исключением чрезвычайно серьезных к тому причин, не допускать, чтобы один тайный агент знал о другом. В случае с Лебелем имеются веские причины, из-за которых никто из моих людей не должен догадываться о его подлинном имени. Невозможно было обсуждать это дело при виконтессе и не разоблачить его. Вот почему я предпочел дожидаться, пока мы останемся вдвоем.

— Я лично не вижу здесь предмета для обсуждения. Этот жалкий барнаботто готов пойти на соглашение и...

Посол его прервал.

— Если вы проявите немного терпения, дорогой мой Вилльтар, то узнаете, что именно предстоит обсудить.

И Лальман поведал, как, чтобы обезопасить себя от угрозы убийства, Лебель использовал те самые чеки Винванти, которые теперь просил Вендрамин.

— Если теперь с Лебелем приключится беда, это будет иметь весьма серьезные последствия. Я говорю не об ответственности, а о сути.

Вилльтар вспылал:

— Если маленький капрал не получит того, чего хочет, последствия могут быть гораздо более серьезными. Как бы там ни было, Лебель должен сам обезопасить себя. Он производит впечатление человека, который может позаботиться о себе.

— Но я обязан посоветоваться с ним, прежде чем приму условия Вендрамина.

— Зачем? — взорвался Вилльтар. — Предположим, что он воспротивится этому. Что тогда? Разве генерал Бонапарт... Разве Франция не превыше риска потерять гражданина Лебеля?

— Да, да. Но если Вендрамин не захочет внимать уговорам, я же могу найти другого человека для этой работы.

— Когда? — рявкнул Вилльтар.

— О, скоро! Я должен осмотреться.

— А Итальянская армия будет ждать, пока вы будете тут копать? Боже милостивый! Я начинаю думать, что меня очень вовремя прислали в Венецию! Нужно выпол-

нить задание. Долг указывает на это совершенно определенно.— Голос его был тверд.— Завтра вы согласитесь на условия Вендрамина. И вам будет лучше запомнить о необходимости оповестить об этом деле Лебеля или кого-нибудь еще. Надеюсь, это понятно?

— Это понятно,— откликнулся Лальман, сдерживая свое возмущение столь оскорбительным тоном.— Но пусть будет понятно также и вам, что я не сделаю этого, пока не испробую все возможности принудить Вендрамина к согласию, не заходя столь далеко.

— Это разумно,— согласился Вилльтар.— Но это самое большее, что я разрешаю.

Глава XXIV

ОСВОБОЖДЕНИЕ

На следующее утро Лальман решительно настаивал, а Вилльтар поддерживал его в попытках сохранить чеки в своих руках и уговорить Вендрамина довольствоваться обещанием не применять чеки ему во вред, если он сам не принудит их к этому отказом.

Вендрамин, со своей стороны, был не менее тверд. Ночные раздумья укрепили его в намерении получить чеки. Если бы эта сделка, пусть даже связанная с предательством интересов Венеции, позволила разорвать невыносимые путы, в которых держал его Мелвил, он пошел бы на это.

Вендрамин сказал Лальману, что без верной гарантии он ни за какие поручения не возьмется, а такой гарантией послужила бы только передача ему подлинных чеков — после выполнения им полученного задания.

Леонардо уже готов был уходить, когда Вилльтар объявил капитуляцию.

— Если для него это так важно, пусть так и будет.

И Лальман, выражая свое несогласие взглядом, был вынужден подчиниться.

Когда в этот же день Марк Антуан явился в посольство узнать, завербован ли Вендрамин, Лальман, испытывающий некоторое неудобство, хитро увел беседу в сторону.

— Я не сомневаюсь, что ему не избежать этого,— сказал посол и перевел разговор на другую тему.

Посол облегчил поставленную перед Вендрамином задачу, дав ему связь с уцелевшим сообщником Сартони,

который нашел еще двоих помощников. Но с тех пор, как участь их предшественников показала, каким ужасным риском сопровождается выполнение промеров, эти негодяи требовали очень значительных вознаграждений.

Вендрамин счел посольство достаточно щедрым, поскольку Лальман не скупился. Он не только предоставил необходимые средства на оплату предательства, но и без колебаний добавил пятьдесят дукатов в качестве чаевых, чтобы выручить из временного затруднения Вендрамина, в котором тот не постеснялся признаться.

Поэтому, а также из-за страстного желания заполучить обличающие его чеки Вендрамин рьяно взялся за дело, проявив поистине небывалое усердие.

Каждое утро, когда Джанетто, главный из нанятых людей, приносил ему истрепанные листки с записями ночных трудов, Леонардо проводил несколько часов за тщательным нанесением промеров на карту.

Вместе с тем он не упускал случая продемонстрировать свое патриотическое рвение во дворце Пиццамано, где бывал почти ежедневно. Однако теперь мало что можно было сделать. Надежду тешили лишь упорные слухи о том, что уже ведутся приготовления к переговорам о мире.

Вендрамин отказывался разделить этот оптимизм. Он заявил, что активная подпольная деятельность французов опровергает эти слухи. Венеция, напомнил он, полна французских агентов, деятельность которых грозит обернуться неисчислимыми бедствиями.

Однажды, встретив в доме Пиццамано Катарина Корнера, Вендрамин выразил сожаление по поводу относительной нерасторопности инквизиторов.

— Эта опасность,— заявил он,— возможно, даже более ужасна, чем пушки Бонапарта. Это вторжение идей, незаметно разъедающих фундамент государства. Расчет проповедников свободы, равенства и братства состоит в том, что, если Венецианская Республика не будет уничтожена силой оружия, она все равно падет жертвой якобинских интриг.

Корнер заверил его, что инквизиторы отнюдь не безучастны или не расторопны. Из отсутствия шума вокруг их успехов вовсе не следует, что они бездействуют. Просто не в правилах Тройки оставлять свидетельства своих успехов. Если бы те, кто несет ответственность за военные приготовления, были наполовину столь же активны, то Республика сегодня была бы избавлена от угрозы нападения.

Вендрамин осудил такую скрытность в теперешних условиях: распространение сведений об успехах инквизиторов в борьбе со шпионажем должно было бы оказаться действенным средством устрашения вражеских агентов.

Пиццамано благосклонно выслушал и одобрил его мысль. Тем самым мессер Леонардо поднял свою репутацию в глазах графа и в то же время увеличил отчаяние Изотты.

Она стала бледнее и апатичнее за эти дни, а отношение к ней Вендрамина не предвещало облегчения ее участи. Внешне — сама галантность, он вносил оттенок необъяснимой иронии в свои ухаживания, оттенок столь легкий и неуловимый, что почти невозможно было его распознать. Но это не ускользнуло от ее тонкой и чувствительной натуры.

Когда одновременно с ним в доме бывал и Марк Антуан, она замечала порой на губах Вендрамина слабую кривую усмешку, которая отнюдь не была той скрытой насмешкой, какой он обычно удостаивал поверженного противника. В его взгляде она чувствовала злорадство, пугавшее ее. Об их дуэли она ничего не знала, а что касается открытой вражды между ними, то они по молчаливому согласию не допускали, чтобы в доме Пиццамано что-либо стало известным. Но их взаимная неприязнь вовсе не составляла тайны, и они держались в рамках подчеркнутой вежливости и сдержанности.

Порой, когда Вендрамин наклонялся к ней со словами лести, улыбка на его губах заставляла ее внутренне содрогаться. У него достало хитрости высказать Изотте восхищение чистотой ее непорочности в выражениях столь искренних, что невозможно было и усомниться в их сарказме. Она не догадывалась о желчи, разъедающей его душу, и ненависти, закипавшей в нем при мысли о ней — женщине, на которой он собирался жениться и которая, как он считал, столь подло его обманула. Он сделает ее своей женой, чтобы достичь прочного положения и избавиться от той унижительной жизни, которую вел до настоящего времени. Этот брак тешил его самолюбие и удовлетворял его амбиции, но Вендрамин никак не мог забыть, что обманут в том, на что имел неотъемлемое право. Она обманывала его даже в общении, ибо он узнал, что ее величественное спокойствие, ее сдержанность и девичья строгость — лишь бессовестная маска, за которой скрывается порок.

Чтобы получить возможность для мести, он работал

так усердно, что, посвятив своему заданию две недели, смог однажды ночью тайно посетить французское посольство и расстелить перед Лальманом карту, составление которой уже закончил.

Оба француза тщательно проверили ее. В распоряжении Лальмана имелись некоторые данные, доставленные ему Рокко Терци до ареста. Используя их, он проверил, насколько это было возможно, работу Вендрамина и убедился в ее точности.

Заказчики остались довольны и были очень щедры. Лальман извлек из сейфа чеки, оплаченные банком Виванти, и отдал их. После этого он отсчитал сотню дукатов золотом, обещанную им венецианцу в качестве заключительного вознаграждения по завершении работ.

Вендрамин сначала опустил в карман тяжелый сверток с золотом, а затем тщательно проверил изобличающие его чеки.

Вилльтар, наблюдавший за ним с неизменной циничной усмешкой, наконец произнес:

— Теперь вы знаете, где зарабатываются золотые, и, возможно, сочтете выгодным для себя продолжить эту службу.

Вендрамин метнул на него испепеляющий взгляд и с негодованием отmel предложение:

— Я более не в вашей власти!

В ответ раздался хохот Вилльтара:

— Ха-ха! Вы не первый встреченный мною прохвост, гордый лишь на словах. Мы не заблуждаемся в этом. Вы еще вспомните о моем предложении.

Вендрамин ушел, разъяренный наглостью подобного заявления. Но это чувство быстро прошло — его затмило радостное возбуждение, вызванное возвращением чеков банка Виванти. Он словно скинул оковы. Он освободился и был, по крайней мере, волен свести счеты с Мелвиллом, не опасаясь последствий.

Не теряя времени, Вендрамин сразу этим и занялся, направившись к площади у собора Сан-Марко.

Возмещение долгов потребовало бы всю сотню дукатов, что лежали у него в кармане. Но Вендрамин не собирался платить долги. Он даже не подумал попытаться счастья на эти деньги в казино дель-Леоне, но не потому, что поступил бы вопреки желаниям своих кредиторов, — он решил использовать их иначе.

Он прошел корпус Прокуратий, разглядывая сидевших за столиками, приветствуемый здесь — кивком, там —

взмахом руки. Все здоровавшиеся с ним были собратьями-барнаботти, наслаждавшимися весенним ароматом, а некоторые — вином за чужой счет. Он не сразу нашел того, кто ему был нужен. Пройдя до конца площади, Вендрамин развернулся и вновь направился к центру Пьяццы. Едва дойдя до собора Сан-Марко, Леонардо встретился взглядом с сильным мужчиной средних лет, одетым в поношенный костюм с потемневшими кружевами, с тростью в руке и шпагой, продетой через карман камзола. С независимым видом этот человек прогуливался в сопровождении разудалой компании.

Они обменялись приветствиями, и Вендрамин пошел рядом с ним.

— Мне нужна одна услуга, Кантарини, — сказал он. — Если вы сможете оказать ее, то для вас найдется пятьдесят дукатов, а другие тридцать, чтобы разделить их между двумя подходящими парнями, за которых вы можете поручиться и которые не прочь поработать шпагой.

Выражение желтоватого лица Кантарини несколько изменилось.

— А нужны ли трое? — спросил он.

— Я действую наверняка и хочу обойтись без случайностей. Поэтому нас будет четверо — я тоже приму участие.

Глава XXV

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Изотта устроилась на диване с высокой спинкой возле застекленной двери лоджии в той стороне гостиной, которая выходила к саду. Слуга установил диван так, чтобы, занимаясь рукоделием, она сидела лицом к свету. Девушка работала механически: мысли ее были омрачены меланхолией безнадежного ожидания. Далеко за полдень, когда мартовский день начал угасать, Изотта отложила работу и откинулась на спинку дивана, смежив веки и поддавшись дремоте, охватившей ее уставшие глаза.

Неожиданно она очнулась от звуков голосов в другом конце комнаты. Увидев, что за окном — глубокие сумерки, она поняла, что спала. Разбудивший ее голос, громкий и возбужденный, принадлежал отцу, ему отвечал спокойный, ровный голос Катарина Корнера. Изотта собиралась

уже встать и обнаружить свое присутствие, когда слова инквизитора остановили ее.

— Камиль Лебель и ваш друг мессер Мелвил — одно и то же лицо, и в этом, уверяю вас, нет сомнений. Нынче ночью его арестуют и тщательно осмотрят комнаты в гостинице «Шпаги». Но независимо от того, обнаружат там что-нибудь или нет, у инквизиторов уже имеется достаточно сведений, чтобы определить его судьбу.

— А я уверяю вас, что это полное безумие, — горячо ответил граф. — Я знаком с ним не со вчерашнего дня. А британский посол может дать о нем совершенно определенный отзыв.

— К несчастью для него, наши агенты могут привести более точные показания. Этот человек скрывал свои следы очень искусно, прикрываясь несомненно похвальным прошлым, чтобы укрепить доверие к себе. Кем бы он ни был в действительности, во французской миссии он известен под именем Камиля Лебеля, а преступления этого неуловимого шпиона, которого мы почти отчаялись обнаружить, выставляют ему громадный счет.

— Но это нелепо, Катарин! Его посещения французской миссии ничего не доказывают. Если бы он не наладил дружеских отношений с Лальманом, выдавая себя за французского агента, он не добыл бы тех ценных сведений, которые время от времени сообщал нам. Открою вам, и это подтвердит сэр Ричард Уортингтон, что Мелвил прибыл в Венецию прежде всего с заданием от мистера Питта, и его дела здесь были исключительно антиякобинскими.

— Если бы вы когда-нибудь занимали мой пост, дорогой Франческо, вы бы знали, что никогда не было тайного агента любого уровня, который не старался бы служить обеим сторонам. Это единственный путь, на котором он может добиться настоящего успеха в своем деле.

— Однако, зная это и вспомнив все, что он для нас сделал, не следует ли отменить глупые подозрения?

— Это не подозрения, Франческо. Это факты, и очень хорошо проверенные. Что он — Лебель, мы знаем из сведений Казотто.

— Все равно...

— В данном случае не все равно! Нет, нет! Мелкие услуги, оказанные Лебелем, чтобы пустить вам пыль в глаза, ничто по сравнению с ущербом, который Республика потерпела от его рук. В перехваченном нами письме он сообщал Баррасу о нашем положении.

— Данные, не имеющие какой бы то ни было ценности,— вставил граф.

— Сами по себе — возможно. Но содержание письма свидетельствует о постоянной переписке. Вся отправленная информация может оказаться не такой уж безобидной.

— Чем вы можете доказать это?

— Тем, что мы знаем о его истинном лице. Вы не забыли, что подлый ультиматум, которым Венеция была оскорблена и опозорена, поскольку была вынуждена оскорвить свое же гостеприимство изгнанием короля Франции из Вероны, подписан этим человеком?

Изотта, сжавшаяся в комок в углу дивана, дрожащая и охваченная ужасом, услышала тяжелое дыхание отца.

В голосе Корнера, обычно таком спокойным и ровным, прорывалась горячность:

— Из самого ультиматума, как вы помните, со всей очевидностью следовало, что Лебель действовал по собственной инициативе, не имея на это приказа Директории. В противном случае ультиматум был бы предъявлен Лальманом. В этой акции проявилась открытая враждебность к нам. Намерение в том и состояло, чтобы дискредитировать нас в глазах остального мира. Это служит каким-то дальнейшим замыслом французов. Поэтому, даже если против него ничего больше нет, мы примем к нему те же меры, когда его обнаружат и схватят,— что и ко всем шпионам.— Корнер сделал паузу, и на мгновение воцарилась тишина.

Затем он продолжал:

— Так вот, Франческо, зная ваш интерес к этому молодому человеку...

— Это больше, чем интерес,— грустно прервал его граф.— Марк — очень близкий друг.

И он воскликнул:

— Я полностью отказываюсь поверить в эту чепуху!

— Могу понять,— вежливо отозвался Корнер.— Если вы пожелаете, я вызову вас в качестве свидетеля, чтобы вы могли выступить в его защиту. Но, возможно, вы сочтете, что невмешательство будет более полезным для него.

— Я далек от того, чтобы так думать,— граф заговорил с новой вспышкой уверенности.— Что бы он ни сделал, я совершенно уверен, что как человек, сражавшийся при Киброне и Савене и прошедший через многие опасности, Марк, состоя на службе французского короля, никогда не мог стать автором этого ультиматума. Вместо того, чтобы обвинять его, я считаю совершенно одно-

значным, что он — не Лебель. Если вы хотите другого доказательства, вы найдете это в его настоящем имени. Его зовут не Мелвил, а Меллевиль, и он — виконт де Сол. Правда, это разрушает тайну, служившую ему прикрытием.

— Вы говорите, что он — виконт де Сол? — В голосе Корнера звучало глубочайшее изумление. — Но виконт де Сол был гильотинирован во Франции два или три года назад.

— Так все считают. Но это не так.

— Вы совершенно уверены?

— Дорогой мой Катарин, я знал его и его мать в Англии, до его поездки во Францию, где он был арестован и, как все считают, гильотинирован.

— И вы утверждаете, что это тот же человек?

— Конечно! Судите сами, Катарин. Раскрытие одного этого факта разносит в прах все ваши предположения.

— Наоборот, — прозвучало в ответ. — Это дает еще один, причем весьма существенный, пункт обвинения против него. Вы никогда не слышали о виконтессе де Сол?

— Его мать. Я ее хорошо знаю.

— Нет, не мать... Светская дама здесь, в Венеции, часто посещающая модные казино.

— Я не часто бываю в казино, — сказал граф с оттенком безразличия.

Инквизитор продолжал:

— Она считается кузиной Лальмана и известна нам как шпионка, но защищена своим родством — настоящим или мнимым — с послом. Она также прикидывается вдовой — вдовой гильотинированного виконта де Сол, о котором вы сказали, будто он не был гильотинирован. Вы чувствуете подтекст?

— Чушь! Чепуха! Вы говорите, он женат и его жена в Венеции?

— Я говорю, что эта дама утверждает, будто является вдовой гильотинированного виконта де Сол. Так же как и я, Франческо, вы должны сделать выводы.

— Она, должно быть, самозванка! Вы сами говорили, что она известна инквизиторам как шпионка.

— Если она — самозванка, то ваш виконт де Сол необычайно терпим. Он в хороших отношениях с этой дамой. Зная, что она — шпионка, вы действительно думаете, что разоблачение его истинной личности поможет этому несчастному молодому человеку?

— Боже! Вы совсем запутали меня. Это все неверо-

ятно... Противоречит всему, что я знаю о Марке. Я должен увидеться с ним.

— Вам будет трудно получить теперь такую возможность.— Раздался скрип стула.— Я должен идти, Франческо. Меня ждут дела. Для меня было ударом обнаружить, что и мои собственные убеждения относительно этого молодого человека вдребезги разбиты разоблачениями Казотто. Обдумайте этой ночью, пожелаете ли вы быть его свидетелем утром. Пошлите мне известие, и, если решите, я устрою это.

— Конечно, я буду свидетельствовать в его пользу.

Они направились к двери.

— Ладно, ладно. Подумайте об этом. Обдумайте все, что я сказал.

Они вышли, и дверь закрылась за ними.

Изотта сидела, сжавшись от страха. Это было столь ужасно, сколь и нелепо. Ни на одно мгновение, ни один из выдвинутых Корнером аргументов не поколебал ее уверенности в Марке Антуане. Заявление о существовании виконтессы де Сол, не совсем понятное для нее, она отвергла как надуманное, подобно своему отцу.

Но в своей нынешней бескомпромиссности и озлобленности по отношению к французским агентам два других черных инквизитора вполне могут разделить убеждение Корнера в виновности Марка Антуана, а в таком случае, она это знала, казнь последует незамедлительно.

Завтра, если за это время ничего не предпринять, может быть слишком поздно. Действовать надо немедленно. Из слов Корнера следовало, что и теперь трудно успеть предупредить Марка. А что еще могла она сделать?

Изотта резко поднялась. Руки и ноги оцепенели, ее била нервная дрожь. Она прижала руку ко лбу, словно пытаясь удержать мысли. Затем, приняв решение, она выбежала из гостиной и направилась к себе. Горничная, ожидавшая в спальне, вскрикнула, испугавшись мертвенной бледности ее лица.

— Ничего. Ничего,— сказала Изотта нетерпеливо.

Еще не переведа дыхания, она приказала девушке вызвать Ренцо — слугу своего брата, который в отсутствие Доменико старался услужить всем.

Пока горничная ходила с этим поручением, Изотта написала записку, хотя пальцы ее с трудом держали перо.

Наскоро запечатав послание, она вручила его юноше, которого привела горничная Тесса. Едва слышные наставления Изотты были тем не менее точны.

— Слушайте, Ренцо. Вы возьмете гондолу, двух гребцов для большей скорости и отправитесь прямо в гостиницу «Шпаги» на канале делле-Беккарие. Вы спросите мессера Мелвила и вручите эту записку только ему самому. Ему самому, вы поняли?

— Вполне, госпожа.

— Слушайте дальше... Если случайно его там не окажется, постарайтесь узнать, где он. У него есть слуга, француз. Найдите его. Скажите ему, что дело не терпит отлагательства, и уговорите помочь вам найти его господина, чтобы вы смогли вручить записку как можно быстрее. Это очень, очень важно, Ренцо, вы понимаете? Я надеюсь, что вы сделаете все, что в ваших силах, и найдете мистера Мелвила, не теряя ни минуты времени.

— Понимаю, госпожа. Если я понадобится здесь...

— Не беспокойтесь об этом,— перебила она.— Никому не говорите о том, куда вы идете, и даже о том, что вы вообще уходите. Я отвечу за вас, если ваше отсутствие заметят. Теперь идите. Да поможет вам Бог! Известите меня сразу же по возвращении.

Она дала ему горсть серебра и с тем отпустила его.

Испытав некоторое облегчение от того, что хоть что-то сделано, Изотта опустила на скамеечку перед туалетным столиком и увидела свое бледное, словно у привидения, лицо в овальном зеркале из венецианского стекла.

Уже опустилась ночь, когда Ренцо добрался до гостиницы «Шпаги» и узнал от хозяина, что мессер Мелвил отсутствует. Поскольку Баттиста ничего прибавить к этому не мог, Ренцо попросил вызвать слугу мессера Мелвила. Хозяин провел его по лестнице вверх.

Предусмотрительный Филибер пожелал узнать, зачем молодой человек хочет видеть его господина. Ренцо откровенно рассказал, в чем состоит его поручение.

— Черт возьми,— сказал Филибер,— кажется, вся Венеция охотится сегодня за месье Мелвиллом. Полчаса назад приезжал месье Вендрамин, столь же нетерпеливо разыскивавший его. К счастью, я слышал приказание месье Мелвила гондольеру, иначе вы оба были бы разочарованы. Он отправился в дом Гаццолы, если вы знаете, где это.

— У Риальто. Я знаю.— Запыхавшийся Ренцо направился к двери, но Филибер схватил его за руку.— Не так поспешно, мой друг. В Италии говорят, что благополучно добирается тот, кто идет медленно. Помните это. Когда придете в дом Гаццолы, спросите мадам виконтессу де

Сол. Мадам виконтессу де Сол, — повторил он. — Там вы его и найдете.

Ренцо скатился по ступенькам и вернулся в ожидавшую гондолу. Через десять минут он был в доме Гаццолы.

Портье сказал, что виконтессы нет. Она вышла приблизительно час назад.

— Мне нужна не виконтесса, а джентльмен, которого мне посоветовали искать у нее. Мессер Мелвил. Вы его знаете? Он здесь?

— Он отправился вместе с мадам. Если у вас срочное дело, вы можете найти его во французской миссии. По крайней мере, именно туда они собирались поехать. Вы знаете, где это? На Корте-дель-Кавалло, со стороны церкви Мадонны-дель'Орто. Дворец делла-Веккья. Там вам любой покажет.

Ренцо вновь сел в гондолу, и черная лодка заскользила от берега и вскоре вышла из просторных вод Большого канала, освещенного огнями моста Риальто, в темноту узких каналов, ведущих на север. До Мадонны-дель'Орто путь был неблизкий, и Ренцо молился, чтобы из французского посольства его не направили искать мистера Мелвила куда-нибудь еще.

Глава XXVI

ПРЕСЛЕДОВАТЕЛИ

В то утро Марка Антуана в гостинице «Шпаги» посетил секретарь Жакоб, который привез письмо, адресованное Камиллю Лебелю и доставленное во французскую миссию два дня назад. Оно сопровождалось запиской Лальмана, приглашавшего отужинать во дворце делла-Веккья и просившего мистера Мелвила прибыть в сопровождении виконтессы де Сол, которую тоже ожидали.

Теперь, после передачи чеков Вендрамину, Лальман волновался за Марка Антуана. Во всяком случае, работа была выполнена, Вилльтар получил свои карты, и ничто не удерживало посла от исполнения того, что он считал своим долгом: сообщить Лебелю о происшедшем. Присутствие виконтессы избавит его от гнева депутата, которого он побаивался. Поэтому посол пригласил на ужин их обоих.

Марк Антуан передал с Жакобом, что рад будет прийти, а затем вскрыл письмо. Оно было от Барраса и со-

держало, возможно, самое поразительное сообщение из всех, которые Директория адресовала своему уполномоченному Лебелю.

Письмо Барраса, написанное от имени Директории, начиналось со сравнения силы Итальянской армии Франции с армией Австрии под командованием эрцгерцога. Принимая во внимание значительное превосходство французских сил, поражение австрийцев Директор считал неизбежным. В этом случае, если управлять ситуацией должным образом, можно положить конец не только кампании в Италии, но, возможно, и самой войне. Австрия, если правильно действовать, пойдет на заключение мира. Планы Директории предусматривали в качестве условий перемирия передачу Австрии обеих венецианских провинций в Италии, а также Истрию и Далматию как компенсацию за потерю Ломбардии. Директория не сомневалась, что австрийцы сочтут для себя великой удачей возможность заключить мир на таких условиях.

Баррас упомянул, что те же инструкции на этот раз посланы и Бонапарту, а Лебелю желательно при возможности взаимодействовать с ним. Депутату разрешено принимать любые меры, которые он сочтет необходимыми для приближения развязки, теперь уже недалекой. Особенно отмечалось, что было бы желательно спровоцировать Венецию на объявление военных действий. До сих пор Светлейшая безропотно уступала всем требованиям, даже чрезвычайно жестким. Если она будет продолжать в том же духе, Франция может лишиться всякого повода для применения сильной руки. Лебелю надлежит разобратся на месте и создать такую ситуацию, которая помогла бы побудить Венецию к враждебным действиям, открывающим возможность для объявления войны.

Письмо лежало перед Марком Антуаном, сидевшим, обхватив голову руками и уперевшись локтями в письменный стол. За месяцы, проведенные в Венеции, он не раз испытывал горечь неудачи, но никогда еще не было столь полного фиаско, как теперь. Это определенно был конец. В книге судеб была дописана последняя страница истории древней, великой и прославленной Республики Венеции. Светлейшей предстояло поплатиться своей независимостью за бесхарактерность своего дожа и убожество правящих ею патрициев. Ему казалось также, что это письмо свидетельствовало о крушении его личных надежд, с которыми он приехал в Венецию и которые не угасали, несмотря на сложившуюся ситуацию.

Его разум был парализован приводящим в отчаяние признанием своего поражения. Механически выполняя повседневные дела, он позволил вечером Филиберу одеть себя, когда вдруг понял, что крах еще не наступил. Иногда те, кого чрезмерная осторожность приводит к последней черте, оказавшись перед лицом гибели, рискуют всем, подобно азартному игроку в безвыходном положении. Ленивый, нерешительный дож до сей поры надеялся, что Венеция будет спасена не своими, а чужими руками. Этот план Директории в конце концов должен поставить его перед фактом, что Венеция может быть спасена только ее собственными усилиями, если ее вообще можно спасти. Союз с Австрией в последнюю минуту уже не оставлял уверенности в победе, как это было прежде, но так или иначе, когда планы французов станут известны правительству Светлейшей, возможно, чрезвычайные меры будут приняты.

Однако, день был уже упущен. Но завтра он пораньше доставит графу Пиццамано известие об этом письме и попросит его призвать Светлейшую ответить на требование времени.

Немного отвлекшись от своего прежнего отчаяния, Марк Антуан уже в сумерках отправился к дому Гаццолы, чтобы отсюда сопровождать даму, которую в шутку про себя всегда называл своей вдовой.

Она встретила его упреками:

— Более двух недель прошло с тех пор, как вы последний раз навестили меня. Фи! Разве так обращаются с другом?

Он принес извинения, которые виконтесса отвергла, как несостоятельные.

Но в гондоле ее настроение смягчилось, и она неожиданно проявила заботу, сильно удивившую его.

— Я хочу, Марк, чтобы вы были настороже с Лальманом, а особенно с его другом по имени Вилльтар, которого вы, может быть, встретите сегодня. Я не могу выразить, сколь опрометчиво вы завязали близкую дружбу с послом Франции в такое время. Но, ради бога, поступайте осмотрительно. Я не хочу, чтобы вас впутали в какую-нибудь неблагоприятную историю.

Марк Антуан тихо засмеялся, чем заслужил один упрек.

— Это не повод для веселья. Я прошу вас быть осторожным, Марк.

Она нежно пожала его руку. В таких случаях он всегда чувствовал себя неловко. У него появлялось чувство со-

вершаемого по отношению к ней предательства при мысли о том, что на свободе она лишь из-за его любезности и что при определенных обстоятельствах он мог бы способствовать ее аресту.

Марк Антуан беспечно ответил:

— Вы боитесь, что он завербует меня в армию своих шпионов? Трудно придумать что-нибудь более невероятное.

— Надеюсь, что так. Но порой я боюсь, что он сможет обнаружить нечто такое, что вы окажетесь в его власти. Он совершенно беспринципен в приемах вербовки, Марк. Я хочу заранее предупредить вас об этом.

— Эта забота означает лишь то, что вы сомневаетесь во мне.

Она пододвинулась поближе, и на него повеяло ароматом роз от ее мантильи.

— Это в самом деле искренняя забота, Марк.

Он отделался от этого полупризнания легкомысленным замечанием:

— Благодарю небеса, что Вендрамин не может подслушать это, иначе к утру я лежал бы с перерезанным горлом.

— Вендрамин! О! — воскликнула она с презрением. — Я наконец-то избавилась от него. Слава Богу, этот кошмар закончился.

Для Марка Антуана, достаточно осведомленного, это могло означать только одно: Лальман принял Вендрамина из ее рук. Но он не мог прямо задать ей этот вопрос.

Марк Антуан вздохнул:

— Любовные мечты иногда оборачиваются ужасным прозрением. Печально слышать, что подобное произошло и с вами.

Воцарилось молчание. В свете фонарей он смутно различал черты ее лица.

— Вы даже полагаете, что для меня это было любовной мечтой? — спросила она с оттенком горечи.

И тут виконтесса вдруг стала оправдываться:

— Марк, дорогой мой! Не презирайте меня более, чем я того заслуживаю. Если бы вы знали... Если бы вы знали все обо мне — все, что сделало меня такой, какая я есть, вы бы нашли для меня оправдания. Вы великодушны, Марк! Если бы я встретила такого мужчину, как вы, раньше... — она внезапно оборвала речь, будто лишилась голоса.

Он сидел по-прежнему молча, глубоко встревоженный.

В какой-то момент он спросил себя, не притворяется ли она, но отмел это подозрение. Виконтесса заговорила вновь — более уверенным, но печальным голосом:

— Я не хочу предстать перед вами в ложном свете, Марк. Вы были так искренни и откровенны со мной. Рассказать вам о себе? Рассказать вам, как я узнала, что у Лальмана могут быть намерения относительно вас?

— Дорогая моя Анна, — тихо сказал он. — Я не желаю быть отцом-исповедником кающейся красавицы.

— Марк, не шутите! Это очень серьезно. Очень серьезно и очень печально. Я должна взять вас в исповедники, хотя вы можете счесть мою исповедь ужасной выдумкой. Но меня не так страшит то, что вы узнаете истинную правду, как то, что вы будете думать, будто я могла полюбить такого мужчину, как Вендрамин. Выслушайте теперь меня, мой дорогой, и выслушайте, прошу вас, с сочувствием. Позвольте мне начать с самого начала...

— Ни с начала, ни с конца! — вскричал он. — Гондола — не исповедальня, тем более в этот час, тем более что я не позволю вам поддаться нахлынувшим эмоциям. — Он ухватился за эту мысль, чтобы остановить признание, которое вот-вот могло вырваться. — Завтра вы можете пожалеть об этой минутной слабости.

— Ни завтра, ни потом!

— Ради меня, давайте отложим. Давайте подождем, пока вы все спокойно обдумаете. Если завтра вы пожалеете, что я заставил вас промолчать, и сочтете необходимым продолжить наш разговор, у вас будет для этого время.

— Но почему же ради вас?

Было нелегко ответить ей, но после краткого раздумья он нашелся:

— Чтобы впоследствии вы не испытывали ко мне ненависти за ту осведомленность, которую я приобрел с вашей помощью.

— Никогда! Я хочу, чтобы вы знали. Возможно, вы возненавидите меня, когда все узнаете. Но, по крайней мере, я буду честна с вами. Этого я хочу больше всего — быть честной с вами, Марк.

Он не сомневался в ее честности и знал, о чем она хотела рассказать ему. Его охватила жалость к этой женщине и горькое сознание, что в его отношении к ней было что-то от Иуды. Он чувствовал себя предателем, который проник в душу человека как раз настолько, насколько это соответствовало его намерениям. Между

тем он притворялся другом, чтобы побудить ее быть честной с ним до самоотречения. Он чувствовал то же, что и в тот момент, когда ради своей собственной безопасности ему пришлось бросить Людовика XVIII львам. Но что поделаешь: тайный агент слишком часто близко подходит к разделительной черте между честью и бесчестьем.

— Дорогая моя,— сказал он тихо,— не стоит делать признаний себе во вред. Какие бы признания ни были у вас на уме, давайте повременим с ними.

— Вы не хотите помочь мне,— выдохнула она.

— Возможно, наоборот,— сказал он.— Вы узнаете завтра.

Она уступила его воле, тем самым показав, насколько считается с его желаниями.

Лальман очень сердечно встретил их в своем кабинете. Он заверил Марка Антуана, что мадам Лальман будет просто счастлива. Ее чувства были задеты тем, что мистер Мелвил отобедал у них лишь один раз за все месяцы, которые он провел в Венеции. Это заставило ее усомниться в мастерстве, с которым она старалась приготовить свой стол.

А затем появилась сама мадам Лальман и похитила виконтессу, оставив вместо нее Вилльтара, в сопровождении которого пришла поприветствовать гостей.

Лишь когда трое мужчин остались одни, Марк Антуан задал вопрос, более всего занимавший его.

— Лальман, вы так и не известили меня о том, что произошло с Вендрамином.

— А-а, это...— Посол, вдруг смутившись, заговорил с наигранным равнодушием.— Все сделано и закончено. В конечном итоге, он сделал все, что требовалось, да так быстро, что Вилльтар уже получил свою карту.

Марк Антуан, нахмурившись, посмотрел на одного, потом — на другого.

— Почему меня не поставили в известность?

Посол обернулся к посланнику Бонапарта:

— Это ваша затея, Вилльтар. Вам и рассказывать.

Вилльтар, усмехнувшись малодушию Лальмана, рассказал обо всем бесстрастно, кратко и точно.

— И вы отдали ему эти чеки!

Месяцами он терпеливо ждал, когда негодяй попадет в такое положение, что ему можно будет воздать по заслугам. И теперь, когда это время настало, он узнает, что Вендрамину удалось не только выскользнуть из его

западни, но и прихватить с собой единственную улику, которая могла изобличить его.

— Как вы думаете, для чего я здесь? — тихо спросил он, внезапно побелев от ярости. — Я удивлен вашим безрассудством: игнорировать меня в таком деле!

Ответил Вилльтар. Он, конечно, вообразил, что гнев уполномоченного вызван заботой о спасении собственной жизни, и не собирался отступать перед этим.

— Черт возьми! А что бы вы могли сделать? Была ли какая-то другая возможность? Этот пройдоха согласился работать только на определенных условиях. Вы бы отказались от них?

Более примирительно настроенный Лальман пришел на выручку. Словно от внезапного озарения, он воскликнул:

— Помнится, вы держали этого негодяя в узде с помощью этих чеков! Честное слово, мне жаль...

— Не в этом дело, — отмахнулся Марк Антуан, и это было правдой, хотя ни один из них не поверил ему. — Я думаю не об этом, а о вашей самонадеянности: принимать решения в столь важном деле, даже не поставив меня в известность!

— За это дело отвечаю я, — сказал Вилльтар с апломбом.

— Вот как? Тогда позвольте сообщить вам, что, когда в следующий раз вы возьмете на себя подобную ответственность, последствия будут самыми серьезными. Сейчас я больше не буду говорить об этом. Но если мы хотим действовать слаженно, гражданин Вилльтар, вбейте сейчас себе в голову, что я — уполномоченный представитель Директории, что шаги любого политического значения за моей спиной недопустимы, что они возможны лишь после консультации со мной.

Худые серые щеки Вилльтара задергались. Но Марк Антуан не дал ему времени выразить негодование. Решив, по крайней мере, извлечь выгоду даже из этой ситуации, он ринулся в бой:

— Мне предстоит другое дело — дело чрезвычайно важного значения, где мне может потребоваться ваше содействие, которое, я полагаю, будет верным и безоговорочным. — Он извлек из кармана письмо Барраса. — Ознакомьтесь с этим. Я оставлю письмо здесь, Лальман, чтобы вы могли подшить его к другим моим документам.

Лальман взял лист, и Вилльтар, умолкнувший под напором Марка Антуана и подстрекаемый любопытством, подошел и встал за послом, чтобы читать вместе с ним.

Выражения, в которых писал Баррас, были чувствительным и своевременным напоминанием властолюбивому посланнику Бонапарта, что полномочия Лебеля следует признать более высокими. Он был даже немного испуган словами, в которых Баррас уполномочил Лебеля «принимать любые меры, которые он сочтет необходимыми для приближения развязки, теперь уже недалекой».

Прочитав эти строки, Вилльтар, насколько позволял его самонадеянный характер, принес свои извинения, которые Марк Антуан нелюбезно оборвал.

Чувство обиды на эти полномочия угнетало как Лальмана, так и Вилльтара. В течение всего обеда сам Марк Антуан, удрученный тем, что Вендрамин ускользнул от него, так же мало способствовал оживлению за столом, как и они. Пришлось шпиону Казотто лезть вон из кожи, развлекая восхитительную маленькую виконтессу де Сол, чье присутствие на этом обеде будет завтра же отмечено в его доносе государственным инквизиторам.

Едва обед закончился, Марк Антуан под предлогом, что ему необходимо написать несколько писем, отклонялся. Виконтесса попросила позволить ей воспользоваться сопровождением месье Мелвила для возвращения в дом Гаццолы, и они вместе стали готовиться к отъезду.

Именно в ту минуту, когда они вставали из-за стола, слуга Ренцо добрался до дворца делла-Веккья.

Но не он один спешил сюда этой ночью в поисках мистера Мелвила.

Вскоре после появления Ренцо в гостинице «Шпаги» Филибера вызвали вновь, чтобы получить от него отчет об отъезде его господина, и на сей раз — человеку в красной накидке, в котором Филибер сразу узнал капитана правосудия, известного всей Венеции как мессер гранде. Рядом с ним стояли два стрелка и плотного сложения мужчина в гражданской одежде. Тут же суетился перепуганный Баттиста.

— Месье Мелвила здесь нет, — в смятении пролепетал Филибер.

Капитан обернулся и обратился к спутнику в гражданском:

— Проходите, Кристофоли. Вы, по крайней мере, можете заниматься своим делом.

Кристофоли оживился:

— Посторонитесь, любезный. Мне надо войти.

Филибер уступил: не ему спорить с законом.

— Итак, любезный,— обратился к слуге мессер гранде,— вы случайно не знаете, где находится мессер Мелвил?

Уже дважды за этот вечер Филибер правдиво отвечал на этот вопрос. Но на этот раз ему показалось, что правда, наверное, не самым лучшим образом соответствует интересам его господина.

— О, да. Думаю, что знаю,— сказал он.— Он говорил мне, что собирается на Сан-Даниэле, во дворец Пиццамано.

— Во дворец Пиццамано, да? — мессер гранде повернулся.

— Пойдем! — рявкнул он своим людям, и они протопали за ним, оставив Кристофоли заниматься обыском.

Филибер проводил их до дверей. С непокрытой головой он стоял на ступеньках гостиницы, следя за фонарем большого барка мессера гранде, пока тот не исчез за углом, направляясь к востоку. Затем он окликнул проплывавшую гондолу и пожелал поехать в западном направлении до дома Гаццолы. Филибер просил гондольера грести изо всех сил, желая увеличить преимущество, которое он получил, отправив мессера гранде по ложному следу.

Глава XXVII

ОТМЩЕНИЕ

Запахавшийся Ренцо оказался наконец в просторном вестибюле дворца делла-Веккья и спросил мессера Мелвила. Дородный портье-француз, появившийся из своей комнаты, ответил, что месье Мелвил наверху, и послал жену сообщить джентльмену о приезде посыльного, который просит разрешения переговорить с ним. Ренцо, сразу успокоившись, отказался говорить что бы то ни было о сути своего дела к Мелвилу.

Женщина вернулась с сообщением, что джентльмен спускается, и в этот момент мистер Мелвил в сопровождении дамы в плаще и капюшоне появился перед Ренцо.

Он тут же прочитал торопливую, полную тревоги записку Изотты.

«Вы в великой опасности. Государственные инквизиторы считают, что у них есть неопровержимые доказательства того, что вы — некто по имени Лабелль (или что-то похожее) и что вы — шпион. Они собираются арестовать вас этой ночью. Я умру от страха, если вы попадете в их ужасные лапы.

Внемлите этому предостережению, дорогой мой, если вы любите меня, и покиньте Венецию, едва оно достигнет вас. Молю Бога и Пречистую Деву, чтобы я успела. На Ренцо, который доставит письмо, можно положиться. Располагайтесь им по своему усмотрению. Храни вас Бог, дорогой мой. Если сможете, пошлите ответ с Ренцо, чтобы успокоить меня. Изотта».

Испуг возлюбленной, проявившийся в этом письме и пробудивший в нем нежность, даже ободрил его. Здесь не было и мысли о том, что подозрения инквизиторов обоснованны, не было ни тени сомнений в нем, не было какого-либо беспокойства о том, был он этим «Лабеллем» или нет. Торопливые строки дышали только любовью, усиленной страхом. На губах Марка Антуана расцвела нежная улыбка, когда он дочитал до конца. Затем, сложив записку, он опустил ее во внутренний карман на груди камзола.

Марк Антуан был готов к этому и не растерялся. Ему представлялось простым делом при поддержке графа Пиццамано и сэра Ричарда Уортингтона — последний уже давно получил строгий выговор от мистера Питта за предубеждение против мистера Мелвила — доказать свою настоящую личность и цель, с которой он приехал в Венецию. Обстоятельства, при которых он взялся играть роль Лебея, будут выяснены и доказаны.

Он зашел в комнату портье, попросил перо и чернила и набросал несколько строк: «Для моей души Ваше мнение обо мне подобно глотку вина для моего тела. Прогоните Ваши страхи. Арест не подвергает меня риску. Я в полной безопасности и завтра же приду к Вам, чтобы уверить Вас в этом».

— Это — вашей госпоже, Ренцо, а это — за ваши услуги, — он положил золотой цехин в руки юноши и с тем отослал его.

Когда Мелвил вышел под руку с виконтессой, Ренцо, едва различимый в ночной темноте, исчезал в узком проходе, который вел от Кортеле-Кавалло и набережной канала, где его ждала гондола.

Виконтесса, следуя взглядом за его призрачной фигурой, увидела в этот момент другую призрачную фигуру, отделившуюся от стены здания у начала аллеи через мгновение после Ренцо, а затем вновь растворившуюся в темноте. Но она не придавала значения увиденному, потому что была занята своими мыслями.

— Вы долго были внизу с Лальманом и Вилльта-

ром,— начала она осторожно.— А за обедом вы были необыкновенно молчаливы и задумчивы. Что-то тревожит вас. Я надеюсь, вы помнили мое предупреждение, Марк? Ах, этот Вилльтар внушает мне ужас! Он отвратителен.

— Не огорчайтесь,— ответил он.— Но вы правы, полагая, что меня кое-что тревожит.

Он поразился ее расположению к себе: она сразу решила помочь ему, едва поняла, насколько беззащитным сделал его перед Вендрамином поступок Лальмана.

— Мы поговорим об этом в доме Гаццолы. Мне может понадобиться ваша помощь.

Марк Антуан почувствовал, как она оперлась на его руку.

— Я предоставлю ее вам с удовольствием,— заверила виконтесса.

Они вошли в узкий проход, ведущий к каналу. В дальнем его конце они могли различить слабый блеск воды.

— Было бы счастьем...— начала она, но, внезапно запнувшись, быстро оглянулась через плечо и вдруг закрычала в страхе: — Кто здесь?

Сзади раздались быстрые шаги. Два человека бегом приближались со стороны Кортель-Кавалло, и в какой-то момент блеснуло что-то, похожее на клинок. Их замысел не вызывал сомнений.

У виконтессы вырвался пронзительный крик о помощи еще до того, как эти двое настигли их.

Сначала Марк Антуан подумал, что ему предстоит иметь дело со сбирами инквизиторов⁹¹. Но зловещее молчание их атаки опровергло это предположение, и он выхватил свою шпагу. И как раз вовремя: при крике виконтессы один из этой пары рванулся вперед, вытянувшись в жестоком выпаде в ее сторону, а второй бросил в ее адрес такой непристойный эпитет, какой не выдумать даже последнему бродяге. Лицо второго скрывала белая повязка. Из-за этого ли или из предусмотрительности голос его звучал низко и приглушенно.

В следующую секунду клинок Марка Антуана взлетел, чтобы отеснить убийцу, напавшего на виконтессу. Тот все еще удивлялся тому, что его удар был отражен, когда ответный выпад, ставший продолжением того же движения клинка, пронзил ему мускулы у основания шеи. Вскрикнув, он отшатнулся и, смертельно раненный, повалился на другого нападавшего, стесняя его действия в узком проходе аллеи.

По приглушенным проклятиям второго, сопровождав-

шимся восклицанием: «Прочь с пути, болван!» — нетрудно было догадаться, что он оказался в затруднительном положении. Метнувшись вперед и пригнувшись, чтобы по возможности что-нибудь разглядеть в темноте, Марк Антуан смог различить нападавших. Пронзенный им человек рухнул спиной на грудь изготовившегося к атаке напарника, который пытался отпихнуть его в сторону. Над плечом раненого Марк Антуан мгновенно нанес удар на звук голоса и увидел, как оба черной массой повалились на мостовую.

Он не медлил ни секунды. Нашупав руку виконтессы, схватил ее и потянул за собой по направлению к каналу.

— Быстрее! — торопил он, но, едва они двинулись, у него перехватило дыхание — путь им преградили еще двое, двигавшихся со стороны канала.

Теперь Марк Антуан по-настоящему разъярился. Надеяться на быструю удачу во второй раз не приходилось. Замерев в нерешительности, он машинально обернул свой плащ вокруг левой руки. Тут виконтесса дернула его за фалду камзола.

— Сюда, — прошептала она, — укройтесь здесь.

Она заметила проем слева от себя — глубокую террасу склада товаров — и показала ему.

Он втолкнул ее туда, последовал за ней, сел и в этом укрытии стал поджидать вновь прибывших, тогда как виконтесса раздирала ночную тишину криками о помощи.

Шпаги, словно длинные стальные языки, блеснули в темноту, которая плотно обволакивала Марка Антуана. Невидимый для нападавших, он в достаточной мере различал их, чтобы не давать им передышки своими жалающими выпадами. И вдруг, к негодованию и ужасу Марка Антуана, раздался приглушенный голос, уже услышанный им ранее, — голос человека в белой повязке, подбадривающего своих товарищей, — и он понял, что теперь ему противостоят три клинка. В спешке и темноте Марк Антуан, видимо, нанес ему лишь незначительную рану.

Человек в белой повязке продолжал злобно понукать своих людей:

— Эта чертовка терзает наши уши уже четверть часа. Если не можете дотянуться до мужчины, то прекратите хотя бы ее вопли!

Марк Антуан, в котором гнев затмил осмотрительность, уступил соблазну. Встречая колющий выпад, он парировал его вращательным движением шпаги и, отбившись, слишком рискованно подался вперед. Один из нападавших —

мужчина плотного телосложения, осторожный и опытный, больше выжидавший, чем действовавший,— мгновенно использовал предоставившийся ему шанс и с не защищенного Марком Антуаном фланга пронзил его шпагой.

— Пожалуй, этого ему хватит,— пробормотал он.

Оружие выпало из руки Мелвила. На мгновение Марк Антуан возник в проеме во весь рост, качнувшись вперед и судорожно выпрямившись. Потом он согнулся и рухнул на землю, тогда как позади него раздался крик виконтессы.

Пронзивший Марка Антуана убийца потрогал его, неподвижно лежавшего ничком, ногой.

— Да, он готов,— прохрипел он.

Предводитель в белой повязке не успокоился:

— Он мертв?

— Мертв, как Иуда. Я здорово проткнул его. Пойдемте, нам надо осмотреть себя.

Говоря это, он быстро огляделся по сторонам. Крики виконтессы были не напрасны. Свет приближался по Корте-дель-Кавалло, а с ним и шум голосов, тогда как со стороны моста приближались три темные фигуры, одна из которых размахивала веслом.

Убийцы оказались зажатыми между двумя группами. Но головорез, рассматривавший Марка Антуана (а это был Кантарини), слыл человеком многоопытным. Он быстро оценил ситуацию.

— За мной! — скомандовал он своим компаньонам.

Но вместо того, чтобы повиноваться, человек в белой повязке повернулся и нырнул в проем. Его нога была уже на пороге, а клинок ощупывал темноту, когда тяжелая рука Кантарини легла ему на плечо и швырнула его обратно.

— Черт бы вас побрал, идиот! — гневно выругался тот.

— Поберегите ваше дыхание для бега, мой господин,— зарычал Кантарини и потащил его за собой.— Вот так. Плечом к плечу. За мной, не отставать!

Они бросились к воде, отбросив тех троих, что оказались перед ними. Перед их грозными клинками даже парень с веслом — единственный, хоть чем-то вооруженный,— бессильно отступил в сторону.

Так они достигли набережной, и человек в маске почти свалился в ожидавшую их гондолу, уставший и ослабевший от раны, на которую почти не обращал внимания в пылу схватки. Едва гондола тронулась, он повалился на подушки, сдернул повязку с лица и, разорвав на груди костюм, обнажил в свете фонаря белье, потемневшее от крови.

Кантарини, склонившись над ним, тихо выругался при виде раны.

— Святой Марк! Он достал вас, Вендрамин?

Он встал на колени, чтобы осмотреть рану.

— Ничего,— сказал Вендрамин.— Я потерял немного крови. Только и всего.

— Клянусь,— сказал Кантарини,— этому человеку следовало бы заняться моим ремеслом. Он бы добился больших успехов. Подумать только: умудрился так раздвигаться с двумя нападавшими из четырех!

Если Вендрамин и испытывал сожаление, что не успел расправиться и с виконтессой, этой лживой Далилой, это не могло испортить его удовлетворения. Радости не мешало даже его полуобморочное состояние. Он рассчитался с этим подлым англичанином и устранил всякую угрозу своему будущему. Радостное чувство переполняло его: оскорбленная честь была отомщена!

Глава XXVIII

ВОПРОСЫ

Теми тремя, что шли на помощь со стороны набережной, но оказались бессильными задержать нападавших, были Ренцо, его гондольер и Филибер, тоже спешивший предостеречь Марка Антуана.

Они достигли места схватки на мгновение раньше группы с фонарем, пришедшей в аллею с другой стороны и состоявшей из привратника посольства, его сына и секретаря Жакоба. Портье держал мушкетон⁹², а Жакоб размахивал безобразного вида саблей.

Стоя на коленях в грязи аллеи, виконтесса жалобно всхлипывала над телом Марка Антуана, умоляя его сказать хоть слово. Она даже не заметила появления Жакоба, пока он не опустился на колени с другой стороны тела. Жак, сын привратника, посветил ему фонарем.

Потом она почувствовала руки, взявшие ее за плечи, сильные руки, которые помогли ей подняться, и Купри, портье посольства, мягко позвал ее:

— Мадам! Мадам! Мадам виконтесса!

— Оставьте, оставьте меня,— прорывалось у нее сквозь безудержные рыдания.

Все внимание виконтессы в эту минуту было приковано к выражению лица Жакоба, руки которого были заняты

делом: он аккуратно перевернул Марка Антуана, открыв под телом темную лужу. Когда виконтесса поняла, что это кровь, поблескивающая в свете фонаря, у нее вырвался протяжный крик ужаса.

Жаком попытался уловить дыхание Марка Антуана, рукой нащупывая его сердце.

Понизив голос, виконтесса спросила:

— Он... он? — она не осмеливалась закончить вопрос.

— Он не умер, гражданка, — сказал мрачный секретарь.

В ответ виконтесса не издала ни звука. Ее всхлипывания прекратились, она словно не смела поверить в чудо, опасаясь, что тонкая нить надежды может оборваться в любую минуту.

Жакоб поднялся с колен и тихо отдал необходимые распоряжения. Они перенесли Марка Антуана на расстеленный плащ. Затем Купри и его сын, Филибер и Ренцо взяли за углы. Так они бережно пронесли раненого по аллее и через Кортель-Кавалло обратно в посольство. Следом, поддерживаемая Жакобом, шла виконтесса, едва переставляя отяжелевшие ноги.

Когда Марка Антуана положили в комнате привратника, Ренцо и его гондольер ушли, предупрежденные Жакобом о том, что никому нельзя рассказывать о случившемся.

Ренцо, однако, решил, что к его госпоже это предупреждение не относится. Проведенный к ней ее горничной, он передал записку Марка Антуана и, когда она прочитала, рассказал о том, что произошло в аллее. Она стояла взволнованная, выпрямившаяся, не издавая ни звука, но глаза на ее мраморно-белом лице потемнели. При виде ее горя Ренцо поспешно добавил, что мессер Мелвил не только жив, но и, несомненно, выздоровеет.

Слегка покачнувшись, она оперлась на стол и так застыла, но вскоре она взяла себя в руки. С высохшими глазами, с пугающим спокойствием она подробно расспросила Ренцо, но не смогла ничего узнать о личностях напавших на Марка Антуана людей — в этой проклятой аллее было так темно...

Несмотря на все свое мужество, Изотта не могла стерпеть неопределенности, которая всегда сопутствует бездействию. Приняв решение, отбросив все сомнения, Изотта приказала горничной принести плащ и капюшон. Не обращая внимания на то, что мать, еще не удалившаяся к себе, может обнаружить ее отсутствие, в сопровождении Ренцо она выскользнула из дома. Они прошли через сад,

чтобы никто не мог видеть ее ухода, и открыли замок калитки, которая выходила на маленькую площадь, после чего по мостику над узкой протокой вышли на площадь, прилегающую к широкому каналу Святого Георгия⁹³. Отсюда в нанятой гондоле они проделали путь до Мадонна-делль'Орто.

К Лальману, которого этот визит чрезвычайно удивил, ее пропустили без малейших колебаний. В приемной, служившей ему кабинетом, он встретил Изотту с глубочайшим почтением.

Посол был не один. На заднем плане возле письменного стола стояли двое мужчин, с которыми он беседовал, когда она вошла.

Одним из них был Вилльтар, глазом знатока быстро оценивший красоту и грацию этой женщины, другой был коренастый, средних лет мужчина в форменного покроя одежде черного цвета, лицо которого было одновременно властным и доброжелательным.

— Месье Мелвил? — нерешительно спросила она Лальмана, но, тут же взяв себя в руки, продолжила спокойнее: — Я узнала, что с ним произошло. Он — наш друг... Близкий друг...

— Я знаю об этом, — доброжелательно избавил ее от объяснений Лальман. — Я только что понял, насколько велика ваша дружба с ним.

Он шагнул к столу и взял оттуда клочок бумаги.

— Вот что доктор Делакосте передал мне. Полагаю, это от вас.

Он протянул ей записку, которую вечером она написала Марку Антуану. Поняв происхождение красно-коричневого пятна, испачкавшего бумагу, она на мгновение закрыла глаза.

— К несчастью, — со вздохом сказал Лальман, — он не уделил достаточного внимания этому предостережению.

— Как... Как он себя чувствует? — спросила Изотта, с тревогой ожидая ответа.

Посол обернулся:

— Не расскажете ли вы, доктор?

Коренастый мужчина заговорил:

— Состояние тяжелое, но для опасений нет основания. Он заставил меня поверить в чудо. Шпагу, должно быть, отвел его ангел-хранитель. Главная опасность для него — большая потеря крови. Но я полагаю, что он потерял не столько крови, чтобы не суметь выкарабкаться.

Вновь заговорил Лальман:

— Мы хорошо позаботимся о нем, и он останется здесь, пока не будет огражден от всяких покушений.

— Кто это сделал? Это известно? — спросила она.

В ответ раздался резкий голос Вилльтара:

— Ваше письмо с предупреждением, полагаю, говорит именно об этом.

Изотта сразу поняла, что он хотел сказать.

— Инквизиторы? О, нет!

Но Вилльтар угрюмо продолжил:

— Разве не поступают они так с теми, кого, возможно, неудобно подвергать аресту?

— И все-таки я так не думаю! Мне точно известно, что замышлялся только арест месье Мелвила. Я узнала это от мессера Корнера — одного из инквизиторов. Кроме того, месье, инквизиторы — не наемные убийцы.

— Я остаюсь при своем мнении, — сказал Вилльтар.

— О, но я-то знаю, что вы заблуждаетесь. Инквизитор Корнер приходил повидаться с моим отцом сегодня вечером не только для того, чтобы сообщить об этом аресте, но и для того, чтобы пригласить его присутствовать завтра на допросе мистера Мелвила и свидетельствовать в его пользу.

— Видите, — сказал Лальман Вилльтару. — Я возвращаюсь к своему первому предположению, что это — дело рук подлого барнаботто Вендрамина. Этот негодяй не терял времени даром.

— Кого вы назвали?

Вопрос прозвучал столь отрывисто и тревожно, что Лальман на мгновение удивленно воззрился на нее, прежде чем ответил:

— Вендрамин. Леонардо Вендрамин. Вероятно, вам знакомо это имя?

Недоверие отразилось на ее бледном лице.

— О нет! Это так же невозможно, как и первое.

— Видите! — сказал Вилльтар. — Я говорю то же самое. Вендрамин никогда не осмелился бы.

— Он уже однажды осмелился.

— Да, но изменились обстоятельства...

— Именно изменившиеся обстоятельства позволили ему вновь осмелиться, — сказал проницательный Лальман.

— О чем вы? — спросила она.

И тут она узнала от Лальмана не только о предыдущей попытке убийства, но также и о дуэли, в результате которой Вендрамин был ранен.

Намеренно или нет, но Лальман не сказал ничего

определенного о предлоге ссоры, однако дал понять, что ее затеял Вендрамин.

— Дело в том, что этот барнаботто задолжал месье Мелвилу около тысячи дукатов, и я подозреваю, что Вендрамин пытался избавиться от долга с помощью удара шпаги. Как вы понимаете, мадемуазель, я не придерживаюсь высокого мнения о месье Вендрамине.

Изотта стояла перед ним, изменившись в лице, и непроизвольно терзала в руках перчатки тем нервным движением, которое некогда причинило такой ущерб ее всеору.

Наконец она прошептала:

— Могу ли я... Могу ли я увидеть его?

Лальман взглянул на доктора Делакосте — тот сложил губы трубочкой, выражая тем глубокое сомнение.

— Я бы предпочел, чтобы вы этого не делали,— начал было он, но выражение ее лица разжалобило его.— Я не хочу его беспокоить, мадемуазель. Но если вы обещаете пробыть не более минуты и не разговаривать...

— О, я обещаю.

Она горела нетерпением.

Делакосте открыл ей дверь, и они вышли.

— Существование этой женщины,— сказал Вилльтар тоном знатока,— объясняет дружбу Лебеля с Пиццамано гораздо лучше, чем долг службы. Ее беспокойство о нем дает право предположить, что, как и его господин Баррас, Лебель знает толк в искусстве сочетания дела и удовольствия.

Лальман не обратил внимания на это замечание.

— Как поступить с Вендрамином? — спросил он.

— Удобнее предположить, что ваши подозрения беспочвенны, по крайней мере пока.

— Нам может быть выставлен очень строгий счет, если Лебель умрет.

— Неужели я этого не понимаю? — вспыхнул Вилльтар.— Но, черт возьми, что остается делать? Нам обоим было бы умнее придерживаться мнения, что это дело рук инквизиторов. Такое объяснение освобождает нас от ответственности. Бог знает, зачем вам понадобилось столь откровенно разговаривать с мадемуазель Пиццамано. Я бы предпочел, чтобы вы этого не делали.

Тем временем Делакосте провел свою спутницу в просторную комнату наверху, едва освещенную единственной догорающей свечой, стоявшей на столе в ногах кровати с откинутым пологом.

Доктор прикрыл дверь и бесшумно подвел ее к кровати.

При виде лица Марка Антуана на фоне белоснежной подушки Изотта едва смогла подавить крик, потому что казалось, будто от него веяло застывшим спокойствием мертвеца. Глаза были закрыты, глубокие тени заполнили впадины щек и висков. Черные волосы беспорядочно спутались на лбу, блестящем от испарины. В ужасе Изотта перевела взгляд с этого лица на доктора. Делакосте ответил ей слабой улыбкой утешения и кивнул.

В стороне от кровати раздался шорох, и Изотта вдруг поняла, что в комнате присутствует кто-то еще. Из полумрака появилась женщина и встала у кровати с другой стороны.

От слабого шума веки раненого затрепетали, и Изотта поняла, что он внимательно рассматривает ее. В печальной безжизненности этих глаз появилось нечто, подобное теплу вспыхнувших угольков. Вопреки быстрому предупреждающему жесту доктора он приподнялся.

— Изотта! — Марк Антуан с удивлением произнес ее имя. — Изотта! — его голос постепенно слабел. — Я получил ваше письмо... Ваше предупреждение... Но все хорошо. Все отлично... — Речь его стала едва слышимой. — Я приму меры. Я...

Губы его еще шевелились, но с них не слетало больше ни звука. Когда она наклонилась поближе, его глаза медленно закрылись, будто под тяжестью неодолимой усталости.

Доктор коснулся ее рукой и тихо вывел из комнаты. Уже за дверь он принялся вновь утешать девушку, отгоняя тревогу:

— Он очень слаб. Это естественно: огромная потеря крови. Но у него большие жизненные силы. С божьей помощью мы вылечим его. Он будет здесь в верных ему руках.

Изотта вспомнила ту хрупкую златовласую женщину с привлекательным лицом, стоявшую возле постели Марка Антуана.

— Кто эта дама? — спросила она.

— Мадам виконтесса де Сол.

— Виконтесса де Сол? — и доктор подивился, что вопрос был полон глубокого недоверия.

— Виконтесса де Сол, — повторил он. — Она останется этой ночью присматривать и ухаживать за ним.

Только теперь Изотта вспомнила ту часть подслушанной беседы между отцом и Корнером, в которой упоминалось это имя. Она считала, что инквизитор лишь по-

вторил ложный слух. Но теперь оказалось, что такая женщина действительно существует. Это сбивало с толку. Когда Изотта постаралась восстановить в памяти произнесенные слова, она вновь услышала уверенное утверждение отца, что виконтесса де Сол, «должно быть, самозванка». А она обнаружила эту женщину здесь, у постели раненого. Это тревожно, непонятно. Ее по-прежнему одолевали мрачные думы, пока Лальман провожал ее до вестибюля, где ждал Ренцо. Посол заверил, что за Мелвилом будет хороший уход и что здесь он будет в полной безопасности:

— Здесь, в посольстве, по крайней мере, не действуют полномочия инквизиторов. Так что, даже если станет известно о его пребывании здесь, они будут не в силах причинить ему вреда.

Но когда Изотта в конце концов заговорила, то повела речь о другом.

— Так эта дама возле него — виконтесса де Сол? — спросила она.

— Да. Ее отношение к нему вполне естественно. Она была с ним, когда на него напали. Они оба обедали здесь.

Она колебалась, подбирая форму следующего вопроса, и произнесла наконец то лучшее, что смогла придумать:

— А виконт де Сол? Он в Венеции?

Лальман вежливо улыбнулся.

— О нет. Будем надеяться, что он в раю, мадемуазель. Виконт де Сол гильотинирован в девяносто третьем году. Виконтесса вдовствует.

— Понимаю, — медленно ответила Изотта, и Лальману почудилось, будто тучи рассеялись с ее лица.

Глава XXIX

ГРОЗОВАЯ ТУЧА

Шесть дней жизнь Марка Антуана висела на тоненькой, но мало-помалу крепнущей ниточке. Еще через три дня наступило утро, когда Делакосте, сидя перед своим пациентом, объявил, что на сей раз Мелвил одурачил сатану.

— Но признаюсь вам, что он чуть не одолел вас. Мое искусство не победило бы без того ангела, который оставался у вашей постели, чтобы отогнать его. Она не жалела себя и не сомкнула глаз всю неделю. Еще немного,

друг мой, и она ради спасения вашей жизни лишилась бы своей.— Доктор печально вздохнул.— Мы слишком легкомысленно относимся к женщинам, мой друг. Нет самопожертвования, равного тому, на какое способна добрая женщина, так же как нет предела несчастьям, вызываемым злой. Когда мы становимся объектом такой привязанности, надо преклонять колени в знак признательности.

Он поднялся и, подозвав Филибера, стоявшего в ожидании у окна, дал ему наставления относительно принесенного им лекарства, после чего вышел.

По истечении двух или трех дней, когда сознание Марка Антуана уже обрело полную ясность, его стали беспокоить мысли о тех жизненно важных сведениях, по поводу которых он намеревался связаться с графом Пиццамано, но был тогда ранен. Его тревожило, что положение, возможно, усложнилось за это время. Отсутствие виконтессы у его постели давало ему шанс выправить дело.

— Помогите мне сесть, Филибер,— приказал он.

Слуга заупрямился, но Марк Антуан продолжал настаивать:

— Вы больше истощите меня спорами. Сделайте то, о чем я вас прошу. Это важно...

— Ваше выздоровление важнее, месье.

— Вы заблуждаетесь. Вовсе нет. Не теряйте времени.

— Но, месье, если доктор узнает, что я сделал это...

— Не узнает. Обещаю вам. Если вы будете верны мне, то и я буду верен вам. Заприте дверь и дайте мне перо, чернила и бумагу.

Сначала все поплыло у него перед глазами, и он потратил несколько минут, ожидая, пока это пройдет. Затем он быстро набросал следующие строки:

«Бонапарт в такой силе, что поражение эрцгерцога кажется неизбежным. Если это случится, ожидается, что Австрия согласится заключить мир. Для этого принятый французами план предусматривает захват Венеции и обмен ее на Ломбардию при заключении договора с Австрией. Вы предупреждены. Венеция должна решить, возьмется ли она за руки с Австрией в эту важную минуту, чтобы сделать последнее усилие ради сохранения независимости, которая в противном случае будет утеряна ею».

Он перечитал записку, сложил ее и вручил Филиберу.

— Спрячьте это где-нибудь у себя как следует... Теперь уберите эти вещи, опустите меня обратно и отойдите от двери.

Откинувшись на подушках, Марк Антуан несколько мгновений пролежал молча, утомленный проделанной работой. Укоризненный взгляд слуги вызвал у него улыбку:

— Не смотрите на меня так мрачно, Филибер! Это необходимо было сделать. Теперь слушайте. Спрячьте это письмо хорошенько, ибо оно опасно. Когда вы сегодня уйдете, отправляйтесь в дом Пиццамано на Сан-Даниэле. Спросите графа. Встретитесь с ним лично и вручите ему эту записку. Ему, и никому другому. Если его не будет, дождитесь его. Все понятно?

— Да, месье.

— Вы подробно расскажете ему о моем состоянии и можете свободно отвечать на любой вопрос, который он вам задаст.

Прилежный Филибер доставил это письмо уже после полудня, и оно было сразу же прочитано не только графом, но также и Доменико, который в этот момент был у него.

Капитан Пиццамано при первой возможности приехал из форта по вызову, посланному сестрой два дня назад. К этому времени Изотта, которая через Ренцо ежедневно осведомлялась о состоянии Марка Антуана, совсем измучилась под непосильным бременем беспокойства и ожидания, которое она не могла выдержать одна. Сегодня, когда Доменико наконец-то приехал и она посоветовалась с ним, тревога ее немного улеглась благодаря добрым вестям, которые доставил ей Ренцо. Марк Антуан определенно был вне опасности.

Но негодование ее против Вендрамина осталось, и она все рассказала брату. Потрясенный Доменико, при всей его неприязни к Вендрамину, не мог все же поверить, что этот человек опустил до убийства.

Но Изотта напомнила ему о прошлых событиях:

— У них была прежде ссора, в прошлом октябре; я узнала, что состоялась дуэль, и Вендрамин был ранен. Вы помните, что он болел тогда и не выходил из дома пару недель? Причиной тому было ранение.

— Я знаю о дуэли,— сказал Доменико.— Но между дуэлью и предательским убийством — огромная дистанция. Я могу понять, что обстоятельства могут породить подозрения. Но необходимо нечто большее, чтобы мы были окончательно уверены.

— Думаю, у меня есть и другие подтверждения. Покушение на Марка произошло на прошлой неделе, в ночь на вторник. С тех пор мы не видели Леонардо, а не в его обыкновении целую неделю не появляться на Сан-Дани-

эле, особенно теперь, когда ежедневно новости заставляют отца беспокоиться и удивляться его отсутствию.

— Ах,— теперь Доменико забеспокоился.— Но отчего же...

Она прервала его реплику, чтобы закончить самой:

— Из четверых, напавших на Марка, он ранил двоих, один из которых, как я уже говорила,— главарь. Если обнаружится, что Леонардо ранен, ранен в левое плечо, то не будет ли это достаточным доказательством?

— Думаю, будет!

— Вот почему я и послала за вами, Доменико. Разыщите ли вы Леонардо, чтобы выяснить это?

— Я сделаю больше... Мне требуется кое-что разузнать об их дуэли, происшедшей в прошлом октябре. Кроме прочих, истинные причины...— он внезапно замолк, пристально посмотрев на нее.— Нет ли у вас подозрений, каковы они могут быть?

— Иногда я думаю...— она запнулась, сделав какой-то беспомощный жест.— Нет, нет. Ничего определенного. Ничего, Доменико.

— Но есть что-то неопределенное,— сказал он тихо, с сочувствием.— Так. Так. Посмотрим, что мне удастся разузнать обо всем этом.

Доменико вышел из ее будуара, где происходила беседа, и спустился переговорить перед уходом с отцом.

Он застал графа в библиотеке в обществе Филибера. Рассказ слуги ничего не добавил к тому, что капитан узнал от сестры, тогда как письмо, которое он прочитал после ухода Филибера, усилило серьезные опасения, уже взволновавшие умы всех честных венецианцев. Пока Марк Антуан лежал беспомощный во французском посольстве, зловеющие происшествия сотрясали Венецию и наконец заставили и самых беспечных заметить грозные тучи, собравшиеся на политическом горизонте.

Непростительная небрежность Светлейшей в обеспечении надлежащей защиты своих провинций на материке наконец принесла тревожные плоды в Бергамо. Никем не сдерживаемые якобинцы, опираясь на поддержку Франции, прибрали к рукам упущенную правительством власть. Город восстал против Венеции, поддержал якобинцев, учредил свое собственное независимое правительство.

Известия об этом жесте предательского отречения достигли Венеции шесть дней назад и вселили ужас в каждого — от дожа до последнего нищего.

Доменико еще не начал обсуждать со своим отцом

последнее свидетельство вероломства французов, о котором шла речь в письме Марка Антуана, когда объявили о приезде мессера Катарина Корнера.

Инквизитор вошел, и они увидели печать горя в тонких чертах его лица, в каждом движении его стройной изящной фигуры. Он принес дурную весть о том, что еще один город последовал примеру Бергамо.

Подеста⁹⁴ из Брешии, бежавший, переодевшись крестьянином, чтобы спасти свою жизнь, только что добрался до Венеции и сообщил дожу печальное известие: Брешиа, подобно Бергамо, провозгласила нынче свою независимость и установила Дерево свободы, у подножия которого, в насмешку над Венецией, склонился лев Святого Марка, посаженный на цепь.

— Мы начали платить ужасную цену за безволие Манина,— заключил Корнер.— Республика распадается.

Граф сидел потрясенный, уставившись в пространство, тогда как инквизитор напрягал слабый голос, излагая свое мнение о создавшейся ситуации:

— Следует немедленно восстановить порядок, пока якобинская зараза не распространилась на другие города государства. Если сенат не возьмется за это дело, нужно созвать Большой совет, чтобы он взял на себя всю полноту ответственности и власти.

Граф наконец очнулся и заговорил с гневной горечью:

— После допущенных нами ошибок, упущенных нами возможностей, скупости и эгоистичности политики, проводимой нами, можем ли мы рассчитывать на героизм народа? Если нет, то нам ничего не остается, кроме как покориться расколу нашей Республики, которая была столь величественна в течение тысячи лет. Взгляните на это.

Он протянул Корнеру письмо, полученное им от Марка Антуана. Прочитав, инквизитор дрожащим голосом спросил, откуда оно.

— Из того же источника — от Мелвила,— улыбнулся граф печально.— Вы очень поторопились предположить, что он бежал, прознав о грозящем аресте, а я на мгновение так растерялся, что готов был поверить, будто вы правы. Но теперь я знаю правду: Мелвила пытались убить в ту самую ночь, когда вы послали арестовать его, и это покушение едва не завершилось успехом. Он долго был между жизнью и смертью. Его первым действием, когда он достаточно окреп, стало это ценное сообщение, сделанное с величайшим риском для него самого. Я верю, что это убедит вас, ибо он заботится о наших интересах.

Эти сведения следует сообщить дожу. Необходимо предпринять последнее усилие, или мы непоправимо опоздаем и станем австрийской провинцией. В этом случае нас ждет удел всякого покоренного народа.

Корнер позволил себе несвойственную злость и резкость в высказываниях:

— Разве эта баба Манин пойдет на риск? Он скорее покорится поработителям с тем же спокойствием, с каким позволил иноземным солдатам-головорезам топтать наши провинции!

Пиццамано поднялся.

— Большой совет должен заставить его; необходимо принудить сенат к решительным и незамедлительным действиям. Больше нельзя слушать пустые обещания, которые ни к чему не приводят. Вендрамин должен распорядиться своими барнаботти в этой заключительной схватке против сил инерции.

Разгоряченный граф энергично жестикулировал и заговорил с почти театральным пафосом:

— Если нам предстоит погибнуть, так давайте, по крайней мере, погибнем как достойные люди — потомки тех, кто добыл славу Венеции. Нам не к лицу сдаваться и уподобляться слабым женщинам, в которых Манин нас уже почти превратил.

Глава XXX

ПРИНУЖДЕНИЕ

Большая потеря крови так ослабила Вендрамина, что в течение десяти дней после этого ему пришлось отлеживаться дома. Хотя благоразумие подсказывало о необходимости подольше оставаться в постели, происходящие события требовали продолжить политическую борьбу.

Поэтому в тот самый день, когда Марк Антуан написал предупреждение графу Пиццамано, Вендрамин отважился выйти, несмотря на свою слабость и недостаточно залеченную рану.

Погода стояла мягкая и ласковая, и солнце заливало теплом дома, отражавшиеся в темной синеве вод, по которым он неся, развалившись на подушках гондолы. Вендрамин тщательно нарядился в сиреневый с серебром костюм, который, по его мнению, очень шел ему, а его

блестящие золотистые волосы были заботливо подстрижены и уложены. Его рана явно требовала держать левую руку на перевязи. Но, учитывая необходимость скрыть свое ранение, он решил обойтись без нее и держал руку на груди, зацепившись большим пальцем за пуговицу жилета. Вендрамин надеялся, что это не покажется неестественным и не привлечет особого внимания.

Его гондола плавно скользила к западному концу Большого канала мимо сияющего на солнце купола церкви Санта-Мария делла Салуте и дальше, пока не свернула в канал Сан-Даниэле. В тесных водах этого канала она разминувшись с другой гондолой, усердно разгоняемой двумя гондольерами, в которой мессер Корнер уезжал из дома Пиццамано.

Вендрамин приехал как раз вовремя и тем предупредил желание графа послать за ним.

Пиццамано как раз отдавал приказ слуге, когда плеск воды под челном и протяжный предупреждающий крик приближающегося гондольера привлек внимание Доменико. Высокое окно балкона было открыто. Он подошел и наклонился через перила.

— Вы избавлены от хлопот,— объявил он.— Вендрамин уже здесь.

Лицо графа немного просветлело. Отметив своевременность его приезда, он удивился необычному факту недельного отсутствия Вендрамина.

— В самом деле, точно с момента покушения на Марка Антуана,— сказал Доменико.

В его голосе прозвенел холод металла, и отец окинул его быстрым взглядом:

— Вы усматриваете связь?

— Она может существовать. Во всяком случае, по-видимому, благоразумнее не дать Вендрамину повода заподозрить источник сведений об этом французском плане.

— На что вы намекаете?

— Марк лежит раненый во французской миссии. Для него может оказаться очень опасным распространение известия о его пребывании там. Будет лучше сказать лишь о том, что у вас есть веские причины быть уверенным, что именно в этом и состоят намерения Франции. Если вы упомянете о визите мессера Корнера, вы оставите Леонарда в уверенности, что эти сведения исходят от него.

Граф мрачно кивнул.

— Хорошо.

Мессер Вендрамин вошел с веселостью, которая сто-

ила ему больших усилий. От него не ускользнуло, что глаза Доменико, в котором он всегда чувствовал врага, изучили его с головы до пят, примечая бледность и темные пятна под глазами, и надолго задержались на его руке, которую он старался держать перед собой с самым естественным видом.

На вопрос графа о причинах своего отсутствия Вендрамин ответил, что болел. Сославшись на свою слабость, он попросил позволить ему сесть и выбрал себе стул. Граф и его сын оставались стоять: капитан у окна, спиной к свету и лицом к гостю, а граф расхаживал по маленькой комнате, объясняя ситуацию, раскрытую письмом Марка Антуана.

Затем он подробно остановился на отступничестве Бергамо, о чем Вендрамин уже знал, и Брешии, что было для него новостью.

— Вы понимаете, — сказал Пиццамано, — как надо поступить, причем немедленно, чтобы Республика не перестала существовать. Можете ли вы сейчас так же, как и прежде, положиться на барнаботти?

— До последнего человека. Они сплоченно пойдут за мной.

Вендрамин говорил без колебаний. У него не было ни малейшего сомнения в том, что его положение столь же твердо, как и прежде — до предательства, навязанного ему французами.

Граф стоял прямо перед ним.

— Могу я полностью рассчитывать на вас или нет?

Пиццамано, умоляя голосом и глазами, выдал, сколь сильно он зависит от ответа, и открыл Вендрамину возросшую заинтересованность в себе и выгоду, которую предоставила ему ситуация.

— Разумеется, — ответил главарь барнаботти.

Граф облегченно вздохнул.

— В таком случае нам, по-видимому, нельзя более тянуть с созывом Большого совета. Вместе мы можем тотчас принудить Манина к незамедлительным действиям, которые потребует решение Большого совета.

— Я готов пойти к нему, как только вы прикажете, — сказал Вендрамин. — Вы можете положиться на меня — я никогда не жалел своих сил для Венеции.

— Я надеюсь и благословляю вас, — сказал Пиццамано.

— Вы благословляете меня? — медленно повторил Вендрамин. — Благословите ли вы меня чем-то большим, нежели словами? Благословите ли вы меня, господин граф,

доказательством доверия в ответ на все доказательства моего усердия?

Граф остановился посреди комнаты и посмотрел на него, нахмутив брови. Смысл сказанного Вендрамином был достаточно ясен обоим — отцу и сыну. От Доменико Леонардо ожидал немедленного возражения, но капитан не проронил ни слова.

После паузы Вендрамин продолжил:

— Момент самый подходящий. Если вновь дойдет до борьбы в Совете, в качестве вашего зятя, господин граф, я приобрету больший вес и тем смогу привлечь многих колеблющихся на нашу сторону.

Он закончил:

— Признаюсь, я столь же настойчив и в личных делах, как и в политических.

Хотя граф не питал иллюзий и понимал, что Вендрамин старается извлечь всю выгоду из возникшей ситуации, в то же время по причине фанатичного патриотизма Франческо Пиццамано не мог ему отказать.

Он спокойно уточнил:

— Вы имеете в виду свадьбу?

Вендрамин хладнокровно ответил:

— Согласитесь, что не быть нетерпеливым — скверный комплимент Изотте.

Подбородок графа утонул в кружевах воротника.

— Все же это неожиданно, — проговорил он.

— Но этого требует ситуация.

— И к тому же сейчас — пост.

— Естественно, подождем до Пасхи. Это около месяца. Самое подходящее время.

Пиццамано повернулся к сыну. Молчание капитана казалось необычным.

— Что скажете, Доменико?

— Что именно этот вопрос следует адресовать Изотте.

— О, да. Решение, конечно, должно оставаться за ней. Вопрос в том, пожелает ли она выйти замуж так скоро — на Пасху?

При последних словах графа отворилась дверь, и на пороге появилась Изотта.

— Я вам не помешаю? — спросила она.

— Входите, дитя мое, входите, — ответил ей отец. — Вы поможете уладить дело.

Вендрамин встал и повернулся, приветствуя ее.

Она прошла в комнату грациозной величественной поступью, окруженная миром и спокойствием.

— А, Леонардо,— сказала она.— Мне только что сообщили о вашем приезде. Нам не хватало вас в эти дни. Он склонился к ее руке.

— Тогда я вознагражден, ибо и мне было вовсе не так уж хорошо.

— Мы хотим узнать, что с вами случилось. С вами, а также с Мелвилем. Вы оба исчезли одновременно.

Он быстро взглянул на нее и встретил безмятежную улыбку.

«Вряд ли она знает о его смерти»,— заключил Леонардо.

Но тут его внимание отвлек Доменико.

— Я отмечал необычность этого совпадения за несколько минут до вашего прихода,— сказал он Вендрамину.

При этом лицо капитана оставалось любезным, как и у его сестры.

Вендрамин вздохнул.

— Боюсь, нам не стоит более ждать его визита,— произнес он печально.— Заехав в гостиницу «Шпаги», я узнал, что он исчез. Трудно сказать, арестовали его или он сбежал из Венеции, чтобы спастись от ареста...

— Могу заверить вас, что он не был арестован,— сказал граф.

Еще больше удивил его Доменико:

— Могу сообщить вам, что он и не сбежал.

Изотта вслед за братом добавила нечто еще более неожиданное:

— А я могу сообщить вам, что он даже не убит, как вы полагаете.

Граф в изумлении переводил взгляд с одного из своих детей на другого. Он чувствовал какой-то тревожный подтекст в их словах, что-то такое, чего он не понимал. Что касается Вендрамина, то утверждение, что Мелвил жив, нанесло ему такое же ужасное потрясение, как и выражения, в которых оно было высказано. Пока он еще не мог понять, что за всем этим скрывается, но Вендрамин не собирался отступать. Поэтому он задал вопрос, вполне соответствующий ситуации:

— А почему я должен предполагать, что он убит?

— Разве не это вы предположили, когда вы и ваши наемники оставили его на Кортеле-дель-Кавалло на прошлой неделе во вторник ночью?

Его округлившиеся глаза выражали крайнее удивление. Но не большее, чем естественное удивление всякого, кто

окажется вдруг перед таким обвинением. Не большее, чем удивление графа, пораженного услышанным.

— Дорогая Изотта! Что за слухи вы пересказываете? Не желаю слушать столь оскорбительные выдумки. Я вполне способен позаботиться о своей чести, о чем, я думаю, хорошо известно.

Он намекал на репутацию хорошего фехтовальщика, которой пользовался в Венеции. Но на Изотту это не произвело впечатления. Брови ее взметнулись.

— Тем не менее вы не смогли защитить свою честь или, по крайней мере, самого себя во время вашей дуэли с мистером Мелвиллом.

В эту минуту Доменико вдруг решил проявить небывалую заботу об их госте.

— Я протестую! — воскликнул он. — Вы заставляете несчастного Леонардо стоять, несмотря на его слабость!

С этими словами он бросился вперед и, спеша предложить стул Вендрамину, неловко натолкнулся на него. Застигнутый врасплох, Вендрамин коротко вскрикнул, и его правая рука инстинктивно дернулась к больному месту на левом плече.

Лицо Доменико находилось в каком-то футе от его лица, и Доменико смотрел Вендрамину прямо в глаза, сочувственно улыбаясь:

— Ах! Конечно же, ваша рана! Простите меня. Впредь буду более внимателен.

— О, я — ранен? Клянусь, сегодня вы обрушиваете на меня новость за новостью.

Но показная бодрость дорого стоила ему. Он опустился на стул и извлек платок, чтобы промокнуть покрытый холодной испариной лоб.

Граф, молчавший в полном недоумении, наконец потребовал:

— Что все это значит, Доменико?

— Позвольте мне объяснить, граф! — воскликнул Вендрамин. — Из-за того, что несколько месяцев назад я дрался на дуэли с мессером Мелвиллом...

— О, по крайней мере, вы признали это, — перебил Доменико. — Впрочем, не было смысла отрицать.

— Почему я должен отрицать это? У нас возникли разногласия, которые не допускали урегулирования другим путем.

— В чем суть? — спросил граф.

Вендрамин заколебался с ответом.

— Суть, господин граф, очень личная.

Но непреклонные старомодные представления графа Пиццамано о чести делали его настойчивым.

— Она не может быть настолько личной, чтобы мне нельзя было узнать о ней. Дуэль следует, когда честь одной из сторон ставится под сомнение. Принимая во внимание родство со мной, к которому вы стремитесь, думаю, я имею право знать обстоятельства дела.

Вендрамин заволновался, но нашел выход:

— Я признаю это право, но не могу открыть причину моей ссоры с Мелвиллом, не причиняя беды там, где я меньше всего хотел бы ее причинить. Если вы позволите Изотте быть вашим представителем, я откровенно расскажу ей все. Когда я сообщу это непосредственно ей, она сама вольна будет рассказать то, что вы желаете узнать.

Граф Пиццамано задумался. Изотта в свое время откровенно рассказала ему о чувствах, возникших между ней и Марком Антуаном. Граф ценил сдержанность, которую, как он был убежден, они оба проявляли. Но он понимал, что у человека, оказавшегося в положении Вендрамина, существование подобного чувства могло вызвать вспышку ревности и стать причиной ссоры. Обдумав все, он решил уступить просьбе Вендрамина: объяснение между ним и Изоттой могло разрядить напряженность.

Он согласно кивнул:

— Пусть так. Пойдем, Доменико, и позволим Леонардо объясниться с Изоттой. Если она будет удовлетворена, то не будет причин оставаться неудовлетворенным и мне.

Доменико без возражений вышел. Но едва они вышли, он обратился к отцу:

— Леонардо должен объяснить нечто более существенное, чем дуэль. Вы видели, как он страдает от боли в левом плече? Вы видели его движение, слышали его вскрик, когда я умышленно толкнул его?

— Видел,— сказал граф, удивив сына резкостью и мрачностью ответа.

— Тогда не забывайте подробности, услышанные нами от слуги. Нападавших было четверо. Двое из них были ранены, причем один из них — в плечо, и это был главарь шайки. Какие выводы напрашиваются?

Высокий и худощавый, но против обыкновения ссутулившийся, граф остановился перед своим сыном. И Доменико вдруг заметил, как сильно постарел отец за последнее время. Темные глаза потеряли прежнюю твердость взгляда. Граф вздохнул:

— Доменико, я не желаю делать выводы. Он предпочел изложить суть его ссоры с Мелвиллом Изотте. Она сама разберется с этим, примет решение и возьмет ответственность на себя.

Капитан понял, что впервые в своей жизни его отец уклоняется от решения. Ноша оказалась непосильной для него. Доменико не сдавался:

— А если Изотта не будет удовлетворена этим объяснением? Что тогда?

Граф положил руку на плечо своего сына.

— Разве я не сказал, что решение принимать ей? Я говорю об этом, имея в виду все вытекающие последствия. Единственное, о чем я молюсь, учитывая, как много с этим связано — для вас это так же ясно, как и для меня, — чтобы она нашла в себе силы принять положительное решение. Еще более горячо я молюсь, чтобы у нее не было оснований для отказа.

Доменико склонил голову.

— Прошу простить мою настойчивость, отец, — сказал он.

Изотте же в библиотеке представился не самый удобный случай для вынесения приговора. Объяснения, предложенные Вендрамином, звучали скорее обвинением, чем защитой.

— Не сядете ли вы, Изотта, чтобы я мог по-прежнему сидеть? — попросил он. — Я все еще слаб.

— Всему виной ваша рана, — сдержанно заметила она, усаживаясь напротив.

— О, да, это из-за раны, — начал он заносчиво. — Но это — рана, нанесенная мне во время дуэли с мессером Мелвиллом, о которой я собираюсь рассказать. Когда я расскажу вам о причинах, думаю, вряд ли вы пожелаете ворошить подробности нашей ссоры. Да, я пытался убить его в поединке. Трудно найти человека, имеющего больше оправданий в таком желании: я обнаружил, что этот негодяй обесчестил меня. Надо ли рассказывать, как?

— Вы предлагаете мне угадать?

Он пристально посмотрел на нее, пораженный ее спокойствием. Вендрамин ненавидел дух неприступной, невинной чистоты, который витал вокруг нее, словно ореол надо львом Святого Марка, и который он считал уловкой распутницы. Он удивлялся, что она посмела выступить против него с таким насмешливым самообладанием, не смотря на то, что было у нее за душой. Ему не терпелось сокрушить ее самообладание.

— Я обнаружил,— сказал он,— что мессер Мелвил соблазнил даму, которую я надеялся назвать своей женой.

Она напряглась и выпрямилась в кресле; румянец медленно заливал ее щеки.

— Вы не можете сказать этого обо мне! — воскликнула она.

Он вскочил, забыв рану и слабость:

— Я должен привести доказательства, чтобы вы прекратили свое тошнотворное лицемерие? Рассказать, что я узнал вас под маской, которая столь стремительно промелькнула передо мной, в комнате Мелвила однажды утром несколько месяцев тому назад? Рассказать, как я узнал об этом? У меня есть улика, которая убедит и других. Я...

— Прекратите! — воскликнула она и поднялась, окавшись лицом к лицу с ним.— Как посмели вы пачкать меня своими низкими домыслами?! Да, той дамой была я! Неужели вы думаете, что я когда-нибудь отрекусь от содеянного мною? Но между тем, для чего я туда пошла, и тем, что вы столь бесстыдно предположили, та же разница, что между снегом и грязью.

Теперь он не мог пожаловаться, что она была холодным бесчувственным воплощением красоты, неспособным испытывать страстей. То было неистовое чувство — уничтожающее, испепеляющее чувство гнева,— перед которым он дрогнул.

— О, моя мысль безумна?! Спросите, какая мысль появится у всякого венецианца в подобных обстоятельствах! Спросите, если посмеете, своего собственного отца! Спросите, что он подумает о знатной даме, если застанет ее в объятиях мужчины! Если хотите, чтобы сердце вашего отца разорвалось от позора, спросите его об этом!

Эта пылкая тирада подействовала, как вода на огонь. Впрочем, осознание его правоты привело лишь к тому, что к ней вернулось присущее ей непроницаемое хладнокровие.

Успокоившись, Изотта вновь опустилась в кресло и заговорила ровным, бесстрастным голосом — если оправдания и прозвучали, то лишь в словах, но вовсе не в ее тоне:

— Слушайте, Леонардо,— начала она и подробно рассказала о целях и обстоятельствах своего визита к Марку Антуану.

Получился довольно длинный рассказ, и слабость вновь вынудила Вендрамина сесть, пока шло повествование. Если ее слова и убедили его, он не показал этого. На-

против, вслух Леонардо высказал лишь сомнения в правдоподобности услышанного:

— И кроме этого отречения, как вы это назвали, не было другой причины для визита? Но этот мужчина часто бывал здесь, и вам нередко случалось беседовать с ним. Тем не менее вы предпочли путь, который всякая венецианская дама, дорожающая своей репутацией, должна отвергнуть с отвращением!

Она знала: Вендрамину не понять ее стремления, ее настоятельной потребности оправдать себя в глазах Марка Антуана. Подобное объяснение лишь вызвало бы у него оскорбительное недоверие. Поэтому она сказала просто, но очень твердо:

— Да, именно такой путь я и предпочла. Тогда я не смогла понять опрометчивости своего поступка. Но ничего, кроме опрометчивости, в этом решении, конечно, не было.

— Разве кто-нибудь поверит этому, Изотта?

— Вы не верите? — с вызовом спросила она.

Вендрамин на мгновение замялся:

— Теперь верю, ибо вы все объяснили. Но, может быть, верю лишь ради собственного спокойствия... Без этого объяснения я мог бы думать только то, что предположил бы любой, окажись он на моем месте. Я люблю вас, поэтому мне следовало убить единственного человека, знавшего об этом. Я полагал, что, убив его, уничтожу хотя бы часть нашего позора.

Мгновение Вендрамин ждал ее реплики. Затем, видя ее молчание и задумчивость, он вновь поднялся, подошел и встал рядом, склонившись над ней.

— Теперь, когда мы исповедались, простим ли мы друг друга?

— Так вы можете быть великодушным? — спросила Изотта, и Леонардо не понял, не насмешка ли это.

— Мучительный вопрос! Гораздо более мучительный, чем вы думаете, Изотта!

Он понизил голос и продолжил уговаривающим тоном, который, как он знал, женщины не могут слышать без трепета. Предметом его гордости было умение обращаться с женщинами: в этом отношении он слыл виртуозом.

— Давайте заключим мир, дорогая, — на коленях умоляю об этом с великим почтением к вам. Я беседовал о нашей свадьбе с вашим отцом. Он дал согласие, чтобы она состоялась после окончания великого поста, предполагая, что именно таким будет ваше желание.

— Мое желание? — Губы Изотты искривила горькая усмешка. — Это не может быть моим желанием.

Он встретил ее отповедь жалобой:

— Изотта, вы разбиваете мое сердце своей холодностью!

— После всего, что я сейчас рассказала вам — вы вынудили меня сделать это, — можно ли было ожидать от меня иного?

— Понимаю. Этому я уступаю... Уступаю в уверенности, что преодолēju размовку деликатностью. Когда о помолвке объявлено, Изотта, венецианские патриции и патрицианки обязаны вступить в брак. Вы не можете отрицать, что я терпеливо исполнял вашу волю — так будет и впредь... Что же мне сказать вашему отцу?

Она сидела совершенно неподвижно, молча глядя перед собой и испытывая отвращение к происходящему. Нависшая угроза скорого брака заставила ее остро ощутить необходимость не допустить этого.

Но если бы она отказалась, ее сочли бы вероломной лгуньей, отказавшей Вендрамину в том вознаграждении, за которое его нанял граф, — в вознаграждении, которым однажды она согласилась стать, не видя для себя иного предназначения в жизни.

Видимо, угадав, что творилось в ее душе, Вендрамин попытался подтолкнуть ее к решению, которого добивался.

— Если вы согласитесь, то ваш отец придет к выводу, что мое объяснение удовлетворило вас, и больше не придется возвращаться к этому делу. Если вы не согласитесь, я окажусь перед необходимостью оправдываться перед ним, защищая себя... Боюсь, он заставит меня быть с ним столь же откровенным...

— О, это смело! Смело! — вскричала она. — Это достойно мужчины, который нанимает шайку головорезов для убийства соперника. Какой прочный фундамент для взаимного уважения вы закладываете, чтобы на нем строить наш брак!

— Ради того, чтобы построить его, я готов не обращать внимания, на чем мы его построим. Вот как я люблю вас, Изотта! С безрассудством, свойственным настоящей любви.

Она сравнивала несчастья, среди которых предстояло выбирать, и этот выбор становился тем более невозможным, чем дольше она взвешивала все обстоятельства, сложившиеся для него.

У нее уже не оставалось мужества противостоять гневу отца, который неизбежно сочтет, что она навлекла на их

дом. Изотта скорее согласилась бы стать женой этого мужчины, отвращение к которому с каждым днем росло, в котором с каждым днем обнаруживалось все больше низости.

Но, если принять какое-то определенное решение оказалось невозможным, можно добиться отсрочки!

— Вы сказали, после великого поста? — спросила она.

— Так вы согласны, Изотта?

— Да,— сказала она и покраснела от своей неискренности.— После великого поста... Вы можете сказать моему отцу, что я назначу дату свадьбы во время Пасхи.

Он нахмурился. Раздался короткий смешок человека, который заметил западню и не собирается попадать в нее.

— Так не годится. Вы должны назначить дату сейчас.

Ее душевное волнение выдавал лишь тот же жест стиснутых тонких белых рук, лежавших на коленях. Принимая, в чем состоят его интересы, Изотта действовала решительно. Она поднялась как никогда величественная.

— Мне будут грубить еще до свадьбы? — вскинула она подбородок.— Я назначу дату в день Пасхи или никогда не назначу ее. Выбирайте!

Он беспомощно вгляделся в ее лицо и обнаружил лишь решимость. Во взгляде Изотты не было ни тени колебаний. Мгновение спустя Вендрамин склонил голову, принимая поражение в малом.

— Пусть так. Я буду ждать до Пасхи.

Чтобы скрепить сделку, подчеркнуть свое право, он наклонился и поцеловал ее в щеку.

Она стерпела поцелуй с тем бесстрастием статуи, которое доводило его до бешенства.

Глава XXXI

ДОЗНАНИЕ

Изотта вновь уединилась с братом в своем будуаре. Отчаяние лишило ее обычного самообладания, по щекам катились слезы.

Доменико расположился на расписанном сундуке: локти в колени, подбородок в руке, на лице сострадание. Он узнал от нее все, что произошло во время разговора с Вендрамином, и его оцепенение было вызвано глав-

ным образом неблагоприятием ее визита к Марку Антуану.

— То, что вы предприняли такой безрассудный шаг, еще бы ничего. Но у Вендрамина имеются сведения и доказательства, вот что ужасно. Они ставят вас в зависимость от этого подлеца. Если он разгласит это... Боже мой!

Он встал и зашагал по комнате, слушая Изотту.

— Я боюсь разглашения гораздо меньше, чем свадьбы с ним, с этим распутником, мошенником и убийцей. Отец навязывает этого человека мне в мужа в обмен на его верность Венеции. Когда я поняла, что я являюсь взяткой, приманкой для привлечения Вендрамина к патриотическому делу, я спросила себя, разве это менее постыдно, чем быть презренной распутницей? Как по-вашему, какой репутацией должна пользоваться его жена? Будет ли эта репутация выше, чем бесчестие, которым он угрожает мне, если я откажусь от брака?

Доменико опустил на колено и в порыве сочувствия сжал ее руки в своих.

— Моя бедная Изотта! Несчастное дитя! Мужайся, мужайся! Ведь этот брак еще не состоялся и, если будет угодно Богу, не состоится никогда. Ты думаешь, мне хочется числить родственником этого негодяя? Ты умница, что добила отсрочки. У нас есть месяц. А за месяц... Чего не случается за месяц?

Он нежно поцеловал ее и продолжил свои утешения:

— Я не буду зря терять времени. Постараюсь разузнать что-нибудь о причинах его ссоры с Марком и о том, как происходила сама ссора. Предоставь это мне. Затем, по-видимому, мы сможем на что-нибудь решиться.

Несмотря на твердость своих намерений, Доменико, подобно своему отцу, сторонившемуся наиболее фривольных кругов венецианского общества, где Вендрамин и Марк Антуан частенько бывали до дуэли, оказалось теперь непросто войти в них. Кроме того, его возможности были ограничены служебным долгом. Беспокойство, вызванное мятежами в Бергамо и Брешии, усилилось от известий, достигших Венецию на исходе марта.

Бонапарт, совершивший переход через Тальяменто⁹⁵, неизменно теснил австрийскую армию дальше и дальше, и в конце месяца Итальянская армия вступила уже на австрийскую территорию и взяла курс на Вену. Людовико Манину так и не пришлось сделать официального заявления о союзе с австрийцами, а Большой совет так и не

собрался для обсуждения этого. В то время, когда граф Пиццамано представил дожу свои сведения относительно французского плана, победа Итальянской армии Бонапарта уже не вызывала сомнений. Было слишком поздно для каких бы то ни было мер, кроме укрепления самого города Венеции в призрачной надежде сохранить от разорения хотя бы ее.

Совет десяти предпринял шаги, необходимые для защиты города. К тому же, учитывая недовольство жителей действиями правительства, некомпетентность которого стала очевидной, можно было использовать собранные в столице войска если не для обороны города от французов, то хотя бы для защиты правительства от народа.

Чтобы успокоить волнения, усердно распускались слухи, будто Австрия посылает еще одну армию в семьдесят тысяч человек. Еще более вероятным казался слух о скором заключении мира и окончании войны.

Предпринимаемые шаги не ограничились действиями сугубо военными. Агенты государственных инквизиторов не знали отдыха: аресты уличенных в якобизме, шпионаже или других формах измены происходили повсюду. Бесследные исчезновения людей в эти дни стали обычным делом.

Когда Марк Антуан после выздоровления наконец вышел из французской миссии, вряд ли в Венеции кто-нибудь знал о его появлении. Это произошло в первых числах апреля, сразу после битвы под Юденбургом⁸⁶, в которой австрийцы потерпели окончательное поражение в этой кампании.

Хотя в Венеции об этом еще не подозревали, война закончилась, и в течение недели было подписано соглашение о прекращении военных действий.

Виконтесса оставалась в миссии, чтобы ухаживать за Марком Антуаном до тех пор, пока у нее не осталось ни малейшего повода для дальнейшего пренебрежения той коварной деятельностью, которую Лальман поручил ей,— незаметную последовательную подготовку общественного мнения Венеции к свержению олигархии. Этим делом посол занял отныне всю маленькую армию своих агентов, многие из которых были венецианцами.

Она покинула миссию, как только Марк Антуан позволил себе подняться с постели и просидел несколько часов у окна, осматривая сверху Корте-дель-Кавалло. Это был неинтересный вид, но он с удовольствием грелся на

солнышке, которое вместе с бодрящим воздухом ранней весны способствовало его выздоровлению.

В тот день, когда Марк Антуан впервые после болезни расположился там, в ночной рубашке и комнатных туфлях, накинув на колени плед, он выразил виконтессе свою беспредельную признательность и добавил, что отныне в долгу перед ней. Такое положение вещей втайне беспокоило его, потому что связывало определенными обязательствами.

— Я бы не выжил, Анна, если бы не ваша забота обо мне.

Виконтесса улыбнулась ему с печальной нежностью. Она не щадила себя, и битва со смертью, у которой она отвоевала его, оставила на ней свои шрамы. Маленькое привлекательное личико осунулось, и ее истинный возраст, который при хорошем уходе она скрывала под почти детской свежестью, полностью проявился.

— Слишком сильно сказано. Но если я помогла сохранить вашу жизнь, то это делает мне честь в отличие от всего остального.

— Всего остального?

Она отвернулась и занялась приведением в порядок нескольких ранних фиалок в вазе из майолики, стоявшей на столе.

Когда она заговорила вновь, в голосе ее был легкий оттенок сдерживаемой горячности и сожаления, что не в ее власти отомстить.

— Я уверена, что знаю, кем был тот, кому вы обязаны раной, почти смертельной. Я сразу заподозрила его. С тех пор у меня появилось доказательство. Одним из раненных вами людей был главарь банды. А Вендрамин из-за ранения оставался дома в течение десяти дней после этой истории.

— Очень забавно, — откликнулся Марк Антуан.

— Забавно?! — взорвалась она. — Было бы забавнее, если бы я могла привлечь убийцу к ответу. Во-первых, я считаю себя ответственной за это. Но только отчасти. У него, кажется, есть причина для ревности и по другому поводу.

Виконтесса замолчала. Затем она подошла, встала рядом с ним и в волнении стала тереть угол подушки, на которую он опирался.

— Я видела, какой интерес к вам проявила мадемуазель Пиццамано. Кажется, нам суждено быть соперни-

цами, — она произнесла это беспечно, непринужденно улыбаясь, будто желая под видом шутки скрыть признание, которое не должно срываться с уст женщины.

Марк Антуан не ответил. Напоминание об Изотте направило его мысли к мучительной безнадежности положения, сложившегося теперь, положения, которое для него в любом случае означало поражение.

Некоторое время виконтесса украдкой наблюдала за ним, затем нарушила молчание:

— Я всегда сочувствовала даме, которая вынуждена выйти замуж за Вендрамина, еще до того, как поняла, что для этой жалости существуют столь веские основания. Что теперь поделаешь?

Она сделала паузу и положила руку ему на плечо.

— Если вы любите мадемуазель Изотту, то почему вы позволяете Вендрамину жениться на ней?

Некоторое время он изучал свои руки, ставшие худыми, бледными, почти просвечивающимися, затем поднял глаза и встретил ее внимательный взгляд.

— Если вы мне расскажете, как предотвратить это, вы ответите на вопрос, на который я не могу найти ответа.

Виконтесса отвела взгляд и убрала руку с его плеча — ответ словно оттолкнул ее. Она слегка отшатнулась и вздохнула.

— Понятно, — сказала она. — Я так и предполагала.

А затем, полностью выдавая себя, она вновь склонилась к нему и заговорила со страстью, вызвавшей румянец на ее щеках:

— Не думайте, что я завидую ей. Я так далека от зависти, что нет ничего, в чем я не помогла бы в ваших с ней отношениях. Вот как я люблю вас, Марк!

— Дорогая моя! — воскликнул он и сжал ее исхудавшую руку.

— Мне не стыдно признаться в том, что вам уже следовало понять. Не смотрите так испуганно, мой дорогой, ибо я об этом не жалею.

Она нежно пожала ему руку. Глубоко тронутый словами женщины, давшей столь многочисленные доказательства своей преданности, он еще осознал и необычность такого заявления от дамы, присвоившей его имя и объявившей себя его вдовой.

Единственные слова, которые он сумел найти, показались ему сухими и банальными.

— Анна, дорогая... С великой нежностью и благодарностью я буду хранить в сердце память о своем долге перед вами.

— Я не прошу большего. Если вы выполните это, вы расплатитесь со мной.— Она вновь заколебалась.— В будущем вы можете услышать обо мне... нежелательные вещи. Может быть, кое-что вы уже знаете или, по крайней мере, о чем-то догадываетесь. Постарайтесь ли вы помнить, что, какой бы я ни была, с вами я всегда настоящая и искренняя?

— Это единственное мнение, которого я о вас всегда придерживался,— заверил он ее.

— Тогда я довольна.

Но в ее голубых глазах не было удовлетворения. Они были печальны.

— Сегодня я покидаю вас, Марк. У меня более нет никакого повода оставаться здесь. Филибер может сделать все, что необходимо. Надеюсь, вы будете иногда заходить в дом Гаццолы, как и прежде, чтобы повидать меня? И помните, если возникнет ситуация, в которой я смогу помочь в ваших заветных стремлениях, вам достаточно позвать меня.

Голос ее совсем затих при последних словах. Она резко наклонилась, быстро поцеловала его в щеку и выбежала из комнаты прежде, чем он понял, что произошло.

Марк Антуан остался сидеть, погруженный в мрачную задумчивость, и все его существо наполняла странная нежность к этой женщине, разоблачение которой в любой момент могло стать его долгом. Из всего сделанного им за проведенные в Венеции месяцы почти бесплодных усилий его снисходительность к псевдовиконтессе была, пожалуй, единственным поступком, при мысли о котором он теперь испытывал удовлетворение.

Впоследствии уход за ним осуществляли Филибер и временами расторопный юноша по имени Доменико Казотто, который при случае приходил помочь слуге. Казотто садился рядом и занимал мессера Мелвила новостями о событиях в Венеции. Он доставлял Марку Антуану даже больше развлечений, чем предполагал, потому что тот знал об истинной его службе и забавлялся, видя попытки юного плута вызвать его на самообличительную откровенность. Марк Антуан не так веселился бы, если бы знал, что государственные инквизиторы с особой тщательностью следят за ним простодушными глазами этого проворного паренька.

Однако ничто так мало не занимало Марка Антуана, как мысли о нависшей над ним опасности, о которой Изотта предупредила его в ту самую ночь, когда на него напали. Несмотря на то, что инквизиторы смогли догадаться, что он и Лебель — одно и то же лицо, не было недостатка в доказательствах его преданности той стороне, которая противостояла якобизму, а услуги, оказанные им Светлейшей республике через графа Пиццамано, о последних планах Директории, были просто неоценимыми.

И теперь, когда в первую неделю апреля он почувствовал себя достаточно хорошо, чтобы вновь заявить миру о своем существовании, Марк Антуан без колебаний решил вернуться в свое прежнее жилье в гостинице «Шпаги». Он самонадеянно отмахнулся от опасений, осторожно высказанных Лальманом.

— Оставаться здесь дольше, чем необходимо для излечения моей раны, на самом деле означало бы навлечь на себя подозрение, которое непросто будет отвести. Чтобы быть при деле, я должен пользоваться полной свободой перемещений, а если таковой у меня не будет, лучше покинуть Венецию прямо сейчас.

Вилльтар собирался отправиться в Клагенфурт по вызову Бонапарта. Марк Антуан полагал, что причиной тому послужили достигшие Бонапарта инструкции Директории, аналогичные тем, что были адресованы и Лебелю.

Кампания фактически завершилась. Лальман ожидал, что известия об окончании войны придут с часу на час.

— А затем,— рассуждал он,— придет черед этих венецианцев. Но, друг мой, скандальный предлог для объявления войны еще не найден.

Марк Антуан сразу воспользовался моментом, чтобы вновь показать себя рьяным республиканцем:

— Неужели так уж необходимо быть до отвратительности привередливыми? Предлог заключается уже в самом гостеприимстве, оказанном Венецией бывшему графу де Прованс. Я доказал это, когда потребовал его изгнания. Если бы это зависело от меня, я вновь выставил бы этот счет.

— Сие от вас не зависит,— ехидно вставил Вилльтар.— Как вы знаете, Директорам требуется нечто большее.

— Вы тоже это знаете, Вилльтар,— прозвучало в ответ с резкостью, призванной напомнить посланцу Бонапарта, что его еще не простили за вмешательство, которое едва не стоило мнимому Лебелю жизни.— Чего

вы достигли за то время, пока я не мог заниматься делом? Вам представился удобный случай совершить некоторые из замечательных дел, обещанных вами, когда вы только приехали в Венецию. Что мы получили взамен? — Марк Антуан смотрел на него более чем прохладно. — По-видимому, теперь вы поняли, что критиковать проще, чем действовать!

— Ах вот что! Боже всемогущий! В моих инструкциях не было указано, чтобы я действовал в качестве агента-provokatora!

Взгляд Марка Антуана стал столь тяжелым и неприимым, что самонадеянность Вильтара улетучилась и неизменная презрительная ухмылка вдруг исчезла с его губ.

— Должен ли я сообщить ваши слова Директорам? Следует ли мне поставить их в известность о том, каким именно образом вы определяете границы исполняемых вами обязанностей? Думаю, они напомнят, что и вам надлежит делать все, что может оказаться необходимым для блага Франции. Однако за все это время мы не дождались от вас никаких успехов в практических действиях...

Вильтар не на шутку испугался и стал горячо оправдываться:

— Я никогда этого не говорил! Будьте мне свидетелем, Лальман, что я этого не говорил!

Марк Антуан оставался непреклонен:

— И именно из-за вашей бездеятельности я вынужден теперь сам изыскивать необходимый предлог.

Глава XXXII

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНКВИЗИТОРЫ

Марк Антуан вышел из гондолы у моста Риальто и послал Филибера в гостиницу «Шпаги» известить хозяина гостиницы, что вскоре прибудет и он сам.

Его естественным желанием было сразу же отправиться в дом Пиццамано на Сан-Даниэле, но он не мог найти подходящего предлога для визита. Ему, как он полагал, оставалось лишь попрощаться с семьей графа и уехать — пока он еще мог это сделать — из обреченной Венеции, где все его усилия терпели неудачу.

Марк Антуан принадлежал к числу тех, кому легче всего думается в движении, и потому, несмотря на слабость

после длительной болезни, он решил сойти у Риальто и прогуляться до собора Святого Марка, где рассчитывал вновь взять гондолу и завершить поездку. Марк Антуан надеялся, что за то время, пока он доберется до Пьяццы, занимавшая его проблема будет решена.

Тяжело опираясь на трость, он не спеша направился вдоль торговых рядов, где все бурлило и суетилось, где торговцы расхваливали свои товары, а вокруг них толпились приценивающиеся покупатели. Вряд ли все эти люди были менее шумными, чем обычно, — ясный теплый день, прозрачная голубизна весеннего неба наполняли людей радостным возбуждением. Несмотря на слабость, Марк Антуан уже чувствовал себя лучше, и его элегантность привлекала взгляды. Но когда он добрался до Пьяццы, усталость все-таки дала о себе знать, и его лоб покрыла испарина.

Огромная площадь в этот час всегда была особенно многолюдной. Шеренга славянских солдат охраняла подступы к Дворцу дождей: уже многократно высказывалось недовольство правительством, и во дворце страшились новых вспышек того, прежде, казалось, негорючего материала, который теперь грозил воспламениться от малейшей искры недовольства.

Повсюду пестрели голубые с золотом кокарды Венеции — на форме офицеров различных полков, расквартированных вблизи города. Военные смешивались с праздными группами мужчин и женщин, привлеченных на открытый воздух первым мягким теплом весны и желанием узнать новости, которые здесь так и носились в воздухе.

Почувствовав усталость, так и не приняв никакого решения, Марк Антуан нашел свободный столик под открытым небом и присел, чтобы снять шляпу и промокнуть разгоряченный лоб. Он заказал баварское и потягивал его маленькими глотками, когда почувствовал рядом чье-то присутствие. Он повернул голову и увидел мужчину плотного сложения в поношенной черной одежде. Пара глаз, крошечных, как бусинки, взирала на него с желтого хищного лица Кристофери Кристофоли — представителя государственных инквизиторов.

Венецианцы обычно с откровенной издевкой подтрунивали над ним между собой, но при встрече приветствовали в почтительных выражениях, свидетельствовавших о страхе перед наперсником инквизиторов.

— Рад вновь видеть вас в добром здравии и на свежем воздухе. Примите мои поздравления. Мы беспокоились

о вас. Можно мне присесть? — Кристофоли пододвинул стул и опустился на него, не дожидаясь приглашения. — Так мы будем меньше привлекать внимание: чрезвычайная известность доставляет мне немалое неудобство.

— В настоящее время, — отозвался Марк Антуан, — вы страдаете также и от неприязни к вам. Я польщен вниманием к моему здоровью, но не думаю, что ваше общество пойдет на пользу моей репутации.

Кристофоли печально вздохнул:

— Против меня в самом деле есть предубеждение, но, право, вы ко мне несправедливы. Зная, сколь мало приветствуется мое общество, я не навязывал бы его, не будь у меня к вам дела.

Марк Антуан подавил раздражение.

— Может быть, ваше дело принесет мне несчастье?

— Давайте не будем рассматривать его как несчастье — пока.

— Я смогу судить об этом, когда узнаю, в чем оно состоит, — и Марк Антуан отпил баварского.

Глаза-бусинки бесстрастно рассматривали его.

— Вы придерживаетесь ваших вкусов даже в Венеции, — заметил агент. — От привычки трудно отказаться.

Марк Антуан отставил свой бокал.

— Вы ошибаетесь, баварское — это не английский напиток.

— Так вы не англичанин? — Кристофоли наклонился через маленький столик и понизил голос ради излишней и скорее чисто инстинктивной предосторожности, потому что в непосредственной близости от них никого не было. — Кстати, государственные инквизиторы желают разрешить свои сомнения по поводу вашей национальности.

Досада Марка Антуана усилилась. Это была глупая, обременительная потеря времени и сил. Она соответствовала всему тому, что он видел от венецианского правительства, которое истощило страну, так ничего и не сделав для защиты от тех сил, которые подтачивали фундамент государства. Но внешне Марк сохранял абсолютное спокойствие:

— Буду счастлив содействовать им, когда бы они этого ни пожелали.

Кристофоли одобрительно улыбнулся:

— Именно в настоящую минуту. Если вы составите мне компанию, я буду иметь честь проводить вас.

Марк Антуан пристально посмотрел на него. Кристофоли понял:

— Здесь, если они вынуждены будут применить силу, то будет много шума. Я уверен, что вы предпочли бы избежать этого.— Он поднялся.— Пойдемте, сэр?

Марк Антуан не стал долго раздумывать. Он кивнул официанту, заплатил за баварское и с безмятежным видом, но с вулканом негодования в душе медленно пошел с помощниками инквизиторов.

Мимо солдат они прошли во внутренний двор Дворца дождей, где вокруг больших фонтанов с отлитыми из бронзы фигурами расположилось около полубатальона славянских солдат. Затем они поднялись по лестнице, на вершине которой возвышались гиганты Сансовино⁹⁷, и по прекрасной наружной галерее дошли до другой лестницы, у подножия которой стоял часовой. Здесь они вновь продолжили подъем, пока задыхающийся Марк Антуан не оказался на самом верхнем этаже Дворца дождей, где находилась тюрьма для особо опасных преступников.

В комнате, которая представляла собой нечто среднее между караульным помещением и конторой, представитель инквизиторов передал его толстому чиновнику, который пожелал узнать его имя, возраст, происхождение, национальность и место проживания.

Кристофоли задержался, пока Марк Антуан смиренно называл имя Мелвила и все другие подробности, которые последовали за этим. Его ответы заносились в протокол. Затем два стрелка, действовавшие по распоряжению чиновника, обыскали его. Но, за исключением шпаги, не нашли у него ничего, что посчитали бы своим долгом изъять.

Когда эта процедура закончилась, те же стрелки вслед за тюремщиком проводили Марка Антуана в предназначенную для него комнату. То было средних размеров помещение, обстановку которого составляли стол, стул, табурет, на котором стояли кувшин и таз, и низкая кровать.

Марку Антуану сообщили, что ему будет доставлено все, что он готов оплатить, и тюремщик предложил заказать ужин.

Теперь оставалось с философским спокойствием обдумать тот бесспорный факт, что он — узник инквизиторов. Подобная ситуация, обычно вселяющая ужас, была для него лишь досадной. Страха ничуть не бывало.

Он написал одну записку сэру Ричарду Уортингтону, а другую графу Пиццамано. Марк Антуан потребовал содействия первого — как имел на то право, и просил об этом второго — как об одолжении.

Он мог бы не причинять себе этого беспокойства, поскольку Катарин Корнер, почти убежденный в его виновности, с неизменной принципиальностью следовал своему долгу и старался учесть любой довод в пользу обвиняемого. Поэтому на следующее утро он пригласил на страшный трибунал Тройки британского посла и графа Пиццамано в качестве свидетелей.

За Мелвилом пришел Кристофоли и сопровождал вниз, на второй этаж огромного дворца. Они миновали широкую галерею с окнами, обращенными во внутренний двор, где тени отступали перед потоком лучей апрельского солнца и откуда доносились болтовня и смех свободных от службы солдат.

Кристофоли остановил своего подопечного перед высокой дверью, которую охраняли два стрелка. Рядом на стене красовалась высеченная из камня голова льва в натуральную величину, в разинутую звериную пасть опускали доносы.

Дверь открылась, и Марк Антуан оказался в роскошной прихожей с уходившим ввысь потолком. Два стрелка в красной форме, вооруженные короткими алебардами⁹⁸, стояли в карауле с другой стороны двери, а двое других охраняли еще одну дверь, поменьше. Перед этой дверью медленно расхаживал и дежурный офицер. Великолепие красок геральдических ветвей на стекле высокого окна в восточной стороне помещения выплескивалось ярким светом на мозаичный паркет пола. Под этим окном застыли две высокие фигуры. То были сэр Ричард и граф Пиццамано.

Быстро обернувшись при появлении Марка Антуана, Франческо Пиццамано, облаченный в сенаторскую тогу поверх выходного костюма, направился было переговорить с ним, но был вежливо остановлен офицером.

Этот офицер сразу принял узника под свою опеку и вместе с Кристофоли, следовавшим за ними в качестве охранника, провел его к инквизитору.

Марк Антуан очутился в комнате маленькой и тесной, но так же богато украшенной фресками, позолотой и цветным витражным стеклом, как и любая другая комната в этом дворце роскоши. Ему показали место за деревянной оградой, откуда он с достоинством поклонился инквизиторам. Тройка занимала широкую скамью на небольшом возвышении, перед каждым из них стояла кафедра для письма. Катарин Корнер, в красном, как представитель Совета дожа, расположился между двух коллег в черном, которые

были членами Совета десяти. Позади них всю стену занимал гобелен, на котором лев Святого Марка, окруженный ореолом, водрузил лапу на раскрытое Евангелие.

Возле еще одной кафедры для письма, расположенной возле возвышения, стоял человек в патрицианской тоге — секретарь трибунала.

Офицер удалился, оставив узника под присмотром одного лишь Кристофоли.

Марк Антуан, непринужденный и уверенный в себе, сообщил инквизиторам, что не совсем здоров, и попросил позволения сидеть в присутствии суда.

Ему предложили табурет, и секретарь открыл рассмотрение дела, зачитав многословный обвинительный акт. Итоги были такими: обвинения в шпионаже и обмане, в передаче французскому правительству сведений, наносящих ущерб интересам Светлейшей республики, — сведений, полученных посредством обмана, выразившегося в ложном заявлении о стремлении служить интересам Светлейшей и принятии вымышленного имени «Мелвил» и вымышленного английского подданства, тогда как на самом же деле он был подданным Французской республики, членом Совета пятисот и тайным агентом Директории, чье настоящее имя — Камиль Лебель.

Секретарь исполнил свои обязанности, и Катарин Корнер безбесным тоном обратился к узнику:

— Итак, вы все слышали. Нет сомнений, что вы полностью отдаете себе отчет о наказаниях, предписываемых нашими законами за столь тяжкие преступления. Вам остается, сэр, найти оправдания, из-за которых эти наказания не могут быть наложены на вас.

Марк Антуан поднялся и оперся на перила.

— Так как эти вопросы целиком или почти целиком упираются в вопрос о моей личности и так как мои личные утверждения по этому поводу могут не иметь достаточного веса, я бы с почтением предложил вашим превосходительствам выслушать посла Британии, а также моего друга, сенатора графа Пиццамано, которые здесь присутствуют.

Анджело Мария Габриэль — инквизитор, сидевший справа от Корнера, — человек с продолговатым скорбным лицом, мрачно говоривший в нос, одобрил предложение как единственно правильное. Другой, Агостино Барбериги, — сморщенный, трясущийся, наполовину парализованный старик, — кивнул в молчаливом надменном согласии.

Первым пригласили сэра Ричарда. Он был самодоволен и эмоционален. Однажды он уже совершил ошибку, когда дело касалось мистера Мелвила, из-за чего после жалобы мистера Мелвила он получил строгий выговор из Уайтхолла⁹⁹. До сей поры мистер Мелвил наказывал его, как считал сам сэр Ричард, игнорируя посла, отказывая ему в предоставлении возможности исправиться. Но вот такая возможность наконец-то представилась, и он намеревался реабилитировать себя перед своим правительством как только можно лучше.

Речь его в защиту Марка Антуана оказалась блестящей и неистовой. Однако, используя всю эффектность риторики, которая выжила даже в отвратительном французском сэра Ричарда, посол не сумел убедить инквизиторов, поскольку его доводы основывались только на письмах мистера Питта, одно из которых мистер Мелвил доставил лично, а другие пришли впоследствии.

Сэр Ричард вынужден был признать, что, не будучи знакомым с обвиняемым до встречи в Венеции, он не мог на основе личного знакомства засвидетельствовать личность человека, представшего теперь перед трибуналом. Он решил добавить, что тем не менее его переписка с мистером Питтом не оставляет ни грамма сомнений в преданности Мелвила, но инквизитор Габриэль прервал его скрипучим — еще более гнусавым и скрипучим на французском, чем на итальянском, — голосом:

— Вы ведь не рискнете, сэр Ричард, исключить возможность того, что обвиняемый мог несправедливым путем раздобыть то письмо, которое сам же вручил вам. Последующие послания от месье Питта могли быть написаны по причине недоразумения, возникшего из-за подделок, сделанных обвиняемым.

— Должен заметить, — с горячностью заявил сэр Ричард, — что ваше предположение настолько неправдоподобно, что кажется просто... фантастическим.

— Благодарю вас, сэр Ричард, — прогудел гнусавый голос.

Марк Антуан знал, что подобное предположение далеко не фантастично, учитывая, что оно в точности описывало его действия в роли Лебея.

Мессер Корнер снисходительно добавил и свою благодарность к той, что выразил его коллега, тогда как дряхлый Барбериго ограничился лишь молчаливым наклоном головы.

Кристофоли предложил разгорячившемуся сэру Ричарду, который взмахом руки и дружеской улыбкой узнику надеялся произвести на суд благоприятное впечатление, удалиться.

Вслед за ним пригласили графа Пиццамано, и тогда разбирательство стало более серьезным. Из уважения к сенаторскому званию графу предложили сесть возле кафедры секретаря, откуда он мог обратиться и к инквизиторам, и к обвиняемому.

Граф был четок в аргументации и относительно краток. Он прочитал обвинительный акт, и у него не возникло сомнений в том, что трибунал был введен в заблуждение.

Да, узник действительно присвоил другую национальность и переименовал свою фамилию, но он сделал это исключительно в интересах дела восстановления монархии во Франции и борьбы против зла якобизма — наихудшего из всех зол, когда-либо угрожавших Светлейшей республике. Чтобы доказать настоящую личность обвиняемого и засвидетельствовать его характеристику до приезда в Венецию, было достаточно показаний любого человека, заслуживающего доверия и лично знавшего его прежде. Граф напомнил, что в пользу Мелвила свидетельствовало и ответственное задание английского правительства, с которым он прибыл в Светлейшую, — задание, связанное с огромным риском.

Пиццамано заявил, что с давних пор знает подсудимого и что перед ними — Марк Антуан де Меллвилль, виконт де Сол. Он рассказал о близком знакомстве с этим джентльменом, которое завязалось еще в Лондоне в то время, когда Пиццамано был послом Венеции при дворе короля Британии. Затем он подробно ознакомил инквизиторов с отзывами о смелости виконта в Вандее.

— Но даже эта отвага, — заключил граф, — отступает перед героизмом, который он проявил здесь, когда действовал, руководствуясь лишь убеждениями, которые разделяет каждый венецианец, дорожащий благосостоянием своей страны, и подвергаясь ужасным опасностям.

Таким образом, его показания были показаниями защиты, и, словно он был адвокатом Марка Антуана, Пиццамано не покинул комнаты, чему инквизиторы и не препятствовали из уважения к его сенаторскому званию.

Габриэль потер длинным красным указательным пальцем столь же красный и длинный нос.

— Обвиняемый присвоил себе столько ролей, что разум человеческий путается в них. По одной он —

виконт де Сол, французский эмигрант, по другой — мистер Марк Мелвил, агент британского правительства, а еще по одной — Камиль Лебель, тайный агент Директории...

— При внимательном рассмотрении конкретных дел, — сказал Марк Антуан, — станет понятно, что я не мог добиться осуществления своих целей иным способом.

— Трибунал с помощью своих тайных агентов хорошо осведомлен о ваших действиях, — любезно отозвался Корнер. — Мы понимаем, что для действительно успешной работы на службе одной стороне агент обычно оказывается перед необходимостью инсценировать помощь и другой стороне. Исходя из этого, мы можем принять утверждение, что иногда вам необходимо было действовать под видом Мелвила, а иногда — под видом Лебеля. На самом деле вопрос для нас стоит так: в какой из этих ипостасей, присвоенных вами, вы были действительно искренним?

— На этот вопрос, ваше превосходительство, достаточно ясно отвечает мое истинное имя, которое вы услышали от графа Пиццамано. Стал бы виконт де Сол, испытавший столько бед от якобинцев, так рисковать своей жизнью на службе интересам Директории?

— Полагаю, ответ исчерпывающий, — заметил граф.

Изящные, почти капризные черты лица Корнера сложились в мрачную задумчивость. Возразить взялся старый Барбериго, чью речь, произнесенную дрожащим голосом, пронизала тонкая нить сарказма:

— Внешне ответ кажется убедительным. Однако мы не уверены, что здесь нет скрытого определяющего мотива. Я могу представить себе обстоятельства, в которых виконт де Сол может счесть выгодным для себя служить Директории. Кроме того, мы должны помнить, что Директория — отнюдь не то правительство, которое лишило виконта собственности.

Граф немедленно и аргументированно вступил в дискуссию. Он подробно остановился на тех ценных сведениях, что виконт де Сол доставлял ему и которые сам он передавал его светлости дожу. В частности, он коснулся разоблачения Рокко Терци и Сартони, дела которых расследовал этот самый трибунал.

— Неужели надобны еще какие-нибудь доказательства? — спросил граф в заключение.

— Ничего не понадобилось бы, — сказал упорствующий в своей недоброжелательности старик, — если бы ус-

луги, оказанные Светлейшей под видом мессера Мелвила, не бледнели перед вредом, нанесенным ей под видом Камиля Лебеля.

Граф тут же задал вопрос, беспокоивший его с самого начала:

— Но с достаточной ли очевидностью установлено, что он и Камиль Лебель — одно лицо?

— Мы не слышали, чтобы обвиняемый отрицал это, — заметил Корнер. — Молчанием он, по крайней мере, допускает это.

— Определенно допускает, — тотчас ответил Марк Антуан, чем окончательно сбил с толку графа. — Вашим превосходительствам должно быть понятно, что я не мог бы пользоваться доверием французской миссии, если бы я не предстал там под видом полномочного представителя Директории. Позвольте рассказать вам о случае, который сделал это возможным.

Кратко, как только мог, он рассказал длинную историю своего приключения в гостинице «Белый крест» в Турине.

Барбериго саркастически хихикнул:

— Сюжет из «Тысячи и одной ночи»!

Мрачность Габриэля еще более усилилась:

— Вы просите нас поверить, что вам удалось все эти месяцы успешно играть роль этого человека во французском посольстве?

— Да, этому я прошу поверить. Подобное может показаться вам невероятным, но я уверен, что мое утверждение достаточно подкреплено сведениями, добытыми мною для вас.

В разговор снова вступил Корнер:

— Мы не отрицаем, что кое-какие из этих сведений были действительно ценными, но не можем позволить слишком быстро убедить себя или довериться словам.

— Можете ли вы опровергнуть ценность разоблачения разрушительных планов французов в деле Рокко Терци или Сартони? — спросил Марк Антуан.

— Или, — добавил граф Пиццамано, — данных о возмутительном французском плане объявить войну Венеции, чтобы использовать ее в качестве заклада на мирных переговорах с Австрией?

Старый Барбериго покачал в ответ указательным пальцем:

— Только будущее может доказать, верно ли это, а мы допрашиваем заключенного о том, что находится в прошлом.

Корнер пояснил графу:

— Наше первое затруднение состоит в том, что, как мы узнали из перехваченных писем, узник отправлял в Директорию сведения о военных приготовлениях Венеции.

Ответ Марка Антуана был немедленным и доказательным:

— Вы сами определили необходимость, перед которой оказывается тайный агент. Чтобы укрепиться в принятой на себя роли Лебея, было необходимо, чтобы я что-нибудь сообщал. Я не знаю, какие письма вы смогли перехватить, но я без малейших сомнений призываю вас представить хотя бы одно-единственное, содержащее сведения, разглашение которых могло бы стать пагубным для республики Венеции и которые не были бы общеизвестны к тому времени, когда мое письмо могло достигнуть Директории.

Корнер молча кивнул, показывая, что склонен принять это объяснение, но тут Габриэль хлопнул рукой по кафедре.

— Есть кое-что и посерьезнее этого! — воскликнул он.

— Я перехожу к этому, — спокойно сказал Корнер, будто упрекая коллегу за проявленную горячность. Он подался вперед и оперся руками на свою кафедру.

— Несколько месяцев назад, — медленно начал он, — еще до того, как французы нарушили наши границы, сенат получил беспрецедентное оскорбительное требование изгнать с венецианской территории несчастного принца-эмигранта, который под именем графа де Лилль воспользовался нашим гостеприимством в Вероне. Под этим требованием, сформулированным в ультимативных выражениях, стояла подпись Камиля Лебея. Позже нам стало известно, что это требование было нам предъявлено безо всякой на то инструкции из Парижа. Вы предъявили ультиматум исключительно по собственной инициативе. И это — следствие того, что французский посол отказался подчиняться вашему распоряжению и подписать столь оскорбительный документ. Если вы вздумаете отрицать это, я представляю неопровержимое доказательство.

— Я не отрицаю ни этого, ни чего-нибудь еще, что является правдой.

Ответ, казалось, ошеломил не только инквизиторов, но и графа Пиццамано.

— Не отрицаете этого? — переспросил Корнер. — Тогда сможете ли вы, тот, кто служит монархистским и антиякобинским интересам, найти побуждающие мотивы для действия столь недоброжелательного как по отно-

шению к Светлейшей, так и по отношению к вашему королю?

— Да, сэр! — подхватил Габриэль. — Как согласовывается с вашей исповедью ультиматум, который причинил столько неприятностей вашему королю и принудил Светлейшую к шагу, который — и вы это знали! — должен был опозорить ее в глазах всех наций?

— Отвечайте! — добавил старый Барбериго. — Отвечайте, сэр! Вам потребуется расшевелить всю свою избрательность и плодовитый разум.

Корнер повелительно взмахнул тонкой рукой, чтобы прекратить злобные выпады своих коллег.

Марк Антуан метнул в серое старческое лицо Барбериго презрительный взгляд и спокойно ответил:

— Мне понадобится, пожалуй, расшевелить лишь память ваших превосходительств.

Стоя под перекрестным огнем их требовательных взглядов, он сделал паузу, чтобы овладеть собой, и отметил, что в эту минуту даже граф Пищамано смотрел на него подозрительно.

— Когда я согласился с тем, что предпринял эти действия без специальных распоряжений из Парижа, я согласился лишь с тем, что это верно буквально, но только буквально. На самом деле распоряжение предшествовало письму, которое я получил лично от Барраса, а официальное распоряжение предъявить ультиматум пришло через несколько дней после того, как я это сделал.

— Но почему вы обнаружили столь страстное нетерпение и совершили поступок, который, если вы тот, за кого себя выдаете, должен вызывать у нас отвращение?

— Вероятно, сохранился в памяти ваших превосходительств или, по крайней мере, в ваших протоколах тот факт, что ультиматум поступил в сенат через пару дней после ареста Рокко Терци. Этот арест поставил меня в положение чрезвычайно трудное и опасное. Я — единственный человек, за исключением Лальмана и партнеров Терци по предательству, который знал об их деятельности. Арест Терци навлек на меня серьезное подозрение. Чтобы спасти свою жизнь и продолжить антиякобинскую деятельность, которой я посвятил себя, следовало немедленно восстановить доверие Лальмана к себе, что было не простым делом. Я добился этого беспримерным доказательством своего якобизма. На самом же деле я лишь предвосхитил официальное распоряжение, которое вот-вот должно было прийти в посольство. Но мне вернули доверие даже до этого при-

каза. Если я принес в жертву принца и достоинство Светлейшей на алтарь необходимости, то пожертвовал обоими, только чтобы ускорить их триумф в конечном итоге.

Ответ откровенный, исчерпывающий.. Граф Пиццамано, пришедший было в замешательство, теперь вздохнул с явным облегчением. Инквизиторы заколебались, обмениваясь вопросительными взглядами. Затем Корнер, спокойный и любезный, продолжил допрос:

— Если я правильно понял, вы утверждаете, что во французской миссии вас считают Камилем Лебелем и что местье Лальман далек от подозрений, что вы — виконт де Сол?

— Именно так.

Аскетические черты инквизитора в красном впервые утратили свое любезное выражение, глаза под изящно изогнутыми седыми бровями посуровели.

— И это,— молвил он,— несмотря на тот факт, что мадам ваша супруга, что приходится кузиной местье Лальману, которая постоянно составляет вам общество и которая оставалась при вас во французском посольстве, чтобы ухаживать за вами во время вашей болезни, не делает тайны из того, что она является виконтессой де Сол?

Неожиданность этого выпада была для Марка Антуана сокрушительным ударом. Дыхание его участилось и стало почти шумным. После едва заметной паузы Корнер продолжил:

— Вы действительно полагаете, что мы поверим, будто местье Лальман, зная ее, свою мнимую кузину, как виконтессу де Сол, не ведал, что вы — виконт де Сол? Вы думаете, что мы поверим этому?

Колебания Марка Антуана продолжались всего несколько секунд, но за эти мгновения очень многое произошло в его голове.

Он сразу заметил, что граф Пиццамано медленно повернулся на своем табурете лицом к нему, по-видимому, столь же ошеломленный, как и сам Марк Антуан, этим убийственным вопросом.

При определенных обстоятельствах ответ был бы очень прост, и убедиться в правдивости не составило бы труда. Но в этом случае ему пришлось бы разоблачить так называемую виконтессу де Сол как самозванку, которой она на самом деле и являлась. Ему пришлось бы показать, что она присвоила себе его титул по предложению настоящего Лебеля: желая представить эту женщину эмигрировавшей аристократкой, Лебель использовал первое,

что могло прийти на ум человеку, овладевшему землями семейства де Сол и уверенному, что настоящий виконт лишился головы.

Марк Антуан мог пойти еще дальше и разъяснить, что одной из причин его промедления с разоблачением этой дамы как якобинского агента и французской шпионки, каковой, как он убедился, она была, послужила рискованность такого шага сразу после ареста Рокко Терци. Впоследствии, пока он откладывал разоблачение, между ними установились такие отношения, которые позволяли ему держать виконтессу под контролем и использовать ее для получения важных сведений...

Он мог бы не только рассказать все это инквизиторам, но и подсказать им, как можно получить необходимые доказательства: тем самым Марк Антуан отвел бы от себя последнее и тяжелейшее подозрение. Лишь таким образом он мог оправдать свои отношения с этим хрупким созданием, в безысходность и тоскливое одиночество души которого ему было позволено мельком заглянуть. Но разоблачение означало для нее неизбежный арест и казнь — тайную смерть в какой-нибудь подземной камере.

Перед его мысленным взором промелькнуло видение гарроты — орудия казни, — стального приспособления, изготовленного в форме подковы. Оно охватывает шею сзади, тогда как спереди шелковый шнурок привязывает к винту, который постепенно затягивают. И в тисках этого воротника из стали и шелка ему привиделась белая шея, а над ней — маленькое лицо, по-детски светлое и доверчивое, с глазами влажными и нежными (какими они были, когда в последний раз смотрели на него) и губами, которые признались в любви, способной все простить.

Оправдать себя такой ценой значило бы до конца дней своих возвращаться к этому видению, презирать себя, помня о спасении, купленном ценой жизни несчастной женщины, которой он к тому же обязан спасением своей.

Но это — с одной стороны.

С другой — мысль об Изотте, отец которой строгими глазами вопрошал его о причинах необъяснимого колебания. И несмотря на то, что Изотта, очевидно, уже потеряна для него, все-таки мысль о том, какого мнения о нем она должна придерживаться теперь, когда отец расскажет ей об услышанном, была невыносимым мучением.

Не впервые в своей жизни ему приходилось выбирать из двух зол, но никогда прежде выбор не был столь ужасен. Конечно, следовало выбрать меньшее зло — то

единственное, в котором наибольшее страдание выпадало именно ему, ибо сердцу всякого благородного человека легче самому стерпеть боль, чем причинить ее другому. Он не мог оставить на растерзание беззащитную женщину, которой был обязан жизнью.

И потому все, что он сказал — и сказал очень веско, — было:

— В этом деле я прошу вас доверять мне.

Мессер Корнер томительно минуту вглядывался в него, не произнося ни слова. В этом взгляде было и некоторое удивление, словно инквизитор ожидал другого ответа и был разочарован. Вздохнув, он опустил на свою скамью и предоставил своим коллегам продолжать испытание.

Но Габриэль лишь тер свой длинный нос в задумчивом молчании, а дряхлый Барбериго протяжно зевнул и принялся утирать слезы со своих замутненных глаз.

Граф Пиццамано с прежним непониманием пристально смотрел на узника.

Оставалось не только признать, что сказанное Корнером — правда, какой бы фантастической она ни казалась, но и то, что подразумеваемым согласием Марк Антуан подтвердил также свою виновность, ибо существование виконтессы де Сол, учитывая изложенные инквизитором обстоятельства, представлялось явным доказательством того, что истинное лицо Марка Антуана не могло оставаться неизвестным французскому послу. А если это так, возможно лишь единственное умозаключение. И все-таки в отличие от инквизиторов граф Пиццамано испытывал слишком серьезные затруднения, чтобы принять такой вывод, и пребывал в крайнем смущении.

Его мысли вернулись к дочери и разговору с ней в ту ночь, когда Марк Антуан впервые после приезда посетил их. Как же обманутое несчастное дитя было убеждено в своем предположении, что поездку в Венецию Марк Антуан предпринял прежде всего из-за нее! Какое беспощадное унижение выпало на ее долю теперь в связи с помолвкой! Правда, возможно, сведения о допросе Марка Антуана помогут ей примириться с мыслью о приближающейся свадьбе, а эта проблема очень тревожила графа Пиццамано, хотя он не позволял себе проявлять подобные эмоции.

Поэтому он надеялся, что все может обернуться к лучшему. Но так ли на самом деле? Чем больше вопросов граф задавал себе, тем меньше ответов ему удавалось найти.

От размышлений его отвлек неизменно спокойный голос Корнера, обратившегося к Кристофоли:

— Проводите заключенного в комнату, предназначенную для него. Ему должны оказывать всякое уважение, укладывающееся в рамки строгого заключения, пока мы не объявим нашу волю.

Зловещие слова обдали холодом сердце Марка Антуана. Он встал, стиснул руками перила и на мгновение заколебался. Затем, осознав, что открытый протест или жалобы окажутся тщетными, с достоинством поклонился Тройке и молча покинул комнату инквизиторов.

Когда дверь закрылась за ним, мессер Корнер спросил, есть ли у графа Пиццамано какие-либо советы, которые могли бы содействовать их расследованию. Утомившийся Барбериго вновь зевнул.

Граф встал.

— Хочу лишь напомнить вашим превосходительствам, что все данные против виконта де Сола основываются на предположениях, а то, что говорит в его пользу, покоится на твердых фактах.

— Будьте уверены, мы не забудем об этом. Для нас, как вы понимаете, единственным препятствием к выводу для него решению является виконтесса де Сол. Подбородок графа утонул в кружевах.

— Я совершенно сбит с толку,— признался Пиццамано.— Главным образом потому, что не могу понять, зачем он скрывал свой брак.

— Разве нет более или менее очевидной причины? Признать его означало бы открыть свое истинное лицо. Он мог надеяться, по крайней мере, убедить нас, что обманул французскую миссию, представившись там Камилем Лебелем. Но мог ли он рассчитывать убедить нас, что его связь с французским правительством была притворством, если там его знали как виконта де Сола?

— Я уже отмечал,— вставил Барбериго,— что могу представить себе обстоятельства, в которых виконт де Сол мог посчитать выгодной службу на благо Директории. Мне ясно, что такие обстоятельства есть. Перспектива восстановления во владении конфискованными именьями, к примеру, могла быть взяткой, перед соблазном которой трудно устоять.

— Я хорошо его знаю и никогда не смогу поверить в это,— сказал граф решительно.— С другой стороны, перед вами — известные услуги, оказанные им Венеции,

каждая из которых противоречит выводу, к которому вы склоняетесь.

— Будьте уверены,— сказал Корнер,— что эти доводы будут иметь должный вес.

Затем он весьма учтиво склонил голову.

— Мы благодарны вам, господин граф, за ваше содействие.

Граф Пиццамано степенно поклонился Тройке и вышел, в душе глубоко обеспокоенный.

Барбериго тут же сказал:

— Надо ли расточать слова по этому поводу? По-моему, дело ясное.

Корнер обратился к нему с любезной, почти капризной улыбкой.

— Я завидую вашей проницательности. Мои же несчастные глаза пока не могут пробиться сквозь плотную завесу тумана. А каково ваше положение, мессер Габриэль?

Габриэль пожал узкими плечами:

— Совершенно запутался в тех догадках, которые мы затронули.

— Конечно,— проворчал Барбериго,— вам не по вкусу дальнейшее разбирательство.

— Это было бы бессмысленно, мы лишь ходили бы по кругу.

— И я говорю то же самое,— разгневался старик.

Он громко прокашлялся и заявил:

— Итак, к наказанию!

Корнер задумчиво произнес:

— Ваше превосходительство предпочитает сразу назначить кару в качестве решения в деле, столь затруднительном?

— Я? А разве не в этом моя обязанность? Для колебаний нет времени. Когда мы окружены шпионами и врагами, наш долг приносить государству несомненную пользу.

— Наш первый долг быть справедливыми,— напомнил Корнер.

Габриэль повернулся лицом к нему:

— Но что же делать, если мы не готовы ни обсуждать этот случай дальше, ни объявить кару?

— Отложить,— сказал Корнер и плотно сжал губы.— Весы правосудия в этом деле столь уравновешены, с чем вы должны согласиться, что остается единственное — ждать, пока не обнаружится какой-то новый факт и не

нарушит этот баланс. К такому мнению я пришел в итоге размышлений. Если вы не согласитесь, нам придется на- править это дело в Совет десяти.

— Вы убедили меня,— меланхолично произнес Габри- эль.— Я согласен всем сердцем.

Вместе они смотрели теперь на Барбериго и ждали. Старик поморгал на них своими слезящимися глазами. От досады его голова тряслась более обычного.

— Не стану противоречить вам,— сказал он нако- нец,— но эта отсрочка — пустая трата времени. Этот мо- лодой джентльмен был нахальным, что у меня всегда ассоциируется с виновностью. К тому же, какой смысл тянуть? Милосерднее было бы не мучить его томительной неопределенностью, ибо совершенно очевидно, что он в конце концов попадет к душителю. Тем не менее раз уж вы настаиваете, давайте повременим с вынесением приговора.

Глава XXXIII

УДОБНЫЙ СЛУЧАЙ

— **И** зотта, дорогая, Марк уже говорил тебе, что он женат?

Граф сидел за столом с графиней и дочерью. Ужин закончился, и слуги покинули комнату.

Изотта посмотрела на графа с улыбкой, хотя, казалось, в последнее время она совсем утратила прежнюю способ- ность улыбаться.

— Нет, должно быть, он забыл сделать это,— сказала она, и ее отец посчитал, что она шутит.

— Так я и предполагал.

Он посерьезнел, но потом улыбнулся вслед за ней.

Графиня, переводившая взгляд с мужа на дочь, пред- положила, что это какая-то шутка, не совсем понятная ей, и попросила объяснить. Граф вкратце изложил суть дела, напугав обеих, мать и дочь. Изотта, оправившись, вскинула свою темноволосую голову и уверенно сказала:

— Где-то в ваши сведения вкралась ошибка.

Франческо Пиццамано со всей серьезностью отверг возможность ошибки. Он разъяснил, откуда получены эти сведения, и теперь наконец уверенность покинула Изотту.

— О! Но это невероятно!

Глаза ее округлились, а лицо побледнело от испуга.

— Истина зачастую невероятна,— вздохнул граф.— Я и сам сначала не поверил, пока Марк Антуан сам не подтвердил этого. И тогда я понял, что у него должна быть серьезная причина для подобной скрытности.

— Какая же это может быть причина? — голос Изотты задрожал.

Граф ссутулился и всплеснул руками.

— Когда мужчина берет на себя такое бремя, какое взял на себя Марк, в причинах не бывает недостатка. Инквизиторы предположили причину, и весьма правдоподобную, которая отнюдь не лестна для него. Зная его, однако можно догадываться об истинной причине, представляющей все это в совершенно ином свете. Что я нахожу более всего достойным уважения в Марке Антуане, так это то, что он готов пожертвовать всем ради дела, которому служит

— Но если инквизиторы...— начала Изотта и замолкла.

Неожиданно она спросила:

— Ему грозит опасность?

Граф медленно покачал головой.

— Главным образом я надеюсь на то, что, как бы там ни было, Катарин не глуп.

Волнуясь, Изотта подробно расспросила отца о точном смысле фраз, прозвучавших в беседе между инквизиторами и узником. Когда он изложил все со скрупулезной точностью, она некоторое время сидела, выглядев совершенно потрясенной, а затем, извинившись и сославшись на слабость, встала из-за стола.

После ее ухода Франческо Пиццамано озабоченно посмотрел на графиню:

— Вы полагаете, она очень огорчилась?

Донна Леокадия печально ответила:

— Бедное дитя! Она выглядела так, будто ее смертельно ранили. Пойду к ней.

Она встала.

— Минуточку, дорогая!

Граф обнял ее за талию и привлек к себе.

— Может быть, лучше оставить ее? Думаю, ей хочется побыть одной. Если все взвесить, дорогая, то, может быть, это даже к лучшему. Смирение приходит легче, если желаемое становится несуществующим более.

— Вы сами не очень верите в то, что говорите, Франческо. Я никогда не видела вас таким. И все-таки даже там, где затронуто ваше собственное дитя, вы не прини-

маете в расчет ничего, кроме целесообразности. Подумайте о ее сердце, дорогой!

— О нем-то я и думаю. Я не хочу, чтобы оно страдало больше неизбежного. Я не хочу, чтобы ему выпало страданий больше, чем я причинил ему. Вот почему я почти обрадовался тому положению вещей, что ведет к смирению.

— Едва ли я понимаю вас, дорогой.

— Возможно, из-за того, что, если по совести, вы не доверяете мне. Я играл собственной дочерью. Использовал ее как заклад в игре за Венецию. Игра проиграна. Я пожертвовал ею напрасно. Иллюзий не осталось: солнце Венеции зашло, мы уже в сумерках. Скоро, очень скоро наступит темнота.

Граф был в отчаянии.

— Но я хочу, чтобы вы поняли вот что: я бы никогда не просил Изотту об этой жертве, если бы мы оба — она и я — не верили, что Марк мертв. Иначе она не согласилась бы на это. Известие, что он жив, стало трагедией. Теперь, как и прежде, он вновь будет для нее умершим, и она сможет еще раз примирить себя с этой бесполезной жертвой, к которой нас принуждает обещание. Вот почему я говорю, что, возможно, так будет лучше. Они любили друг друга — она и Марк, — и он был достоин ее любви.

— Вы можете так говорить после этого разоблачения? Он кивнул.

— Я верю, что он отдал себя приблизительно в того же рода брак, в какой я отдаю ее. Чтобы послужить великому делу, которому подчинено все, что только может дать человек. Когда он сегодня держал ответ по этому поводу, у него был вид одного из тех мучеников, что идут на самопожертвование. Если это окажется не так, значит, я ничего не смыслю в человеческой природе, — он тяжело поднялся. — Теперь ступайте к ней, дорогая. Скажите ей это. Она может обрести в этом утешение и силу. Да поможет ей Бог! Да поможет Бог всем нам, дорогая!

Но страдания Изотты были мучительнее, чем они думали или чем она позволила своей матери хотя бы заподозрить это. Когда она все-таки поверила в то, что отнюдь не заставило ее смириться, как надеялся граф, это лишило ее всего, что она уже завоевала. Обстоятельства навсегда запретили Марку и ей стать мужем и женой, но она, по крайней мере, находила утешение в душевной

близости с ним, которая сделала бы их навсегда едиными. А теперь эта связь оборвалась, оставив ее ужасно одинокой, брошенной и несчастной.

Изотта выслушала версию своего отца, переданную графиней, но это не облегчило ее страданий. Единственное найденное ею объяснение унижало ее. Направившись в то памятное утро в гостиницу «Шпаги», она исходила из ошибочного предположения, что именно ради нее Марк приехал в Венецию. Однако, как теперь оказалось, он приехал исключительно ради своего политического поручения. Чтобы не ранить ее гордости, он воздержался от разрушения ее иллюзий. И это тоже могло стать причиной того, что он скрывал от нее свой брак.

Мимолетные фразы о нежности и надежде, которые Марк Антуан тогда произнес, она теперь объясняла лишь как выражение надежды на избавление ее от обручения с Вендрамином, которое, он почувствовал, было мучительным для нее. Это обручение не стало для нее менее отвратительным и после того, что выяснилось теперь. Стена, выросшая между ней и Марком, лишила ее той маленькой толики мужества, что еще оставалась.

И если величайшая душевная апатия, охватившая ее, в конце концов подавила бы гордость, она покорилась бы браку с Вендрамином.

В эти дни Изотта стала замечать в себе склонность к набожности. Испытывая отвращение к миру и бессмысленной постоянной борьбе, которой люди наполнили его, она стремилась к уединению и покою монастыря, чувствуя в нем убежище, святилище, которое не посмеет оттолкнуть несчастную жертву. Вендрамин мог оспаривать ее у мужчин, но не посмел бы оспаривать ее у Бога.

При мысли об этом к ней вернулось мужество, и только Доменико удержал ее от немедленного заявления об этом намерении.

Он узнал от отца то небольшое, что было известно о браке Марка Антуана, то есть лишь то, что выяснилось во время расследования инквизиторов. По случайному совпадению он узнал об этом вечером того же дня, когда познакомился с виконтессой де Сол.

В ходе своего расследования причин ссоры между Марком и Вендрамином он разыскал майора Санфермо, с которым и прежде был в дружеских отношениях, и тот привел его на поиски Андровича в казино дель-Леоне, куда Доменико попал впервые в своей добродетельной жизни.

Он заполучил сведения о том деле с долгом, на выплате которого Марк Антуан настаивал, прежде чем скрестил шпаги с Вендрамином, и об источнике, из которого Вендрамин мог заполучить такую сумму. Майор Санфермо подсказал, что, по-видимому, деньги были даны ему виконтессой де Сол. Андрович сразу отверг такое предположение.

— О ком вы говорите? — переспросил Доменико, словно человек, решивший, будто слух обманывает его.

— Виконтесса де Сол. Вон она.

Санфермо указал на изящную даму, которая собрала вокруг себя группу модно наряженных, восторженно ухаживавших за ней мужчин.

Смутившегося капитана подвели к ней и представили, и он, хотя и не подозревал этого, стал почти столь же значительным объектом интереса маленькой француженки, каким она сама была для него. Когда Доменико покидал ее после получасовой беседы, его мысли были смущены еще больше, чем прежде, но впоследствии отец успешно разрешил его сомнения.

— Она поддерживает вымысел о гибели на гильотине, — объяснил граф, — чтобы как следует скрыть личность Марка.

— Такое объяснение вас удовлетворяет? — не удержался Доменико.

— Оно кажется очевидным, если все взвесить.

Все, что он еще добавил к созданной им благородной версии, было теперь передано капитаном своей сестре.

— Должно быть, Изотта, подобно вам, Марк — жертва необходимости. Но вы-то еще не у алтаря. Я кое-что разузнал и могу разузнать еще больше.

По требованию брата она отложила объявление о решении уйти в монастырь — это следовало оставить на самый крайний случай.

Между тем шли дни. Наступила страстная неделя, затянувшая мрачными тучами отчаяния как небо Изотты, так и небо Венеции.

Война завершилась. Но теперь мир, к которому Венеция весь год так стремилась, вовсе не означал непрямого прекращения враждебных действий по отношению к ней.

Восстания в Бергамо и Брешии привели к вооружению крестьян, которые стремились поддержать милицию в подавлении новых революционных вспышек. Они также создали повсюду в венецианских владениях сильный эмо-

циональный настрой против французов, которых намеревались призвать к ответу за чинимое в провинциях насилие.

Франкофобию породил наглый грабеж: французские солдаты отбирали у крестьян их урожай, их скот, их жен. Поэтому повсюду на вербовочные пункты стекались ограбленные, и вскоре под ружьем их оказалось около тридцати тысяч. Единственным известным им врагом были французы, и где бы они ни встречались с мелкими группами французских солдат, те расплачивались своими жизнями за учиненное беззаконие.

Чтобы положить конец такому положению вещей, Бонапарт направил в Венецию Андроша Жюно¹⁰⁰.

Людам, представлявшим новый французский режим, как правило, были свойственны дурные манеры. Установленное ими равенство освобождало от вежливости и выражалось прежде всего в наглой и грубой прямоте и отрицании всякого этикета. Именно строгое следование этим правилам позволило Марку Антуану так успешно играть роль Лебеля. Дурные манеры Бонапарта затмевались бесспорным величием этого человека. Его надменность происходила скорее всего от осознания своего собственного могущества, нежели от значимости его должности. Но, как следствие, дурные манеры тех, кто его окружал, были для всех ужасающими и открыто оскорбительными.

Чтобы принять Андроша Жюно, коллегия собралась в роскошной палате, на фресках и картинах которой Веронезе и Тинторетто¹⁰¹ увековечили силу и славу Венеции. Наверху, на потолке, расписанном с чувственной красотой Веронезе, Венеция вступала на престол земного шара, поддерживаемая Правосудием и Миром. Над троном дожа красовалась великая картина того же мастера о битве при Лепанто, а справа вытянулась галерея портретов работы Тинторетто — портретов таких великих дождей, как Дона, да-Понте, Алвизе Мочениго¹⁰².

Облаченные в свои патрицианские мантии, члены коллегии под председательством восседавшего на троне дожа ожидали визита француза.

Когда он появился перед ними на пороге, обутый в сапоги со шпорами и со шляпой на голове, это словно было встречей старого порядка с новым — строгого, церемонного и предупредительно любезного с откровенно прямым, грубым и непристойным.

Церемониймейстер, рыцарь из патрициев, шествовал впереди с жезлом в руке, чтобы ввести и представить эмиссара, как того требовал этикет. Но грубый французский вояка, отпихнув его в сторону, протопал через залу, не обнажив головы, звеня саблей, ударявшей по каменным плитам пола. Не ожидая приглашения, он поднялся по ступенькам к трону и плюхнулся на сиденье справа от дожа, предназначенное для иностранных послов.

Сенаторы неодобрительно переглядывались, онемев от столь бесцеремонного поведения. Солнце Венеции и вправду зашло, коль скоро наглый иностранный выскочка позволяет себе явное пренебрежение и неуважение по отношению к столь представительной ассамблее. Но Людовико Манин, бледный и взволнованный, настолько утратил чувство собственного достоинства и своего высокого положения, что даже произнес учтивые слова приветствия.

Полное равнодушие Жюно к этим словам стало пощечиной каждому из присутствовавших патрициев. Француз вытащил из-за пояса документ и громким и грубым голосом зачитал собравшимся его содержание, которое вполне соответствовало поведению посланца. Оно было проникнуто той же агрессивной прямоотой. Командующий Итальянской армией выражал недовольство тем, что крестьяне вооружались и убивали французских солдат. О чинимых французскими солдатами грабежах, насилиях и убийствах подданных государства, находящегося в состоянии мира с Францией, документ умалчивал.

«Вы напрасно пытаетесь,— писал Бонапарт,— уклониться от ответственности за ваш указ. Вы думаете, что я не могу заставить относиться с уважением к первому народу во Вселенной? Сенат Венеции ответил предательством на великодушие, которое мы всегда проявляли. Мой адъютант, которого я направляю к вам, предложит вам выбор мира или войны. Если вы не разоружите и не разгоните немедленно враждебно настроенных к нам крестьян, а также не арестуете и не передадите нам виновников убийств, война будет считаться объявленной...»

Прочитав обращение до конца, Жюно вскочил на ноги так же резко, как и сел, и с тем же оскорбительным игнорированием правил приличия вышел.

— Теперь ясно,— сказал граф Пиццамано, ни к кому конкретно не обращаясь,— куда наша скверная политика пассивности, наше малодушие и наша жадность завели

нас. Из первого народа в Европе мы стали самым жалким.

Но и теперь сенаторы униженно послали Бонапарту свои извинения, заверения в уважении и верности и обещали немедленно выполнить его требования.

С таким ответом, предотвращающим войну, Жюно уехал из Венеции в пасхальный понедельник, но в тот же день в Вероне с криками «Святой Марк!» и «Смерть французам!» ярость долго терпевшего народа с ужасной силой вырвалась наружу¹⁰³.

Французы бежали под защиту крепостных стен, но прежде несколько сотен их были убиты. В этих крепостях их осадили далматские отряды и вооруженные крестьяне, поднявшиеся на восстание, а граф Франческо Эмили отправился делегатом в Венецию просить сенат о разрыве отношений с Францией и высылке подкреплений в поддержку патриотов Вероны.

Но Светлейшая, не решившаяся на разрыв с Францией прежде, в удобный момент, пришла в ужас от предложения порвать теперь. Она еще раз заявила о своем нейтралитете и своей дружбе с Францией, бросив на произвол судьбы тех, кто поднялся на борьбу, сохранив веру Венеции, тех, кто был готов к смерти, как к нагаде.

В веронских событиях содержался вполне достаточный предлог, необходимый французам для объявления войны. Но, словно этого было недостаточно, в самой Венеции в тот самый день, когда Бонапарт подавил восстание в Вероне, произошла военная стычка, героем которой стал Доменико Пиццамано.

В пасхальный понедельник Совет десяти обнаружил соответствующий венецианскому нейтралитету декрет, запрещающий заход в гавань любым иностранным кораблям.

На следующий день французский фрегат¹⁰⁴ «Освободитель Италии» под командованием Жана Батиста Ложье в сопровождении двух люгтеров¹⁰⁵, взяв на борт в качестве лодчана местного рыбака, попытался войти в порт Лидо.

Доменико Пиццамано, командовавший фортом Сан-Андреа, разделял отчаяние и унижение всех патриотов, понимавших неизбежность бесславного конца Светлейшей республики. Возможно, он даже обрадовался удобному случаю доказать, что в Венеции еще сохранились угольки того великого огня, который в прежние дни составлял ее славу. К тому же приказы Совета десяти обязывали Доменико воспрепятствовать заходу вооруженных судов в порт.

Когда доложили о появлении неизвестных кораблей, Доменико немедленно направился на укрепления.

Корабли не подняли флагов, но явно были не венецианскими. К тому же, как бы ни обстояло дело с двумя кораблями сопровождения, «Освободитель» был серьезно вооружен.

Доменико моментально принял решение. Он приказал выпустить два ядра в качестве предупреждения, преграждая путь судам.

Для люггеров этого было достаточно. Они развернулись и удалились от берега. Однако капитан Ложье продолжал следовать прежним курсом, подлив французский трехцветный флаг.

Теперь Доменико благодарил Бога, что ему, как и мученикам в Вероне, выпала возможность постоять за венецианскую честь. Он открыл прицельный огонь по кораблю. «Освободитель» отвечал выстрелами, пока, пораженный ядром ниже ватерлинии, не выбросился на мель, чтобы не затонуть.

На двух снаряженных орудиями баркасах Доменико бросился на штурм «Освободителя», сопровождаемый галиотом¹⁰⁶ под командованием капитана Висковича с ротой славянских солдат на борту.

Они взяли французский корабль на abordаж и после короткой горячей схватки, в которой Ложье был убит, захватили фрегат.

Среди судовых документов Доменико обнаружил многочисленные свидетельства связи между Ложье и французскими резидентами в Венеции. Все документы он передал Совету десяти, чтобы против шпионов были предприняты необходимые действия. Но на следующее утро по строжайшему приказу Лальмана все агенты укрылись в посольстве.

На следующий после боя день Доменико получил приказ предстать перед Советом десяти. Его встретили с восторгом, официально поблагодарили и просили с таким же усердием исполнять свои обязанности и впредь. Людям, участвовавшим в этом деле, Совет учредил денежную награду сверх месячной выплаты.

В глазах самого Доменико его действия не были великим подвигом. Но в глазах венецианцев, задетых наглостью французов, он оказался героем дня, что очень печалило его, поскольку лишь показало, что Венеция вряд ли когда-нибудь еще раз услышит грозный рык льва Святого Марка, некогда столь могучего и гордого.

ПОСЛЕДНЯЯ КАРТА ВЕНДРАМИНА

Неделя, последовавшая за событием в Лидо, была беспокойной. Венеция наполнилась тревожными слухами, и теперь днем и ночью ее патрулировали вооруженные отряды. Солдаты, первоначально собранные сюда для защиты государства, ныне подавляли беспорядки средивоенравных горожан. Лев Святого Марка прижался к земле в ожидании удара кнута.

В доме Пиццамано, несмотря на гордость за бесстрашие Доменико, проявленное им при исполнении своего долга, это была неделя траура: граф понял, что Республика при смерти и часы ее сочтены.

Видя его мрачное настроение, Вендрамин не решался напомнить ему, что Пасха уже наступила, а дата свадьбы остается неопределенной. Он колебался еще больше, потому что события лишили его свойственной ему настойчивости: он потерял свое политическое влияние в среде барнаботти, в результате чего его надежды на брак с Изоттой быстро таяли. Его бесил недостаток собственной предусмотрительности. Ему следовало безжалостно отметить все сомнения, пока в его власти было диктовать условия, а он был деликатен до глупости и слишком доверчив. А что, если упрямый граф и холодная, надменная его дочь теперь откажутся оплатить подписанный ими вексель?

Эта мысль терзала его гораздо больше, чем боязнь ареста. Вдобавок Вендрамин никогда так не страдал от безденежья, поскольку доверие к нему со стороны кредиторов было окончательно подорвано. Он не мог позволить себе таких расходов, как в прежние времена, когда его содержала предательница-виконтесса, неограниченно ссужавшая Леонардо деньгами, к его же гибели. И в казино никогда не вернуть ему прежнего престижа из-за того удара шпагой на дуэли, полученного от мистера Мелвила. Сегодня никто не одолжил бы Вендрамину даже цехина. В отчаянии он втайне отправился к Лальману с перечнем предлагаемых услуг, но посол не очень вежливо указал ему на дверь. Вендрамин заложил или продал большинство своих драгоценностей, и теперь у него почти ничего не оставалось, кроме великолепной одежды. Положение было безвыходным, и он не знал, что его ждет, если Пиццамано не сдержат слово.

Неопределенность становилась невыносимой. Несмотря на то, что настойчивость в сугубо личном деле могла вызвать негодование в грозные для страны времена, никакие сомнения уже не могли удержать Вендрамина.

Поэтому-то по окончании пасхальной недели он отправился на поиски Изотты и застал ее на лоджии, выходящей в сад, где все вновь зазеленело, воздух уже наполнился нежными ароматами, а ранние розы выпустили бутоны навстречу теплым лучам солнца.

Изотта приняла его с той холодной любезностью, которая всегда раздражала его даже больше, чем открытая неприязнь. С неприязнью он мог бороться, а равнодушные заставляло его опустить руки.

Слегка склонившись, высокий и статный, опершись на перила лоджии и придав своему звучному голосу тон просителя, он напомнил ей, что уже больше недели прошло с той Пасхи, в которую она обещала ему счастье назначить день их свадьбы.

Изотта не проявила и тени нервозности, лишь посмотрела на него в упор глазами, полными меланхолии.

— Если бы я сказала вам, Леонардо, что намереваюсь постричься в монахини, вы бы противились такому желанию?

Понадобилось какое-то время, чтобы понять значение ее слов, после чего он вспылал:

— Был бы я мужчиной, если бы не воспротивился? Вы с ума сошли, Изотта!

— Разве разочарование в земном существовании — это сумасшествие? Для меня это значит осознать суетность мира. Сосредоточить все надежды на будущей жизни.

— Для такой, как вы, это не меньше, чем сумасшествие. Оставьте это женщинам убогим, безобразным или немощным. Пусть им достанется хоть это утешение за великолепие жизни, в котором им отказано. Сумасшедшая или здравомыслящая, вы должны помнить, что предназначены совсем не для такой жизни.

— Но разве посвящение себя Богу не превышает любого предназначения человека?

Вендрамин подавил закипавшую в нем ярость: сколько сил отдано в погоне за удачей, которая теперь, как он почувствовал, опять ускользает от него.

— Допустит ли Бог посвящение, ставшее следствием заблуждения? Вы полагаете, что на Небесах не обладают чувством чести?

И тут он неожиданно задал ей еще один вопрос:

— Вы говорили своему отцу об этих безумных намерениях?

Изотта нахмурилась при явном намеке на скандал, который вполне способен устроить барнаботто.

— Я намерена сказать ему сегодня.

— Боже мой! Так вы серьезно утвердились в этом намерении, в этом... в этом мошенничестве? Силы небесные! И вы думаете, что граф одобрит ваш выбор? Ваш отец, слава Богу, человек чести, верный данному им слову. Не питайте иллюзий на этот счет, Изотта. Я добросовестно выполнил свою часть нашего договора, и он не посмеет обмануть меня с... с заслуженным вознаграждением.

Она отпрянула от него.

— Вы сочли бы наградой взять в жены не расположенную к вам девушку?

У Вендрамина было такое чувство, будто он бился головой о холодную твердую стену из вероломства и упорства. Ярость ослепила его, клокотала в груди, душила.

— Девушка! — молвил он хриплым голосом. — Это вы — девушка? Вы?

Изотта взглянула на него, удивленная таким выпадом, и он грубо, отвратительно захохотал ей в лицо:

— Вы даже настроены постричься в монахини? Вступить в мошеннический брак с Господом? О, я понимаю вас. Вы хотели бы обмануть меня сейчас таким же образом, как обманули раньше, когда солгали, убеждая меня в невинности своего визита в логово негодяя! Так ли просто будет вам убедить в этом вашего отца?

— Вы намерены рассказать ему?

Вендрамину показалось, что еще не все потеряно:

— Видит Бог — да, если вы не захотите выполнить обещания, данного мне.

Он думал этим сокрушить ее, но Изотта смотрела на него с прежним пугающим спокойствием.

— И такую вот развратную, лицемерную и лживую мошенницу вы по-прежнему желаете взять в жены ради приданого? Это поистине благоразумно!

— Смейтесь сколько угодно! Я заработал вас, и мне заплатят!

— Даже если вы оспариваете меня у Бога?

— Хоть у Бога, хоть у Дьявола!

— Позовите, пожалуйста, сюда моего отца и моего брата.

— Зачем? Что вы собираетесь сделать?

— Если вы их позовете, то сможете все раскрыть. Я буду разговаривать с вами только в присутствии моего отца.

Он гневно посмотрел на Изотту: какой неуступчивой и настойчивой она могла быть в своем спокойствии, которое ему никак не удавалось смутить.

— Помните, что я сказал! Вы предупреждены. Или вы исполните данное вами клятвенное обещание, или граф Пиццамано узнает, что его дочь распутница.

Впервые у нее вырвался возглас негодования:

— Вам не мешало бы вспомнить, что у меня есть брат!

Но эту угрозу он встретил презрительным смехом:

— Как же, помню! Героический Доменико! Вы пошлете его добиваться от меня удовлетворения за пятно на репутации сестры? А если он вдруг решит, что это дело совсем иного свойства, чем палить из пушек по французскому кораблю с безопасного расстояния? — Он выпрямился. — Пришлите вашего юного героя ко мне, пришлите! Вам, наверное, доводилось слышать, что я-то могу постоять за себя?

— Когда вас поддерживают три головореза? Да, об этом я слышала! Зовите наконец! Чем дольше вы медлите, тем большее отвращение я к вам испытываю. Судите сами, как эта беседа примиряет меня с нашей свадьбой.

— Ба! — отпарировал он. — Ваше лицемерие вызывает у меня тошноту! Вы пускаете его в ход, чтобы подкрепить свои лживые отговорки!

Произнося эту тираду, он направился вдоль лоджии, чтобы выполнить наконец ее требование, и обнаружил, что в этом уже нет необходимости. Граф Пиццамано и Доменико были уже в комнате рядом.

Увидев их, он вдруг испугался. Много ли они услышали? Что нужно рассказать им для объяснения?

Вендрамин оказался в положении, обычном для всякого шантажиста: он мог надеяться на успех лишь до тех пор, пока не сделано разоблачение, которым запугивают жертву. Так и здесь: страх Изотты перед разоблачением мог быть средством осуществления его желания, но само разоблачение, позорящее ее, не могло принести ему никакой пользы.

И теперь он стоял в некотором замешательстве перед строгим, требовательным взглядом графа.

Напряжение последних недель тяжело отразилось на графе Пиццамано: обычная предупредительность и любезность покинули его. Он прошел вперед, Доменико следовал за ним на шаг сзади. Так они дошли до порога лоджии. Граф начал подчеркнуто холодно и требовательно:

— Не знаю, Леонардо, когда слова, подобные тем, что я сейчас слышал от вас, произносились под этой крышей в последний раз. Полагаю, никогда. Расскажите ли вы мне о причинах, вызвавших выражения, столь лестные и уважительные по отношению к моей дочери и сыну?

— Относительно его угроз в мой адрес...— начал было Доменико, но поднятая рука отца заставила его замолчать.

Вендрамин не мог найти ничего лучшего, как начать с того момента разговора, который, как он надеялся, ни граф, ни Доменико не слышали.

— Я сожалею, если вы случайно уловили мои слова, господин граф. Но раз уж так случилось, вы должны стать судьей, имел ли я право горячиться. После проявленного мною терпения, после честного выполнения моей части договора Изотта пытается обманом уклониться от своего обязательства. Я призываю вас образумить свою дочь.

— Странно, что вы употребили слово «обман»,— сказал граф.— Ведь именно об этом я пришел побеседовать с вами. Доменико рассказал мне кое-что об обстоятельствах вашей дуэли с мессером Мелвиллом, о которых недавно узнал.

— Моя дуэль с Мелвиллом? — обеспокоился Вендрамин.— При чем тут моя дуэль с Мелвиллом? Это подождет. Давайте сначала уладим с выполнением договора. После этого я готов сколько угодно обсуждать с вами эту дуэль.

— Что? Вы взяли неподобающий тон.

Но Вендрамин был возбужден и раздражен безвыходностью своего положения.

— Извините, господин граф, но причиной тому — забота о моем праве, которое, кажется, в опасности.

— Ваше право?

— Вы еще спрашиваете? Как человек чести, граф, вы не можете колебаться там, где дали слово.

Граф язвительно улыбнулся:

— Ах! Теперь вы взываете к чести! Что ж, это своевременно. Ладно, ладно! Тогда, чтобы перейти к той дуэли...

— Силы небесные! — вскричал разъяренный Вендрамин. — Если вам надо узнать причины той дуэли, вы узнаете их...

Но граф не дал ему продолжить:

— Нет нужды. Об этом можно и после. Мы можем и не заходить столь далеко. А вот об обстоятельствах я желаю с вами поговорить.

— Об обстоятельствах? — не понял Вендрамин.

— Расскажите ему, Доменико.

Доменико не заставил себя ждать.

— В казино, которое вы столь часто посещаете, общеизвестно, что вы задолжали мистеру Мелвилу тысячу дукатов. Еще говорят, что, полагаясь на свои достоинства фехтовальщика, вы умышленно спровоцировали его, надеясь таким образом ликвидировать долг.

— Если вы скажете мне, кем рассказана эта отвратительная ложь...

— В казино дель-Леоне это было на устах у каждого, с кем я заводил речь о вашей дуэли.

— С кем же вы заводили речь о дуэли? В казино дель-Леоне? То есть вы отправились туда шпионить за мной?

— Навести справки. Удостовериться, что человек, который намеревается жениться на моей сестре, не совершил ничего предосудительного. Я узнал: мессер Мелвил обвинил вас в том, что вы объявили отвратительной ложью.

— Разве это делает обвинение справедливым? Факт состоит в том, если вам необходимо это знать, что трус прикрывался долгом. Он объявил о нем во всеуслышанье, чтобы отказаться от встречи со мной, пока я не заплачу: он был уверен, что я не смогу расплатиться.

— Тогда из самого факта вашей дуэли следует, что вы уплатили ему.

— Конечно. Что еще?

Внешне Вендрамин неистовствовал в праведном негодовании, но в душе испугался, уже предвидя развязку.

Доменико взглянул на своего отца с кривой усмешкой, после чего ответил:

— Ваша дуэль произошла через два дня после праздника Святого Теодора, не так ли?

— Возможно. Разве это важно?

— Я думаю, да. Не расскажете ли вы моему отцу, где раздобыли столь значительную сумму денег?

Вендрамин боялся такого прямого вопроса, но успел приготовить ответ. Он скрестил руки на груди, желая подчеркнуть полное самообладание.

— Понимаю,— произнес он с горечью.— Вы рассчитываете опорочить меня в глазах своей сестры, чтобы у нее сложилось предубеждение против меня. Пусть так. Да и имеет ли это значение теперь? Я получил деньги от дамы, от дамы, с которой, следовательно, очень дружен. Должен ли я назвать ее? Но почему бы нет? Я одолжил эти деньги у виконтессы де Сол.

Ответ Доменико сразил Вендрамина:

— Она говорила мне, что вы не получали от нее этих денег.

В полной растерянности Вендрамин развел сложенные на груди руки, и они безвольно упали по бокам. Он обвел взглядом поочередно Доменико, графа и Изотту, которые с непроницаемым видом наблюдали за ним. Наконец он обрел дар речи.

— Она сказала вам... Она так вам сказала? Вы спросили ее, и она так вам сказала?

Он запнулся и с внезапной яростью добавил:

— Она лжет!

Граф покачал головой.

— Получается, что она лжет, чтобы списать с вас долг в тысячу дукатов. Мне никогда не приходилось слышать более странной причины для фальши. Что ж, поверим вашим словам. Скажите мне вот что: знает ли эта дама, для какой цели она ссужала вам деньги?

— Я не знаю... Не помню...

— Тогда позвольте помочь вашей памяти,— с готовностью предложил Доменико.— Она не могла не знать, потому что была рядом, когда Марк Антуан выдвинул свое условие о выплате долга. Вы не станете отрицать этого?

— Нет, зачем же?

Ответить ему взялся граф:

— Если бы вы больше знали о виконтессе де Сол, вам было бы известно, что, для каких бы целей она ни ссужала вам деньги, она определенно не ссудила бы их, чтобы сделать возможной дуэль между вами и... между вами и мессером Мелвиллом. Ваша ложь подтверждает подозрения, к которым приводят сведения, добытые моим сыном.

— Ложь?! Это слово относится ко мне? Мне в лицо?

Тон графа стал сухим и презрительным:

— Я не знаю, какое еще слово относится к вам. Ваша дуэль с мессером Мелвиллом состоялась через два дня после праздника Святого Теодора. В день Святого Теодора вы пришли сюда ко мне с басней о том, что на нужды нашего патриотического дела вам требуется тысяча дукатов. Вы требовали их для раздачи некоторым из наиболее влиятельных барнаботти, чтобы обеспечить нам их голоса на заседании Большого совета, который должен был состояться в те дни. Что можно сказать человеку — венецианскому патрицию! — который может унизиться до столь отвратительного обмана?

Вендрамин в мольбе сложил руки:

— Не спешите выносить приговор! Подождите, пока не разберетесь в том, что служит мне оправданием...

— Ничто не может оправдать человека, если он занимается воровством и обманом, — прозвучало в ответ. — Я не буду слушать вас ни сейчас, ни когда-либо еще. Вот дверь — прошу вас оставить мой дом.

Но у Вендрамина еще оставалась крупная карта в игре — последняя карта, отделяющая его от гибели, нужды и долговой тюрьмы. Повсюду мгновенно разлетится молва о разрыве его брака с Изоттой Пиццамано, и кредиторы набросятся на него, словно коршуны на падаль.

Ему оставалось только проколоть пузырь распирающей их гордости, чтобы они были рады выдать Изотту даже за вора и лжеца, как они его называли.

Но в эту решающую минуту вмешалась судьба и не позволила ему использовать последний шанс.

— Вы думаете, что меня можно прогнать таким образом? — начал было Вендрамин, приняв театральную позу.

Доменико резко оборвал его:

— Слуги могут вышвырнуть вас, если вы предпочитаете уйти именно таким образом.

В этот момент дверь открылась и вошел лакей. Он пришел доложить о приезде майора Санфермо. Но, к их удивлению, майор немедленно появился сам вслед за докладом, не ожидая приглашения.

Он обнажил голову и почтительно поклонился графу, который был изумлен и, нахмурившись, взирал на него с непониманием, недовольный таким вторжением. Выпрямившись, майор, облаченный в красный костюм со стоячим воротником, официально обратился к Доменико:

— Капитан Пиццамано, я прибыл сюда, чтобы исполнить приказ Совета десяти о вашем аресте.

ГЕРОЙ ЛИДО

Этот приказ об аресте героя Лидо, который несколько дней назад принимал благодарности сената за свою храбрость, был одной из последних уступок, которую потребовали от умирающей Республики.

Причиной тому была бесхарактерность руководителей Венеции, которые, с одной стороны, превозносили патристическую преданность и верность долгу Доменико Пиццамано, а с другой — униженно приносили французскому главнокомандующему свои извинения за те действия, в которых выражалась эта верность.

Чтобы успокоить Бонапарта, были отправлены инструкции двум посланникам, которые уже находились в пути к генералу с покорным ответом сената на его ультиматум, представленный Жюно. Эти посланники нашли генерала в Пальмануове и испросили аудиенции. В ответ на просьбу они получили письмо, в котором Бонапарт назвал гибель Ложье предательским убийством и заявил, что революционеры воспринимают это как «событие, не имеющее аналогов в истории современных наций. Вы и ваш сенат забрызганы французской кровью!»

В конце письма было дано согласие принять их только в том случае, если им есть что сообщить о шагах, предпринятых по делу убийства Ложье.

Эти два делегата, представители старых патрицианских династий, смиренно предстали перед молодым и несдержанным генералом, который командовал Итальянской армией.

Они увидели худого молодого маленького человека, выглядевшего чрезвычайно утомленным. Его черные сплывшиеся волосы свисали и путались на выпуклом бледном лбу, а горевшие гневом глаза пристально и жестко рассматривали вошедших.

Бонапарт грубо оборвал традиционное приветствие, в котором один из прибывших пытался выразить дружеские чувства Венеции. Генерал обрушился с пылкой обличительной речью на вероломство Светлейшей республики: французская кровь пролита, армия требует возмездия!

Он непрестанно рассказывал по комнате, выкрикивая свою речь с корсиканским акцентом, все больше распаляясь не то в действительности, не то притворно, и энергично жестикулируя руками.

Коснувшись «жестокости убийства» Лодж, Бонапарт потребовал арестовать и передать ему офицера, приказавшего открыть огонь по «Освободителю Италии». Затем последовало требование о немедленном освобождении всех, кто был заключен в венецианские тюрьмы за политические преступления, среди которых, как ему было известно, немалую часть составляли французы. На напыщенном театральном жаргоне, принятом в среде политиков его страны, он призвал души убитых солдат объявить о мести. Кульминацией его тирады стало объявление им своих намерений:

— У меня не будет ни инквизиторов, ни сената! Я буду Аттилой¹⁰⁷ для государства Венецианского!

Обо всем этом рассказывалось в отчете, доставленном посланниками в Венецию.

В это же время Вилльтар вернулся с письмом от Бонапарта Лальману, в котором французскому послу было приказано выехать, оставив Вилльтара в качестве поверенного в делах.

«В Венеции пролилась французская кровь,— писал генерал,— а вы все еще там. Вы ждете, когда вас вышибут? Напишите короткую записку, соответствующую обстоятельствам, и немедленно оставьте город».

Отчет посланников Венеции был столь ужасающим, а уверенность в скором объявлении войны столь очевидной, что Совет десяти, не теряя времени, согласился с этими требованиями непримиримого республиканца.

Политическим заключенным тюрьмы для особых преступников была возвращена свобода, государственные инквизиторы были арестованы, а на долю майора Санфермо выпало привести в исполнение приказ о заключении под стражу человека по имени Доменико Пиццамано.

Для графа Пиццамано, который не присутствовал на заседании Совета десяти, когда был принят декрет об этих мерах, арест сына стал жесточайшим испытанием. Когда майор Санфермо сообщил, что, насколько он понял, этот приказ явился результатом требования французского главнокомандующего, граф уже не сомневался, что жизнь Доменико потеряна, что его сын должен стать козлом отпущения за трусость и слабость правительства.

Он стоял пораженный, трясущийся, смутно осознавая, что рядом оказалась Изотта, вцепившаяся в его руку. Затем, овладев собой, он огляделся вокруг, и взгляд его упал на Вендрамина, стоявшего в недоумении, ошеломленного препятствием, возникшим на его пути.

— Чего вы ждете? — спросил его граф.

И Вендрамин, подавленный и осознавший, что потерял все, не смог воспользоваться даже последней отчаянной попыткой спастись из-за молнии, столь неожиданно ударившей в этот дом, молча выбежал прочь, не скрывая своей ярости. В глубине души он горел злобным намерением вернуться и швырнуть пригоршню грязи в гербовый щит этих гордых Пиццамано, которые, как он считал, бесчестно обманули его.

Доменико подождал, пока он выйдет, а затем спокойно обратился к офицеру:

— Если вы позволите нам минутку поговорить с отцом, майор, я тут же буду к вашим услугам.

Но Санфермо, чей вид был мрачен, удивил их.

— Теперь, когда мы остались одни, я могу высказаться. Вряд ли следовало делать это при Вендрамине: я не испытываю к нему доверия. Мои нынешние обязанности, скажу вам честно, в высшей степени отвратительны для меня. Получив такой приказ, я подумал, не сломать ли мне свою шпагу, чтобы швырнуть ее вместе с моей должностью к ногам дожа. Но... — пожал он плечами. — Это место займут другие.

Далее Санфермо продолжал уже иным тоном:

— Господин граф, звучит траурный звон по Венеции. Послы, вернувшиеся от Бонапарта, привезли требование о смещении патрицианского правительства, выдвинутое в качестве необходимого условия предотвращения войны. Бонапарт стремится установить в Венеции якобинскую демократию. Льва Святого Марка низвергнут с пьедестала, а на Пьяцце посадят Дерево свободы.

— Демократия! — воскликнул граф с горем и презрением в голосе. — «Правительство народа»! Правительство из тех, кто составляет отбросы общества. Управление простолудинами, низшими элементами. Поистине, отрицание всего, что представляет собой государство. Это для Венеции даже хуже, чем стать австрийской провинцией.

— Кажется, так и будет. Демократическое правительство — только шаг к этому, уловка. Вести из Клагенфурта говорят о том, что Любенский договор о мире¹⁰⁸ предусматривает передачу венецианских территорий Австрии в обмен на Ломбардию. Здесь уже ничего не изменишь.

Он помолчал и, инстинктивно понизив голос, более откровенно выразил свое намерение.

— Из Вероны пришло сообщение, что истинные патриоты, стремившиеся отстоять честь Венеции, расстреляны французами. Честный венецианец не может допустить, чтобы капитану Пиццамано тоже была отведена роль мученика.

Майор повернулся к Доменико.

— Вот почему я намеренно пришел произвести ваш арест один, не взяв с собою людей. Я скажу, что вы не дали себя арестовать. Гондола доставит вас до Сан-Джорджо-ин-Алга, где стоят галеры вашего друга адмирала Коррера. На одной из них вы сможете добраться до Триеста и направиться в Вену.

Когда они оправились от изумления, вызванного проявлением такого великодушия, возглас облегчения вырвался у графа, благословившего верного друга и честного венецианца.

Но Доменико возразил:

— Но подумали ли вы о последствиях? О последствиях для Венеции? И по-видимому, для вас, майор Санфермо? Мой арест — политическая мера, неотъемлемая часть требований французского командующего, одно из условий того, что он не направит свои орудия на Венецию. Разве допустимо, чтобы майора Санфермо французы расстреляли вместо меня в наказание за невыполнение распоряжения взять меня под стражу?

— У меня все-таки есть шанс, — сказал Санфермо, громко и беззаботно рассмеявшись. — В конце концов, есть еще надежда. Но для вас, капитан Пиццамано, говорю вам честно, надежды нет никакой, если я вас арестую.

Но Доменико покачал головой:

— Даже если бы я мог воспользоваться вашим великодушием, я был бы обязан учесть и другие последствия, а именно, что французские банды могут обрушиться на Венецию, используя мое бегство как предлог. — С этими словами Доменико отстегнул свою шпагу. — Восхищен вашим поступком и благодарен всем сердцем, но не могу воспользоваться вашим великодушием. Вот моя шпага, мессер.

Граф стоял с посеревшим лицом, но сохранял самообладание, к чему его обязывали происхождение и честь. Дрожащая Изотта сжала его руку.

Доменико подошел к ним.

— Если Венеция требует от вас жертвы сына, то ведь жертва — это единственное, что делает нам честь. И я могу

благодарить Бога, милосердно позволившего мне напоследок содействовать избавлению нашего дома от необходимости принести в жертву также и дочь.

Не в силах произнести хоть слово, граф заключил сына в объятия.

Глава XXXVI

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Государственные инквизиторы, которые прежде отдавали на заклание львам любую затребованную у них жертву, ныне сами были арестованы по приказу дожа и Совета десяти и заключены в монастырь Сан-Джорджо Маджоре. Тот же указ, выпущенный в ответ на щелканье французского хлыста, распахнул двери тюрем перед теми, чья судьба до этого момента находилась в руках Тройки.

Для многих из них освобождение было подобно внезапному переходу из черной тьмы к яркому свету дня, который, слепя их, делал беззащитными и неуверенными. Такое чувство испытывал и Марк Антуан.

Уже в сумерках, спускаясь вместе с другими по лестнице Гигантов к выходу, он заметил два артиллерийских орудия. Но затем вокруг него закружил водоворот бурлящей, любопытной, горластой толпы на Пьяцетте, и он минуту стоял в нерешительности, не зная, куда направиться.

Прежде всего ему надо было сориентироваться в ситуации: разобраться в событиях, происшедших за недели его заключения, когда он оказался оторванным от всего мира. Орудия у выхода Дворца дождей и двойная шеренга вооруженных солдат, вытянувшаяся вдоль всего периметра дворца, ясно свидетельствовали о каких-то переменах.

После недолгих колебаний Марк Антуан заключил, что единственным местом, где можно раздобыть все сведения, был дом Пиццамано. Он сознавал то, как сейчас выглядел — небритое лицо, несвежее белье, — но решил, что не время придавать этому значение. Впрочем, он был признателен сумеркам, милосердно скрывавшим все недостатки. В его карманах оставалось еще немного денег, большую часть которых тюремщик уже выудил у него за разные услуги.

Он проложил себе дорогу сквозь плотную толпу и, окликнув гондолу со ступеней Пьяцетты, понесся к Сан-Даниэле.

Прошло лишь несколько часов после того, как был арестован Доменико, когда Марк Антуан вошел в скорбящий дом Пиццамано. Он ощутил гнетущую атмосферу горя, едва только поднялся по широким мраморным ступеням в величественный вестибюль, где, хотя ночь уже наступила, слуга только разжигал огонь в огромном золоченом корабельном фонаре, освещавшем это просторное помещение.

Слуга безразлично посмотрел на Марка Антуана, не сразу признав блестящего кавалера в столь затрапезном облиции, затем поручил своему помощнику, столь же печальному, как и он сам, проводить Мелвила в гостиную.

Лакеи наверху двигались молча и бесшумно, словно в доме умершего.

Встревоженный и удивленный, Марк Антуан недолго ждал, окруженный блеском залитого мягким светом свечей салона, куда к нему вышел бледный, угрюмый, изможденный граф.

— Я рад видеть вас наконец свободным, Марк! Такого условия, за которое вы должны благодарить французов, — приветствовал его Пиццамано и с горечью добавил: — Правители той Венеции, ради которой вы столь энергично трудились, никогда не отнеслись бы к вам так великодушно. Они по-другому относятся к тем, кто им верно служит. Вот и Доменико отправился за наградой, которой удостоена его преданная служба, на остров Мурано, в тюрьму крепости Сан-Микеле¹⁰⁹.

— Доменико?! — испугался Марк Антуан. — Но почему?

— Чтобы встать перед солдатами, которые получат вскоре приказ его расстрелять.

— Но что же он сделал?!

— Он имел безрассудство выполнить приказ правительства, которому служил, и открыл огонь по французскому военному кораблю, стремившемуся войти в порт Лидо. Французы потребовали его голову во искупление, и храбрый Манин немедленно швырнул ее им.

С немим сочувствием горю и гневу графа Марк Антуан взглянул в его усталые, покрасневшие глаза.

Граф предложил ему сесть и, тяжело волоча ноги, бросился, обессиленный и измученный, почти упал в кресло. Марк Антуан остался стоять.

— Несчастливая мать почти обезумела, и Изотта немногим лучше. Я хвастал, что готов без малейшего колебания отказаться от всего ради Республики. Не думайте, что я хвастал больше, чем мог выполнить. Чтобы спасти Венецию, я отдал бы и сына, и дочь, и жизнь, и богатство. Но это... Это совершенно напрасная и бесполезная жертва, которая никогда не входила в мои планы.

Он уронил голову на руки со слабым стоном бессилия и горя, а Марк Антуан поник головой. Воцарилось молчание. Затем, резко поднявшись, граф Пиццамано заговорил вновь:

— Простите меня, Марк. Я не вправе беспокоить вас всем этим.

— Мой дорогой граф! Неужели вы думаете, что я не разделяю вашу печаль? Вы забыли, что я тоже люблю Доменико?

— Спасибо, друг мой! Теперь, когда вы свободны, скажите, чем я могу помочь вам, если, конечно, в моих силах помочь кому-нибудь. Наступила печальная развязка, и ничто не удерживает вас в Венеции. Пожалуй, вам даже небезопасно медлить с отъездом.

Марк Антуан, о чем-то размышляя, машинально ответил:

— Это, несомненно, так, раз французы уже идут. Никому не пойдет на пользу, если меня расстреляют.

— Я слышал этим утром, что в Пуле стоит английская эскадра,— сказал граф.— А наш адмирал Коррер находится в Сан-Джорджо-ин-Алга и по моему распоряжению отправит вас туда на самой быстрой из своих галер.

В то же мгновение взгляд Марка Антуана блеснул воодушевлением. Еще с минуту он стоял, погруженный в раздумья, обхватив рукой подбородок. Затем наконец устроился в кресле и попросил графа рассказать вкратце обо всем, что произошло за последние недели. Пиццамано удовлетворил его любопытство и говорил долго, потому что Марк Антуан то и дело вмешивался в рассказ с вопросами о тех или иных подробностях.

Через полчаса Марк Антуан встал из кресла, теперь уже полностью осведомленный о всех событиях последних недель.

Граф поднялся вместе с ним и вздохнул:

— Попробуйте найти во всей истории более прискорбную страницу!

Затем, предупреждая вопрос, который Марк Антуан более всего хотел задать, граф заговорил об Изотте.

— Пусть рушится все, но, по крайней мере, я могу благодарить Бога, что моя дочь избавлена от брака с этим бесчестным негодяем.

Глаза Марка Антуана радостно вспыхнули, но вслух он высказал лишь замечание, отнюдь не отражавшее его душевного подъема:

— Вот как! Вы разобрались в нем?

Он не стал углубляться в детали. В данную минуту уже сам этот факт удовлетворял его. Голос Марка Антуана дрогнул:

— В таком случае еще может оказаться, что моя поездка в Венецию будет не совсем бесполезной.

Он продолжил, не давая графу вставить даже слово:

— Возможно, ваш сын еще будет спасен, и тогда я смогу взять его с собой на эти британские корабли в Пуле.

Граф широко открыл глаза от неожиданности.

— Взять Доменико? Вы с ума сошли!

— Возможно. Но разве вы не замечали, что сумасшедшие часто в этом мире одерживают победу?

Он протянул руку на прощание.

— Если я не подведу вас, вы очень скоро получите от меня известие.

— Подведете? Но что вы задумали?

Марк Антуан улыбнулся.

— Отложите ваше отчаяние на завтра до этого же часа, дорогой граф. Если вы не увидите меня в это время, можете оплакивать Марка Антуана вместе с Доменико. Вот пока и все. Бесполезно говорить о том, что, может быть, никогда не свершится. Я отправляюсь разобраться в том, что можно предпринять.

Он быстро вышел.

Получасом позже Баттиста, хозяин гостиницы «Шпаги», удивленно взирал на потрепанную небритую личность, которая вдруг заявила к нему и потребовала Филибера.

— Пресвятая Дева! — воскликнул наконец маленький человек. — Это же наш англичанин вернулся с того света!

— Вовсе не из такой дали, Баттиста. Где мой плут и где мои вещи?

И то и другое было предоставлено. Филибер продолжал все это время служить при гостинице. Увидев

хозяина живым и невредимым, он едва не упал на колени в пылу благодарностей, посылаемых Небесам. Марк Антуан торопливо оборвал эти восторги и прошел с Филибером в свои прежние комнаты, которые оставались незанятыми.

К исходу часа с ним произошла очередная метаморфоза. Выбритый, с аккуратно уложенной прической, он обрел облик якобинца, насколько позволял его гардероб: штаны из оленьей кожи и ботфорты, длинный коричневый редингот с серебряными пуговицами, белый шарф, весьма нарядный и броский, и коническая шляпа, на которую, словно в противоречие всему остальному, он прицепил желто-голубую венецианскую кокарду.

Из оружия Марк Антуан положил в каждый из просторных карманов своего долгополого костюма по пистолету.

Гондола, рассекавшая густую темноту ночи, неслась сквозь нежное благоухание ароматов теплого мая. В черной, кажущейся маслянистой воде каналов мерцали отблески освещенных окон. Марк Антуан добрался до Мадонна-делль'Орто, откуда по узкой аллее, где два месяца назад едва не лишился жизни, прошел к французской миссии.

Глава XXXVII

ПРИКАЗ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ

Привратник дворца делла Веккья, пораженный неожиданным воскресением Марка Антуана, в свою очередь, озадачил прибывшего сообщением, что гражданина Лальмана уже нет в миссии. Марк Антуан не сразу пришел в себя, когда услышал, что обязанности посла исполняет гражданин Вилльтар. У него были основания полагать, что Вилльтар, ставленник Бонапарта, окажет ему более жесткий прием, чем Лальман.

Поэтому, когда вскоре под изумленными взорами поверенного в делах и секретаря Жакоба, которые работали в этот час вместе, он прошел, не снимая шляпы, в комнату, ранее принадлежавшую Лальману, вид его выражал всю агрессивность якобинского деятеля, какую только он смог напустить на себя.

Пораженный Вилльтар выскочил навстречу из-за стола. — Лебелы! Где, черт возьми, вы были эти недели?

Никакой иной вопрос не мог бы так вдохновить Марка Антуана: здесь не знали о его аресте. Он отмел последние сомнения, решив, что единственная опасность, с которой он мог столкнуться в посольстве, отсутствует.

Лже-Лебель холодно взглянул на спросившего и отвел взгляд, словно вопрос был слишком дерзким.

— Разумеется, там, где мне было необходимо быть,— сухо ответил он.

— Где вам было необходимо быть! А вы не подумали, что нужны были здесь?

Вильтар бросился открывать сумку для официальных бумаг и извлек пачку депеш.

— Взгляните на эти письма, пришедшие к вам из Директории и ожидающие вашего внимания. Лальман говорил мне, что вас не видели с того самого дня, когда я отбыл в Клагенфурт. Он начал даже опасаться, что вас убили.— Вильтар недовольным жестом бросил пачку на стол перед Марком Антуаном.

— Вы объяснитесь?

Марк Антуан вяло пересчитал письма. Их было пять, все были запечатаны и все адресованы гражданину уполномоченному представителю Камилю Лебелю. При последних словах француза его брови высоко взметнулись, а холодные глаза взглянули на Вильтара в упор.

— Мне объясниться? Кому вы это говорите, Вильтар?

— А, проклятье! Думаю, вы слишком заважничали.

— Назначение на пост поверенного в делах, кажется, вскружило вам голову. Я спросил вас только что, с кем, по-вашему, вы разговариваете? Был бы рад услышать ответ.

— Тысяча чертей! Я знаю, с кем разговариваю!

— Рад слышать это. Я бы удивился, если бы мне пришлось показывать свои бумаги, чтобы напомнить вам, что в Венеции я — полномочный представитель Директории французской республики.

Испугавшись, наглец изменил тон и перешел к мягкой настойчивости:

— И все-таки, Лебель, что же это за необходимость?

— Вот чему я удивляюсь: почему мне необходимо напоминать вам, что я здесь для того, чтобы отдавать приказы, а не получать их?

— Отдавать приказы?

— При необходимости. Кстати, ради этого я сейчас и пришел.

Марк Антуан огляделся в поисках стула, пододвинул один из них к столу и сел, закинув ногу на ногу.

— Садитесь, Вилльтар.

Тот машинально подчинился ему.

Марк Антуан взял из пачки одно из писем, сломал печать и развернул лист. Прочитав, он прокомментировал:

— Баррас запоздал. Здесь он приказывает мне сделать то, что уже сделано.

Затем вскрыл второе письмо и пробежал его глазами.

— Те же самые инструкции. Ей-ей, они, должно быть, капризничают в Париже в выборе предлога для объявления войны. Я уже говорил Лальману, что в качестве предлога считаю достаточным вновь использовать дело бывшего графа де Прованс. Надо сказать, что я придаю важное значение этому предлогу. Мы становимся так сентиментальны, словно представляем напыщенный аристократический режим. Мы чрезвычайно предупредительно относимся к мнению деспотов, которые продолжают править в Европе. К черту всех деспотов, говорю я. Когда я умру, Вилльтар, это чувство будет запечатлено в моем сердце.

Так он говорил, пока вскрывал одно за другим остальные письма. Но вдруг Марк Антуан нашел нечто, заставившее его на мгновение умолкнуть. Затем, фыркнув от удовлетворения, он прочитал вслух отрывок, который привлек его внимание:

«Генерал Бонапарт склонен к неосмотрительным и своевольным действиям. В этом деле о поводе для объявления войны вы увидите, что его нетерпение нужно сдерживать, и вы должны позаботиться, чтобы не было непродуманных поступков. Все следует сделать в корректной форме. Для этого вам надлежит — при необходимости — использовать власть, которой вас наделили».

Прочитав, он сложил это письмо вместе с остальными и засунул сверток во внутренний нагрудный карман, чтобы Вилльтар не смог ознакомиться с этим письмом, ибо отрывок, который вслух зачитал Марк Антуан, был в значительной мере приукрашен его собственными импровизациями.

— Там нет ничего,— прокомментировал Марк Антуан,— что оправдало бы ваше волнение. Они не говорят мне ничего, чего бы я не знал, и не дают мне указаний, которые бы я не выполнил к этому времени.

Он посмотрел на Вилльтара в упор и сардонически усмехнулся:

— Вы желаете знать, где я был, да?

Под впечатлением услышанного Вилльтар, даже не обращая внимания на явную насмешку, поспешил уверить его:

— О, но если важное дело...

Жакоб делал вид, будто с головой ушел в бумаги, разложенные перед ним.

В словах Марка Антуана убаиилось высокомерия, но усилился сарказм:

— Как уполномоченный Директории, я занимался тем, что вы сочли ниже своего достоинства: выполнением функций агента-provokatora. Если быть более точным, я был с моим другом, капитаном Пиццамано в форте Сан-Андреа. Теперь, по-видимому, вы понимаете, как случилось, что один из этих венецианских офицеров имел безрассудство открыть огонь по французскому военному кораблю.

Вилльтар подался вперед, округлив глаза.

— Боже мой! — только и произнес он.

— Именно так. Как агент-provokator, я имею полное право считать, что добился успеха.

Вилльтар стукнул кулаком по столу.

— Это же все объясняет! Когда это произошло, мне было трудно поверить. Казалось невозможным, чтобы кто-либо из этих изнеженных аристократов взял на себя такую смелость. Но зачем лишние потери, когда восстание Вероны дало нам в руки тот предлог для объявления войны, который был необходим?

— Да! Но предлоги вряд ли могут быть излишне многочисленными. Кроме того, известия о событиях в Вероне не достигли форта Сан-Андреа, когда «Освободитель Италии» предоставил наконец мне шанс, которого я ждал. Я дергал за нити, а Пиццамано плясал подобно марионетке, в результате чего теперь сложилось совершенно законное состояние войны.

— И вы сделали это? — Вилльтар растерялся от удивления.

— Я сделал это. Но я не хочу, чтобы Венеция отделалась легким испугом, пожертвовав одним лишь козлом отпущения, Вилльтар.

— То есть?

— Я оставил важную работу, чтобы прийти сюда этой ночью и спросить вас, какой болван виновен в приказе об аресте Пиццамано?

— Болван?! — наконец-то привычная презрительная усмешка вернулась на лицо Вилльтара. — Вероятно, вы подберете несколько иное выражение, когда я скажу вам, что приказ исходит от генерала Бонапарта?

Но на Марка Антуана это не произвело впечатления.

— Болван есть болван, командует он Итальянской армией или сжигает уголь в арденнских лесах. Генерал Бонапарт проявил себя великим полководцем, величайшим полководцем Европы на сей день...

— Ваша похвала ободрит его.

— Надеюсь! Но меня не ободряет ваш сарказм, и мне не нравится, когда меня перебивают. Генерал Бонапарт может быть гением в военных делах, но это — не военное дело. Это — дело политическое! Исключительно политическое! Политически арест капитана Пиццамано — грубый просчет первой величины. Когда я делал его героем, у меня не было планов сделать его к тому же и мучеником. Для нас нет необходимости в его аресте, это даже может навредить, поскольку вызовет здесь серьезные волнения.

— Кого это волнует? — спросил Вилльтар.

— Каждого, у кого сохранилась хоть капля разума. Мне выпало быть одним из них. Подозреваю, что члены Директории тоже встревожатся. Очень сильно встревожатся. Глупо вызывать волнения, которых можно избежать. Поэтому, Вилльтар, вы должны будете немедленно издать приказ об освобождении капитана Пиццамано.

— Освободить капитана Пиццамано! — Вилльтар был потрясен. — Освободить убийцу французов?

Марк Антуан подчеркнуто пренебрежительно махнул рукой.

— Оставьте этот жаргон для официальных речей. Между мною и вами это не произведет впечатления. Я требую немедленного и безусловного освобождения этого человека.

— Вы требуете его освобождения? А Бонапарт требует его ареста! Вот занятный конфликт великих сил. Вы бросите вызов маленькому капралу?

— Как уполномоченный представитель Директории, в целях осуществления мер, которые от меня, я уверен, потребует Директория, я брошу вызов самому дьяволу, Вилльтар, и не побоюсь этого!

Поверенный в делах устался на него еще более тяжелым взглядом, чем прежде. Наконец, он пожал плечами и издал некое фырканье.

— В таком случае, клянусь честью, вам лучше самому издать такой приказ.

— Я бы уже так и сделал, если бы мою подпись признавало венецианское правительство. К несчастью, я аккредитован только здесь, в миссии. Мы теряем время впустую, Вилльтар.

— Мы будем терять его до тех пор, пока вы будете требовать чего-либо столь же нелепого. Я не посмею отдать такой приказ. Я буду отвечать за это перед Бонапартом.

— Если вы не отдадите его, вам придется отвечать за неповиновение перед Директорами их уполномоченному, а для вас это может оказаться даже более серьезным.

Они смотрели друг на друга: Марк Антуан — с выражением некой веселости, Вилльтар — с мрачностью человека, оказавшегося в безвыходном положении.

Жакоб из-под бровей с интересом наблюдал эту психологическую дуэль, стараясь ничем не выдать своего присутствия.

Наконец поверенный в делах оттолкнул стул и поднялся:

— Это бесполезно. Я не сделаю этого. Говорю вам, я не смею. Бонапарт способен укоротить меня на голову.

— Что? Даже если это делается по моему приказу? С учетом моих полномочий? Вы спятили?

— Спасут ли меня ваша власть и ваши полномочия от Бонапарта?

— Вы постоянно будете тыкать своего Бонапарта мне в зубы? — Марк Антуан тоже вскочил в нетерпении и гневе. — Вы признаете за мной голос французского правительства или нет?

Перепуганный Вилльтар был в отчаянии. Он сжал кулаки, стиснул зубы и наконец отступил.

— Прикажите мне в письменной форме, — потребовал он.

— В письменной форме? Почему бы нет? Гражданин Жакоб, будьте добры написать для меня.

И он продиктовал:

«От имени Директории Французской Республики я приказываю Шарлю Вилльтару, поверенному в делах Франции в Венеции, сейчас же издать приказ дожу и сенату Светлейшей республики о немедленном и безусловном освобождении капитана Пиццамано, в настоящее время содержащегося в крепости Сен-Микеле».

Он взял со стола перо.

— Поставьте дату, и я подпишу приказ,— распорядился Марк Антуан.

Скрип пера Жакоба прекратился. Он поднялся и положил документ перед Марком Антуаном. Марк Антуан быстро поставил в конце листа безупречно отработанную в результате долгих тренировок подпись Лебеля и указал полномочия:

«Камиль Лебель, уполномоченный представитель Директории Французской Республики, единой и неделимой».

С оттенком пренебрежения он вручил документ Вильтару:

— Вот ваше прикрытие!

Вильтар нахмурился; он стоял в нерешительности, покусывая губу, и наконец пожал плечами в мрачном смирении.

— Так тому и быть,— сказал он.— Ответственность лежит на вас. Утром я отправлю приказ в сенат.

Но это не устраивало Марка Антуана.

— Вы передадите его мне сейчас же, едва он будет написан. Я хочу забрать капитана Пиццамано из тюрьмы прежде, чем венецианцам станет известно, что его туда поместили. Не следует забывать, что для венецианцев он — герой Лидо. Я не желаю давать повод для волнений, которые могут последовать за известием о его аресте.

Вильтар плюхнулся в свое кресло, схватил перо и быстро написал приказ, подписал его и поставил печать посольства. Посыпав лист порошком, он протянул оформленный документ Марку Антуану.

— Не хотел бы я оказаться в ваших туфлях ¹¹⁰, когда маленькому капралу станет известно об этом.

— Ах! И все-таки, дорогой мой Вильтар, это довольно прочные туфли, скроенные по модели Директории. Думаю, они выдержат мой вес, если я буду ходить аккуратно.

Глава XXXVIII

РАЗОБЛАЧЕНИЕ

Маленькая дама, называвшая себя виконтессой де Сол, чувствовала себя брошенной и несчастной.

Каким бы досадным ни было для Лальмана исчезновение мистера Мелвила и поступление в миссию все новых невостребованных писем, адресованных Лебелю Директорией, для нее оно было источником гораздо более глубо-

кого беспокойства. Ее постоянно преследовал страх при мысли, что он вновь, но на сей раз окончательно, пал жертвой Вендрамина. Сама она не могла ничего разузнать, потому что Вендрамин из-за опасений, возникших после случившегося, держался теперь на расстоянии. К тому же его кошелек истощился, и, не имея способов пополнить его, он уже не мог появляться в казино, которые прежде часто посещал.

Она дожимала Лальмана требованиями прижать Вендрамина к стене, но посол, чувствуя, что соответствующие меры могут привести к серьезной компрометации мнимого Лебеля, был обречен на бездействие.

Для виконтессы стало обыкновением ежедневное посещение миссии в ожидании хоть каких-то известий об исчезнувшем Мелвиле. Следуя этому обыкновению, она пришла к Вильтару наутро после визита Марка Антуана.

Поверенный в делах сидел в кабинете один и пребывал в отвратительном настроении. Его тревожил ход событий, связанных с Пиццамано. В отличие от Лебеля Вильтар не располагал мандатом правительства. Он был ставленником Бонапарта. И насколько он знал маленького корсиканского полководца, тот не утруждал себя кропотливым расследованием причин, когда его приказы не исполнялись. Проведя ночь в размышлениях об отданном приказе об освобождении, Вильтар был глубоко обеспокоен. Он отчаянно метался между предчувствием, что поступил неблагоразумно, и убеждением, что ввиду полномочий Лебеля не мог поступить иначе. Вильтар понимал, что оказался в неудачном положении, поставленный в силу обстоятельств между военной и гражданской властями. Казалось неизбежным, что при любом конфликте между ними его раздавят, если он не будет действовать осторожно.

Поверенный вновь перечитал оставленную Лебелем записку — оправдывающий его действия вердикт — и размышлял о том, что скажет обо всем этом Бонапарт, когда в кабинет без предварительного доклада вошла виконтесса и, бесшумно ступая, направилась к нему с мягким приветствием:

— Доброе утро, Вильтар!

По темпераменту он относился к тем мужчинам, которые приходят в восхищение при виде хорошеньких женщин, и в обычное время созерцание виконтессы было для него истинным удовольствием. В это утро, однако, поверенный отнесся к ней почти невежливо. Ворчливым тоном он предупредил ее ежедневный вопрос:

— Можете радоваться: ваш месье Мелвил наконец вновь объявился.

Вспыхнув, с сияющими глазами она подбежала к Вилльтару и, положив руку ему на плечо, стала подробно расспрашивать. Вилльтар отвечал ей мрачно, недовольный ее радостью, которой вовсе не разделял. Их друг совершенно выздоровел. По поводу причин его отсутствия Вилльтар не сказал ничего определенного. Инструкции Лебеля о том, что его истинное лицо должно оставаться тайной, требовали чрезвычайной осторожности. Припертый расспросами настойчивой дамы, поверенный в делах Франции вывернулся, сказав, что месье Мелвил выздоравливал в доме Пиццамано.

Это поуменило радости в глазах виконтессы. Ее лоб наморщился в раздумии, она по-прежнему опиралась рукой на плечо Вилльтара. Блуждающий взгляд виконтессы упал на документ, лежавший перед ним на столе, и подпись привлекла ее внимание.

Другой не смог бы так быстро осознать то, что тотчас стало очевидным для виконтессы. Но занятие, которому она посвящала себя уже долгое время, развило наблюдательность и отточило способность быстро строить умозаключения. Заметив подпись и прочитав дату, она сразу же спросила:

— Камиль Лебель здесь, в Венеции?!

Ее изумленное восклицание породило ряд выводов и у не менее сообразительного поверенного в делах. Он откинулся в кресле и поднял голову, чтобы хорошо видеть ее.

— Вы знаете Камиля Лебеля?

При всем его вопросительном тоне то было скорее утверждение, полное изумления, чем вопрос.

— Знаю ли я его?

Смысл ее взгляда был очевиден. Легкая, печальная улыбка искривила ее губы:

— Откровенно говоря, у меня есть основания знать его, Вилльтар, и знать очень хорошо. В известной степени я — его ставленница. Именно он сделал меня виконтессой де Сол.

Она увидела, что удивление сменяется на его бледном зловещем лице ужасом.

— И вы спрашиваете меня, в Венеции ли он? Это вы-то меня спрашиваете? Боже!

Вилльтар вскочил как ужаленный, сбросив ее руку и отшвырнув кресло, с грохотом упавшее позади него.

— Тогда кто, черт побери, этот негодяй, который выдает себя за него? Кто этот ваш месье Мелвил?

Она отпрянула перед яростью этого человека.

— Мистер Мелвил? Мистер Мелвил — Лебель? Вы спятели, Вильттар!

— Спятил! — прорычал он. — Я полагаю, тут все спятели! Что это, посольство или сумасшедший дом? Чем занимался этот идиот Лальман, если он даже не заподозрил его? И — Боже мой! — чем занимались вы, если не открыли этого раньше?

Он в бешенстве наступал на нее, вне себя от гнева и ужаса.

Виконтесса вновь попятилась.

— Я? Что я должна была делать? Как я могла раскрыть это? Не было и в помине, чтобы Мелвил называл себя Лебелем.

— Не было...

Вильттар вспомнил, с каким особым старанием этот Мелвил, кем бы он ни оказался на самом деле, настаивал на сохранении в тайне его личности. Поверенный обуздал свой гнев из-за настоящей необходимости сейчас же все обдумать. Он стоял, обхватив голову руками, и бормотал:

— Бонапарт всегда считал Лальмана идиотом. Боже мой! Тут дело до судей не дойдет. Этот человек был здесь все эти месяцы! Ему открыты все тайны миссии! Он мог произвести чудовищные опустошения. Становится понятным конец Рокко Терци и Сартони. Бог знает, кого он еще может выдать.

Он взглянул на нее свирепыми, налившимися кровью глазами.

— Удивительно, что он пощадил вас!

Затем у него возникло внезапное подозрение, вновь всколыхнувшее его ярость, и он вновь угрожающе двинулся на нее и грубо схватил ее за плечо.

— Видит Бог, вы расскажете, почему он вас пожалел! Не были ли вы каким-то образом заодно с ним, маленькая распутница? Отвечайте! Вы брали плату с обеих сторон, как всякий треклятый шпион?

Тут ему пришла в голову другая мысль.

— Ба! Не имеет смысла сворачивать вам шею. У меня же есть другое дело — этот приказ об освобождении. Проклятье! Что я скажу маленькому капралу? Он разорвет меня за это, если... О! Ей-Богу, я отправлю этого мошенника на расстрел, чего бы это ни стоило!

Забыв о виконтессе, Вильтар стремглав выскочил из комнаты, и стало слышно, как он в бешенстве орал на лестнице, вызывая Жакоба. Затем он влетел обратно, яростно сверкая глазами, оставив дверь распахнутой, и отмахнулся от нее:

— Немедленно уходите! Я занят!

Виконтесса не стала дожидаться повторного предложения, но не потому, что испугалась его. Она больше испугалась другого: угроза поставить лже-Лебеля к стенке заставила ее понять, что она нечаянно выдала Марка Антуана и что разоблачение подвергает его огромной опасности. Виконтесса убежала, кляня себя за неосторожность — уже самое первое восклицание Вильтара должно было насторожить ее!

Она пересекла Кортель-Кавалло почти бегом. Ее не тревожило, кем мог быть на самом деле Марк Антуан, она не думала о своих обязанностях перед той стороной, которой служила. Ее занимало лишь то, что над Марком Антуаном нависла огромная опасность. В ее голове громовым раскатом повторялись слова Вильтара: «Я удивляюсь, что он пощадил вас. Видит Бог, вы расскажете мне, почему он вас пожалел!»

Этот же вопрос она теперь задавала себе. Будучи тем, кем он был на самом деле, Марк не мог не знать, что и она тайный агент. Тогда почему он не выдал ее государственным инквизиторам? Но его жалость по отношению к ней была не единственной причиной ее стремления предупредить и спасти его, невзирая на грозящие ей самой последствия, это стало лишь дополнительным стимулом к тому поступку, который соответствовал велению ее сердца...

Когда на колокольне Мадонна-делль'Орто пробило одиннадцать часов, она стояла в нерешительности на набережной, где ее ждала гондола. Где он был? Как ей разыскать его? Из бурной сцены у Вильтара ей вспомнились слова поверенного в делах о том, что во время своего исчезновения Мелвил был в доме Пиццамано. Если это было правдой, то, даже если его там сейчас нет, Пиццамано должны знать, где его можно найти.

Именно в ту минуту, когда она сошла в гондолу и приказала своему гондольеру везти ее к Сан-Даниэле, Марк Антуан высаживался вместе с Доменико на ступенях дома Пиццамано.

Он не терял времени, едва приказ об освобождении оказался в его руках, потому что понимал опасность

промедления. Поэтому, чтобы с наступлением дня быть готовым к действиям, он той же ночью получил у дожа в обмен на приказ из миссии предписание, которое должно было открыть перед Доменико двери тюрьмы.

Весть о возвращении капитана домой неслась по дворцу подобно подожженному бикфордову шнуру, ярко вспыхнувшему в трескучем порыве. От привратника к управляющему, от управляющего к лакеям, от лакеев к горничным пробежала эта весть, и потому прежде, чем она достигла гостиной, дом наполнился аккомпанементом быстрых шагов, хлопающих дверей и взволнованных голосов.

Франческо Пиццамано вместе с графиней и Изоттой вышел к двум мужчинам в гостиную, где те их ожидали. Графиня спешила впереди, а отец и сестра уступили радость первенства матери, которая со слезами счастья на глазах прижала к своей груди сына, которого еще вчера она считала обреченным. Она тихо напевала ему, как в детстве, когда он был еще ребенком, и у Доменико тоже увлажнились глаза.

Слезы стояли в глазах Изотты, когда она целовала его, и в глазах графа, который прижал сына к сердцу. Затем, несколько успокоившись, все разом стали расспрашивать его, каким чудом он оказался на свободе.

— Вот чудотворец,— ответил Доменико, тем самым наконец-то привлекая внимание к Марку Антуану, который до сей поры оставался в тени в роли наблюдателя.

Граф подошел к нему и обнял. Вслед за ним то же самое сделала и графиня. Последней подошла Изотта, стройная и величественная, с задумчивым взором, и пожала ему руку. Затем, на мгновение заколебавшись, она заставила его затрепетать нежным поцелуем в щеку.

Франческо Пиццамано был явно смущен тем, что позволил слезам появиться на глазах. Но голос его по-прежнему дрожал и прерывался, когда он воскликнул:

— У меня нет ничего, сэр, что не было бы вашим!

— Он может забрать и вас самого под такое обещание,— сказал Доменико, улыбаясь.

Марк Антуан перешел к делу.

— Господин граф, это мало похоже на освобождение, скорее это бегство.

Он поднял руку, чтобы остановить возражение.

— Не пугайтесь. Это не такое бегство, за которое Венеция будет держать ответ. Оно предусмотрено приказом из французской миссии, подписанным поверенным в делах. Я выжал из него этот приказ благодаря высокому

положению уполномоченного представителя Директории Камиля Лебеля,— он слегка улыбнулся.— Еще вчера в такой же час я был убежден, что играл роль Лебеля впустую целый год, а теперь получил достаточную награду за свои труды.

Затем Марк Антуан вернулся к прежнему деловому тону:

— Поскольку какая-нибудь случайность может в любой момент раскрыть обман, Доменико не должен терять времени. Гондола, которая доставила нас из Мурано, отвезет его в Сан-Джорджо-ин-Алга к адмиралу, чтобы его отправили в Триест, а оттуда в Вену, где он переждет, пока ситуация не станет вновь безопасной.

Радость спасения все равно перевешивала боль скорого расставания. Последовало немедленное согласие с этим планом и немедленная суета приготовлений. Изотта взялась руководить укладыванием. Она вышла с этим поручением почти с облегчением, избавившись от присутствия Марка Антуана, присутствия, которое сегодня было для нее подобно распахнутым настежь вратам к счастью и осуществлению мечтаний.

Когда через полчаса она вернулась, чтобы сообщить им, что все готово и что вещи Доменико погружены в гондолу, лакей, открывший перед ней дверь, последовал за ней в комнату и тут же объявил, что мадам виконтесса де Сол внизу и хочет видеть мессера Мелвила немедленно. От себя слуга добавил, что дама выглядит чрезвычайно взволнованной.

Это объявление произвело в комнате странную тишину, тишину, которая не была непонятной для Марка Антуана. Но он не столь задумался над тем, ради чего она его разыскивала, сколь был рад ее приходу.

Он попросил позволения ей войти, и в полной тишине, в которой чувствовалась натянутость, все ждали ее появления.

Она вошла, с трудом переводя дыхание. На мгновение виконтесса приостановилась на пороге, ее встревоженные глаза скользили по лицам, пока не остановились на Марке Антуане. Виконтесса подобрала украшенные цветами полы платья и кинулась к нему через комнату.

— Марк! О, слава Богу!

Крайне взволнованная, она вцепилась в него руками, не обращая внимания на окружающих.

— Дорогой мой, я совершила ужасную, ужасную ошибку. Это было случайностью. Глупой случайностью. Вы

никогда не должны допускать мысли о том, что я могу сознательно предать вас, что бы мне ни открылось. Вы знаете, что я не способна на это. Я не знала, что вы играли роль Камиля Лебеля. Откуда мне было знать? И я сказала Вилльтару... Нет, я не говорила ему. Это произошло случайно. Не помню точно, что сказала ему... Но я дала ему возможность догадаться, что вы не Лебель.

Марк Антуан поймал ее запястье. Встревоженный, он отрывисто спросил:

— Что именно вы ему рассказали?

Виконтесса ему подробно объяснила все о документе, увиденном ею, и о том, как внезапно открывшаяся истина застала ее врасплох. Марку Антуану все сразу стало понятным. Для других же происходящее по-прежнему оставалось совершенно таинственным.

— Вы должны бежать, Марк! Не знаю, как, но бегите! Не теряйте ни минуты!

Но теперь он вновь обрел спокойствие, на мгновение поколебленное ее известием:

— У нас еще есть немного времени. Вилльтар сначала должен получить соответствующий приказ у дожа, затем найти людей, чтобы исполнить его, и, наконец, им надо найти меня. Я говорил Вилльтару, что меня можно найти в гостинице «Шпаги». Поэтому сначала они отправятся туда. Ваше предупреждение, мадам, стало поистине благородным исправлением ошибки, которой вам не удалось избежать.

— Если так, я лишь уплатила долг. Я понимаю теперь, что вы пощадили меня, и я в долгу перед вами.

Она сказала бы гораздо больше, если бы могла дать волю своим чувствам, вложила бы в слова часть той нежности, что светилась в ее глазах. Но присутствие семьи Пиццамано, о которых она забыла во время своей бурной речи, а теперь почувствовала на себе их холодные взгляды, обязывало ее к сдержанности. Он не попытался представить ее им. Теперь, когда виконтесса обратила внимание на их присутствие, она поняла это упущение и попросила его исправить положение.

— Ах, да! — для него такая забывчивость была необычной. Он посмотрел на графа Пиццамано и других, особенно на Изотту, которая разделяла общее недоумение.

— Простите, — извинился он перед ними и затем обратился к виконтессе: — Каким именем должен я вас представить моим добрым друзьям?

— Каким именем? — смутилась она.

Он улыбнулся.

— Так же как вы знаете, что я не Лебель, так и я знаю, что вы не виконтесса де Сол.

Изотта невольно вскрикнула. Она судорожно схватилась за руку своего брата, который хорошо понимал, что происходит в ее душе.

Виконтесса отступила на шаг, удивление и ужас смешались на ее лице. Инстинктивно она насторожилась и сразу перевоплотилась в тайного агента, собрав всю волю и мужество. Поведение ее изменилось: трогательный, нежный ребенок исчез, уступив место искушенной светской львице.

— И давно вы придерживаетесь такого мнения? — саркастически спросила она.

— Я убежден в этом с первой встречи с вами. Даже раньше, с того момента, когда я услышал ваше имя.

Твердый, недрогнувший пристальный взгляд прищуренных глаз свидетельствовал о ее выдержке, как и жесткий смех.

— Я даже не знаю, как опровергать такое заблуждение. Могу лишь повторить, что я, несомненно, вдова виконта де Сола.

— Вдова? — переспросил граф Пиццамано.

Это замечание она не удостоила даже поворотом головы. Отвечая, виконтесса по-прежнему смотрела на Марка Антуана:

— Он был гильотинирован в Туре в девяносто третьем году.

Вежливо улыбаясь, Марк Антуан покачал головой.

— У меня есть все основания полагать, что этого не случилось, хотя ваш друг Лебель верил в это.

Страх разоблачения усилился под его необычно пристальным взглядом, одновременно полущутливым-полупечальным. Но виконтесса решительно стояла на своем. Слегка вскинув голову, она воскликнула:

— Даже если бы было правдой, что виконт де Сол не гильотинирован, разве это доказывало бы, что он не муж мне?

— О нет, мадам.

Он подошел к ней, взял ее за руку, которую, несмотря на свой страх и гнев, она уступила ему, ибо было что-то непреодолимо нежное в его манерах и сочувственное в его глазах, будто выражающее сожаление и просящее извинения за то, что он делал.

— Но если бы он был женат на женщине хотя бы наполовину столь очаровательной, он не мог бы забыть об этом. А я могу уверить вас, что у него нет воспоминаний о браке. Может быть, как и вы, виконт страдает плохой памятью? Ведь вы совершенно забыли, как он выглядит.

Она отняла свою руку, губы ее задрожали. Эти слова, бессмысленные для нее, внушали ей такое чувство, будто она попала в западню. Она растерялась. Оглядевшись, француженка встретила лишь любопытные улыбки на лицах трех зрителей. Единственной, кто не улыбался, чей взгляд словно отражал некую нежную задумчивость Марка Антуана, была Изотта — Изотта, чьи глаза, прежде такие унылые, светились теперь каким-то внутренним светом.

Затем несчастная, ошеломленная виконтесса обнаружила, что Марк Антуан вновь овладел ее рукой. Стройный, мужественный, с высоко поднятой головой, он вдруг показался ей защитником. Это чувство так глубоко охватило ее, что побудило ее спрятать лицо на его груди и в этом убежище уступить слабости одинокой и напуганной женщины.

Он обратился к остальным со спокойной решительностью.

— Довольно терзать и унижать ее.

Граф и Доменико склонились в знак понимания и согласия.

— Пойдемте, мадам. Позвольте мне проводить вас.

По-прежнему растерянная, нетвердыми шагами она шла, подчиняясь его руке. Ей было радостно повиноваться этой руке, помогающей ее бегству, хотя она так до конца и не знала, от чего бежит. Все, что несчастная женщина вынесла, — это ощущение его заступничества, под его защитой она вышла и спустилась по лестнице.

В вестибюле Марк Антуан обратился к привратнику, облаченному в ливрею:

— Гондолу мадам виконтессе де Сол.

Она нежно смотрела на него, пока в ожидании стояла рядом.

— Что это, Марк? Вы же знаете, что я не понимаю.

— Поймите, что в моем лице вы нашли друга, который навсегда сохранит память о долге, в котором он находится перед вами. Мы расстанемся здесь, Анна, и, быть может, никогда больше не встретимся. Но если я смогу чем-ни-

будь помочь вам, пошлите мне весточку в Авонфорд в Уилтшире. Я запишу для вас адрес.

Он прошел в комнату привратника и на листе бумаги быстро написал несколько строк, после чего вручил ей. Кровь отлила от ее лица, когда она прочитала написанное. Она смотрела на него почти с ужасом.

— Это невероятно. Вы смеетесь надо мной. Почему?

— Разве я смеюсь над вами? Это еще более невероятно, чем может показаться, если подумать, как судьба свела нас через Лебеля. О да, я — Марк Антуан де Сол, дорогая моя. Я не был гильотинирован и никогда не был женат. Теперь вы понимаете...

— И все эти месяцы...

— У меня была редкая возможность созерцать свою вдову. Уникальный случай. Идемте, ваша гондола ждет.

Он провел ее по мраморным ступеням.

— Давайте, по крайней мере, расстанемся друзьями, моя дорогая!

Он склонился, поцеловал ей руку и поддержал спутницу, помогая ей ступить в лодку.

Когда гондола заскользила от ступеней, он с минуту смотрел вслед этой маленькой фигурке в шелках и кружевах подушек.

Только теперь ему пришло в голову, что даже сейчас он не знает ее настоящего имени.

Глава XXXIX

ОТЪЕЗД

Когда Марк Антуан вернулся в гостиную, Изотта, услышавшая издали его шаги, уже стояла возле двери. Со смехом, который был похож на рыдания, она шагнула прямо ему в объятия и искренне, никого не стыдясь, поцеловала его в губы.

— Это за милосердие, которое вы проявили, Марк!

В свою очередь, и он поцеловал ее.

— А это в знак любви, которую я предлагаю вам. Со всей серьезностью к тому, что должно за этим последовать.

Граф возразил, улыбаясь их естественному нетерпению:

— На сегодня этого достаточно, если вы хотите добиться желаемого, — сказал он. — Вам нельзя терять времени, Марк.

— Я не потеряю ничего. Жизнь только что приобрела для меня огромную ценность. Я должен сохранить ее, чтобы насладиться плодами венецианского года, которые еще вчера я считал такими невзрачными.

Граф вздохнул.

— Плоды эти сорваны в сумерках, сгустившихся над нашей Венецией.

— Но с дерева, которое процветало, когда солнце стояло высоко, и богатого благоуханием и питательными соками. Это не исчезнет, господин граф, пока у людей существует память.

За дверью раздались быстрые шаги. Лакей открыл ее, и в комнату ворвался запыхавшийся Филибер.

— Месье! Месье!

Он подбежал к Марку Антуану и затараторил:

— Спасайтесь, месье! Месье майор Санфермо находится в гостинице «Шпаги» с шестью сопровождающими, которые ждут вас, чтобы арестовать.

— Как тебе удалось ускользнуть от майора?

— Он сам отправил меня, месье.

— Отправил сам?!

— Чтобы рассказать вам, что ему приказано разыскать вас в гостинице «Шпаги» и что, если вас там не будет, он должен ждать вашего возвращения. Верный этому приказу, он ждет вашего возвращения и просит вас не возвращаться, а уехать немедленно из Венеции, ибо он будет не в силах вечно ждать в гостинице. Таковы точные слова майора. Поэтому спасайтесь, месье, пока есть время. Я привез чемодан с кое-какой одеждой для вас.

— О, самый заботливый из слуг! Вы видите, Доменико? Нам лучше поторопиться с отъездом.

— Куда мы едем, месье? — спросил Филибер.

— Мы? Ты едешь со мной, Филибер?

— Конечно, месье. Куда угодно, если только вы бросите свою привычку исчезать.

— Отлично, юноша! Я думаю, это будет Англия.

Он повернулся к Доменико.

— Теперь я в ваших руках. Вы будете моим покровителем перед вашим другом адмиралом. Затем, если он отправит нас на галере к британской эскадре в Пуле, я буду вашим покровителем там и увезу вас с собой в Эйвонфорд.

— Это более заманчиво, чем Вена, если вы можете стерпеть мое общество.

Обняв одной рукой Доменико за плечи, другой Марк Антуан обвил талию Изотты и привлек ее к себе.

— Терпеть ваше общество! Вы — заложник и будете выкуплены вашими родителями, когда они приедут, чтобы обменять вас на свою дочь.

Доменико с улыбкой посмотрел на отца.

— Я предупреждал вас, граф, что он может забрать и вас под ваше слово, когда вы пообещали, что у вас нет ничего, что не принадлежало бы ему, стоит лишь спросить.

В эти волнующие мгновенья расставания Изотта, казалось, совершенно забыла, что однажды ей пришлось на ум надеть маску и вуаль.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЛЮБОВЬ И ОРУЖИЕ (LOVE AT ARMS)

Роман опубликован в 1907 году. На русский язык переводится впервые.

Действие романа «Любовь и оружие» происходит в Италии, в конце XV века. История любви графа Аквильского и племянницы герцога Гвидобальдо разворачивается на фоне политических событий в стране. Города-коммуны, миниатюрные республики, многие из которых образовали самостоятельные государства, к этому времени уже пережили пик своего расцвета. Угроза внешнего нападения требует появления сильного единого властителя и собрания народных представителей, способного объединить отдельные герцогства в единое государство. И каждый из правителей городов-республик — претендентов на эту роль надеется прибрать к рукам государство соседа, а то и всю Италию. Претензии на эту роль были и у папы, и у флорентийских Медичи, и у неаполитанских королей, и у миланских Сфорца. Именно такими чаяниями живет Чезаре Борджа, в котором Р. Сабатини видит лишь властолюбие и жестокость. Но такова была логика борьбы за власть. Эта борьба вмешалась в судьбы героев романа. Хотя действие этого литературного произведения происходит в вымышленном автором герцогстве Баббьяно.

Некоторые герои романа существовали реально. Это Чезаре Борджа, Гуидобальдо ди Монтефельтро, кардинал Джулиано делла Ровере. Других вызвала к жизни творческая фантазия автора. Некоторых своих вымышленных героев Р. Сабатини наделяет известными историческими фамилиями: Сфорца, Гонзага Колонна, делла Ровере. Джанмария Сфорца существовал на самом деле, но судьба его была совершенно непохожей на выведенную в романе. Прозвище Сфорца (что можно перевести на русский язык как «взламывай!», «разбивай!») получил кондотьер Муцио Атендоло (1369-1424). По наследству это прозвище перешло к его сыну Франческо (1401-1466), ставшему герцогом миланским. Одного из сыновей Франческо на самом деле звали Джованни Мария (Джанмария), но он посвятил себя

церковной карьере, благодаря связям был назначен архиепископом Генуи (в 1498 г.) и мирно скончался в 1520 году.

Но, конечно, отступления от исторической правды не заслонят от читателя художественных достоинств романа Р. Сабатини.

¹ (с. 7) — «Ave Maria» — название католической молитвы по первым ее словам, обращенным к Деве Марии; в русском переводе ей соответствует хвалебная песнь «Богородице дево, радуйся».

² (с. 9) — Герцогство Баббьяно — вымышленное государство.

³ (с.10) — Борджиа, Чезаре (1474—1506) — военачальник и государственный деятель Италии конца XV — начала XVI века. Сын Родриго. Его жизнеописание выйдет отдельным томом в настоящем собрании сочинений.

⁴ (с.11) — В конце XV века Флоренция переживала время постепенного отмирания торговой республики. С 1469 года в городе правил Лоренцо Медичи Великолепный, вызывавший немалое недовольство горожан своей внутренней политикой. Недовольство это разжигал неутомимый проповедник, угрюмый аскет Джироламо Савонарола. Лоренцо удалось на время подавить своих политических противников, учредив Совет семидесяти — административный орган, куда попадали только верные Медичи люди. Но в 1492 году Лоренцо умирает, а при его наследнике, Пьеро, Флоренция теряет свое влияние на общетальянскую политику. Французское нашествие наносит еще более сильный удар Флоренции: городские низы 9 ноября 1494 года поднимают восстание против тирании Медичи, Пьеро изгнан, республика почти на двадцать лет освободилась от правления этого рода. Кажется, Савонарола может торжествовать, во Флоренции уже готовится конституция по образцу венецианской, но... республика должна выплачивать контрибуцию французскому королю Карлу VIII. Кроме того, флорентийцы вынуждены отказаться от Пизы, соседней республики, завоеванной стараниями Медичи. Под протекторатом французов Пиза восстанавливает старинные демократические порядки. Однако волны нашествия откатываются назад, Карл вынужден убраться из Италии, и Пиза, брошенная французами, игнорируемая германским императором, остается один на один со старым врагом. Пятнадцать лет длится отчаянная, неравная борьба, но Флоренция все же побеждает, и Пиза вновь оказывается под властью флорентийцев.

⁵ (с. 11) — Борджа, Родриго (ок. 1431-1503) — представитель испанского аристократического рода Борха, переселившегося в Италию и «перекрещенного» там в Борджиа, племянник Алонсо Борджиа, ставшего римским папой под именем Каликста III (1455-1458). С ранних лет посвящал себя церковной карьере: в 1456 году он уже произведен в кардиналы, а с 1492 года становится папой под именем Александра VI. Кроме поддержки политики сына в деле объединения Италии, известен изданием буллы от 4 мая 1493 года, поделившей мир между Испанией и Португалией. В 1497 году отлучил от церкви фанатика Савонаролу и оказал активную помощь его противникам. Чтобы финансово поддержать своего сына Чезаре, проводил конфискацию имущества богатей, продавал церковные должности, а также тратил средства, полученные церковью от сборов во время юбилейного года.

⁶ (с. 11) — Урбино — с VIII века входил в Папскую область,

с 1213 года феодал графов Монтефельтро, с 1443 года — самостоятельное герцогство. Папа Евгений IV передал город графу Гуидо Веккьо ди Монтефельтро с титулом герцога Урбино. В XV—XVI веках город стал одним из центров Возрождения. Здесь процветал университет, европейской известностью пользовалась библиотека, которую впоследствии Александр VI перенес в Ватикан. Герцоги приглашали лучших итальянских мастеров изобразительного искусства. В Урбино работали Рафаэль, Браманте, Бароччи, Кастильоне и другие выдающиеся художники. В 1508 году со смертью герцога Гуидобальдо род Монтефельтро прекратился и престол перешел в руки Франческо Марии дельа Ровере, племянника умершего герцога.

⁷ (с. 23) — **М а д о н н а** — итальянское слово *madonna* имеет два значения:

- 1 — госпожа (в этом смысле употребляется также в форме «монна»),
- 2 Богоматерь.

⁸ (с. 25) — **А п у л е й** (124/25 — после 160) — уроженец Мадавы, африканского города на границе двух римских провинций — Гетулии и Нумидии, сын состоятельного чиновника. В юности изучал риторику и философию в Карфагене и Афинах. Одно время выступал в судах Рима. Потом женился на состоятельной вдове и поселился в Карфагене, где пользовался большим почетом и славой лучшего оратора, занимая должность верховного жреца, что не убергло его от весьма серьезного по тем временам обвинения в магии. В Карфагене Апулей создает одно из знаменитейших произведений мировой литературы — роман «Метаморфозы», который часто называют еще и «Золотой осел». Эпитет «золотой» в античности было принято добавлять к произведениям, имевшим огромный успех. В осла был превращен герой романа, молодой грек Луций, решивший испытать чудесную мазь, которой владела хозяйка дома.

⁹ (с. 28) — **П а л а н к и н** — крытые носилки, состоявшие из кресла или ложа с прикрепленными к ним длинными шестами, концы которых лежали на плечах носильщиков.

¹⁰ (с. 30) — **М а л ь в а з и я** — сорт раннего винограда. Так же называется сладкое вино, изготовленное из винограда этого сорта.

¹¹ (с. 33) — **Г о н ф а л о н ь е р** (буквально: «знаменосец») — в итальянских городах XIII—XV веков должностное лицо, возглавлявшее ополчение городского квартала. Во Флоренции это звание с конца XIII века носили также должностные лица в городском магистрате, например, с 1293 года так назывался глава правительства (приората, или синьории), во время правления Медичи (XV—XVIII вв.) звание гонфалоньера было равнозначно должности главы городского магистрата.

¹² (с. 39) — **А н а л о й** (*греч.* — аналогейон — подставка для книг) — в православной церкви так называется столик, на который во время служб кладут богослужебные книги. В католической церкви соответствующий культовый предмет называется по-латыни *lectrum*. Итальянский эквивалент этого термина — «ледджио» (*leggio*). Ледджио изготавливается из дерева или металла и предназначается как для церковного, так и для домашнего чтения. В последнем случае мастерам предоставляется большая творческая свобода, почему и форм у домашних ледджио гораздо больше.

¹³ (с. 39) — **А н и к и н и**, **Ф р а н ч е с к о д и Л о р е н ц о** — из феррарской семьи резчиков гемм. Его работы известны только по документам, потому что ни одной из них до наших дней не дошло. Очевидно, именно

поэтому Сабатини приписывает Аникини авторство распятия. В 1502 году Аникини вместе с семьей поселился в Венеции. Мастер особенно славился совершенной обработкой камня, подчеркивающей его структуру, филигранной обработкой деталей, умением вывить и заставить играть природный рисунок камня. Ремесло камнерезов практиковали и сыновья Аникини: Андреа, Каллисто и Луиджи.

¹⁴ (с. 39) — Мантенья, Андреа (1431—1506) — выдающийся живописец и гравер раннего Возрождения. Учился в Падуе, испытал влияние падуанской и венецианской живописи, а из крупных мастеров — Донателло. С 1460 года жил в Мантуе, очень редко выезжая в другие города Италии (Флоренция, Пиза, Рим). Его фресковые росписи сохранились в Мантуе (очень немного), в Падуе. Картины Мантеньи на религиозные и мифологические сюжеты хранятся в Лувре, лондонской Национальной галерее, других музеях Италии, Франции, Великобритании.

¹⁵ (с. 39) — Камея — камень или раковина с рельефной художественной резьбой, вставленной в броши или кольца, а также сама подобная брошь.

¹⁶ (с. 39) — Чембало, или клави чембало (позднелат. *clavis* «ключ» + *cymbalum* «цимбалы») — один из ранних предшественников клавиесина, изготовлявшийся с XIV века. Щипковый клавишно-струнный инструмент. Струны приводились в колебание щипком из птичьего пера, укрепленного на стержне-толкачике. При нажатии клавиши толкачик поднимался, и перо зацеплялось за струну. Получался блестящий, но малопевучий звук, не поддающийся динамическим оттенкам исполнения. Для усиления звука применялись удвоенные, утроенные и даже учетверенные струны. Диапазон чембало охватывал больше четырех октав.

¹⁷ (с. 44) — Пиччинино, Никколо (1386—1444) — знаменитый итальянский кондотьер. Служил наемником в войсках разных правителей, но книг не писал. Возможно, речь идет о его жизнеописании («Il libro chiamato Altro Marte»), вышедшем в 1489 году в Виченце и принадлежащем перу Л. Спирито.

¹⁸ (с. 47) — Дука́т — золотая монета, которую с 1284 года стали чеканить в Венеции. Вес монеты вскоре был приравнен к весу другой итальянской золотой монеты — флорентийского флорина (3,53 г почти чистого золота). В обращении в течение многих веков обе монеты были взаимозаменяемы.

¹⁹ (с. 47) — Делла Ровере, Джулиано (1443—1513) — кардинал. В 1503 году стал папой под именем Юлия II. В своей административной деятельности добивался усиления папской власти и территориального расширения Папской области, ради чего активно вмешивался в так называемые итальянские войны. В 1508 году вошел в антивенецианскую Камбрейскую лигу, добился от Венеции возвращения завоеванных ею городов итальянской области Романьи. В 1511 году возглавил антифранцузскую Священную лигу. Активизировал деятельность инквизиции, всемерно расширял торговлю индульгенциями. При этом был восторженным поклонником изобразительного искусства, покровительствовал Рафаэлю, Микеланджело, другим талантливым художникам, архитекторам, скульпторам. При нем в Риме началось строительство современного здания собора Святого Петра.

²⁰ (с. 48) — Никколо да Корредджо (около 1450—1508) — итальянский дворянин и поэт. Большую часть жизни провел в Ферраре,

при герцогском дворце, исполняя порой деликатные миссии и поручения сюзерена в Риме или Неаполе. Один из современников охарактеризовал его как «кавалера утонченного, в стихах и любезном обращении эрудированного». Впрочем, Итальянская энциклопедия представляет его как весьма посредственного поэта — как в лирике, так и в драмах или крупных поэтических произведениях, полагая, что «имя его оставило след в истории, но не в литературе».

²¹ (с. 52) — **Марс** — один из древнейших итальянских богов, который входил в триаду, первоначально возглавлявшую римский пантеон. В эту отдаленную эпоху был, видимо, божеством плодородия и растительности, почитался как родоначальник и хранитель Рима. Одной из функций Марса было сопровождение уходивших на войну римских воинов. Постепенно именно эта ипостась занимала все более заметное место в культе Марса. Впоследствии в таком качестве он был отождествлен с греческим Аресом, став исключительно богом войны.

Купидон — в римской мифологии божество любви, соответствующее Амуру и греческому Эроту.

²² (с. 55) — **Кондотьер** (*ит. condottiero*) — предводитель наемного военного отряда в Италии XIV—XVI веков. Кондотьеров нанимали на службу государи, правители итальянских государств и римские папы. В условиях постоянных внутренних и внешних войн кондотьеры стали играть все более заметную роль. Сначала их вербовали из итальянских рыцарей, но с конца XIV века предпочтение отдавали иностранцам. Кондотьеры, грабя и опустошая страну, способствовали серьезному экономическому и политическому ослаблению Италии. В конце XV века возросло значение пехоты и артиллерии, тогда как кондотьеры были преимущественно конным войском. С тех пор их роль все время падает, и постепенно они совсем сходят со сцены. Некоторые кондотьеры захватывали власть в городах, основывали тирании и даже династии — например, Франческо Сфорца в Милане.

²³ (с. 57) — **Бахус** — латинская форма имени Вакх, одного из имен греческого бога Диониса, покровителя плодородия земли, растительности, виноградарства и виноделия. Характерным элементом культа Диониса были хмельные пиршества с веселыми шествиями и безумными плясками.

²⁴ (с. 57) — **Везувий** — действующий вулкан на юге Италии, близ Неаполя. Высота основного, более молодого конуса с кратером на вершине составляет 1277 м. Предполагают, что первое извержение вулкана произошло в VIII веке до н. э. На исторической памяти людей несколько сильных извержений Везувия, принесших неисчислимые жертвы и огромные разрушения.

²⁵ (с. 58) — **Фамилия Фортемани** переводится как «сильные руки».

²⁶ (с. 60) — **Флорин** — название золотых монет, чеканившихся во Флоренции с 1252 года и имевших на лицевой стороне (аверсе) изображение лилии, герба города — «цветка» (откуда и название монеты); чеканились из почти чистого золота и имели вес 3,53 г. Впоследствии флорины стали чеканить и другие итальянские государства, но уже без изображения цветка.

²⁷ (с. 61) — **Аркебуза** — один из ранних образцов ручного огнестрельного оружия. Аркебузы появились в начале XV века; заряжались с дула; пороховой заряд поджигали от руки через специальное отверстие

в стволе. Стрельбу вели круглыми пулями — сначала каменными, потом свинцовыми. В России такое оружие называли пищалью.

²⁸ (с. 63) — М о р и о н (*исп.* morion) — легкая каска, которую носили арбалетчики, аркебузники, копейщики и т. п.

²⁹ (с. 64) — Л и г а — старинная мера длины, значение которой менялось в разных странах: в Испании сухопутная лига в конце XV века составляла 5573 м, в Англии — 5569 м, во Франции — 4444 м; в Италии до введения метрической системы применялась миля (*miglio*), эквивалентная от 1460 (в Риме, Генуе, на Сицилии) до 1855 (в Неаполе) м.

³⁰ (с. 67) — С в я т а я Л ю ч и я — одна из популярнейших итальянских святых. По традиции считается, что она родилась в 283 году в Сиракузах, в богатой семье. Ее мать вылечилась от серьезной болезни, совершив паломничество к могиле Святой Агаты и, вняв уговорам дочери, раздала — во славу Господа — свое богатство беднякам. Жених Лючии, которому она была обещана против воли, был настолько возмущен таким поступком, что объявил властям о приверженности девушки христианской общине. После позора и тяжелых пыток Лючия была заколота ударами шпата (в 303 г.).

³¹ (с. 84) — Б о к к а ч ч о, Д ж о в а н н и (1313-1375) — один из величайших мастеров мировой художественной литературы. Внебрачный сын флорентийского купца и французки. По воле отца отправился изучать право в Неаполь, но там попал в кружок гуманистов, получил доступ ко дворцу короля Роберта Анжуйского, бывшему в те времена несомненным центром тогдашней науки и культуры в Южной Европе. Вернувшись в родной город, Боккаччо принял участие в ожесточенной политической борьбе, закончившейся установлением республиканского строя. Обычно имя Боккаччо связывают с «Декамероном», вершиной творчества писателя, одним из шедевров мировой литературы. Именно в этом смысле оно употреблено и здесь. (Между прочим, сюжеты некоторых новелл «Декамерона» заимствованы у Апулея.) Однако Боккаччо оставил после себя богатое наследие, в том числе романы («Филоколо», «Фьямметта»), новеллы, поэмы, лучшей из которых считается «Фьезоланские нимфы», и солидные ученые труды — например, своеобразную мифологическую энциклопедию «Генеалогия богов», над которой писатель работал свыше двадцати лет.

³² (с. 85) — Д о м и н и к а н ц ы — члены нищенствующего монашеского ордена, основанного в начале XIII века Святым Домиником (1170—1221) и утвержденного римским папой в 1216 году. Доминиканцы считали себя «псами господними», призванными уничтожать «хищных волков», под которыми они понимали еретиков. Основным оружием ордена считалась проповедь. В 1227 году орден получил важные привилегии: право повсеместной проповеди и исповеди всех желающих. На доминиканцев была также возложена критика новых религиозных взглядов и мнений, в связи с чем они получили возможность руководить инквизицией. Доминиканцам-клирикам было положено носить белые одежды с наплечниками и капюшоном; при выходе за ворота монастыря и во время проповеди поверх белого полагалось черное одеяние. Братья-миряне носили белый костюм с черными наплечниками и капюшоном.

³³ (с. 85) — С а н т о - Л о р е н ц о — католический святой. При жизни был дьяконом римской церкви и стал жертвой преследований христиан при императоре Валериане. Был схвачен вместе с папой Сикстом II, но

казнен позже его (6 августа 258 г.), потому что у Лоренцо пытались выведать место сокрытия церковных сокровищ. Устная традиция причисляет к мукам, которые вынес Св. Лоренцо, поджаривание на раскаленной железной решетке.

³⁴ (с. 89) — *Сенешаль* (позднелат. *siniscalcum*) — буквально: старший слуга. Во Франции с XIV века так назывался королевский чиновник, глава судебно-административного округа с широкими финансовыми, юридическими, административными и военными полномочиями, к XVI веку в ведении сенешалей остались только военные функции. В феодальной Европе сенешалами нередко называли управляющих замками крупных сеньоров.

³⁵ (с. 93) — *Аквила*, или *Л'Акуила* — самый значительный город в Абруццах. Название города (буквальный перевод с итальянского — «орел») произведено от выходов целебных источников, известных с древности, *Aguilae*, или *Asulae*. Современный город известен с XIII века. В 1316 году он был обнесен стеной. В XIV веке стал вторым (после Неаполя) центром Южной Италии. Город пострадал от трех сильных землетрясений, последнее из которых произошло в 1456 году. Во второй половине XV века начался упадок города. С 1486 года Л'Акуила находилась под властью Альфонсо, герцога Калабрии.

³⁶ (с. 99) — *Пизанелло* («Пизанец»), собственно Антонио ди Пуччо ди Черрето — североитальянский живописец и медальер раннего Возрождения. Писал преимущественно портреты и произведения на религиозные сюжеты.

³⁷ (с. 107) — *Бревиарий* — богослужебная книга, содержащая в себе чины совершения отдельных церковных служб. В православном обряде такая книга называется *требником*.

³⁸ (с. 111) — *Мастиф* — английский дог (порода собак).

³⁹ (с. 116) — *Паладин* — здесь: странствующий рыцарь, носитель рыцарских традиций и доблестей.

⁴⁰ (с. 144) — *Калабрия* — историческая область на юге Италии.

Пьемонт — историческая область и государство на северо-западе Италии у границы с Францией и Швейцарией.

⁴¹ (с. 144) — *Геракл* (у римлян *Геркулес*) — величайший герой Древней Греции. Считался образцом мужества, героизма, стойкости, самопожертвования, силы и мужской красоты.

Ахилл — один из главных греческих героев так называемого троянского цикла, в частности «Илиады». Военачальник, участник Троянской войны. В Древней Греции считался образцом воинского мужества, храбрости, верности дружбе, примером физического совершенства молодого мужчины.

⁴² (с. 145) — *Семинария* — среднее духовное учебное заведение у католиков и православных христиан, готовящее служителей культа.

⁴³ (с. 145) — *Иуда* — Иуда Искарот, один из двенадцати учеников Иисуса Христа; в соответствии с евангельским рассказом пошел к иерусалимским первосвященникам и предложил — за вознаграждение — предать в их руки Учителя (Матф., 26, 14-16).

⁴⁴ (с. 148) — *Петрарка*, *Франческо* (1304-1374) — великий поэт раннего Возрождения, один из основоположников современного литературного итальянского языка. Отцом его был нотариус Пьетро, или Петракко. Известная миру фамилия — латинская транскрипция итальянской.

⁴⁵ (с. 158) — Праздник тела Христова (лат. *Corpus Domini*) — ежегодное католическое торжество в память об одном из таинств христианской церкви — евхаристии. В качестве официального католического праздника утвержден папой Урбаном IV в 1264 году. Празднуется в первый четверг после одного из важнейших христианских праздников — Троицы (первое в церковном году почитание тела Господня происходит на Страстной неделе, также в четверг), поэтому неверно утверждение Р. Сабатини о праздновании *Corpus Domini* в среду.

⁴⁶ (с. 163) — Зажатый между Сциллой и Харибдой — то есть находящийся в опасном, затруднительном положении. В древнегреческом мифе рассказывалось о двух морских чудовищах, обитавших друг подле друга, по обе стороны узкого морского пролива. Харибда заглатывала целиком все проплывающие в ее досягаемости корабли, тогда как шестиголовая Сцилла (правильнее — Скилла) только выхватывала с палубы шесть самых лучших, самых опытных мореходов.

Примечания А. МОСКВИНА

ВЕНЕЦИАНСКАЯ МАСКА (THE VENETIAN MASQUE)

Роман впервые переведен на русский язык. Перевод осуществлен с издания 1933 г.

¹ (с. 191) — Р е д и н г о т — длинный широкий сюртук особого покроя.

² (с. 192) — Г е н р и х I V — имеется в виду король Франции (правил в 1589-1610 годах) и Наварры (1562-1610).

³ (с. 193) — В и к о н т — в раннем средневековье — помощник графа, потом — королевский чиновник в некоторых французских провинциях. В конце концов так стал называться дворянский титул — ниже графа (*фр.* — *comte*), но выше барона.

⁴ (с. 193) — Г и л ь о т и н и р о в а н — то есть казнен на гильотине, специальном устройстве, разработанном для отсеечения головы французским врачом Ж. Гийотеном (старое написание — Гильотин).

⁵ (с. 194) — В апреле 1796 г. Наполеон Бонапарт начал свой первый итальянский поход. На его пути прежде всего лежал Пьемонт (Сардинское королевство). Наполеон был намерен как можно скорее заключить с ним мир, вывести из войны и бросить все силы армии против Австрии. Одержав за считанные дни несколько блестящих побед над пьемонтскими войсками, Наполеон вынудил противника заключить 28 апреля в Кераско перемирие. Окончательный мир, очень выгодный для французов, был подписан 15 мая в Париже.

⁶ (с. 194) — П и т т, У и л ь я м, М л а д ш и й (1759—1806) — английский государственный деятель, премьер-министр в 1783-1801 и 1804—1806 гг. Был одним из главных организаторов коалиции европейских государств против революционной Франции.

⁷ (с. 196) — Ф о р е й т о р — кучер, сидящий верхом на одной из лошадей, запряженных цугом, то есть гуськом или попарно в два-три ряда.

⁸ (с. 198) — Б а р р а с, П о л ь-Ф р а н с у а (1755-1829) — бывший офицер, деятель французской революции. В 1792 г. избран в Конвент. Будучи комиссаром в одном из провинциальных городов, нажил большое состояние взятками и спекуляцией. Принял активное участие в контрреволюционном перевороте 9 термидора (27 июля 1794 г.). Был главой правительства Директории. Выдвинул кандидатуру Наполеона на пост главнокомандующего Итальянской армией. После переворота 18 брюмера отстранен от политической деятельности.

⁹ (с. 198) — Карно, Лазар (1753-1823) — французский военный инженер («железный капитан») и политический деятель. В национальном Конвенте 1792 г. представлял Па-де-Кале. Человек с холодным математическим умом и молчаливой упорной волей. В Комитете общественного спасения Робеспьера заведовал военными делами, многое сделал для организации армии и побед революционных войск. Был членом Директории. Протестовал против Империи, но в 1815 г., во время Ста дней, был у Наполеона министром внутренних дел. После реставрации Бурбонов был изгнан из Франции.

¹⁰ (с. 198) — Совет пятисот — одна из двух палат, образованных в соответствии с конституцией 1795 г., составлявшая вместе с Советом старейшин законодательный корпус Французской Республики. В Совете было пятьсот депутатов не моложе 30 лет, избранных двухступенчатым голосованием. Совет обладал инициативой законодательных проектов, которые после принятия одобрялись Советом старейшин. Совет представлял список десяти кандидатов в директоры, из которого Совет старейшин выбирал пятерых. Первоначально решения Совета пятисот должны были приниматься большинством в две трети голосов.

¹¹ (с. 198) — Директория — в широком смысле: режим, пришедший на смену Конвенту 4 брюмера IV года Республики и продолжавшийся до государственного переворота 18 брюмера VIII года (9 ноября 1799 г.). Чаше понятие «Директория» употребляется, как в романе Р. Сабатини, в узком смысле: исполнительная власть, правительство Французской Республики, состоявшее из пяти членов (директоров), избравшихся Советом старейшин. Это правительство представляло интересы крупной буржуазии. В состав первой Директории, исполнявшей обязанности в ходе действия настоящего романа, входили активные члены упраздненного Конвента: Баррас, Ребель, Ларевельер-Лепо, Карно и Летуэнер.

¹² (с. 202) — Двор королевы Анны — имеется в виду Анна Стюарт (1665-1714), королева Великобритании и Северной Ирландии (с 1702). Взошла на престол в тот момент, когда у нее не осталось в живых ни одного ребенка (несмотря на семнадцать беременностей). В 1701 г. был уже принят акт о передаче трона Ганноверской династии. Ею закончилась династия Стюартов. При Анне к Англии была окончательно присоединена Шотландия.

Сент-Джеймский двор — по названию дворца, королевской резиденции в Лондоне, построенной в 1532 г. для Генриха VIII напротив Сент-Джеймского парка, на месте разрушенного госпиталя для прокаженных. Был официальной резиденцией короля Эдварда VI, королевы Марии Тюдор и Елизаветы. До казни в нем жил Карл I. Позднее здесь родились три короля и две королевы. Первоначальное здание было разрушено пожаром 1809 г. Английский королевский двор неофициально именуется сент-джеймским (the Court of st. James's).

¹³ (с. 203) — Прозектор — врач, возглавляющий патологоанатомическое отделение при лечебных учреждениях.

¹⁴ (с. 205) — Базельский мир — в швейцарском городе Базеле в течение 1795 г. было подписано несколько договоров Французской Республики с государствами, входившими в антифранцузскую коалицию. Договор с Испанией подписан 22 июля 1795 г.

¹⁵ (с. 205) — Итальянская армия Французской Республики была создана перед кампанией 1795 г. для действий на итальянском театре войны (откуда и название). В марте 1796 г. после нового набора общая численность вооруженных сил Республики составляла около 400 тысяч человек. Итальянская армия занимала узкую прибрежную полосу (генуэзская Ривьера). Войска терпели недостаток во всем: продовольствии, обуви, одежде, фураже, боеприпасах. В состав армии входило шесть дивизий и четыре тысячи кавалеристов — всего около 43 тысяч человек и шестидесяти орудий. Французам противостояла союзная армия в составе 45 тысяч сардинских войск под командованием Коли и 32 тысяч австрийских — под командованием Болье. Союзники располагали ста сорока восемью орудиями.

¹⁶ (с. 205) — Д о ж — официальный глава Венецианской республики. Название происходит от латинского слова *dux* (глава; военачальник, полководец; государь). Пост дожа известен с конца VII в. Дожи сменили коллегию выборных дрибунов. Первое время дожи были византийскими чиновниками и носили византийские титулы. Первым венецианским дожем по традиции считается Паолуччо Анафесто (697-717). Первоначально власть дожей была очень большой, но постепенно аристократическая верхушка Республики учредила целый ряд собраний сословных представителей, резко ограничивших власть дожа. Уже с начала XIII в., вступая в должность, дож должен был давать торжественное обещание соблюдать целый ряд условий, направленных против сосредоточения слишком большой власти в руках одного правителя и против попыток установления наследственной монархии. В 1501 г. были даже учреждены должности для проверки деятельности умерших дожей. Чем больше ограничивали венецианцы власть дожа, тем помпезнее украшал он свою внешность. Особенно пышен был парадный наряд: яркие красно-пурпурные одежды, горностаевая мантия, обрамленная на груди драгоценными подвесками, роскошный головной убор. Обращаться к дожу разрешалось только с оборотом «*messer lo doxe*», а также с титулом Светлейший (*Serenissimo*), введенным в XII в.

С е н а т — фактический центр управления Республикой. Вырос из коллегии Прегади (см. дальше) в середине XIII в. Постепенно в руках сената сосредоточилось административное управление финансами, армией, флотом, ведение внешней политики, выборы генерального капитана (главнокомандующего), право объявления войны и заключения мира. Руководство сенатом и выполнение его решений лежало на Синьории (прежде называвшейся Малым советом), в состав которой входили дож, три его главных советника, три председателя коллегий сорока (входившей в сенат и ведавшей уголовной юстицией), представители шести городских частей и трех судебных округов. Синьория звалась «светлейшей» (*La Serenissima*). В заседаниях Большого совета и сената она занимала возвышенную эстраду. Фактически она была правящей коллегией, в полномочиях которой постепенно растворилась власть дожа.

¹⁷ (с. 205) — У местечка Лоди войска Наполеона 10 мая 1796 г. разбили десяти тысячный австрийский отряд, защищавший переправу через р. Адду.

¹⁸ (с. 207) — М е с т р е — город на материковом берегу Венецианской лагуны.

¹⁹ (с. 207) — Каннаредджо — канал в северо-западной, ближайшей к Местре части Венеции, а также одна из шести частей, на которые делилась Венеция.

²⁰ (с. 207) — Ка-д'Оро (*итал.* Ca'd'Oro) — «Золотой дом», один из самых замечательных дворцов Венеции; расположен на берегу Большого канала; построен в 1421—1440 гг. по проекту группы ломбардских архитекторов во главе с М. Раверти; строили венецианские каменщики под руководством Б. Бона. Сабатини ошибается, называя дворец «романским чудом», — здание построено в готическом стиле. Первоначально дворец был резиденцией прокуратора М. Контарини. В настоящее время в здании размещен музей искусства XV—XVII вв. — галерея Франкетти.

²¹ (с. 207) — Мост Риальто (*на Большом канале*) — одно из самых знаменитых сооружений Венеции: одноарочный мост длиной 48 и шириной 22 м. Арка моста опирается с каждой стороны на шесть тысяч дубовых свай. Строительство моста длилось четыре года (1588—1592) и обошлось в 250 тысяч дукатов. Риальто — древнейший мост в городе, на нем расположено множество сувенирных киосков и лавок. Строил мост архитектор Антонио да Понте.

²² (с. 208) — Фельце (*итал.*) — каюта, устраиваемая на венецианской гондоле.

²³ (с. 210) — Совет десяти — одно из названий правительства Венеции, синоним Синьории. В таком понимании совет составляли дож и девять его помощников (кроме отмеченных в прим. 16 представителей городских частей).

²⁴ (с. 210) — Государственные инквизиторы — Венеция установила трибунал инквизиции в 1249 г., но при этом отказалась пустить в город назначаемого римским папой инквизитора. Только полвека спустя представители Его святейшества приняли в Венеции, однако при этом горожане потребовали гарантий, которые бы позволили им избежать произвола церковников. В частности, рядом с римским инквизитором должны были заседать три гражданских асессора из полноправных венецианцев, без санкции которых приговор считался недействительным. Позднее из состава Совета десяти выделилась так называемая Коллегия трех, принявшая на себя часть функций полицейского надзора. Эту коллегию и прозвали государственными инквизиторами.

²⁵ (с. 212) — Ожеро, Пьер Франсуа Шарль (1757—1816) — впоследствии стал маршалом Французской империи. Наполеон присвоил ему титул графа Тревизского. Не очень ясно замечание Р. Сабатини, ибо Ожеро сам относился к «высочкам»: в начале революции он был сержантом, обучая в Неаполе строю местных солдат. Популярна будто бы брошенная Бонапартом в одной из ссор с Ожеро фраза: «Генерал, вы выше меня ростом ровно на голову, но это отличие легко устранимо».

²⁶ (с. 215) — Барнаботто (*мн.ч.* — барнаботти) — так в Венеции называли обедневших аристократов, которые проживали большей частью в предместье Сан-Барнабо.

²⁷ (с. 221) — Ромней (или Ромни), Джордж — известный английский художник-портретист (1734—1802).

²⁸ (с. 223) — Речь идет о взятии Константинополя крестоносцами в 1204 г. Подбил их на этот подвиг венецианский дож Энрико Дандоло. При разделе Византийской империи Венеция получила три восьмых ее

территории, однако значительная часть приобретенного была утрачена после падения в 1261 г. Латинской империи, государства рыцарей-крестоносцев на берегах Босфора и Мраморного моря.

²⁹ (с. 223) — Имеется в виду морская битва при Лепанто, состоявшаяся 7 октября 1571 г. недалеко от одноименного греческого города (современное название — Нафпактос). В последнем крупном сражении гребных флотилий испано-венецианские корабли под общим командованием дона Хуана Австрийского нанесли поражение турецкому галерному флоту.

³⁰ (с. 223) — Веронезе (настоящая фамилия Кальяри), Паоло (1528—1588) — венецианский живописец позднего Возрождения. Работал в своем родном городе Вероне, а также в Мантуе, Тревизо, Виченце, Падуе, но больше всего был связан с Венецией. До сих пор в различных церквях и музеях Венеции хранится много работ художника, в частности во Дворце дождей — «Похищение Европы» (1580) и «Триумф Венеции» (1580—1585).

³¹ (с. 223) — Беллини, Джованни (ок. 1430—1516) — венецианский живописец раннего Возрождения. Учитель великого итальянского художника Тициана и, вероятно, Джорджоне. Автор многочисленных картин на религиозные и мифологические темы, портретов.

³² (с. 223) — Догаресса — жена дожа. Не имела никаких особых обязанностей, ни политического авторитета. На ее долю падало только «представительство» в столетия процветания города. Иногда вместе с церемонией «коронации» дожа происходила та же церемония для догарессы.

³³ (с. 223) — Тициан (Тициано Вечеллио, 1476/77-1576) — великий итальянский живописец, глава венецианской школы живописи. Большая часть его жизни связана с Венецией, но он работал также в Падуе, Ферраре, Мантуе, Урбино, Риме (1545-1546) и Аугсбурге. За свою долгую жизнь создал множество произведений, лучшие из которых теперь находятся в крупнейших художественных музеях мира, в том числе в Санкт-Петербургском Эрмитаже («Святой Себастьян», «Даная», «Кающаяся Мария Магдалина», «Динарий кесаря»).

³⁴ (с. 223) — Тьеполо, Джованни Баттиста (1696—1770) — венецианский живописец, рисовальщик и офортис. В своих работах, отличающихся особым, выдержанным в серебристых тонах колоритом, отражал пышную и праздничную сторону жизни Венеции. Мастер монументально-декоративных полотен и фресок, органически связанных с архитектурой и отличающихся динамикой композиции и свежестью колорита. С Венецией связан цикл его картин для дворца Дольфино, фрески в церкви Джезуати, палаццо Лабиа и палаццо Редзониго.

³⁵ (с. 223) — Челлини, Бенvenuto (1500—1571/74) — флорентийский скульптор, ювелир, писатель. Работал во Флоренции, Пизе, Болонье, Риме, Париже. Широкую известность приобрели выполненные им бронзовые скульптуры «Персей» и бюст Козимо Медичи, мраморное «Распятие», золотая солонга короля Франциска I, бронзовый барельеф «Нимфа Фонтенбло». Пользовалась успехом его изданная в XVIII в. блестяще написанная автобиография — «Жизнь Бенvenuto Челлини» (русский перевод — 1958).

³⁶ (с. 225) — На полуострове Киброн в Бретани с английских кораблей 19 июня 1795 г. было высажено несколько эмигрантских полков, пытавшихся вооруженным путем свергнуть революционное правительство Франции. Конвент послал против них армию генерала Гоша. Десант был полностью разгромлен, а 750 человек из числа пленных по приказу руководства Конвента были расстреляны.

³⁷ (с. 225) — Битва при Савене — 24 декабря 1793 г. здесь произошло первое серьезное столкновение вандейских мятежников с республиканскими войсками. Республиканская армия одержала внушительную победу. (Сейчас Савене — кантональный центр в департаменте Атлантическая Луара.)

Шаретт-де-ла-Контри, Франсуа де (1763-1796) — бывший морской офицер. В 1793 г. вовлечен в контрреволюционный заговор крестьянами Машкуля, избравшими его своим предводителем. Участвовал в осаде Нанта и других победных сражениях. Разойдясь во взглядах с другими вандейскими вождями, воевал в болотах Пуату, став непревзойденным мастером партизанской войны. В феврале 1795 г. подписал мир с Конвентом, но, узнав о высадке десанта в Киброне, попытался оказать помощь, но был разбит, взят в плен и казнен.

³⁸ (с. 226) — Камбрейская лига — союз германского императора Максимилиана I, римского папы Юлия II, французского короля Людовика XII и испанского короля Фердинанда, который был заключен в городе Камбре в 1508 г. для борьбы против Венецианской республики. Союз оказался непрочным и, несмотря на успешные военные действия, быстро распался.

³⁹ (с. 226) — Цехин (*ит. zecchino*) — так назывался с XVI в. золотой дукат, чеканившийся на венецианском монетном дворе (*ит. зесса*); весил 3,5 г при пробе 23,5 карата (чистое золото соответствует 24 каратам).

⁴⁰ (с. 226) — Морозини — род венецианских патрициев, в течение многих веков занимавший ведущее место в общественной жизни республики и давший нескольких дожей. Наиболее известен Франческо Морозини (1618-1694), прославившийся военным талантом. Начал карьеру офицером на галерах, участвовал во многих победных сражениях в восточной части Средиземного моря, был управляющим галеасами на Кандии (так венецианцы называли о. Крит), капитаном галеаса, инспектором армии, главнокомандующим военно-морскими силами республики. Его военные успехи возбуждали зависть, и Ф. Морозини был отозван с Востока. Однако ему удалась политическая карьера: в 1669 г. стал прокуратором собора Св. Марка, потом — членом коллегии мудрых, инспектором оборонительных сооружений в континентальных владениях, генеральным ревизором во Фриули. В 1684 г., став главнокомандующим, начал четырехлетнюю войну с турками, принесящую Венеции победу и территориальные приобретения в Греции. 3 апреля 1688 г. был избран дожем, продолжая оставаться в должности главнокомандующего. Но последующая деятельность не принесла новых лавров старому полководцу.

Альвиано, Бартоломео (1455—1515) — венецианский полководец. Военную карьеру начал на службе папы и неаполитанского короля, потом перешел на службу к семейству Орсини, вместе с одним из них, Никколо, в 1507 г. стал под знамена Венеции. В 1508 г. несколько раз разбил германские войска, захватив для республики Порденоне, Горицию, часть

Истрии, но уже в следующем году потерпел поражение от французов под Аньяделло и попал в плен. В 1513 г., вернувшись из плена, снова стал главнокомандующим войсками Серениссы и снова был разбит, на этот раз испанцами, но позднее с помощью французского короля Франциска I одержал ряд побед на итальянской территории над немцами и швейцарцами.

Д а н д о л о — род венецианских патрициев, давший в XII—XIV вв. несколько дожей, среди которых наиболее знаменит Энрико Дандоло (1107—1205), адмирал, основатель колониальной мощи Венеции в восточной части Средиземного моря.

⁴¹ (с. 241) — Ф р и у л и е ц — житель Фриули, крайней северо-восточной предгорной области Италии; для тогдашней Венеции мог уже рассматриваться почти как иностранец.

⁴² (с. 238) — Р е к в и е м — католическая заупокойная служба; название получила по открывающей обряд молитве «Requiem aeternam dona eis...» («Вечный покой дай им...»).

⁴³ (с. 241) — К а б о ш о н — особая форма сильно выпуклой с одной стороны линзы или полусферы, придаваемая некоторым драгоценным или полудрагоценным камням при шлифовке; так же назывался и сам камень с такой формой шлифовки.

⁴⁴ (с. 241) — Д в о р е ц д о ж е й — резиденция главы Венецианской республики, а также верховных органов республиканского управления. Здание первоначально строилось как укрепленный замок... В XIV в. капитально перестроено. Сначала возник фасад со стороны мола (1309), потом — со стороны площади Св. Марка (1424—1444, под руководством архитектора Ф. Календарио). В конце XV в. А. Риццо составил проект великолепного ренессансного фасада и лестницы Гигантов, но бежал из города, обвиненный в растрате общественных денег; работу оканчивал П. Ломбардо в содружестве с другими архитекторами. Дворец завершен в 1549 г., но пожары 1574 и 1577 гг. уничтожили самые красивые залы. Интерьер дворца сильно пострадал от нашествия толпы после падения республики в 1797 г. В настоящее время — историко-архитектурный и художественный музей.

⁴⁵ (с. 241) — Речь идет о так называемой Старой крепости (Придjonen векье).

⁴⁶ (с. 241) — М о с т в з д о х о в (*ит.* — Ponte dei Sospiri) — построен в XVII в. по проекту архитектора А. Контини. По этому мосту вели узников на суд государственных инквизиторов. Название будто бы возникло от тех печальных вздохов, с которыми заключенные бросали последний взгляд на Венецию.

⁴⁷ (с. 241) — С в я т о й Т е о д о р был первым покровителем Венеции. Статуя небесного патрона города составлена из фрагментов различных памятников: для головы использован бюст понтийского царя Митридата, торс взят с римской скульптуры II в., остальные детали добавлены в XIV в.

⁴⁸ (с. 241) — К р ы л а т ы й л е в считается символом евангелиста Марка, покровителя Венеции. Бронзовая скульптура льва является памятником то ли древнеиракского, то ли древнекитайского искусства. Крылья приварены позднее. В 1797 г. лев Св. Марка, по приказу Наполеона, был вывезен в Париж. Вернули скульптуру городу только в 1815 г., значительно поврежденную.

⁴⁹ (с. 241) — Т р а х и т — вулканическая горная порода, шероховатая на ощупь, обычно порфировая, содержащая щелочные полевые шпаты (в виде вкраплений), иногда — плагиоклазы и один или больше цветных минералов (чаще всего — биотит и авгит). Красиво окрашенные разновидности используются как декоративные и поделочные камни.

⁵⁰ (с. 242) — Собор Святого Марка — самый ценный и самый великолепный памятник церковной архитектуры в Венеции, шедевр, в котором гармонично сочетаются византийский, романский и готический стили. Внутри собора хранятся первоклассные образцы византийского искусства, привезенные из победных походов или исполненные талантливыми венецианскими мастерами. Современное здание построено на месте скромного святилища, воздвигнутого в 832 г. над перевезенными из Египта мощами евангелиста Марка. Решение о строительстве грандиозного храма, достойно отражающего величие и богатство Венецианской республики, начато в 1063 г. по распоряжению дожа Д. Контарини. Архитектор собора неизвестен. Предполагают, что он был греком. Строили собор венецианские и ломбардские мастера. Строительство собора закончено в 1094 г., но до XVI в. продолжалось украшение святыни. Наибольшей известностью пользуются мозаики на золотом фоне, покрывающие фасад, атриум, купол и внутренность храма, благодаря которым собор называют «золотой базиликой».

Колокольня собора — могучее, квадратное в плане кирпичное сооружение, простое и стройное, достигающее в высоту 98 м. Низ выполнен в романском стиле, верх — в ренессансном. Пирамидальная верхушка покрыта медными плитками и увенчана позолоченной фигурой ангела. Колокольня строилась в IX–XII вв.

В 1745 г. в башню ударила молния, образовалась трещина, в конце концов вызвавшая падение колокольни в 1902 г. Десять лет спустя колокольня была восстановлена по старым чертежам. Венецианцы очень привязаны к колокольне Св. Марка и называют ее «el ragon de casa» («хозяин дома»).

⁵¹ (с. 242) — М у р а н о — город-пригород Венеции, расположенный на пяти островках Венецианской лагуны; знаменит своими стеклодувами. Сюда в XIII в. было перенесено из Венеции производство стекла. Расцвет стекольной промышленности пришелся на XV–XVI вв. С XVIII в. стеклодувы Мурано заняты изготовлением преимущественно художественного стекла.

⁵² (с. 242) — П р е г а д и — так называлась коллегия ближайших советников дожа, которых он приглашал сам, когда находил нужным. С 1229 г. стала выделяться Большим советом из своего состава и постепенно разрослась с первоначальных 60 человек до трехсот, с 1289 г. привилегия созыва Прегади у дожа была отнята и передана Большому совету.

⁵³ (с. 243) — К а м л о т — тонкая шерстяная или полушерстяная ткань.

⁵⁴ (с. 243) — В октябре 1796 г. по инициативе Бонапарта на севере Италии были созданы две республики, получившие — в память о названиях провинций Древнего Рима — наименование «Циспаданских»: в одну республику входили Болонья и Феррара, другая была создана в Реджо. Создавая эти государства, французский полководец имел в виду только интересы своей армии. Обе республики просуществовали недолго.

⁵⁵ (с. 243) — Р е д ж о (*ит.* — Reggio nel Emilia) — город на Эмилианской низменности, в 27 км от Пармы и в 65 км от Болоньи. В 1796 г. с приближением войск Бонапарта здесь усилились демократические и свободолюбивые тенденции. 26 августа 1796 г. вспыхнуло восстание, в результате которого было провозглашено отделение от Моденского герцогства и создание Реджанской республики, вошедшей 30 декабря того же года в Циспаданскую республику.

⁵⁶ (с. 244) — С а в о й я — историческая область во Франции, с XI в. была самостоятельным государством: графством, потом герцогством. В 1720 г. стала частью Сардинского королевства. В конце XVIII в. была занята французами. По решению Венского конгресса в 1815 г. возвращена Сардинскому королевству. В 1860 г. окончательно присоединена к Франции.

⁵⁷ (с. 246) — Б о л ь е — с весны 1796 г. главнокомандующий австрийскими войсками в Италии. Стендаль в «Воспоминаниях о Наполеоне» упоминает про «генерала Болье, почти восьмидесятилетнего старца, прославившегося своим мужеством и предприимчивостью, но.... полководца весьма посредственного». Под началом Болье в начале кампании было 50 тысяч человек.

⁵⁸ (с. 248) — Ф а р а о н — здесь: название карточной игры.

⁵⁹ (с. 248) — П р о к у р а ц и и — административные здания на площади Св. Марка. Старые Прокурации (строились в 1480-1514) — трехэтажный вытянутый в длину дворец с портиком на 50 аркадах (архитекторы М. Кодусси, Б. Бон и др.), который был резиденцией прокураторов Св. Марка, высшего — после дожа — органа власти Венеции, существовавшего с IX в. В функции прокураторов входили надзор за строительством, перестройкой и консервацией собора, а также распоряжение храмовым имуществом в различных частях города. Новые Прокурации (построены в 1584-1640; архитекторы В. Скамоцци, Б. Лонге) стали резиденцией прокураторов после продажи старого дворца. Во время пребывания Наполеона в Венеции Новые Прокурации были его резиденцией.

⁶⁰ (с. 249) — П о н т и р о в а т ь (карточный термин) — «играть в банк против банкомета, ставить куш на карту» (В. И. Даль).

⁶¹ (с. 250) — Д у к а т — см. прим. 18 к роману «Любовь и оружие».

⁶² (с. 251) — Д р е з д е н с к и й ф а р ф о р — изделия саксонской королевской фарфоровой фабрики под Дрезденом. Секрет изготовления белого фарфора был в Европе открыт в 1709 г. известным алхимиком Йоханном Фридрихом Бёттгером совместно с графом Эренфридом Вальтером фон Чирнхаусом. В следующем году саксонский король Август II, у которого служил Бёттгер, основал в Дрездене фарфоровую мануфактуру, но вскоре перенес ее в городок Майссен. Изделия майссенской фабрики отличались характерным декором, в чем особую роль сыграл Йоханн Грегор Хёрольдт, художественной формой сосудов и раскраской фарфоровых статуэток, в чем особенно преуспел Йоханн Йохим Кендлерс. Майссенский фарфор получил мировую известность. С 1725 г. существует собственный фирменный знак фабрики — скрещенные голубые мечи.

⁶³ (с. 252) — Б о л ь ш о й с о в е т — высший законодательный орган власти в Венецианской республике. Учрежден в 1172 г. Состоял из выборных нотаблей и сильно ограничивал компетенцию дожа и Синьории. В 1297 г. дож Пьетро Градениго осуществил реформу совета, которая

сильно затруднила доступ туда лицам, не принадлежащим к нобилитету. Окончательно закрыт был доступ в Большой совет неаристократическим фамилиям в 1315 г., когда был составлен первый список, положивший начало «Золотой книге».

⁶⁴ (с. 253) — Людовик XVIII — брат казненного во время Великой французской революции короля Людовика XVI. В 1814 г., после победы союзников над Наполеоном, стал королем Франции, что знаменовало начало реставрации династии Бурбонов. Правил до 1824 г. (Людовиком XVII французские монархисты называли неправившего сына Людовика XVI.)

⁶⁵ (с. 256) — Чимароза, Доменико (1749-1801) — итальянский композитор, автор 75 опер, самая известная из которых — «Тайный брак», фортепианных сонат, ораторий, месс и пр. В 1789-1791 гг. работал в России.

⁶⁶ (с. 258) — Тафта — тонкая плотная глянцеви́тая ткань, выработанная из хлопчатобумажной пряжи или искусственного шелка.

⁶⁷ (с. 260) — Фосколо, Уго (1778-1827) — итальянский поэт и революционер, борющийся за освобождение Италии. Родился на острове Занте, в группе Ионических островов, принадлежавших тогда Венеции. (Сабатини ошибочно называет его родиной г.Задар — итальянское — Зара). Семья Фосколо действительно в 1785 г. переселилась в Далмацию, но не в Задар, а в Сплит.) По матери грек. При крещении получил традиционное в семье имя Никколо, потом был переименован в Никколо Уго, но в литературной деятельности использовал только второе имя. В 1793 г. семья переехала в Венецию, где юноша усердно занимался самообразованием и сделал первые шаги в литературе. Он горячо приветствовал идеи французской революции, о чем свидетельствуют оды «Бонапарту-освободителю» и «Новым республиканцам». В 1797 г. была поставлена его героическая трагедия «Фиест», в которой поэт осуждал тиранию и прославлял демократические свободы. Кроме того, Фосколо писал многочисленные стихотворения, преимущественно любовного содержания: канцоны, сонеты, гимны, оды, элегии и пр. Вдохновительницей многих его произведений того времени была обожаемая им Изабелла Теотохи Альбрици.

⁶⁸ (с. 263) — Мальвазия — см. прим. 10 к роману «Любовь и оружие».

⁶⁹ (с. 264) — Пескьера — крепость на южном берегу озера Гарда в Северной Италии.

⁷⁰ (с. 267) — Гранде — начальник сыскной полиции в Венеции.

⁷¹ (с. 267) — Пьомби (ит. — «свинцовые крыши») — тюремные камеры под свинцовой крышей Дворца дождей.

⁷² (с. 269) — Пенни — мелкая английская монета, 1/240 часть фунта стерлингов, 1/12 часть шиллинга. Чеканка пенни началась в VIII в. Сначала монеты были серебряными, с конца XVII в. стали медными.

⁷³ (с. 278) — Вурмзер, Дагоберт Зигмунд, граф (1724—1797) — австрийский фельдмаршал. В 1792-1796 гг. командовал союзной армией на Рейне, которая вела боевые действия против французов. В ходе итальянской кампании был трижды разбит войсками Наполеона, лишен командования и назначен генерал-губернатором Венгрии.

⁷⁴ (с. 278) — Монте-Балдо — горная цепь, разделяющая озеро Гарда и долину реки Адидже.

⁷⁵ (с. 279) — М а л а м о к к о — живописная местность в южной части острова Лидо, отделяющего Венецианскую лагуну от Адриатики.

⁷⁶ (с. 286) — Ф а м а г о с т а — итальянское название города Фамагусты на Кипре.

Брагадин, Маркантонио (1523—1571) — венецианский генерал, командир крепости в Фамагусте, которую отчаянно защищал от турок в 1570—1571 гг., выгадав тем самым время для заключения Христианской (или Священной) лиги. Самоотверженные действия осажденных не помогли, помощь не приходила, и Брагадин вынужден был сдать на почетных условиях крепость Мустафа-паше. Но турки проявили редкое коварство. Они изменой захватили руководителей обороны, пытали их с изысканным варварством, отрывая куски мяса от живого пленника. Брагадину отрубили нос и уши, и он вынужден был смотреть на мучения своих подчиненных. После одиннадцатидневных страданий с него с живого содрали кожу на площади в Фамагусте, потом ее набили соломой, и Мустафа-паша отвез чучело на рее своего корабля в Стамбул.

⁷⁷ (с. 287) — Д е р е в о С в о б о д ы — 20 июня 1792 г. в Париже, в саду Тюильри, был посажен ломбардский тополь — Дерево Свободы. Этой акцией революционно настроенные граждане отметили годовщину одного из событий, предшествовавших штурму Бастилии, — клятву в Зале для игры в мяч. Сама акция связана с традицией посадки майского дерева, старинным обрядом, который был вызван к жизни культом растительности и был широко распространен в средневековой Европе.

⁷⁸ (с. 288) — П а и з и е л л о, Джованни (1740—1816) — популярный итальянский композитор, автор многочисленных опер и других сочинений. Особой известностью пользовалась его опера «Севильский цирюльник» на сюжет П. Бомарше, поставленная в 1782 г. в Санкт-Петербурге, где тогда работал композитор.

⁷⁹ (с. 289) — П р о в е д и т о р (ит. — *provveditore*) — главный инспектор.

⁸⁰ (с. 295) — И е з а в е л ь — дочь сидонского царя Ефваала, жена седьмого израильского царя Ахава (874—853 до н.э.); известна своими гонениями на ветхозаветных пророков, сторонников веры в бога Яхве; распространяла культ ханаанского бога Ваала, временно ставший даже государственной религией Израиля, и культ тирского бога Мелькарта, которому она приказала воздвигнуть храм в Самарии.

⁸¹ (с. 296) — М о н а с т ы р ь С а н - Д ж о р д ж о - М а д д ж о р е — расположен на одноименном острове, в полукилометре от Дворца дождей. Монастырь был основан бенедиктинцами; они и в наши дни занимают часть монастырского комплекса. Собор монастыря, заложенный в X в. и перестроенный в XVI в., принадлежит к числу наиболее известных венецианских храмов.

С л а в я н а м и венецианцы называли славянское население Далмации, состоявшее преимущественно из хорват.

⁸² (с. 304) — Я р д — английская мера длины, равная 0,914 м.

⁸³ (с. 310) — Ф а р т и н г — английская разменная монета. В одном шиллинге было 48 фартингов, в одном фунте стерлингов — 960 фартингов. С XIII в. чеканили серебряные фартинги, в новое время их сменили медные, а потом бронзовые монеты.

⁸⁴ (с. 322) — Альвинци фон Барберек, Йозеф (1735—1810) — австрийский фельдмаршал, пользовавшийся, правда, репутацией стоящего тактика, но не подтвердивший ее в войнах.

Сабатини не прав: в австрийской армии Альвинци было гораздо больше солдат: у Наполеона, за вычетом восьми тысяч оставленных под осажденной Мантуйей, было 28,5 тысячи солдат.

⁸⁵ (с. 325) — Сабатини значительно преувеличивает успехи австрийцев. Уступая превосходящим силам противника, Наполеон дал приказ об отступлении. Французы отходили, ведя тяжелые оборонительные бои. Разумеется, были у них и частные неудачи, но неправомерно применять к этим частным поражениям обороты «разбит», «потерпел тяжелое поражение». Все французские части сохраняли боеспособность и отступали в полном порядке. Отход французской армии закончился 14 ноября на берегах Адидже, у селения Арколе, где в кровопролитной трехдневной битве (15—17 ноября) Наполеон одержал одну из самых блистательных побед в своей военной карьере.

⁸⁶ (с. 328) — Первое представление «Ф и е с т а» состоялось 4 января 1797 г.

Ф и е с т — герой греческих мифов. По самой распространенной версии, он был сыном Пелопа, брата Атрея. Упоминается в «Илиаде» и «Одиссее», в трагедиях Эсхила, Софокла, Еврипида, Сенеки и других античных авторов. Вот как рассказывается его история в трагедии Эсхила «Агамемнон»: в борьбе за власть Атрей, отец одного из героев Троянской войны Агамемнона, изгнал из родного города своего брата; проведя в изгнании много лет, Фиест возвратился в Арголиду; Атрей устроил в его честь пир, подав изгнаннику мясо его же собственных детей; распознав злодейство, Фиест изрыгнул съеденное, опрокинул стол и проклял семью Атрея, пожелав, чтобы весь род последнего погиб такой же страшной смертью; проклятие это повлекло за собой длинную цепь преступлений.

⁸⁷ (с. 328) — Битва при Риволи произошла 14—15 января 1797 г.

⁸⁸ (с. 329) — Мирный договор Наполеона с папой Пием VI был заключен 19 февраля 1797 г. Папа уступал самые богатые земли из своих владений, соглашался выплатить тридцать миллионов франков золотом и отдавал из своих музеев лучшие картины и статуи.

⁸⁹ (с. 337) — Г а р р о т а — железный ошейник, орудие инквизиции, с помощью которого происходило бескровное умерщвление жертвы. Состоял из металлического полукольца и закручивающегося при помощи винта шелкового шнура.

⁹⁰ (с. 338) — Д а л и л а (Далида) — в ветхозаветном предании женщина из долины Сорека, возлюбленная богатыря Самсона. Узнав, что неодолимая сила героя скрыта в его волосах, усыпила его, велела остричь «семь кос его головы его», а затем предала в руки его врагов филистимлян, господствовавших в то время над Израилем.

⁹¹ (с. 360) — С б и р (*ит.* — sbirro) — полицейский агент, сыщик.

⁹² (с. 363) — М у ш к е т о н — старинное, заряжавшееся с дула гладкоствольное оружие крупного калибра с воронкообразным дулом. Заряжался большим количеством пуль. Дуло с раструбом благоприятствовало широкому разбросу заряда и одновременному поражению нескольких целей. В XVII—XVIII вв. состояло на вооружении у британских и голландских солдат и матросов.

⁹³ (с. 365) — Неточность автора: от канала Сан-Даниэле, на котором находился дом Пиццамано, нельзя пройти пешком к каналу Сан-Джорджо (Св. Георгия), разделяющему острова Джудекка и Сан-Джорджо-Мадджоре, которые расположены к югу от основного городского ядра. Судя по описанию, речь идет о канале Сан-Пьетро (Св. Петра).

⁹⁴ (с. 373) — *Подеста* (ит.) — мэр итальянского города.

⁹⁵ (с. 386) — *Тальяменто* — это название носят 1) река в провинции Фриули-Венеция-Джулия, на северо-востоке Италии, которая начинается в отрогах Карнийских Альп, близ современной итало-австрийской границы; 2) горный проход, через который вел путь в Триест.

⁹⁶ (с. 387) — *Юденбург* — город в Южной Австрии, в верховьях реки Мур. Вопреки утверждению Р. Сабатини в первую итальянскую кампанию Бонапарта здесь не было крупных сражений.

⁹⁷ (с. 395) — *Сансовино* (настоящая фамилия Татти), *Якопо* (1486—1570) — итальянский архитектор и скульптор. Работал главным образом в Венеции. Среди его творений — библиотека Св. Марка, лоджета колокольни собора Св. Марка, палаццо Дзекка, палаццо Корнер и другие здания Венеции, скульптурное оформление нескольких церквей Венеции, Падуи, Рима, скульптуры на античные и евангельские темы.

⁹⁸ (с. 396) — *Алебарда* — старинное оружие: лезвие в форме топора, насаженное на длинное древко с копьём на конце.

⁹⁹ (с. 398) — *Уайтхолл* — улица в Лондоне, на которой расположены правительственные учреждения; название улицы используется также для обозначения самого британского правительства.

¹⁰⁰ (с. 414) — *Жюно*, *Андош* (1771—1813) — французский военачальник. В первую итальянскую кампанию Наполеона был его адъютантом, потом принимал участие в египетском походе, в португальской кампании 1807 г. За военные заслуги получил генеральское звание, а также титул герцога д'Абрантес. В 1812 г. командовал корпусом (в том числе при Бородино), но за неудачные действия по охране Смоленской дороги был смещен и отправлен в Иллирию. В приступе бешенства покончил с собой.

¹⁰¹ (с. 414) — *Тинторетто* (настоящая фамилия — Робусто), *Якопо* (1518—1594) — итальянский архитектор и скульптор, работавший в кризисную эпоху Возрождения. Работал в Венеции. Лучшие его произведения драматически насыщены, характеризуются смелыми композиционными и колористическими эффектами, в частности любил приводить в беспорядок композицию произведения, обесцвечивая контуры тела, как бы выводил их за грани реального мира, путем вибрирующего освещения создавал иллюзию объема. Основные работы художника находятся в библиотеке Св. Марка, Дворце дождей, Венецианской академии, школе Св. Рокко, церкви Санта-Мария делла Салуте и других культовых зданиях Венеции. Высоко ценились психологически острые портреты кисти Тинторетто.

¹⁰² (с. 414) — *Мочениго* — фамилия семи венецианских дождей, четверо из которых носили имя Алвизе. Наиболее известен последний из них — Алвизе IV Мочениго (1701—1778). Его правление характеризуется серией коммерческих договоров, значительными общественными работами и реформами. Торговые соглашения были заключены с Францией, Англией, берберскими государствами Северной Африки, Данией и Рос-

сий. Через Кадис и Лиссабон началась торговля с Америкой. Была учреждена Торговая палата, наложены ограничения на церковную собственность и устройство религиозных праздников, финансово поощрялись искусство и сельское хозяйство.

Д а П о н т е — венецианский род, который часто упоминается в документах XI в., но в 1217 г. он угас. В XV в. род возрождается благодаря пришельцам из Феррары. Новая запись в патрициат сделана в 1473 г., после чего стало быстро расти политическое влияние рода. Один из его представителей, Никколо, в 1578—1585 гг. становится дожем, имея за спиной богатый опыт дипломатической службы и участия в Тридентском церковном соборе.

Д о н а — венецианский род, довольно поздно дошедший до высших должностей, хотя уже процветал в XI—XII вв. Известны три дожа из этого рода: Франческо (1545—1553), Леонардо (1606—1612) и Николо (1618) — ни один из них не совершил каких-либо особенно памятных горожанам деяний.

¹⁰³ (с. 416) — В е р о н с к а я п а с х а — такое название носит восстание жителей Вероны против французов, оккупировавших город 1 июля 1796 г. и отметивших свое правление массовыми грабежами, насилиями, преследованиями горожан. Восстание началось в пасхальный понедельник 17 апреля 1797 г. Французские войска укрылись в трех замках. Борьба продолжалась до 23 апреля. Прибытие свежих наполеоновских сил принудило восставших сдаться. Наказание было тяжелым: веронцы должны были выплатить 120 тысяч дукатов контрибуции и 50 тысяч дукатов раздать солдатам французской армии; были конфискованы церковное серебро, произведения изобразительного искусства, все лошади. Бонапарт обязал горожан поставить для армии 40 тысяч пар сапог и столько же комплектов одежды. Многих горожан предали военно-полевому суду, четверо из осужденных были казнены. (Любопытный читатель может задаться вопросом, сколь эффективны были для Бонапарта даровые поставки веронцев. Не лишне в связи с этим будет здесь привести слова русского писателя И. Л. Солоневича из книги «Народная монархия»: «Таким образом, военный гений определяется, в частности, и проблемой солдатского сапога. Если сапог плох, армия маневрировать не может».)

¹⁰⁴ (с. 416) — Ф р е г а т — трехмачтовый военный корабль с двумя батарейными палубами (до 60 пушек), отличавшийся хорошей устойчивостью и отменными ходовыми качествами. Использовался главным образом для крейсерства и разведки.

¹⁰⁵ (с. 416) — Л ю г г е р — небольшое парусное судно.

¹⁰⁶ (с. 417) — Г а л и о т — быстроходная парусная галера.

¹⁰⁷ (с. 427) — А т т и л а — предводитель гуннов, при котором гуннское государство объединяло гепидов, остготов, скиров, тюрингов, бургунов, ругиев. Основная масса гуннов обосновалась на Среднем Дунае, откуда они под предводительством Аттилы совершали грабительские походы до Галлии и Северной Италии. В 451 г. Аттила начал поход на запад, однако, потерпев поражение в битве на Каталаунских полях, гунны отступили за Рейн. В следующем году гунны направились на Рим, разорили всю Северную Италию, но от Медиолана повернули назад. В 453 г. Аттила неожиданно умер, после чего созданное им царство распалось.

¹⁰⁸ (с. 428) — С а б а т и н е п р а в. В Леобене 13 апреля 1797 г. было

только заключено перемирие, не затрагивавшее политических и территориальных вопросов. Судьба Венеции и ее континентальных провинций была решена осенью того же года, когда 17 октября в деревне Кампо-Формио был заключен мир между Францией и Австрией.

¹⁰⁹ (с. 431) — С а н-М и к е л е — островок в Венецианской лагуне, в восьмистах метрах севернее города. В прошлом предназначался для содержания политических ссыльных. Позднее превращен в городское кладбище. В Мурано никакой крепости Сан-Микеле нет.

¹¹⁰ (с. 440) — «О к а з а т ь с я в ч ь и х-л и б о т у ф л я х» (to be in somebody's shoes) — английское идиоматическое выражение, равнозначное русскому обороту «оказаться в чужой шкуре».

Примечания П. ПАВЛЕНКО и А. МОСКВИНА

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЮБОВЬ И ОРУЖИЕ

Роман

Перевод В. ВЕБЕРА

5

ВЕНЕЦИАНСКАЯ МАСКА

Роман

Перевод П. ПАВЛЕНКО

189

- С12** Собрание сочинений. Том третий. Любовь и оружие. Роман (пер. В. Вебера). Венецианская маска. Роман (пер. П. Павленко). Редактор-составитель Н. Малиничева.— АО «Прибой» — редакция журнала «Вокруг света». М., 1992.— 480 с. (Библиотека «Вокруг света»).

ISBN 5-87260-003-8

В третий том собрания сочинений Р. Сабатини вошли романы «Любовь и оружие» и «Венецианская маска». Действие их происходит в разное время, но в одной и той же стране — Италии, раздробленной в те времена на множество мелких государств.

Читатель найдет здесь все атрибуты классического приключенческого романа — поединки, путешествия, интриги, предательство, борьбу за власть и, конечно, романтическую любовь. Любовная интрига в обоих романах сходна — героини принуждают выйти замуж за ненавистных им людей из высших политических соображений, но в конце концов, после многих перипетий, как и положено по законам жанра, торжествует истинное чувство.

В основу обоих романов положен подлинный исторический материал, которым хорошо владеет автор. Но это художественное произведение, и наряду с реальными историческими лицами сюжет определяют и вымышленные герои.

ИБ № 18

Сабатини Рафаэль
ЛЮБОВЬ И ОРУЖИЕ
ВЕНЕЦИАНСКАЯ МАСКА

Редактор-составитель
Н. М а л и н и ч е в а
Художник
Н. М а н и к а л о
Технический редактор
О. Б о й к о
Корректоры
В. А в д е е в а
Т. К о н т и е в с к а я
Е. Д м и т р и е в а

В оформлении тома использованы произведения западноевропейских
и русских художников.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ РАФАЭЛЯ САБАТИНИ
В десяти томах

В собрании сочинений включены лучшие романы и повести английского писателя, большинство которых на русский язык переводятся впервые.

Том первый
КОЛУМБ
БУКАНЬЕР ЕГО ВЕЛИЧЕ-
СТВА
(ЧЕРНЫЙ ЛЕБЕДЬ)

Том второй
ФАВОРИТ КОРОЛЯ
МОРСКОЙ ЯСТРЕБ

Том третий
ВЕНЕЦИАНСКАЯ МАСКА
ЛЮБОВЬ И ОРУЖИЕ

Том четвертый
БОЖЬИ ПСЫ
МЕЧ ИСЛАМА

Том пятый
ЖИЗНЬ ЧЕЗАРЕ БОРДЖА
СУД ГЕРЦОГА

Том шестой
ТОРКВЕМАДА

Том седьмой
СКАРАМУШ
БАРДЕЛИС ВЕЛИКОЛЕП-
НЫЙ

Том восьмой
ЗАПАДНЯ
КАРОЛИНЕЦ

Том девятый
КАПРИЗЫ КЛИО

Том десятый
ОДИССЕЯ КАПИТАНА
БЛАДА
ХРОНИКА КАПИТАНА
БЛАДА

**ВНИМАНИЮ КНИГОТОРГУЮЩИХ
ОРГАНИЗАЦИЙ,
ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ
И ЧАСТНЫХ ЛИЦ!**

**В издательстве
АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО «ПРИБОЙ»
в 1-м полугодии 1993 года выходят из печати:**

**— Анри Шарьер
«ПАПИЙОН. ВА-БАНК ИЛИ
НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПАПИЙОНА»
формат 70×100/16, твердый переплет, целлофанированная**

**— Генри Райдер Хаггард
«ПРИНЦЕССА БААЛЬБЕКА.
ЖЕМЧУЖИНА ВОСТОКА»
формат 84×108/32, твердый переплет, целлофанированная**

**— Е. Молоховец
«ПОДАРОК МОЛОДЫМ ХОЗЯЙКАМ или Средство
к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве»
формат 70×100/16, твердый переплет, бумвинил
(переиздание книги 1901 года в современной редакции)**

**— «НАСТОЛЬНАЯ КНИГА
РУССКОГО ЗЕМЛЕДЕЛЬЦА»
формат 70×100/16, твердый переплет, бумвинил
(переиздание книги 1912 года в современной редакции)**

**Широкий выбор приключенческой, детективной
и другой литературы**

**Наш адрес: 103001, Москва, Трехпрудный переулок, дом 9.
Телефон для справок: 299-42-03.**

Сдано в набор 10.09.92. Подписано в печать 18.05.93. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 25,2. Уч.-изд. л. 27,0. Тираж 150 000 экз.
Заказ 1092.

Москва. Акционерное общество «Прибой». Журнал «Вокруг света».

Диапозитивы изготовлены в ордена Трудового Красного Знамени ГП «Техническая книга»
Мининформпечати РФ. 198052, г. Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29

